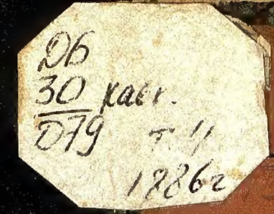


ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

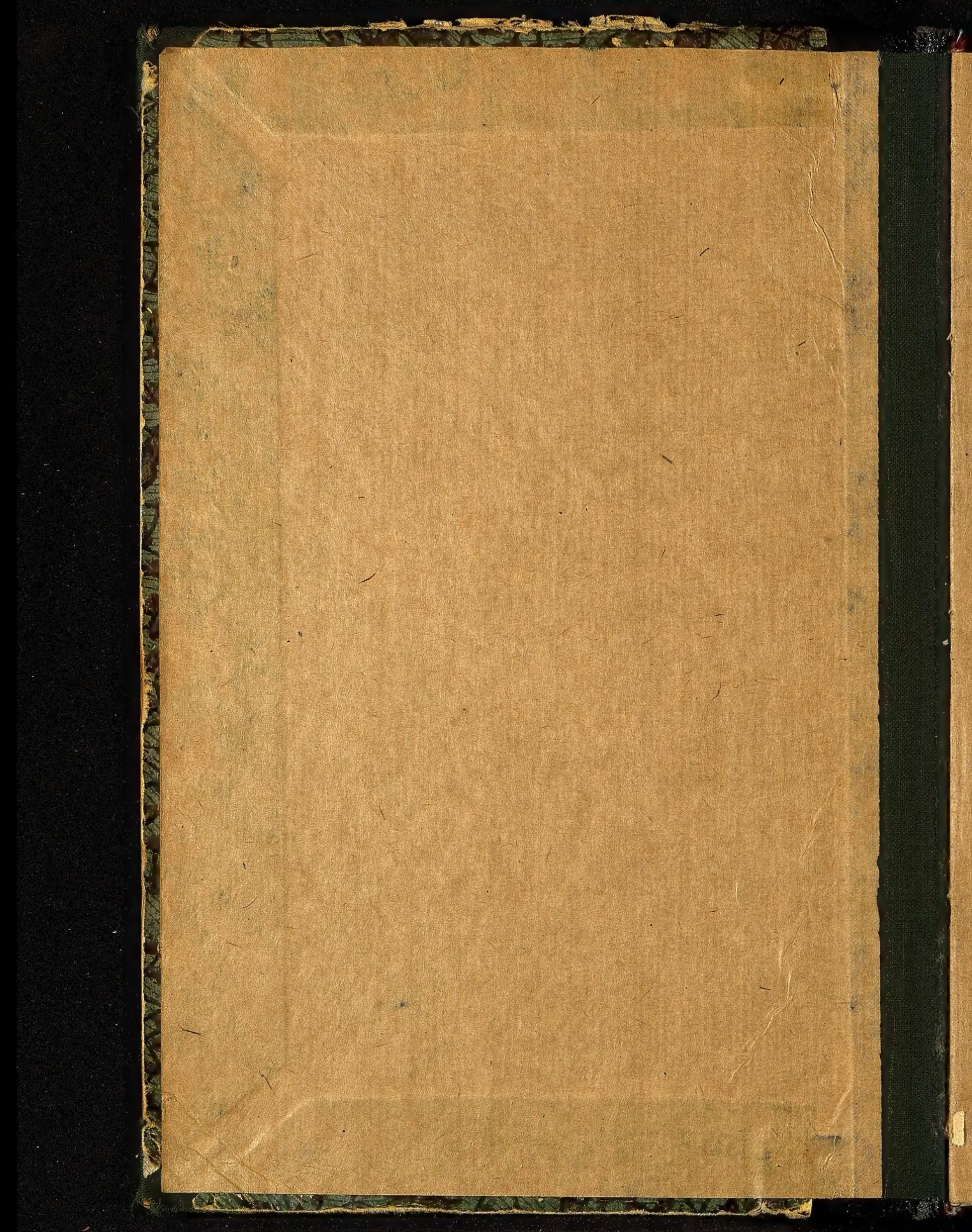
И

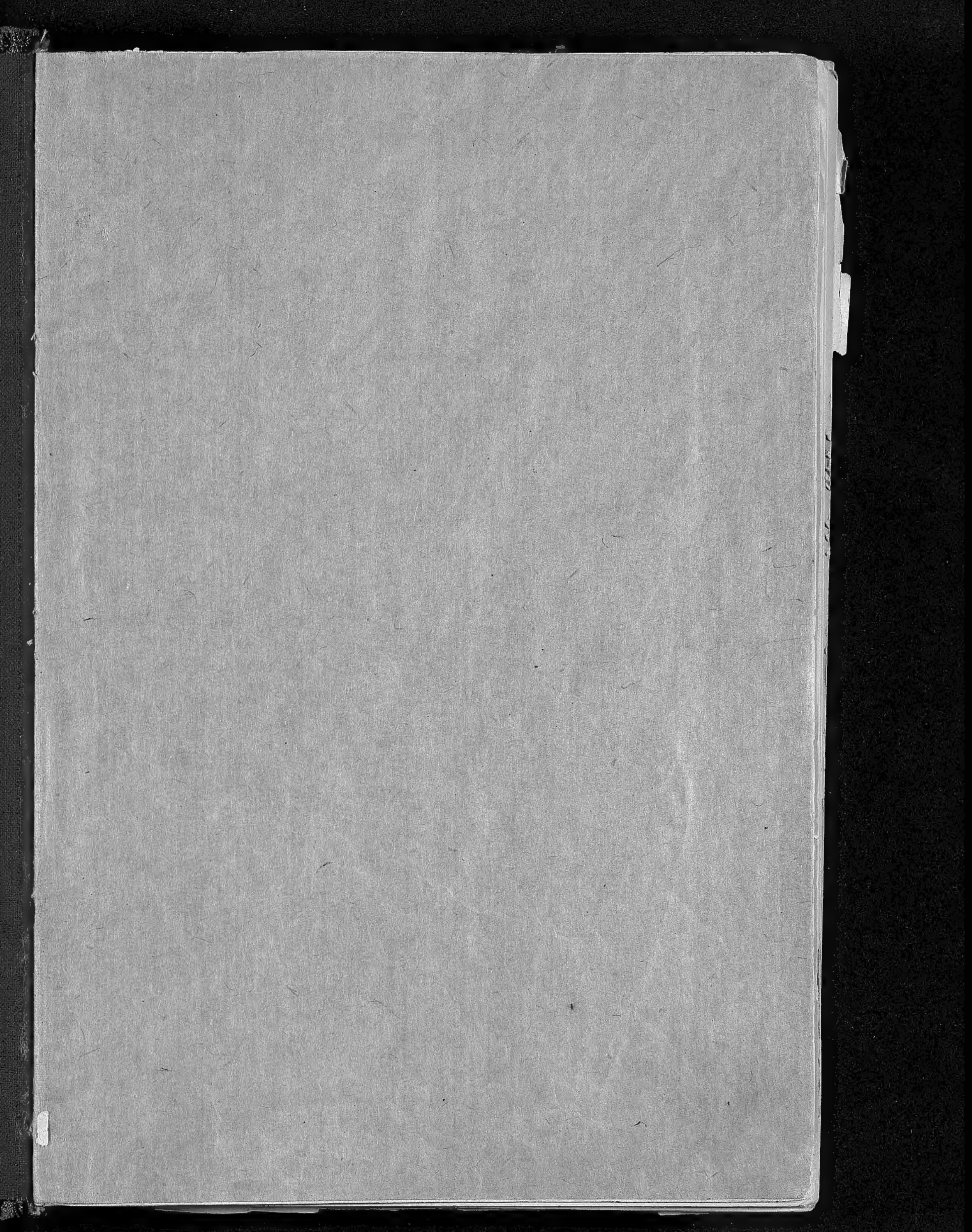
ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. № 39).
1886.





ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

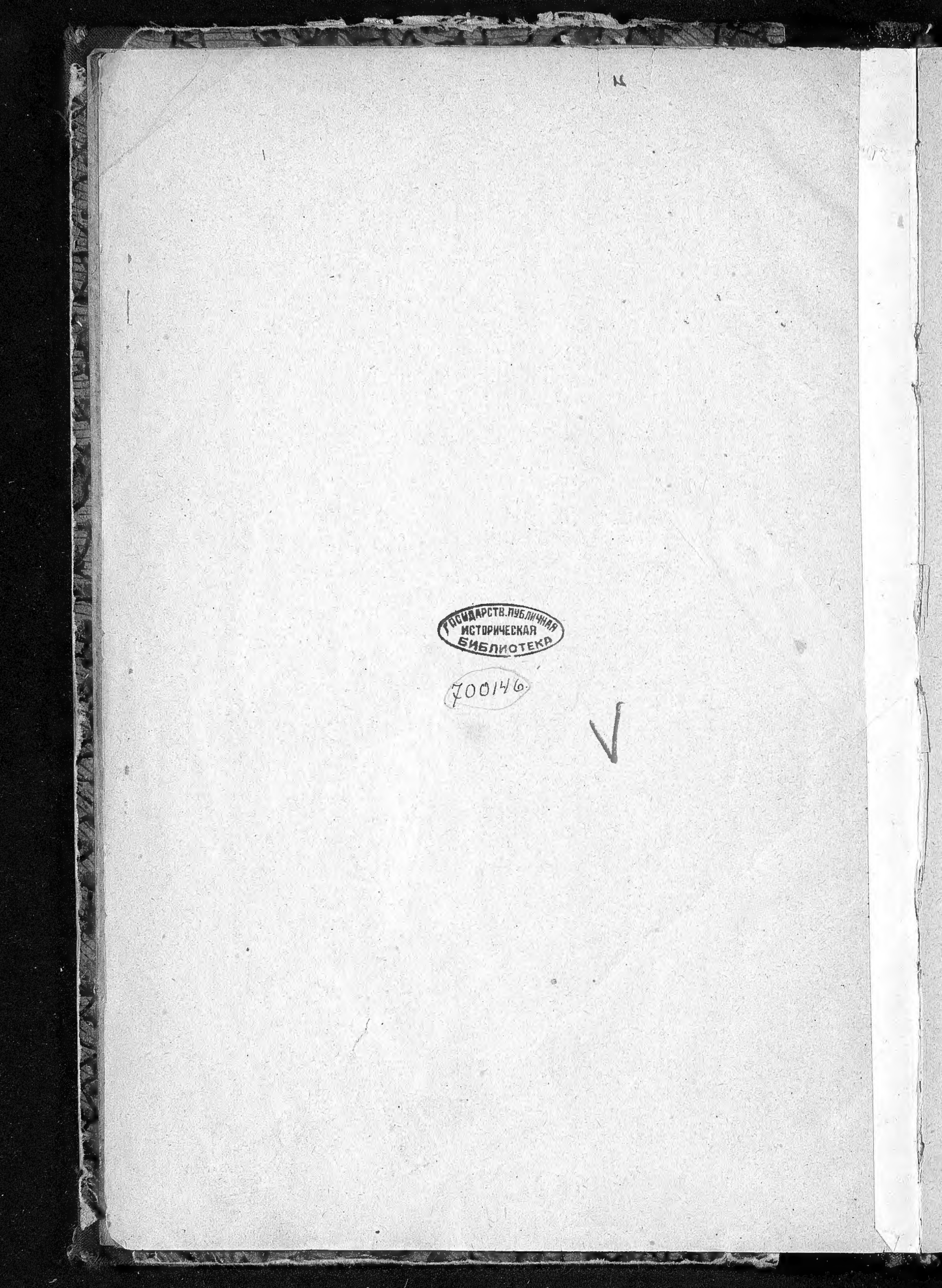
и

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. № 39).
1886.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Назначеніе князя Циціанова главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ. — Его прошлое. — Инструкціи, данныя князю Циціанову. — Административное дѣленіе подчиненнаго ему края. — Состояніе калмыковъ. — Мѣры къ улучшенію ихъ быта. — Кабардинцы.

Происходившіе въ Грузіи безпорядки заставили Императора Александра I обратить на нихъ вниманіе и поставить во главѣ тамошняго управленія такого человѣка, который бы, отличаясь административными достоинствами, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединялъ въ себѣ знаніе быта туземнаго населенія. Такимъ лицомъ являлся князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ.

По своему происхожденію князь П. Д. Циціановъ принадлежалъ къ одной изъ наиболѣе извѣстныхъ грузинскихъ фамилій и былъ родственникомъ супруги послѣдняго царя Грузіи Георгія XII [1]). Съ назначеніемъ Павла Дмитріевича, Грузія могла ожидать для себя самыхъ благихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что онъ былъ тогда извѣстенъ и въ Россіи, какъ одинъ изъ лучшихъ ея дѣятелей.

Князья Циціановы были нѣкогда владѣтелями въ Карталиніи, и родъ ихъ, считающій свое начало съ XIV вѣка, нерѣдко соединялся брачными узами съ царскимъ грузинскимъ домомъ. Одинъ изъ князей Циціановыхъ, князь Паата (Павелъ Захарьевичъ), дѣдъ князя Павла Дмитріевича, выѣхалъ въ Россію въ царствованіе Императора Петра I, а при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ вступилъ въ русскую службу въ Грузинскій гусарскій полкъ капитаномъ.

[1]) Царь Георгій XII былъ женатъ на княжнѣ Циціановой Маріи.

Князь Павелъ Дмитріевичъ родился въ Москвѣ 8-го сентября 1754 года [1]. Еще ребенкомъ, семи лѣтъ, записанъ онъ въ службу лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, и 1-го января 1772 г. произведенъ въ прапорщики въ тотъ же полкъ. Талантливость и способности свои князь Цицiановъ выказалъ съ раннихъ . Будучи тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, подъ руководствомъ своего отца, онъ перевелъ небольшую книгу «Полевой инженеръ», изданную въ 1775 году. Молодые годы онъ проводилъ въ занятіяхъ переводами и въ изученіи военныхъ писателей. Князь Павелъ Дмитріевичъ писалъ порядочные стихи и перевелъ, между прочимъ, съ французскаго на русскій языкъ твореніе Фоларда.

По собственному своему желанію онъ оставилъ Преображенскій полкъ и перешелъ сначала въ Тобольскій пѣхотный, а впослѣдствіи, съ производствомъ въ полковники (12-го февраля 1786 года), назначенъ командиромъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, съ которымъ и былъ въ первомъ огнѣ, въ арміи графа Румянцева, въ 1788 году.

Съ этого времени начинается боевая дѣятельность князя Цицiанова. Онъ участвуетъ въ сраженіяхъ съ турками при рѣкѣ Салчѣ и при взятіи крѣпости Бендеръ. Отсюда онъ отправленъ былъ съ своимъ полкомъ въ Польшу, гдѣ ему поручено было сформировать гренадерскій полкъ (нынѣ Гренадерскій короля Фридриха Вильгельма III), съ которымъ онъ пришелъ въ Гродно въ 1793 году.

Сентября 2-го того же года князь Цицiановъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, по общему росписанію генераловъ, долженъ былъ ѣхать на кавказскую линію, но императрица оставила *«своего генерала»*, какъ называла она Цицiанова, при С.-Петербургскомъ полку. Возмущеніе въ Польшѣ дало князю Цицiанову средства выказать свои блестящія военныя дарованія. Съ небольшимъ отрядомъ онъ двинулся къ Гродно, наказалъ жителей за намѣреніе ихъ возмутиться, взялъ съ нихъ 100,000 руб. контрибуціи, не пропустилъ въ городъ непріятельскихъ партій и своими распоряженіями спасъ нашъ

---

[1]) Жизнь князя Цицiанова. Москва, 1823 г. Подвиги русск. воин. въ странахъ Кавказскихъ, Зубова. Формулярный списокъ князя Цицiанова. Записки Тучкова (рукопись). Воен. учен. Арх. Главн. Штаба.

отрядъ, вышедшій изъ Вильны. Вслѣдъ затѣмъ прогналъ Сапѣгу изъ Слонима и явился на приступъ Вильны [1]).

Въ августѣ того же года, князь Павелъ Дмитріевичъ съ однимъ баталіономъ пѣхоты настигъ скопище мятежниковъ подъ начальствомъ Грабовскаго, разбилъ ихъ и самого Грабовскаго взялъ въ плѣнъ.

Всѣми этими дѣйствіями князь Ціціановъ составилъ себѣ громкое имя. Императрица Екатерина II пожаловала ему орденъ св. Владиміра 2-й степени и шесть тысячъ рублей [2]), а Суворовъ, въ одномъ изъ приказовъ, просилъ своихъ подчиненныхъ сражаться столь же рѣшительно, какъ храбрый генералъ князь Ціціановъ.

Въ 1796 году, по выбору самой императрицы, князь Павелъ Дмитріевичъ участвовалъ въ персидской кампаніи подъ начальствомъ графа В. А. Зубова. Познакомившись на мѣстѣ съ бы-

---

[1]) Записки Л. Н. Энгельгардта, изд. 1867 года, стр. 164.

[2]) «Отдавая справедливость, писала императрица 18-го мая 1794 года князю Н. В. Репнину, съ одной стороны благоразумнымъ распоряженіямъ генерала-маіора князя Ціціанова, который не только отвратилъ измѣнническій умыслъ враговъ и сохранилъ безвредно часть войскъ ему порученную; но и прочимъ деташементамъ въ Литвѣ бывшимъ преподалъ способъ соединиться съ нимъ, и потомъ наказалъ городъ Гродно контрибуціею, а съ другой, храбрымъ и мужественнымъ поступкамъ Нарвскаго пѣхотнаго полку преміеръ-маіора Раутенштерна и артилеріи капитана Тучкова, спасшихъ изъ Вильны, при бывшемъ тамъ мятежѣ, двѣ тысячи триста тринадцать человѣкъ нашего войска и восемь орудій полевой, да пять полковой артилеріи, а потомъ въ цѣлости ихъ доведшихъ подъ начальство помянутаго генерала-маіора князя Ціціанова, пожаловали мы первому большой крестъ ордена нашего святаго Владиміра второй степени, а послѣднихъ двухъ кавалерами военнаго ордена св. Георгія четвертаго класса, коего знаки для доставленія имъ при особыхъ къ нимъ грамотахъ препровождаемъ къ вамъ. А сверхъ того повелѣваемъ: *первое*, изъ числа взятой въ Гроднѣ контрибуціи дать генералу-маіору князю Ціціанову шесть тысячъ рублей въ награжденіе ему отъ насъ пожалованные. *Второе*, изъ той же суммы удовлетворить всѣ роты, которыя при внезапномъ на нихъ злодѣйскомъ нападеніи какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Вильнѣ потеряли артельныя повозки и деньги, истребовавъ о числѣ оныхъ вѣрныя свѣдѣнія. И наконецъ, *третіе*, по таковомъ же собраніи достовѣрнѣйшихъ увѣдомленій о потерѣ, какую понесли штабъ и оберъ-офицеры при войскахъ нашихъ, въ тѣхъ же мѣстахъ бывшихъ, и которая должна замѣнена быть на щетъ самихъ измѣнниковъ, выдать всѣмъ тѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ на заведеніе потерянныхъ ими экипажей, по собственному вашему усмотрѣнію, соразмѣрно убытку каждымъ понесенному, нѣкоторое число денегъ, донеся намъ въ свое время объ ономъ. Остальную же затѣмъ сумму изъ гроденской контрибуціи взять въ ваше распоряженіе».

*

томъ азіятскихъ народовъ и ихъ характеромъ, князь Циціановъ возвратился въ Россію какъ бы подготовленный для предстоявшей ему впослѣдствіи новой дѣятельности.

Въ томъ же 1796 году онъ назначенъ былъ шефомъ Суздальскаго мушкетерскаго полка, а въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку, въ которой и оставался до мая 1801 года.

Императоръ Александръ I снова принялъ его на службу, въ канцелярію государственнаго совѣта экспедиторомъ по военной части, и произвелъ въ генералъ-лейтенанты.

Таково было служебное поприще князя Циціанова, заявившаго себя человѣкомъ съ блестящими военными дарованіями, о личныхъ достоинствахъ котораго мы приводимъ подлинныя слова одного изъ его современниковъ и сослуживцевъ.

«Циціановъ,—пишетъ Тучковъ,—получилъ порядочное образованіе и былъ одаренъ умомъ отъ природы. По службѣ военной имѣлъ опытность, былъ честенъ и хотѣлъ иногда быть справедливымъ, но часто желаніе это было тщетнымъ. Притомъ былъ вспыльчивъ, самолюбивъ, гордъ, упрямъ и дерзокъ. Не любилъ принимать ни отъ кого совѣтовъ; мало было изъ подчиненныхъ, которые пользовались бы его хорошимъ мнѣніемъ». Онъ любилъ подсмѣяться, съострить на чужой счетъ, и это свойство характера было причиною многихъ непріятностей для него въ молодости.

Человѣкъ энергичный и дѣятельный, князь Циціановъ не любилъ соперниковъ и вообще такихъ лицъ, которыя могли стать ему поперекъ дороги. Онъ цѣнилъ людей только за гробомъ и открыто сожалѣлъ, напримѣръ, о генералѣ Гуляковѣ только тогда, когда тотъ былъ убитъ. Пока жилъ Гуляковъ, князь Циціановъ многое приписывалъ себѣ и достигъ того, что получилъ неограниченную власть и силу. Императоръ Александръ предоставилъ ему право награждать подчиненныхъ орденами и распоряжаться по усмотрѣнію, не ожидая разрѣшеній изъ Петербурга [1]). Пребываніе въ Грузіи нѣкоторыхъ лицъ, командированныхъ министрами съ разными порученіями, не нравилось князю Циціанову. Еще до

---

[1]) Рескриптъ императора князю Циціанову и письмо ему же графа Кочубея отъ 1-го февраля 1803 года.

пріѣзда своего въ Тифлисъ онъ успѣлъ добиться того, что они были подчинены ему вполнѣ. Коллежскаго совѣтника Соколова приказано или оставить въ канцеляріи главнокомандующаго, или выслать изъ Грузіи. Графа Муссина-Пушкина разрѣшено, въ случаѣ вмѣшательства въ дѣла, привести «въ предѣлы возложеннаго на него порученія, единственно рудники грузинскіе имѣющаго» [1]).

Князь Циціановъ былъ строгъ съ своими подчиненными, отъ которыхъ требовалъ неутомимой дѣятельности и безусловнаго исполненія своихъ приказаній. Воспитанникъ и сподвижникъ Румянцева и Суворова, онъ имѣлъ особый взглядъ на службу и находилъ, что въ послѣдніе годы она измѣнилась во многомъ. Будучи уже командующимъ войсками на Кавказѣ и получивъ извѣстіе о назначеніи подъ его начальство графа Михаила Семеновича Воронцова [2]), князь Циціановъ благодарилъ его дядю за довѣріе, ему оказанное. «Впрочемъ, писалъ онъ графу А. Р. Воронцову [3]), по милостивому вашего сіятельства ко мнѣ расположенію, беру смѣлость откровенно донести, что нынѣшней службы научиться нельзя, да и пользы для молодаго офицера въ ней я не вижу. Она не походитъ на ту службу, въ которой батюшка графа Михаила Семеновича отличаться изволилъ, когда графъ Петръ Александровичъ службѣ давъ душу привилъ офицерамъ любовь къ славѣ, а не къ деньгамъ, когда не всякій лѣзъ съ рапортами къ *Государю* и не писалъ начальнику *«я отнесся къ Его Императорскому Величеству»*, считая по глупости своей, что онъ выходитъ изъ степени повиновенія оными сношеніями. Субординація, душа военной службы, нынѣ погребена, и начальникъ, требующій оной, кажется въ глазахъ дюжинныхъ генераловъ строгимъ и тираномъ; однимъ словомъ, отъ русской службы отстали, а къ прусской не пристали».

Князь Павелъ Дмитріевичъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ честный человѣкъ, которому, по его собственному выраженію, родители, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, вселили «правила безпристрастія и любленія истины» [4]).

[1]) Рескриптъ императора князю Циціанову отъ 30-го января 1803 г. Акты Кавк. Арх. Комис. Т. II, № 10.

[2]) Впослѣдствіи князь и намѣстникъ Кавказа.

[3]) Отъ 11-го октября 1803 г. А. М. И. Д. II, 23, 1803, № 2.

[4]) Акты. Кавк. Археогр. Комиссіи., т. II, № 2086.

— Я не *языка законовъ* ищу, говаривалъ онъ, а ихъ дѣйствія къ наказанію порочныхъ и къ оборонѣ невинныхъ, вотъ моего званія долгъ и вотъ стезя, отъ коей я не устранялся ни на часъ. *Не имена (т. е. названіе) истины и справедливости* меня водятъ въ моемъ поведеніи, но самая истина и справедливость—вотъ мое имущество и вотъ цѣль моихъ душевныхъ побужденій.

Такой взглядъ князя Циціанова на дѣла и службу извѣстенъ былъ и императору, признавшему его способнымъ уничтожить безпорядки и неустройство, вкоренившіеся въ Грузіи.

«По дошедшимъ ко мнѣ жалобамъ, писалъ императоръ князю Циціанову [1]), и неудовольствіямъ на управляющихъ въ Грузіи, генералъ-лейтенанта Кнорринга и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго, призналъ я нужнымъ, причисливъ перваго къ арміи и отозвавъ послѣдняго сюда для употребленія къ другимъ дѣламъ, возложить на васъ всѣ должности, съ званіемъ инспектора кавказской линіи, астраханскаго военнаго губернатора, управляющаго тамъ и гражданскою частію, и главноуправляющаго въ Грузіи соединенныя.

«Изъ сихъ обязанностей двѣ первыя имѣютъ уже свой установленный порядокъ. Ревность и усердіе ваше ручаются мнѣ, что вы удержите и сохраните его въ надлежащемъ положеніи.

«Но послѣдняя, бывъ сопряжена съ новымъ устроеніемъ края, принятаго Россіею въ особенное покровительство, должна привлечь на себя особенное ваше вниманіе, въ основаніе коего примите слѣдующія примѣчанія:

«1) Предѣлы власти, вамъ ввѣряемой, суть тѣ же самые, въ коихъ поставленъ былъ генералъ-лейтенантъ Кноррингъ.

«2) Въ наставленіи, данномъ ему при начальномъ устроеніи Грузіи, найдете вы не только подробныя правила о его управленіи, но изъясненіе главныхъ побужденій, руководствовавшихъ меня въ семъ дѣлѣ. Вы найдете въ нихъ, *что не расширеніе власти моей и не пріумноженіе собственныхъ пользъ Россіи я въ семъ искалъ, но единственно желалъ успокоить народъ, мя-*

[1]) Отъ 8-го сентября 1802 г. Акты. Кавк. Археогр. Комиссіи., т. II, № 1.

тежами внутренними и внѣшними обуреваемый, издавна Россіи преданный и древнею своею приверженностію особенное ея участіе заслуживішй. Вы найдете, что введеніе въ немъ настоящаго порядка дѣлъ не было шагомъ къ его завладѣнію, но слѣдствіемъ того разсужденія, что *удобнѣе для Россіи защищать край благоустроенный и постоянно управляемый,* нежели, по внезапнымъ только случаямъ и единственно на вопль усилившихся его бѣдствій, временно приходить на помощь ему и съ большими издержками доставлять ему внѣшнимъ дѣйствіемъ минутныя мѣры поправленія, всегда готовыя разрушиться, какъ скоро сила, ихъ поддерживающая, оставитъ ихъ. Я счелъ нужнымъ утвердить васъ въ сей главной мысли, дабы видѣли вы самое основаніе плана, на коемъ управленіе Грузіи должно быть поставлено.»

Руководясь такими правилами, князь Циціановъ долженъ былъ основать на нихъ свое поведеніе и дать почувствовать грузинскому народу, «что *ни отдаленность, ни трудность сношеній* не воспрепятствуютъ ему участвовать въ благости россійскаго управленія, и что *никогда не будетъ онъ имѣть причинъ раскаяваться, ввѣривъ судьбу свою Россіи.*»

При вступленіи въ управленіе краемъ, князю Циціанову прежде всего вмѣнялось въ обязанность изслѣдовать на мѣстѣ и удовлетворить жалобы грузинъ на предшествовавшее правленіе, а потомъ обратить особенное вниманіе на состояніе доходовъ въ Грузіи и приведеніе въ извѣстность удѣловъ, принадлежавшихъ членамъ царскаго дома.

«При установленіи въ семъ краѣ настоящаго образа правленія, сказано въ рескриптѣ Императора Александра, я имѣлъ личное отъ генералъ-лейтенанта Кнорринга удостовѣреніе, что Грузія собственными своими доходами содержать себя можетъ. Но доселѣ о количествѣ доходовъ сихъ ничего отъ него не доставлено, а между тѣмъ издержки по разнымъ предметамъ, день отъ дня умножаясь, возрасли уже до весьма нарочитой суммы, и хотя устроеніе сего народа сдѣлалось предметомъ общаго попеченія правительства, но я никакъ не желалъ бы, чтобъ тяжесть управленія его пала единственно на Россію. Съ другой стороны, нѣкоторые члены цар-

скаго дома приносятъ жалобы, что они оставлены безъ приличныхъ имъ способовъ содержанія, опредѣлить же сіи способы, доколѣ не будутъ извѣстны удѣлы ихъ владѣній, нѣтъ возможности.»

Безпрестанныя жалобы членовъ царскаго дома на отнятіе у нихъ средствъ къ существованію, а главное вмѣшательство ихъ во внутреннія дѣла страны и интриги, клонившіяся къ возстановленію прежняго правленія, заставили императора принять мѣры къ вызову въ Россію всѣхъ членовъ царскаго дома. Это было тѣмъ необходимѣе, что старанія царицы Дарьи о возведеніи на престолъ царевича Юлона были тогда въ полномъ развитіи, и большинство членовъ царскаго дома были съ нею въ согласіи. Кноррингъ почти еженедѣльно доносилъ, что по подстреканіямъ царицы Дарьи смежные владѣльцы готовы вторгнуться въ Грузію и что Баба-ханъ, объявивши царевича Юлона царемъ грузинскимъ, отрядилъ уже войска для утвержденія его на престолѣ. Хотя находившихся въ Грузіи русскихъ войскъ и было достаточно для того, чтобы покушенія враговъ не имѣли важныхъ послѣдствій, но ихъ было недостаточно для защиты всей границы и обезпеченія пограничныхъ селеній отъ разореній, неизбѣжныхъ при вторженіи непріятеля и тѣмъ болѣе такого, которому были чужды правила войны, усвоенныя европейскими народами. Слѣдовательно, предупредить такое вторженіе и уничтожить интриги, какъ источникъ всѣхъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Грузіи, дѣлалось настоятельно необходимымъ. Еще при вступленіи Грузіи въ подданство Россіи правительство предвидѣло, что возстановленіе спокойствія въ странѣ возможно только при совершенномъ удаленіи всѣхъ членовъ царскаго дома, и потому тогда же было рѣшено вызвать ихъ въ Россію. «Но, писалъ Императоръ Александръ, перемѣнчивость въ началахъ главноуправлявшаго, который то о пользахъ ихъ ходатайствовалъ, то приносилъ на нихъ жалобы, а можетъ быть и недостатокъ извѣстной твердости, доселѣ рѣшеніе сіе оставляли неисполненнымъ. Между тѣмъ вы сами познаете, сколь сіе нужно и потому между первѣйшими обязанностями вашими поставите принять всѣ мѣры убѣжденія, настоянія и наконецъ самаго понужденія къ вызову сихъ неспокойныхъ царевичей, а особливо царицы Даріи въ Россію. Мѣру сію считаю я главною, къ успокоенію народа, при видѣ ихъ

замысловъ и движеній, неперестающаго колебаться въ установленномъ для счастья ихъ порядкѣ.»

Тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ прибѣгать къ силѣ, императоръ поручилъ главнокомандующему употребить всѣ усилія къ тому, чтобы склонить къ добровольному выѣзду въ Россію царевичей и царевенъ, какъ жившихъ въ Грузіи, такъ и ушедшихъ въ Имеретію. Относительно послѣднихъ, князь Цицiановъ, по прибытіи въ Тифлисъ, долженъ былъ отправить посланнаго къ имеретинскому царю Соломону и стараться склонить его, даже при помощи денегъ, выдать царевичей. Для бóльшаго успѣха, императоръ самъ писалъ письма какъ Соломону, такъ царицамъ Дарьѣ и Маріи.

«Изъ обнародованнаго въ Грузіи манифеста, писалъ Александръ I царицамъ [1]), вамъ, конечно, извѣстны тѣ распоряженія, коими я былъ подвигнутъ на ограждeніе Грузіи отъ бѣдствій, ее постигшихъ, установленіемъ въ ней прочнаго правительства и порядка.

«Продолжая то же самое о сей единовѣрной странѣ промышленіе, съ удовольствіемъ я видѣлъ, что первыя начала благоустройства, въ ней положенныя, воспріяли уже свое дѣйствіе.

«Споспѣшествуя ихъ распространенію и между тѣмъ изъ всѣхъ доходящихъ до свѣдѣнія моего обстоятельствъ усматриваю, что остатки безпокойныхъ мыслей въ народѣ, поджигаемыя иновѣрными сосѣдями, кои силятся различными внушеніями и слухами разстроить первыя основанія учреждаемаго въ семъ краю порядка и даже поколебать ту довѣренность, каковую къ вамъ и всѣмъ членамъ царскаго дома имѣю. Въ отвращеніе тѣхъ безпокойствъ, какія слухи сіи вамъ лично нанести могутъ, такъ какъ и къ совершенному ихъ пресѣченію, нашелъ я нужнымъ предложить вамъ предпріять на время, со всѣмъ вашимъ семействомъ, путь въ Россію, доколѣ преднамѣреваемое къ счастію сей страны распоряженіе совершенно въ ней утвердится и когда вамъ можно будетъ возвратиться въ отечество ваше съ совершеннымъ для васъ самихъ спокойствіемъ и безопасностію.

[1]) Въ рескриптахъ отъ 3-го октября 1802 г., за №№ 16 и 17. Арх. Минист. Внутр. Дѣлъ, департ. общихъ дѣлъ, ч. VII.

«Предполагая, что назначеніе таковое найдете вы и сами столь же для васъ полезнымъ и необходимымъ, какъ и твердо мною рѣшеннымъ—я считаю для себя пріятнымъ въ то же время васъ увѣдомить, что для спокойнаго и выгоднаго путешествія вашего въ Россію всѣ нужныя и приличныя достоинству вашему распоряженія повелѣлъ уже я устроить главноуправляющему въ Грузіи генералъ-лейтенанту князю Циціанову.»

Почти такого же содержанія были написаны графомъ Кочубеемъ письма царевичамъ Юлону, Вахтангу, Александру Парнаозу и Давиду [1]). Вызывая ихъ въ Россію, правительство имѣло главнѣйшею цѣлью уничтожить интриги и, пользуясь отсутствіемъ лицъ царскаго семейства, привести въ систему и ясность запутанныя дѣла Грузіи, а затѣмъ кроткимъ, справедливымъ, но притомъ и весьма твердымъ поведеніемъ главноуправляющаго въ томъ краѣ, стараться пріобрѣсти довѣренность не только Грузіи, но и сосѣдственныхъ владѣній. Императоръ Александръ I выражалъ увѣренность, что тамъ, гдѣ привыкли видѣть «*только лютость власти персидской,* всякіе поступки сильной державы, основанные на правосудіи и твердости, почтутся, такъ сказать, сверхъестественными и пріобрѣсти неминуемо должны ихъ къ ней приверженность [2]).»

Междоусобія въ Персіи, постоянно продолжавшіяся, хотя съ усиленіемъ власти Баба-хана и казались утихшими, но спокойствіе это не могло считаться ни твердымъ, ни продолжительнымъ. Баба-ханъ имѣлъ многихъ противниковъ въ самой Персіи, много такихъ лицъ, которыя готовы были отклониться отъ его зависимости и подданства. Составивши связи съ такими владѣльцами и подкрѣпляя ихъ, мы могли значительно ослабить Баба-хана и отдалить его виды на Грузію. Князю Циціанову поручено было обратить вниманіе на внѣшнія сношенія предмѣстника его съ владѣльцами персидскихъ провинцій, поддерживать дружественныя отношенія съ лицами намъ преданными, и вновь войти въ сношеніе съ тѣми ханами, которые будутъ склоняться на сторону Россіи.

---

[1]) Письма графа Кочубея царевичамъ отъ 3-го октября 1802 г. Арх. Минист. Внутрен. Дѣлъ, департам. общихъ дѣлъ, ч. VII.

[2]) Рескриптъ князю Циціанову отъ 26-го сентября 1802 г. Акты. Кавк. Археогр. Комиссіи, т. II, № 5.

Мирныя отношенія наши съ Турціей, казалось, обезпечивали князя Циціанова отъ непріязненныхъ столкновеній съ этою державою. Хотя со стороны паши Ахалцыхскаго и можно было ожидать безпокойствъ, но не потому, чтобы онъ имѣлъ какое либо приказаніе Порты, но по собственному своему корыстолюбію и склонности къ грабежу и хищничеству. Напротивъ, по требованію нашего министерства, Порта неоднократно посылала ему строжайшія приказанія не держать у себя лезгинъ и прекратить вторженіе въ русскіе предѣлы, но паша Ахалцыхскій, уважая весьма мало власть султана, не обращалъ на присланные указы никакого вниманія. Князю Циціанову разрѣшено было преслѣдовать лезгинъ въ предѣлахъ ахалцыхскихъ, но съ тѣмъ, чтобы каждый разъ сообщать о томъ нашему посланнику въ Константинополѣ.

«Что же касается, писалъ императоръ князю Циціанову [1]), до другихъ провинцій турецкихъ, къ Персіи прилегшихъ, то мало или совсѣмъ не имѣютъ они никакихъ съ Грузіею сношеній, и по всѣмъ свѣдѣніямъ Порта кажется весьма мало занимается дѣлами персидскими и нашими въ Грузіи оборотами; но не изъ числа вещей невозможныхъ, что нынѣ министерство турецкое происками правительства французскаго болѣе займется дѣлами сими.»

Оставаясь по наружному виду покойнымъ и поддерживая союзныя отношенія съ Россіей, турецкое правительство могло тайными путями интриговать среди магометанскаго населенія, прилегавшаго къ Кавказской линіи, съ цѣлью возстановить ихъ противъ нашего правительства и имѣть постояннаго союзника, на случай непріязненныхъ дѣйствій съ Россіею. По этому князю Циціанову вмѣнялось въ обязанность изслѣдовать съ особеннымъ вниманіемъ всѣ обстоятельства, какъ относительно сношеній нашихъ съ племенами независимыми, такъ и относительно управленія народовъ, находившихся въ зависимости Россіи. Если горскимъ народамъ свойственно было производить безпрерывные грабежи и хищничества, то съ другой стороны, по дошедшимъ до Петербурга достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, нельзя было оправдать и поступковъ съ ними какъ русскихъ чиновниковъ, такъ и самихъ жителей, позволявшихъ себѣ

[1]) Въ рескриптѣ отъ 26-го сентября 1802 года.

нерѣдко отгонять скотъ и дѣлать горцамъ разнаго рода притѣсненія. Желая доставить главноуправляющему всѣ средства къ уничтоженію вкоренившихся злоупотребленій, императоръ призналъ необходимымъ подчинить ему всѣ мѣста и лица, входившія въ составъ управленій ввѣренныхъ ему областей и губерній. Указомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 17-го октября 1802 года, всѣ находившіеся въ ея вѣдѣніи пристава при разныхъ кочующихъ народахъ подчинены были князю Циціанову. Вслѣдъ затѣмъ, въ ноябрѣ 1802 г., послѣдовалъ указъ о раздѣленіи Астраханской губерніи, состоявшей изъ девяти уѣздовъ, на двѣ губерніи: Астраханскую и Кавказскую. Въ составъ первой вошли четыре уѣзда: Астраханскій, Енотаевскій, Красноярскій и Черноярскій. Кавказская же губернія составлена изъ пяти уѣздовъ: Кизлярскаго, Моздокскаго, Георгіевскаго, Александровскаго и Ставропольскаго. Главный военный и гражданскій начальникъ обѣихъ сихъ губерній былъ инспекторъ Кавказской линіи и управляющій въ Грузіи. Постояннымъ мѣстопребываніемъ его назначенъ городъ Георгіевскъ, избранный губернскимъ городомъ Кавказской губерніи. Въ помощь главноуправляющему въ каждой губерніи были назначены гражданскіе губернаторы, но могли быть и военные, управляющіе гражданскою частью.

Получивши высочайшее повелѣніе объ отправленіи на усиленіе войскъ кавказской инспекціи двухъ полковъ, Саратовскаго мушкетерскаго и 9-го егерскаго, князь Циціановъ отправился къ мѣсту своего назначенія.

Подвигаясь къ Георгіевску и всматриваясь въ состояніе ввѣреннаго ему края, князь Павелъ Дмитріевичъ видѣлъ, что наибольшее его вниманіе должно быть обращено на Грузію и ея сосѣдей.

Будучи окружена буквально со всѣхъ сторонъ недоброжелателями и даже отдѣлена отъ Россіи, къ границамъ которой она не примыкала непосредственно, Грузія, конечно, по своему положенію, уже нуждалась въ миролюбивыхъ сношеніяхъ съ своими сосѣдями. Всякое уклоненіе отъ этого влекло прямое вторженіе внутрь страны различныхъ азіятскихъ народовъ, склонныхъ къ хищничеству и грабительствамъ и ждущихъ только къ тому удобнаго случая и перваго предлога. Всѣ эти причины заставляли наше

правительство, до извѣстной степени, стараться о сохраненіи дружественныхъ отношеній съ тамошними народами.

Находясь почти въ постоянной ссорѣ другъ съ другомъ, многіе горскіе ханы и владѣльцы нѣсколько разъ обращались къ Россіи и просили ея покровительства, а нѣкоторые и подданства. Но всѣ эти исканія и заключаемыя съ ними условія имѣли силу только до перваго случая, представлявшаго имъ наиболѣе выгоды; тогда они уклонялись отъ покровительства Россіи, становились во враждебныя къ ней отношенія, а черезъ нѣсколько дней опять искали ея подданства. Поступая такъ относительно Россіи, ханы и владѣльцы точно такъ же вели дѣла и между собою. Тѣ, которые сегодня были въ открытой враждѣ между собою, завтра дѣлались друзьями и враждовали со вчерашнимъ союзникомъ...

Не входя въ подробности поступковъ и дѣйствій горскихъ хановъ и владѣльцевъ, мы ограничимся знакомствомъ съ ними и ихъ интересами изъ донесенія самого князя Циціанова къ канцлеру:

«Шихъ-Али-ханъ Дербентскій и Кубинскій, писалъ онъ, высокомѣренъ, надменен, предпріимчивъ, властолюбивъ, интригантъ, довольно храбръ, славолюбивъ и всѣмъ пожертвуетъ для сего послѣдняго свойства, устремляя всѣ старанія и направляя всѣ пружины къ большимъ пріобрѣтеніямъ; при всемъ томъ, роскошенъ и сластолюбивъ. Цѣль его — поставить въ Ширвани ханомъ Касима, съ тѣмъ, чтобы, слабостію его воспользовавшись, имѣть вліяніе на его владѣніе, посредствомъ его, такъ какъ бакинскій всегда былъ данникомъ ширванскаго, нынѣ владѣющаго Бакою, хана свергнуть и поставить ему угоднаго; также по слабости Касима отнять у него Сальянъ, яко владѣемой предъ симъ Шихъ-Алихановымъ отцомъ, Фетъ-Али-ханомъ, а нынѣ отъ кубинскаго владѣнія отдѣленный и присвоенный Мустафою-ханомъ ширванскимъ. Связи его искреннія съ Шамхаломъ-Тарковскимъ, потому что сей простъ, не можетъ ни препятствовать его предпріятіямъ, ни сильно помогать, по мѣстному его отдаленію отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Шихъ-Али-ханъ долженъ по плану своему вести войну. Сверхъ того, связь его основана на родствѣ, потому что за Мегдіемъ Шахмаломъ-Тарковскимъ его родная сестра.»

«Связи его не искреннія съ Сурхай-ханомъ казыкумыхскимъ

(здѣсь больше извѣстнымъ подъ именемъ Хамбутая), нынѣ возстановленнымъ, потому что Сурхай-ханъ есть одинъ изъ храбрѣйшихъ и сильнѣйшихъ владѣльцевъ лезгинскихъ въ Дагестанѣ, и они, ревнуя взаимно одинъ другаго силѣ и могуществу, никогда не могутъ имѣть между собою искренней связи.

«По свойствамъ же того Шихъ-Али-хана, по дѣятельности его и интригамъ, полезнѣе для Россіи унижать и ослабѣвать его, давая знаки покровительства, имѣющему претензіи на Дербентъ, агѣ Али-Беку, или, буде можно, подъ видомъ помощи, ввести гарнизонъ въ Дербентъ, а со временемъ и отдалить его Шихъ-Али-хана, возстановя слабѣйшаго и не столь предпріимчиваго агу Али-Бека. Сей же, имѣя необходимую нужду въ подпорѣ Россіи, можетъ быть полезнѣе видамъ ея.

«Гусейнъ-ханъ бакинскій: какъ человѣкъ, онъ болѣе слабъ, легковѣренъ, удобно водимъ чиновниками своими, скорѣе трусъ, нежели храбръ и недальновиденъ, удаленъ отъ предпріимчивости и вялъ въ дѣлахъ своихъ.

«Связи его съ Мустафою-ханомъ шемахинскимъ основаны на личной и необходимой выгодѣ. Не имѣя никакой собственности, кромѣ города Баку, подпора бакинскому отъ ширванскаго хана столько нужна, сколько человѣку пища. Къ тому же нѣкогда бакинскіе (ханы) были данниками ширванскихъ.

«Польза Россіи сохранить его въ достоинствѣ хана только тогда можетъ быть дѣйствительна, когда будетъ введенъ въ Баку нашъ гарнизонъ, безъ чего онъ не можетъ служить видамъ Россіи, будучи такъ слабъ, что и помышлять о сопротивленіи другимъ ханамъ не смѣетъ, слѣдовательно и къ пониженію ихъ силы и могущества неспособенъ.»

«Миръ-Мустафа талышинскій ханъ: о свойствахъ его говорить нечего, для того, что, сравнивъ его съ бабою, все о немъ сказано. Связей не имѣетъ, потому что его всѣ презираютъ и за слабѣйшаго почитаютъ.

«Польза Россіи отъ него малая, по мѣстному его положенію за Курою, въ непроходимыхъ почти горахъ, и вліянія на дѣла хановъ, на лѣвомъ берегу владѣющихъ, никакого не имѣетъ.

«Между тѣмъ, онъ можетъ самую малую помощь подавать нашимъ купцамъ, торгующимъ въ Рештѣ и Энзеляхъ.

«Мустафа-ханъ ширванскій (шемахинскій): храбръ, хитеръ, умѣренъ въ расходахъ и оттого любимъ чиновниками. Любитъ охоту, довольно славолюбивъ, предпріимчивъ и не менѣе Шихъ-Али-хана остороженъ, а въ военномъ дѣлѣ искуснѣе его.

«Связи его съ покойнымъ аварскимъ ханомъ, на ханское достоинство его возведшимъ, продолжаются и доднесь съ чиновниками молодаго хана. Также потаенныя имѣетъ связи съ карабагскими ханами, т. е. нахичеванскимъ Калбалы-ханомъ и Джеватъ-ханомъ ганжинскимъ, и ищетъ въ Баба-ханѣ.

«Могъ бы полезенъ быть для Россіи, еслибъ въ душѣ своей не носилъ ненависти къ ней, а также и страшась покровительствомъ оной лишиться Сальянъ. Впрочемъ, кто бы ни былъ шемахинскимъ ханомъ, но всегда нуженъ для Россіи, относительно сообщенія Грузіи съ Бакою или Каспійскимъ моремъ къ распространенію торговли.

«Сурхай-ханъ казыкумыхскій: весьма храбръ, почтенъ отъ всего Дагестана, непримиримый врагъ христіанъ, твердъ и остороженъ.

«Связи его тѣснѣйшія были съ аварскимъ ханомъ, сколько по сосѣдству, столько и по взаимному почтенію, впечатлѣнному храбростью и силою обоихъ.

«Польза Россіи требуетъ, чтобъ онъ искалъ войти въ подданство, хотя бы по примѣру другихъ и надлежало пожертвовать нѣкоторою суммою, ему пожалованною, ибо, по случаю пріобрѣтенія Грузіи, для обезпеченія ея отъ набѣговъ и въ облегченіе нашихъ войскъ оное мнится быть необходимымъ.

«Прочіе же, какъ аварскій ханъ и кадій табасаранскій, по юношеству ихъ, недостойны еще вниманія, а надлежитъ посредствомъ ихъ способныхъ чиновниковъ ими управлять.»

Такова характеристика лицъ, съ которыми князь Цициановъ принужденъ былъ имѣть дѣло. Поддерживая для безопасности Грузіи мирныя сношенія съ ханами, князь Павелъ Дмитріевичъ сознавалъ также и то, что прочность положенія нашего въ этой странѣ зависѣла отъ безопасности сообщенія ея съ остальною Россіею.

Въ то время всѣ проходы въ Грузію заняты были разными племенами горскихъ народовъ, необузданно дикихъ, жившихъ грабежомъ и разбоемъ, нападавшихъ на проѣзжающихъ и нерѣдко вовсе прерывавшихъ сообщеніе.

Кромѣ опасностей на дорогѣ, ведущей въ Грузію, жители пограничныхъ селеній немало терпѣли отъ набѣговъ и хищничества народовъ, населяющихъ хребетъ Кавказскихъ горъ. Дагестанцы и лезгины безпрерывно вторгались въ Грузію; сосѣди ихъ, чеченцы, осетины и даже кабардинцы, производили грабежи, какъ по дорогѣ, ведущей въ Грузію, такъ и по сю сторону хребта на Кавказской линіи. Они врывались въ наши границы, грабили селенія и уводили въ плѣнъ жителей. Западнѣе ихъ и ближе къ Черному морю, поколѣніе черкасскаго народа также хищничало и грабило своихъ сосѣдей, черноморскихъ казаковъ.

Всѣ эти народы дѣлились на три части: кабардинцы и осетины считались нашими подданными; черкесы, извѣстные въ офиціальной перепискѣ подъ именемъ закубанцевъ, находились подъ покровительствомъ Порты, и наконецъ, чеченцы и лезгины считали себя вольными и независимыми. Незначительность боевыхъ средствъ заставляла тогдашнихъ главнокомандующихъ въ томъ краѣ прибѣгать къ системѣ не новой, но довольно вѣрной и состоявшей въ томъ, чтобы, поддерживая разныя поколѣнія горскихъ народовъ въ постоянной между собою враждѣ и ссорѣ, не допускать ихъ до единодушія, могущаго сдѣлаться для насъ весьма опаснымъ. Такая система была тѣмъ необходимѣе, что не было никакого основанія разсчитывать на вѣрность даже и тѣхъ племенъ, которыя считались въ подданствѣ Россіи. Кабардинцы и осетинцы точно такъ же хищничали въ нашихъ предѣлахъ, какъ чеченцы и лезгины. Въ этомъ было виновато отчасти кавказское начальство, допустившее послабленіе и злоупотребленіе власти.

4-го декабря 1802 года князь Циціановъ прибылъ въ Георгіевскъ, гдѣ былъ заваленъ жалобами кочующихъ народовъ и горскихъ племенъ, находившихся въ зависимости Россіи. Кучи просьбъ не удивили главноуправляющаго; ему извѣстно было, что азіятскій человѣкъ считаетъ своею обязанностію, при каждой перемѣнѣ начальника, пожаловаться на стараго, какъ бы онъ хорошъ ни былъ

и польстить новому, котораго никогда и не видывалъ. Князь Цицiановъ зналъ, что съ претензiями этими надо поступать очень осторожно, подходить къ нимъ съ нѣкоторою долею сомнѣнiя и недовѣрчивости. Кляузы и жалобы изъ-за личной вражды онъ оставилъ безъ всякаго вниманiя, но въ числѣ просьбъ нашелъ такiя, которыя, заслуживая полнаго вниманiя, требовали изслѣдованiя и наказанiя виновныхъ.

Вышедшiе изъ-за рѣки Кубани нагайскiе татары жаловались на своего пристава, обременявшаго ихъ поборами и разнаго рода мздоимствомъ. Найдя жалобы татаръ основательными, князь Павелъ Дмитрiевичъ смѣнилъ пристава и назначилъ на его мѣсто генералъ-маiора султана Менгли-Гирея. Прося утвержденiя императора на такую перемѣну, князь Цицiановъ находилъ необходимымъ изъять Менгли-Гирея изъ подчиненiя главному приставу кочующихъ народовъ и поставить его въ прямую зависимость отъ главнокомандующаго. Самое слово «*приставъ*» предполагалось уничтожить и замѣнить «*начальникомъ надъ бештовскими нагайскими татарами*», такъ какъ слово «*начальникъ*» всегда пользовалось бо̀льшимъ значенiемъ между азiятскими народами чѣмъ слово «приставъ» [1]).

Получивши утвержденiе императора [2]), князь Цицiановъ долженъ былъ устроить дѣла и другаго кочующаго народа—калмыковъ.

Дербетовская, торгоутовская и хошоутовская орды, составлявшiя калмыкскiй народъ, были въ крайней бѣдности и стѣснены въ земельномъ отношенiи. Двѣ первыя орды кочевали на нагорной сторонѣ рѣки Волги; на луговомъ берегу находилась только одна хошоутовская орда, а прочiя не имѣли права переходить туда.

Песчаныя степи безъ воды, лѣса и даже безъ всякой растительности были переданы въ вѣчный удѣлъ калмыкамъ. Въ этой безплодной пустынѣ передвигались они съ мѣста на мѣсто, подходили къ Волгѣ, Кумѣ, Царицынскому уѣзду и къ землямъ донскихъ казаковъ. Приближаясь къ пограничнымъ селенiямъ, калмыки всюду

---

[1]) Всеподд. рапортъ князя Цицiанова 8-го января 1803 года.
[2]) Высоч. повелѣнiе князю Цицiанову 13-го февраля 1803 года.

встрѣчали сопротивленіе со стороны жителей, недопускавшихъ ихъ ни къ хорошей водѣ, ни къ удобнымъ пастбищамъ.

«Если гдѣ города, писалъ главный приставъ калмыкскаго народа Страховъ [1]), не присвоили себѣ калмыкскихъ земель въ разстояніи верстъ за 25 и 35, тамъ астраханская казенная палата отдаетъ ихъ въ наемъ за маловажную цѣну, на десять и даже двѣнадцать лѣтъ. Казачьи станицы, крестьяне, татары, малороссіяне, почты, ватаги захватываютъ и присвояютъ себѣ землю въ такомъ излишествѣ, въ какомъ имъ только вздумается. Къ Каспійскому морю, въ такъ называемыхъ мочагахъ, кочуютъ бѣдные люди или, яснѣе сказать, нищіе всѣхъ ордъ—тамъ русскіе позволяютъ имъ питаться падалью и сусликами, но не рыбою, которая у всѣхъ во владѣніи или на откупу.»

Съ давнихъ временъ калмыки кочевали близъ Астрахани на одномъ и томъ же мѣстѣ, которое отъ того и получило названіе *Калмыкскаго базара*, но въ началѣ 1802 года и оно было отдано подъ поселеніе бѣглецамъ и бродягамъ, отъ которыхъ калмыки принуждены были покупать «воду и огонь», подразумѣвая подъ послѣднимъ плату за тростникъ на отопленіе въ зимнее время. Отдача на четырехлѣтній откупъ перевоза черезъ рѣку Волгу окончательно убила промышленность калмыковъ, лишивши ихъ права имѣть собственный перевозъ черезъ эту рѣку. Калмыкскій базаръ, будучи безъ земли и безъ перевоза, постепенно уменьшался и дошелъ до того, что къ концу 1802 года въ немъ насчитывалось не болѣе ста кибитокъ самыхъ бѣднѣйшихъ, такихъ, которымъ уйти было некуда.

Бѣдность и изнуреніе калмыкскаго народа усиливалась еще отъ произвольныхъ поборовъ, введенныхъ намѣстникомъ Чучей-Тайши Тундутовымъ. Утвержденный въ званіи намѣстника въ октябрѣ 1800 года, Тундутовъ собиралъ неограниченную подать съ своихъ подвластныхъ деньгами и скотомъ. Своею алчностью онъ окончательно разорилъ калмыковъ и довелъ ихъ до невыразимой нищеты и бѣдности. Многіе улусы, не имѣя утвержденныхъ родовыхъ владѣльцевъ, управлялись избранными, которые точно также

---

[1]) Въ письмѣ канцлеру, отъ 12-го ноября 1802 года, № 558. Арх. М. И. Д. II, 11, 1802, № 1.

слѣдовали примѣру намѣстника и въ свою очередь грабили народъ, налагая на него произвольные поборы.

Обычай калмыковъ отдавать изъ трехъ сыновей непремѣнно одного въ духовное званіе сдѣлалъ то, что число духовенства превосходило численность всѣхъ прочихъ званій. Пользуясь огромнымъ вліяніемъ на народъ, калмыкское духовенство составляло классъ праздныхъ тунеядцевъ, жившихъ въ изобиліи на счетъ пота и труда ближнихъ. Главнѣйшее занятіе духовенства состояло въ обогащеніи и внушеніи народу неповиновенія, отчего во всякомъ возмущеніи оказывался главнымъ зачинщикомъ и виновникомъ или *гелюнгъ* (попъ) или *гецулъ* (дьяконъ), а иногда и живой ихъ богъ *лама*.

Для обезпеченія праздной жизни духовенства, набожные владѣльцы отдавали духовенству въ вѣчное владѣніе большое число своихъ подвластныхъ въ прислугу *хуруловъ* (монастырей). Принявши названіе *шабинеровъ*, т. е. монастырскихъ, такіе калмыки не платили уже податей и не отправляли общественныхъ повинностей, вся тяжесть которыхъ падала на остальное населеніе. Точно также не платили податей и такъ называемые *тарханы*, т. е. люди уволенные владѣльцами отъ всѣхъ повинностей и службъ.

При всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ, калмыки изнурялись ежегоднымъ нарядомъ 650 человѣкъ для содержанія кордонной стражи. Нарядъ этотъ былъ сдѣланъ, въ январѣ 1800 года, по Высочайшему повелѣнію, только на время, пока на смѣну донскихъ полковъ, отпущенныхъ на родину, прибудутъ новые. Этимъ повелѣніемъ воспользовались, и командиръ Астраханскаго казачьяго полка сталъ потомъ требовать ежегодно на службу по 650 человѣкъ калмыковъ съ семью зайсангами. Нарядъ этотъ стоилъ калмыкамъ ежегодно до тысячи человѣкъ умершими, столько же лошадей павшими и 65,000 руб. деньгами.

Находясь въ завѣдываніи особаго пристава, калмыки управлялись народнымъ совѣтомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «*зарго*». Составленный изъ восьми членовъ, избранныхъ отъ всѣхъ ордъ, совѣтъ, или, лучше сказать, «*судъ зарго*», выслушивалъ просьбы, отбиралъ отъ подсудимыхъ показанія и доказательства, тутъ же ихъ разсматривалъ и постановлялъ окончательное свое рѣшеніе. Рѣшеніе основывалось на большинствѣ голосовъ; въ случаѣ же равен-

*

ства или несогласія судей, рѣшеніе предоставлялось намѣстнику, но не иначе, какъ съ согласія зарго и русскаго пристава при калмыкскомъ народѣ [1]). Постановленіе суда писалось прутикомъ на небольшой дощечкѣ, извѣстной подъ именемъ *самры* и намазанной саломъ, смѣшаннымъ съ золою. Написанное прочитывалось истцу и отвѣтчику, а затѣмъ стиралось, и дѣло предавалось вѣчному забвенію.

Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ зарго закрывало свои дѣйствія, а въ остальное время судъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, такъ что люди бѣдные не могли догнать его. Къ тому же судъ и расправа въ зарго производились крайне безпорядочно и небрежно. Онъ не имѣлъ назначеннаго времени для засѣданій и рѣдко дѣлалъ письменныя постановленія. Самое рѣшеніе судей было до крайности оригинально и въ большинствѣ случаевъ пристрастно. Выбранные владѣльцами изъ числа подвластныхъ имъ лицъ, судьи всегда почти склонялись на сторону, покровительствуемую владѣльцемъ и всегда готовы были рѣшить участь подсудимаго по внушенію свыше. Сдѣлать это было нетрудно, потому что калмыкскіе законы не основаны ни на естественныхъ, ни на положительныхъ истинахъ. «Дѣйствія человѣческія разсматриваются болѣе по правиламъ, извлекаемымъ изъ обычаевъ, изъ коихъ большая часть уничтожена по неупотребительности, но судьи, по недостатку положительныхъ законовъ, а всего чаще по пристрастію приводили обычай, на которомъ у сего народа основывается роковое опредѣленіе. Всякое злодѣйство и даже самое смертоубійство наказывается взысканіемъ скота, панцырей и вещей, которыми отъ всего откупиться можно. Если кто не въ состояніи заплатить за воровство, то не только самого вора, но жену его и дѣтей отдаютъ обкраденному въ вѣчное рабство безъ всякой вины ихъ и участія въ воровствѣ [2])».

Въ такомъ видѣ представилось состояніе калмыкскаго народа князю Циціанову, когда онъ пріѣхалъ въ Георгіевскъ. Положеніе это, будучи крайне печальнымъ, требовало преобразованія общей

---

[1]) Высочайшая грамата калмыкскому народу 14-го октября 1800 года.

[2]) Письмо канцлеру пристава при калмыкскомъ народѣ Страхова 12-го ноября 1802 г., № 558. А. М. И. Д. П, 1802 г № 1.

системы управленія и ограниченія злоупотребленій. На первый случай признавалось необходимымъ обезпечить калмыковъ землею, и съ этою цѣлью были отправлены землемѣры, которымъ вмѣнено въ обязанность привести въ извѣстность въ губерніяхъ Астраханской и Саратовской число земель, дѣйствительно принадлежащихъ городамъ, селеніямъ, хуторамъ, садамъ, ватагамъ и другимъ заведеніямъ. Всѣ такія земли, прилегающія къ рѣкѣ Волгѣ и ограниченныя дорогою, проходившею изъ Астрахани въ Кизляръ, отмежевать общею чертою и тѣмъ означить границу ихъ отъ степи, составляющей кочевье для калмыковъ. Для прогона скота предполагалось отмежевать по Волгѣ въ разныхъ мѣстахъ землю шириною верстъ по пяти и болѣе, которую и отдать въ пользованіе калмыковъ. Въ ихъ же распоряженіе должно было поступить нѣкоторое пространство рѣчнаго берега для рыбныхъ ловель и именно: часть луговаго берега рѣки Волги до рѣки Узеней и Мочаги, съ отдѣленіемъ нѣкоторой части морскихъ и волжскихъ заливовъ. Различнаго рода затрудненія [1]), встрѣтившіяся при размежеваніи, затянули дѣло, и только лишь въ концѣ 1804 года всѣ земли и право владѣнія ими приведены были въ извѣстность.

Съ другой стороны, чтобы улучшить общественное положеніе калмыковъ, предполагалось измѣнить составъ «зарго» и дать ему осѣдлость переводомъ въ Астрахань на постоянное тамъ пребываніе. Признавалось необходимымъ установить, чтобы при каждомъ хурулѣ (монастырѣ) было не болѣе 25 гелюнговъ (поповъ), 25 гецулей (дьяконовъ) и 50 манджиковъ (учениковъ вѣры); постановить правиломъ, чтобы сверхштатное духовенство несло повинности наравнѣ со всѣми прочими; чтобы обычай изъ трехъ сыновей посвящать одного въ духовное званіе былъ уничтоженъ, тѣмъ болѣе, что онъ препятствовалъ размноженію народа, такъ какъ всѣ духовные обязаны были оставаться холостыми; постановить, чтобы лама не смѣлъ посвящать въ духовное званіе никого безъ согласія пристава; воспретить владѣльцамъ отдавать своихъ подвластныхъ въ шабинеры и совершенно уничтожить званіе тархановъ.

[1]) О многочисленныхъ затрудненіяхъ этихъ см. Акты Кавк. Археогр. Комиссіи т. II, №№ 1984 и 1986.

Необходимость этихъ преобразованій сознавалась и народомъ, тяготившимся содержаніемъ огромнаго числа духовенства и привилегированныхъ сословій, но неимѣвшимъ голоса и силъ предпринять что-либо къ улучшенію своего положенія. «Калмыкскій народъ, доносилъ Страховъ князю Циціанову [1]), ожидаетъ отъ покровительства вашего сіятельства защиты и благоденствія, равно и милостиваго вниманія къ усердному о томъ ходатайству.»

Не смотря на такую просьбу и полное желаніе главноуправляющаго, положеніе калмыковъ было таково, что улучшить ихъ состояніе однимъ почеркомъ пера было невозможно. Чтобы достигнуть желаемаго, необходимо было сдѣлать коренныя преобразованія въ управленіи и притомъ въ связи съ ихъ нравами и обычаями, характеромъ и привычками. Въ короткое время пребыванія своего на Кавказской линіи, князь Циціановъ могъ облегчить положеніе калмыковъ только уничтоженіемъ частныхъ злоупотребленій и лишнихъ поборовъ. Воспользовавшись смертью калмыкскаго намѣстника Чучей-Тайши-Тундутова, главноуправляющій просилъ императора вовсе уничтожить званіе калмыкскаго намѣстника, съ тѣмъ, чтобы каждая орда управлялась отдѣльно и самостоятельно. Вообще же онъ находилъ необходимымъ измѣнить систему управленія, какъ кочующими народами, такъ и кабардинцами, находившимися въ зависимости Россіи.

Хищничество послѣднихъ въ нашихъ предѣлахъ побудило князя Циціанова принять мѣры къ его уничтоженію. Вскорѣ послѣ прибытія своего въ Георгіевскъ, онъ рѣшился построить укрѣпленіе близъ источника кислыхъ водъ, впослѣдствіи названное «Кисловодскомъ». Мѣсто, избранное для постройки укрѣпленія, находилось въ средоточіи всѣхъ арбянныхъ дорогъ къ рѣкѣ Кубани, сходившихся у самаго вала укрѣпленія. Затѣмъ за р. Кубань можно было пробраться только верхомъ, оставивши имущество внутри Кабарды.

Какъ только кабардинцы провѣдали о постройкѣ укрѣпленія, они поняли всю важность его и тотчасъ же явились къ князю Циціанову съ жалобою на стѣсненіе ихъ въ пахатныхъ и паст-

[1]) Въ рапортѣ отъ 29-го ноября 1802 г., № 641.

бищныхъ земляхъ. Старшины народа заявили при этомъ главноуправляющему, что они весьма много терпятъ отъ притѣсненія чиновниковъ и казаковъ. Представители кабардинскаго народа говорили, что русскіе чиновники берутъ взятки и притѣсняютъ ихъ; что подвластные и рабы ихъ, убѣгая отъ своихъ владѣльцевъ въ наши границы или укрѣпленія, тамъ задерживаются и имъ обратно не возвращаются; что отъ нихъ требуютъ много рабочаго скота, а за старый и негодный въ работу скотъ берутъ особую пошлину, извѣстную подъ именемъ *тамки;* что находящіеся на постахъ казаки причиняютъ обиды кабардинскимъ пастухамъ, а при проѣздахъ кабардинцевъ ниже р. Малки грабятъ и убиваютъ ихъ.

Если претензія кабардинцевъ на стѣсненіе ихъ постройкою Кисловодскаго укрѣпленія не могла быть удовлетворена и считаться основательною, то заявленіе ихъ по остальнымъ пунктамъ имѣло значительную долю правды. Такъ оказалось, что мостъ на р. Малкѣ у Стараго Екатеринограда былъ отданъ на откупъ, безъ всякой платы въ казну, въ руки частнаго лица, которое, построивши мостъ, брало произвольную пошлину за проѣздъ, а съ кабардинцевъ съ каждаго стада овецъ по два барана. Князья Большой Кабарды, враждовавшіе съ князьями Малой Кабарды и владѣвшіе относительно большими средствами, притѣсняли послѣднихъ, развращали узденей, принадлежащихъ владѣльцамъ Малой Кабарды, и выводили ихъ изъ повиновенія. Съ другой стороны, русскіе чиновники за деньги также держали сторону князей Большой Кабарды, недостаточно отличали лицъ, преданныхъ Россіи, и не только не поддерживали ихъ, а нерѣдко даже и притѣсняли. Такіе владѣльцы, въ награду за ихъ преданность Россіи, были въ презрѣніи у своихъ единовѣрцевъ, слабы, неуважаемы въ народѣ и въ загонѣ у русскихъ чиновниковъ.

Тѣ же князья, которые были богаты, не только безнаказанно занимались хищничествомъ, но, по ходатайству приставовъ, получали еще жалованье отъ нашего правительства.

«Надъ кабардинцами, доносилъ впослѣдствіи генералъ-маіоръ Дельпоццо [1]), имѣлъ власть всякій, кто только хотѣлъ быть ихъ

---

[1]) Князю Циціанову 5-го апрѣля 1805 г., № 39.

начальникомъ, и притомъ всякій притѣснялъ и грабилъ; въ справедливыхъ же просьбахъ имъ никогда не дѣлано было никакого удовлетворенія.» Правда, хищническій образъ жизни этого народа былъ причиною многихъ подозрѣній и давалъ часто случай обвинять кабардинцевъ въ насиліи и грабежѣ, но справедливо и то, что со стороны нашихъ властей и даже самихъ поселянъ было допущено много злоупотребленій и несправедливыхъ притѣсненій кабардинскому народу. Если, бывало, у кого либо изъ поселянъ сведутъ ночью со двора нѣсколько скотинъ, то въ этомъ обвиняли кабардинцевъ, даже и въ томъ случаѣ, когда найденные слѣды неоспоримо доказывали, что украденный скотъ уведенъ внутрь нашихъ границъ. Поселянину на линіи достаточно было сказать, что онъ ограбленъ кабардинцами и заявить о количествѣ причиненнаго ему убытка, чтобы начальство Кавказской линіи, безъ всякой повѣрки и удостовѣренія, требовало удовлетворенія отъ кабардинцевъ.

Такого рода поступки вызвали энергическій протестъ со стороны главноуправляющаго. Князь Циціановъ приказалъ обнародовать между жителями Кавказской губерніи, чтобы они тотчасъ послѣ похищенія имущества давали знать о томъ на ближайшій военный постъ и капитанъ-исправникамъ, которые обязаны въ управѣ земской полиціи привести ограбленнаго къ присягѣ въ томъ, что показанная имъ потеря справедлива. Затѣмъ, капитанъ-исправникъ дѣлаетъ повальный обыскъ и изслѣдуетъ на мѣстѣ, не произошло-ли похищеніе отъ собственной оплошности или нерадѣнія жалующагося, который только въ случаѣ своей невинности получаетъ удовлетвореніе.

Въ предупрежденіе же возможности хищническихъ нападеній, жителямъ приказано ходить на полевыя работы, если не цѣлою деревнею, то не менѣе половины и быть вооруженными; деревни обносить рвомъ и валомъ, на которомъ ставить палисадъ или сажать колючій кустарникъ, стараясь разростить его въ ростъ человѣка и какъ можно гуще; каждому хозяину имѣть по три «злѣйшихъ собаки», которыхъ на день привязывать, а на ночь спускать[1]).

---

[1]) Предписаніе Князя Циціанова кавказскому губернатору, 9-го мая 1805 года, № 309.

Дѣлая всѣ эти распоряженія, князь Цицiановъ не надѣялся, чтобы они были въ точности исполнены и чтобы положеніе края измѣнилось во многомъ. Злоупотребленія слишкомъ вкоренились въ систему тогдашняго управленія линіи и нужно было много усилій, чтобы привести все въ должный порядокъ. «Линія, писалъ князь Цицiановъ графу Кочубею [1]), давно управлялась не начальниками, а канцеляріями ихъ, слѣдовательно неопредѣленное жалованье чиновникамъ, окружающимъ начальника, было поводомъ къ раздаванію его не по трудамъ, а по пристрастію къ временщикамъ онаго начальника. Такъ точно и я засталъ маiорскаго чина секретарь получалъ изъ 5,100 руб. суммы девятьсотъ рублей, а писцы безъ обуви; расходы изъ той же суммы на канцелярію такъ велики, что я увѣренъ, что и въ канцеляріи вашего сіятельства столько не исходитъ; напримѣръ, 12 стопъ бумаги и 10 фунтовъ сургуча выходитъ въ мѣсяцъ. Потомъ казначейскую должность правилъ секретарь, которому и безъ того дѣла множество, а по симъ причинамъ, не вспоминая о прошедшемъ, за необходимость счелъ привесть въ ясность оную сумму, съ тѣмъ, чтобы на мое мѣсто поступившій такъ же, какъ и я ограниченъ былъ въ прихотяхъ своихъ.

«Совсѣмъ собравшись ѣхать въ Грузію, ожидаю только отвѣта отъ царицы (Дарьи). Долженъ откровенно сказать, что гражданская администрація въ томъ краю несообразна со внушеніемъ въ обитателей новопріобрѣтенной земли доброй надежды о порядкѣ; власть гражданская съ военною подо мною раздѣлена, и вѣчныя ссоры между ними останавливаютъ дѣятельность и той, и другой. Безпрестанныя жалобы Лазарева на Коваленскаго, а паче сего послѣдняго на перваго, отнимаютъ у меня много времени на примиреніе ихъ и, какъ кажется, до моего туда прибытія (зло?) пресѣчено быть не можетъ.»

---

[1]) Отъ 8-го января 1803 г. Арх. М. Вн. Д., дѣла Грузіи, ч. VIII, 15.

II.

Прибытіе въ Георгіевскъ уполномоченныхъ отъ персидскихъ хановъ — Договоръ съ ними. — Цѣль этого договора. — Затрудненія, встрѣчаемыя въ торговлѣ на Каспійскомъ морѣ. — Пособіе и денежныя выдачи нѣкоторымъ горскимъ владѣльцамъ. — Предположенія о занятіи Дербента и Баку. — Мнѣніе о томъ графа Валеріана Зубова. — Рескриптъ императора Александра кн. Циціанову.

Какъ ни старался князь Циціановъ скорѣе уѣхать въ Тифлисъ, но не могъ этого сдѣлать ранѣе окончанія дѣла по заключенію дружественнаго союза съ персидскими ханами и горскими владѣльцами, послы которыхъ прибыли въ Георгіевскъ еще до пріѣзда туда новаго главноуправляющаго [1]).

Для поддержанія дружественнаго союза между сосѣдними Грузіи ханами приказано было еще генералу Кноррингу собрать пословъ этихъ владѣльцевъ тамъ, гдѣ онъ признаетъ это болѣе удобнымъ и открыть съ ними переговоры.

«Я положилъ, писалъ императоръ Александръ I Кноррингу [2]), установить между помянутыми ханами и горскими владѣльцами, для общаго ихъ и народовъ ихъ блага, твердый союзъ и дружеское подъ верховнымъ моимъ покровительствомъ согласіе.»

На этомъ основаніи было сообщено ханамъ и владѣльцамъ, что если они дѣйствительно желаютъ себѣ и областямъ своимъ благоденствія, то для установленія дружеской между собою связи и согласія съѣхались бы въ одно мѣсто для личныхъ совѣщаній или прислали бы своихъ уполномоченныхъ.

Полагая, что представители ханской власти способны, подобно европейскимъ дворамъ, заключать союзные трактаты и въ точности исполнять ихъ, наше правительство надѣялось примирить ихъ между собою путемъ переговоровъ и въ то же время обезпечить нашу торговлю на Каспійскомъ морѣ.

Успѣшному ходу нашей азіятской торговли препятствовали многія причины и въ числѣ ихъ, конечно, враждебныя отноше-

---

[1]) Князь Циціановъ графу Кочубею 8-го декабря 1802 года. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 24-го декабря 1801 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

нія, почти безпрерывно существовавшія между ханами и владѣльцами. Послѣдніе, находясь даже въ мирѣ и согласіи между собою, нисколько не заботились о безопасности того пути, по которому проходили караваны съ товарами. По дорогамъ отъ Шеки къ Ганжѣ (нынѣшній Елисаветполь), отъ Бойнака къ Дербенту и черезъ рѣку Самуръ изъ Кубы, караваны не могли слѣдовать отъ выѣзжавшихъ на дорогу грабителей и разбойниковъ, расхищавшихъ товары [1]). Кромѣ того, торговля весьма много затруднялась неумѣренностью собираемыхъ пошлинъ въ особенности въ Шекѣ. Этотъ платежъ былъ тѣмъ болѣе обременителенъ для торговцевъ, что плата за провозъ товаровъ не имѣла опредѣленныхъ размѣровъ, и каждый владѣлецъ бралъ въ свою пользу столько пошлинъ, сколько хотѣлъ. Два каравана одинаковыхъ размѣровъ, съ однимъ и тѣмъ же товаромъ и слѣдовавшіе по одной и той же дорогѣ, платили не всегда одну и ту же пошлину. Отъ прихоти хана или владѣльца зависѣла норма платежа, часто весьма значительная. При доставленіи, напримѣръ, товаровъ изъ Баку въ Тифлисъ эта пошлина, или *«рахтаръ»*, бралась пять разъ. Наконецъ варварское обыкновеніе приморскихъ жителей, начиная отъ Ленкорана до рѣки Терека, грабить товары съ судовъ, не оставляя даже рубашки на судовыхъ служителяхъ, окончательно подрывало всякую торговлю. Въ оправданіе такихъ поступковъ, прибрежные жители ссылались на императора Петра I, будто бы разрѣшившаго имъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что волненіемъ при крушеніи судна бываетъ выброшено на берегъ.

Всѣ эти затрудненія и происшествія были причиною того, что генеральный консулъ нашъ въ Персіи, узнавъ о предполагаемомъ союзномъ договорѣ съ ханами и горскими владѣльцами, просилъ генерала Кнорринга внести въ договоръ обязательство, чтобы каждый владѣлецъ заботился о безопасномъ проѣздѣ каравановъ черезъ его владѣніе; чтобы каждое селеніе, въ окружности котораго случится грабежъ или разбой, отвѣчало за это; чтобы удовлетвореніе ограбленныхъ купцовъ или извощиковъ товарныхъ производилось немедленно самимъ владѣльцемъ, если онъ не въ

---

[1]) Изъ рапорта консула Скибиневскаго генералу Кноррингу 14-го октября 1802 года.

состояніи удержать своихъ подвластныхъ отъ грабежа или отыскать грабителя или вора.

Съ другой стороны представлялось необходимымъ установить одинаковую пошлину за провозъ товаровъ въ каждомъ главномъ областномъ городѣ, каковыми были: Баку, Тарки, Дербентъ, Куба, Шемаха и Шека. Самыя умѣренныя пошлины брали въ Баку, съ владѣтелемъ котораго, какъ единственнымъ лицомъ, было заключено условіе, обязывающее хана запретить приморскимъ жителямъ грабить товары и судовые припасы въ случаѣ крушенія судна.

Извѣстивши всѣхъ хановъ о желаніи императора Александра, генералъ Кноррингъ назначилъ мѣстомъ съѣзда городъ Георгіевскъ, а срокомъ для собранія 20-е сентября 1802 года. Съ половины этого мѣсяца стали уже собираться уполномоченные [1]), заключеніе договора съ которыми выпало на долю князя Циціанова, имѣвшаго весьма невыгодное мнѣніе о договаривающихся.

Вступая, по своей обязанности, въ соприкосновеніе съ различными ханами хищными по наклонностямъ, коварными и вѣроломными по характеру, присущему всѣмъ азіятцамъ, князь Циціановъ рѣшился поступать съ ними совершенно иначе, чѣмъ поступали его предмѣстники. Вмѣсто ласки и уступки въ различнаго рода претензіяхъ, по большей части неосновательныхъ, новый главнокомандующій рѣшился поступать твердо, быть вѣрнымъ въ данномъ словѣ и исполнять непремѣнно обѣщаніе или угрозу даже и въ томъ случаѣ, если бы она была произнесена ошибочно.

Князь Циціановъ зналъ, что если владѣльцы входили въ сношеніе съ нами, если искали даже покровительства Россіи, то только тогда, когда вынуждаемы были къ тому обстоятельствами, соб-

---

[1]) Сюда прибыли чиновники: отъ Каракайдакскаго уцмія Ростомъ-хана — Ахметъ-ага, отъ владѣльца этой области Разія – Озней бекъ и отъ Табасаранскаго кадія Рустома—Мухамедъ-бекъ. Сверхъ того, получено было извѣстіе о прибытіи въ Кизляръ, на пути въ Георгіевскъ, чиновниковъ: отъ шамхала Тарковскаго Уразай-бека и отъ владѣльцевъ Табасаранскихъ: Сограбъ-бека Маасума—Нуръ Магометъ бека и отъ Махмута – Мумсы-Загиръ. Бакинскій ханъ думалъ прислать тогда, когда пойдетъ судно изъ Баку въ Астрахань, такъ какъ сухопутно онъ не рѣшался послать, боясь хана шемахинскаго. Отъ хана талышинскаго ожидался чиновникъ изъ Астрахани. Отъ Шихъ-Али-хана дербентскаго никто не прибылъ къ сроку, а прибылъ гораздо позже.

ственною слабостію и ничтожествомъ. Бѣда проходила, обстоятельства измѣнялись, и ханы, уклоняясь отъ принятыхъ ими обязательствъ, предавались по-прежнему грабительствамъ и хищничеству. Поступки ихъ еще болѣе убѣждали князя Циціанова въ необходимости принятія такихъ мѣръ противъ своеволія хановъ, которыя бы подходили къ условіямъ ихъ быта. Поэтому въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ князь Павелъ Дмитріевичъ становился въ положеніе азіятскихъ владѣтелей. Каждый изъ хановъ, принявшихъ подданство Россіи, былъ въ глазахъ главнокомандующаго лицомъ ему подвластнымъ. Относительно тѣхъ хановъ, которые сохраняли еще свою независимость, князь Циціановъ относился какъ сильный къ слабому. Онъ поступалъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ поступали между собою ханы и даже мелкіе владѣльцы. У азіятскихъ народовъ тотъ изъ хановъ, который сегодня побѣдилъ, завтра же выкалывалъ глаза своему противнику и обращался съ нимъ, какъ съ рабомъ, до тѣхъ поръ, пока слѣпецъ, при помощи другихъ, не отмщалъ ему тѣмъ же. Въ исторіи азіятскихъ народовъ не рѣдкость встрѣтить хана, нѣсколько разъ свергаемаго и снова возстановляемаго на ханствѣ, хана съ выколотыми глазами и изувѣченнаго.

«Ваше сіятельство, писалъ князь Циціановъ графу Воронцову [1]), изволите мнѣ приказывать, чтобы я сказалъ свой образъ мыслей о принимании горцевъ и персидскихъ хановъ въ подданство.

«Во исполненіе чего, имѣю честь доложить со всею откровенностію и усердіемъ къ службѣ.

«Подданство вообще хановъ персидскихъ и горскихъ владѣльцевъ есть мнимое; поелику оно не удерживаетъ ихъ отъ хищничества и притѣсненія торговли. Владѣльцы же ихъ удовлетвореніе дѣлаютъ такъ медленно, что иногда проситель больше отъ ожиданія разоряется. Итакъ, чѣмъ менѣе подданства, тѣмъ менѣе оскорбленія достоинству Имперіи, когда такой владѣлецъ пустыми переписками уповаетъ отходить отъ прямаго удовлетворенія.

[1]) Отъ 21-го декабря 1802 г. Арх. М. И. Д 1—10, 1801—3, № 2.

«Теперь позвольте, ваше сіятельство, коснуться нынѣ поставляемой коалиціи федеративной, въ которой первое мѣсто занимаетъ дербентскій ханъ Шихъ-Али. Онъ требуетъ войска: на что же? чтобы Мустафу свергнуть съ владѣнія Шемахи и поставить Касима, который обѣщалъ ему возвратить Сальяны, гдѣ большія рыбныя ловли, приносящія 150,000 руб. дохода, присвояя ихъ къ Кубинскому владѣнію, что и истина. Но какая польза Россіи, чтобы дербентскій ханъ былъ такъ силенъ? Онъ уже и соединеніемъ Кубинскаго владѣнія съ Дербентскимъ болѣе всѣхъ значущъ. Къ тому же присвояетъ къ себѣ Баку, подъ видомъ данника хана сего города, а если онъ все сіе пріобрѣтетъ помощію россійскихъ войскъ, то, имѣя зятемъ шамхала Тарковскаго, можетъ въ большую заботу приводить здѣшнія войска. Сей послѣдній, т. е. шамхалъ, такъ забылся, что, имѣя 6,000 руб. жалованья, просилъ еще прибавки. Впрочемъ, въ Азіи политика есть *сила;* добродѣтель лучшая владѣльца — *храбрость;* способы — *деньги для найма войска.*

«Итакъ, *чѣмъ біднѣе, тѣмъ покойнѣе*».

Различнаго рода претензіи посланныхъ и довѣренныхъ лицъ затрудняли заключеніе договора на столько, что онъ могъ быть оконченъ только 26-го декабря и то съ большими затрудненіями.

Довѣренный дербентскаго и кубинскаго Шихъ-Али-хана, чиновникъ его Медетъ-бекъ, по предварительному объясненію съ главнокомандующимъ, не соглашался подписать условій вмѣстѣ съ другими, а требовалъ заключенія особаго договора, по которому хану его было бы дано войско и приличная сумма денегъ. Князь Циціановъ, удивляясь такому требованію, просилъ отъ него письменнаго увѣдомленія о причинахъ, которыя воспрещаютъ ему, въ лицѣ своего хана, войти въ дружеское постановленіе съ другими ханами и владѣльцами. Главнокомандующій ссылался на то, что предмѣстникъ его, генералъ Кноррингъ, писалъ ко всѣмъ ханамъ о цѣли, съ которою должны быть присланы въ Георгіевскъ ихъ уполномоченные. Требуя отвѣта на другой день, князь Циціановъ въ то же время приказалъ прочесть ему постановленіе и внушить, сколько выгодъ теряетъ его ханъ, если будетъ исключенъ изъ числа договаривающихся. Медетъ-бекъ просилъ тогда

позволенія придти къ князю Циціанову для личныхъ объясненій. Онъ извинялся и ссылался на недоразумѣніе, происшедшее отъ дурнаго перевода сообщенія, посланнаго генераломъ Кноррингомъ къ Шихъ-Али-хану. Дѣйствительно, на русскомъ языкѣ было сказано, что о войскахъ будетъ трактовано послѣ постановленія, въ татарскомъ же переводѣ слова «послѣ постановленія» были вовсе пропущены. Сознаваясь въ своей ошибкѣ, Медетъ-бекъ не соглашался, однако же, подписать постановленія въ общемъ собраніи всѣхъ повѣренныхъ, ссылаясь на то, что, по достоинству его хана, ему неприлично засѣдать вмѣстѣ съ повѣренными дагестанскихъ и горскихъ владѣтелей. Тогда, по совѣту главнокомандующаго, онъ сказался больнымъ и подписалъ постановленіе у себя на квартирѣ [1]). Подписаніе это заключалось въ приложеніи печати, такъ какъ онъ и еще три другіе уполномоченные оказались неграмотными. Эти послѣдніе и того не могли сдѣлать, потому что печатей не имѣли.

«На изъясненіе мое съ ними, писалъ князь Циціановъ, о важности дѣла, по которому они присланы, и что къ отправленію ихъ должностей надлежало употребленнымъ быть людямъ грамотнымъ, тѣмъ паче, что о письменномъ постановленіи имъ было вѣдомо, отвѣчали они мнѣ, что къ владѣтелямъ ихъ не было писано, чтобы довѣренные отъ нихъ присланы были знающіе грамоту, а требовано только полномочныхъ и вѣрныхъ, и что владѣльцы ихъ, по извѣстнымъ ихъ заслугамъ, вѣрности и усердію, и дали имъ свои довѣренности. Почему, вмѣсто сихъ неграмотныхъ довѣренныхъ подписались, по просьбѣ ихъ, въ присутствіи моемъ другіе. Относительно же печатей, какъ сіи безграмотные, такъ и грамоту знающіе отозвались, что они ихъ не имѣютъ и что печати у нихъ имѣютъ одни токмо владѣльцы.»

Такимъ образомъ, грамотные подписали сами, а неграмотные попросили за себя подписать постановленіе, которымъ обязались оставаться всегда непоколебимыми вѣрноподданнической обязанности ихъ къ русскому императору, предоставивъ себя его покровительству и защитѣ. Именемъ своихъ хановъ уполномоченные обѣ-

---

[1]) Князь Циціановъ графу Воронцову 28-го декабря 1802 г., № 242. Арх. М. И. Д.

щались оставить навсегда всѣ бывшія между ними несогласія, вражду, ссору и непріязненные поступки. Оставаясь спокойными въ тѣхъ владѣніяхъ, въ которыхъ они утверждены граматами русскаго императора, ханы и владѣльцы приняли на себя обязанность ограждать свои владѣнія отъ непріятельскихъ вторженій, принимая заблаговременно къ тому мѣры и оказывая другъ другу помощь и содѣйствіе своими войсками. Соединясь между собою тѣснымъ союзомъ и дружбою, они положили хранить оную свято; дали слово никогда не нападать на области своихъ союзниковъ и имъ подвластныхъ, и ничѣмъ не оскорблять другъ друга.

Споры свои, претензіи и недоразумѣнія рѣшать третейскимъ судомъ, а въ случаѣ неудовлетворенія и этимъ способомъ, не поднимая оружія другъ противъ друга, обращаться за рѣшеніемъ къ русскому правительству.

Соглашаясь прекратить грабежи вообще и расхищеніе товаровъ съ разбитыхъ судовъ, договаривающіеся опредѣлили одну общую пошлину, причемъ безопасность каравановъ обезпечивалась отвѣтственностію самихъ хановъ. Въ случаѣ разграбленія каравана владѣлецъ долженъ былъ удовлетворить немедленно обиженныхъ и потомъ уже взыскивать съ своихъ подвластныхъ.

Таково было содержаніе заключеннаго на вѣчныя времена договора, неисполненіе котораго влекло за собою строгое наказаніе, какъ со стороны нашего правительства, такъ и со стороны всѣхъ договаривающихся.

Заключившіе договоръ владѣльцы не замедлили тотчасъ или сами, или черезъ своихъ посланцевъ заявить нашему правительству кто жалобу или неудовольствіе, а кто и просьбу. Деньги и жажда къ пріобрѣтеніямъ были главнѣйшимъ къ тому побужденіемъ. Такъ, 20-го ноября, умеръ Табасаранскій кадій Ростомъ-ханъ, о чемъ получено было извѣстіе отъ старшаго сына его Абдулабека. Послѣдній просилъ утвердить его кадіемъ, дозволить отправить своего посланца въ С.-Петербургъ [1]) и наконецъ разрѣшить

[1]) Донося о семъ, кн.Риціановъ писалъ, что кадій Табасаранскій принялъ уже присягу на подданство, «и поэтому не худо ему примѣтить, такъ же какъ и прочимъ владѣльцамъ, состоящимъ въ подданствѣ его величества, что подданный не можетъ посылать къ своему государю посланцевъ, а долженъ входить только

ему выдачу того жалованья, которое получалъ его отецъ, и даже съ тою прибавкою, о которой просилъ онъ за нѣсколько дней до своей кончины. Не получивши еще свѣдѣнія о томъ, что Абдула-бекъ избранъ и утвержденъ старшинами и народомъ кадіемъ Табасаранскимъ, князь Цицiановъ не выслалъ ему жалованья, получаемаго покойнымъ «*за мнимое его подданство*», какъ выражался главнокомандующій [1]). Онъ отвѣчалъ Абдула-беку, что въ ожиданіи не только знаковъ, но и опытовъ его вѣрноподданнической обязанности, прибавка къ жалованью и самое жалованье до времени отсрочиваются.

Одновременно съ заявленіемъ этой претензіи, князь Цицiановъ получилъ также и другія просьбы. Ростомъ-ханъ, уцмій Каракайдакскій, просилъ защиты противъ соперника своего Рази, который хотѣлъ его свергнуть и захватить власть въ свои руки. Рази жаловался на Ростомъ-хана, своего двоюроднаго брата, и просилъ о возведеніи его въ достоинство уцмія, какъ принадлежащее ему по наслѣдству. Изъ этой путаницы и жалобъ можно было выдти только деньгами. Разію назначена ежегодная пенсія въ 600 руб. до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ точности выполнять договорныя статьи о кораблекрушеніи. Табасаранскіе владѣльцы Собрабъ-бекъ-Маасумъ и Махмутъ-бекъ также получили по 450 руб. ежегоднаго содержанія. Назначеніе этого содержанія князь Цицiановъ полагалъ необходимымъ, по близкому ихъ родству съ кадіемъ Табасаранскимъ, получавшимъ также жалованье отъ нашего правительства. Эта раздача денегъ, хотя и долгое время не оказывала никакого почти вліянія на поступки горскихъ владѣльцевъ относительно Россіи и подвластныхъ ей народовъ, но казалась едва-ли не лучшею системою изъ всѣхъ предпринятыхъ нашимъ правительствомъ. Противникъ этой системы, всякихъ пособій и вспомоществованій князь Цицiановъ не отрицаетъ, а въ одномъ мѣстѣ своихъ донесеній сознается даже въ томъ, что

съ письменными прошеніями». Отношеніе князя Цицiанова канцлеру 28-го декабря 1802 г., № 229. А. М. И. Д. 1—6, 1801—13, № 7.

[1]) Донесеніе князя Цицiанова Г. И. 8-го января 1803 г. А. М. И. Д. 1—10, 1803—6, № 2.

съ теченіемъ времени эта раздача денегъ, до которыхъ азіятскіе народы весьма жадны, можетъ принести пользу.

«Въ настоящемъ дѣлѣ положеніи, писалъ князь Цыціановъ [1]), я вижу въ одномъ только случаѣ пользу опредѣленнаго имъ жалованья, т. е. давать награжденіе для того, чтобы можно было въ наказаніе за ихъ дурные поступки останавливать выдачу денегъ, какъ я сіе учинилъ съ уцміемъ Каракайдакскимъ, за неудовлетвореніе пограбленныхъ вещей съ разбитаго россійскаго судна.»

Конечно, этою раздачею денегъ мы взаимно не пріобрѣтали ни искренняго доброжелательства горскихъ владѣльцевъ къ Россіи, ни ручательства въ сохраненіи ими клятвенныхъ обѣщаній, но, по крайней мѣрѣ, говоря словами князя Цыціанова, имѣли въ рукахъ своихъ орудіе для ихъ наказанія; могли хотя временно показать, что наши отношенія къ нимъ измѣняются и могутъ придти въ прежнее положеніе только при поворотѣ ими на правильный и прямой путь.

Съ другой стороны, такимъ владѣльцамъ каковы были кадій Табасаранскій, шамхалъ Тарковскій и уцмій Каракайдакскій, денежныя субсидіи дѣлались необходимыми. Владѣнія этихъ трехъ лицъ, простиравшіяся отъ Кизляра до Дербента, составляли непрерывную побережную часть Каспійскаго моря. Деньгами или другими какими-либо средствами, но намъ необходимо было сохранять съ ними дружескія отношенія собственно для обезпеченія нашей азіятской торговли.

Та же самая причина заставляла наше правительство обратить вниманіе на хановъ Дербентскаго и Бакинскаго, владѣнія которыхъ также простирались по берегу Каспійскаго моря. По заключеніи договора, посланецъ Шейхъ-Али-хана Дербентскаго объявилъ князю Цыціанову, что имѣетъ отъ своего хана повелѣніе ѣхать въ С.-Петербургъ съ письменными и словесными порученіями, объявить которыя главнокомандующему онъ не можетъ. Догадываясь, въ чемъ состоитъ просьба хана, князь Цыціановъ просилъ его сказать откровенно, сколько нужно хану войска и денегъ. Главнокомандующій обѣщалъ оказать ему помощь войсками и даже скорѣе, чѣмъ

---

[1]) Канцлеру отъ 11-го апрѣля 1803 г.

деньгами. Медетъ-бекъ повторялъ просьбу о дозволеніи отправиться въ С.-Петербургъ, и увѣрялъ, что его ханъ охотно приметъ всякую помощь отъ русскихъ. Помощь эта была необходима Шейхъ-Али-хану для борьбы его съ ханами Шемаханскимъ и Бакинскимъ.

Область Бакинская въ прежнія времена принадлежала хану Дербентскому, и на этомъ основаніи Шейхъ-Али-ханъ все время хлопоталъ о томъ, чтобы возвратить ее и присоединить къ своимъ владѣніямъ. Бакинскій ханъ, игравшій впослѣдствіи столь значительную роль въ судьбѣ князя Циціанова, былъ недоброжелателенъ къ Россіи. Какъ человѣкъ, Хуссейнъ-Кули-ханъ былъ слабъ, легковѣренъ и скорѣе трусъ, чѣмъ храбръ. Какъ правитель, будучи далекъ отъ предпріимчивости и вялъ въ дѣлахъ, онъ легко поддавался вліянію своихъ приближенныхъ чиновниковъ, грабившихъ безъ милосердія его подвластныхъ. Владѣя небольшимъ клочкомъ земли съ малымъ населеніемъ, Хуссейнъ не смѣлъ и помышлять о сопротивленіи другимъ ханамъ и не пользовался между ними никакимъ уваженіемъ.

Безхарактерность и сознаніе своей слабости заставляли Хусейнъ-хана поддерживать постоянныя сношенія и связи съ Мустафою-ханомъ Ширванскимъ (Шемахинскимъ), но связи эти были основаны на личной и необходимой его выгодѣ. Не имѣя никакой собственности, кромѣ города Баку, Хуссейнъ былъ въ полной зависимости отъ Мустафы, подпора и добрыя отношенія котораго ему были столько же нужны, какъ человѣку пища. Онъ сознавалъ, однако же, что и этотъ союзъ непроченъ и что при первомъ удобномъ случаѣ Мустафа не откажется наложить на него свою руку. Бакинское ханство со времени отдѣленія отъ Дербентскаго недолго оставалось самостоятельнымъ и независимымъ: оно скоро сдѣлалось постояннымъ данникомъ хановъ ширванскихъ. Такимъ образомъ, находясь между двухъ огней, Хуссейнъ могъ считать себя повелителемъ ханства только до тѣхъ поръ, пока сохранитъ добрыя отношенія съ Мустафою и успѣетъ оборониться отъ притязаній хана дербентскаго.

Видя столь стѣсненное положеніе Хуссейнъ-хана и желая присоединить бакинскій портъ къ владѣніямъ Россіи безъ военныхъ дѣйствій, князь Циціановъ старался, пользуясь положеніемъ хана,

убѣдить его, что ему не у кого кромѣ Россіи искать помощи, защиты и покровительства. Съ этою цѣлью, главнокомандующій поручилъ нашему консулу въ Персіи Скибиневскому намекнуть Хуссейнъ-хану, что Шейхъ-Али-ханъ дербентскій проситъ у насъ войска для дѣйствія противъ него, Хуссейна; что если, для предупрежденія совершеннаго разоренія Баку, ханъ попроситъ для своей защиты ввести русскій гарнизонъ въ городъ, то въ такой милости можетъ быть ему и не откажутъ.

Смотря по откровенности Хуссейнъ-Кули-хана и податливости его на подобное предложеніе, Скибиневскій былъ уполномоченъ присовокупить, что если бы хану нужно было войско въ самомъ скорѣйшемъ времени, то тотчасъ же присланы будутъ въ Баку два баталіона изъ Грузіи.

Сообщеніе это повидимому подѣйствовало на бакинскаго хана, и мысль о присоединеніи Баку къ владѣніямъ Россіи, казалось, готова была осуществиться противъ всѣхъ ожиданій нашего правительства. Тѣснимый дербентскимъ ханомъ, Хуссейнъ надѣялся теперь избавиться отъ его притязаній при помощи князя Циціанова, къ которому и отправилъ своего посланнаго. Пробравшись втихомолку черезъ Астрахань, Кизляръ и Кавказское ущелье, посланный прибылъ въ Тифлисъ въ мартѣ 1803 года. Онъ привезъ письмо, въ которомъ ханъ писалъ, что уполномочилъ своего молочнаго брата Ала-Верды-бека увѣдомить главнокомандующаго «о покорности и послушаніи» хана русскому правительству.

Сознавая вполнѣ, что князю Циціанову хорошо извѣстны какъ характеръ, такъ и поведеніе хана, Хуссейнъ не желалъ входить съ нимъ въ сношеніе и, надѣясь обманомъ и различнаго рода изворотами усыпить бдительность нашего правительства въ Петербургѣ, просилъ объ отправленіи своего посланнаго къ высочайшему двору. Заручившись рѣшеніемъ въ Петербургѣ, онъ думалъ обойти князя Циціанова и получить помощь безъ всякихъ обязательствъ. Главнокомандующій не согласился на отправленіе въ Петербургъ Ала-Верды-бека, и тогда послѣдній передалъ ему письмо хана на имя императора, въ которомъ тотъ, прося защиты, писалъ, что «всѣ Высочайшія повелѣнія будутъ приняты мною съ покорностію».

Въ отвѣтъ на это Ала-Верды-беку было объявлено, что если онъ дѣйствительно имѣетъ неограниченное полномочіе отъ своего хана къ заключенію условій на уступку города Баку вмѣстѣ съ гаванью и на вступленіе хана въ подданство Россіи, то далъ бы главнокомандующему письменное обязательство, которое могло бы служить документомъ и опорою для обѣихъ договаривающихся сторонъ.

Послѣ предварительныхъ и долгихъ объясненій Ала-Верды-бекъ написалъ собственноручно условія, по которымъ Хуссейнъ-Кули-ханъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, городомъ Баку и всѣмъ тѣмъ, что Баку издревле принадлежало, готовъ былъ поступить въ подданство Россіи «на вѣчныя времена и непоколебимо». Обезпеченіе города, постройку пристани и другихъ пособій для поддержанія и развитія торговли онъ предоставлялъ русскому правительству, а взамѣнъ того просилъ свободы вѣроисповѣданія, введенія русскаго гарнизона въ г. Баку для защиты его отъ внѣшнихъ враговъ, оставленія образа правленія страны на прежнихъ правахъ въ его власти [1]), и наконецъ разрѣшеніе строить суда въ Астрахани и отдавать ихъ въ наемъ.

Донося объ условіяхъ, заключенныхъ съ Ала-Верды-бекомъ, и имѣя въ виду, что для исполненія составленнаго предположенія о предѣлахъ, которыми должны были ограничиться владѣнія наши въ Грузіи и вообще въ Закавказьѣ, князь Цаціановъ признавалъ необходимымъ нынѣ же занять Дербентъ и Баку нашими войсками.

Указывая на выгоды имѣть въ своихъ рукахъ столь важный портъ на Каспійскомъ морѣ, какимъ былъ Бакинскій, главнокомандующій просилъ объ усиленіи его двумя полками и присовокуплялъ, что другаго столь удобнаго случая для занятія этихъ двухъ пунктовъ не будетъ.

---

[1]) «Долгомъ поставляю донести, писалъ при этомъ князь Цаціановъ, что подъ словами: «на прежнихъ правахъ» заключается, по разумѣнію посланца, и смертная казнь. Но, какъ упорство его устрашало меня несостояніемъ сего постановленія, и какъ 1-я и 2-я статьи, повергающія городъ и хана бакинскаго въ совершенное подданство, даютъ неоспоримое право не терпѣть смертной казни, то я рѣшился оставить сей пунктъ...» См. Всеподдан. рап. 31-го марта 1803 г. Арх. М. И. Д. 1—10, 1803—6, № 2.

«Честолюбивый и предпріимчивый Шейхъ-Али-ханъ, писалъ князь Циціановъ [1]), ищетъ, посредствомъ нашего пособія, низвергнуть Мустафу-хана шемахинскаго, дабы на мѣсто его поставить двоюроднаго брата его Касимъ-хана, который теперь находится въ Дербентѣ и у котораго за сію услугу намѣренъ выговорить уступку провинціи Сальянъ, по ханству Кубинскому, предкамъ его принадлежавшую. Посланецъ дербентскій Медетъ-бекъ открылъ мнѣ, что онъ имѣетъ письмо къ вашему императорскому величеству и отъ помянутаго Касимъ-хана, чаятельно въ томъ же смыслѣ.

«Низверженіе Мустафы-хана шемахинскаго, яко явнаго недоброжелателя нашего, можетъ немало споспѣшествовать къ достиженію желаемой цѣли, но коль скоро узнаю высочайшую волю вашего императорскаго величества приступить къ предназначенному предпріятію, то считаю еще полезнѣйшимъ, утвердить на ханство Касима безъ помощи Шейхъ-Али-хана, а посредствомъ Аваръ-хана лезгинскаго, котораго посланный Аджи-Муса-бекъ увѣрительно обнадежилъ меня, что, въ доказательство вѣрноподданнической ихъ преданности къ престолу новаго и великаго ихъ монарха, они ожидаютъ отъ меня съ жадностью перваго повелѣнія, дабы выполнить оное съ должною скоростью и точностью. А чрезъ сіе, предварительно послѣдующими происшествіями берегъ сальянскій, необходимо нужный для охраненія устья Куры, займется безъ малѣйшаго затрудненія нашимъ войскомъ и при первомъ знакѣ, гарнизонъ дербентскій приведетъ въ послушаніе городъ и окружности.

«Въ таковыхъ обстоятельствахъ, счелъ я нужнымъ обнадежить посланца Шейхъ-Али-хана, исходатайствованіемъ для него всемилостивѣйшаго позволенія Вашего Императорскаго Величества отправиться въ С.-Петербургъ, въ ожиданіи котораго предложилъ я ему ѣхать въ Астрахань.

«Къ сему осмѣливаюсь присовокупить, что буде воспослѣдуетъ высочайшая воля вашего императорскаго величества дѣйствовать, то для занятія приличными гарнизонами каспійскихъ поморскихъ

[1]) Въ рапортѣ Г. И. отъ 8-го января 1803 г. Арх. М. И. Д. 1 — 10, 1803—1806 гг., № 2.

городовъ, на которые устремятся первыя мои начинанія, нужно будетъ прибавить войска въ мое распоряженіе, по крайней мѣрѣ, девять батальоновъ; также усилить всѣ прочіе недостаточные мои по сему предмету способы.»

Мысль о занятіи Дербента и Баку обратила на себя вниманіе Императора Александра и подверглась разнымъ толкамъ. Графъ Валеріанъ Зубовъ, отъ котораго потребовано было мнѣніе, полагалъ, что занятіе вообще всѣхъ прибрежныхъ городовъ по Каспійскому морю онъ считаетъ рановременнымъ. Для окончательнаго рѣшенія графъ Зубовъ считалъ необходимыхъ имѣть подробныя свѣдѣнія о томъ: сколько князь Циціановъ предполагаетъ употребить войска на высадку? Довольно ли для этого судовъ на Каспійскомъ морѣ? Какимъ образомъ будутъ продовольствоваться войска? И наконецъ, по занятіи этихъ пунктовъ нашими войсками, необходимо было рѣшить предварительно вопросъ: какое устройство и управленіе они должны будутъ получить, для болѣе прочнаго утвержденія нашего въ тѣхъ мѣстахъ? Имѣя все уже готовымъ, князь Циціановъ, конечно, могъ бы дѣйствовать съ успѣхомъ, «а безъ сего, писалъ графъ Зубовъ [1]), князь Циціановъ, со всею дѣятельностію своею и способностями, едва-ли что либо сдѣлаетъ въ наступающую навигацію. Я думаю, что въ теченіе нынѣшняго года все вниманіе его главнѣйше должно быть обращено на устроеніе Грузіи и на распространеніе колико возможно ея предѣловъ. Польза отъ сего — важнѣйшая всѣхъ, ибо симъ упрочивается все послѣдующее».

Во всякомъ же случаѣ, по мнѣнію графа Зубова, экспедиція эта ни въ какомъ случаѣ не могла быть предпринята ранѣе мая мѣсяца 1804 года. Продовольствіе войскъ представляло болѣе всего затрудненій. Астрахань, сама питаясь привознымъ хлѣбомъ, едва ли могла снабдить достаточнымъ числомъ провіанта, нужнаго для экспедиціи. Поэтому князю Циціанову пришлось бы заготовлять его въ Саратовѣ и Волжскѣ, въ которыхъ покупка производилась обыкновенно зимою, время, въ которое его наиболѣе подвозилось

---

[1]) Изъ записки графа В. Зубова, поданной императору. Арх. М. И. Д 1–10, 1803–1806, № 2.

въ эти города. Къ тому же доставка провіанта оттуда въ Астрахань была затруднительна и требовала значительнаго времени.

Съ другой стороны, князь Циціановъ, считая необходимымъ занять Дербентъ, просилъ о прибавкѣ войскъ, которыхъ назначить было не откуда, и полагалъ поставить Касима ханомъ шемахинскимъ безъ помощи Шейхъ-Али-хана дербентскаго при одномъ только содѣйствіи хана аварскаго. Это послѣднее намѣреніе уже само по себѣ не ручалось за хорошій успѣхъ. Какъ только наши войска заняли бы Дербентъ, Шейхъ-Али-ханъ увидалъ бы, что мы вовсе не расположены содѣйствовать ему къ возведенію Касимъ-хана на шемахинское ханство, то, конечно, онъ понялъ бы и разгадалъ причины, заставившія наше правительство согласиться на занятіе Дербента. Занятіе это могло имѣть тогда весьма дурное слѣдствіе: оно подорвало бы окончательно всякую довѣренность къ русскому правительству со стороны всѣхъ горскихъ владѣтелей. Мы же переживали въ то время такую эпоху, когда довѣріе это было намъ необходимо гораздо болѣе, чѣмъ во всѣ предъидущія и послѣдующія времена. Интриги и происки Шейхъ-Али-хана Дербентскаго, теперь еще болѣе увеличивали бы наши затрудненія. Невыгоды были такъ очевидны и уважительны, что Императоръ не согласился на предложеніе князя Циціанова занять Дербентъ нашими войсками.

Но, не отвергая пользы пріобрѣтенія этого города и колеблясь въ окончательномъ рѣшеніи, Императоръ Александръ требовалъ отъ главнокомандующаго, прежде разрѣшенія ему дѣйствовать наступательно, самаго подробнаго и основательнаго обсужденія мѣстныхъ обстоятельствъ [1]).

«Донынѣ же, писалъ императоръ, намѣреніе мое относительно экспедиціи на Баку и Сальянъ есть то, чтобы оная не прежде получила свое начало, какъ во-первыхъ, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и, наконецъ, по снабженіи васъ точными и поколику можно надежными средствами для произведенія ея въ дѣйство съ желаемымъ успѣхомъ. А поколику для учиненія распоряженій сихъ естественнымъ образомъ потребно будетъ нема-

[1]) Высочайшій рескриптъ князю Циціанову 19-го марта 1803 г.

лое время, то въ семъ разсужденіи и предполагаю я, что событіе этой экспедиціи не можетъ ранѣе воспослѣдовать, какъ весною будущаго 1804 года.»

Въ другомъ рескриптѣ, подписанномъ и отправленномъ съ тѣмъ же курьеромъ, императоръ предоставлялъ исполненіе предположеній князя Циціанова его собственному усмотрѣнію.

«Хотя въ рескриптѣ моемъ, писалъ Александръ [1]), съ симъ же курьеромъ къ вамъ отправленнымъ, увѣдомилъ я васъ, что экспедицію на Баку и Сальянъ и прочія побережныя мѣста Каспійскаго моря почитаю я рановременною; о занятіи же Дербента сообщилъ я вамъ представляющіяся разсужденія касательно встревоженія прочихъ хановъ и препоны, отъ того случиться могущей, произведенію въ дѣйство послѣдующаго. Но дознанное мною усердіе къ службѣ и отличныя способности ваши склоняютъ меня оставить безпрепятственно на произволъ вашъ ожидать-ли совокупленія недостающихъ у васъ средствъ, или, довольствуясь тѣми, кои уже въ рукахъ вашихъ находятся, приступить къ исполненію предначертаннаго плана, особливо если найдете вы, что самыя обстоятельства того края требуютъ оный не отлагать.

«Между тѣмъ указалъ я государственной адмиралтействъ-коллегіи поручить вашему вѣдѣнію флотилію Каспійскаго моря; девять же баталіоновъ, просимыхъ вами, отрядить я не могу. Если, не получа сего усиленія, найдетесь вы въ состояніи, не обнаживъ Кавказской линіи и оградя границу сію отъ набѣговъ горскихъ народовъ, предпринять экспедицію на побережныя мѣста Каспійскаго моря, то я на то соглашусь, оставляя вашему соображенію какъ продовольствіе войскъ, такъ и устроеніе мѣстъ сихъ по занятіи оныхъ; увѣренъ будучи, что вы все распорядите образомъ, соотвѣтственнымъ пользѣ государства и собственной вашей чести, а равномѣрно не предпримите ничего, не бывъ заранѣе удостовѣрены въ благонадежности успѣха.»

Хотя послѣ этого главнокомандующій и не долженъ былъ разсчитывать на присылку новыхъ войскъ въ Грузію, но онъ надѣялся, что съ перемѣною обстоятельствъ наше правительство не

[1]) Высочайшій рескриптъ отъ 20-го марта 1803 г.

упуститъ случая воспользоваться согласіемъ бакинскаго хана вступить въ подданство Россіи.

«Дерзаю всеподданнѣйше присовокупить, писалъ князь Циціановъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, что упущеніе столь удобнаго случая занять городъ Баку и присоединить оный къ Всероссійской державѣ, безъ чувствительнаго казеннаго иждивенія, почелъ я противнымъ обязанностямъ, на меня возложеннымъ, и усердію моему къ службѣ и потому для выполненія въ точности священной воли вашего императорскаго величества буду ожидать на сіе рѣшительнаго повелѣнія.»

Считая себя, въ случаѣ отказа, окончательно парализованнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, князь Циціановъ просилъ содѣйствія канцлера и писалъ ему, что безъ присылки новыхъ войскъ не представляется никакой возможности занять Баку. Разсчитывая, что на этотъ разъ представленіе его будетъ имѣть успѣхъ, и зная, что пріобрѣтеніе Баку, а тѣмъ болѣе при добровольной уступкѣ не было противно общимъ предначертаніямъ и инструкціи, ему данной, главнокомандующій поручилъ шефу астраханскаго гарнизоннаго полка, генералъ-маіору Завалишину, заготовить провіантъ, необходимый для продовольствія отряда. На обязанность его же возложено узнать и приторговать, почемъ возьмутъ за доставку хлѣба въ Баку на наемныхъ транспортахъ, для прикрытія которыхъ приказано было приготовить въ Астрахани два или три военныхъ судна, могущихъ служить при удобномъ случаѣ и для дальнѣйшихъ предпріятій нашихъ на западномъ берегу Каспійскаго моря.

Въ то же время, для отвлеченія вниманія Шейхъ-Али-хана дербентскаго отъ всѣхъ движеній и дѣйствій, главнокомандующій послалъ къ нему нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что будто бы получилъ разрѣшеніе Императора Александра на возведеніе Касима на ханство Шемахинское и потому готовъ приступить къ этому по обоюдному соглашенію въ дѣйтсвіяхъ. Князь Циціановъ писалъ хану дербентскому, что, удовлетворяя его желаніямъ, онъ считаетъ затѣмъ ненужнымъ отправленіе посланца его Медетъ-бека къ высочайшему двору. Генералъ-маіоръ Завалишинъ же, при врученіи письма князя Циціанова

посланцу дербентскому, находившемуся въ Астрахани, какъ бы въ видѣ особой къ нему откровенности, долженъ былъ сказать, что вооруженіе флотиліи нашей производится для наказанія хищныхъ подданныхъ уцмія каракайдакскаго, разграбившихъ судно одного изъ нашихъ астраханскихъ купцовъ. Впрочемъ, возстановленіе Касимъ-хана главнокомандующій считалъ и для нашихъ видовъ небезвыгоднымъ; онъ даже думалъ при удачныхъ и удобныхъ обстоятельствахъ приступить къ дѣйствительному исполненію этого. Во всякомъ же случаѣ проволочку времени въ переговорахъ съ Шейхъ-Али-ханомъ дербентскимъ онъ считалъ необходимою.

«Въ заключеніе сего, доносилъ князь Циціановъ, пріемлю смѣлость всеподданнѣйше представить мнѣніе мое благоусмотрѣнію вашего императорскаго величества по поводу изображеннаго сомнѣнія, не откроются ли черезъ сіе прежде времени настоящіе виды наши и не поколеблется ли тѣмъ довѣренность къ намъ прочихъ хановъ? Поелику ни одинъ народъ не превосходитъ не рсіянъ въ хитрости и въ свойственномъ имъ коварствѣ, то смѣю утвердительно сказать, что никакія предосторожности въ поступкахъ не могутъ удостовѣрить ихъ въ благовидности нашихъ предпріятій, когда замѣтить можно даже въ нравахъ грузинскаго народа, почерпнувшаго изъ Персіи, вкупѣ съ владычествомъ невѣрныхъ, нѣкоторую часть ихъ обычаевъ, что самыя благотворныя учрежденія правительства нерѣдко приводятъ оный въ сомнѣніе и колеблютъ умы недовѣрчивостію. Водвореніе въ Грузіи россійскаго могущества не переставало тревожить персидскихъ хановъ, а паче Баба-хана, который изъявлялъ неоднократно на Грузію свои притязанія. Если нѣкоторые адербейджанскіе ханы оказывали дружелюбіе и наклонность къ россійскому правительству, то въ чистосердечіи ихъ съ основательностію ручаться не можно, да и больше есть причины думать, что они сіе дѣлали отъ страха, а не отъ усердія.

«Страхъ и корысть суть двѣ господствующія пружины, коими управляются дѣла въ Персіи, гдѣ права народныя, вкупѣ съ правилами человѣчества и правосудія, не воспріяли еще своего начала, и потому я заключаю, что страхъ, наносимый ханамъ пер-

сидскимъ побѣдоноснымъ оружіемъ вашего императорскаго величества, яко уже существующій, не можетъ вредить нашимъ намѣреніямъ, поколику почитаю я оный для нихъ необходимымъ. Напротивъ того, причины довѣренности къ будущимъ подвигамъ нашимъ имѣютъ уже твердое основаніе у сосѣдственныхъ народовъ, которые, удостовѣрясь, очевидно, въ благости россійскаго правленія, не смотря на злоупотребленія, при первомъ шагѣ въ Грузіи вкоренившіяся, по всеобщему разуму милосердыхъ законовъ вашего императорскаго величества, ограждающихъ личность и собственность каждаго, единодушно воздыхаютъ о событіи того происшествія, когда они содѣлаются подданными сильной и правосудной державы и чадами единаго милосерднаго отца. Армяне, населяющіе большую часть адербейджанскихъ провинцій, по единому христіанству и по увѣренности ихъ въ торговомъ промыслѣ, подъ защитою россійскаго правительства, питаютъ, для собственнаго блага, основательную къ намъ преданность и желаніе видѣть скорѣйшее и благоуспѣшное водвореніе въ сихъ странахъ россійскаго владычества, и взываютъ ко мнѣ ежедневно о поспѣшеніи экспедиціею на Эривань. Изъ всего сего явствуетъ, что могущества россійскаго оружія трепетать должны единыя неправедныя и безчеловѣчныя власти хановъ персидскихъ и корыстолюбивые сообщники насильственнаго ихъ правленія. Ибо многія поколѣнія, даже магометанскаго исповѣданія, а паче татарскія, ищутъ позволенія и удобнаго случая переселиться въ предѣлы грузинскіе.»

Когда въ Петербургѣ получено было первое свѣдѣніе о переговорахъ, начатыхъ княземъ Циціановымъ съ бакинскимъ ханомъ, наше правительство сдѣлало распоряженіе о скорѣйшемъ отправленіи въ Грузію двухъ полковъ съ Кавказской линіи [1]). Поводомъ къ тому было составившееся убѣжденіе, что съ горскими владѣльцами нѣтъ возможности поддерживать дружескія отношенія одними договорами и что только одна сила могла удержать ихъ въ предѣлахъ покорности.

Въ самомъ дѣлѣ, чего можно было ожидать отъ мнимаго подданства всѣхъ дагестанскихъ владѣльцевъ? Чѣмъ возможно было

[1]) Письма князя Кочубея князю Циціанову 26-го апрѣля 1803 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ по департаменту общихъ дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II.

удержать отъ варварскихъ обычаевъ народы закоренѣлые въ грабительствѣ? Не только простые договоры, но и жалованье не могло служить въ этомъ случаѣ обезпеченіемъ. Одна военная сила могла держать ихъ въ страхѣ и покорности. Они присягнули на вѣрность подданства Россіи; всѣ, какъ мы видѣли, заключили съ нами союзное постановленіе и клялись въ вѣрности, и тутъ же своими поступками нарушали клятву.

«Вражда есть пища и упражненіе горскихъ народовъ, писалъ князь Цицiановъ Императору Александру» [2]). Видя силу россійскаго оружія, въ Кавказѣ водвореннаго, они прибѣгаютъ къ намъ, прося другъ противъ друга помощи, и такимъ образомъ сами ходатайствуютъ о собственной своей гибели. Не смѣя одобрить предъ человѣколюбивымъ сердцемъ вашего императорскаго величества сію систему завоеванія, долженъ сказать, что она необходима въ настоящихъ обстоятельствахъ. Единое обезпеченіе астраханской торговли достаточно, чтобъ подвигнуть къ занятію западнаго берега Каспійскаго моря до мѣстечка Сальянъ, не говоря уже о положеніи Грузіи, которая требуетъ неминуемо вѣрнѣйшихъ границъ и распространенія оныхъ, для первоначальной увѣренности и удобности къ сообщенію, по крайней мѣрѣ, до Каспійскаго моря».

Между тѣмъ, князь Цицiановъ сообщилъ хану бакинскому, что Императоръ Александръ, соглашаясь, на основаніи заключенныхъ условій, принять хана въ подданство, не изъявилъ согласія оставить въ рукахъ хана смертную казнь. Главноуправляющій увѣдомилъ при этомъ Хуссейна, что войска, назначенныя для занятія Баку, прибудутъ туда вскорѣ. Одновременно съ этимъ сообщеніемъ, Ала-Верды-бекъ, при возвращеніи своемъ изъ Тифлиса, былъ задержанъ Мустафою-ханомъ ширванскимъ, который, провѣдавъ объ искательствѣ Хуссейнъ-хана, отнялъ отъ посланнаго всѣ бумаги и подъ пыткою допрашивалъ, нѣтъ ли еще какихъ секретныхъ порученій отъ главноуправляющаго къ бакинскому хану. Этотъ поступокъ шемахинскаго хана, имѣвшаго въ самомъ городѣ Баку многихъ приверженныхъ людей и вслѣдствіе

[2]) Отъ 26-го марта 1803 г. Т. А. К. Н.

того большое вліяніе на хана, испугалъ послѣдняго. Подстрекаемый окружающими, Хуссейнъ не призналъ договора, заключеннаго Ала-Верды-бекомъ, о чемъ и сообщилъ князю Циціанову, говоря, что постановленіе это заключено противу воли его, и что Ала-Верды нарушилъ данныя ему наставленія и полномочія [1]).

Отказъ этотъ въ исполненіи условій, только что заключенныхъ, не могъ вызвать энергическихъ дѣйствій съ нашей стороны. Князь Циціановъ былъ безсиленъ для того, чтобы употребить въ дѣло оружіе и силою заставить бакинскаго хана исполнить постановленія. Бывшая въ распоряженіи главноуправляющаго флотилія наша на Каспійскомъ морѣ была такъ неисправна, что не могла тотчасъ выступить въ море, а отдѣлить часть сухопутныхъ войскъ для дѣйствія противъ Баку было также невозможно. Поэтому князю Циціанову оставалось ожидать удобнаго времени къ тому, чтобы силою заставить Хуссейна исполнить заключенныя условія. Зная коварство всѣхъ азіятскихъ владѣльцевъ, петербургскій кабинетъ принялъ довольно равнодушно извѣстіе объ отказѣ бакинскаго хана и, приписывая главную причину проискамъ Мустафы-хана ширванскаго, поручилъ князю Циціанову стараться склонить послѣдняго ко вступленію въ подданство Россіи, такъ какъ, по соображеніи хода дѣлъ и по мнѣнію нашего правительства, покореніе Шемахинской провинціи должно было служить преддверіемъ для занятія Баку [2]).

---

[1]) Рапортъ князя Циціанова Г. И. 19-го іюля 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1803—6, № 2.

[2]) Депеша канцлера князю Циціанову отъ 23-го сентября 1803 г. Арх Мин. Иностр. дѣлъ.

III.

Прибытіе князя Циціанова въ Тифлисъ.—Отправленіе лицъ грузинскаго царскаго дома въ Россію.—Письмо царевича Юлона къ Циціанову и отвѣтъ на него.—Отправленіе царевичей Вахтанга и Давида.—Бѣгство изъ Тифлиса царевича Теймураза.—Письмо къ нему князя Циціанова.—Обстоятельства вынуждаютъ отправить силою царицу Марью въ Россію.—Распоряженія къ ея вывозу.—Убійство генерала Лазарева.—Отправленіе царицы въ Воронежъ и заключеніе ея въ монастырь.—Письмо царицы Марьи къ Императору Александру I.

Сдавши начальство на Кавказской линіи генералъ-лейтенанту Шепелеву, князь Цицiановъ 20-го января 1803 года отправился въ Тифлисъ, гдѣ предстояла ему крайне щекотливая дѣятельность уничтожить интриги лицъ царской фамиліи, простиравшейся вмѣстѣ съ родственниками и свойственниками до 90 человѣкъ обоего пола.

Разсказывая о состояніи Грузіи при послѣднихъ царяхъ, мы имѣли случай видѣть тѣ грабежи и притѣсненія, которымъ подвергался народъ отъ царевичей и царевенъ, неповиновавшихся царской власти и враждовавшихъ между собою.

Послѣ смерти Георгія, вопросъ о престолонаслѣдіи вызвалъ интриги лицъ царскаго семейства, какъ между собою, такъ и среди народа, который они подговаривали въ свою пользу, волновали и въ то же время грабили и притѣсняли. Грузины искали спокойствія, желали подданства Россіи, а царевичи старались противодѣйствовать этому и возстановить ихъ противъ нашего правительства. Борьба партій вызвала волненія, которымъ князь Цицiановъ хотя не придавалъ большаго значенія и не называлъ ихъ, подобно Коваленскому, бунтомъ, но не могъ не признать, что единственнымъ средствомъ прекратить эти волненія и водворить спокойствіе въ Грузіи было отправленіе въ Россію всѣхъ членовъ царскаго дома.

Такое удаленіе, хотя бы и временное, вызывалось желаніемъ блага грузинскому народу и было вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ видами нашего правительства, полагавшаго «усилить мѣры къ вызову въ Россію царицы Дарьи и прочихъ членовъ царскаго дома, коихъ присутствіе въ Грузіи всегда будетъ предлогомъ и причи-

ною непріятельскихъ партій» [1]). Дѣло это казалось тѣмъ болѣе легкимъ, что царица Дарья сама заявляла готовность ѣхать вмѣстѣ съ дочерьми въ Россію, но готовность эта, какъ увидимъ ниже, была только на словахъ, а не на дѣлѣ.

Въ августѣ 1802 года Дарья писала императору, что давно желала отправить къ нему просьбу о разрѣшеніи ей ѣхать въ Россію, но что этому мѣшалъ будто бы караулъ, «приставленный въ самомъ домѣ моемъ». Жалуясь на свое положеніе, царица писала, что если она не удостоится лично «поклониться» императору, то такое несчастное и оскорбительное состояніе можетъ повергнуть ее въ гробъ [2]). Не довольствуясь этимъ заявленіемъ, Дарья отправила одновременно письма императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ и князю Куракину, котораго просила употребить свое содѣйствіе къ скорѣйшему вызову ея въ Россію. «Симъ одолжите меня навсегда, писала она, облегчите наложенную на мнѣ несказанную печаль и заставите быть всегда вамъ благодарной [3])».

Жалобы на притѣсненія и установленный за нею присмотръ были конечною цѣлью письма, а между тѣмъ въ Петербургѣ вѣрили въ чистосердечное желаніе царицы выѣхать въ Россію. Императоръ Александръ съ свойственною ему деликатностью и предупредительностію торопился сообщить царицѣ, что князю Цицианову повелѣно предоставить ей всѣ средства и удобства къ предстоящему путешествію. «Нахожу совершенное удовольствіе, писалъ императоръ [4]), снова увѣрить вашу свѣтлость, при семъ случаѣ, что мнѣ пріятно будетъ видѣть васъ въ столицѣ».

Желая вмѣстѣ съ тѣмъ показать свое расположеніе къ царевичамъ, бывшимъ въ С.-Петербургѣ, императоръ простеръ свое вни-

---

[1]) Журн. Госуд. Совѣта 1-го сентября 1802 г. Арх. Минис. Внут. Дѣлъ по департ. общихъ дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II.

[2]) Письмо царицы Дарьи отъ 30-го августа 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. VII.

[3]) Письмо ея же кн. Куракину отъ 22-го августа 1802 г. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, II—7, 1801, № 2.

[4]) Обѣ императрицы также писали, что имъ будетъ весьма пріятно видѣть царицу Дарью въ С.-Перербургѣ. См. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. VII.

маніе до того, что приказалъ передать въ Каменноостровскомъ театрѣ ложу въ постоянное распоряженіе царевичей [1]).

Пользуясь отправленіемъ къ царицѣ писемъ особъ императорскаго дома, князь Циціановъ присоединилъ и свое, въ которомъ писалъ Дарьѣ, что остается въ Георгіевскѣ только для того, чтобы встрѣтить тамъ царицу прилично ея сану и облегчить ей путешествіе въ столицу. Князь сообщалъ царицѣ, что поручилъ генералу Лазареву и правителю Грузіи Коваленскому устроить ея путешествіе на столько удобнымъ, чтобы она не могла «обрѣсти ни малѣйшей разности между онымъ и тифлисскими улицами» [2]). Главнокомандующій высказалъ надежду, что не болѣе какъ черезъ три дня она соберется и отправится въ путь.

Сомнѣваясь, однако же, въ искренности желаній царицы, князь Циціановъ рѣшился все-таки выждать въ Георгіевскѣ отвѣтъ ея на письмо Императора Александра и въ случаѣ неудовлетворительности его, ѣхать туда немедленно самому, съ тѣмъ, чтобы принять рѣшительныя мѣры къ отправленію въ Россію всѣхъ членовъ грузинскаго царственнаго дома [3]).

Предположенія князя Павла Дмитріевича совершенно оправдались. Въ новый годъ, въ полдень, Коваленскій, которому поручено было передать письма, пріѣхалъ къ царицѣ Дарьи и засталъ ее окруженною дѣтьми. Онъ передалъ ей письма, и царица тутъ же прочла ихъ.

— Какой отвѣтъ дадите относительно отъѣзда? спросилъ Коваленскій.

— По причинѣ праздника, отвѣчала она, я не могу такъ скоро дать отвѣта. Прошу васъ къ себѣ вечеромъ, а между тѣмъ подумаю объ этомъ и прочту со вниманіемъ письмо его императорскаго величества по переводѣ его, ибо оно прислано безъ перевода.

Вечеромъ Дарья объявила Коваленскому, что послѣ болѣзни,

[1]) Отношеніе графа Кочубея кн. Циціанову отъ 21-го декабря 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ.

[2]) Письмо кн. Циціанова царицѣ Дарьѣ 27-го декабря 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ по департаменту общ. дѣлъ, ч. VII, 81.

[3]) Рап. кн. Циціанова Г. И. 28-го декабря 1802 г.

которою страдала болѣе мѣсяца, чувствуетъ себя на столько слабою, что не можетъ пройти по комнатѣ, и потому, какъ ни лестны для нея высочайшія приглашенія и сколь ни важенъ сей отъѣздъ для собственной ея пользы, но все-таки она не рѣшается пуститься въ путь при ея слабости, преклонныхъ лѣтахъ и въ настоящее суровое время. Царица объявила, впрочемъ, что воспользуется монаршею милостію при первомъ удобномъ случаѣ [1]).

На другой день новаго года Дарья отправила отвѣтное письмо князю Циціанову, въ которомъ высказалась вполнѣ хитрая женщина, какою она и была въ дѣйствительности. Царица писала, что, получивъ письмо главнокомандующаго, она исполнилась матерняго чувства, вспомнивъ какъ о своемъ мужѣ Ираклiѣ II, такъ и объ отцѣ князя Павла Дмитріевича, «между коими была величайшая связь дружбы». Ссылаясь на свою болѣзнь и отказываясь ѣхать въ Россію, она просила князя Циціанова не ожидать ее въ Георгіевскѣ, а ѣхать скорѣе въ Тифлисъ. Не отвергая того, что поправляется отъ одержимой ея болѣзни, Дарья высказывала боязнь, чтобы поспѣшные сборы и отправленіе «не учинились вѣчною препоною удостоиться поклоненія его императорскому величеству»...

«Желательно мнѣ было, писала царица [2]) въ заключеніи своего письма, продлить сіе письмо такъ, какъ пріятно матери бесѣдовать съ сыномъ своимъ возлюбленнымъ, но причиною краткости есть поспѣшность моя къ отвѣтамъ. Прошу васъ принять сіе яко сынъ отъ матери.»

Одновременно съ этимъ, находившійся въ Грузіи для горныхъ изысканій графъ Мусинъ-Пушкинъ писалъ князю Циціанову [3]), что «хитрость и недовѣрчивость, въ сердцѣ царицы вселившіяся, препятствуютъ несравненно болѣе ея отъѣзду, нежели болѣзнь, отъ которой она освободилась. Правда, что еще слаба и чрезъ три дня ѣхать невозможно, но черезъ двѣ недѣли, ежели только на сіе рѣшится, то выѣдетъ».

---

[1]) Письмо Коваленскаго къ кн. Циціанову 2-го января 1803 г., № 6. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, ч. VII, 68.

[2]) Письмо царицы Дарьи князю Циціанову 2-го января 1803 г. Арх. Мин. Вунтр. Дѣлъ, ч. VII, 67.

[3]) Отъ 2-го января 1803 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ

Графъ Мусинъ-Пушкинъ полагалъ, что присутствіе самого князя Циціанова въ Тифлисѣ можетъ ускорить развязку этого дѣла, и потому совѣтовалъ ему поторопиться пріѣздомъ. Хотя царица Дарья и писала князю Циціанову, что слабое здоровье не дозволяетъ ей выѣхать, но изъ разговора графа Мусина-Пушкина съ царевичемъ Вахтангомъ можно было заключить, что Дарья всетаки можетъ опредѣлить крайній срокъ для своего выѣзда. Пользуясь случаемъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ предложилъ Вахтангу проводить царицу до русской столицы.

— Я лучше останусь слугою въ Грузіи, отвѣчалъ царевичъ, чѣмъ поѣду въ Петербургъ.

— Вы ничѣмъ не оправдаете себя передъ свѣтомъ, говорилъ Мусинъ-Пушкинъ, и передъ собственнымъ сердцемъ и совѣстью, если въ преклонныхъ лѣтахъ матери и при слабости ея здоровья никто изъ сыновей не проведетъ ее если не до столицы, то по крайней мѣрѣ до Кавказской линіи.

— Католикосъ (царевичъ Антоній) могъ бы всего удобнѣе ѣхать, замѣтилъ Вахтангъ, и я поговорю съ нимъ объ этомъ.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ изъявилъ желаніе самъ видѣть царицу, и Вахтангъ обѣщалъ доложить ей и устроить свиданіе.

«Между тѣмъ не надѣюсь я однако же, писалъ Мусинъ-Пушкинъ князю Циціанову, чтобы безъ вашего присутствія и вторичнаго настоянія, рѣшилась она ускорить отъѣздомъ, почему прибытіе ваше толико нужное и по множеству причинъ и по сей важнѣйшей необходимо. Думаю впрочемъ, что заманить ни котораго изъ членовъ царской фамиліи въ Россію нелегко, и что дотолѣ въ отговоркахъ не будетъ недостатку, доколѣ побужденіями страха, а не дружественными убѣжденіями къ таковому отъѣзду принудятся. Доколѣ же изъ Грузіи не удалятся, не будетъ здѣсь ни порядка, ни тишины.»

Всѣ эти извѣстія и заставили князя Павла Дмитріевича поторопиться отъѣздомъ въ Тифлисъ [1], гдѣ присутствіе его было крайне необходимо для успокоенія всѣхъ партій и народа.

Будучи недовольны русскимъ правленіемъ, грузины видимо волновались; всѣ состоянія жаловались на притѣсненія чиновни-

[1]) Рапортъ князя Циціанова Г. И. 10-го января 1803 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, д. Грузіи, ч. VII, 58.

*

ковъ и чтобы избавиться отъ нихъ хотѣли просить объ утвержденіи царемъ одного изъ царевичей.

— Народъ, стеня подъ игомъ царей и ихъ многочисленной фамиліи, говорилъ Лазареву князь Герсеванъ Чавчавадзе, и не могши сего переносить, прибѣгнулъ къ высокому покровительству Государя Императора, надѣясь избавиться отъ сего ига, но нынѣ они еще больше подъ онымъ стенаютъ. Прежде ихъ неудовольствіе и стенаніе происходили отъ фамиліи, которая многіе годы надъ ними господствовала и которую они привыкли почитать своими господами, а теперь становится для нихъ несноснымъ.

— Напрасно они такъ горячатся, отвѣчалъ Лазаревъ, гораздо полезнѣе потерпѣть немного. Какъ только князь Циціановъ пріѣдетъ сюда и ему народъ заявитъ о своихъ нуждахъ, то, конечно, получитъ удовлетвореніе и будетъ наслаждаться благоденствіемъ, какъ и мы наслаждаемся подъ державой милосердаго нашего государя.

— Бывъ долгое время въ Россіи, замѣтилъ на это князь Чавчавадзе, конечно я все знаю, но другіе такого терпѣнія не имѣютъ.

Послѣднія слова относились до князей, потому что простой народъ былъ преданъ Россіи, но князья, привыкшіе къ своеволію, ненавидѣли насъ [1]).

Перваго февраля [2]) 1803 года князь Циціановъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ ожидали его со страхомъ и надеждою. Одни опасались преслѣдованій за злоупотребленія власти и лихоимства, другіе, какъ, напримѣръ, лица царской фамиліи и ея приверженцы, мечтали о возстановленіи на престолѣ дома Багратіоновъ. Послѣдніе полагали, что главнокомандующій, какъ грузинъ по происхожденію, будетъ работать въ ихъ пользу,—но ошиблись. Князь Циціановъ видѣлъ только одно спасеніе для Грузіи—это окончательное удаленіе изъ страны всѣхъ членовъ царскаго дома и прекращеніе безпорядковъ, вкоренившихся въ составѣ русскаго правленія. Онъ началъ съ того, что удалилъ Коваленскаго отъ должности правителя Грузіи и, не видя возлѣ себя изъ гражданскихъ чиновниковъ

---

[1]) См. А. К. К., т. II, №№ 593 и 594.
[2]) Тамъ же, № 14.

ни одного такого, который могъ бы занять его мѣсто, назначилъ правителемъ генералъ-маіора Тучкова. Сознавая, что назначеніе военныхъ чиновъ на гражданскія должности могло бы ослабить и безъ того незначительныя боевыя средства, князь Циціановъ просилъ прислать въ Грузію людей достойныхъ, знающихъ и честныхъ.

«Благоволите, ваше сіятельство, писалъ онъ графу Кочубею [1]), вспомоществовать бѣдному краю сему людьми усердными и безкорыстными, а по недостатку въ оныхъ хотя такими, которые бы Грузію не почитали Иркутскою губерніею. Высочайше назначенное по штату жалованье превышаетъ всѣ оклады, по другимъ губерніямъ существующіе, но набранные сюда разночинцы превышаютъ мѣру всякаго воображенія. Я нахожусь въ такомъ непостижимомъ положеніи, что, видя явныя злоупотребленія ихъ, не могу преслѣдовать, ибо всѣ разбѣгутся, и слѣдовательно дурное теченіе дѣлъ придетъ еще въ худшее состояніе или вовсе остановится».

Князь Циціановъ просилъ назначить къ нему людей лучшихъ, «въ коихъ нужда для сохраненія довѣренности къ новому правительству увеличивается по мѣрѣ отдаленія мѣстъ, куда они опредѣляются» [2]). Просьба главнокомандующаго была услышана, и императоръ приказалъ назначать въ Грузію чиновниковъ съ строгимъ выборомъ [3]) и преимущественно греческаго исповѣданія, соотвѣтствующихъ «образу мыслей въ Грузіи, гдѣ жители очень много привязаны къ обрядамъ религіи» [4]).

Поставляя себѣ первымъ правиломъ искорененіе злоупотребленій и безпорядковъ и зная, что причиною послѣднихъ во многихъ случаяхъ были лица царскаго семейства, князь Циціановъ старался познакомиться съ ними, узнать характеръ и образъ мыслей каждаго. Тотчасъ по прибытіи въ Тифлисъ, главнокомандующій разослалъ всѣмъ членамъ царскаго дома высочайшія гра-

[1]) Отъ 27-го февраля 1803 г. Арх. М. Вн. Дѣлъ, ч. VIII, 30.

[2]) Всеподд. рап. князя Циціанова 27-го апрѣля 1803 г. Арх. М. В. Дѣлъ, ч. VIII, 47.

[3]) Указъ князю Циціанову 31-го марта 1803 г. Тамъ же, 33.

[4]) Отнош. гр. Кочубея герольдмейстеру Грушецкому 3 го іюля 1803 г., № 3010. Тамъ же, 68.

моты и видѣлся со всѣми. Вдовствующая царица Дарья, «которая всѣмъ здѣсь руководствуетъ», какъ доносилъ князь Цицiановъ [1]), лично объясняясь съ нимъ, говорила, что она дѣйствительно прежде имѣла намѣренiе ѣхать въ Россiю и даже просила о томъ, но думала однако, что ее одну только призываютъ туда. Теперь же, видя, что ее понуждаютъ къ тому вмѣстѣ со всѣми, по болѣзни своей, столь дальняго путешествiя предпринять не можетъ. Впослѣдствiи, уступая требованiямъ князя Цицiанова, она говорила, что готова отправиться въ Россiю, но не ранѣе апрѣля мѣсяца, просила отпустить ей 10,000 руб. для приготовленiя всего необходимаго къ отъѣзду и для содержанiя 50 человѣкъ свиты, которую она считала необходимымъ взять съ собою.

Царевичъ Давидъ, не смотря на убѣжденiя, по выраженiю князя Цицiанова, «иначе, какъ подъ стражей» ѣхать не соглашался. Царевичъ Вахтангъ «изъ всѣхъ хитрѣйшiй», при особенномъ свиданiи съ княземъ Цицiановымъ, въ которомъ послѣднiй объявилъ ему непремѣнное желанiе Императора Александра о выѣздѣ царской фамилiи изъ Тифлиса, въ горести и со слезами говорилъ, что онъ рѣшится лучше въ Грузiи землю копать, нежели ѣхать въ Россiю, и «наконецъ, доносилъ главнокомандующiй, по настоятельному убѣжденiю моему, съ объясненiемъ собственной пользы его, могущей воспослѣдовать отъ немедленнаго повиновенiя, привелъ меня въ крайнее замѣшательство, бросясь къ ногамъ моимъ и прося помилованiя. Такое упорство, единодушно отъ всѣхъ оказываемое, подтверждаетъ частiю мнѣнiе о слухахъ, разнесшихся въ Грузiи, что со вскрытiемъ весны царевичи Александръ, Юлонъ и Парнаозъ, покровительствуемые Баба-ханомъ, намѣрены со всѣхъ сторонъ, съ помощiю лезгинъ, сдѣлать нападенiе, для возстановленiя на царство одного изъ рода Багратiоновыхъ. По легковѣрiю грузинскаго народа, дѣла здѣсь управляются разглашенiемъ разныхъ слуховъ, часто самыхъ неимовѣрныхъ. Съ прiѣзда моего разнеслось здѣсь извѣстiе, якобы изъ С.-Петербурга привезенное, что къ вызову царской фамилiи я не имѣю

---

[1]) Рап. кн. Цицiанова Г. И. 10-го февраля 1803 г. Арх. М. В. Д., дѣла Грузiи, ч. VII, 89.

другаго отъ вашего императорскаго величества полномочія, какъ только приглашать ихъ къ тому доброю волею.»

Слухи эти отчасти подтверждались и словами Коваленскаго, который, считая свое положеніе въ Тифлисѣ крайне щекотливымъ и опасаясь потерять значеніе въ глазахъ грузинъ, все еще старался показать, что ему извѣстны самыя сокровенныя намѣренія нашего правительства. Посѣтивши однажды царицу Дарью, Коваленскій успокоивалъ ее и говорилъ, что отъѣздъ въ Россію совершенно зависитъ отъ ея воли.

— Вы не безпокойтесь, говорилъ онъ, если вы своею волею не соизволите ѣхать, то никто васъ силою отправить не можетъ.

— Буде князь Ціціановъ о томъ узнаетъ, замѣтила на это царица Дарья, то вамъ будетъ худо.

Обнадеживанія Коваленскаго не успокоили Дарью, но послужили источникомъ для многихъ толковъ въ городѣ.

— Удивляюсь, говорилъ придворный лекарь Татула, какъ русскіе генералы противорѣчатъ другъ другу: князь Ціціановъ стращаетъ царицу Дарью, что насильно вывезетъ ее въ Россію, а Коваленскій публично ее увѣряетъ, что онъ сдѣлать это не имѣетъ права.

Послѣднія слова были впослѣдствіи переданы князю Ціціанову. Главнокомандующій призвалъ къ себѣ Татулу, который письменно подтвердилъ справедливость сказаннаго Коваленскимъ [1]. Не ограничиваясь этимъ и желая провѣрить показанія придворнаго медика князь Ціціановъ отправилъ письмо Татулы къ царицѣ, на которомъ та написала: «Я, царица Дарья, свидѣтельствую въ истинѣ сего письма и подписываюсь» [2].

Коваленскій отрицалъ справедливось этого обвиненія и говорилъ, что князь Ціціановъ, зная, что Татула личный его врагъ, «черезъ его посредство, склонилъ болящую и запуганную уже царицу къ подписанію такого на счетъ сей показанія, какое ей было поднесено.» Въ оправданіе себя Коваленскій представилъ

[1]) Письмо Татулы князю Ціціанову 20-го апрѣля 1803 г. Арх. Минис. Внутр. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 304.

[2]) Надпись царицы отъ 22-го апрѣля 1803 г. Тамъ же.

министру внутреннихъ дѣлъ письмо царицы Дарьи, писанное рукою ея дочери царевны Феклы, которая, по его словамъ, была при упоминаемомъ посѣщеніи [1]). Въ день отправленія этого письма по Тифлису распространился слухъ, что царевны Кетевана и Фекла, изъ расположенія къ Коваленскому и для написанія въ его пользу письма, похитили у спящей царицы именную печать, которую грузины весьма часто прикладывали вмѣсто подписи. Проснувшись и не найдя печати, царица Дарья весьма безпокоилась, но скоро узнала истинную причину похищенія. Тогда она написала письмо князю Циціанову, въ которомъ подтвердила свое прежнее показаніе.

«Извѣстилась я, писала Дарья [2]), яко бы вамъ донесено, что будто дала я теперь г. Коваленскому письмо, противное тому письменному лекаря Татулы свидѣтельству, которое мною подписано и утверждено печатью. Увѣряю я васъ клятвою, что никакого я ему письма не давала, да и въ мысляхъ я не имѣла. А если кто отъ имени моего сдѣлалъ письмо и имѣетъ, то увѣрьтесь моею клятвою, что того и въ мысляхъ моихъ не было и оно ни за рукою, ни за печатью моею. При множествѣ вымышленныхъ на меня клеветъ, выдумана и сдѣлана и сія клевета. Паки я повторяю, что сдѣланныя мною въ письмѣ лекаря Татулы свидѣтельство и подписка суть точно мои слова и тоже есть истинное свидѣтельство мое».

Интрига эта раскрылась передъ княземъ Циціановымъ гораздо

---

[1]) Въ мнимомъ письмѣ этомъ царица Дарья говорила, что, узнавъ о понужденіи ея княземъ Циціановымъ выѣхать въ Россію, получила сильный припадокъ болѣзни, «повергнувшей меня въ лишеніе чувствъ. О чемъ услышавъ, вы (Коваленскій добавляетъ своею рукою: «по приглашенію католикоса») пріѣхали меня навѣстить и нашли меня пришедшею нѣсколько въ себя, но говорить съ трудомъ я могла сказала, однакожъ вамъ, что въ такомъ болѣзненномъ состояніи, когда не могу передвинуться, хотятъ силою меня везти. Вы, видѣвши меня въ совершенномъ разслабленіи, подавали утѣшеніе въ сихъ словахъ: *успокойтесь и не огорчайтесь, я не думаю, что въ сей тяжкой болѣзни употребили бы надъ вами силу.* По христіанской совѣсти увѣряю всѣхъ, что болѣе сего ничего вы не говорили. Что же касается до рукописанія въ превратномъ видѣ словъ сихъ, которое къ князю было представлено, а отъ него ко мнѣ прислано, то клянусь по истинѣ, что подписала я оное изъ единаго страха противъ воли моей (Письмо это помѣчено 23-го апрѣля. См. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 317).

[2]) Князю Циціанову 28-го апрѣля 1803 г. Тамъ же, 309.

позже, а вначалѣ, вскорѣ послѣ пріѣзда его въ Тифлисъ, по городу ходили глухіе только слухи, будто онъ имѣетъ разрѣшеніе только уговаривать членовъ царскаго дома къ выѣзду въ Россію, но не принуждать ихъ. «Почему и нашелся принужденнымъ, доносилъ главнокомандующій, показавъ подлинный высочайшій рескриптъ вашего императорскаго величества, въ присутствіи многихъ изъ знатнѣйшихъ княжескихъ фамилій, перевесть вслухъ статью сего высочайшаго мнѣ предписанія.»

Въ предупрежденіе всякаго рода волненій и безпокойствъ, князь Циціановъ просилъ разрѣшенія употребить силу, въ случаѣ сопротивленія членовъ царскаго дома добровольно оставить Грузію и переселиться въ Россію [1]).

Какъ ни прискорбно было Императору Александру видѣть положеніе, въ которомъ находился грузинскій царскій домъ, онъ признавалъ однако же необходимымъ вызвать его въ Россію и потому, въ отвѣтъ на представленіе князя Циціанова, разрѣшилъ ему поступать по усмотрѣнію. Предоставивши инструкціею, данною князю Циціанову при назначеніи, всѣ распоряженія главнокомандующему и не желая стѣснять его въ дѣйствіяхъ, императоръ выражалъ только желаніе, чтобы онъ поступалъ по долгу совѣсти и избиралъ способы и время, какіе признаетъ удобнѣйшими [2]).

Обстоятельства вынудили князя Циціанова, еще до полученія этого разрѣшенія, отправить въ Россію царевичей Вахтанга и Давида. Поводомъ къ тому были повсемѣстные слухи, со дня на день увеличивавшіеся въ Тифлисѣ, о какомъ-то всеобщемъ приготовленіи къ вторженію въ Грузію 10-го марта (въ день науруза, или новаго магометанскаго года) лезгинъ и другихъ горскихъ народовъ.

Царевичъ Александръ писалъ Дарьѣ, что съ войскомъ идетъ на Грузію, и если будетъ живъ, то непремѣнно получитъ царство Грузинское, а если его убьютъ, то просилъ царицу забыть, что

[1]) Рапорты князя Циціанова отъ 10-го января и 19-го февраля 1803 года, Воен. Учен. Арх.

[2]) Рескрипты императора князю Циціанову 30-го января и 7-го марта 1803 года.

она и царь Ираклій имѣли сына Александра [1]). Одновременно съ полученіемъ этого письма, въ Тифлисѣ разсказывали, что лезгины сдѣлали уже закликъ и собрали для царевича толпу въ 7,000 человѣкъ, съ которою онъ намѣренъ былъ идти на селеніе Гавази и къ Кварели. Слухи эти были, конечно, слишкомъ преувеличены, и если Александръ и имѣлъ сообщниковъ, то число ихъ было весьма незначительно. Не рѣшаясь съ ними вторгнуться въ Грузію, царевичъ избралъ иной путь и сталъ дѣйствовать словами, письмами, страхомъ, клятвами и заклинаніями. Онъ выбралъ посредникомъ между собою и княземъ Циціановымъ бывшаго посла князя Герсевана Чавчавадзе. Притворившись, будто не знаетъ чѣмъ кончилось его посольство и какая судьба постигла Грузію, Александръ просилъ князя Чавчавадзе сообщить ему: «какъ дѣло наше существуетъ? Мы (братья), будучи такъ удалены, находимся въ разныхъ мѣстахъ. Я не думаю, чтобы государь соизволилъ на то, чтобы намъ толь нещадно пропасть и быть разсѣянными» [2]). Царевичъ просилъ показать это письмо князю Циціанову вмѣстѣ съ его мнѣніемъ, что на уничтоженіе Грузинскаго царства нѣтъ воли императора.

Главнокомандующій предлагалъ царевичу отправиться въ Петербургъ и лично тамъ удостовѣриться въ желаніяхъ императора. Александръ не соглашался и, въ ожиданіи лучшей будущности, помѣстился близъ селенія Подары въ землянкахъ, построенныхъ ему лезгинами. При немъ было только до 115 человѣкъ преданныхъ ему грузинъ, съ которыми онъ и намѣренъ былъ пробраться въ Тегеранъ. Тамъ онъ думалъ просить помощи противу русскихъ и въ случаѣ отказа рѣшился остаться навсегда въ Персіи.

Князь Циціановъ хотя и считалъ надежду на помощь персіянъ несбыточною, но, видя, что многіе члены царскаго дома, полагаясь твердо на мартъ мѣсяцъ, назначаютъ апрѣль временемъ отъѣзда въ Россію, не могъ отвергать возможности новыхъ волненій, а слѣдовательно и безпорядковъ. Онъ въ правѣ былъ подозрѣвать, что

---

[1]) Письмо кн. Циціанова къ Кочубею 28-го декабря 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, ч. VII, стр. 79.

[2]) Письмо царевича Александра кн. Чавчавадзе 5-го декабря 1802 г. Акты Кавк. Арх. Комиссіи, т. II, стр. 151.

царевичи замышляютъ что-то и тѣмъ болѣе, что около этого времени получилъ письмо отъ царевича Давида, въ которомъ тотъ соглашался выѣхать въ Россію, но не прежде конца марта мѣсяца. Давидъ ссылался на болѣзнь и просилъ позволенія отправить императору прошеніе, «по разсмотрѣніи коего и удостовѣреніи въ моей справедливости, мнѣ, можетъ быть, сдѣлали бы милость, позволивъ болѣзненной и немощной особѣ моей пользоваться привычнымъ воздухомъ... а по кончинѣ моей кости мои были бы погребены въ томъ мѣстѣ, гдѣ почиваютъ мои предки.

«Такъ какъ мое несчастіе до того ожесточило мое сердце, что вы не отправили къ его величеству моего прошенія и не позволили мнѣ обождать отвѣта на оное, то вѣдь въ такой морозъ все таки мнѣ нельзя отправиться, ибо, и безъ того больной, я въ дорогѣ еще хуже заболѣю и умру, а отъ этого какая вамъ польза?» [1]) Письмо это, полное упрековъ, указывало, что члены царскаго дома добровольно не выѣдутъ въ Россію. Поэтому князь-Циціановъ долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры и, желая вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуть слухи, распущенные царицею Дарьею, что главнокомандующій не имѣетъ права приступить къ принудительному ихъ вывозу, приказалъ взять и отправить царевичей Вахтанга Ираклієвича и Давида Георгієвича.

19-го февраля, въ 8 часовъ пополуночи, отправлены они изъ Тифлиса. Препровожденіе ихъ до Владикавказской крѣпости и приличное содержаніе въ дорогѣ поручено генералъ-маіору Лазареву, которому предписано было сдать ихъ въ Владикавказѣ моздокскому коменданту, полковнику Протопопову, долженствовавшему проводить ихъ точно такимъ же образомъ до Моздока.

Отправленные царевичи распускали по дорогѣ слухъ, что ѣдутъ принять милости великаго государя, въ чемъ поддерживалъ ихъ и Лазаревъ, находя подобныя разглашенія для насъ весьма выгодными [2]).

Вслѣдъ за царевичами отправилась въ Россію вдовствующая

[1]) Письмо царевича Давида кн. Циціанову 11-го февраля 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. II, стр. 173, № 328.

[2]) Письмо Лазарева кн. Циціанову 23-го февраля 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. II, стр. 70, № 114.

царевна Катевана, жена покойнаго Вахтанга I, старшаго сына царя Ираклія, воспитывавшая царевича Вахтанга. Неотступныя просьбы царевны сопровождать Вахтанга въ Россію вынудили на это согласиться и опредѣлить ей содержаніе по 150 р. въ мѣсяцъ [1]). Распоряженіе объ отправленіи Вахтанга и Давида сильно подѣйствовало на членовъ царскаго дома и въ особенности на царицу Дарью. Она жаловалась императрицѣ Маріи на своеволіе князя Циціанова и на его угрозы отправить и ее также [2]). Опасенія за будущее усилило у царицы припадки, частые обмороки и опухоль по всему тѣлу. Подъ предлогомъ поздравленія съ праздникомъ, князь Циціановъ лично посѣтилъ царицу и убѣдился въ томъ, что, судя по состоянію ея здоровья, трудно было опредѣлить время отъѣзда ея въ Россію [3]).

Видя, что отправленіе царевичей произвело сильное впечатлѣніе въ Тифлисѣ, князь Циціановъ принялъ мѣры къ тому, чтобы отъѣздъ ихъ не вызвалъ волненій въ Кахетіи, гдѣ многіе изъ князей принимали личное участіе въ происходившихъ безпорядкахъ. Главнокомандующій просилъ генерала Гулякова, находившагося въ Телавѣ, объявить князьямъ, что, забывая все прошедшее, онъ поручился за ихъ вѣрность передъ Императоромъ Александромъ, а потому проситъ ихъ оставаться покойными [4]).

Тѣмъ не менѣе, однако же, нѣкоторые изъ князей кахетинскихъ, устрашенные отправленіемъ Вахтанга и Давида и опасаясь той же участи, спѣшили удалиться изъ Грузіи. Первый бѣжалъ князь Бебуровъ съ нѣсколькими дворянами и, наконецъ, въ ночь

[1]) Рап. кн. Циціанова Г. И. 23-го февраля 1803 года.

[2]) «Восемнадцатаго числа февраля на девятнадцатое, писала она, въ самую полночь, наѣхалъ съ воинскою командою на спящихъ царевичей и, захвативъ ихъ силою войска, какъ бы хищныхъ разбойниковъ, отправилъ въ дорогу, не давъ времени ни одѣться, ни обуться и не внявъ гласу моленій ихъ пріостановить до разсвѣту, для распрощанія со мною, матерью ихъ. На собственную же просьбу мою объ оставленіи ихъ на самое кратчайшее время получила отъ него грубый и угрозительный отвѣтъ, что и меня отправитъ въ такомъ же видѣ, какъ и сихъ царевичей» (Письмо отъ 27-го февраля 1803 года Арх. Мин. Вн. Дѣлъ, ч. VII).

[3]) Письмо кн. Циціанова гр. Кочубею 11-го апрѣля 1803 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, ч. VII, 164.

[4]) Предписаніе кн. Циціанова 19-го февраля 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 112.

на 25-е февраля скрылся изъ Тифлиса царевичъ Теймуразъ [1], оставившій въ городѣ свою жену, которой пожитки и драгоцѣнныя вещи увезъ съ собою. Тогда князь Цицiановъ разослалъ ко всѣмъ исправникамъ прокламацiю для объявленiя ея жителямъ, съ цѣлiю успокоить встревоженныхъ отъѣздомъ царевичей Вахтанга и Давида [2].

Въ прокламацiи этой, опровергая нелѣпые слухи, разнесшiеся въ краѣ, о томъ, что многiе князья будутъ высланы, по примѣру царевичей, изъ Грузiи, онъ просилъ всѣхъ и каждаго оставаться покойными «въ своемъ званiи, имуществѣ, при всѣхъ правахъ и преимуществахъ, дарованныхъ манифестомъ,» и приглашалъ ихъ соединить преданность ихъ съ его усердiемъ къ благу общему. Князь Чавчавадзе отправленъ съ этою прокламацiею въ Кахетiю, какъ въ провинцiю, въ которой онъ пользовался полнымъ довѣрiемъ народа.

Вмѣстѣ съ этимъ сообщено было всѣмъ начальникамъ отрядовъ, чтобы приняли мѣры къ отысканiю царевича Теймураза и не пропускали его чрезъ границу, если онъ вздумаетъ пробраться чрезъ нее; захвативши же царевича, доставили бы его подъ сильнымъ конвоемъ въ Тифлисъ [3].

Царевичъ Юлонъ, не смотря на все происходившее, не терялъ еще надежды на возвращенiе Грузiи прежнихъ правъ относительно избранiя его царемъ и полагалъ, что если до сихъ поръ и было отказываемо въ этомъ, то собственно потому, что просьбы грузинъ не доходили до императора Александра. Высказывая свою радость, что князь Цицiановъ назначенъ главнокомандующимъ въ «отечество своихъ предковъ», Юлонъ жаловался на Кнорринга, не отправившаго къ императору Александру его просьбы, при которой была приложена подписка о правахъ его на наслѣдiе грузинскаго престола. Царевичъ писалъ, что права эти признаютъ всѣ и отрицалъ справедливость донесенiй русскихъ начальниковъ, на основанiи которыхъ состоялось присоединенiе Грузiи къ Россiи.

---

[1]) Рапортъ кн. Цицiанова Г. И. 26-го февраля 1803 г.

[2]) Объявленiе 26-го февраля 1803 г.

[3]) Предписан. кн. Цицiанова начальникамъ отрядовъ отъ 26-го февраля 1803 г., №№ 349—352.

— Въ манифестѣ сказано, говорилъ Юлонъ, что не для распространенія-де Имперіи и не для выгоды какой Грузія присоединяется къ Россіи, но собственно только по просьбѣ народа и вслѣдствіе раздора наслѣдниковъ упраздняется царство. Такой просьбы и желанія народа на устраненіе царской власти не было, а напротивъ того, всѣ грузины признаютъ за мною права наслѣдства.

«Я имѣю письмо отъ отца, царя, писалъ Юлонъ, отъ брата-царя, Давида царевича и всѣхъ братьевъ, отъ всей Грузіи и Кахетіи и отъ всѣхъ вообще...

«Признаютъ это (право наслѣдства) и нынѣ тамъ, гдѣ нѣтъ страха со стороны лицъ, заботящихся о собственныхъ выгодахъ, и ёсли истинно то представленіе, о которомъ упоминаетъ манифестъ, то за кого же было воззваніе, и моленіе всей Кахетіи, какъ не за насъ. Они опять возопіютъ, но пока молчатъ подъ вліяніемъ надежды, ожидая государевой къ намъ милости... Горесть наша исходитъ не отъ высочайшаго двора, но отъ неистиннаго представленія нѣкоторыхъ особъ... [1])

Юлонъ просилъ объ утвержденіи его на царствѣ и обѣщалъ за то предоставить въ распоряженіе Россіи всѣ рудники, бывшіе въ Грузіи, и до «послѣдней капли крови» служить воинству россійскому.

Полагая, что съ содѣйствіемъ супруги Юлона можно будетъ скорѣе убѣдить его ѣхать въ Россію, князь Циціановъ писалъ ей, что царевичу нѣтъ другаго исхода, какъ ѣхать въ столицу по приглашенію императора Александра.

«Умоляю вашу свѣтлость, писалъ князь Циціановъ [2]), на колѣняхъ стоя и лобзая руки свѣтлѣйшей царевны, сестры моей вселюбезнѣйшей, да соединитъ съ моею и свою просьбу къ свѣтлѣйшему царевичу супругу своему, чтобы онъ внялъ совѣту человѣка, къ его свѣтлости душевно привязаннаго и къ собственному его самого благу преподаваемаго.»

Оставаясь однако же въ Имеретіи Юлонъ и Парнаозъ не

---

[1]) Письмо царевича Юлона князю Циціанову 16-го февраля 1803 года, Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 124, № 208.

[2]) Отъ 26-го февраля 1803 года.

рѣшались пріѣхать въ Тифлисъ, не смотря на просьбы князя Цицianова и на полученное ими, черезъ князя Абашидзе, письмо главнокомандующаго.

Князь Абашидзе, посыланный нѣсколько разъ въ Имеретію, долженъ былъ просить тамъ содѣйствія нѣкоторыхъ преданныхъ намъ лицъ къ убѣжденію царевичей вернуться въ Грузію. Митрополитъ кутаисскій Досифей, салтхуцесъ князь Зурабъ Церетели, сардарь князь Кайхосро Церетели, Георгій и Давидъ Цилукидзе и многіе другіе имеретинскіе князья упрашивали царевичей, но тѣ отвѣчали отказомъ.

....«Отобрано отъ насъ древнѣйшее царство, писали они между прочимъ князю Цицianову, а теперь и жизнь нашу лишаютъ свободы; если человѣкъ есть Богъ, то онъ долженъ быть милосердъ къ смертнымъ, а если и онъ смертенъ, то ему не слѣдуетъ забывать свою природу, ибо великъ Богъ, сильна природа и памятна смерть.

«Вы повелѣваете намъ отправиться въ Петербургъ; положимъ, что мы, уступая своимъ безсиліемъ непобѣдимой силѣ, уже отправились; но какое въ нашихъ рукахъ ручательство за безопасность, или гдѣ рукописаніе его величества, чтобы мы могли довѣриться ему, взять его въ руки и поѣхать въ Петербургъ. Мы столько времени находимся внѣ нашего царства на чужбинѣ, а братья наши Вахтангъ и Давидъ, обязавшіеся присягою до послѣдней капли крови, хотя пожертвовали собою на вѣрность императору, но получили во мзду окованный ковчегъ [1]) и въ славу своего рода почесть провинившагося мужика. Проклинаемъ имена тѣхъ, которые пожалѣли жизнь, а не родъ свой, и еслибы о безчестномъ взятіи нашихъ братьевъ мы не узнали, то, вынужденные пріѣхать въ Тифлисъ, по настоятельному совѣту царя (имеретинскаго), приняли бы и мы такую же честь, вслѣдствіе чего проклинаемъ наше несчастіе [2])».

Князь Цицianовъ хотя и признавалъ за царевичемъ Юлономъ умѣнье писать «перомъ златоуста», но считалъ себя обязаннымъ

[1]) Кажется, намекъ на закрытый экипажъ, въ которомъ ихъ отправили въ Россію. Прим. редак. Актовъ Кавк. Археогр. Комм.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 210.

въ отвѣтъ на его письмо, по откровенности, «приличной солдату въ полѣ подъ ружьемъ посѣдѣвшему» и довѣренности государя нѣсколько разъ удостоенному, повторить, что для него нѣтъ другаго исхода, какъ ѣхать въ Россію, что и просилъ исполнить [1]). Онъ убѣждалъ также бѣжавшаго царевича Теймураза возвратиться въ Тифлисъ.

«Не упоминаю о вашемъ поступкѣ, писалъ онъ Теймуразу [2]), и о томъ, что ваша свѣтлось самую искренность и довѣренность братскую, такъ сказать, столь дурно заплатили, уѣхавъ тихонько. Я до сихъ поръ не хочу вѣрить, что вы то сдѣлали по собственному вашему побужденію, но считаю, что вѣтренность нѣкоторыхъ неблагомыслящихъ была причиною убѣжденія васъ на поступокъ, нимало чести вамъ недѣлающій. Какъ бы то ни было, надлежитъ все забыть, и я вашу свѣтлость умоляю, не въ видѣ россійскаго генерала, но какъ человѣкъ, къ вамъ привязанный. Богомъ вамъ клянусь въ томъ по христіанской совѣсти, какъ человѣкъ, вседушевно привязанный къ своимъ родственникамъ, въ числѣ коихъ имѣю счастіе почитать и супругу вашу, которая неутѣшно и скорбію своею о васъ можетъ и каменнаго человѣка тронуть, сжальтесь надъ нею, возвратитесь хотя затѣмъ, чтобы утирать ея слезы. Зная твердость вашу въ вѣрѣ, припомнить вамъ осмѣливаюсь, чѣмъ вы обязаны ей!.. Буде сердце ваше не затворено еще для дружбы моей, и для нѣжной любви супруги вашей, и вы, склонясь на мою изъ глубины души исходящую просьбу, и сжалясь надъ супругой, въ отчаяніи оставленной, согласитесь тотчасъ возвратиться, то всѣ русскія войска дадутъ вамъ пособіе, буде въ томъ нужду возъимѣете.»

Но и эти письма, какъ и многія другія, оставались безуспѣшными, а между тѣмъ обстоятельства требовали непремѣнной и скорѣйшей высылки всѣхъ остальныхъ членовъ царскаго дома.

Въ срединѣ великаго поста царица Марія рѣшилась оставить Тифлисъ и тайно уѣхать въ Тіонеты. Она располагала прожить

---

[1]) Письма князя Циціанова царевичу Юлону отъ 20-го и 22-го марта 1803 г., №№ 12 и 13. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 127.

[2]) Отъ 22-го марта 1803 года.

тамъ два мѣсяца и въ это время отправить письмо императору съ просьбою разрѣшить ей остаться въ Грузіи. Съ этою цѣлію она писала тіонетскому моураву Дмитрію Челокаеву, чтобы онъ прислалъ къ ней на встрѣчу сколь возможно болѣе людей, за что обѣщала подарить Челокаеву 1,000 руб. и заплатить каждому изъ присланныхъ; царица сулила принести дары кресту лашарскому и гуданскому, коихъ капища наиболѣе уважались пшаво-хевсурами. Дворянинъ Зурабъ Явангуловъ, посланный къ Челокаеву, не рѣшаясь передать письмо, сжегъ его и сказалъ царицѣ, что моуравъ отказался исполнить просьбу царицы. Марія вторично просила того же Зураба Явангулова, чтобы онъ вызвалъ къ ней тайно на совѣщаніе 10 или 12 старшинъ, съ которыми думала выбрать въ Тіонетахъ удобнѣйшее мѣсто для жительства, и узнать отъ нихъ будутъ-ли они согласны принять ее къ себѣ. Зурабъ Явангуловъ и на этотъ разъ отклонилъ отъ себя порученіе, сказавши царицѣ, что писалъ къ тіонетцамъ, но получилъ въ отвѣтъ, что они не соглашаются принять къ себѣ царицу.

16-го апрѣля Марія опять призвала къ себѣ Явангулова, объявила ему, что рѣшилась бѣжать къ хевсурамъ, издавна преданнымъ грузинскому царскому дому, и просила только пріискать четырехъ лошадей, говоря, что сама она имѣетъ семь лошадей, а шесть достанетъ ей князь Асланъ Орбеліани. Въ обществѣ царицы Явангуловъ встрѣтилъ нѣсколькихъ лицъ, близкихъ Маріи, которыя обѣщали и поклялись вывезти ее изъ Тифлиса, заставивъ присягнуть въ томъ же и Зураба Явангулова. Тогда Марія вручила ему два письма: однимъ она разрѣшала ему расходовать на ея счетъ до 600 руб., а другое адресовала къ его брату Давиду, котораго Марія просила исполнить всѣ требованія Зураба. Послѣднему словесно поручено было потребовать отъ брата сколько можно болѣе людей, съ которыми и выѣхать на встрѣчу царицѣ въ Сурамъ.

Въ пятницу, 17-го апрѣля, Марія объявила одному изъ своихъ приближенныхъ Мансурову, что намѣрена оставить Тифлисъ и просила приготовить лошадей и катеровъ.

— Лошади и катера приготовлены, отвѣчалъ тотъ, и всѣ стоятъ у Ганжинскихъ воротъ.

Царица приказала вывести ихъ за Авлабарскія ворота, но мальчикъ, которому поручено было провести лошадей, пришелъ сказать Мансурову, что караулъ не пропускаетъ ихъ. Сообщники поняли тогда, что намѣреніе царицы оставить Тифлисъ стало извѣстно русскимъ властямъ.

— Поди и скажи той собачьей дочери, сказалъ недовольный Мансуровъ, обращаясь къ Зурабу Явангулову, что она хочетъ дѣлать!

Царица встрѣтила послѣдняго бранью и укоризнами. Она все еще не оставляла намѣренія бѣжать изъ Тифлиса и находила это возможнымъ; бывшіе же ея сообщники считали это крайне рискованнымъ и отступились отъ царицы.

— Оставьте это дѣло, говорилъ Маріи и присутствующимъ родственникъ ея, князь Асланъ Орбеліани. Теперь всякая попытка къ выѣзду подвергнула бы насъ несчастію.

Царица не обращала вниманія на совѣты и собиралась въ путь.

— Войди и посмотри, что царица дѣлаетъ, сказалъ Мансуровъ Зурабу Явангулову.

Видя, что царица собирала и укладывала дорогія вещи, жемчугъ и проч., Зурабъ Явангуловъ просилъ ее оставить свое намѣреніе и при этомъ чистосердечно признался, что какъ онъ, такъ и Мансуровъ обманываютъ ее и не имѣютъ для побѣга ни одной приготовленной лошади. Въ это время вошелъ въ комнату князь Асланъ Орбеліани.

— На что вы собираете свои вещи? спросилъ онъ.

— Хочу ѣхать въ Пшавы, отвѣчала Марія.

— Вы слабы, не можете ѣхать, да и съ кѣмъ поѣдете, кто васъ отпуститъ?

— У меня есть четыре человѣка, которые согласны ѣхать со мною; поѣзжай и ты.

— Когда ѣхать?

— Въ нынѣшнюю ночь.

— Ѣхать вамъ никакъ нельзя, и я на то не согласенъ.

Царица настаивала на своемъ.

— Чего вы хотите отъ насъ? говорилъ Орбеліани, обращаясь къ Маріи, зачѣмъ предаете насъ несчастію? что вы дѣлаете? куда ѣдете?

Царица въ отчаяніи бѣгала по комнатѣ съ мѣста на мѣсто и укоряла князя Орбеліани въ томъ, что онъ оставляетъ и губитъ ее.

— Теперь ты убилъ моихъ дѣтей, говорила Марія. Зачѣмъ отдаешь ихъ въ другой разъ въ плѣнъ?

— Возьмите продолжала она обращаясь къ присутствовавшимъ: одинъ кинжалъ, а другой ружье, заколите и застрѣлите меня.

Царица была крайне огорчена и разстроена.

— Я лишаюсь надежды привести свой планъ въ исполненіе, говорила она Зурабу Явангулову. Возьми двухъ сыновей моихъ, Джебраила и Илью, спрячь ихъ въ своемъ домѣ, авось не перемѣнятся ли обстоятельства, и тогда послѣ можно будетъ отправить ихъ куда-нибудь.

— Вы хотите меня совсѣмъ погубить, отвѣчалъ на это Явангуловъ.

Марія снова просила его взять дѣтей; мать ея тоже упрашивала и обѣщала за то Явангулову 2,000 руб., но тотъ отказался. Женщина-царица находилась въ безпомощномъ состояніи, не знала что предпринять, къ кому обратиться. Въ это время въ комнату вошелъ посланный придворнаго дьякона Игнатія.

— Пойдете вы къ вечернѣ? спросилъ онъ царицу.

— До молитвы-ли мнѣ, отвѣчала Марія, я погибла съ своими сыновьями. Хотѣла я ѣхать въ Пшавы, но свита меня не послушала.

— Глупую мысль вы выдумали, говорилъ потомъ ей дьяконъ; никто на это не согласится.

— Что за глупость, если я поѣду въ Пшавы, говорила Марія. Я поѣду туда для того, чтобы найти способъ отправить оттуда просьбу государю объ оставленіи меня въ Грузіи.

— Ежели всѣ лица царской фамиліи выѣдутъ отсюда, замѣтилъ князь Асланъ Орбеліани, то какая будетъ жизнь ваша въ Грузіи?

*

Марія разсердилась на него и приказала оставить ея комнату. Не видя помощи и содѣйствія къ побѣгу со стороны родственниковъ, царица хваталась за различныхъ лицъ, какъ утопающій хватается за соломенку. Подозвавъ къ себѣ дворянина Николая Химшіева, она шепнула ему, что хочетъ сказать одно слово. Химшіевъ, по обычаю страны, сталъ передъ нею на колѣни.

— Никому не говори только, что я тебѣ скажу, промолвила царица, я хочу ѣхать въ Пшавы.

— Я не знаю туда дороги, отвѣчалъ тотъ.

— Я найду такого человѣка, который проводитъ насъ туда, говорила Марія.

Но ей трудно было найти проводника; весь Тифлисъ зналъ уже какъ о томъ, что царица хочетъ оставить городъ, такъ и о томъ, что о намѣреніи ея сообщено уже главнокомандующему [1]). Послѣднему было сообщено, что вечеромъ 18-го апрѣля царица Марія, со всѣмъ своимъ семействомъ и царевичемъ Багратомъ, рѣшилась въ предстоящую ночь бѣжать изъ Тифлиса въ Авлабарскія ворота. Посланные княземъ Циціановымъ люди подтвердили, что видѣли лошадей и муловъ осѣдланными и многія вещи уложенными. Вскорѣ стоявшій у Авлабарскихъ воротъ караулъ донесъ главнокомандующему, что царица Марія отправила впередъ двухъ младшихъ своихъ сыновей, которые и были задержаны карауломъ. Тогда князь Циціановъ поручилъ генералу Лазареву не допустить царицу до побѣга и вывезти ее изъ Тифлиса силою, а генералъ-маіору Тучкову приказалъ исполнить то же самое относительно царевича Баграта. Тучковъ долженъ былъ въ Мхцетѣ остановиться и подождать пока Лазаревъ прибудетъ туда съ царицею Маріею. Въ тотъ же день, вечеромъ, князь Циціановъ приказалъ поставить у дома царицы караулъ и, объявивъ, что намѣреніе ея открыто, предупредить, что на слѣдующее утро она должна оставить Тифлисъ.

Въ шесть часовъ утра, 19-го апрѣля, генералъ-маіоръ Лазаревъ прибылъ въ домъ царицы для исполненія порученія главнокомандующаго.

Царица Марія была не расположена къ генералу Лазареву. Она

[1]) Допросы участникамъ. Акты Кав. Археогр. Комм., т. II, стр. 116, № 201.

имѣла причины, пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ, «лично негодовать на Лазарева за разныя оскорбленія, причиняемыя ей при всякихъ случаяхъ, встрѣчавшихся въ ея тогдашнемъ положеніи. Она жаловалась даже неоднократно князю Циціанову, но не получала отъ него никакого удовлетворенія».

Удаливши всѣхъ окружающихъ, Лазаревъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, вошелъ въ ея комнату, гдѣ и объявилъ Маріи причину своего прибытія. Царица, принявъ его непріязненно и холодно, отвѣчала рѣшительно, что она ѣхать не хочетъ.

— Прежде лишу себя жизни, чѣмъ соглашусь на отъѣздъ въ Петербургъ, отвѣчала Марія на объявленіе Лазарева [1]).

Оставивъ для убѣжденія Маріи квартирмейстера Сурокова, знавшаго грузинскій языкъ, самъ Лазаревъ вышелъ изъ комнаты для дальнѣйшихъ распоряженій по отправленію царицы. Лишь только Суроковъ подошелъ къ царицѣ, какъ царевичъ Жибраилъ и царевна Тамара, выхватя скрытые подъ платьемъ ихъ кинжалы, бросились на Сурокова и прочихъ, оставшихся въ комнатѣ. Генералъ-маіоръ Лазаревъ, услышавшій шумъ, поспѣшилъ въ комнату и, подойдя къ царицѣ, сидѣвшей на постели, съ просьбою унять дѣтей ея, вдругъ получилъ изъ рукъ самой царицы ударъ въ лѣвый бокъ кинжаломъ, скрытымъ до того подъ одѣяломъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что г.-м. Лазаревъ только могъ перебѣжать комнату и палъ мертвый на порогѣ ея.

Извѣстіе объ убійствѣ Лазарева поразило какъ громомъ все населеніе Тифлиса. По азіятскому обычаю, грузины были увѣрены, что императоръ, прогнѣвавшись на преступницу, повелитъ истребить городъ и наказать жителей, его населяющихъ. Грузины пришли въ уныніе, и князю Циціанову стоило много хлопотъ и стараній, чтобы убѣдить народъ въ томъ, что для Грузіи прошли времена шаха Надира и ему подобныхъ азіятскихъ властителей, что среди образованныхъ народовъ проступокъ одного лица не влечетъ за собою уничтоженія цѣлаго общества. Грузины успокоились и 22-го апрѣля толпою спѣшили на похороны генералъ-маіора

---

[1]) См. черновой рапортъ князя Циціанова Г. И. Арх. М. В. Д., ч. II, стр. 318.

Лазарева, успѣвшаго заслужить истинное расположеніе и любовь народа, сожалѣвшаго о его печальной смерти [1]).

О случившемся въ комнатахъ царицы тотчасъ же дали знать князю Цыціанову и коменданту. Всѣ кромѣ главнокомандующаго поспѣшили прибыть на мѣсто. Князь Орбеліани началъ уговаривать царицу не противиться и бросить кинжалъ, но она не отвѣчала ему ни слова; тогда полиціймейстеръ Сургуновъ завернулъ свою руку въ толстую папаху (шапку), подошелъ къ царицѣ и вырвалъ у нея кинжалъ. Слѣдившая за всѣмъ происходившимъ царевна Тамара съ кинжаломъ въ рукахъ бросилась на Сургунова, но промахнулась и ранила въ правое плечо свою мать. Марія схватилась за кинжалъ, бывшій въ рукахъ у дочери, чтобы, какъ сама говорила, умертвить себя и Сургунова, но обрѣзала только себѣ руки и тотчасъ же была обезоружена, а вмѣстѣ съ нею обезоруженъ былъ и царевичъ Жибраилъ.

Не смотря на все случившееся, царица все таки была отправлена въ тотъ же день изъ Тифлиса.

По отъѣздѣ ея, и по осмотрѣ комнаты, найдены скрытые въ постели заряженные ружья и пистолеты.

Между тѣмъ, Тучковъ въ ту же ночь отправился исполнять свое порученіе. Домъ, въ которомъ жилъ царевичъ Баграть, находился почти за городомъ и, окруженный неровнымъ мѣстоположеніемъ, представлялъ всѣ удобства скрытнаго приготовленія къ бѣгству. Въ одной изъ лощинъ Тучковъ замѣтилъ нѣсколько вьючныхъ лошадей и муловъ, которыхъ велѣлъ задержать. Войдя въ домъ, онъ нашелъ царевича въ многочисленномъ обществѣ грузинскихъ дворянъ, всѣхъ, по обычаю ихъ, вооруженныхъ. Вызвавъ Баграта, онъ объявилъ ему волю Цыціанова. Царевичъ просилъ одной милости: не разлучать его съ женою, и безъ затрудненія покорился судьбѣ своей.

Рота егерей и другая мушкетерская, подполковника Монтрезора, окружили жилище царевича и до разсвѣта всѣ приготовленія къ отъѣзду были совершенно окончены.

«19-го апрѣля, рано утромъ, пишетъ Тучковъ, мы выступили

---

[1]) Кн. Цыціановъ гр. Кочубею 27-го апрѣля 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Ком., т. II, стр. 115, № 199.

изъ Тифлиса. Отъѣхавъ верстъ пять, мы остановились для отдохновенія. Въ это время посланный отъ князя Цицiанова, квартирмейстеръ полка Лазарева, привезъ мнѣ бумаги и сумму денегъ отъ главнокомандующаго. Цицiановъ увѣдомилъ меня кратко о смерти Лазарева, убіеннаго царицею, и приказывалъ, дождавшись въ Мцхетѣ прибытія князя Орбеліани съ царицею Маріею и ея семействомъ, обращаться съ ними не какъ съ особами царскаго дома, но какъ съ преступниками; предписывалъ также присоединить къ себѣ прикрытіе, имѣющее прибыть съ княземъ Орбеліановымъ, и, препроводя членовъ царскаго дома чрезъ Кавказскія горы до Владикавказа, сдать ихъ коменданту Моздокской крѣпости полковнику Протопопову, коему велѣно насъ встрѣтить въ Владикавказѣ. На пути же разрѣшалъ брать войска въ подкрѣпленіе моего отряда въ случаѣ надобности.

«Черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи въ Мцхетъ, князь Орбеліани присоединился къ намъ съ царицею, ея семействомъ и прислугою. Мы ночевали вмѣстѣ, и Орбеліани сообщилъ мнѣ подробности о смерти Лазарева, какъ въ то время донесли о томъ Цицiанову.»

Царицу приказано было отправить въ Воронежъ безъ всякихъ почестей [1]), какъ плѣнницу и смертоубійцу, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній императора Александра объ ея участи. Изъ опасенія, чтобы Марія не наложила на себя руки, князь Цицiановъ не приказалъ давать ей ножа даже и во время обѣда [2]).

Во время ночлега въ Мцхетѣ въ подкрѣпленіе Тучкову присланъ былъ еще одинъ баталіонъ его же полка, такъ какъ извѣстно было, что царица Марія, еще гораздо ранѣе послала къ тагаурцамъ 1,000 руб., съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ вывоза ея въ Россію, они не пропустили черезъ ущелье ни ея, ни конвоя. Горцы рѣшились препятствовать провозу царицы и, если представится возможность, то освободить ее.

— Наша грузинская баба, говорилъ дворянинъ Давидъ Казбекъ

[1]) Письмо князя Цицiанова Тучкову 19-го апрѣля 1803 г. Акт. Кавк. Арх. Комм., т. II, ст. 111, № 188.

[2]) Предписаніе Тучкову 19-го апрѣля 1803 г., № 747, и полковнику Протопопову, № 749. Акт. Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 111.

душетскому капитанъ-исправнику, да убила вашего русскаго генерала... Наша фамилія, прибавлялъ онъ, въ горахъ немало значитъ!

Душетскій исправникъ совѣтовалъ ему воздержаться отъ подобныхъ замѣчаній, но это не остановило Казбека.

— И тебя черезъ два дня не будетъ, хвастался онъ [1]).

Съ разсвѣтомъ, принявъ всѣ предосторожности, Тучковъ слѣдовалъ безъ роздыховъ, черезъ Душетъ, Анануръ и, пройдя хребетъ Кавказскихъ горъ, дошелъ до селенія Казбека безъ всякаго приключенія. Въ Казбекѣ остановился онъ на сутки для отдыха, гдѣ на другой день явились къ нему 30 человѣкъ Гребенскихъ казаковъ, которые, будучи посланы на линію, не могли пройти черезъ находящееся впереди Казбека Дарьяльское ущелье, занятое горскими жителями въ значительномъ числѣ. Присоединивъ и ихъ къ своему отряду, Тучковъ двинулся далѣе и цѣлый день не встрѣчалъ на пути никакого сопротивленія. На другой день, рано утромъ, построившись въ боевой порядокъ, онъ подошелъ къ Дарьяльскому ущелью съ барабаннымъ боемъ. Горцы поддались на эту хитрость, и, открывъ слишкомъ рано огонь, указали тѣмъ мѣста своего расположенія. Чтобы скрыть себя нѣсколько отъ выстрѣловъ, Тучковъ придвинулся къ самой подошвѣ горъ. Наши солдаты бросились въ дефиле, но при поворотѣ дороги вправо, гдѣ находился мостъ черезъ реку Терекъ, нашли его сильно обороняемымъ съ обѣихъ сторонъ непріятелемъ. Впереди этого моста, былъ другой мостъ, устроенный на изгибѣ и одной стороной примыкавшій къ крутому утесу горъ.

«Окрестности Дарьяла, говоритъ Тучковъ, гдѣ мы теперь находились, были мнѣ давно извѣстны, и я зналъ, что главное затрудненіе состоитъ въ переходѣ чрезъ сіи два моста». Раздѣливъ отрядъ на три части, одну, составленную изъ егерей и спѣшенныхъ Гребенскихъ казаковъ, Тучковъ послалъ штурмовать высоты влѣво, а самъ, перейдя мостъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ горцевъ, послалъ третій отрядъ въ правую сторону очистить прилегающія горы. Обѣ колонны, взобравшись на вершины, прогнали

[1]) Рап. Душетск. капит.-исправ. кн. Циціанову 4-го мая 1803 г. Акт. Кавк. Арх. Комм., т. II, № 200.

оттуда тагаурцевъ, а Тучковъ успѣлъ въ это время перейти второй мостъ. За мостомъ онъ соединилъ вмѣстѣ весь отрядъ и въ тотъ же день достигъ до селенія Балты, гдѣ и ночевалъ. На другой день отрядъ прибылъ во Владикавказскую крѣпость, гдѣ Тучковъ и сдалъ своихъ спутниковъ Моздокскому коменданту Протопопову.

На обратномъ пути отряда въ Тифлисъ тагаурцы, имѣвшіе одну цѣль своихъ непріязненныхъ дѣйствій освобожденіе царицы—нигдѣ не показывались.

По пріѣздѣ въ Воронежъ, царица Марія была заключена въ монастырь. Хотя она вскорѣ затѣмъ и обратилась съ просьбою къ императору Александру, объясняя свою невинность въ дѣлѣ убійства генерала Лазарева, но просьба эта, какъ и многія другія, оставлена безъ отвѣта. Только послѣ восьмилѣтняго заключенія царицѣ было дозволено оставить монастырь и переселиться на жительство въ Москву [1]).

IV.

Экспедиція генералъ-маіора Гулякова въ Джаро-Бѣлоканы. — Движеніе къ броду Урдо. — Взятіе Бѣлоканъ и Джаръ. — Послѣдствія экспедиціи: принятіе джаро-бѣлоканцевъ въ подданство Россіи — Построеніе при бродѣ Урдо «Александровскаго редута на Алазани».

Съ отправленіемъ царицы Маріи въ Россію не уничтожились интриги, веденныя лицами царской фамиліи. Царевичи Александръ, Юлонъ и Теймуразъ по-прежнему не переставали волновать народъ и въ то же время сами искали посторонней помощи. Але-

---

[1]) «Государь императоръ, писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Румянцевъ, во вниманіе къ добродѣтельному подвигу и примѣрной сыновней привязанности грузинскаго царевича Михаила, убѣдительно просившаго о прощеніи родительницы его царицы Маріи, и полагая, что восьмилѣтнее пребываніе ея, въ Бѣлогородскомъ женскомъ монастырѣ, довлѣло для принесенія Господу Богу покаянія въ заглажденіе преступленія, въ коемъ она была обвиняема, высочайше даровалъ ей свободу, изъявивъ, согласно убѣдительнымъ просьбамъ и усердному ходатайству сына ея царевича Михаила, высокомонаршее соизволеніе свое на то, чтобы царицѣ Маріи съ находящимся при ней семействомъ имѣть пребываніе въ Москвѣ (Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 25-го іюня 1811 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1803, № 6).

ксандръ возбуждалъ лезгинъ къ вторженію въ Грузію и къ нанесенію, по возможности, большаго разоренія его отечеству. Онъ хотѣлъ убѣдить населеніе, что Россія не въ силахъ защитить страну отъ внѣшнихъ враговъ, что она не въ состояніи дать благосостояніе народу, добровольно ей покорившемуся, и тѣмъ заставить своихъ соотечественниковъ пожалѣть о времени правленія фамиліи Багратіоновъ.

Царевичъ не достигъ исполненія своихъ желаній, но своими дѣйствіями причинилъ много бѣдствій отечеству, его воспитавшему. По его просьбѣ и подговорамъ лезгины, и безъ того всегда бывшіе самыми безпокойными сосѣдями, безпрерывно небольшими партіями и въ разныхъ мѣстахъ вторгались въ Грузію. Расположенныя на границахъ наши войска не могли услѣдить за каждою мелкою толпою преимущественно коннаго непріятеля, и потому князь Циціановъ принужденъ былъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ мѣстахъ лѣсистыхъ и наиболѣе подверженныхъ непріятельскому нападенію устроивались засѣки шириною не менѣе сажени, а въ мѣстахъ открытыхъ рылись волчьи ямы въ три ряда и въ шахматномъ порядкѣ [1]). Въ январѣ 1803 г. ожидали вторженія лезгинъ въ значительныхъ силахъ, но потомъ получены были свѣдѣнія, что они сами ожидаютъ подкрѣпленія изъ Дагестана, и что нападеніе будетъ произведено не ранѣе весны, такъ какъ горы, покрытыя снѣгомъ, представляютъ въ это время года большое затрудненіе для движенія, въ особенности конныхъ партій [2]).

Пока лезгины готовились къ нападенію, до главнокомандующаго доходили самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія объ ихъ намѣреніяхъ. Сигнахскій исправникъ доносилъ, что джарскіе старшины, изъявляя покорность, выражаютъ даже готовность выдать царевича Александра. Квартировавшій же въ Сигнахѣ съ баталіономъ подполковникъ Соленіусъ писалъ напротивъ, что джарцы готовятся къ нападенію, и наконецъ, генералъ-маіоръ Гуляковъ доносилъ, что

[1]) Предписаніе князя Циціанова генералу Лазареву 14-го декабря 1802 года, № 111.

[2]) Рапортъ Лазарева князю Циціанову 9-го января 1803 года, № 13, и 10-го января, № 15.

въ Кахетію присланы отъ царевича Александра разныя лица, подговаривающія жителей къ содѣйствію лезгинамъ, и что многіе изъ дворянъ и князей кахетинскихъ бѣжали уже къ царевичу въ Бѣлоканы [1]).

Желая узнать истину и предупредить вторженіе лезгинъ въ Грузію, князь Цицiановъ поручилъ генералъ-маіору Гулякову сдѣлать съ отрядомъ движеніе къ броду Урдо на Алазани и вмѣстѣ съ тѣмъ избрать мѣста для постройки редутовъ, которые могли бы затруднить лезгинамъ вторженіе въ Грузію. Мѣрою этою полагали возможнымъ прервать прямой путь въ Ахалцыхъ и заставить лезгинъ дѣлать объѣзды на Карабагъ.

Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ и его пораженія, Гуляковъ долженъ былъ слѣдовать далѣе и потребовать, чтобы лезгины выдали царевица Александра и согласились ввести въ Джары и Бѣлоканы русскій гарнизонъ [2]). «Отъ успѣха сего дѣла, писалъ князь Цицiановъ генералу Гулякову, зависитъ слава оружія его императорскаго величества, съ нею вмѣстѣ и ваша собственная, сопровождаемая наградою, а для здѣшняго края спокойствіе, польза и богатство» [3]).

2-го марта генералъ Гуляковъ двинулся въ Джарскую область съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты въ 1,482 человѣка, съ 8-ю орудіями и двумя сотнями казаковъ [4]).

Сверхъ того, при отрядѣ было кизихскихъ жителей, грузинскихъ князей, дворянъ и черни до 4,500 человѣкъ [5]). Это по-

---

[1]) Рапортъ Гулякова князю Цицiанову 16-го и 17-го февраля, №№ 33 и 34.

[2]) Предписанія Гулякову 4-го и 9-го февраля, №№ 228 и 233. Всеподдан. рап. князя Цицiанова 9-го февраля.

[3]) Предпис. Гулякову 21-го февраля, № 304.

[4]) Рапортъ Гулякова князю Цицiанову 2-го марта 1803 года, № 66.

[5]) Всего было: пѣхоты 1,482 челов., 8-мъ орудій, 210 казаковъ, 113 нестроевыхъ, 500 челов. грузинской конницы и 4,000 грузинской пѣхоты (См. журналъ полковника Дренякина). Въ деталяхъ отрядъ этотъ состоялъ: Кабардинскаго мушкетерскаго полка 2 баталіона, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 27, унтеръ офиц. 57, рядовыхъ 798, нестроевыхъ 36; Тифлисскаго мушкетерскаго полка гренадерскій баталіонъ: ген. 1, штабъ-офиц. 1, обер.-офиц. 12, унт.-офиц. 20, рядов. 333; 9-го артиллерійскаго баталіона: штабъ-офиц. 1, оберъ-офиц. 4, фейерверкеровъ 11, рядов. 17, готлангеровъ 25; донскихъ полковъ: Ефремова—штабъ-офиц. 3, оберъ-офиц. 1, урядниковъ 2, казаковъ 100; Тарасова—штабъ-офиц. 2, оберъ-офиц. 2, урядниковъ 2, казаковъ 59; Щедрова - штаб.-офиц. 2, оберъ-офиц. 1, казаковъ 20 (Рап. кн. Цицiанова Г. И. 8-го марта).

слѣднее ополченіе князь Циціановъ просилъ держать какъ можно строже. «Всемѣрно, писалъ онъ, воздержать грузинцевъ отъ грабительства деревень, а нашимъ строго воспретить, поелику оная провинція назначается къ подданству россійскому, а по той причинѣ лучше имѣть неразоренную, нежели ограбленную, и чтобы онымъ не ожесточить жителей».

Погода не благопріятствовала движенію отряда; со дня выступленія его изъ Сигнаха, въ теченіе трехъ дней, шелъ безпрерывный дождь со снѣгомъ. Около полудня 4-го числа отрядъ сдѣлалъ привалъ, не доходя 3-хъ верстъ до брода Урдо. Отсюда квартирмейстерской части полковникъ Дренякинъ, съ казаками и грузинами, отправился для обозрѣнія пути къ броду, за которымъ лезгины устраивали шанцы и имѣли землянку съ бойницами. Огонь, который лезгины открыли по рекогносцировавшему отряду, заставилъ генералъ-маіора Гулякова, взявъ съ привала одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка съ 3-мя орудіями, грузинскую конницу и пѣхоту, подойти къ броду Урдо и открыть огонь изъ орудій [1]), которымъ удалось зажечь землянку и заставить лезгинъ отступить отъ брода.

На мѣстѣ этихъ дѣйствій рѣка Алазань протекаетъ въ крутыхъ берегахъ, имѣя около 40 саженъ ширины. Сильно разлившаяся отъ проливныхъ дождей, она не представляла возможности перейти въ бродъ для преслѣдованія отступавшаго непріятеля. Ограничась двухчасовою перестрѣлкою [2]), Гуляковъ отошелъ къ мѣсту своего ночлега и рѣшился искать другаго мѣста для переправы, тѣмъ болѣе, что, по показанію князей и жителей кахетинскихъ, всѣ лежащія по лѣвой сторонѣ рѣки Алазани деревни, были пусты, а слѣдовательно движеніе съ довольно значительнымъ отрядомъ крайне неудобно.

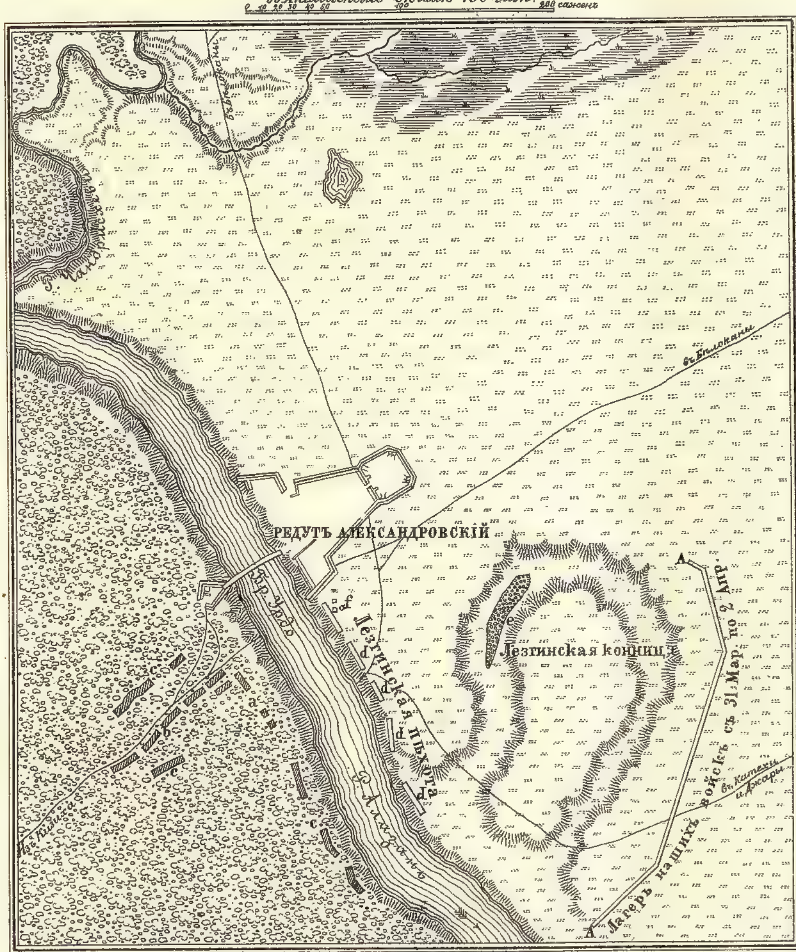
Послушавшись затѣмъ совѣта князей, говорившихъ, что самая лучшая переправа находится у селенія Анаги, Гуляковъ хотя и двинулся по ихъ указанію, но скоро пришелъ къ убѣжденію, что былъ обманутъ. Дорога, ведущая въ Бѣлоканы, оказалась

[1]) См. приложенный планъ дѣйствій.

[2]) Во время перестрѣлки ранено 6 челов. Изъ грузинъ убитъ 1 и ранено 5 челов. Рапортъ Гулякова кн. Циціанову 5-го марта, № 65.

ПЛАНЪ
мѣстности у брода Урдо на рѣкѣ Алазани и занятіе его русскими войсками подъ командою Генералъ-Маіора Гулякова 4го Марта 1803 года.

МАСШТАБЪ
въ Англійскомъ дюймѣ 100 саж.
0 10 20 30 40 50 100 200 саженъ



Черт. Н. Кононовъ

СРАЖЕНІЕ 4 МАРТА

Расположеніе войскъ

a) Кабардинскаго полка 140 челов. съ 1 оруд. и 50 человѣкъ казаковъ.
b) Батальонъ Кабардинскаго полка и 75 человѣкъ казаковъ.
c) Грузинская конница и пѣхота.
d) Лезгинская пѣхота засѣвшая въ шанцахъ.
e) Лезгинская конница.
f) Лезгинская землянка сожженная дѣйствіемъ нашей артиллеріи.

A.A. Лагерь устроенный нашими войсками послѣ возвращенія изъ экспедиціи въ Джары.

Лит. П. Х. Иванова, Петербургъ ст. Бармалѣева ул. д. N35.

весьма трудною для движенія, перерѣзанною во многихъ мѣстахъ топкими болотами, густымъ лѣсомъ, и притомъ на ней встрѣтились переправы чрезъ три большія тинистыя рѣки. Не смотря на то, 8-го числа отрядъ прибылъ къ рѣкѣ Ценіекевѣ, откуда на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ появленіемъ зари, слѣдовалъ къ Бѣлоканамъ. Подходя къ этому послѣднему селенію, полковникъ Дренякинъ замѣтилъ въ чащѣ лѣса лезгинское укрѣпленіе [1]), состоявшее изъ засѣки, окруженное съ обоихъ фланговъ топкими болотами и камышомъ и занимающее пространство болѣе четверти версты. За укрѣпленіемъ видно было засѣвшее лезгинское войско, числомъ до 10,000 человѣкъ, какъ впослѣдствіи показали захваченные въ плѣнъ лезгины. Здѣсь же были грузинскіе царевичи Александръ и Теймуразъ.

Послѣ личнаго осмотра укрѣпленія и знакомства съ окружающею мѣстностію, генералъ-маіоръ Гуляковъ, оставивъ для прикрытія вагенбурга грузинскую конницу, отдѣлилъ часть войскъ для обхода непріятельскихъ фланговъ, а съ остальными атаковалъ укрѣпленіе. Непріятель встрѣтилъ наступающихъ сильныхъ огнемъ, но былъ выбитъ штыками и преслѣдуемъ «съ неимовѣрною скоростью» черезъ весь лѣсъ, болото и далѣе на чистомъ трехверстномъ полѣ до самыхъ Бѣлоканъ.

Селеніе Бѣлоканы находилось въ весьма крѣпкомъ мѣстоположеніи, и всякій почти домъ его, окруженный каменною оградою, могъ служить укрѣпленіемъ и весьма хорошею обороною для непріятеля, но выбитые изъ-за укрѣпленія и быстро преслѣдуемые нашими войсками лезгины не успѣли занять селенія и разсѣялись въ разныя стороны. Гуляковъ отправилъ баталіонъ Кабардинскаго полка въ ущелье, находившееся вправо отъ Бѣлоканъ, съ цѣлію отрѣзать лезгинамъ путь отступленія. Маіоръ Алексѣевъ, командовавшій этимъ баталіономъ, преслѣдовалъ непріятеля до самыхъ снѣговыхъ горъ и остановился только тогда, когда дорога, пролегавшая по ущелью, раздѣлилась на нѣсколько вѣтвей, ведущихъ въ разныя стороны.

Сраженіе въ укрѣпленномъ лѣсу и затѣмъ преслѣдованіе про-

[1]) См. приложенный планъ дѣйствій.

должались болѣе двухъ часовъ; селеніе Бѣлоканы взяты и, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ каменныхъ домовъ, обращены «въ ничто совершенно». Лезгины отступали съ такою поспѣшностію, что оставили на мѣстѣ всѣ вещи царевича Александра и даже его письма [1]).

Ближайшимъ послѣдствіемъ успѣшныхъ дѣйствій должно было быть, какъ мы видѣли, требованіе ввести въ Джары и Бѣлоканы нашъ гарнизонъ. Теперь, пользуясь успѣхомъ, главнокомандующій не хотѣлъ уже ограничиться этимъ, но поручилъ Гулякову требовать, чтобы лезгины присягнули на подданство, съ обѣщаніемъ съ нашей стороны не касаться до ихъ образа правленія, если они согласятся платить ту дань, которую платили царямъ грузинскимъ. Джарцы же должны были выдать царевича Александра, которому обѣщано прощеніе.

«Не воспользоваться же сею побѣдою, писалъ князь Циціановъ [2]), походило бы на лезгинское владѣніе, ибо ваше превосходительство согласитесь, безъ сомнѣнія, со мною, что слава оружія состоитъ въ томъ, чтобы взятое не отдавать и побѣжденнымъ предписать законы. Сіе впаденіе нужно было для обезпеченія границы, и буде же мы тамъ твердой ноги не поставимъ, то опять они тамъ отдохнутъ, и славныя дѣянія вашего отряда не будутъ имѣть желаемаго слѣдствія.»

Союзникъ джарцевъ, ханъ нухинскій, узнавъ о занятіи Бѣлоканъ, писалъ главнокомандующему, предлагая свое посредничество для заключенія союза съ джарцами. Вскорѣ и джарцы извѣстили генерала Гулякова о готовности вступить въ подданство Россіи. Онъ сообщилъ объ этомъ князю Циціанову, который писалъ нухинскому хану: [3]) «Не входя въ дѣла предмѣстника моего, который, за слабое управленіе и защищеніе Грузіи отозванъ въ Россію, скажу вамъ о себѣ, что я присланъ сюда по высочайшей волѣ всемилостивѣйшаго государя императора, дабы царство Гру-

[1]) При взятіи укрѣпленій и селенія съ нашей стороны убито 7, ранено 33; у лезгинъ отбито 6 знаменъ, убито 500 челов. и взято въ плѣнъ: 2 грузинскихъ князя и лезгинъ 44 мужчинъ и 92 женщины.

[2]) Генералу Гулякову отъ 12-го марта 1803 года, № 422.

[3]) Отъ 21-го марта 1803 года.

зинское, присоединенное къ обширнымъ областямъ Россійской Имперіи, поставить не только въ безопасность, но и въ надлежащее уваженіе отъ сосѣдственныхъ народовъ и владѣльцевъ».

«Не безъизвѣстно вашему высокостепенству, что Джары и Бѣлоканы, издревле принадлежащіе царству Грузинскому, въ теченіе 70 лѣтъ не преставали дѣлать набѣги, хищничества и разоренія здѣшнимъ жителямъ. Потому и положилъ я за правило, въ разсужденіе Джаръ и Бѣлоканъ, или усмирить, или истребить ихъ съ лица земли. Но, какъ ваше высокостепенство объявили мнѣ, что вы почитаете ихъ своими союзниками и желаете примирить ихъ со мною, то въ доказательство наклонности моей къ вашему предложенію и дабы пощадить безполезное пролитіе крови человѣческой, согласенъ я дать Бѣлоканамъ и Джарамъ миръ и тишину, чрезъ ваше посредничество, на нижеслѣдующихъ условіяхъ, которыя безъ малѣйшаго отлагательства должны быть приведены въ исполненіе. Если же въ теченіе нѣсколькихъ дней не воспослѣдуетъ на сіе ожидаемаго успѣха, то далъ я предписаніе войску дѣлать что надлежитъ, и ваше высокостепенство въ семъ случаѣ по волѣ вашей располагать будете своими мыслями и движеніями. Но въ заключеніе сего объявить я долженъ, что всемогущій и великій государь мой императоръ указать мнѣ соизволилъ: союзнымъ, преданнымъ, пріязненнымъ сосѣдямъ оказывать благоволеніе, защиту и покровительство, а враговъ истреблять силою непобѣдимаго россійскаго оружія.»

Князь Циціановъ, обѣщая не вмѣшиваться во внутреннее правленіе лезгинскихъ обществъ, требовалъ отъ нихъ, чтобы царевичъ Александръ не былъ принимаемъ и не имѣлъ убѣжища ни въ Джарахъ, ни въ Бѣлоканахъ; чтобы въ обоихъ селеніяхъ былъ поставленъ русскій гарнизонъ; чтобы джаро-бѣлоканцы платили дань шелкомъ, какую они платили въ прежнія времена царямъ грузинскимъ, и наконецъ, чтобы дали пять человѣкъ аманатовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій.

Надѣясь на помощь нухинскаго хана, джарцы не согласились исполнить нашихъ требованій, и потому генералъ-маіоръ Гуляковъ принужденъ былъ продолжать съ отрядомъ движеніе на Джары, какъ самому главному и богатѣйшему селенію лезгинскихъ воль-

ныхъ обществъ. Нѣкоторое время онъ не рѣшался, однако, на это, опасаясь, что наступающее весеннее время представитъ много затрудненій къ движенію. Ощущая къ тому же недостатокъ въ продовольствіи, Гуляковъ полагалъ ограничиться занятіемъ брода Урдо и устройствомъ при немъ укрѣпленнаго пункта [1]), но князь Циціановъ, признавая необходимымъ заставить лезгинъ исполнить все отъ нихъ требуемое, настаивалъ на безотлагательномъ движеніи въ Джары, хотя и писалъ при этомъ Гулякову, что онъ, конечно, долженъ идти въ такомъ только случаѣ, если это движеніе не поведетъ къ большимъ потерямъ съ нашей стороны [2]). Сдѣлавъ распоряженіе о скорѣйшемъ доставленіи продовольствія въ отрядъ Гулякова, главнокомандующій просилъ, чтобы онъ приказалъ искать по ямамъ пшеницу и ячмень. «Въ Молдавіи, писалъ князь Циціановъ [3]), солдаты такія ямы и шомполами отыскивали безъ затрудненія въ моихъ глазахъ».

Обезпечивъ свой тылъ и поручивъ полковнику Дренякину устройство переправы черезъ рѣку Алазань при бродѣ Урдо, генералъ-маіоръ Гуляковъ съ отрядомъ двинулся къ Джарамъ. 27-го марта онъ достигъ до деревни Катехи, гдѣ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, кромѣ небольшой перестрѣлки лезгинъ съ фуражирами, занялъ деревню [4]). Нухинскій Мамедъ-Хасанъ-ханъ хотя дѣйствительно и пришелъ къ джарцамъ на помощь съ войсками и двумя пушками, но при приближеніи русскаго отряда искалъ спасенія въ бѣгствѣ, разоряя на пути селенія своихъ же союзниковъ, чѣмъ и возбудилъ къ себѣ крайнее негодованіе джарцевъ. Послѣдніе, зная о печальной участи Бѣлоканъ, преданныхъ огню и разоренію, и будучи оставлены союзникомъ, спѣшили съ знаками покорности явиться къ Гулякову, который и занялъ Джары 29-го марта безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей. Въ день занятія Джаръ явились къ генералъ-маіору Гулякову старшины отъ народа съ письменнымъ и словеснымъ объясненіемъ, что джарскія вольныя об-

---

[1]) Письмо Гулякова кн. Циціанову 24-го марта 1803 г.

[2]) Предписаніе Гулякову отъ 25-го марта 1803 г.

[3]) Ему же отъ 12-го марта 1803 г. Арх. Мин. Иност. Д., 1—3, 1803—7 гг. № 6.

[4]) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 15-го апрѣля 1803 г. Арх. Мин. Иност. Д., 1—3, 1803—7 гг. № 6.

щества «просятъ помилованія и пощады жизни поселянамъ и имуществу» и соглашаются на все, что предписать имъ будетъ угодно. Гуляковъ употребилъ всю строгость военной дисциплины для воздержанія грузинъ отъ грабительства, и Джары остались не только неприкосновенными, но, для привлеченія къ себѣ жителей и большей ихъ довѣренности къ русскимъ, Гуляковъ оставилъ селеніе и 31-го марта возвратился къ броду Урдо. Это непонятное для азіятцевъ великодушіе побѣдителя удивило ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвело ожидаемое дѣйствіе. Удовлетвореніе главнаго и важнѣйшаго желанія народа ободрило и прочія разсѣянныя въ горахъ селенія прислать своихъ повѣренныхъ. Собравшись въ числѣ девяти человѣкъ отъ главнѣйшихъ вольныхъ лезгинскихъ обществъ, повѣренные явились къ генералъ-маіору Гулякову и лично имъ самимъ, 12-го апрѣля, представлены были въ Тифлисѣ князю Циціанову, который и заключилъ съ ними мирное условіе. По этому условію джаро-бѣлоканскіе лезгины поступили въ вѣчное подданство Россіи и обѣщались платить дань шелкомъ по 1,100 литръ (220 пудъ на нашъ вѣсъ) въ годъ [1]).

Какъ ни готовы были, казалось, джарцы къ выполненію данныхъ ими обѣщаній, но, зная характеръ азіятскихъ народовъ, невозможно было разсчитывать на продолжительность сохраненія данныхъ ими обязательствъ. Преданность ихъ и вступленіе въ подданство Россіи могли имѣть мѣсто только до благопріятнаго и удобнаго для нихъ случая, точно такъ же какъ одна неудача заставила ихъ безъ сопротивленія согласиться на принятіе подданства. Какъ легко джарцы согласились подписать всѣ приведенныя нами условія, такъ же легко и скоро, какъ увидимъ ниже, они ихъ и нарушили. Здѣсь убѣжденіе и сознаніе въ необходимости такого подданства

[1]) «Наложенная, писалъ кн. Циціановъ императору Александру, на Джарскія вольныя общества ежегодная дань шелкомъ тысяча и сто литръ на тифлисскій вѣсъ, составляющихъ 220 пуд. россійскихъ, расчислена мною въ два срока, для удобнѣйшаго доставленія, и заключая по обширному шелководству, главнѣйшей отрасли ихъ промышленности, полагаю, что не можетъ быть для нихъ отяготительною, ибо по собственному показанію повѣренныхъ, утвердившихъ сіе постановленіе, населеніе Джарской провинціи простирается до 80 т. домовъ, состоящихъ въ 29 селеніяхъ, изъ коихъ шесть знатнѣйшихъ, а другія къ нимъ приписанныя и отъ нихъ зависящія.»

не имѣли мѣста; здѣсь была только одна азіятская хитрость и предательство.

Поэтому, принимая джаро-бѣлоканцевъ въ подданство и обезпечивая себя на бумагѣ, необходимо было обезпечить и на дѣлѣ.

Существованіе дружелюбнаго союза и постановленія между горскими владѣтелями было, по мнѣнію князя Циціанова, «въ числѣ вещей невозможныхъ. Страхъ и корысть суть двѣ первенствующія пружины, которыми руководятся въ Азіи всѣ дѣла и приключенія». Поэтому-то главнокомандующій принялъ противоположное правило и систему, чѣмъ та, которая была до него. Вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками привлекать къ себѣ хановъ и такимъ образомъ платить нѣкоторый родъ дани съ нашей стороны за мнимое ихъ подданство, князь Циціановъ требовалъ теперь самъ дани отъ джарцевъ, пользуясь ударомъ, нанесеннымъ при взятіи Бѣлоканъ, мѣста, почитавшагося до тѣхъ поръ неприступнымъ. Этотъ крутой поворотъ отъ подкупа деньгами къ дѣйствію оружіемъ и серьезнымъ требованіямъ дани съ побѣжденныхъ, имѣлъ свои послѣдствія. Такъ ханъ нухинскій (шекинскій), приходившій на помощь джаро-бѣлоканцамъ, просилъ мира и покровительства. Многіе ханы были также устрашены, и примѣръ поступка съ бѣлоканцами не могъ не имѣть для насъ хорошихъ послѣдствій. Иначе и быть не могло; всякія другія дѣйствія были бы сколько невыгодны для насъ, столько же и неблагоразумны. Необходимо было, наконецъ, устроить дѣйствительную преграду хищнымъ дагестанцамъ вторгаться въ Грузію и производить въ нашихъ предѣлахъ грабежи и разбои. Для достиженія этого и вообще для утвержденія господства нашего надъ джарцами, построенъ былъ при бродѣ Урдо редутъ, для одного баталіона, подъ именемъ «Александровскаго редута на Алазани». Въ немъ предполагалось оставить баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка «для надзиранія за поведеніемъ вольныхъ обществъ джарскихъ.» Для совершеннаго же обезпеченія какъ переправы чрезъ Алазань, такъ и для занятія важнѣйшихъ пунктовъ около лежащей мѣстности, князь Циціановъ учредилъ посты: вверхъ по рѣкѣ, при Царицыномъ колодцѣ, для двухъ ротъ, и внизъ по теченію рѣки, при урочищѣ Карагачѣ, тоже для двухъ ротъ, гдѣ и поставлены были роты Кабардин-

скаго мушкетерскаго полка, а одинъ баталіонъ Тифлисскаго мушкетерскаго полка поставленъ былъ временно по сю сторону Алазани.

«Занятіе сихъ постовъ, доносилъ князь Циціановъ [1]), и вкупѣ водворенія оружія въ Джарской области, для предлежащихъ видовъ нужнаго сообщенія Грузіи съ Бакою, доставить могутъ способнѣйшій путь чрезъ Нуху и Шемаху, безъ затруднительныхъ чрезъ рѣки переправъ, каковыя встрѣчаются при переходѣ съ лѣваго берега на правый и съ праваго опять на лѣвый берегъ рѣки Куры, идучи извѣстнымъ путемъ черезъ Ганжу.»

Заключивъ условіе съ Джарцами, князь Циціановъ надѣялся, что этимъ устранилъ хотя на нѣкоторое время увлеченіе грузинъ въ плѣнъ цѣлыми селеніями и разбои, продолжавшіеся въ теченіе всего столѣтія. «И такъ, писалъ онъ [2]): Десницею Бога живаго покровенная Грузія, сохранившая вѣру христіанскую посреди невѣрныхъ, ее утѣснявшихъ, можетъ нынѣ съ пророкомъ Давидомъ возгласить: «Терпя потерпѣхъ Господи и внятъ ми», а потому да всѣ благомыслящіе сыны отечества, при исполненныхъ благодарности сердцахъ, соединятъ теплыя молитвы ко Всевышнему Богу о продолженіи милости Его Святой надъ Грузіею.»

О взятыхъ при Бѣлоканахъ въ плѣнъ грузинскихъ князьяхъ, бывшихъ при царевичѣ Александрѣ, князь Циціановъ просилъ, не смотря на ихъ виновность, вмѣнить имъ въ наказаніе арестъ и оставить полгода подъ строгимъ присмотромъ, а по прошествіи этого времени освободить и привести къ присягѣ; плѣнныхъ же грузинъ отправить безъ наказанія на полгода на заводы, въ вѣдомство тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина [3]).

Утвердивъ это предположеніе, императоръ Александръ [4]) писалъ:

«Донесеніе ваше извѣстило меня объ успѣшномъ окончаніи предпріятія вашего на Джарскую область. Удовольствіе мое за

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 15-го апрѣля 1803 г.

[2]) Обвѣщеніе Грузинскому народу 5-го мая. Т. А. К. Н.

[3]) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 5-го мая 1803 г. Моск. Арх. Инспек. Департ.

[4]) Высоч. рескриптъ кн. Цiцiанову 23 го мая 1803 г. Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—7, № 6.

возвращеніе сей древней собственности царства грузинскаго, нынѣ оружіемъ россійскимъ паки къ оному присоединенной, тѣмъ для меня пріятнѣе вамъ изъявить, что благоразумнымъ распоряженіемъ вашимъ учинено сіе завоеваніе съ столь малою съ нашей стороны потерею и предупреждена гибель жителей и разореніе ихъ селеній.»

Покореніе Джаро-Бѣлоканской области все еще не обезпечивало вполнѣ Грузію отъ хищническихъ набѣговъ, тѣмъ болѣе, что продолжавшіяся интриги членовъ грузинскаго царскаго дома распространились далеко за предѣлы Грузіи и отразились на владѣтеляхъ Имеретіи и Мингреліи.

V.

Положеніе Мингреліи среди христіанскихъ владѣній Закавказья. — Мингрельскій князь Григорій Дадіанъ ищетъ подданства Россіи.—Переговоры по этому поводу и условія подданства. Принятіе Мингреліи въ подданство Россіи.—Рескриптъ императора Александра I князю Григорію Дадіану.

Имеретія и Мингрелія, включая сюда и Лечгумъ, входили прежде въ составъ грузинскаго царства, повиновались нѣкогда одной власти, управлялись одними законами, слѣдовали однимъ обычаямъ и имѣли одни правы. Съ отдѣленіемъ отъ Грузіи и съ образованіемъ самостоятельныхъ владѣній, правленіе обѣихъ областей основано было на одинаковыхъ началахъ. Какъ царь имеретинскій, такъ и Дадіанъ Мингрельскій были деспоты надъ своими подданными. По одной прихоти они звѣрски поступали съ тѣми князьями, которые не могли имъ противиться, и страшились сами тѣхъ, которые, запершись въ своихъ замкахъ, пренебрегали властью царя и, сознавая свою силу, защищали себя отъ ихъ нападеній. Лица успѣвшія отстоять свою независимость, становились соблазнительнымъ примѣромъ для другихъ, и число противниковъ царю и Дадіану, постепенно увеличиваясь, значительно ослабляло власть обоихъ владѣльцевъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго ни царь имеретинскій, ни Дадіанъ не отваживались уже объявить какое-нибудь постановленіе, несогласное съ выгодами князей, которые вообще мало повиновались ихъ власти и нерѣдко дѣлали имъ противное.

Упадокъ власти и безпорядки въ Мингреліи особенно водворились послѣ смерти предшественника князя Григорія Дадіана, который оставилъ пять сыновей и вдову, женщину самолюбивую, мстительную, враждовавшую противу старшаго своего сына и законнаго наслѣдника. Князь Григорій Дадіанъ былъ 18 лѣтъ отъ роду, когда сдѣлался самовластнымъ правителемъ [1]). Предавшись разгулу и праздности, Дадіанъ первое время весьма мало обращалъ вниманія на свои владѣнія, и тѣмъ далъ возможность дѣйствовать противу него сильнѣйшимъ князьямъ, его подданнымъ, и даже роднымъ своимъ братьямъ. По проискамъ матери, Дадіанъ еще въ 1795 году былъ лишенъ на нѣкоторое время княжества, которымъ и управлялъ старшій по немъ братъ Манучаръ. Въ это несчастное для него время Дадіанъ принужденъ былъ скрываться съ женою и дѣтьми у абхазскаго владѣльца и ахалцыхскаго паши, до тѣхъ поръ пока при помощи и содѣйствіи ихъ не возвратился въ свое княжество [2]).

Связь и дружба между имеретинскимъ царемъ Соломономъ II и княземъ Григоріемъ Дадіаномъ существовала непоколебимо болѣе двадцати лѣтъ. При содѣйствіи этой дружбы Соломонъ долгое время жилъ въ домѣ Дадіана и содержался на его счетъ. Этой же дружбѣ онъ обязанъ былъ тѣмъ, что, при помощи и содѣйствіи Дадіана, утвердился на имеретинскомъ престолѣ. Въ залогъ столь искренней взаимной привязанности, доказанной многими пожертвованіями, царь Соломонъ выразилъ желаніе жениться на сестрѣ князя Григорія Дадіана, на что и получилъ согласіе. Послѣ того оба владѣльца долгое время жили между собою какъ братья, какъ друзья, но вторичная женитьба князя Григорія Дадіана на дочери послѣдняго царя Грузіи Георгія XII, Нинѣ Георгіевнѣ, была причиною всѣхъ несчастій и гоненій, направленныхъ противъ владѣтеля Мингреліи.

Соломонъ II былъ внукъ Ираклія II и потому покровительствовался царицею Дарьею и ея сыновьями. Георгій же поддерживалъ

[1]) Онъ былъ сынъ Кацiя II и владѣлъ Мингреліею съ 1789 г. по 1804 г. См. Акты Кавк. Арх. Ком., т. I, № 113.

[2]) Письмо имеретинскаго царя Соломона гр. Гудовичу въ февралѣ 1795 г. Геогр. Воен. Арх., всеподдан. журналъ донесеній.

зятя своего Дадіана Мингрельскаго. Предательство, подкупы, заговоры и тому подобныя ухищренія были направлены противу Дадіана царицей Дарьей, бабкой царя Соломона и супругою царя Ираклія II.

«Гидра сія (т. е. царица Дарья), дерзаю такъ назвать, писалъ князь Циціановъ императору Александру [1]), раздирая Грузію междоусобными войнами, сѣя между своихъ дѣтей и дѣтей царя Георгія, отъ первой супруги царя Ираклія рожденнаго, вражду, злобу и крамолы, достигла и до разорванія дружескаго союза между внука ея царя Соломона и князя Григорія Дадіана, съ столь давнихъ временъ существовавшаго, единственно для того, что сей послѣдній женился на дочери царя Георгія, ею ненавидимаго.»

Яблокомъ раздора между двумя владѣльцами явилась небольшая Лечгумская область, находившаяся между ихъ владѣніями. Область Лечгумская не превышала 80 верстъ длины и 40 ширины и состояла изъ 11 укрѣпленныхъ зàмковъ, расположенныхъ на неприступныхъ высотахъ, изъ которыхъ пять считались во власти имеретинскаго царя, три во владѣніи Дадіана, а остальныя принадлежали князьямъ, непризнававшимъ ничьей власти. Впрочемъ, подчиненность всѣхъ князей Лечгума была крайне сомнительна и шатка относительно обоихъ владѣльцевъ. Они безпрестанно переходили изъ-подъ власти имеретинскаго царя къ Дадіану мингрельскому и обратно, смотря по тому, подъ чьимъ покровительствомъ находиться считали для себя наиболѣе выгоднымъ. Такой переходъ не возбуждалъ ссоры между двумя владѣльцами до тѣхъ поръ, пока не послѣдовало посторонняго вмѣшательства.

Подстрекаемый изъ Тифлиса своими родственниками, имеретинскій царь Соломонъ вдругъ заявилъ свое притязаніе на весь Лечгумъ и сталъ отвергать права на него Дадіана. Послѣдній отрицалъ эти права и вчерашніе друзья и родственники стали врагами другъ другу. Оба взялись за оружіе, съ намѣреніемъ отстоять свои права силою. Каждый изъ нихъ хотѣлъ завладѣть всею провинціею. Имеретинскій царь, имѣя превосходство въ силахъ, сильно тѣснилъ Дадіана и довелъ его до того, что тотъ,

[1]) Отъ 16-го апрѣля 1803 г.

не видя возможности бороться съ противникомъ, сталъ искать покровительства и подданства Россіи. Съ этою цѣлію онъ писалъ сначала письма царевичу Давиду и другимъ лицамъ, а впослѣдствіи обратился къ самому князю Циціанову съ просьбою о принятіи его въ подданство Россіи [1]).

«Хотя долгъ повиновенія, писалъ онъ въ одномъ изъ нихъ главнокомандующему [2]), обязываетъ меня удержаться отъ просьбъ моихъ къ вашему сіятельству и обезпокоить васъ ими, но любви свойственно не умолкать и не угасать, почему возобновляю всенижайшую мольбу, дабы вы — преемникъ царя Георгія, который среди насъ занималъ степень отца—не пренебрегли мною... Признавая себя природнымъ рабомъ и собственнымъ сыномъ вашимъ, прошу помочь моему ходатайству, какъ Божій собесѣдникъ Моѵсей помогъ народу Израильскому. Я имѣю желаніе, чтобы ты, какъ Моѵсей предстоящій предъ государемъ лицомъ къ лицу и управляющій дѣлами посредствомъ жезла мудрости, источилъ мнѣ покровительство государя нашего; я знаю, что все, чего ты пожелаешь, имѣетъ благодать и способно даровать мнѣ желаемое по твоему могуществу. Прославь же домъ мой твоимъ благодѣяніемъ, исполнивъ просьбу прибѣгающаго подъ милосердіе всесильнаго государя, дабы угасла похвальба враговъ и всѣ мои дѣла получили успѣхъ... Умоляю—прославь мужество и великодушіе твоего величія, замѣни отца оставшемуся въ сиротствѣ и удостой достичь просимаго.»

Прибывшій въ Тифлисъ нарочно посланный Дадіана передалъ князю Циціанову письмо, въ которомъ Дадіанъ предупреждалъ главноуправляющаго, что если не удостоится получить просимаго пособія, то, для спасенія своего, долженъ будетъ искать покровительства и подданства Порты Оттоманской.

Медлить или отклонять отъ себя такое искательство было бы неблагоразумно. Дадіанъ былъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что, безъ сомнѣнія, въ случаѣ отказа, обратился бы къ Портѣ, не смотря на всю свою ненависть къ ней, какъ державѣ магометанской.

---

[1]) См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 452, № 897 и стр. 453, № 899.
[2]) Отъ 6-го іюня 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 902.

Съ одной стороны неотступныя просьбы Григорія Дадіана и опасеніе, что отвергнутый Россіею онъ станетъ искать покровительства Порты Оттоманской, а съ другой—выгоды, сопряженныя съ пріобрѣтеніемъ Мингреліи, заставляли князя Циціанова ходатайствовать у императора о принятіи Дадіана въ подданство Россіи.

Обиліе лѣса въ Мингреліи, надежды на судоходность рѣки Ріона до самаго моря, предположеніе о существованіи богатыхъ рудниковъ въ Мингреліи и, наконецъ, вызываемое необходимостью округленіе нашихъ владѣній въ Закавказьѣ были достаточнымъ основаніемъ, чтобы наше правительство не отвергло исканій князя Григорія. Не зная однако же, какъ будетъ принята просьба Дадіана, князь Циціановъ не обнадеживалъ его никакимъ положительнымъ отвѣтомъ, но просилъ не спѣшить переговорами съ Портою Оттоманскою.

Турецкая имперія, столь страшная сосѣднимъ государствамъ до половины прошлаго столѣтія, вызывала со стороны Россіи всѣ усилія къ защитѣ своихъ границъ, необезпеченныхъ тогда отъ внезапнаго вторженія подвластныхъ султану татарскихъ ордъ. Послѣднія войны наши съ Портою открыли, однако же, слабость силъ ея. Внутренніе раздоры, неповиновеніе пашей султану, безпорядокъ во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія сдѣлали невозможнымъ возвращеніе Порты къ прежнему могуществу и блеску. Съ присоединеніемъ же Крыма и паденіемъ Царства Польскаго интересы Россіи требовали поддержанія дружественныхъ отношеній съ турецкимъ правительствомъ и сохраненія цѣлости Турецкой имперіи, съ тою цѣлью, чтобы имѣть сосѣда слабаго, успокоивающаго насъ отъ всякихъ со стороны его притязаній или предпріятій.

Съ своей стороны константинопольскій дворъ, видя свою слабость, не только не искалъ возврата потеряннаго, но ожидалъ отъ Россіи огражденія своихъ областей отъ замысловъ Франціи, и въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія Турція безпрекословно слѣдовала внушеніямъ петербургскаго кабинета.

Такое вліяніе Россіи на политическое поведеніе Порты, по мнѣнію нашего правительства, было для насъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ

занятіе столицы Оттомановъ, но оно не нравилось первому консулу Франціи. Наполеонъ, не будучи въ силахъ склонить насъ па раздѣлъ Турціи, сталъ убѣждать Порту въ неискренности поведенія Россіи и въ дурныхъ замыслахъ ея противъ Турціи. Вотъ причина, почему петербургскій кабинетъ, въ опроверженіе интригъ, стараясь не подавать повода къ тому, чтобы Наполеонъ могъ свои внушенія дивану подтвердить фактами, счелъ необходимымъ объясниться съ Портою относительно присоединенія къ Россіи сначала Мингреліи, а потомъ Имеретіи [1]).

Императоръ Александръ поручилъ нашему посланнику въ Константинополѣ Италинскому внушить Портѣ, чтобы она смотрѣла на занятіе нашими войсками Мингреліи, а впослѣдствіи и Имеретіи, какъ на *«событіе для нее равнодушное»*, потому что мнимое ея покровительство этимъ областямъ было безполезно и ничтожно. Князь Циціановъ также просилъ Италинскаго подготовить Порту къ тому, чтобы въ принятіи подъ свое покровительство этихъ двухъ владѣній она не видѣла со стороны Россіи ни насилія, ни нарушенія мирныхъ отношеній [2]).

Въ Константинополѣ вопросъ о присоединеніи Мингреліи прошелъ совершенно незамѣченнымъ, и рейсъ-эффенди въ разговорѣ съ Италинскимъ не высказалъ по этому предмету ни опасеній, ни неудовольствій. Наше правительство предвидѣло такой исходъ, и императоръ Александръ еще въ маѣ мѣсяцѣ писалъ князю Циціанову, чтобы онъ не останавливался въ веденіи дальнѣйшихъ переговоровъ. «Не нужно вамъ, писалъ онъ [3]), для занятія войсками моими Мингреліи ожидать извѣщенія отъ посланника Италинскаго. Порта Оттоманская, имѣя токмо мнимую надъ княжествомъ симъ верховную власть, которая ей выгодъ никакихъ не приноситъ, по случаю сего происшествія, уповаю я, не захочетъ нарушить добраго согласія, между Россіею и ею существующаго.»

Получивъ такое приказаніе, главнокомандующій отправилъ грузинскаго дворянина Давида Мамацева съ письмомъ къ Дадіану и съ порученіемъ заключить предварительныя съ нимъ условія,

---

[1]) Гр. Воронцовъ князю Циціанову 5-го августа 1803 года.

[2]) Акт. Кав. Арх. Комм. т. II, №№ 688 и 903.

[3]) Въ рескриптѣ отъ 23-го мая 1803 г. Арх. М. И. Дѣлъ 1—13, 1803—6, № 9.

какъ о подданствѣ, такъ и о продовольствіи войскъ, которыя предполагалось ввести въ Мингрелію.

«Зная и видя положеніе дѣлъ, васъ окружающихъ, писалъ князь Циціановъ Дадіану [1]), силу вашихъ сосѣдей, несогласія въ собственномъ свѣтлѣйшемъ домѣ вашей свѣтлости, не вижу я инаго пути къ возстановленію спокойствія посреди Мингреліи, какъ тотъ, который ваша свѣтлость предпринимаете, т. е. войти въ подданство его императорскаго величества и тогда ограждены будете силою непобѣдимаго оружія россійскаго».

Для окончательнаго рѣшенія этого дѣла князь Циціановъ просилъ, чтобы Дадіанъ прислалъ въ Тифлисъ уполномоченнаго для заключенія условій и чтобы владѣтель Мингреліи обязался поставлять за условленную плату провіантъ на 1,500 человѣкъ войска, назначеннаго для занятія и обороны его владѣнія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дадіану сообщено, что императоръ оставляетъ внутреннее управленіе Мингреліи въ рукахъ владѣтеля на прежнихъ правахъ и обычаяхъ, за исключеніемъ смертной казни, которая должна быть непремѣнно отмѣнена; что со вступленіемъ въ Мингрелію русскаго войска, оно будетъ оборонять до послѣдней капли крови страну, какъ «собственность Всероссійскую», и наконецъ, что, по заключеніи трактата, Дадіану будетъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго.

Въ отвѣтъ на это требованіе главноуправляющаго князь Григорій Дадіанъ прислалъ въ Тифлисъ священника двора своего Симеона Асатіана и дворянина Георгія Гогіева съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что лишь только получилъ извѣстіе о посылкѣ Мамацева, ѣхавшаго черезъ Ахалцыхъ, тотчасъ же отправилъ на встрѣчу ему своего посланнаго въ Батумъ; но вскорѣ узналъ, что послѣдній былъ задержанъ царемъ имеретинскимъ. Эта невѣрность пути, по словамъ Дадіана, была единственною причиною долгаго неотправленія посланцевъ къ главноуправляющему. Хотя князя Григорія Дадіана и старались увѣрить въ томъ, что, съ заключеніемъ трактата, онъ будетъ устраненъ отъ управленія Мингреліею; хотя сомнѣніе въ исполненіи обѣщаній вкрадывалось и

---

[1]) Отъ 26-го іюня 1803 г. Акт. Кавк. Арх. Комм. т. II.

въ его душу, но онъ имѣлъ на столько характера, чтобы довести до конца начатые переговоры. «Отдалъ я себя самого, писалъ онъ князю Цыціанову [1]), всемилостивѣйшему монарху россійскому, да отъ сего дня буду я рабомъ (подданнымъ) его непобѣдимой Имперіи.» Дадіанъ писалъ, что оба его посланные «дарованы благодатію вѣрности ко мнѣ и имъ далъ я полную власть (полномочіе) по приказанію вашему, и сіи объявятъ и утвердятъ написаннымъ мною письмомъ, клятвою и обѣщаніемъ мое покорнѣйшее рабство россійскому монарху и пребываніе мое подъ твоимъ правленіемъ и надзираніемъ».

Предавая себя и владѣніе свое въ безусловное подданство Россіи, Дадіанъ просилъ, въ знакъ милости и расположенія императора Александра, прислать ему саблю. Относительно продовольствія войскамъ онъ обѣщалъ доставлять его, хотя и писалъ при этомъ, что въ Лечгумѣ и Сванети можно имѣть «хлѣбъ и ячмень въ пропитаніе тамъ находящимся и намъ», но въ Одиши можно найти только гоми, просо и кукурузу. За то, по словамъ Дадіана, «мяса и вина есть изобильнѣе въ землѣ нашей, и можно, кажется, войскамъ вашимъ, которыя у насъ будутъ, имѣть пропитаніе».

Соглашаясь на уничтоженіе смертной казни, Дадіанъ спрашивалъ: «человѣкоубійцамъ или великимъ предъ Богомъ преступникамъ, или ожесточеннымъ въ грѣхахъ и необращающимся отъ нихъ, или плѣннико-продавцамъ и ворамъ, какой должно дѣлать и судъ, и воздаяніе? прошу приказаніемъ вашимъ дать мнѣ наставленіе, ибо извѣстно вашему благоразумію, что земля наша не есть регулярная и имѣетъ много законовъ, Моѵсеемъ учрежденныхъ. И для того, кажется, учрежденіе сіе, какъ-то: смертная казнь, отрубленіе рукъ и ногъ, или избоденіе глазъ, введено въ землю нашу, что не имѣемъ отдаленныхъ мѣстъ для ссылки или удаленія отъ земли нашей, *какъ то у васъ есть Сибирь и узаконенное по тѣлу наказаніе*».

Вскорѣ послѣ того владѣтель Мингреліи самъ, безъ всякихъ побужденій и намековъ съ нашей стороны, обратился съ прось-

---

[1]) Отъ 21-го августа 1803 г. Акт. Кавк. Арх. Комм. т. II, № 908.

бою къ князю Циціанову о дозволеніи ему прислать въ Тифлисъ сына въ качествѣ аманата. Хотя подобное принятіе и утвержденіе въ вѣрности можно считать унизительнымъ для дающаго аманата и плохимъ обезпеченіемъ для берущаго его, но, имѣя въ виду, что этотъ способъ удостовѣренія въ вѣрности былъ весьма обыченъ въ Азіи, князь Циціановъ признавалъ весьма полезнымъ воспользоваться предложеніемъ князя Дадіана [1]). Онъ просилъ разрѣшенія императора Александра отправить его въ Россію подъ предлогомъ воспитанія, приличнаго его рожденію, на что и послѣдовало высочайшее разрѣшеніе.

Между тѣмъ, для постановленія окончательныхъ условій подданства, гвавнокомандующій отправилъ въ Мингрелію полковника Майнова, который 1-го декабря 1803 г., въ селеніи Диди-чала, Одишійской провинціи, имѣлъ свиданіе съ княземъ Григоріемъ Дадіаномъ. Вручивши ему вмѣстѣ съ письмомъ главнокомандующаго и просительные пункты, отъ лица его составленные, Майновъ просилъ о назначеніи дня присяги. Подписавши просительные пункты 2-го декабря, владѣтель Мингреліи послалъ повсюду приказаніе, чтобы первосвященники, князья и дворянство собрались къ нему. Самъ Дадіанъ и его супруга Нина Георгіевна, получившая въ подарокъ соболій мѣхъ и 10 аршинъ пунцоваго бархата, высказывали полную преданность къ русскому императору и его правительству.

4-го декабря прибылъ епископъ Цаишскій и Дадіанъ въ тотъ же день присягнулъ на подданство и возложилъ на себя поднесенный ему Майновымъ орденъ св. Александра Невскаго. Продолжавшіяся военныя дѣйствія противъ царя имеретинскаго и случившееся въ то время наводненіе препятствовали князьямъ и дворянамъ собраться всѣмъ одновременно для принятія присяги. Наслѣдникъ Мингреліи также не присутствовалъ при общемъ торжествѣ; задержанный наводненіемъ, онъ присягалъ впослѣдствіи [2]).

По заключенному трактату князь Григорій Дадіанъ и все его

---

[1]) Всеподдан. рапортъ отъ 27-го октября, Арх. Мин. Ин. Дѣлъ 1—7, 1803—7, № 57.

[2]) Рапортъ полковника Майнова 4-го января 1804 г. Акт. Кавк. Арх. Комм., т. II, № 913.

владѣніе поступали въ вѣчное подданство Россіи, причемъ ему предоставлялось пользоваться всѣми преимуществами владѣтеля. Послѣ смерти Дадіана право наслѣдства переходило потомству по старшинству колѣна, но наслѣдіе могло считаться законнымъ только тогда, когда будетъ утверждено высочайшею граматою. Судъ и расправа предоставлялись владѣтелю, за исключеніемъ смертной казни, которая навсегда отмѣнялась. Для защиты Дадіана и его владѣній русскія войска должны были вступить въ Мингрелію и имѣть тамъ постоянное пребываніе.

Прося о предоставленіи ему части доходовъ съ городовъ и рудниковъ, если бы таковые были открыты въ его владѣніяхъ, Дадіанъ обѣщалъ повиноваться русскимъ властямъ, выстроить для русскихъ войскъ дома и доставлять имъ отопленіе, освѣщеніе и продовольствіе. Онъ обѣщалъ отпускать безденежно лѣсъ, годный для кораблестроенія; доставлять рабочихъ для разработки рудъ по цѣнамъ, опредѣленнымъ отъ горнаго начальства; отказывался отъ таможенныхъ доходовъ; согласился не брать никакихъ пошлинъ съ купцовъ, торгующихъ въ его владѣніяхъ, и, наконецъ, въ знакъ его власти, просилъ пожаловать его мечомъ и знаменемъ по азіятскому обычаю.

Получивъ донесеніе о вступленіи Мингреліи въ подданство Россіи и о присягѣ Дадіана, императоръ Александръ писалъ ему [1]):

«Извѣстясь черезъ донесеніе главнокомандующаго въ Грузіи о ревностномъ усердіи, съ каковымъ вы совершили обрядъ присяги на вѣрноподданство ваше и владѣнія вашего россійскому престолу, пріятно намъ вамъ засвидѣтельствовать нашу признательность и начать государствованіе наше надъ Мингреліею изъявленіемъ вамъ милости нашей и благоволенія. Сопричисляя васъ къ подданнымъ россійскимъ, не расширеніе предѣловъ Имперіи, толико уже обширной, желали мы, но болѣзнуя о бѣдственномъ состояніи жителей Мингреліи, отвсюду сосѣдями утѣсняемыхъ, и милосердуя о нихъ, склонились мы принять и сей единовѣрный намъ народъ подъ сильную защиту и покровъ Россіи, подъ сѣнію коея да успокоится столько долго обуреваемая Мингрелія и вкуситъ

[1]) Высочайшій рескриптъ отъ 20-го марта 1804 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ 1—7, 1803—7, № 5.

миръ, тишину и безопасность, наравнѣ съ прочими областями Россійскую Имперію составляющими.

«Удовлетворяя прошенію вашему, мы повелѣли главнокомандующему въ Грузіи неукоснительно оградить сіе новое достояніе наше отрядомъ войскъ нашихъ.

«О прочихъ же просьбахъ вашихъ, не умедлимъ дать разрѣшеніе, увѣряя васъ предварительно, что усердіемъ своимъ заслужили вы благоволеніе наше, коего несомнѣнные знаки ощутите вы, какъ устроеніемъ участи собственно вашей, такъ и будущаго благоденствія дома вашего.»

Принявъ Мингрелію въ подданство Россіи, петербургскій кабинетъ не соглашался на нѣкоторыя просьбы Дадіана [1]). Онъ находилъ неудобнымъ оставить послѣ того за Дадіаномъ достоинство владѣтельнаго. Дадіанъ названъ былъ начальствующимъ Мингреліею. Перемѣну эту, казалось, не трудно сдѣлать потому, что послѣднее званіе весьма близко подходило къ положенію сардаря, званія, котораго добивался самъ Дадіанъ. Судъ и расправу не находили возможнымъ предоставить владѣтелю Мингреліи, а думали, чтобы онъ производилъ ихъ именемъ государя. Постоянное угнетеніе народа отъ самовластныхъ налоговъ заставило наше правительство признать необходимымъ назначить Дадіану особое жалованье, съ тѣмъ, чтобы онъ не взималъ уже никакихъ податей съ народа въ свою пользу.

То, что кажется удобнымъ и легко выполнимымъ въ кабинетѣ, оказывается часто на дѣлѣ несостоятельнымъ. Князь Циціановъ находилъ невозможнымъ сдѣлать измѣненія въ постановленіи, заключенномъ съ Дадіаномъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока Мингрелія не будетъ занята нашими войсками. Отнимая у Дадіана названіе владѣтельнаго князя, правительство наше отнимало одно изъ самыхъ главныхъ условій, только при сохраненіи которыхъ онъ рѣшился вступить въ подданство. Страхъ, вмѣстѣ съ лишеніемъ титула лишиться и самаго владѣнія, могъ уклонить Дадіана отъ подданства. Онъ могъ даже заставить его отложиться отъ подданства, «и тогда, писалъ князь Циціановъ, насильствен-

[1]) Чарторыйскій кн. Циціанову 20-го марта 1804 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—7, 1803 7, № 5.

ный входъ войскъ, въ землѣ, покрытой густѣйшими лѣсами, и въ землѣ, неимѣющей ни дорогъ и мостовъ на широкихъ рѣкахъ, будетъ стоить нѣсколько тысячъ воиновъ».

«Судъ и расправа, писалъ онъ въ другомъ донесеніи, именемъ государя императора, съ чѣмъ сопряжены формы канцелярскія въ безграмотной землѣ, гдѣ очень мало есть людей, умѣющихъ писать, должны поразить и устрашить князя Дадіана.

«Оставя то, что не токмо я, но и всѣ по мнѣ главноуправляющіе, лишатся довѣрія отъ сосѣдей, каковое я уже и потерялъ увозомъ членовъ царственнаго грузинскаго дома изъ Грузіи, хотя оно было необходимо, и сіе-то есть единственная причина двухмѣсячной моей негоціаціи съ имеретинскимъ царемъ, который, страшась перемѣны, ни на что согласиться не желалъ.»

Мнѣніе князя Циціанова было вполнѣ одобрено, и высочайшею граматою отъ 4-го іюля Мингрелія принята въ подданство Россіи и князю Дадіану поручено управлять ею «съ кротостію и правосудіемъ».

VI.

Порученіе князю Циціанову содѣйствовать освобожденію имеретинскаго царевича Константина.—Отъѣздъ изъ С.-Петербурга въ Грузію царицы Анны.—Отправленіе Броневскаго въ Имеретію для переговоровъ съ царемъ Соломономъ.—Освобожденіе царевича Константина. — Отправленіе царемъ Соломономъ посольства въ Петербургъ.—Просьба и условія, на которыхъ имеретинскій царь желалъ вступить въ подданство Россіи.—Двуличіе Соломона.—Его безчеловѣчный поступокъ съ посланными къ кн. Циціанову отъ Дадіана Мингрельскаго.—Прерваніе переговоровъ и обратное отправленіе посланнаго въ Тифлисъ.—Предположеніе императора Александра I, высказанное въ рескриптѣ о дѣйствіяхъ нашихъ въ Закавказьѣ.

Неудачная миссія Соколова въ Имеретію по дѣлу объ освобожденіи царевича Константина послужила князю Циціанову поводомъ къ началу сношеній его съ царемъ Соломономъ II.

Въ декабрѣ 1802 года канцлеръ увѣдомилъ находившуюся въ Петербургѣ царицу Анну, что освобожденіе царевича Константина не состоялось, что царь Соломонъ, не имѣя дѣтей, желаетъ его усыповить, почему канцлеръ и совѣтовалъ царицѣ ѣхать въ Гру-

зію, гдѣ князю Циціанову поручено было принять новыя мѣры къ освобожденію царевича [1]).

Анна согласилась на сдѣланное ей предложеніе и получила дозволеніе отъ императора Александра ѣхать въ Тифлисъ, съ производствомъ ей тамъ того же содержанія, какое получала она въ С.-Петербургѣ [2]). Императоръ Александръ въ то же время писалъ князю Циціанову [3]).

«Вамъ небезъизвѣстенъ предметъ пріѣзда сюда вдовствующей царицы имеретинской Анны; а равнымъ образомъ, знаете вы, конечно, что по просьбѣ ея отправленъ былъ отсюда въ Имеретію коллежскій совѣтникъ Соколовъ, съ препорученіемъ касательно доставленія свободы сыну ея, насиліемъ имеретинскаго царя въ заточеніи у него содержащагося, и что поѣздка сего чиновника не имѣла предполагаемаго успѣха. Нынѣ помянутая царица, при изъявленіи желанія своего отправиться на жительство въ Грузію, просила меня, чтобы дѣло сіе препоручено было въ особенное покровительство ваше. Я тѣмъ удобнѣе склонился на удовлетвореніе сей ея просьбы, что и по долгу человѣчества, и по личному уваженію къ сану ея, не могу я не принимать особеннаго участія въ стѣсненномъ ея положеніи. Вслѣдствіе чего и возлагаю на васъ употребить всевозможные способы, кои вы, сколько по ввѣренному вамъ начальству въ Грузіи, столько же и по извѣстному мнѣ вашему благоразумію, найдете за удобныя и полезныя, для доставленія означенному царевичу свободы. Само собою слѣдуетъ, что подвиги ваши по сему дѣлу должны начаты быть убѣжденіемъ царя имеретинскаго на освобожденіе означеннаго царевича и увѣреніями, что, согласясь на оное, окажетъ онъ мнѣ особливую благодарность. Какимъ же образомъ должно быть учинено отъ васъ къ нему о томъ отношеніе, я предоставляю вамъ распорядить сіе, по лучшему соображенію вашему, такъ, чтобы по извѣстному недоброжелательству къ вдовствующей царицѣ, не произошло оттого какихъ-либо непріятныхъ для нея послѣд-

---

[1]) Письмо канцлера царицѣ 6-го декабря 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—10, 1802—14 гг. № 2.

[2]) Прошеніе царицы 23-го января 1803 г. Тамъ же.

[3]) Рескриптъ кн. Циціанову 23-го февраля 1803 г. Тамъ же.

ствій, какъ напримѣръ, чтобы мщеніе царя имеретинскаго не посягнуло на самую жизнь несчастнаго царевича, какъ о томъ даже носились было и слухи. Но если бы предвидѣли вы, что всякое отношеніе къ царю по сему предмету останется безуспѣшно, и что между тѣмъ имѣли бы вы въ виду возможность доставить несчастному царевичу свободу и возвращеніе въ домъ матери его способами совсѣмъ иными, изобрѣтенными искусствомъ и дѣятельностію вашею, я не возбраняю даже и употребленія въ дѣйство сихъ послѣднихъ, лишь бы только исполнено оное было приличнымъ образомъ. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе приложите вы стараніе къ благоуспѣшному дѣла сего окончанію, тѣмъ вящшее пріобрѣтете отъ меня благоволеніе.»

Еще до полученія этого повелѣнія, князь Циціановъ старался, съ помощію разныхъ секретныхъ порученій, освободить царевича. Но такъ какъ царь Соломонъ считалъ минуту его освобожденія минутою своей гибели, то онъ и не надѣялся достигнуть этой цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Циціановъ нисколько не безпокоился за жизнь царевича, оставаясь въ полномъ убѣжденіи, что царь Соломонъ, зная участіе, которое принимало въ немъ наше правительство, не дерзнетъ покуситься на нее. Когда же главнокомандующій получилъ приведенный нами рескриптъ, которымъ возлагалось на особое его попеченіе освобожденіе царевича, тогда онъ вступилъ въ переговоры объ этомъ съ княземъ Кайхосро Церетели, пользовавшимся большою довѣренностію царя Соломона [1]).

Послѣ долгаго торга и переговоровъ, князь Церетели обѣщалъ, за 5,000 руб., если не передать царевича Константина въ руки князя Циціанова, то, по крайней мѣрѣ, освободить его изъ крѣпости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдить царя Соломона выдать въ наши руки грузинскихъ царевичей Юлона и Парнаоза. Если же послѣдніе не будутъ выданы, то князь Циціановъ обѣщалъ, собственно за освобожденіе царевича Константина, заплатить только треть суммы.

Заручившись обѣщаніями князя Церетели, главноуправляющій,

---

[1]) Рап. кн. Циціанова государю императору 9-го апрѣля 1803 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Грузинскія дѣла, ч. II.

собственно для личныхъ переговоровъ съ царемъ Соломономъ объ освобожденіи царевича Константина отправилъ въ Имеретію своего правителя канцеляріи, надворнаго совѣтника Броневскаго, которому поручилъ: 1) требовать освобожденія царевича Константина Давидовича, для доставленія въ Тифлисъ къ царицѣ Аннѣ; если же на это не согласятся, то ограничиться въ требованіи тѣмъ, чтобы царевича выпустили изъ крѣпости и привезли въ Кутаисъ; 2) требовать настоятельно выдачи царевичей Юлона и Парнаоза, добровольнымъ ихъ склоненіемъ къ этому или силою. Въ послѣднемъ случаѣ имеретины должны были доставить ихъ въ цѣлости до границъ Грузіи, а Броневскому предписано было вызвать къ границамъ двѣ роты, и передать тамъ царевичей военному начальству; 3) развѣдать, не согласится-ли царь Соломонъ выпускать ежегодно изъ Имеретіи до 5,000 штукъ строеваго корабельнаго лѣса за умѣренную цѣну или изъ усердія [1]).

Такимъ образомъ, порученіе, данное Броневскому къ царю Соломону, было двоякое: во-первыхъ, стараться объ освобожденіи царевича Константина, а во-вторыхъ, вызвать изъ Имеретіи царевичей Юлона и Парнаоза, что казалось было согласно съ видами и самого царя Соломона.

Содержаніе царевичей и многочисленной ихъ свиты было весьма обременительно для Соломона, такъ что онъ принужденъ былъ даже наложить на народъ особую денежную подать, которая и названа *«податью для грузинъ»*. Имеретинскій царь сознавалъ, что его подданные были недовольны новыми поборами для содержанія иноземныхъ царевичей, и потому самъ принималъ большое участіе въ томъ, чтобы уговорить ихъ выѣхать въ Россію [2]). Первѣйшіе и довѣреннѣйшіе князья имеретинскіе, митрополитъ кутаисскій, князья Церетели, поочередно уговаривали Юлона и Парнаоза; наконецъ, самъ царь Соломонъ былъ у нихъ со всѣмъ своимъ совѣтомъ и говорилъ, что спасеніе царства Имеретинскаго зависитъ отъ выѣзда ихъ въ Россію и отъ исполненія воли импе-

---

[1]) Предписаніе Броневскому 30-го апрѣля 1803 г. Акт. Кавк. Арх. Комм. т. II, № 699.

[2]) Всепод. рапортъ кн. Циціанова 27-го іюня 1803 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. 1—10, 1802—14 гг., № 2.

ратора Александра. Броневскій также имѣлъ нѣсколько разъ свиданіе съ царевичами, но съ весьма малымъ успѣхомъ. Цѣлая недѣля прошла въ однихъ только ни къ чему неприведшихъ переговорахъ. Царевичи на всѣ уговариванія отвѣчали отказомъ; они все еще имѣли виды и замыслы на царство Грузинское.

Видя всѣ старанія безуспѣшными и въ переговорахъ одну только трату времени, Броневскій прекратилъ переговоры съ царевичами и сталъ требовать рѣшительнаго отвѣта по первому порученію, т. е. по вопросу объ освобожденіи царевича Константина. Царь Соломонъ больше всего боялся согласиться на это потому, что не зналъ, гдѣ Константинъ будетъ оставленъ на жительство. Онъ боялся, чтобы царевичъ не остался въ Тифлисѣ и тѣмъ не способствовалъ бы смутамъ и волненіямъ въ Имеретіи. Опасенія Соломона основывались на противорѣчіи, будто бы имъ найденномъ въ требованіи нашего двора. Въ граматѣ императора Александра къ Соломону, доставленной ему коллежскимъ совѣтникомъ Соколовымъ въ 1802 году, говорилось, что царевичъ Константинъ призывается къ высочайшему двору на всегдашнее пребываніе въ Россіи, а въ рескриптѣ императора Александра къ князю Ціціанову, отъ 23-го февраля, между прочимъ упомянуто было о возвращеніи царевича въ домъ матери его, которая имѣла позволеніе остаться на жительствѣ въ Грузіи. Это недоразумѣніе и составляло главную заботу Соломона, который откровенно высказалъ надворному совѣтнику Броневскому свое опасеніе, «чтобы пребываніе царевича Константина близъ предѣловъ имеретинскихъ не произвело пагубныхъ для него слѣдствій въ умахъ подданныхъ царства Имеретинскаго».

На публичной аудіенціи, въ присутствіи всѣхъ князей, составляющихъ совѣтъ, Броневскій совершенно неожиданно получилъ заявленіе Соломона, что онъ не можетъ освободить Константина. Имеретинскій царь говорилъ, что для него легче отдать все царство Имеретинское, нежели выпустить царевича изъ крѣпости, и повергнуть Имеретію въ междоусобіе. При этомъ Соломонъ съ самонадѣянностью отозвался, что никакая сила не можетъ исторгнуть Константина изъ заключенія. Броневскій отвѣчалъ скромнымъ замѣчаніемъ, что достоинству Россійской Имперіи неприлично гро-

зить и хвалиться своимъ могуществомъ, но что вторичное посольство, оставшись безуспѣшнымъ, можетъ навлечь на царя справедливый гнѣвъ русскаго императора; что если этотъ отвѣтъ есть послѣдній и рѣшительный, то онъ завтра же оставитъ Имеретію. Соломонъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта, и Броневскій располагалъ выѣхать на слѣдующій день. Но въ ту же ночь князь Кайхосро Церетели, первый сардарь имеретинскій и митрополитъ кутаисскій прислали просить Броневскаго, чтобы онъ, хотя подъ предлогомъ болѣзни, остался еще одинъ день, и что они употребятъ послѣднія средства къ склоненію царя на освобожденіе царевича Константина. Броневскій исполнилъ ихъ просьбу и дѣйствительно на слѣдующій день Соломонъ пригласилъ его къ себѣ и объявилъ, что съ полною довѣренностію къ обѣщанію императора Александра сохранить Имеретію отъ всѣхъ возмущеній и удостоить оную покровительствомъ, онъ рѣшился предать «жребій царства Имеретинскаго въ священныя руки Александра милосерднаго и отправить царевича Константина къ высочайшему двору».

Такимъ образомъ царевичъ Константинъ былъ освобожденъ изъ заточенія въ крѣпости Мухури, въ которой содержался въ теченіе 10 лѣтъ въ самомъ жалкомъ состояніи, не имѣя не только приличной, но и необходимой одежды [1]).

---

[1]) Освобожденіе царевича Константина стоило 173 червон. и 2,291 руб. Любопытный счетъ издержкамъ былъ слѣдующій: «На заготовленіе для пути и на путевыя издержки до Кутаиса 30 червонцевъ. Во время пребыванія въ Кутаисѣ, на подарки и угощеніе приставамъ, находившимся при немъ, и другіе мелкіе расходы, 70 черв. На возвратномъ пути Броневскаго въ сопровожденіи царевича, на содержаніе его со свитою 23 червонца. За вьючныхъ лошадей отъ Кутаиса до Тифлиса 50 руб.

Расходы, въ Тифлисѣ учиненные: моураву крѣпости, гдѣ содержался царевичъ, имеретинскому дворянину Симону Алаваду, въ награду за усердіе его и сохраненіе здоровья царевича 50 червонц. Имеретинскому дворянину Мачаваріанову, употребленному надворнымъ совѣтникомъ Броневскимъ въ разныя по миссіи его порученія, въ награжденіе 100 руб. Грузинскому дворянину Давиду Мамацеву за потерянную имъ въ сію поѣздку лошадь 100 рублей. По тайному условію отдано въ Тифлисѣ по освобожденіи царевича 1,666 руб. 66 коп.

На покупку вещей для одѣянія царевича, именно:

За кусокъ коленкору 13 руб., за два куска персидскаго шарбату 26 руб., за кусокъ китаи съ цвѣтками 8 руб., за три куска китаи безъ цвѣтовъ 18 руб., за синюю шаль на кушакъ 40 руб., за три куска дараи 27 руб., за саблю 150 р. за сукно на три кафтана 52 руб. 94 к., за кусокъ парчи 40 рублей.

Итого 173 червонц. 2,291 руб. 60 коп.

30-го мая царевичъ Константинъ прибылъ въ Тифлисъ, въ сопровожденіи Броневскаго и князя Соломона Леонидзе, названнаго вице-канцлеромъ имеретинскимъ. Послѣдній имѣлъ съ собою грамату къ императору Александру. Царь Соломонъ въ письмѣ своемъ писалъ князю Циціанову, что относительно грузинскихъ царевичей, онъ, забывъ родство и единокровіе, убѣждалъ къ выполненію воли главноуправляющаго; что онъ лишилъ ихъ всякой надежды на возможность пребыванія въ Имеретіи, и объявилъ, что если они не желаютъ исполнить требованій князя Циціанова, то должны выѣхать изъ его владѣній.

«О царевичахъ грузинскихъ Юлонѣ и Парнаозѣ, доносилъ князь Циціановъ императору Александру, сдѣлано положеніе съ царемъ Соломономъ на слѣдующемъ основаніи: поелику выѣздъ ихъ въ Россію на сей разъ превосходитъ всякое ожиданіе, и сколько примѣтно было изъ рѣчей ихъ, не прежде можетъ имѣть мѣсто, какъ по совершенномъ ихъ удостовѣреніи въ благоволительномъ и милосердомъ вашего императорскаго величества принятіи прочихъ членовъ царской фамиліи, выѣхавшихъ уже въ Россію, въ чемъ, по ослѣпленію ихъ, кажется они сомнѣваются, то царь Соломонъ, а паче извѣстные князья имеретинскіе, къ намъ преданные и въ дѣлѣ семъ заинтересованные, дали твердое обѣщаніе, продолжать всѣми мѣрами наклонять ихъ къ выѣзду въ Россію; въ случаѣ же, если бы, по легкомысленности ихъ, рѣшились они вдругъ оставить Имеретію и искать убѣжища въ Персіи, въ каковомъ намѣреніи, по правамъ гостепріимства и по единокровію, царь Соломонъ явнымъ образомъ препятствовать имъ не можетъ, тогда обѣщаютъ меня увѣдомить, какими дорогами намѣрены они будутъ скрыться и куда именно, дабы я могъ принять заблаговременно нужныя мѣры, для пресѣченія имъ пути въ Персію, поколику откроется къ тому возможность и буде коснутся они предѣловъ грузинскихъ.»

Въ томъ же письмѣ Соломонъ просилъ главноуправляющаго

Подарена царевичу лошадь сивая съ турецкимъ серебрянымъ уборомъ и такимъ же серебромъ набраннымъ чепракомъ, присланная мнѣ (т. е. кн. Циціанову) въ подарокъ отъ карсскаго паши, счисляющаяся по приходной о подаркахъ книгѣ казенною (См. рап. кн. Циціанова Г. И. 27-го іюня 1803 г., № 23).

объ отправленіи князя Леонидзе въ С.-Петербургъ вмѣстѣ съ царевичемъ Константиномъ.

По причинѣ разлитія р. Терека и сорванія всѣхъ мостовъ въ Кавказскомъ ущельѣ, отправленіе это остановлено было до осени. Къ тому же въ отправленіи царевича въ Петербургъ, по мнѣнію князя Циціанова, не было необходимости, такъ какъ царица имеретинская Анна должна была скоро прибыть въ Грузію. Императоръ Александръ находилъ, однако же, необходимымъ, все-таки, отправить царевича Константина въ Россію, собственно для успокоенія имеретинскаго царя и въ признательность за его освобожденіе [1]).

Принужденный, однако же, оставить царевича Константина въ Тифлисѣ до возстановленія безпрепятственнаго сообщенія черезъ Кавказскія горы, князь Циціановъ, чтобы отклонить самомалѣйшее подозрѣніе отъ царя Соломона въ какихъ-либо противодѣйствіяхъ его власти, и «дабы тѣмъ болѣе пріобрѣсть довѣренность его и сосѣднихъ народовъ къ непобѣдимости россійскаго оружія и къ святости слова», — объявилъ всѣмъ родственникамъ царевича Константина, въ Грузіи находившимся, чтобы никто не отваживался ни на какія покушенія противъ Имеретіи, если искренно желаютъ своему родственнику счастія, зависящаго отъ благоволенія императора Александра. Присмотръ за царевичемъ былъ порученъ его дядѣ, родному брату царицы Анны, статскому совѣтнику князю Томасу Орбеліани.

Между тѣмъ, прибывшій въ Тифлисъ, вмѣстѣ съ царевичемъ Константиномъ, посланный царя имеретинскаго князь Леонидзе, имѣлъ порученіе отправиться въ С.-Петербургъ для представленія императору Александру просьбы царя оказать Имеретіи покровительство и защиту. Соломонъ просилъ императора дозволить посланнику его имѣть всегда безпрепятственный доступъ къ высочайшему двору, возвратить его подданныхъ, ушедшихъ въ Грузію, приказать главнокомандующему, чтобы онъ, по первому требованію имеретинскаго царя, давалъ ему въ помощь тысячу человѣкъ русскихъ солдатъ, и въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній или

---

[1]) Рескриптъ 2-го августа 1803 г. Арх. Мин. Иност. Д. 1—10, 1802—14 гг. № 2.

доноса на царя, императоръ не вѣрилъ бы до полученія объясненій Соломона.

Высказывая желаніе вступить подъ покровительство Россіи, имеретинскій царь просилъ обнародовать о томъ «во всѣхъ государствахъ», обѣщать, что предѣлы Имеретіи останутся въ настоящемъ ихъ положеніи и что онъ будетъ утвержденъ съ потомствомъ въ санѣ царей имеретинскихъ, а въ случаѣ его бездѣтности престолъ перейдетъ царевичу Константину. Для разбора ссоры, существующей между царемъ, Дадіаномъ и владѣтелемъ Гуріи, и для установленія границъ между владѣніями этихъ лицъ Соломонъ просилъ прислать коммиссара или посредника, который бы на мѣстѣ утвердилъ границы на вѣчныя времена свято и ненарушимо [1]).

Сознавая, что пріобрѣтеніе Имеретіи сколько полезно, столь же и необходимо для Россіи, князь Циціановъ торопился отправить князя Леонидзе въ Петербургъ.

«Посланца князя Леонидзе, доносилъ князь Циціановъ [2]), яко ѣдущаго съ благодарною грамотою къ высочайшему двору вашего императорскаго величества, послѣ такого явнаго доказательства преданности царя Соломона къ престолу вашего императорскаго величества, почелъ я болѣе приличнымъ, нежели нужнымъ, отправить въ С.-Петербургъ, куда вслѣдъ за симъ имѣетъ онъ выѣхать изъ Тифлиса. Въ грамотѣ царя Соломона упомянуто о покровительствѣ и защитѣ Россійской Имперіи, коихъ неоднократными и различными способами онъ домогается. Отъ обстоятельствъ и воли вашего императорскаго величества зависѣть будетъ даровать или нѣтъ царству сему просимое и необходимо нужное Россійской державы покровительство. Но если принять во уваженіе, что Имеретія болѣе 30-ти лѣтъ, какъ будучи избавлена побѣдоноснымъ россійскимъ оружіемъ отъ порабощенія Порты Оттоманской, трактатомъ Кайнарджійскимъ признана независимою, равно какъ и Мингрелія и владѣніе князя Гуріеля, кромѣ пристаней по

[1]) Письмо Соломона Г. И. 22-го мая 1803 г. Отношеніе кн. Циціанова графу Воронцову 12-го іюня 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 347.

[2]) Рапортъ кн. Циціанова Г. И. 12-го іюня 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1802—14 гг. № 2.

черноморскому берегу, оставшихся въ турецкомъ обладаніи, то беру смѣлость представить мнѣніе мое на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества, что диванъ кажется не можетъ имѣть никакихъ правильныхъ притязаній на землю, ни въ зависимости, ни въ покровительствѣ турецкомъ несостоящую, и которая по единовѣрію ищетъ оградить себя всероссійскимъ могуществомъ отъ враговъ оную окружающихъ.»

Съ пріобрѣтеніемъ Имеретіи осуществлялось до нѣкоторой степени желаніе нашего правительства придвинуть сколь возможно ближе къ Черному морю наши закавказскія владѣнія и развить торговлю черноморскихъ портовъ. Рѣка Ріонъ судоходная почти до самаго Кутаиса, коей берега покрыты всякаго рода строевымъ корабельнымъ лѣсомъ, могла доставить нашимъ промышленникамъ богатую отрасль торговли, которая, внося изобиліе въ наши черноморскіе порты, вмѣстѣ съ тѣмъ должна была развить и торговое мореплаваніе.

Прибывшій въ С.-Петербургъ, 5-го августа 1803 года, имеретинскій посолъ князь Леонидзе представилъ прошеніе царя и съ своей стороны прибавилъ, что, въ случаѣ согласія нашего двора на всѣ просимыя Соломономъ «пункты», царь тотчасъ же приметъ присягу на вѣрноподданство, учредитъ молебствіе и празднества въ торжественные дни въ честь императорскаго дома и, наконецъ, откроетъ военныя дѣйствія противъ владѣтеля Абхазіи, съ цѣлью овладѣть и передать въ распоряженіе Россіи столь необходимую для нея пристань Поти.

Послѣдняя, составляя на кавказскомъ берегу единственную удобную гавань, могла служить какъ складочный пунктъ для нашей черноморской торговли и была такъ важна для закавказскихъ владѣній, что рано или поздно должна была войти въ составъ Русскаго государства. Поэтому предложеніе князя Леонидзе казалось весьма выгоднымъ и по его словамъ легко исполнимымъ, потому что Абхазія съ древнихъ временъ принадлежала Имеретіи и «обитатели ея суть древніе наши подданные, писалъ князь Леонидзе. Абхазія есть владѣніе и столица царства нашего и принадлежитъ паствѣ нашего католикоса, признаетъ и титулуетъ насъ древнимъ своимъ наслѣдственнымъ владѣтелемъ. Жители

сего владѣнія понынѣ иногда повиновались намъ, а иногда отлагались».

Обѣщая доставлять лѣсъ для строенія кораблей черноморскаго флота, открыть всѣмъ судамъ и транспортамъ свободный путь по Ріону до самаго моря и, наконецъ, отдать въ пользу Россіи всѣ рыболовныя мѣста, князь Леонидзе отъ имени царя просилъ, въ случаѣ войны съ Турціею, оказывать Соломону помощь русскими войсками и силился доказать всю пользу, которую русскіе императоры могутъ извлечь изъ присоединенія Имеретіи къ своей державѣ. Въ запискѣ, поданной министерству [1]), онъ говорилъ, что ни одна страна не представляетъ такихъ удобствъ для Россіи во время войны съ Турціею и Персіею, какъ Имеретія, лежащая между двухъ этихъ имперій «*нерегулярныхъ народовъ*». Князь Леонидзе писалъ, что Имеретія имѣетъ свободный и ближайшій путь въ Черное море; что Поти есть наслѣдственное владѣніе имеретинскаго царя, который владѣетъ озеромъ Паліостомомъ, «гдѣ знатное имѣемъ мы рыболовство и откуда въ двадцать пять часовъ удобно могутъ достигнуть корабли въ Крымъ». Равнымъ образомъ, писалъ онъ: «отъ нашихъ гаваней могутъ на третій день пристать корабли ко дворцу турецкаго султана»; берега Чернаго моря полны множествомъ хорошихъ дубовыхъ, вербовыхъ и негніющихъ деревьевъ и въ такомъ количествѣ, что сколько бы ихъ ни потребовалось, можно ими пользоваться для строенія кораблей. Словомъ, по его словамъ, «*самая польза Грузіи зависитъ отъ Имеретіи*».

Выставляя всѣ выгоды отъ пріобрѣтенія Имеретіи и дѣйствуя исключительно въ интересахъ нашего правительства, князь Леонидзе не справлялся съ видами и желаніями уполномочившаго его царя Соломона. Онъ хлопоталъ только о томъ, чтобы выставить свою преданность Россіи, подавалъ министерству особую з. и своихъ прежнихъ заслугахъ, писалъ на русскомъ языкѣ хвалебный гимнъ императору Александру и, прежде всего заботясь о наградѣ, старался показать, что все настоящее и будущее въ

---

[1]) Отъ 9-го августа 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—16, 1802—10 гг. № 3.

Имеретіи зависитъ не отъ Соломона, а отъ него, какъ лица, имѣющаго неограниченное вліяніе надъ царемъ имеретинскимъ.

Послѣдній вступалъ въ подданство Россіи вовсе не такъ чистосердечно, какъ писалъ о томъ въ своемъ прошеніи. Онъ желалъ только получить средство и способы разорить владѣнія Дадіана мингрельскаго и затѣмъ, при первомъ случаѣ, отказаться отъ подданства. Нерасположеніе Соломона къ Россіи было такъ велико, что онъ не съумѣлъ скрыть его даже и въ теченіе того времени, пока посланникъ его князь Леонидзе находился въ Петербургѣ. Узнавши о томъ, что одновременно съ нимъ Дадіанъ мингрельскій ищетъ покровительства Россіи, имеретинскій царь предлагалъ ему помириться и совѣтовалъ оставить исканіе о покровительствѣ, но когда Дадіанъ не согласился, то Соломонъ сталъ собирать войска для новыхъ непріязненныхъ дѣйствій противъ мингрельскаго владѣтеля [1]).

Одновременно съ отправленіемъ князя Леонидзе въ Петербургъ, Соломонъ отправилъ другаго посла въ Константинополь съ просьбою у Порты защитить его отъ русскаго оружія, которое, должно замѣтить, еще ни разу его не касалось. Посылка эта осталась безъ всякихъ послѣдствій, и бывшій нашъ посланникъ въ Константинополѣ Италинскій увѣдомилъ князя Циціанова, что Порта отклонила отъ себя просьбу имеретинскаго царя, и его посланный получилъ во всемъ отказъ. Казалось бы, что послѣ такой неудачи Соломону не слѣдовало становиться въ явныя враждебныя отношенія къ Россіи, но, какъ человѣкъ характера слабаго, вѣтреный и малодушный, онъ не могъ сдержать себя отъ поступковъ, несогласныхъ съ расположеніемъ его къ нашему правительству.

«Извѣстно мнѣ, писалъ князь Циціановъ императору Александру [2]), что предметъ испрошенія высочайшаго вашего императорскаго величества покровительства (царемъ имеретинскимъ) состоитъ наиболѣе въ томъ, чтобы получить сугубые способы притѣснять и разорять владѣнія мингрельскаго князя Дадіана,

---

[1]) Письмо Дадіана кн. Циціанову отъ 21-го августа.

[2]) Отъ 31-го августа 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—10, 1803—11, № 4.

нынѣ уже таковымъ осчастливленнаго, то, по уваженію сихъ обстоятельствъ и по легкомыслію царя Соломона имеретинскаго, я полагаю, что посланецъ его и при высочайшемъ дворѣ вашего императорскаго величества, въ видахъ своихъ успѣха получить не можетъ. Вслѣдствіе чего долгомъ почитаю предварительно донесть, что таковыя неудачи царя Соломона, въ намѣреніяхъ своихъ колебающагося, въ управленіи слабаго и повиновенія и довѣренности въ дворянствѣ неимѣющаго, могутъ удобно произвесть въ Имеретіи возмущеніе, въ азіятскомъ народѣ столь обычайное, и даже покушеніе на самую жизнь его, отъ партіи ему недоброжелательной.

«Въ таковыхъ обстоятельствахъ, для предохраненія предѣловъ Грузіи отъ неустройствъ земли, ввергнутой въ раздоры междоусобные, я найдусь въ необходимости, подъ прикрытіемъ войскъ, ввесть во владѣніе царства имеретинскаго законнаго наслѣдника онаго, освобожденнаго царевича Константина, сына царицы Анны. По дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, нѣкоторые изъ первостатейныхъ князей имеретинскихъ, видя непостоянные и безчеловѣчные поступки царя Соломона, удалились въ свои нагорныя имущества, крѣпостями огражденныя, и отъ повиновенія ему уже отказываются.»

Мы видѣли, что императоръ Александръ, соглашаясь на принятіе Мингреліи въ свое подданство, поручилъ князю Ціціанову войти съ нимъ въ ближайшее сношеніе. Главнокомандующій отправилъ къ князю Дадіану грузинскаго дворянина Давида Мамацева [1]), для объявленія воли и согласія императора Александра, съ цѣлью заключить съ нимъ предварительное условіе какъ о подданствѣ, такъ и о продовольствіи войска нашего, на случай прибытія его въ Мингрелію. Имѣя причину ожидать, что царь имеретинскій будетъ неравнодушно смотрѣть на покровительство, обѣщанное князю Дадіану, непримиримому его непріятелю, князь Ціціановъ приказалъ Мамацеву ѣхать черезъ Ахалцыхъ и тѣмъ избѣгнуть границъ имеретинскихъ. Вскорѣ потомъ прибыли къ главноуправляющему отъ князя Дадіана два дворянина: Кайхосро

---

[1]) См. стр. 89.

и Ростомъ Квинихидзе, и объявили, что они посланы были съ письмами; но на пути, въ Имеретіи, были задержаны, письма отняты и послѣ нѣсколькихъ дней заключенія, сами они освобождены [1]). При обратномъ отправленіи изъ Тифлиса, посланные князя Дадіана, наученные опытомъ въ опасности перваго пути, прокрадывались непроходимыми путями чрезъ Имеретію, по ночамъ, но все-таки были захвачены вторично. Одинъ изъ нихъ успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Грузію, а другой, по отобраніи отъ него бумагъ, потерпѣлъ безчеловѣчное истязаніе и брошенъ съ башни въ рѣку Ріонъ. Изъ бывшихъ при нихъ служителей одинъ убитъ, а другой спасся бѣгствомъ [2]).

Съ Мамацевымъ царь имеретинскій поступилъ точно такъ же. Онъ подговорилъ владѣвшаго Гуріею Кайхосро Гуріеля схватить посланнаго при проѣздѣ его черезъ Гурію. Мамацевъ былъ остановленъ, и письмо князя Циціанова отобрано; подлинникъ отправленъ къ Соломону, а копію съ него Кайхосро послалъ Дадіану [3]). Не имѣя еще никакого извѣстія о Мамацевѣ, главнокомандующій находился въ сомнѣніи, не захватилъ-ли Соломонъ и его въ свои руки, подобно тому, какъ поступилъ онъ съ мингрельскими посланными. Поэтому, при обратномъ отправленіи посланныхъ Дадіана, князь Циціановъ мало того, что послалъ съ ними отвѣтъ, но и передалъ этотъ отвѣтъ въ копіи князю Палавандову, ѣхавшему въ Имеретію по собственнымъ своимъ дѣламъ и имѣвшему тамъ родственныя связи, съ просьбою отправить эту копію въ Мингрелію черезъ вѣрнаго человѣка.

Къ царю же имеретинскому главнокомандующій написалъ письмо [4]), въ которомъ говорилъ, что возвратившійся изъ Имеретіи князь Палавандовъ заявилъ ему, «что на возвратномъ пути изъ Тифлиса мингрельскіе дворяне, два брата Квинихидзе, вторично были остановлены, но на сей разъ съ большимъ безчеловѣчіемъ,

[1]) Отношеніе кн. Циціанова канцлеру 31-го іюля 1803 г., № 584. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1—10, 1803—11 гг. № 4.

[2]) Рап. кн. Циціанова Государю Императору 31-го августа. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ 1—10, 1803 -11 гг. № 4.

[3]) Изъ письма Дадіана кн. Циціанову 21-го августа.

[4]) Отъ 3-го августа 1803 г.

ибо одинъ изъ нихъ убитъ, а другой раненъ [1]), и что отнятые отъ нихъ письма мои, князю Дадіану посланные, читаны и показаны были князю Палавандову, которому по сему случаю якобы оказаны были нѣкоторыя личныя непріятности.

«Не давая полной вѣры такому происшествію, нарушающему права гостепріимства не токмо у христіанскихъ державъ, но и во всей Азіи, варварскими народами противъ посланцевъ сохраняемыя, не могу однакожь скрыть я передъ вашимъ высочествомъ моего прискорбія и вкупѣ удивленія ко всему тому, что дошло до моего свѣдѣнія».

Чтобы удостовѣриться въ истинѣ, князь Циціановъ послалъ письмо царю Соломону, но не съ нарочнымъ, а по почтѣ до Сурама, прося его прислать отвѣтъ также въ Сурамъ, въ которомъ и объяснить истину «сего постыднаго происшествія». Главнокомандующій указывалъ Соломону на двуличность его поведенія и поступковъ.

«Вы ищете, писалъ онъ, высокаго покровительства и сильной защиты его императорскаго величества, и съ такимъ намѣреніемъ отправили посланца своего князя Леонидзе къ высочайшему двору, но въ то же время оказываете непріязненные поступки не только противъ земли, осчастливленной всемилостивѣйшимъ покровительствомъ великаго моего государя императора, но даже въ семъ происшествіи открывается явное недоброжелательство ваше къ Россіи, ибо особа посланцевъ во всѣхъ земляхъ почитается священною, хотя бы таковые были отъ самихъ непріятелей.»

Князь Циціановъ старался убѣдить имеретинскаго царя, что принятіе Дадіана мингрельскаго въ подданство Россіи не должно нисколько безпокоить самого Соломона, что, напротивъ того, Россія, будучи безпристрастнымъ посредникомъ, можетъ помирить и прекратить вражду, существующую съ давнихъ временъ между царемъ имеретинскимъ и владѣтелемъ Мингреліи, и въ особенности тогда, когда имеретинскій царь также вступитъ въ ея подданство. Главнокомандующій просилъ Соломона оставить всякія покушенія и притязанія на Мингрелію, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ,

[1]) Письмо это писано по первому извѣстію, а потому и приведенные факты не совсѣмъ вѣрны.

пока князь Леонидзе не возвратится изъ Петербурга съ окончательнымъ рѣшеніемъ императора Александра.

«Въ окончаніе сего, писалъ князь Циціановъ, долгомъ поставляю себѣ объявить вашему высочеству, что предстоятъ вамъ и царству вашему два пути, которыхъ избраніе зависитъ отъ произвола вашего. Я, съ своей стороны, сохранилъ свято данное мною вамъ слово, соблюлъ ненарушимый союзъ сосѣдства и сожалѣть буду, если обстоятельства принудятъ меня перемѣнить мои правила.»

Соломонъ, какъ и слѣдовало ожидать, оправдывался и писалъ, что Квинихидзе убитъ безъ вѣдома его, за то будто бы, что укралъ нѣсколько лошадей и былъ догнанъ хозяевами ихъ, а Цалавандовъ былъ задержанъ по причинѣ болѣзни, а вовсе не по недоброжелательству царя къ Россіи [1]). Эти отговорки не могли скрыть истины, и непріязненные поступки Соломона явно показывали, что кромѣ вѣроломства мы отъ него ничего ожидать не могли. Петербургскій кабинетъ сожалѣлъ, что князь Циціановъ за такой поступокъ тотчасъ же не наказалъ имеретинскаго царя занятіемъ Кутаиса. По мнѣнію тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ графа Воронцова, непріязненные поступки Соломона могли служить достаточнымъ поводомъ, чтобы силою оружія присоединить Имеретію къ Россіи [2]), и если князь Циціановъ этого не сдѣлалъ, то петербургскій кабинетъ, по крайней мѣрѣ, находилъ напраснымъ продолжать переговоры съ находившимся въ С.-Петербургѣ посланникомъ имеретинскимъ. Хотя и можно было ожидать, что князь Леонидзе, по извѣстнымъ видамъ и своей алчности, не оказалъ бы большаго упорства въ постановленіи съ нами какихъ угодно условій, но податливость эта осталась бы тщетною и не привела бы ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, такъ какъ не было надежды на то, что Соломонъ утвердитъ постановленное княземъ Леонидзе. Не желая вступать въ такія сношенія, которыя были несовмѣстны съ достоинствомъ Рос-

---

[1]) Письмо Соломона кн. Циціанову 1-го октября 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 717.

[2]) Отношеніе гр. Воронцова кн. Циціанову 15-го сентября 1803 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 716.

сіи, Императоръ Александръ приказалъ прекратить всѣ переговоры, начатые съ княземъ Леонидзе въ С.-Петербургѣ, и отправить его обратно.

«Владѣльца имеретинскаго Соломона, писалъ графъ Воронцовъ [1]), я думаю, въ вѣроломствахъ его добрыми средствами конечно исправить нельзя, а хорошенько его по-азіятски постращать, то и будетъ онъ гладокъ, въ чемъ мы на васъ и полагаемся. Посланника его мы къ вамъ отошлемъ съ объявленіемъ ему, что вы во всемъ уполномочены съ царемъ его кончить.»

По порученію канцлера, титулярный совѣтникъ Татищевъ пригласилъ къ себѣ князя Леонидзе, вручилъ ему ноту и приказалъ переводчику прочесть переводъ ея на грузинскій языкъ. Въ ней объявлено было князю Леонидзе, что безчеловѣчный поступокъ Соломона съ посланными отъ главнокомандующаго къ Дадіану, происки царя у Порты въ то самое время, когда онъ изъявлялъ намъ желаніе вступить въ подданство Россіи, и, наконецъ, его насильственные поступки въ Мингреліи, гдѣ онъ увелъ изъ Одиши до 400 плѣнныхъ, тогда какъ извѣстно ему было, что Дадіанъ принятъ уже подъ защиту Россіи—все это заставило наше правительство пресѣчь переговоры съ его посланнымъ.

Слушая чтеніе ноты, князь Леонидзе какъ бы не вѣрилъ своимъ ушамъ и нѣсколько разъ высказывалъ свое удивленіе въ перемѣнѣ образа мыслей нашего правительства.

— Поступки владѣтеля Имеретіи были таковы, отвѣчалъ ему Татищевъ, что всякій любящій добродѣтель и искренно приверженный къ всероссійскому престолу, по справедливости, долженъ имъ удивляться.

Князь Леонидзе счелъ долгомъ отвѣтить на это заявленіемъ о своей искреннѣйшей преданности Россіи и православію и клялся, что если бы образъ его мыслей не былъ всегда таковъ, то не дерзнулъ бы онъ пріѣхать съ порученіемъ отъ царя своего къ высочайшему двору.

— Содержаніе врученной ноты, замѣтилъ Татищевъ, отнюдь

---

[1]) Кн. Циціанову 23-го декабря 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1803—6 гг. № 9. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 726.

лично къ себѣ принимать вы не должны, такъ какъ она имѣетъ въ виду единственно поступки Соломона.

Князь Леонидзе просилъ разрѣшенія въ оправданіе царя подать письменное объясненіе, но ему отвѣчено, что всѣ поступки Соломона, изложенные въ нотѣ, извѣстны достовѣрно министру и объясненія никакого не требуютъ. Посланникъ просилъ дозволить ему хотя словесно высказать свое объясненіе, въ чемъ ему отказано не было.

— Если посылаемъ былъ кто либо въ Константинополь, сказалъ князь Леонидзе, для испрошенія у Порты покровительства, то полагаю, что посланный сей отправленъ былъ грузинскими царевичами, укрывающимися въ Имеретіи. Что же касается до поступковъ царя съ Дадіаномъ, то, имѣя цѣлью покорить земли, издревле принадлежащія Имеретіи, царь не зналъ, что Дадіанъ вступилъ уже въ подданство Россіи.

Кн. Леонидзе высказалъ надежду, что когда царь Соломонъ своимъ поведеніемъ загладитъ прошедшіе поступки, то императоръ возратитъ ему свою милость [1]).

Императоръ, отвѣчалъ Татищевъ, не заграждаетъ ему пути къ раскаянію и съ этою цѣлью веденіе переговоровъ поручилъ князю Циціанову, который, смотря по поведенію царя, или приметъ мѣры строгости, или, удостовѣрившись въ обращеніи Соломона на путь истины, приступитъ къ заключенію трактата о принятіи царства Имеретинскаго подъ верховную власть Россіи.

Точно также и канцлеръ, сообщая князю Леонидзе рѣшеніе императора, писалъ ему, что если бы царь имеретинскій удостовѣрилъ насъ въ томъ, что онъ дѣйствительно желаетъ покровительства и что данное имъ слово свято соблюдено будетъ, то, въ такомъ случаѣ, постановленіе о принятіи Имеретіи подъ верховную власть Россіи можетъ быть заключено въ Тифлисѣ [2]). Наше правительство не надѣялось, однако же, на перемѣну въ поведеніи

---

[1]) Конференціальная записка отъ 18-го января 1804 г. Арх. Главн. Шт. въ С.-Петербургѣ.

[2]) Проектъ ноты отъ государственнаго канцлера къ имеретинскому послу 24-го декабря 1803 г. Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ.

царя Соломона и потому признало необходимымъ дать главнокомандующему въ Грузіи новыя инструкціи.

«Не остается уже мѣста никакому сомнѣнію, писалъ императоръ князю Цицiанову [1]), что кротость и увѣщаніе бездѣйственны будутъ къ обращенію на путь правый сего закоснѣлаго въ пронырствѣ владѣльца и что настало время принять мѣры осторожности, долженствующія предохранить Грузію отъ тѣхъ неустройствъ, которыя въ Имеретіи день отъ дня усиливаются.

«Занятіе Кутаиса и крѣпкихъ мѣстъ Имеретіи, сдѣлавшееся такимъ образомъ необходимымъ, имѣете вы, въ избранное вами для сего удобное время, немедленно по полученіи сего рескрипта моего, отрядить въ Имеретію столько изъ состоящаго подъ начальствомъ вашимъ войска, сколько по усмотрѣнію вашему нужнымъ окажется.

«Если до полученія сихъ предписаній, царь Соломонъ, сверхъ ожиданія моего, обратился бы къ чистосердечному раскаянію, то, не отлагая нимало занятія областей его, совершите оное, объявя ему, что духъ неудовольствія, оказавшійся между подданными его, усиливаясь повседневно, можетъ произвести смятенія въ царствѣ его, на кои, по смежности Грузіи съ Имеретіею, вы равнодушно взирать не можете, ибо спокойствіе оной отъ того нарушено быть можетъ; что, вступая во владѣніе его, имѣете вы въ виду, сколько предосторожность сію, столько же и желаніе ваше отвратить всякую опасность, ему лично предстоять могущую.

«Если же царь имеретинскій, суетною надеждою ослѣпленный, что преступленіе его останется ему ненаказаннымъ, не изъявитъ повиновенія своего, то отмѣтая околичности, приступите вы къ дѣлу съ объявленіемъ, что случившееся съ посланными князя Дадіана содѣлало мѣру сію необходимою, подавъ вамъ опытъ того, чего князь мингрельскій, поступившій въ подданство Россіи и потому имѣющій право на заступленіе ея, ожидать долженъ отъ сосѣда, попирающаго столь звѣрскимъ образомъ священный повсюду законъ гостепріимства; что сверхъ сего Имеретія, по мѣстному положенію своему, пересѣкая сообщеніе Грузіи съ Мин-

[1]) Въ рескриптѣ отъ 26-го октября 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1 — 10, 1803–11 гг. № 4.

греліею, имѣли вы долгъ занятіемъ оной успокоить себя на тотъ счетъ, что посылаемые отъ васъ изъ одной сихъ областей въ другую не будутъ имѣть равнаго жребія съ посланными князя Дадіана...

«Однакожь, сколь ни предосудительно было поведеніе царя Соломона, я съ прискорбіемъ узнаю, что сдѣлался онъ жертвою какого либо возмущенія. Напротивъ того, удовольственно для меня будетъ видѣть, что со введеніемъ войскъ моихъ въ Имеретію прекратятся междоусобные раздоры, безразсуднымъ управленіемъ его возрожденные.

«Противопоставлять ему царевича Константина было бы тѣмъ болѣе противно доброй вѣрѣ, что освобожденіе сего послѣдняго было условное и наложило на насъ обязанность не токмо не подавать ему никакой къ царствованію надежды, но даже держать его въ отдаленіи отъ Имеретіи, и я желаю, чтобы царь Соломонъ и въ семъ случаѣ отъ насъ научился, сколько принятыя единожды обязанности свято и ненарушимо должны быть наблюдаемы.

«Когда, по занятіи Имеретіи, безпрепятственное сообщеніе Грузіи съ Мингреліею обезпечено будетъ, приступите вы къ введенію войскъ моихъ во владѣніе князя Дадіана, коль скоро вы признаете имѣющіеся у васъ способы на то достаточными, а впрочемъ оставляется вамъ совершенная свобода: Мингрлію-ли прежде занять или начать съ Имеретіи.

«Но понеже неизвѣстно еще мнѣ, какой успѣхъ имѣть будетъ порученная посланнику Италинскому негоціація въ Константинополѣ, касательно пристани Поти, то и повелѣваю вамъ, при вступленіи вашемъ въ Мингрелію, не только не касаться оной, но оказывать должное уваженіе находящемуся въ мѣстѣ семъ турецкому начальнику и вообще избѣгать всякихъ случаевъ, которые могли бы подать поводъ къ справедливымъ со стороны Порты Оттоманской жалобамъ. Утвердившись такимъ образомъ на Черномъ морѣ, обратите вы помышленіе ваше на побережныя провинціи Каспійскаго моря. А такъ какъ для утвержденія въ тѣхъ краяхъ должнаго уваженія къ Россійской Имперіи, попускать не надобно, чтобъ тамошніе владѣльцы дерзали играть принятыми съ нами обязанностями, имѣете вы также приступить къ приведенію въ исполненіе тѣхъ по-

становленій, кои заключены были между вами и Алла-Верды-бекомъ, посланцемъ бакинскаго хана. Я тѣмъ болѣе обнадеживаюсь въ успѣхѣ начинанія сего, что съ помощію флотиліи нашей на Каспійскомъ морѣ, въ распоряженіи вашемъ находящейся, найдетесь вы въ состояніи отвратить затрудненія, которыя вамъ предстоять могутъ. Съ занятіемъ Баку и Сальянъ, жребій прочихъ ближайшихъ къ Россіи побережныхъ мѣстъ на Каспійскомъ морѣ уже въ рукахъ нашихъ находиться будетъ.

«По совершеніи предписанія сего, займетесь вы учрежденіемъ безпрепятственнаго сообщенія между Бакою и Грузіею, которое, по занятіи Имеретіи и Мингреліи, соединивъ такъ сказать Каспійское море съ Чернымъ, откроетъ торговлѣ нашей новый путь, тщетно донынѣ желанный, по причинѣ суровости нравовъ жителей тѣхъ мѣстъ. Дальнѣйшее же производство предначертаннаго вамъ плана предоставите вы времени и обстоятельствамъ».

Въ январѣ 1804 года князь Леонидзе отправился изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ.

Рескриптъ императора и возвращеніе имеретинскаго посла развязывали окончательно руки князю Цицiанову. Оканчивая въ это время всѣ приготовленія для похода въ Ганжу, князь Цицiановъ рѣшился отложить дѣйствія противъ царя имеретинскаго до окончанія этой экспедиціи, тѣмъ болѣе потому, что приведеніе къ окончанію переговоровъ, начатыхъ съ имеретинскимъ царемъ о его подданствѣ и покровительствѣ, тѣсно связывалось съ вопросомъ о пріобрѣтеніяхъ нашихъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Съ другой стороны, дѣйствія противу ганжинскаго хана были необходимы не столько для того, чтобы взять самый городъ, который былъ всегда въ нашихъ рукахъ, сколько для устрашенія эриванскаго хана и джаро-бѣлоканцевъ, преступившихъ присягу.

Пріобрѣтенія же, о которыхъ говорилось въ рескриптѣ, какъ ни выгодны были сами по себѣ, требовали отъ нашего правительства новыхъ усилій и новыхъ пожертвованій.

По самому характеру обитавшихъ тамъ народовъ, нельзя было ограничиваться письменными постановленіями и обычаями, принятыми между европейскими дворами, но необходимо было, на каждомъ шагу и во всякое время, быть готовымъ поддержать свои

требованія силою. Между азіятскими народами тотъ болѣе почтенъ, кто сильнѣе. Пріобрѣтеніе же этой силы и всеобщаго уваженія требовало и влекло за собою необходимость усиленія тамошнихъ войскъ. Къ занятію, напримѣръ, Имеретіи и Мингреліи, по мнѣнію князя Циціанова, необходимо было, по крайней мѣрѣ, два полка; тѣ же два полка, которые назначены были въ Грузію, главнокомандующій принужденъ былъ, тотчасъ по прибытіи ихъ, употребить на ганжинскую экспедицію, «толико нужную» какъ потому, что Ганжа всегда была въ подданствѣ Грузіи, такъ и для того, чтобъ удостовѣрить безумныхъ сосѣдей въ томъ, «что я, писалъ князь Циціановъ [1]), имѣю высочайшее разрѣшеніе переходить и за предѣлы Грузіи, буде неповиновеніе или дурное поведеніе ихъ меня къ тому принудятъ... Вѣроломство сосѣдей Грузіи рождаетъ часто нужду въ войскѣ тамъ, гдѣ и ожидать иногда невозможно».

VII.

Отъѣздъ царицы Дарьи изъ Тифлиса въ Мухрань и происки ея. — Предложеніе кн. Циціанова царицѣ отправиться въ Россію. — Письмо царевича Александра и отвѣтъ на него князя Циціанова.—Письмо царицы Дарьи князю Циціанову и отправленіе ея въ Москву.

Приготовляясь къ экспедиціи въ Ганжинское ханство, князь Циціановъ долженъ былъ прежде всего обезпечить внутреннее спокойствіе Грузіи, чего можно было достигнуть только удаленіемъ послѣднихъ членовъ царскаго дома, около которыхъ группировались всѣ лица, почему либо недовольныя тогдашнимъ состояніемъ дѣлъ.

Отправивъ большую часть членовъ царскаго дома въ Россію, князь Циціановъ согласился оставить царицу Дарью на нѣкоторое время въ Тифлисѣ только во вниманіе къ просьбамъ, основаннымъ на общемъ разстройствѣ ея здоровья. Хотя царица и была дѣйствительно больна, но болѣзнь не мѣшала ей быть покровительницею всѣхъ недовольныхъ русскимъ правительствомъ, собирать

---

[1]) Рап. кн. Циціанова Г. И. 12-го сентября 1803 г. Т. А. К. П.

ихъ вокругъ себя и употреблять орудіемъ для своихъ интригъ и замысловъ. Женщина умная, Дарья не могла, однако же, понять, что старый порядокъ вещей канулъ безвозвратно, что возстановленіе прежняго правленія невозможно не только потому, что оно противно видамъ русскаго правительства, но и потому, что самъ народъ не желалъ уже прежняго правленія дома Багратіоновъ. Возвращенія къ прежнему правленію, не смотря на многія злоупотребленія русской власти, могли желать только единичныя личности, грѣвшія руки на счетъ ближнихъ, но не народъ, уже отвыкшій отъ многихъ поборовъ и защищенный отъ внѣшнихъ враговъ. Эти единичныя личности, группируясь вокругъ царицы, составляли оппозицію русскому правительству, подговаривали и волновали народъ при всякомъ удобномъ случаѣ. «Если бъ ваше сіятельство, по благорасположенію вашему ко мнѣ, писалъ князь Циціановъ графу Кочубею [1]), изволили меня видѣть, то всеконечно, по чувствительности вашей, тронуты бы были моимъ положеніемъ. Ежедневными слухами, выходящими противу всякаго шага правительства, меня терзаютъ...»

«Не могу скрыть, писалъ онъ въ другомъ письмѣ [2]), что все новое здѣсь пріемлется съ большимъ толкованіемъ, хотя принимаютъ съ величайшимъ удовольствіемъ и благодарностію къ Государю.»

Двойственность и раздѣльность интересовъ общества, какъ всегда и вездѣ, была источникомъ неустройствъ, а въ особенности въ Грузіи, гдѣ родоначальство или, лучше сказать, мѣстничество существовали въ обширномъ объемѣ и обращались во всеобщее зло. Князья кичились своимъ происхожденіемъ другъ передъ другомъ, и достаточно было пустаго отличія одному изъ нихъ, чтобы другой, считавшій себя выше родомъ, сталъ въ опозицію къ русскому правительству. Во главѣ послѣднихъ стоялъ князь Иванъ Орбеліани, человѣкъ, пользовавшійся всеобщею довѣренностію по богатству и знатности, но простой, мягкій и удобоводимый своимъ зятемъ Соломономъ Тархановымъ, крайне недовольнымъ кня-

---

[1]) Въ собственноручн. письмѣ отъ 19-го мая 1803 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, ч. II, 419.

[2]) Тоже отъ 6-го мая 1803 г. Тамъ же, ч. II, 185.

земъ Циціановымъ за отнятое у него шамшадыльское моуравство. Шамшадыльскіе татары, жившіе только въ сорока верстахъ отъ Ганжи, были недовольны княземъ Тархановымъ за его притѣсненія и поборы. Главнокомандующій принужденъ былъ уступить неоднократнымъ жалобамъ татаръ и удовлетворить просьбѣ ихъ о перемѣнѣ моурава. Отозвавши въ Тифлисъ князя Тарханова, онъ пріобрѣлъ въ немъ личнаго врага, человѣка, недовольнаго нашимъ правительствомъ. Алчный и жадный, но одаренный умомъ и краснорѣчіемъ, князь Тархановъ употреблялъ то и другое на заведеніе ссоръ и распрей; «таковъ онъ былъ при царяхъ, писалъ князь Циціановъ, таковъ онъ и теперь, по общему о немъ слуху».

Пользуясь довѣренностію князя Ивана Орбеліани, Соломонъ Тархановъ часто дѣйствовалъ его именемъ, привлекалъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ и легковѣрныхъ соотечественниковъ, а затѣмъ, разными вымыслами и во-время пущенными слухами, смущалъ населеніе. Каждое распоряженіе главнокомандующаго онъ старался объяснить въ дурную сторону и извлечь для себя возможную пользу.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ.

Считая квартированіе войскъ въ Тифлисѣ обременительнымъ для бѣдныхъ обывателей, потому что у князей никто не стоялъ постоемъ, князь Циціановъ поручилъ коменданту предложить не хотятъ-ли жители города дать для построенія казармъ 15,000 р., и тогда все населеніе будетъ свободно отъ постоя. Князь Тархановъ тотчасъ же воспользовался этимъ распоряженіемъ, и князь Циціановъ скоро узналъ, что противная партія собирается отправить къ нему депутацію съ заявленіемъ отъ имени князей, считающихъ себя обиженными въ томъ, что, сравнивая ихъ съ мѣщанами, у нихъ требуютъ денегъ для постройки казармъ и тѣмъ болѣе тогда, когда они не вознаграждены еще ничѣмъ за отнятыя у многихъ званія и должности, приносившія доходъ. Князь Циціановъ пригласилъ къ себѣ князя Ивана Орбеліани и, представивъ ему всю несообразность такого поступка, отклонилъ присылку депутатовъ.

Едва только предупреждены были эти недоразумѣнія, какъ

явились новыя по поводу дворянскихъ выборовъ. «Занимаясь теперь приготовленіемъ къ выборамъ, писалъ князь Цпціановъ графу Кочубею [1]), ничего такъ не желаю, какъ то, чтобы все сдѣлано было согласно съ волею верховнаго начальства». Это естественное желаніе было парализовано слухомъ, дошедшимъ до главнокомандующаго, что партія князя Ивана Орбеліани и Соломона Тарханова замышляетъ отправленіе новой депутаціи съ просьбою о перемѣнѣ организаціи верховнаго грузинскаго правительства и о составленіи его изъ четырехъ князей и одного русскаго начальника.

— Я буду требовать, отвѣчалъ князь Циціановъ сообщившимъ это извѣстіе, чтобы депутаты имѣли письменныя довѣренности съ объясненіемъ отъ кого онѣ даны и съ какою цѣлью.

Въ то же время онъ приказалъ исполнительной экспедиціи объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобы подъ однимъ прошеніемъ нѣсколько лицъ не подписывались, а каждый заявлялъ о своихъ нуждахъ отдѣльно [2]). Охотниковъ на отдѣльную подачу прошеній не оказалось, и князья, видя неудачу и съ этой стороны, порѣшили перенести свою дѣятельность подальше отъ правительства, внутрь страны, въ Карталинію.

Вскорѣ послѣ того царица Дарья просила разрѣшенія князя Циціанова, подъ видомъ страха отъ чумы, переѣхать въ селеніе Мухранъ, принадлежащее родному ея внуку князю Багратіону-Мухранскому. Главноуправляющій хотя и предвидѣлъ, что она ѣдетъ не на покой, а на исполненіе какихъ либо вредныхъ замысловъ и интригъ, которыхъ она не прекращала, но все-таки разрѣшилъ ей уѣхать. Онъ приказалъ однако же квартировавшему тамъ съ эскадрономъ Нарвскаго драгунскаго полка полковнику барону Уманцеву слѣдить за всѣми ея поступками.

Поселясь теперь въ сердцѣ Карталиніи, Дарья обратила всю свою дѣятельность на князей карталинскихъ, разглашая между ними чрезъ своихъ преданныхъ разные нелѣпые слухи: что будто бы Баба-ханъ намѣренъ послать въ Грузію сильное войско, что лезгины, числомъ до 500 человѣкъ, уже у воротъ мухранскихъ

[1]) Отъ 6-го мая. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, ч. II, 185.

[2]) Тамъ же, ч. II, 419.

и хотятъ увести ее въ горы. Такія разглашенія, поддерживаемыя съ другой стороны царевичами Юлономъ и Парнаозомъ, оказывали свое дѣйствіе на народъ, «коего легковѣрнѣе я не знаю въ свѣтѣ», писалъ князь Цiціановъ [1]).

Буйные по своему характеру князья, неимѣвшіе ни малѣйшихъ средствъ къ сопротивленію, ограничили свою дѣятельность съѣздами и совѣщаніями.

Двое князей Амереджибовыхъ, отецъ и сынъ, по подозрѣнію, что они имѣли сношеніе, личное и письменное, съ царевичами Юлономъ и Парнаозомъ, были взяты «*подъ легкій присмотръ*», изъ-подъ котораго успѣли уйти.

Не придавая никакого значенія ихъ бѣгству, князь Цiціановъ хотя и не приказалъ ихъ ни преслѣдовать, ни отыскивать, но долженъ былъ сознать, что происки царицы Дарьи, ея связи съ князьями карталинскими и кахетинскими, были и будутъ причиною многихъ волненій и безпокойствъ въ Грузіи.

Поэтому скорѣйшее отправленіе Дарьи въ Россію становилось необходимымъ, и князь Цiціановъ открыто говорилъ, что она рано или поздно, но должна будетъ оставить Грузію. Царица ѣхать не желала и противилась всѣми средствами, возможными въ ея тогдашнемъ положеніи. По ея приказанію, было отправлено въ Петербургъ къ сыну ея царевичу Миріану анонимное письмо, писанное по-персидски, потому будто бы, что посылаемыя по почтѣ обыкновенныя письма всѣ распечатывали и читали. Неизвѣстный авторъ сообщалъ царевичу, что Дарья больна, ѣхать не можетъ и просилъ сына заступиться за мать. Какъ бы вскользь онъ упоминалъ, что поступки князя Цiціанова заставили царевича Теймураза и до 500 человѣкъ князей и дворянъ удалиться за границу, «да и нынѣ многіе непрестанно туда бѣгутъ» [2]).

Находившійся въ то время въ Персіи царевичъ Александръ также хлопоталъ объ оставленіи въ Грузіи царицы Дарьи. Понимая очень хорошо, что съ ея отъѣздомъ дѣло о возстановленіи Багратіоновъ окончательно рушится и что съ удаленіемъ связующаго звена появится раздѣльность интересовъ, Александръ при-

---

[1]) Рапортъ князя Цiціанова Г. И. отъ 27-го октября 1803 года.

[2]) Арх. Мин. Вутр. Дѣлъ. Дѣла Грузіи, ч. II, 125.

слалъ князю Циціанову письмо на высочайшее имя, съ просьбою не отправлять царицу Дарью въ Россію, опасаясь, что она не перенесетъ этой поѣздки [1]. Онъ писалъ императору, что мать его «отъ старости и печали приведена въ такую немощь, что не въ силахъ встать съ своего одра, а не то, чтобъ могла переѣхать Кавказскія горы и слѣдовать въ столь далекій путь. Припадая, умоляю ваше величество, да не пожелаете безвременной кончины ея въ дорогѣ; клянусь всемогущимъ Богомъ, что мать моя ничего противнаго вамъ не дѣлала и не въ силахъ противиться вамъ. Воззрите милостиво и оставьте ее, чтобы по кончинѣ, она сложила свои кости съ своимъ супругомъ.»

Вслѣдъ затѣмъ онъ прислалъ письмо князю Циціанову, въ которомъ говорилъ, что и самъ бы готовъ былъ пріѣхать въ Тифлисъ, но не дѣлаетъ этого, потому что не знаетъ, какая участь его тамъ ожидаетъ, такъ какъ въ письмахъ, полученныхъ имъ отъ разныхъ правительственныхъ лицъ, онъ ничего хорошаго для себя не видитъ. По его словамъ, Кноррингъ вовсе не отвѣчалъ на его письма, а графъ Кочубей писалъ ему письмо, весьма неутѣшительное для будущей его жизни въ Россіи. Царевичъ обвинялъ даже самого князя Циціанова въ томъ, что онъ не написалъ ему самъ, а поручилъ это сдѣлать князю Эристову.

Александръ увѣрялъ, что при другихъ обстоятельствахъ онъ никогда бы не отказался ѣхать въ Россію и сознавался, что настоящее положеніе его крайне незавидно, что жизнь на чужбинѣ для него весьма горька, что причиною удаленія его изъ Грузіи былъ братъ его, покойный царь Георгій, и что причину эту «*описывать было бы продолжительно*».

«Я вамъ и теперь докладываю, писалъ онъ [2], сообщите мнѣ напрямикъ, какое мнѣ будетъ отъ государя утѣшеніе, или милость, или содержаніе и успокойте меня, выпустивъ изъ этой невѣрной земли и показавъ мнѣ опять христіанскую обѣдню и молитву [3]).

---

[1]) Письмо царевича Александра Г. И. 1-го іюля 1803 г. изъ Тавриза. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. VII, 265. Акты Кавк. Аргеогр. Комм., т. II, стр. 157.

[2]) Письмо царевича Александра князю Циціанову 10-го іюля 1803 г. Акты. Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 158, № 285.

[3]) Разсказываютъ, что невозможность исполненія духовныхъ христіанскихъ обязанностей была особенно тягостна для царевича Александра, и онъ нѣсколько

Не подобаетъ ни государю, ни Россіи, чтобы я, будучи христіаниномъ и царевичемъ, странствовалъ по Татаріи.»

Князь Цицiановъ отвѣчалъ Александру [1]), что онъ вовсе не имѣетъ нужды скитаться и проживать въ чужихъ земляхъ, и если пожелаетъ возвратиться и поѣхать въ Россію, то будетъ принятъ съ должнымъ уваженіемъ. Главнокомандующій въ то же время приглашалъ возвратиться въ Грузію всѣхъ князей и дворянъ, удалившихся въ Персію вмѣстѣ съ царевичами. Обращаясь къ нимъ, какъ къ соотечественникамъ, князь Цицiановъ обѣщалъ исходатайствовать полное прощеніе тѣмъ, которые возвратятся и не пожелаютъ скитаться по чужимъ землямъ, а у тѣхъ, которые останутся въ Персіи, грозилъ отнять имѣнія, никогда не впускать въ Грузію, и тогда, писалъ онъ, «навѣки лишатся отцы дѣтей, а дѣти родителей».

Дворянинъ Захарія Джораевъ вызвался доставить по назначенію письма князя Цицiанова и получилъ 100 руб. на дорогу. Впослѣдствіи оказалось, что Джораевъ такъ охотно принялъ на себя эту коммиссію потому, что былъ посредникомъ въ перепискѣ царевичей Александра и Теймураза съ царицею Дарьею, которой и привезъ четыре письма изъ Персіи. Письма эти были отобраны прежде чѣмъ они попали въ руки царицы.

«Вашъ сынъ Александръ и внукъ Теймуразъ, писали они въ одномъ изъ писемъ [2]), цѣлуемъ вашу милостивую къ намъ руку. Если изволите знать о насъ, по милости Божіей мы здоровы. Передъ симъ отъ нашего государя (шаха) получили мы весьма дорогіе халаты; *онъ изволитъ быть къ намъ очень милостивъ и наше*

разъ готовъ былъ покориться и ѣхать въ Россію. Намъ разсказывали очевидцы, что послѣ послѣдней персидской кампаніи царевичъ получилъ отъ нашего правительства новое приглашеніе отправиться въ Россію. Ему обѣщано прощеніе, 10,000 руб. ежегодной пенсіи и казенная квартира. Переговоры по этому дѣлу шли успѣшно до тѣхъ поръ, пока Александру не сказали, что ему дана будетъ казенная квартира. Едва только царевичъ услыхалъ объ этомъ, какъ наотрѣзъ отказался ѣхать въ Петербургъ. «Я знаю, сказалъ онъ, что значитъ у васъ казенная квартира. Это тюрьма, въ которой содержатъ преступниковъ». И переговоры были прерваны (Изъ разсказовъ Ширмазана Вартанова, лично знавшаго царевича).

[1]) Отъ 31-го августа 1803 года.

[2]) Отъ 5-го іюня Хроникона 491 (1803 г.). Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 161.

дѣло съ Божіею помощію устроится по вашему хотѣнію; всѣ вѣсти *о насъ* разскажетъ вамъ порознь Захарій...»

Отобранныя письма у Джораева и бесѣды царицы съ князьями въ селеніи Мухранъ заставили князя Циціанова, въ предупрежденіе могущихъ случиться новыхъ безпорядковъ, напомнить Дарьѣ о необходимости ея отъѣзда въ Россію. Говоря, что къ 15-му сентября дорога будетъ исправлена и мосты на Терекѣ готовы, онъ просилъ царицу поспѣшить отъѣздомъ и увѣдомить его, когда полагаетъ она выѣхать [1]. «Сія мѣра строгости, писалъ князь Циціановъ графу Кочубею [2], хотя непріятна ни мнѣ, ни ей, но тѣмъ не менѣе необходима.»

Отговариваясь невозможностію выѣхать изъ Грузіи, по причинѣ болѣзни, царица писала князю Циціанову, что она не въ силахъ встать съ постели [3], «а если не могу встать и ступить ногою, говорила она, то ходить уже, конечно, не буду въ состояніи; *выше поясницы во мнѣ дѣйствительно есть жизнь и душа, но ниже поясницы мое тѣло всячески лишено жизни и во мнѣ уже никакого здоровья не обрѣтается.* Въ бытность мою здѣсь два раза, я доходила отъ этой болѣзни до такого положенія, что едва избѣгла смерти. Не стало моего выздоровленія, и что мнѣ дѣлать? Мои враги, увѣрявшіе васъ въ великомъ посту, что я не больна, знаю, и теперь не перестанутъ наговаривать на меня. Дай Богъ, чтобы и ваши враги, и мои находились въ томъ положеніи, въ какомъ нахожусь я—сильнѣе этого я ихъ не прокляну.»

Царица упрекала князя Циціанова въ томъ, что будто бы онъ, давши клятву не отправлять ее въ Россію, не исполняетъ ея, и просила разрѣшить ей отправить посланнаго къ Императору Александру съ просьбою объ оставленіи ея въ Грузіи.

Князь Циціановъ, удивляясь взводимому на него какому-то клятвенному обѣщанію, «которое употребить не токмо россійскіе генералы, но и мужики за стыдъ себѣ поставятъ», требовалъ по-

---

[1]) Письмо князя Циціанова царицѣ Дарьѣ 10-го сентября 1803 г.
[2]) Письмо 5-го октября 1803 г Архивъ Мин. Внут. Дѣлъ, ч. VII, 261.
[3]) Переводъ письма царицы Дарьи князю Циціанову 11-го сентября 1803 г.

прежнему ея отъѣзда [1]. Онъ писалъ ей, что отъѣздъ ея въ Россію уже рѣшенъ; что онъ отмѣненъ быть не можетъ, и что царицѣ слѣдуетъ безотлагательно собираться въ путь, который будетъ устроенъ «по приличію» и употреблены всѣ способы къ облегченію его.

Царица все-таки не только не ѣхала, но даже и не собиралась. Поэтому, не предвидя возможности убѣдить ее добровольно оставить край, но вмѣстѣ съ тѣмъ считая отъѣздъ этотъ необходимымъ для общаго спокойствія, князь Цицiановъ рѣшился употребить силу и поручилъ генералъ-маiору князю Орбеліани вывезти ее въ Россію [2].

Князь Орбеліани получилъ приказаніе: соблюдая должное къ сану царицы уваженіе, принять всѣ осторожности къ отвращенію могущаго быть сопротивленія со стороны внучатъ ея, князей Багратіоновыхъ-Мухранскихъ, въ домѣ которыхъ она жила, «и дабы не подвергнуть себя какому либо несчастію, подобному тому, какое случилось съ покойнымъ Лазаревымъ».

Для выполненія послѣдней предосторожности, приказано было отправить въ Мухранъ двѣ роты егерей 17-го егерскаго полка, которые должны были оцѣпить за̀мокъ и домъ. Потомъ, для той же осторожности, сперва должны были войти шесть егерскихъ или драгунскихъ унтеръ-офицеровъ съ офицеромъ, и убѣдившись въ томъ, что у царицы Дарьи и ея окружающихъ нѣтъ никакого оружія, объявить ей черезъ переводчика, чтобы она сошла съ башни, въ которой помѣщалась, или приказала бы снести себя. Если просьба эта не будетъ исполнена, «то со всею учтивостію и бережливостію снести ее (царицу) такъ, чтобы не обезпокоить.» Но прежде, нежели ея снесутъ или сведутъ, князь Орбеліани долженъ былъ самъ войти къ ней и просить, чтобы она склонилась на добровольный выѣздъ, не откладывая ни часа, и тогда ей будутъ оказаны всѣ воинскія почести, приличныя ея сану.

Воля главнокомандующаго была исполнена. Царица Дарья, увидѣвшая въ своемъ селеніи двѣ роты егерей и узнавшая о причинѣ прибытія князя Орбеліани, отвѣчала на его просьбу, что

---

[1]) Письмо князя Цицiанова царицѣ Дарьѣ 15-го сентября 1803 г.

[2]) Предписаніе отъ 16-го октября 1803 г., № 1795.

она съ охотою выполняетъ волю Императора Александра, и, 25-го октября 1803 года, пріобщившись св. таинъ, отправилась въ Россію [1]).

Вскорѣ послѣ отъѣзда царицы, удалилось въ Имеретію еще нѣсколько князей грузинскихъ, вѣроятно съ цѣлію соединиться съ царевичами Юлономъ и Парнаозомъ, а потому князь Цицiановъ призналъ необходимымъ, для удержанія отъ побѣговъ остальныхъ, испросить разрѣшеніе секвестровать имѣнія бѣжавшихъ и собираемые съ нихъ доходы обратить на общественныя заведенія, а у кого останется или осталось семейство, то поручить его призрѣнію родственниковъ [2]).

VIII.

Приготовленія кн. Цицiанова къ экспедиціи въ Ганжу. — Вторженіе лезгинъ въ Карталинію, со стороны Ахалцыха. — Мѣры, принятыя къ ихъ отраженію.—Вторженіе лезгинъ со стороны Дагестана.—Воззваніе къ джарцамъ, неисполнившимъ заключенныхъ условій.—Пораженіе лезгинъ.—Переговоры кн. Цицiанова съ аварскимъ ханомъ.

Недостатокъ войскъ въ Грузіи и невозможность усилить боевыя средства князя Цицiанова присылкою новыхъ полковъ изъ Россіи, заставляли главнокомандующаго изворачиваться тѣми средствами, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи.

Не разсчитывая, изъ числа находившихся у него войскъ, на девять баталіоновъ, необходимыхъ для занятія въ разныхъ пунктахъ гарнизоновъ, князь Цицiановъ съ остальными войсками могъ только предпринять поиски противу лезгинъ и Джевадъ-хана ганжинскаго.

Шефу Кабардинскаго мушкетерскаго полка, генералъ-маіору Гулякову, такъ успѣшно дѣйствовавшему въ Джарской области, приказано было, съ тремя баталіонами ввѣреннаго ему полка, идти на сопредѣльныхъ джарцамъ самухскихъ бековъ, привести ихъ въ

[1]) Рапортъ князя Цицiанова Г. И. 27-го октября 1803 года, № 98. Рапортъ ген. м. кн. Орбеліани кн. Цицiанову 25-го октября 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Коммис., т. II, стр. 102,

[2]) Рапортъ князя Цицiанова Г. И. 3-го ноября 1803 года.

повиновеніе, обложить данью, по примѣру Джарской провинціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отыскать удобное мѣсто для переправы черезъ рѣку Куру, которая отъ Тифлиса имѣетъ весьма крутые берега и требуетъ заблаговременнаго заготовленія переправы.

Установивши прочную переправу съ лѣваго берега, главнокомандующій думалъ самъ двинуться по правому изъ Шамшадили и прежде всего для покоренія Ганжи, такъ какъ Джевадъ-ханъ примирился съ враждовавшимъ противъ него Ибрагимъ-ханомъ шушинскимъ (карабагскимъ) и въ залогъ дружбы получилъ отъ него въ подарокъ двѣ мѣдныя пушки. Союзъ этотъ, усиливая ганжинскаго хана, былъ вреденъ для нашихъ интересовъ тѣмъ болѣе, что поведеніе Джевадъ-хана и безъ того было всегда враждебно Россіи.

Имѣя около пятидесяти лѣтъ отъ роду, Джевадъ былъ человѣкъ въ высшей степени хитрый и коварный, но умный, находчивый и острый, обладавшій даромъ слова и славившійся между сосѣдями какъ ловкій политикъ, умѣвшій всегда выдти изъ затруднительнаго положенія. Во время похода графа Зубова въ Персію Джевадъ-ханъ сдалъ ганжинскую крѣпость русскимъ войскамъ безъ всякаго сопротивленія и присягнулъ на подданство русской императрицѣ. Потомъ, когда наши войска оставили край, Джевадъ не признавалъ этого подданства и содѣйствовалъ Баба-хану въ его нападеніяхъ на Грузію.

Ганжинскій ханъ первый принялъ къ себѣ царевича Александра и обѣщая посвятить на услуги ему всю свою жизнь, содѣйствовалъ къ распространенію въ Грузіи возмутительныхъ писемъ царевича [1]) и писалъ ко всѣмъ сосѣднимъ ханамъ, прося ихъ оказать помощь дѣтямъ царя Ираклія къ освобожденію Грузіи отъ власти русскихъ. Когда же всѣ эти старанія оказались неудачными, то, по сношеніи съ джаро-бѣлоканцами, Джевадъ отправилъ къ нимъ царевича Александра и оказывалъ ему тамъ денежное пособіе.

Всегда враждебный Грузіи, ганжинскій ханъ, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вывелъ въ свои владѣнія до 2,000 шамшадильскихъ татаръ и армянъ, но едва только князь Циціановъ прі-

---

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Лазарева кн. Циціанову 25-го октября 1802 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 590.

ѣхалъ въ Тифлисъ, какъ Джевадъ прислалъ къ нему своего чиновника съ просьбою принять его подъ свое покровительство. Соглашаясь на просьбу, главнокомандующій требовалъ, чтобы ханъ прислалъ въ аманаты одного изъ своихъ сыновей. «Исполненіе сего требованія моего, писалъ князь Циціановъ [1]), почту я истиннымъ знакомъ чистосердечнаго вашего доброжелательства, и тогда, по собственнымъ словамъ вашимъ, не будетъ никакого различія между Ганжею и Грузіею.»

Этого только и боялся Джевадъ-ханъ, невысылавшій аманата и прервавшій начатые переговоры. Частыя сношенія тифлисскихъ жителей съ Ганжею давали возможность узнать, что Джевадъ не только не думаетъ о покровительствѣ, но, напротивъ того, приготовляется къ оборонѣ. Запасы боевыхъ снарядовъ, свозимыхъ въ крѣпость, сношенія съ Баба-ханомъ, отъ котораго, по собственнымъ словамъ хана, онъ получилъ милостивый фирманъ,—все это подтверждало справедливость слуховъ о двуличіи хана и его нерасположеніи къ Россіи. Джевадъ-ханъ и самъ сознавалъ, что поведеніе его хорошо извѣстно русскому правительству, и потому, предвидя грозу, онъ еще далеко до начала военныхъ дѣйствій учредилъ разъѣзды со стороны Грузіи и удалилъ отъ границъ армянъ, зная ихъ расположеніе къ Россіи.

Пользуясь тѣмъ, что эриванскій ханъ склонялся на наши требованія и что бакинскій ханъ въ то же время искалъ подданства Россіи, князь Циціановъ дѣятельно готовился къ экспедиціи въ ганжинское ханство. Онъ приказалъ двумъ полкамъ: Нарвскому драгунскому и 9-му егерскому двинуться съ Кавказской линіи въ Грузію [2]), и сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ изъ Демурчасалъ, Борчалы и Казахъ по 100 человѣкъ конныхъ татаръ, которымъ приказано было имѣть съ собою провіанта на шесть недѣль [3]).

Предъ самымъ, однако же, движеніемъ къ Ганжѣ князь Циціановъ былъ задержанъ на нѣкоторое время лезгинами, появившимися со стороны Карталиніи. Хотя для охраненія границъ отъ набѣговъ лезгинъ и было предложено горійскому и душетскому

---

[1]) Джевадъ-хану отъ 25-го февраля 1803 г.

[2]) Всепод. рапортъ кн. Циціанова 16-го мая 1803 г.

[3]) Предписаніе кн. Циціанова моуравамъ отъ 30-го іюня 1803 г.

предводителямъ дворянства собрать стражу изъ мѣстныхъ жителей, но стража эта оказалась недостаточно бдительною. Приказаніе очистить и сдѣлать удобопроѣзжею дорогу, идущую отъ Гори до Цалки, для свободнаго доставленія провіанта въ Цалку, на продовольствіе Кавказскаго гренадерскаго баталіона, долженствовавшаго тамъ расположиться, было поводомъ къ столкновенію нашему съ лезгинами, ворвавшимися въ Грузію со стороны Ахалцыха.

Отправленный для очистки пути капитанъ-исправникъ Енохинъ, съ 108 рабочими грузинами, 10-ю егерями и 9-ю казаками [1]), былъ аттакованъ лезгинами 12-го іюня, въ двадцати верстахъ не доходя до селенія Цалки. Команда рабочихъ была разсѣяна, и самъ Енохинъ, спасшійся съ 6-ю казаками и проскакавшій въ три часа 70 верстъ, далъ знать о томъ, въ тотъ же день въ 10 часовъ вечера, полковнику Цеханскому, прибавивъ, что лезгины слѣдуютъ правымъ берегомъ рѣки Куры, вверхъ къ деревнѣ Ховлѣ. Въ ту же ночь изъ города Гори былъ посланъ отрядъ, изъ 2-хъ унтеръ-офицеровъ, 30 рядовыхъ и 10 казаковъ, подъ командою штабсъ-капитана Бордиова. Переправясь черезъ Куру, на турлукахъ или надутыхъ мѣхахъ, отрядъ не отошелъ еще 3-хъ верстъ, какъ полковникъ Цеханскій получилъ извѣстіе, что та же самая партія лезгинъ, миновавъ селеніе Ховли, перешла уже къ селенію Карели, гдѣ находилась одна рота. Не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи такихъ людей, которые могли бы быть отряжены для составленія другаго отряда, такъ какъ весь остальной гарнизонъ, бывшій въ Гори, занималъ главные посты и караулы, полковникъ Цеханскій возвратилъ штабсъ-капитана Бордиова съ командою, и приказалъ ему слѣдовать къ селенію Карели. Самъ же съ пятью казаками поскакалъ къ тому же селенію лѣвымъ берегомъ Куры и, переправившись чрезъ нее вплавь противъ селенія Карели, нашелъ дѣло уже конченнымъ.

Капитанъ Секеринъ, стоявшій съ ротою въ селеніи Карели, увлекшись тѣмъ, что лезгины отбили обывательскій скотъ, и не

[1]) Рапорты кн. Циціанова Г. И. 23-го и 26-го іюня. Московскій Арх. Инспекторскаго Департамента.

зная о многочисленности непріятеля, рѣшился преслѣдовать его. У Секерина недоставало той сдержанности начальника, которая необходима каждому при дѣйствіи въ мѣстахъ лѣсистыхъ, гористыхъ и вообще въ такихъ, гдѣ мѣстность на каждомъ шагу можетъ скрыть непріятеля и доставить ему закрытіе. Излишнее увлеченіе въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ пагубно; такъ было и теперь. Пройдя со своею ротою, состоявшею только изъ 44 человѣкъ, и 15-ю казаками не болѣе 7-ми верстъ отъ селенія, онъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ лезгинами и при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ раненъ. Принявшій команду поручикъ Регульскій 1-й, пользуясь мѣстоположеніемъ, дрался отчаянно и два раза прогонялъ непріятеля къ лѣсу. При послѣдней удачѣ, онъ повторилъ ошибку своего предмѣстника: увлекшись идеею о преслѣдованіи, онъ двинулся еще впередъ и, послѣ 3-хъ-часоваго упорнаго сраженія, сдѣлался жертвою чрезмѣрной своей храбрости и неопытности. Нижніе чины, потерявъ всѣхъ офицеровъ, разстроились, и 35 человѣкъ осталось на мѣстѣ.

Партія лезгинъ двинулась обратно къ Ахалцыху. Князь Ціциановъ назначилъ генералъ-маіора князя Орбеліани начальникомъ кордона отъ Сурама до Цалки, съ приказаніемъ: вызвавъ и собравъ охотниковъ изъ князей и дворянъ грузинскихъ, преслѣдовать лезгинъ и непремѣнно выбить ихъ изъ предѣловъ грузинскихъ. Реджибъ же пашу ахалцыхскаго, черезъ владѣнія котораго прошли лезгины, главнокомандующій приглашалъ содѣйствовать въ этомъ и не пропускать больше лезгинъ черезъ свои владѣнія, если желаетъ сохранить союзъ и на самомъ дѣлѣ доказать, что исполняетъ повелѣнія дружественной намъ блистательной Порты Оттоманской.

Генералъ-маіоръ князь Орбеліани, соединивши девять ротъ 9-го егерскаго полка [1]), двѣ роты Кавказскаго гренадерскаго полка, 135 казаковъ Щедрова 2-го полка, съ 14-ю орудіями, преслѣдовалъ лезгинъ, ворвавшихся въ границы верхней Карталиніи, вмѣстѣ съ ними зашелъ въ предѣлы ахалцыхскіе и 3-го іюля оста-

[1]) Которыя по неукомплектованію этого полка, состояли только изъ 300 чел. рядовыхъ. Рап. кн. Ціціанова Государю Императору отъ 18-го іюля 1803 г. Москов. Арх. Инспектор. Департамента.

новился лагеремъ при озерѣ Табискуры. Отсюда онъ отправилъ къ ахалцыхскому Реджибъ-пашѣ письмо князя Циціанова и свое собственное, въ которыхъ требовалъ его содѣйствія къ изгнанію лезгинъ изъ Ахалцыхской провинціи.

Паша отвѣчалъ, что онъ готовъ исполнить просьбу, если наши войска оставятъ ахалцыхскіе предѣлы и возвратятся обратно въ Карталинію. Генералъ-маіоръ князь Орбеліани отступилъ и остановился лагеремъ при Цра-Цкаро, въ грузинскихъ границахъ, и тамъ ожидалъ исполненія обѣщаній Реджибъ-паши ахалцыхскаго.

Отражая нападеніе лезгинъ со стороны Ахалцыха, приходилось въ то же время отражать ихъ и со стороны Дагестана и наказать джарцевъ, хотя и непринимавшихъ личнаго участія въ этомъ нападеніи, но нарушившихъ заключенное съ ними условіе. Еще прежде того, князь Циціановъ нашелъ нужнымъ напомнить джарцамъ о ихъ невѣрности и требовать исполненія данныхъ ими обязательствъ.

«Невѣрный народъ! писалъ онъ имъ, [1]) безстыдные люди! Долго ли вы будете еще отъ меня требовать невозможнаго? и желаете начать невыполненіемъ одной изъ статей постановленія, прося и безпокоя меня чрезъ генерала многажды. Неужто думаете вы, что вы затѣмъ въ подданство великаго нашего государя императора приняты, чтобы не держать слова даннаго? Вы должны выкупать ясырей и до сихъ поръ не выкупаете, все откладываете и еще смѣете просить увольненія отъ онаго! Неужто вы забыли, что вы 80 лѣтъ бѣдную Грузію разоряли и брали то, что хотѣли, а не по 100 руб. Короче сказать, если вы черезъ мѣсяцъ не выкупите, то увидите, что я сдѣлаю и съ ясырями, и съ вами. Я презираю дагестанскихъ муллъ, которые за васъ, россійскихъ подданныхъ, ходатайствуютъ, и оставаться будутъ безъ моего отвѣта, какъ и сей просившій за васъ. Кто силу въ рукахъ имѣетъ, тотъ съ слабымъ не торгуется, а повелѣваетъ имъ.»

Джарцы не только не отвѣчали на это воззваніе, но выказали новыя непріязненныя дѣйствія противъ Россіи.

---

[1]) Воззваніе 23-го іюня 1803 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1392.

Лезгинская хищническая партія до 1,000 человѣкъ, пройдя изъ Дагестана между деревнями Джарами и Катехами, 9-го іюля, въ 2 часа пополудни, переправила чрезъ рѣку Алазань, въ скрытомъ мѣстѣ, верстахъ въ 6-ти пониже лагеря тифлисскаго баталіона, и прокравшись лѣсомъ и камышами, напала на передовой пикетъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, бывшій въ числѣ 20 человѣкъ, при унтеръ-офицерѣ. Встрѣтивъ сильное сопротивленіе, хищники раздѣлились на двѣ части: одна возвратилась обратно за Алазань, а другая, составившаяся изъ самыхъ доброконныхъ, числомъ до 300 человѣкъ, напала на табунъ Кабардинскаго же полка, гдѣ также была встрѣчена ружейными выстрѣлами и сильнымъ сопротивленіемъ команды, прикрывавшей табунъ [1]).

Хищники, видя и тутъ свою неудачу, бросились сначала къ табуну Тифлисскаго баталіона, а потомъ напали на пасшійся въ недальнемъ отъ него разстояніи казачій табунъ Донскаго Ефремова 3-го полка, который отъ ружейныхъ выстрѣловъ и отъ гика хищниковъ шелохнулся и, окруженный ими, былъ угнанъ на ту сторону Алазани, въ числѣ 211 лошадей. Генералъ-маіоръ Гуляковъ, узнавшій о нападеніи лезгинъ, хотя и послалъ тотчасъ войсковаго старшину Ефремова, съ резервными конными казаками, преслѣдовать хищниковъ, но посланные не могли настигнуть ихъ и должны были возвратиться обратно безъ всякаго результата.

Это вторженіе лезгинъ ясно указывало, что джарцы не думали исполнять только что заключенныхъ условій, по которымъ они обязались не пропускать въ предѣлы Грузіи хищниковъ изъ Дагестана. Князь Ціціановъ приказалъ генералъ-маіору Гулякову собрать изъ селеній Джаръ и Катехи старшинъ, прочесть постановленіе, заключенное съ ними, и внушить, что за нарушеніе договора и вѣрноподданнической присяги аманаты ихъ будутъ прогнаны сквозь строй, если за отбитыхъ лошадей не будутъ заплочены деньги.

Джарцы не выполняли требованій и отдѣлывались молчаніемъ. Главнокомандующій упрекалъ ихъ въ томъ, что они, забывъ клятву,

[1]) Рап. кн. Ціціанова Государю Императору 18-го іюля 1803 г. Москов. Арх. Инспекторск. Департамента.

«съ поверженіемъ камней изъ рукъ присягавшихъ» [1]), не платятъ дани, утвержденной ими самими «клятвеннымъ обѣщаніемъ передъ святымъ кораномъ». Онъ приглашалъ ихъ опомниться, не вѣрить дагестанцамъ, которые губятъ ихъ изъ собственной корысти. «Васъ Богъ наградилъ землею богатою, писалъ онъ джарцамъ, дающею вамъ стократный плодъ! Дагестанцамъ же Богъ судилъ жизнь свою погублять за кусокъ хлѣба и не наслаждаться въ будущей жизни блаженствомъ. Опомнитесь, говорю я вамъ, отстаньте отъ вѣтреныхъ бунтовщиковъ, кои минутную корысть предпочитаютъ спокойной жизни; вспомните что можетъ Россія? Сколько разъ и дагестанцы, отъ россіянъ падая ницъ, зубами своими стискивая землю, испускали духъ свой, въ адъ исходящій? Еще разъ повторяю, чтобъ опомнились, доколѣ я меча не вынулъ, и тогда говорю, что вы не возвратитесь болѣе въ землю, гдѣ родились, гдѣ предки ваши погребены, гдѣ сродники ваши васъ воспитывали; не увидите вы домовъ своихъ, которые были спокойной вашей жизни убѣжищемъ.»

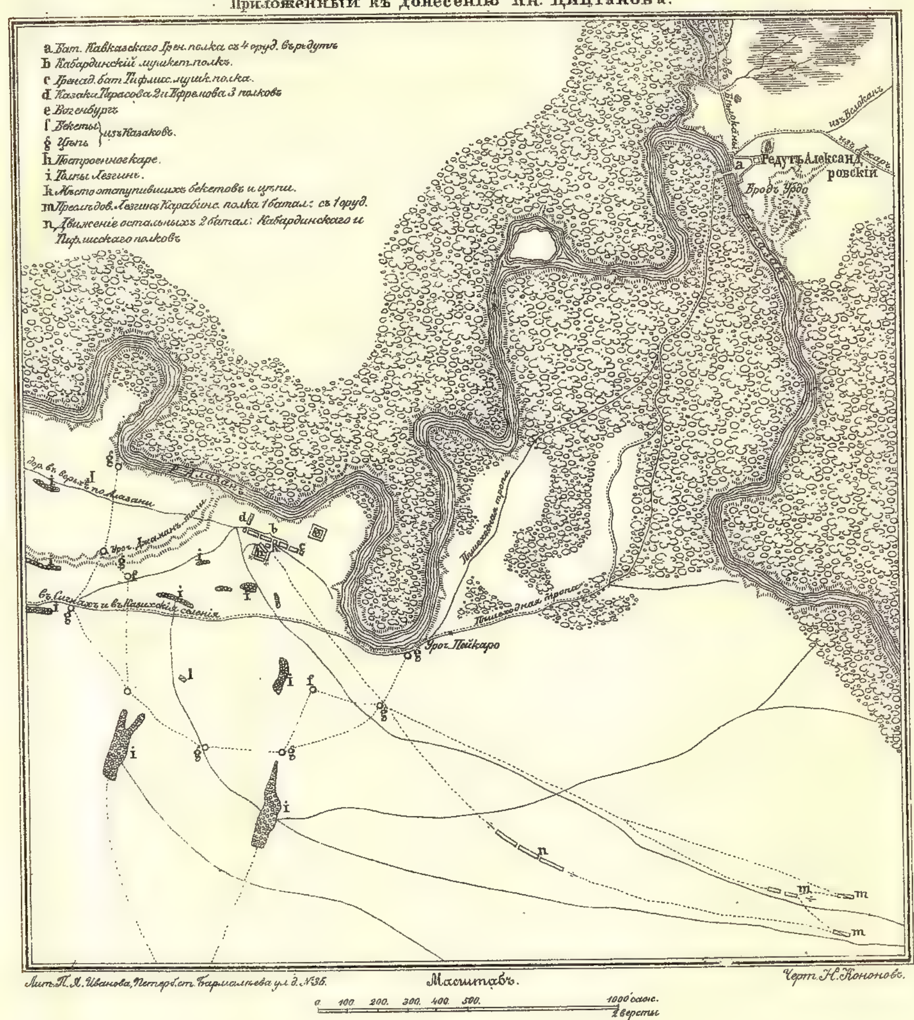
Князь Диціановъ требовалъ отъ джарцевъ присылки достойнѣйшихъ старшинъ съ извиненіемъ; перемѣны аманатовъ по его назначенію и доставки 550 литръ шелку, слѣдующаго въ дань, обѣщаясь, при неисполненіи сихъ требованій, придти съ огнемъ и мечомъ. Джарцы не исполнили и этого послѣдняго требованія. Они ссылались на то, что бѣдны, не имѣютъ шелку и потому не могутъ заплатить дани. Главнокомандующій требовалъ отъ нихъ, вмѣсто шелку, 11,000 руб. (или 4,230 червонцевъ и 2 руб. сер.), недоставленіе которыхъ влекло за собою наказаніе. «Ждите времени, писалъ онъ, сбирите всѣхъ дагестанцевъ и готовьтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоять устрашитесь. Не обманете вы меня другой разъ, истреблю васъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ по вашему обычаю, и хотя русскіе не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навѣки въ вашей землѣ. Знайте, что, писавъ сіе письмо къ вамъ, неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода

[1]) Народный обычай, употребляемый при клятвахъ. См. I томъ настоящаго сочиненія.

ПЛАНЪ

Дѣйствія русскихъ войскъ съ лезгинами между урочищами Пейкаро и Джаманъ-толи 22 Октября 1803 года

Приложенный къ донесенію Кн. Цицiанова.



въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду, землю вашей области покрою кровью вашею, и она покраснѣетъ, но вы яко зайцы уйдете въ ущелья, и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, то отъ стужи пооколѣете.»

То же или почти то же князь Циціановъ писалъ и бѣлоканцамъ. Но какъ тѣ, такъ и другіе были глухи къ требованіямъ нашимъ. Письма оставались безъ исполненія, дань не вносилась, и лезгины по-прежнему вторгались и дѣлали набѣги.

21-го октября, лезгины въ числѣ до 10,000, подъ начальствомъ Сурхай-хана, владѣльца казикумухскаго, и аварскаго старшины Алисканда, переправились чрезъ рѣку Алазань у деревни Могало [1]). 22-го числа, въ 3 часа ночи, многочисленными толпами они напали на генералъ-маіора Гулякова, стоявшаго лагеремъ при урочищѣ Пейкаро съ отрядомъ изъ Кабардинскаго полка и гренадерскаго баталіона Тифлисскаго мушкетерскаго полка. Предувѣдомленный казачьими пикетами о движеніи непріятеля, генералъ-маіоръ Гуляковъ едва только успѣлъ построить боевой порядокъ, какъ лезгины съ крикомъ бросились со всѣхъ сторонъ на наше каре.

Открывъ артиллерійскій огонь, войска наши стояли не трогаясь съ мѣста. Послѣ часовой перестрѣлки, лезгины стали отступать; темнота ночи не дозволяла ихъ преслѣдовать. Съ наступленіемъ разсвѣта, Гуляковъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: одинъ баталіонъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка и 200 человѣкъ стрѣлковъ отправилъ подъ начальствомъ маіора Сабастіани, а съ остальными пошелъ самъ преслѣдовать хищниковъ по двумъ разнымъ направленіямъ, преимущественно къ переправамъ черезъ рѣку Алазань. Настигнутые лезгины спасались бѣгствомъ, спѣшили переправиться скорѣе и гдѣ попало черезъ рѣку Алазань, въ которой вода отъ проливныхъ дождей значительно возвысилась и оттого тонули въ глазахъ нашихъ войскъ. Уронъ ихъ

[1]) Рап. кн. Цицiанова Государю Императору 30-го октября, № 441. Московск. Арх. Инсп. Департ. См. также «Славянинъ», 1827 г., т. I, кн. 6.

простирался до 325 человѣкъ; съ нашей же стороны убито и ранено 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ [1]).

По полученіи свѣдѣній о томъ, что въ рядахъ лезгинъ были войска аварскаго хана, считавшагося въ подданствѣ Россіи, князь Циціановъ приказалъ остановить выдачу ему жалованья до тѣхъ поръ пока онъ не выдастъ Алисканда. Аварскій Ахмедъ-ханъ отказался выдать Алисканда, отговариваясь тѣмъ, что онъ отложился и не повинуется ему, клялся, что самъ онъ преданъ Россіи, и требовалъ, чтобы слѣдуемое ему жалованье не было задерживаемо.

— Если вы, говорилъ Ахмедъ-ханъ, не любите вступленія нашего въ подданство Россіи по примѣру предковъ нашихъ, непринявшихъ ни подданства Турціи, ни подданства Персіи, а считавшихъ себя независимыми королями въ своихъ владѣніяхъ, то извѣстите насъ объ этомъ и выхлопочите фирманъ отъ высокаго россійскаго двора о томъ, что подданство наше не принимается. Иначе на какомъ основаніи вы прекращаете наше содержаніе безъ всякаго повода и вины съ нашей стороны?

— Ваше высокостепенство, отвѣчалъ князь Циціановъ, оказались виновными по двумъ причинамъ, какъ участникъ или какъ владѣтель неимѣющій силы и власти надъ своими подданными, и въ обоихъ случаяхъ жалованья отъ великаго государя не заслуживаете.

Аварскій ханъ снова просилъ о выдачѣ ему жалованья и жаловался, что со вступленіемъ его въ подданство Россіи онъ потерялъ, а не выигралъ.

— Тушинцы, говорилъ онъ, предъ симъ всегда платили ежегодно аварскому владѣтелю, чтобы онъ ихъ не тревожилъ, по шести катеровъ и шести скотинъ, а теперь другой годъ они ничего не платятъ. Прикажите имъ, чтобы прежнюю подать мнѣ платили. Если они не захотятъ выполнить своего обязательства, то меня извините—при удобномъ случаѣ, съ войскомъ своимъ выступя, ихъ накажу.

---

[1]) Рап. кн. Циціанова Государю Императору 3-го ноября 1803 г. Моск. Арх. Инс. Департ. Въ награду за это дѣло кн. Циціановъ испрашивалъ георгіевскія трубы храброму Кабардинскому полку, по мѣсяцу нераздѣвавшемуся.

— Какъ вы могли вздумать, отвѣчалъ князь Циціановъ, чтобы подданный всемилостивѣйшаго государя моего и вашего, который высочайше даруетъ вамъ жалованье, вамъ платилъ дань? Если тутъ здравый разсудокъ? А что вы угрожаете, буде я ихъ къ тому не принужу, сами съ ними управитесь, то милости прошу испытать силы россійской. Впрочемъ, кто имѣетъ честь командовать, какъ я, непобѣдимымъ всероссійскимъ войскомъ, тотъ весь Дагестанъ считаетъ за мухъ и желаетъ имѣть случай на дѣлѣ то показать. Вамъ уже нѣсколько извѣстенъ мой образъ мыслей и постелю-ли я люблю или поле боевое, гдѣ кровь льется рѣками и головы валятся какъ яблоки.

IX.

Движеніе къ Ганжѣ.—Составъ войскъ.—Переписка князя Циціанова съ Джеватъ-ханомъ ганжинскимъ. -Штурмъ Ганжинской крѣпости и покореніе Ганжинскаго ханства.—Подданство самухскаго владѣльца Ширинъ-бека.

Дѣйствія съ лезгинами, хотя и весьма незначительныя по своимъ результатамъ, задержали, однако же, на нѣкоторое время экспедицію князя Циціанова противъ Джевадъ-хана ганжинскаго. Главнокомандующій принужденъ былъ все-таки, отказавшись отъ наступленія, вести оборонительную войну съ хищниками, изъ боязни не дозволить дагестанцамъ ворваться внутрь Грузіи, что легко могло случиться при выводѣ оттуда нѣсколькихъ баталіоновъ, предназначаемыхъ въ составъ наступательнаго отряда. Эта временная задержка дозволила Джевадъ-хану приготовиться для встрѣчи русскихъ на столько, на сколько позволяли его силы и средства. Пользуясь временемъ, онъ отправилъ къ Баба-хану посланнаго съ просьбою оказать ему содѣйствіе противъ русскихъ войскъ, идущихъ къ Ганжѣ. Властитель Персіи отвѣчалъ, что идетъ теперь въ Хоросанъ, а по возвращеніи дастъ ему помощь [1]). Помощь эту онъ оказалъ тѣмъ, что прислалъ только фирманъ къ казахскимъ агаларамъ, убѣждая ихъ покориться хану ганжин-

[1]) Изъ письма кн. Андроникова къ кн. Циціанову 29-го іюля 1803 г.

скому, вооружиться и дѣйствовать съ нимъ заодно противъ русскихъ войскъ [1]).

Между тѣмъ, князь Циціановъ ожидалъ только прибытія въ Грузію еще двухъ полковъ, Севастопольскаго мушкетерскаго и 15-го егерскаго, для того, чтобы двинуться къ Ганжѣ. 11-го ноября прибылъ Севастопольскій полкъ и расположился въ 10-ти верстахъ отъ Тифлиса, въ урочищѣ Гартискаро, а 15 егерскій полкъ 12-го ноября находился еще въ 70 верстахъ отъ столицы Грузіи. Полки эти до того были изнурены переходомъ чрезъ горы въ ненастное время года, что, при трехбаталіонномъ составѣ, въ Севастопольскомъ полку осталось лошадей годныхъ только для поднятія обозовъ двухъ баталіоновъ; а 15-й егерскій полкъ князь Циціановъ даже не рѣшился брать съ собою. Изъ Севастопольскаго же полка онъ взялъ только два баталіона, и то некомплектныхъ, оставивъ третій при тяжестяхъ [2]).

«Пришедшаго полку Севастопольскаго шефъ мнѣ объявилъ, писалъ князь Циціановъ [3]), о состояніи этихъ полковъ, что его полкъ никогда свиста пуль не слыхивалъ, что ходить не умѣютъ, и на 15 верстахъ устаютъ и падаютъ. Солдаты 20 лѣтъ не сходили съ мѣста, а что важнѣе такъ то, что въ полку недостаетъ 600 человѣкъ кромѣ больныхъ и ожидать укомплектованія оныхъ не могу, потому что когда полкъ сей посланъ изъ крымской инспекціи, то инспекторъ отказалъ назначенныхъ военною коллегіею ему, дать рекрутъ; мои же тогда уже всѣ розданы были по полкамъ, по коллежскому назначенію (по назначенію военной коллегіи).

«Когда же бывало, чтобы частные начальники противъ военной коллегіи росписанія смѣли поступать? Время уходитъ; въ фуражѣ недостатокъ и начальники полковъ страшную требуютъ цѣну, а отказать я не могу, для того, что запасу провіантскаго не сдѣлано.

«Послѣ всѣхъ сихъ неустройствъ, могу ли я полезенъ быть,

[1]) Переводъ фирмана отъ 29-го сентября 1803 г.

[2]) Изъ рапорта кн. Циціанова Г. И. 17-го ноября. Моск. Арх. Инспект. Департамента.

[3]) Письмо кн. Циціанова государств. канцлеру отъ 17-го ноября 1803 года. Арх. М. И. Д. 1—13, 1806 г., № 9.

оставаясь въ службѣ, подвергая всякій день мою репутацію безславію и не отъ своей вины, а отъ подчиненныхъ».

Такимъ образомъ, при всѣхъ усиліяхъ, князь Циціановъ могъ собрать для экспедиціи въ Ганжу не болѣе шести баталіоновъ и трехъ эскадроновъ. Дѣйствующій отрядъ состоялъ: изъ двухъ баталіоновъ Севастопольскаго полка, двухъ баталіоновъ 17-го егерскаго, находившихся въ Шамшадили, на пути въ Ганжу, одного баталіона Кавказскаго гренадерскаго полка, трехъ эскадроновъ Нарвскаго драгунскаго полка и 2-хъ ротъ 17-го егерскаго полка шефскаго баталіона, а остальныя двѣ роты этого же баталіона должны были присоединиться къ нимъ, по возвращеніи изъ Владикавказа, куда они сопровождали царицу Дарью.

Большая часть отряда собралась 20-го ноября въ деревнѣ Саганлугѣ, въ 15 верстахъ отъ Тифлиса; 21-го назначался отдыхъ, а 22-го выступленіе. Въ шесть переходовъ отрядъ достигъ до Загіала (Шамшадыльскаго селенія), гдѣ къ нему, во время отдыха, присоединились два баталіона 17-го егерскаго полка [1]).

По прибытіи, 29-го ноября, въ Шамхоръ, князь Циціановъ отправилъ къ Джевадъ-хану письмо, въ которомъ требовалъ сдачи крѣпости.

«Вступивъ во владѣніе Ганжинское, писалъ главнокомандующій Джевадъ-хану [2]), объявляю вамъ о причинахъ прихода сюда: *первая и главная*, что Ганжа съ ея округомъ, во времена царицы Тамары, принадлежала Грузіи и слабостію царей грузинскихъ отторгнута отъ оной. Всероссійская Имперія, принявъ Грузію въ свое высокомощное покровительство и подданство, не можетъ взирать съ равнодушіемъ на расторженіе Грузіи, и несогласно было бы съ силою и достоинствомъ высокомощной и Богомъ вознесенной Россійской Имперіи оставить Ганжу, яко достояніе и часть Грузіи, въ рукахъ чуждыхъ. *Вторая:* ваше высокостепенство на письмо мое, писанное по пріѣздѣ моемъ въ Грузію, коимъ я требовалъ сына вашего въ аманаты, отвѣчали, что иранскаго госу-

---

[1]) Изъ письма кн. Циціанова къ ген. В. (Вязмитинову) отъ 9-го декабря 1803 г. См. Славянинъ 1827 г., т. I, кн. 6. Рап. кн. Циціанова Г. И. отъ 9-го декабря 1803 года. Воен. Учен. Арх., д. № 2416.

[2]) Отъ 29-го ноября 1803 г.

даря опасаетесь, забывъ, что шесть лѣтъ тому назадъ были россійскимъ подданнымъ, и въ крѣпости ганжинской стояли высокославныя россійскія войска. *Третья:* купцы тифлисскіе, ограбленные вашими людьми, не получили удовлетворенія вашего высокостепенства. А по симъ тремъ причинамъ, я самъ съ войсками пришедъ брать городъ, по обычаю европейскому и по вѣрѣ, мною исповѣдуемой, долженъ, не приступая къ пролитію человѣческой крови, предложить вамъ о сдачѣ города и требовать отъ васъ въ отвѣтъ двухъ словъ по вашему выбору: *да или нѣтъ; т. е. сдаете или не сдаете?*

«Да будетъ вамъ извѣстно также, что, допустя войска придти въ такую непогоду и вступить въ ваше владѣніе, никакихъ договоровъ принято быть не можетъ, а сдачу на волю мою вамъ предназначаю, и тогда испытаете неограниченное милосердіе его императорскаго величества, всемилостивѣйшаго государя моего. Буде сего не желаете, то ждите несчастнаго жребія, коему подпали нѣкогда Измаилъ, Очаковъ, Варшава и многіе другіе города. Буде завтра въ полдень не получу я отвѣта, то брань возгорится, понесу подъ Ганжу огонь и мечъ, чему вы будете свидѣтель и узнаете, умѣю ли я держать мое слово»...

Джевадъ-ханъ отрицалъ справедливость того, что Ганжа принадлежала Грузіи при царицѣ Тамарѣ: «Этому разсказу никто не повѣритъ, писалъ онъ. А наши предки Аббасъ-Кули-ханъ и прочіе управляли Грузіею. Если не вѣришь, спроси грузинскихъ старожиловъ—управлялъ Аббасъ-Кули-ханъ Грузіей или нѣтъ?»

Въ справедливости послѣдняго, ханъ ссылался на слѣды, которые остались въ Грузіи послѣ владѣнія Аббасъ-Кули-хана, какъ-то: мечети, лавки и подарки отъ него грузинскимъ князьямъ. Джевадъ не скрывалъ того, что шесть лѣтъ тому назадъ былъ подданнымъ по принужденію, а не по расположенію къ Россіи; что имъ былъ сданъ городъ и впущенъ русскій гарнизонъ собственно только потому, что персидскій шахъ былъ тогда «въ Хоросанѣ, и моя рука, говорилъ онъ, не достигала его, и я счелъ нужнымъ покориться русскому падишаху, какъ великому также монарху. А теперь, слава Аллаху, персидскій шахъ находится въ близости

моей, и посланный его главнокомандующій уже прибылъ сюда; также прибыло войско и еще онаго прибудетъ.»

«Если ты замышляешь со мною войну, писалъ ханъ въ другомъ письмѣ князю Циціанову, то я готовъ; если ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже твоихъ; если твои пушки длиною въ 1 аршинъ, то мои въ 3 и 4 аршина, и успѣхъ зависитъ отъ Аллаха. Откуда извѣстно, что ваши войска храбрѣе персидскихъ? Вы только видѣли свои сраженія, а войны съ персіянами не видѣли. Ты предлагаешь мнѣ быть готовымъ на борьбу? Я съ того дня готовлюсь, какъ ты прибылъ въ Шамшадыль, обративъ его населеніе въ зависимость свою. Если хочешь воевать, будемъ воевать. Ты предсказываешь мнѣ несчастіе, если не приму твоего предложенія; но я полагаю, что несчастіе преслѣдуетъ самого тебя, которое завлекло тебя изъ Петербурга сюда. Послѣдствія покажутъ, кто изъ насъ будетъ несчастенъ [1])».

Получивъ отвѣтъ на свое письмо, несоотвѣтствующій требованіямъ, князь Циціановъ, давъ роздыхъ войскамъ, приступилъ къ обозрѣнію мѣстности. Съ этою цѣлью онъ взялъ съ собою генералъ-маіора Портнягина, съ однимъ эскадрономъ Нарвскаго драгунскаго полка, полковника Карягина съ двумя баталіонами 17-го егерскаго полка, подполковника Симоновича съ Кавказскимъ гренадерскимъ его имени баталіономъ и всѣ легкія войска съ семью орудіями. Подъѣхавъ къ предмѣстью и видя невозможность обозрѣть крѣпость, не завладѣвъ предварительно садами, князь Циціановъ рѣшился занять ихъ. Онъ сформировалъ двѣ колонны: одну изъ Кавказскаго гренадерскаго баталіона, съ легкими войсками и двумя орудіями, подъ предводительствомъ подполковника Симоновича, а другую, изъ двухъ баталіоновъ егерей, эскадрона драгунъ, съ 5-ю орудіями и легкими войсками, подъ своимъ начальствомъ. Первую колонну князь Циціановъ направилъ по большой тифлисской дорогѣ, а самъ двинулся, правѣе этой дороги, на ханскій садъ.

Въ садахъ наши войска встрѣтили сильное сопротивленіе и должны были выдержать упорную борьбу. Высокіе землебитные, изъ глины, заборы на всякомъ шагу доставляли непріятелю за-

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм. т. II, № 1173.

крытіе и средство къ оборонѣ, а для насъ отдѣльное укрѣпленіе, которое приходилось брать штурмомъ. Не смотря, однако же, на сильный огонь, отчаянное сопротивленіе непріятеля и весьма невыгодное наше положеніе, войска въ теченіе двухъ часовъ успѣли очистить предмѣстье, состоявшее почти исключительно изъ однихъ садовъ, протянувшихся на $1^{1}/_{2}$ версты отъ города. Непріятель отступилъ въ крѣпость, потерявъ 250 человѣкъ убитыми, изъ коихъ большая часть пала при столкновеніи съ колонною подполковника Симоновича. При этомъ сдались намъ 200 шамшадыльцевъ и 300 армянъ. Съ нашей стороны потеря заключалась въ 70 человѣкахъ убитыми и 30 ранеными. Въ тотъ же день устроены были батареи и прикрытіе усилено было двумя баталіонами, а на другой день остальные два эскадрона драгунъ и баталіонъ присоедились къ отряду. Крѣпость была окончательно обложена и открыто бомбардированіе, продолжавшееся довольно успѣшно. Князь Цицiановъ полагалъ, что Джевадъ-ханъ, устрашенный сраженіемъ, бывшимъ въ предмѣстьѣ, сдастъ крѣпость, тѣмъ болѣе, что ежедневно являвшіеся къ намъ перебѣжчики значительно ослабляли его гарнизонъ.

Эта надежда на добровольную покорность и сдачу нѣсколько замедлили взятіе крѣпости.

«Откровенно признаюсь вамъ, писалъ князь Цицiановъ генералу В. (Вязмитинову) [1]), что хотя счастливый приступъ къ ганжинской крѣпости распространилъ бы паническій страхъ между здѣшними военными людьми и жителями, и весьма бы облегчилъ будущія наши предпріятія, хотя штурмовыя лѣстницы готовы и хотя позднее время года не позволяетъ заниматься долговременною блокадою, но зная человѣколюбивое сердце Г. И., употреблю сію кровавую мѣру въ крайней только необходимости. Буду столько медлить и искать другими средствами овладѣть крѣпостью, сколько честь оружія его императорскаго величества мнѣ дозволитъ.»

Руководствуясь послѣднимъ правиломъ и желая избѣгнуть кровопролитія, кн. Цицiановъ снова требовалъ сдачи крѣпости, давая одинъ день срока для окончательнаго отвѣта.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 9-го декабря. Славянинъ 1827 г. т., I, кн. 6, стр. 104.

«Высокомѣстный князь Цицiановъ! писалъ на это Джевадъ-ханъ [1]). Посланное ваше письмо я получилъ. Завтра день субботнiй, празднуемый жидами. Человѣка къ вамъ не отправлю. Послѣ завтра, въ воскресенье, отправлю къ вамъ одного человѣка; ежели вы хорошо будете предлагать, я тоже взаимно буду отвѣчать.»

Главнокомандующiй говорилъ, что не условiя ему предлагаетъ, а по прежнему требуетъ сдачи. «Завтра, писалъ онъ, высокоторжественный день его императорскаго величества всемилостивѣйшаго Государя Императора, и если его высокостепенство вышлетъ, въ оный день, по утру, ключи города съ сыномъ своимъ Гуссейнъ Кули-агою, который и долженъ оставаться аманатомъ, въ знакъ сдачи города начальнику войскъ россiйскихъ, тогда все счастiе и благоденствiе сойдетъ на Джевадъ-хана ганжинскаго.» Въ противномъ случаѣ князь Цицiановъ обѣщалъ штурмовать крѣпость и пролить кровь несчастныхъ ханскихъ подданныхъ, хотя и не единовѣрныхъ намъ, но которыхъ ему жаль по человѣколюбiю.

Старясь затянуть дѣло, Джевадъ-ханъ просилъ прислать къ нему для переговоровъ казаха Махмада, но главнокомандующiй отказалъ, требуя отвѣта не на словахъ, а на бумагѣ.

«Вы просили третьяго дня (прислать) казаха Махмада, писалъ князь Цицiановъ [2]), для перенесенiя рѣчей вашихъ ко мнѣ. Я требовалъ сказать о имени его отца для того, что Махмадовъ много. Вы болѣе не присылаете, а изъ всего этого заключаю я, что вамъ нужно объясниться. Я же, по вѣрѣ моей, презирая гордость азiятскую, для избѣжанiя пролитiя крови человѣческой, и чтобъ на совѣсти моей оное кровопролитiе не осталось, наставляю васъ, что европейскiе обычаи позволяютъ осажденнымъ просить перемирiя; осаждающiе даютъ на сколько времени заблагоразсудятъ, и тогда, съ обѣихъ сторонъ, ни одно ружье не должно выстрѣлить, и воюющiе чрезъ повѣренныхъ предлагаютъ и отвергаютъ условiя. Послѣ истеченiя сего времени или паки возгорается война, или сдается городъ на условiяхъ; такъ дѣлалось въ присутствiи моемъ подъ четырьмя крѣпостями, гдѣ я находился. Послѣ сего пред-

[1]) Отъ 11-го декабря 1803 года.
[2]) Въ письмѣ отъ 28 декабря 1803 г.

ложенія, Богъ увидитъ, я ли виновенъ буду въ пролитіи крови въ день штурма. Отвѣтъ на сіе долженъ быть данъ сегодня».

На слѣдующій день ханъ отвѣчалъ, что онъ просилъ прислать къ нему Махмата-Мирзу-Оглу, и говорилъ, что требованія наши такія, что ихъ исполнить никто не въ состояніи. «Вамъ не безъизвѣстно, писалъ онъ между прочимъ, что когда кто кому строго пишетъ, отвѣтъ такой же получить долженъ.»

«Пишете, будетъ штурмъ. На что скажу: осажденные въ городѣ всѣ средства изыскиваютъ къ соотвѣтствованію противу онаго, уповая на Бога. Упоминали: во время переговора въ законѣ вашемъ стрѣльбы не бываетъ, но въ нашемъ правленіи, когда непріятель состоитъ такъ близко, на пушечный и ружейный выстрѣлъ, противъ такого всегда стрѣляется.

«Пишете также: во время штурма кровь человѣческая прольется, на совѣсти вашей грѣхъ будетъ. Когда такъ, не ходите, и кровь ваша не прольется, а ежели пойдете, конечно, прольется; кровь и грѣхъ на васъ будетъ. Упомянули, что въ законѣ христіанскомъ кровь проливать грѣшно, а въ нашемъ магометанскомъ законѣ, ежели кто на кого идетъ силою и пролита кровь будетъ, то за грѣхъ не поставляется. Писали, чтобъ въ тотъ день на письмо отвѣчать; сіи слова можно употребить господину своему слугѣ, а я никого не опасаюсь, когда хочу, тогда и отвѣчаю.»

Отвѣтъ этотъ не предвѣщалъ никакой податливости со стороны Джевадъ-хана, не соглашавшагося сдать крѣпость, не смотря на бѣдственное положеніе ея гарнизона. Пока велись переговоры, пересылались письма и требованія, время брало свое. Наступавшая глубокая осень и даже зима застала защитниковъ Ганжи врасплохъ. Гарнизонъ терпѣлъ нужду въ дровахъ; запасъ провіанта хотя и былъ достаточенъ, но не было ячменя; лошади падали; водопроводы, которыхъ намъ не удалось отвести, были запружены мертвыми тѣлами, и жители, принужденные все-таки черпать изъ нихъ воду, болѣли во множествѣ; воздухъ былъ зараженъ; болѣзни съ каждымъ днемъ усиливались, а Джевадъ все-таки не сдавался [1]).

[1]) См. «Взятіе Ганжи», Муханова. Московскій телеграфъ 1825, т. V.

— Я возьму городъ, передавалъ князь Цицiановъ хану, и предамъ тебя позорной смерти.

— Ты найдешь меня мертвымъ на стѣнѣ, отвѣчалъ ему Джевадъ-ханъ.

Въ заключенiе всей переписки, князь Цицiановъ послалъ Джевадъ-хану условiя, на которыхъ могла быть принята сдача крѣпости. Ханъ со всѣмъ народомъ долженъ былъ теперь же принять подданство Россiи и сдать крѣпость со всѣмъ ея имуществомъ. Онъ долженъ былъ платить дани 20 тысячъ въ годъ и спабжать провiантомъ какъ войска, расположенныя въ крѣпости, такъ и тѣ, которыя будутъ поставлены по дорогѣ къ Шамшадылю. На шамшадыльскую провинцiю и ея жителей притязанiя никакого не имѣть и наконецъ дать въ аманаты своего сына.

Джевадъ-ханъ отвергнулъ и это послѣднее требованiе; онъ не согласился даже остаться владѣльцемъ ханства и быть данникомъ Россiи. Такимъ образомъ, цѣлый мѣсяцъ наши войска держали ганжинскую крѣпость въ осадѣ. Пять разъ князь Цицiановъ требовалъ сдачи города, и въ требованiяхъ этихъ были и угрозы, и убѣжденiя, и обѣщанiя, но все оставалось напраснымъ. Джевадъ-ханъ не соглашался ни на что. Высокомѣрiе хана, зимнее время года, увеличенiе больныхъ въ отрядѣ и недостатокъ фуража, «а выше всѣхъ бѣдствiй неслыханный для непобѣдимыхъ россiйскихъ войскъ стыдъ» отступить отъ крѣпости, не взявъ ея, заставили князя Цицiанова собрать военный совѣтъ изъ наличныхъ: одного генерала, двухъ полковниковъ и одного подполковника. Совѣтъ рѣшилъ штурмовать крѣпость, и утромъ 3-го января 1804 года Ганжа пала, а 4-го января главная мечеть ея была уже *«обращена въ храмъ истинному Богу»*.

Назначивъ генералъ-маiора Портнягина начальникомъ наступающихъ колоннъ, князь Цицiановъ, далъ ему передъ штурмомъ особое секретное предписанiе, которымъ поручалъ наблюсти, чтобы накапунѣ штурма, вечеромъ, всѣ войска оставались на своихъ позицiяхъ, и только за полчаса до наступленiя заняли назначенныя имъ новыя мѣста. «Нѣтъ словъ изъяснить, писалъ при этомъ князь Цицiановъ, съ какою тихостiю и глубокимъ молчанiемъ должно дѣлаться перемѣщенiе войскъ. Всѣ штандарты и знамена

ночью, безъ церемоніи, принесть на мечетный дворъ и отдать моему караулу. Казачья цѣпь до разсвѣта должна стоять на своихъ постахъ, разумѣя о ближайшей, соединяющей батареѣ, а остальнымъ—при резервахъ въ закрытыхъ мѣстахъ отъ пуль и ядеръ; по разсвѣтѣ собраться всѣмъ къ онымъ.»

Войска были раздѣлены на двѣ колонны [1]), изъ коихъ первой (составленной изъ гренадерскаго баталіона Севастопольскаго полка, баталіона Кавказскаго гренадерскаго подполковника Симоновича, и 200 спѣшенныхъ драгунъ), подъ общимъ предводительствомъ генералъ-маіора Портнягина, приказано было идти влѣво отъ Карабагскихъ или верхнихъ воротъ, «отъ батареи артиллеріи подпоручика Башмакова»; вторая колонна (изъ двухъ баталіоновъ [2]) 17-го егерскаго полка, подъ предводительствомъ полковника Карягина, должна была наступать лѣвѣе Тифлисскихъ или Цитадельскихъ воротъ. Колонна эта назначалась предварительно для производства фальшивой атаки, а впослѣдствіи и для дѣйствительной.

Баталіонъ 17-го егерскаго полка маіора Бѣлавина, при которомъ находился и самъ князь Циціановъ, составлялъ резервъ и поставленъ былъ на Мейданѣ (площади) противъ Карабагскихъ воротъ; противъ Тифлисскихъ же воротъ поставленъ былъ баталіонъ Севастопольскаго мушкетерскаго полка съ приказаніемъ препятствовать выходу непріятеля изъ крѣпости, и, въ случаѣ требованія штурмующихъ, спѣшить какъ можно скорѣе на помощь. Вся артиллерія, которой въ отрядѣ было только 11 орудій и въ томъ числѣ три трехфунтовыя пушки, свезена была къ резервамъ, къ коимъ отряжено было и по 100 казаковъ. Наконецъ татарской конницѣ, «недостойной по невѣрности своей вести войну обще съ высокославными войсками», приказано было держать цѣпь вокругъ форштадта или садовъ. Всѣмъ чинамъ отряда, сказано было въ диспозиціи, наблюдать, чтобы солдаты при штурмѣ щадили женщинъ, дѣтей и отсылали ихъ въ очищенныя отъ непріятеля башни, къ которымъ приказано было княземъ Циціановымъ приставить сильные караулы для ихъ безопасности. Грабежъ до совершеннаго истребленія непріятеля строго запрещался.

---

[1]) См. планъ штурма крѣпости.

[2]) Шефскаго и маіора Лисаневича.

До земляной стѣны отрядъ долженъ былъ дойти съ крайнею тишиною, что легко было исполнить, такъ какъ окружавшіе сады и заборы дозволили, при блокированіи крѣпости, расположить войска на ближайшій выстрѣлъ.

Половина 6-го часа утра назначалась для начала движенія колоннъ къ штурму, чтобы, пользуясь темнотою ночи, можно было приставить лѣстницы къ земляной городской стѣнѣ.

Диспозиція была исполнена съ точностію; колонны подошли такъ тихо, что огонь изъ крѣпости былъ открытъ тогда, когда наши солдаты были не далѣе какъ въ 15 саженяхъ отъ земляной стѣны, за которою впрочемъ оказалась другая—каменная. Непріятель началъ кидать въ атакующихъ каменья и стрѣлы, а между земляным валомъ и каменною стѣною бросалъ «подсвѣты», сдѣланные изъ свернутыхъ бурокъ, обмокнутыхъ въ нефть и зажженныхъ для освѣщенія штурмующихъ. Полковникъ Карягинъ, отдѣливъ на фальшивую атаку небольшой отрядъ, самъ хотя и не долженъ былъ приступать къ штурму, прежде чѣмъ услышитъ на стѣнахъ барабанный бой колонны генералъ-маіора Портнягина, но, видя вредъ, причиняемый удачными выстрѣлами непріятеля, кинулся на лѣстницы и успѣлъ взойти на стѣну прежде колонны генералъ-маіора Портнягина. Отсюда Карягинъ отправилъ вдоль по стѣнѣ маіора Лисаневича, съ баталіономъ его имени, который прежде всего овладѣлъ двумя башнями, изъ коихъ на одной былъ убитъ самъ Джевадъ-ханъ [1]), а затѣмъ отворилъ ворота.

Первая колонна, т. е. генералъ-маіора Портнягина, не имѣла сначала такого успѣха. Сдѣланная въ земляной стѣнѣ наканунѣ штурма брешь указала непріятелю мѣсто главной атаки, а потому Джевадъ-ханъ сосредоточилъ всѣ свои силы противъ этого пункта и заставилъ Портнягина оставить путь чрезъ брешь, а штурмовать крѣпость также при помощи лѣстницъ, два раза приставляемыхъ къ земляному валу. Генералъ-маіоръ Портнягинъ первый взлѣзъ на стѣну, а за нимъ послѣдовалъ весь отрядъ и овладѣлъ тремя башнями.

---

[1]) Сѣвъ верхомъ на самую большую пушку изъ находившихся въ крѣпости, Джевадъ-ханъ съ саблею въ рукахъ защищался до тѣхъ поръ, пока не былъ изрубленъ. См. Зубова: «Подвиги русскихъ въ странахъ кавказск.», ч. I, стр. 50.

«Титло храбраго, доносилъ князь Цициановъ, не я даю генералъ-маіору Портнягину, а солдаты, имъ предводимые, единогласно въ войскѣ возглашали послѣ штурма.»

Овладѣвъ всѣми башнями, войскамъ пришлось спускаться въ городъ по каменной стѣнѣ высотою въ четыре сажени. Шести въѣздовъ на башни не доставало «нетерпѣливости побѣдоноснаго войска», которое, не смотря на то, что снизу производился сильный ружейный огонь, перетаскивало съ наружной стороны стѣны 14-ти-аршинныя лѣстницы и спускалось въ городъ.

Въ городѣ, между тѣмъ, смятеніе было ужасное. Толпы татаръ, пѣшихъ и конныхъ, въ безпорядкѣ толкались по улицамъ, ища ханскаго бунчука, «воинственнаго ихъ маяка.» Жены собрались на площадь и своимъ крикомъ оглашали воздухъ. Солдаты очищали городъ отъ непріятеля. Къ полудню было уже все тихо. Всѣ улицы были покрыты мертвыми тѣлами. «Солдаты съ лошадей снимали золотые уборы....» [1]).

Такимъ образомъ, ганжинская крѣпость, почитавшаяся лучшею во всемъ Адербейджанѣ, не устояла противъ русскихъ войскъ и пала передъ ними полтора часа спустя послѣ начала штурма. Джевадъ-ханъ и его средній сынъ Гуссейнъ-Кули-ага пали жертвою своего упорства. Но, къ чести нашихъ солдатъ, ни одна изъ 8,600 женщинъ, взятыхъ ханомъ въ городъ изъ деревень, въ залогъ вѣрности ихъ мужей, и ни одинъ младенецъ не погибли. «Человѣколюбіе и повиновеніе моему приказанію, писалъ князь Цициановъ [2]), доселѣ при штурмахъ неслыханное.»

«Женщины и младенцы, ждавшіе необходимой при штурмахъ смерти, обезоружили неукротимыхъ, такъ сказать, львовъ, а вѣра, къ довершенію сего, погасила въ нихъ лютость, когда защищающіеся, видя ихъ уже сошедшими въ городъ, кинули ружья и даже самые татары начали креститься. Только въ одномъ мѣстѣ города пролилась кровь рѣкою. До 500 человѣкъ татаръ засѣли въ мечеть, съ тѣмъ, можетъ быть, чтобъ сдаться побѣдителямъ, но одинъ армянинъ сказалъ нашимъ солдатамъ, что между ними

[1]) См. «Взятіе Ганжи», Муханова. «Москов. Телеграфъ», 1825 г., т. V.

[2]) Рап. кн. Цицианова Государю Императору 3-го и 10-го января 1804 г. «Кавказъ» 1851 г., № 61, «Тифлисск. Вѣдомости» 1829 г.

есть нѣсколько человѣкъ дагестанскихъ лезгинъ. Одно названіе лезгинъ было сигналомъ смерти всѣхъ бывшихъ въ мечети.»

Два сына ханскихъ, старшій и младшій, при самомъ началѣ штурма, перелѣзли чрезъ стѣну и, спустясь по веревкѣ, скрылись. Такая оплошность съ нашей стороны произошла отъ малочисленности въ отрядѣ кавалеріи. Татарской же конницы хотя и было достаточно, «но она, писалъ князь Циціановъ, ни къ какой вѣрной службѣ, кромѣ грабежа, неспособна».

Сыновья Джевадъ-хана пробрались, какъ впослѣдствіи оказалось, къ Ибраимъ-хану шушинскому (карабагскому), отъ котораго князь Циціановъ и требовалъ ихъ.

Ганжа держала всегда въ страхѣ весь Адербейджанъ и крѣпость ея считалась между азіятцами оплотомъ отъ всякихъ на нихъ покушеній. Ганжа была стратегическимъ ключомъ всѣхъ сѣверныхъ провинцій Персіи. Вотъ почему князь Циціановъ считалъ пріобрѣтеніе ея столь важнымъ.

«Мѣстное положеніе ганжинской крѣпости, писалъ онъ, повелѣваетъ всѣмъ Адербейджаномъ.

«Вотъ почему сіе завоеваніе первой важности для Россіи. Что касается до меня, то я еще не пришелъ въ себя отъ трудовъ, ужасной картины кровопролитнаго боя, радости и славы. Счастливый штурмъ есть доказательство моральнаго превосходства русскихъ надъ персіянами, и того духа увѣренности въ побѣдѣ, который питать и воспламенять въ солдатахъ считаю первою моею цѣлью [1].»

Потеря непріятеля состояла въ 1,500 человѣкъ убитыми [2]) и взятыми въ плѣнъ 8,585 мужчинъ и 8,639 женщинъ. Ганжинская крѣпость въ добычу намъ доставила: 9 мѣдныхъ и 3 чугунныхъ орудія, 6 фальконетовъ и 8 знаменъ съ надписями [3]), 55 пудовъ пороху и большой хлѣбный запасъ.

Съ нашей стороны убито: 3 офицера и 35 человѣкъ нижнихъ

---

[1]) Изъ частнаго письма кн. Циціанова отъ 4-го января 1804 года.

[2]) По свидѣтельству Зубова, число убитыхъ простиралось до 1,750 человѣкъ. «Подв. рус. въ стран. кавказс.», ч. I, стр. 51.

[3]) Рап. кн. Циціанова Государю Императору 10-го января 1804 г. Воен. Учен. Арх., д. № 2416. Также см. «Московскій Телеграфъ» 1825 г., ч. V.

чиновъ; ранено: 12 штабъ и оберъ-офицеровъ и 192 человѣка нижнихъ чиновъ.

Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ при штурмѣ Ганжи, приведено было къ князю Цицiанову ханское семейство въ весьма жалкомъ видѣ, что и вынудило выдать имъ тотчасъ изъ экстраординарной суммы 900 руб., отвести имъ домъ на форштатѣ и купить у штурмовавшихъ на счетъ грузинской экстраординарной суммы: ковровъ, одѣялъ и прочихъ вещей. Не ограничиваясь этимъ, князь Цицiановъ приказалъ выдать ханскому семейству изъ хлѣбнаго запаса 30 четвертей пшеницы и по 20 четвертей какъ сорочинскаго пшена, такъ и проса.

Первая ханская жена Бегумъ, родная сестра нухинскаго (шекинскаго) Мамедъ-хана, просила князя Цицiанова, чтобы ее съ дочерью отпустили къ брату, который просилъ о томъ же. Говоря, что никогда не оказывалъ съ своей стороны ни вражды, ни сопротивленiя русскому правительству, Мамедъ-Хассанъ-ханъ просилъ сдѣлать одолженiе и въ знакъ дружбы отпустить къ нему семейство убитаго хана, оставшееся безъ всякаго призрѣнiя и помощи [1]).

«Письмо ваше, отвѣчалъ князь Цицiановъ [2]), я получилъ, на которое буду отвѣтствовать по статьямъ. Пишете, что *извѣстились о взятiи Ганжинской крѣпости побѣдоносными войсками* всероссiйскими [3]), да для чего же не поздравляете меня съ онымъ? Пишете, что *ханша мерзкаго и гордаго Джевадъ-хана есть ваша сестра и осталась безъ призрѣнiя,* то какъ вы думаете: чтобъ россiйскiе генералы, слѣдуя правиламъ милосердiя великаго своего Государя Императора, оставили бы сестру вашу безъ призрѣнiя? Я на другой день штурма приказалъ ей отнести 500 руб. [4]) и представлю его императорскому величеству всемилостивѣйшему моему государю о произведенiи ей пенсiи еже

---

[1]) Письмо Мамедъ-Хассанъ-хана князю Цицiанову 8-го января 1804 г. Воен. Учен. Арх., д. № 2416 (А).

[2]) Собственноручнымъ письмомъ отъ 9-го января 1804 года. Тамъ же.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ самимъ кн. Цицiановымъ.

[4]) Письмо это, помѣщенное на стр. 636 Акт. Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1277, нѣсколько отличается отъ подлинника, котораго мы держались съ буквальною точностью.

годно по смерть—слѣдовательно, она не безъ призрѣнія останется. А что ограбленъ городъ, такъ кто тому виною, кромѣ вашего зятя, которому о сдачѣ крѣпости пять разъ я предлагалъ на выгоднѣйшихъ условіяхъ, и онъ, не согласясь, принудилъ меня къ штурмованію, ибо россіяне не взявши крѣпости, которую облегаютъ, не умѣютъ отходить отъ нея. При каковомъ случаѣ ни какой азіятецъ такъ милосердо не поступилъ бы, какъ поступили войска, моему начальству ввѣренныя, сохраня мой приказъ, чтобъ ни женщинъ, ни ребятъ не убивали, и исполненіемъ сего осталось въ живыхъ въ городѣ обоего пола 17,000 особъ. Никто не смѣлъ увлекать въ плѣнъ, и всѣ на своихъ мѣстахъ остались. Теперь скажите, есть ли у васъ такія правила и есть ли въ васъ подобныя сердца? Татары грузинскіе болѣе дѣлали бѣдствія жителямъ, нежели россійскія войска. За всѣмъ тѣмъ, во удовольствіе самой ханши Бегумъ, отпускаю я къ вамъ ее и съ дочерью, а вашею племянницею, какъ вы о томъ просите.

«Вы пишете, *что со времени прибытія моего сюда отъ васъ сопротивленія и вражды высочайшему двору не дѣланы были* — да скажите, можете ли вы и подумать такой сильной и славою въ Европѣ и Азіи гремящей державѣ, какова россійская, дѣлать сопротивленія? Можетъ ли муха бороться съ орломъ или заяцъ со львомъ? Будьте увѣрены, что отъ меня зависитъ только приказать, и тогда Нухинскаго ханства такъ же не будетъ, какъ и Ганжинскаго. Вѣрьте Богу, въ коего я вѣрую, что противники великаго и Богомъ вознесеннаго моего всемилостивѣйшаго Государя Императора или какъ мухи въ крови своей потонутъ, или какъ зайцы разбѣгутся и изъ куста выглядывать будутъ.

«Итакъ, не услуги свои долженствовало бы вамъ мнѣ предлагать, а прислать просить покровительства и подданства всероссійскаго, и не писать, что Мирза-Аскеръ препорученіе донесетъ. Кто словесно доноситъ о такихъ важныхъ для васъ дѣлахъ? Или по персидскимъ правиламъ поступая, думаете, что отъ словъ отпереться можно, какъ многіе ханы дѣлывали? Но россіянинъ въ обманъ отдаваться не умѣетъ. Наконецъ, такъ какъ вы называете милостивымъ меня вашимъ пріятелемъ, то я долженъ попріятельски вамъ и посовѣтовать, чтобъ вы, не считая гордостію

что либо выиграть, искали бы и просили письмено о подданствѣ всероссійскомъ—тогда счастіе ваше будетъ вѣрно и твердо.»

Согласившись отпустить въ Нуху семейство ганжинскаго хана, князь Циціановъ разсчитывалъ, что этимъ поступкомъ и неслыханнымъ, по обычаямъ края, снисхожденіемъ возбудится привязанность къ кротости и милосердію русскаго правленія. Дѣйствительно, какъ въ Грузіи, такъ и въ сосѣдствѣ съ Ганжею разсказывали объ этомъ, какъ о происшествіи небываломъ, прибавляя, что всѣ персіяне, захваченные даже въ прежнихъ случаяхъ, освобождены и что ни грузины, ни русскіе не увлекли ихъ съ собою, по обычаю, искони существующему въ Азіи [1]).

Для полнаго убѣжденія ганжинскихъ жителей въ томъ, что русскія войска не только не оставятъ крѣпости, какъ это часто случалось прежде, но что и весь край останется навсегда въ подданствѣ Россіи, князь Циціановъ полагалъ необходимымъ дать Ганжѣ русское имя, «и если ваше императорское величество, писалъ онъ, удостоить соизволите сіе всеподданнѣйшее мое представленіе высочайшей апробаціи, то дерзаю испрашивать украсить оный священнымъ именемъ ея императорскаго величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны подъ названіемъ: *Елисаветполь.*»

Согласившись на перемѣну названія, императоръ Александръ приказалъ даровать всѣмъ жителямъ Елисаветпольскаго округа льготу на одинъ годъ отъ вноса въ казну податей [2]). Князь же Циціановъ приказалъ объявить въ Грузіи и въ новопокоренномъ ханствѣ, что кто чрезъ мѣсяцъ послѣ обнародованія или съ 1-го апрѣля станетъ въ прошеніяхъ или актахъ называть покоренный городъ Ганжею, а не Елисаветполемъ, съ того взыскивать по одному рублю штрафа [3]).

Мы сказали, что два ханскихъ сына бѣжали во время атаки, и какъ сначала думали къ самухскому владѣльцу, зависѣвшему отъ Ганжи.

---

[1]) См. «Славянинъ», 1827 г., т. I, кн. XII, стр. 217.
[2]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 50, № 71.
[3]) Предложеніе кн. Цицiанова исполнительной экспедиціи 3-го марта 1804 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1194.

«Шеримъ-Беку, писалъ къ нему по этому случаю князь Цицiановъ [1]), со мною, высокославныхъ россiйскихъ войскъ главнымъ начальникомъ, переписываться и пересылать пословъ некстати и низко для меня, а вы должны были тотчасъ сами прiѣхать съ покорностiю. Когда вы боялись Джевадъ-хана, какъ же вы меня не боитесь? И какъ вы смѣли принять къ себѣ дѣтей его, бѣжавшихъ отсюда, которыхъ вы должны безъ всякой отговорки сюда представить. Имъ худа не будетъ сдѣлано. Если бы отецъ ихъ послушался меня и отдалъ бы мнѣ крѣпость, то онъ остался бы здѣсь ханомъ на вѣки. Оставьте всѣ персидскiе обманы. Прiѣзжайте тотчасъ съ покорностiю ко мнѣ и привезите дѣтей ханскихъ; тогда я приведу васъ къ присягѣ и въ подданные его величества. А если вы замедлите, то я васъ и на землѣ и въ водѣ найду. Вспомните только то, что я слово свое держать умѣю; сказалъ, что Джарскую провинцiю сокрушу,—и сокрушилъ; сказалъ, что царскую фамилiю, раздирающую Грузiю, изъ Грузiи вывезу,—и вывезъ; сказалъ, что Ганжу возьму,—и взялъ. Теперь судите: можете ли вы равняться съ нами? И неужели вы думаете, что повѣрю вашимъ отговоркамъ? Впрочемъ, васъ увѣряю, что будете довольны русскимъ правленiемъ и моимъ прiемомъ, если вы только черезъ день прiѣдете, для того, что послѣ мнѣ дожидаться васъ некстати будетъ.»

Письмо это оказало свое дѣйствiе. Тотчасъ послѣ взятiя Ганжи, самухскiй владѣлецъ Шеримъ-Бекъ, зависѣвшiй отъ хана ганжинскаго, имѣвшiй въ своемъ владѣнiи не болѣе 400 домовъ, прiѣхалъ къ князю Цицiанову съ просьбою принять его въ русское подданство. Князь Цицiановъ, привелъ его къ присягѣ и обложилъ податью въ 1,000 червонныхъ въ годъ [2]).

По полученiи донесенiя о взятiи Ганжи, императоръ Александръ I произвелъ князя Цицiанова въ генералы отъ инфантерiи [3]). Разсчитывая на полученiе ордена св. Георгiя 2-го класса, князь Цицiановъ считалъ себя обиженнымъ этою наградою и подъ предлогомъ болѣзни просилъ объ увольненiи его отъ должности.

---

[1]) «Московск. Телеграфъ», 1825 г., час. V, стр. 249.

[2]) Рап. кн. Цицiанова Государю Императору 10-го января.

[3]) Высочайшее повелѣнiе 4-го февраля 1804 г и рескриптъ отъ 9-го февраля.

«Извѣстіе о взятіи Ганжи, писалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Александръ [1]), подаетъ мнѣ новый и пріятный случай изъявить вамъ искреннюю благодарность мою за труды ваши на пользу отечества; обстоятельства же, сопровождавшія сіе завоеваніе, усугубляютъ удовольствіе, причиненное мнѣ симъ событіемъ. Похваляя мѣры кротости, которыя вы предпочтительно употребить желали, не менѣе одобряю строгое средство, вынужденное упорствомъ Джевадъ-хана. Россійскимъ воинамъ, всегда побѣждать пріобыкшимъ, неприлично было бы уступить надменности азіятской, и примѣръ таковый, возгордя прочихъ владѣльцевъ той страны, предназначенныхъ въ подданство Имперіи, представилъ бы, конечно, впослѣдствіи трудности въ совершеніи плана, вамъ въ руководство даннаго. А потому, признавъ необходимость жестокой мѣры приступа, остается мнѣ только воздать должную похвалу храбрости войскъ, въ дѣйствіи семъ подвизавшихся, и радоваться, что человѣколюбіе обуздало запальчивость, съ таковымъ подвигомъ нераздѣльно сопряженную. День сей да послужитъ примѣромъ на грядущія времена, и мечъ россіянъ, наказуя однихъ съ ними борющихся, да отвратится отъ невинныхъ и обезоруженныхъ. Поведеніе войскъ въ семъ случаѣ относя къ благоразумному начальству вашему, пріятно мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое за то удовольствіе и поручить вамъ объявить благоволеніе мое всѣмъ чинамъ и рядовымъ, подъ Ганжею находившимся. Должное же награжденіе отличившимся опредѣлю я по полученіи подробныхъ отъ васъ о дѣлѣ семъ донесеній.

«Болѣзнуя сердечно о жертвахъ, принесенныхъ упорствомъ Джевадъ-хана, и сожалѣя о собственной его и сына его участи, увѣренъ я, что попечительность ваша о раненыхъ сохранитъ для Имперіи и воиновъ ея и новыхъ подданныхъ. Одобряя требуемую вами отъ Шеримъ-бека выдачу укрывшихся у него двухъ сыновъ Джевадъ-хана, нужнымъ почитаю, чтобы они отправлены были на житье внутрь Россіи, гдѣ найдутъ они и безопасность, и безнужное содержаніе, что и представлю вашему распоряженію.

«Въ перепискѣ своей съ вами ханъ ганжинскій упоминаетъ

---

[1]) Высоч. рескриптъ отъ 5-го февраля. С.-Пет. Арх. Минист. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1803—4 гг., № 4.

о чиновникѣ персидскомъ и персидскихъ войскахъ, при немъ находившихся; буде таковыя окажутся, небезполезно было бы удалить ихъ отъ театра операцій вашихъ, и вообще оставляя обывателей въ жилищахъ ихъ, переселять служащихъ въ войскахъ хановъ по сю сторону Кавказскихъ горъ.

«Случившееся съ Ганжею и порученное генералъ-маіору Гулякову наказаніе Джарской провинціи, за вѣроломство ея, покажутъ достаточно народамъ страны сея, чего они ожидать имѣютъ и отъ милосердія россіянъ, и отъ прещенія (?) ихъ за несоблюденіе доброй вѣры и невыполненіе обѣщаннаго. Я не сомнѣваюсь, что, обратясь теперь на Имеретію, не совершили бы вы съ равнымъ успѣхомъ присоединенія царства сего къ Россійской Имперіи. Устроивъ же, чрезъ побережныя владѣнія Мингреліи, сообщеніе съ Тавридою, свяжете весь сей край крѣпчайшимъ узломъ съ метрополіею, и тогда исчезнутъ всѣ препятствія, наносимыя поясомъ Кавказскихъ горъ, ущелья коихъ служили донынѣ единственнымъ путемъ.

«Разныя отношенія ваши, на имя государственнаго канцлера писанныя, мнѣ поднесены были. Извѣстіе о дѣлахъ персидскихъ, между оными находящееся, вамъ отъ генералъ-маіора Завалишина доставленное, заслуживаетъ особливое вниманіе и показуетъ, что чѣмъ быстрѣе будетъ теченіе происшествій, имѣющихъ покорить Россійской Имперіи страны, орошаемыя Курою и Араксомъ, тѣмъ благонадежнѣе успѣхъ сихъ предпріятій нашихъ. Дѣятельность ваша и усердіе служатъ мнѣ залогомъ, что вы не упустите воспользоваться обстоятельствами, нудящими нынѣ Баба-хана пещись о сохраненіи собственной его власти и сокровищей, и тѣмъ самымъ отвлекающимъ вниманіе его отъ Адербейджана и областей, по западному берегу Каспійскаго моря лежащихъ, чтобы довершить предначатое и постановить въ краѣ семъ твердую ногу, прежде нежели владѣтель сей въ состояніи будетъ представить тому препоны. Если для совершенія онаго потребнымъ найдете вы усилить себя войскомъ и денежнымъ пособіемъ, донесите мнѣ о томъ и будьте увѣрены, что все, что возможно, вамъ доставлено будетъ безъ отлогательства.»

Устроивши въ Елисаветполѣ временной лазаретъ для раненыхъ,

для леченія которыхъ выписаны были доктора изъ Тифлиса, и оставивши въ Елисаветполѣ шефа 17-го егерскаго полка, полковника Карягина, съ полкомъ для обороны какъ крѣпости, такъ и всего владѣнія [1]), самъ князь Циціановъ спѣшилъ въ Тифлисъ для окончанія переговоровъ съ Соломономъ II, царемъ имеретинскимъ.

X.

Принятіе Имеретіи въ подданство Россіи.—Переговоры съ царемъ Соломономъ.—Условія подданства.—Присоединеніе Гуріи къ Россіи.

Пока продолжалась неудачная поѣздка князя Леонидзе въ С.-Петербургъ, вблизи Имеретіи произошли весьма важныя событія: тамъ пала Ганжинская крѣпость, взятая штурмомъ русскими войсками. Извѣстіе о паденіи Ганжи такъ потрясло сосѣдей Грузіи, что большая часть хановъ считала своею обязанностію отправить посольства къ князю Циціанову съ разными заявленіями, преимущественно выражавшими кротость, смиреніе и кажущуюся готовность исполнить желаніе русскаго правительства. Въ числѣ озадаченныхъ паденіемъ Ганжи былъ и имеретинскій царь Соломонъ, еще болѣе струсившій, когда узналъ о приближеніи Кавказскаго гренадерскаго полка къ границамъ его владѣній и получилъ извѣстіе, что самъ главнокомандующій въ непродолжительномъ времени прибудетъ въ Сурамъ, находившійся всего въ 50 верстахъ отъ границъ Имеретіи. Хотя поѣздка князя Циціанова и не состоялась, но одно только обѣщаніе побывать въ Сурамѣ имѣло уже значительное вліяніе на ходъ дѣла. Соломонъ сталъ теперь прибѣгать къ помощи всѣхъ, кого только могъ привлечь на свою сторону, и пріискивать такихъ лицъ, которыя могли бы заступиться за него и замолвить доброе слово князю Циціанову [2]). Многіе грузинскіе князья были употреблены для этой цѣли царемъ

---

[1]) Рапортъ кн. Циціанова Государю Императору 10-го марта. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—13, 1803—4, № 4.

[2]) Князь Циціановъ канцлеру гр. Воронцову 22-го февраля 1804 г., № 112. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1803—11 гг., № 4.

имеретинскимъ и нельзя сказать, что безуспѣшно, потому что главнокомандующій не отвергалъ ихъ исканій. По просьбѣ задобренныхъ Соломономъ лицъ, князь Цицiановъ вошелъ какъ бы насильно въ переписку съ княземъ Кайхосро Церетели, первымъ любимцемъ и сардаремъ царя, которому, подъ видомъ откровенности, писалъ, что получилъ повелѣніе силою покорить Имеретинское царство. Главнокомандующій раскрывалъ передъ Церетели всю гибель, которую готовитъ себѣ Соломонъ своимъ упорствомъ, и все благополучіе и блаженство, котораго онъ можетъ достигнуть обратнымъ поведеніемъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ [1]).

«Долженъ вамъ сказать, писалъ князь Цицiановъ Койхосро Церетели [2]), что буря угрожаетъ Имеретіи съ сѣвера, но она можетъ отвращена быть одною покорностію его высочества царя Соломона имеретинскаго, и тогда все будетъ окончено миролюбно, возсіяетъ солнце яснѣе прежняго надъ царствомъ Имеретинскимъ; тогда царствованіе царя Соломона имеретинскаго не помутится ни на единый часъ его жизни, которая и сѣдиною украсится на его безвредномъ престолѣ, въ чемъ Бога живаго беру въ поручительство.

«Наконецъ, не долженъ утаить передъ вашимъ сіятельствомъ и того, что нужнѣе всего его высочеству закрыть уши отъ здѣшнихъ грузинскихъ безпокойныхъ вѣстниковъ и не ставить себѣ грузинскихъ царевичей примѣромъ, ибо девять совмѣстниковъ къ грузинскому престолу на пагубу разоренной земли и древней по православію оставить было не можно, хотя мѣра сія противна была человѣколюбивому и милосердому сердцу его императорскаго величества всемилостивѣйшаго Государя моего, хотя мѣра сія есть противорѣчуща правиламъ Всероссійской Имперіи, не прикосновеннымъ коварству и обманамъ».

Письменные переговоры не мѣшали другимъ, веденнымъ изустно. Шестидесятилѣтній грузинскій князь Георгій Абашидзе, до самой присяги имеретинскаго царя, не сходилъ съ лошади, поминутно

---

[1]) Князь Цицiановъ канцлеру гр. Воронцову 22-го февраля 1804 г., № 112. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—10, 1803—11, № 4.

[2]) Отъ 7-го февраля 1804 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 367, № 734.

ѣздя въ Кутаисъ и обратно, для изустныхъ переговоровъ съ обѣими сторонами. Онъ былъ тестемъ князя Церетели, и потому употребленъ княземъ Цицiановымъ для переговоровъ. Соломонъ говорилъ, что если будетъ удостовѣренъ, что останется царемъ, тогда онъ согласится на всѣ условiя. Главнокомандующiй въ отвѣтъ на это требовалъ, чтобы царь къ прiѣзду его въ Сурамъ выслалъ князя Кайхосро Церетели съ поздравленiемъ о взятiи Ганжи и съ полномочiемъ вести переговоры о подданствѣ.

— Если Соломонъ II, говорилъ князь Цицiановъ, согласится на всѣ статьи, ему предлагаемыя, и сохранитъ обязанности вѣрноподданнаго, то я обѣщаю, по обычаю азiятскому, поклясться въ томъ, что онъ останется царемъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы овладѣть Имеретiею силою оружiя, дѣла принимали такой оборотъ, что она могла быть присоединена къ Россiи путемъ мирныхъ переговоровъ и незначительною уступкою съ нашей стороны, т. е. оставленiемъ Соломона царемъ имеретинскимъ. Князь Цицiановъ находилъ въ такомъ оставленiи даже нѣкоторую выгоду для Россiи. По его мнѣнiю, «оставляя царей, при мнимомъ ихъ царствѣ, въ совершенномъ подданствѣ Россiи, на условiяхъ, выгоды ей доставляющихъ, Имперiя ограждается отъ издержекъ, требуемыхъ введенiемъ россiйскаго правленiя».

Предпочитая добровольную уступку и согласiе всякому прiобрѣтенiю съ боя, главнокомандующiй весьма охотно принялъ имеретинскихъ пословъ, князя Кайхосро Церетели и князя Сехнiя Цулукидзе, прибывшихъ въ городъ Гори поздравить князя Цицiанова отъ имени царя съ одержанною имъ побѣдою [1]). Представленное ими письмо Соломона заключало въ себѣ также поздравленiе вмѣстѣ съ упреками о томъ, что Цицiановъ не извѣстилъ его «о столь знаменитой побѣдѣ, въ коей какъ по единовѣрiю, такъ и по преданности къ Россiи» онъ принимаетъ столь живое участiе. Въ концѣ письма царь говорилъ, что присланные имъ князья передадутъ изустно всѣ его мнѣнiя и желанiя.

Сколько ни неудобенъ этотъ азiятскiй обычай вести перего-

[1]) Князь Цицiановъ князю Чарторижскому 10-го марта 1804 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

воры изустно, но, такъ какъ онъ былъ повсемѣстно принятъ, то князь Цицiановъ долженъ былъ на него согласиться и начать переговоры. Посланные объявили, что Соломонъ желаетъ вступить въ подданство Россiи, съ тѣмъ однакоже, чтобы остаться царемъ и чтобы была оставлена въ его владѣнiи Лечгумская область, отнятая имъ у Дадiана мингрельскаго. Согласившись на первое, князь Цицiановъ не соглашался на второе. Это вызвало длинный, упорный разговоръ съ обѣихъ сторонъ, кончившiйся тѣмъ, что посланные объявили невозможность вести переговоры далѣе, не бывъ уполномочены согласиться на возвращенiе Лечгума князю Дадiану.

Они просили, чтобы главнокомандующiй отправилъ вмѣстѣ съ ними своего чиновника къ Соломону, обѣщаясь, съ своей стороны, оказать полное содѣйствiе и старанiе къ удовлетворительному окончанiю переговоровъ [1]). По выбору главнокомандующаго, поручикъ лейбъ-гвардiи Преображенскаго полка и камергеръ графъ Воронцовъ [2]), со свитою, отправленъ былъ къ царю Соломону.

Онъ везъ съ собою проектъ прошенiя Соломона къ императору Александру, въ которомъ заключались условныя статьи подданства, и получилъ приказанiе, не соглашаясь на перемѣну въ нихъ ни одного слова, возвратиться непремѣнно черезъ 15 дней, т. е. къ 24-му марта [3]).

Посылка эта должна была окончательно рѣшить вопросъ о томъ, вступятъ ли русскiя войска въ Имеретiю дружелюбно, или съ мечомъ въ рукахъ.

«Твердость сего молодаго офицера, доносилъ князь Цицiановъ [4]), исполненнаго благородныхъ чувствованiй и неустрашимости безпримѣрной, рвенiе къ службѣ вашего императорскаго величества и желанiе отличиться онымъ удостовѣряютъ меня, что поѣздка его будетъ небезъуспѣшная.» Къ сожалѣнiю, надежда эта не подтвердилась. Не смотря на неоднократныя требованiя аудiенцiи у царя, графъ Воронцовъ едва могъ того добиться. 20-го марта по-

[1]) См. Акты Кав. Археогр. Комм., т. II, стр. 369.

[2]) Впослѣдствiи князь и намѣстникъ Кавказа.

[3]) Князь Цицiановъ князю Чарторижскому 10-го марта, № 129.

[4]) Рапортъ князя Цицiанова Г. И. 10-го марта 1804 г. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.

полудни онъ былъ призванъ, наконецъ, къ Соломону и, послѣ долгаго разговора, получилъ въ отвѣтъ, что царь не можетъ подписать пункты, обозначенные въ прошеніи, а желаетъ просто присягнуть на вѣрность Государю Императору безъ всякихъ пунктовъ [1]). Графъ Воронцовъ отвѣчалъ, что одного безъ другаго принять не можетъ. Соломонъ хотѣлъ писать князюЦиціанову о причинахъ, побудившихъ его придти къ такому рѣшенію, но графъ Воронцовъ отказался принять это письмо для доставленія и объявилъ, что послѣ этого и главнокомандующій ни въ какіе переговоры съ нимъ не вступитъ. Имеретинскій царь отвѣчалъ, что, сознавая свою трудность борьбы съ Россіею, онъ все-таки не можетъ подписать условія, выполнить которыя онъ не въ состояніи.

«Не нужно изъяснять мнѣ вашему сіятельству, писалъ графъ Воронцовъ, сколько я огорченъ тѣмъ, что посылка моя сюда была неудачна, но видно Богу угодно истребить родъ Багратіоновъ, вездѣ, гдѣ оный ни находится.»

Получивши свѣдѣнія объ отказѣ Соломона подписать условія, князь Циціановъ потребовалъ къ себѣ находившагося въ Тифлисѣ князя Леонидзе, какъ для личныхъ съ нимъ переговоровъ, такъ и для отправленія его къ царю съ самымъ рѣшительнымъ требованіемъ, за которымъ должно было послѣдовать вступленіе нашихъ войскъ въ Имеретію.

Человѣкъ слабаго характера, Соломонъ находился во власти нѣкоторыхъ князей, вертѣвшихъ имъ по своему произволу. Не въ силахъ будучи избавиться отъ ихъ вліянія, Соломонъ не могъ рѣшиться на вступленіе въ подданство Россіи противъ воли совѣтниковъ, вѣрныхъ ему только до тѣхъ поръ, пока царь дѣйствовалъ въ ихъ духѣ и сообразно ихъ видамъ. Привыкшіе къ произволу и своеволію, они естественно не желали вступать въ подданство Россіи, а родъ феодальнаго правленія въ Имеретіи былъ причиною того, что царь очень часто не имѣлъ власти надъ князьями, и былъ безсиленъ заставить ихъ исполнить свою волю, если она была несогласна съ ихъ видами. Въ такихъ случаяхъ князья отлагались отъ власти царя и объявляли себя независимыми, «а

---

[1]) Рапортъ графа Воронцова князю Циціанову 21-го марта. Арх. Мин. Инос. Дѣлъ, 1—10, 1803—11 гг., № 4.

потому нужнымъ я счелъ, писалъ князь Ціциановъ въ одномъ изъ своихъ донесеній [1]), передъ вступленіемъ въ Имеретію, отправить авангардъ изъ золота и серебра, для прельщенія, считая, что можетъ быть симъ средствомъ дружелюбно можно будетъ вступить въ оную».

Одновременно съ этимъ князь Леонидзе получилъ ноту [2]), въ которой главнокомандующій писалъ, что неудачные переговоры графа Воронцова съ царемъ относительно условій, служащихъ основаніемъ вступленія въ подданство Россіи имеретинскаго царя, заставили его рѣшиться прибѣгнуть къ силѣ и оружіемъ достигнуть того, чего нельзя было достичь переговорами. Онъ указывалъ Соломону, что для избѣжанія отъ гибели ему нѣтъ другой дороги какъ та, чтобы безусловно согласиться на предложенія, ему дѣлаемыя, и вступить въ подданство Россіи со всѣмъ своимъ царствомъ. Для исполненія послѣдней цѣли, князь Ціциановъ приглашалъ Соломона выѣхать на границу съ нѣсколькими князьями для свиданія съ нимъ и личнаго заключенія условій. Для доставленія окончательнаго отвѣта князю Леонидзе дано было восемь дней срока, считая тутъ проѣздъ въ Кутаисъ и обратно. Въ случаѣ согласія, Соломонъ долженъ былъ выслать для встрѣчи войскъ одного изъ самыхъ почетнѣйшихъ князей и выставить на пути 200 воловъ, для перевозки тяжестей, за которыхъ обѣщана плата по 1 р. 50 к. за вола.

«Князь Ціциановъ, говорилось въ нотѣ, не можетъ умолчать о томъ, что, зная сколь великое вліяніе имѣютъ князья имеретинскіе въ совѣтахъ царскихъ, съ прискорбіемъ провидитъ, что они, противными сему предложенію совѣтами, разлучаютъ себя навѣки съ своимъ отечествомъ, гдѣ родились и возрасли.»

Чтобы склонить князей на свою сторону, отправленъ былъ въ Кутаисъ, вмѣстѣ съ княземъ Леонидзе, грузинскій князь Георгій Абашидзе съ тайными предложеніями, заключавшимися въ обѣщаніи денегъ тѣмъ лицамъ, которыя будутъ способствовать благопріятному исходу переговоровъ.

Сколь настойчиво не были ведены переговоры съ имеретин-

---

[1]) Кн. Ціциановъ кн. Чарторижскому 23-го марта 1804 г.

[2]) Отъ 30-го марта 1804 г. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, 1—13, 1803—12 гг., № 7.

скимъ царемъ, они не могли принять благопріятнаго для насъ исхода до тѣхъ поръ, пока были безкорыстны. Князь Абашидзе съ 10,000 рублей измѣнилъ ходъ переговоровъ; онъ подкупилъ нѣкоторыхъ лицъ, приближенныхъ къ Соломону и имѣвшихъ вліяніе на дѣла. Неудачная поѣздка князя Леонидзе въ С.-Петербургъ, рѣшительное требованіе князя Циціанова и, наконецъ, совѣты подкупленныхъ лицъ заставили царя согласиться на свиданіе съ главнокомандующимъ [1]).

«Я поспѣшаю, писалъ Соломонъ [2]), лично васъ видѣть въ назначенномъ вами мѣстѣ и объявить изустно всю мою мысль и тайну сердца моего съ чистою, безковарною душою и тогда отдамъ себя со всею моею возможностію въ вѣчное рабство его императорскому величеству и поручу себя и царство мое отеческому благопопеченію вашему.»

Князь Циціановъ тотчасъ же отправился въ селеніе Вахань, послѣднее на границѣ Грузіи, и приказалъ отрядить туда же изъ Сурама комплектную роту 9-го егерскаго полка, съ однимъ орудіемъ. Царь Соломонъ прибылъ сначала въ крѣпость Чхери, а потомъ въ деревню Легованн, бывшую въ семи верстахъ отъ мѣста пребыванія князя Циціанова.

16-го апрѣля, пополудни, послѣдовало первое свиданіе, которое было, однако же, безуспѣшно, точно такъ же какъ и слѣдующее затѣмъ 19-го апрѣля, въ открытомъ полѣ, при урочищѣ Елазнаури. Пріѣхавъ съ назначеннымъ числомъ свиты съ обѣихъ сторонъ, договаривающіеся, послѣ весьма продолжительнаго совѣщанія, не пришли ни къ чему. Главнымъ предметомъ недоразумѣній была Лечгумская провинція, которую Соломонъ не соглашался уступить князю Дадіану мингрельскому. Имеретинскій царь просилъ, прежде окончанія переговоровъ, позволить ему составить совѣтъ. Получивъ это разрѣшеніе, онъ устранилъ себя совсѣмъ отъ переговоровъ и прислалъ, вмѣсто себя, депутатами князя Цулукидзе и двухъ князей Церетели, изъ коихъ одинъ былъ салтхуцесъ, а другой сардарь. Довѣренные просили оставить Лечгум-

---

[1]) Письмо кн. Абашидзе и Леонидзе къ князю Циціанову отъ 6-го апрѣля 1804 г. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ.

[2]) Переводъ письма царя Соломона кн. Циціанову. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ.

реговоровъ, не былъ передаваемъ во власть Дадіана мингрельскаго, пока имеретинскій царь не представитъ доказательствъ на право владѣнія этою областью и пока не послѣдуетъ на то высочайшей резолюціи.

Увѣряя всѣмъ, что было для него свято, что Лечгумъ всегда принадлежалъ Имеретіи, а не Мингреліи, Соломонъ въ томъ же письмѣ приложилъ письменныя условія, на которыхъ полагалъ войти въ подданство Россіи. Обѣщая поступать во всемъ не иначе какъ «по приказанію и спросу» главнокомандующаго, имеретинскій царь просилъ оставить его самовластнымъ правителемъ народа, предоставить ему судъ и расправу; награжденіе и наказаніе его подданныхъ; просилъ, чтобы русскія войска, которыя будутъ находиться въ Имеретіи, исполняли всѣ его приказанія и, наконецъ, чтобы власть русскаго правительства не простиралась на Гурію [1]). Относительно царевича Константина имеретинскій царь предоставлялъ на волю главнокомандующаго или оставить у него, или взять къ себѣ, но въ послѣднемъ случаѣ не требовать отъ него возвращенія имѣній царевичу. Князь Циціановъ отвѣчалъ, что относительно царевича Константина онъ объяснилъ уже свои виды уполномоченнымъ царя и не имѣетъ надобности излагать письменно; всѣ же остальные пункты, предложенные Соломономъ, могутъ быть постановлены согласно съ желаніемъ царя имеретинскаго [2]).

Въ полдень 23-го апрѣля Соломонъ назначилъ свиданіе съ главнокомандующимъ, для принятія присяги и подписи трактата подданства, но при непремѣнномъ условіи, чтобы о Лечгумѣ было написано такъ, какъ онъ просилъ. Князь Циціановъ писалъ Соломону, что онъ удивляется требованіямъ его о Легчумѣ и тѣмъ болѣе послѣ послѣдняго письма, удовлетворяющаго пользамъ и желаніямъ царя.

«Итакъ, писалъ главнокомандующій [3]), съ прискорбіемъ я вижу, что вамъ неугодно согласиться ни на что, ибо присланные депутаты привезли ко мнѣ ваше писаніе, требующее отъ меня

---

[1]) Письмо имеретинскаго царя Соломона кн. Циціанову 21-го апрѣля 1804 г. Арх. Мпнис. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1803—12 гг., № 7.

[2]) Письмо кн. Циціанова царю Соломону 22-го апрѣля 1804 г.

[3]) Письмо кн. Циціанова царю Соломону того же числа.

скую провинцію за Иметретіею. Главнокомандующій не могъ согласиться на просьбу, такъ какъ провинція эта оставлена была уже у мингрельскаго владѣльца по послѣднему заключенному съ нимъ договору. На этотъ разъ переговоры были также безуспѣшны и окончательно прерваны. Прощаясь съ Соломономъ, князь Цицiановъ объявилъ ему, что, «къ сожалѣнію, видитъ себя въ необходимости имѣть съ нимъ уже другаго рода свиданіе, т. е. на ратномъ полѣ со шпагою въ рукахъ» [1]).

На слѣдующій день, 20-го апрѣля, рота егерей съ орудіемъ подъ начальствомъ подполковника князя Эристова, заняла ближайшую имеретинскую деревню Серабно, въ трехъ верстахъ отъ Вахани, гдѣ были тотчасъ собраны всѣ крестьяне, вмѣстѣ съ ихъ помѣщикомъ, и приведены къ присягѣ на вѣрность Россіи. Въ то же самое время генералъ-маіоръ Тучковъ, слѣдовавшій уже въ Имеретію, съ 19-го апрѣля, съ своимъ Кавказскимъ гренадерскимъ полкомъ [2]), получилъ приказаніе съ двумя баталіонами этого полка двинуться съ того мѣста, гдѣ застанетъ его приказаніе, на картахскую дорогу, ведущую въ Имеретію, и расположиться лагеремъ на границѣ Грузіи съ Имеретіею. Отсюда послать въ сосѣднія имеретинскія деревни сильный отрядъ, для склоненія обывателей къ присягѣ на вѣрность Россіи. Полковникъ Козловскій, посланный Тучковымъ, съ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе.

Занятіе имеретинскихъ деревень и новое стараніе князя Абашидзе, посланнаго главнокомандующимъ для переговоровъ, подъ предлогомъ прощанія съ зятемъ и успѣвшаго видѣться съ царемъ, заставили послѣдняго рѣшиться на возобновленіе свиданія. Соломонъ отправилъ тѣхъ же трехъ депутатовъ съ письмомъ къ князю Цицiанову, въ которомъ писалъ, что готовъ все сдѣлать по предложенію главнокомандующаго; готовъ присягнуть на подданство Россіи, но проситъ, чтобы по смерть былъ оставленъ царемъ Имеретіи, и чтобы Лечгумъ, какъ главная причина прекращенія пе-

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Цицiанова отъ 25-го апрѣля 1804 г. Акты Кавк. Археог. Комм., т. II, № 748.

[2]) Изъ донесенія кн. Цицiанова гр. Воронцову 20-го апрѣля 1804 г. № 50. Арх. Министр. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1803—7 гг., № 5.

онаго письма, и когда я противъ желанія моего на то согласясь отправилъ, то вы изволите дѣлать новыя требованія ваши о перемѣнѣ статьи; послѣ сего я отдаю на собственный вашего высочества справедливый судъ: можно ли надѣяться конца, коль требованія столь часто перемѣняются? Со всѣмъ тѣмъ посылаю, по требованію вашего высочества, пункты, прося о рѣшительномъ отвѣтѣ, для чего отправляю сіятельнаго князя Егора Абашидзе.»

Царь Соломонъ долгое время упирался, требовалъ измѣнить постановленіе о Лечгумѣ, но наконецъ 25-го апрѣля согласился на свиданіе, на которомъ была совершена присяга и подписанъ трактатъ, изложенный въ формѣ просительныхъ пунктовъ.

Не имѣя чистосердечнаго намѣренія вступить въ подданство Россіи, Соломонъ и на этотъ разъ, по совѣту своихъ приближенныхъ противной намъ партіи, хотѣлъ прибѣгнуть къ хитрости и обмануть князя Циціанова. Царю посовѣтовали сдѣлать фальшивую печать, т. е. съ ошибками въ титулѣ и имени, и приложить ее на присяжномъ листѣ, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи, при благопріятномъ случаѣ, можно было уклониться отъ подданства. Если бы русское правительство стало тогда упрекать Соломона въ невѣрности, то, по мнѣнію его совѣтниковъ, онъ можетъ отговориться тѣмъ, что никогда ни присягалъ, а если и имѣется на присяжномъ листѣ печать съ его именемъ, то она фальшивая, потому что съ ошибками, а такую царь употреблять не можетъ.

Когда въ день присяги Соломонъ хотѣлъ подъ трактатомъ приложить такую печать, то князь Циціановъ, предувѣдомленный заранѣе о продѣлкахъ его совѣтниковъ, объявилъ царю, что подъ столь важнымъ актомъ одной печати недостаточно, и что необходимо подписать трактатъ собственноручно, что Соломонъ и принужденъ былъ сдѣлать въ присутствіи главнокомандующаго.

Предавая себя, со всѣмъ своимъ законнымъ потомствомъ и царствомъ *«въ вѣчное и вѣрное рабство и подданство* Россійской державѣ», Соломонъ и его преемники [1]) сохраняли право пользоваться царскими достоинствами и почестями, но со всѣми

[1]) Въ случаѣ, если Соломонъ умретъ бездѣтнымъ, то наслѣдство престола должно было перейти къ царевичу Константину Давидовичу.

*

«обязанностями вѣрноподданнаго раба Всероссійскаго Императора». Судъ и расправа на прежнемъ основаніи оставлены у царя, въ пользу котораго должна была поступать часть доходовъ съ рудниковъ, городовъ и таможенныхъ сборовъ, но съ условіемъ не брать пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Имеретію.

Для водворенія порядка, внутренняго и внѣшняго спокойствія въ странѣ, русскія войска должны занять Имеретію, но царь обязанъ доставлять имъ провіантъ, фуражъ и построить дома съ отопленіемъ. Соломонъ обязывался повиноваться во всемъ русскимъ властямъ; какъ вѣрноподданный рабъ, на владѣнія князя Дадіана мингрельскаго никакого притязанія не имѣть, плѣнныхъ мингрельскихъ возвратить и взятыя крѣпости очистить.

Послѣ присяги имеретинскій царь получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и секретное письмо князя Цицiанова, въ которомъ главнокомандующій разъяснялъ опасенія Соломона и удостовѣрялъ его въ томъ, что занятые имеретинскими войсками лечгумскія крѣпости останутся у него до тѣхъ поръ, пока не будутъ разобраны представленные царемъ документы на право владѣнія этою областью.

«Если царевичъ Константинъ Давидовичъ, писалъ князь Цицiановъ, не будетъ отданъ въ землю вашу наслѣдникомъ, то имѣнія, ему принадлежащія, да останутся у вашего высочества.»

Опасенія Соломона, что въ случаѣ неудовольствія на него главнокомандующихъ, онъ не будетъ имѣть возможности оправдаться передъ Императоромъ въ возводимыхъ на него ложныхъ обвиненіяхъ, заставили князя Цицiанова увѣрить его, что письмо, написанное въ собственныя руки Императора, не смѣетъ никто распечатать, и имеретинскій царь такимъ способомъ всегда будетъ имѣть возможность изложить свою просьбу Государю. Секретное письмо князя Цицiанова, написанное съ цѣлію удовлетворить желанію Соломона, вмѣстѣ съ тѣмъ было написано и для того, чтобы не оскорбить и царицу имеретинскую Анну, долженствующую выѣхать изъ Грузіи, ни князя Дадіана, относительно Лечгумской провинціи.

Прочитавъ это письмо, Соломонъ окончательно успокоился. Выславъ всѣхъ изъ палатки, въ которой происходили переговоры, царь, по азіятскому обычаю, умолялъ князя Цицiанова «*заклясться*»

находящимся на немъ крестомъ, что все написанное будетъ исполнено, и онъ до конца своихъ дней останется царемъ. Главнокомандующій увѣрилъ его, что всѣ условія будутъ исполнены въ точности, если имеретинскій царь самъ сохранитъ вѣрность свою къ Россіи. Прощаясь другъ съ другомъ, Соломонъ между прочимъ говорилъ князю Цицiанову [1]):

— Изъ Кутаиса отправилъ я къ вамъ письмо съ княземъ Абашидзе и нашимъ посланникомъ, въ коемъ извѣщалъ, что при свиданiи съ вами открою мои мысли, яко отцу, и войду въ подданство его величества. Первое наше свиданіе кончилось нехорошо, и потому не могъ я съ вами объясниться. Поелику же теперь дѣло совершилось, и я имѣю подписать статьи, то нижеслѣдующіе четыре пункта объявляю вамъ яко сынъ милостивому отцу, и оставлю на вашу волю осчастливить меня или нѣтъ сими четырьмя пунктами. Если же на все не соизволите, то по крайней мѣрѣ не оставьте безъ исполненія перваго, а я подъ статьями подпишусь, и яко сынъ буду покоренъ.

Князь Цицiановъ согласился выслушать эти четыре заявленія.

— Сіи представляемыя мною статьи (трактатъ), продолжалъ Соломонъ, о вступленiи моемъ въ подданство его императорскаго величества, мною подписанныя при моемъ человѣкѣ, да слѣдуютъ съ вами. По возвращенiи моемъ отсель, въ скорости, представлю я къ вамъ документы на право Лечгума. Тѣ помянутыя и подписанныя мною статьи и документы на Лечгумъ, прошу, въ знакъ отеческой вашей милости, отправить къ Государю съ моимъ человѣкомъ.

— Никакому подданному неприлично посылать пословъ къ своему Государю, отвѣчалъ на это князь Цицiановъ, совѣтовалъ бы я документы доставить для всеподданнѣйшаго представленія ко мнѣ. Я же обѣщаюсь ходатайствовать у его императорскаго величества о позволенiи отправить отъ царства Имеретинскаго четырехъ или пяти первостатейныхъ князей, для принесенія всеподданнѣйшей благодарности за принятіе въ подданство. Когда получу высочайшее на то разрѣшеніе, то не оставлю васъ извѣстить.

[1]) Изъ рапорта кн. Цицiанова Г. И. отъ 25 апрѣля 1804 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13. 1803—1812 гг., № 7.

— Да милостію его императорскаго величества ознаменованъ буду царскими знаками.

— Не оставлю и о томъ представить его императорскому величеству и увѣдомлю ваше высочество о резолюціи.

— По смерть мою да буду имѣть жалованье, сколько будетъ возможно, и въ сходство царскому дому, да буду имѣть войска, по правилу россійскому, на моемъ жалованьѣ.

— Неприлично царю жалованье просить, поелику всѣ доходы уже предоставлены въ статьяхъ, а о войскѣ еще меньше смѣю представить, когда часть войска назначается на всегдашнее пребываніе въ Имеретіи и императорскому войску жалованье получать отъ вашего высочества несовмѣстно.

— Если потребуетъ время или нужда, да имѣю право прибавить или убавить въ подписанныхъ мною статьяхъ.

— И подумать о томъ невозможно, поелику святость оныхъ должна соблюдаема быть во всей строгости, безъ чего ничего бы вѣрнаго не было.

Князь Циціановъ находилъ весьма полезнымъ для дѣлъ нашихъ отправленіе имеретинскихъ депутатовъ въ С.-Петербургъ, потому что князья эти, имѣя вліяніе на дѣла имеретинскаго царства, или, лучше сказать, находясь въ феодальной зависимости отъ царя, бывъ обласканы нашимъ правительствомъ, могли сдѣлаться сторонниками Россіи и работниками въ пользу ея интересовъ. Примѣромъ тому могъ служить салтхуцесъ князь Зурабъ Церетели, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1787 году въ званіи посланника имеретинскаго царя. Съ этого года до самаго присоединенія Имеретіи Церетели былъ расположенъ къ Россіи, и во всѣхъ случаяхъ склонялся въ пользу ея интересовъ.

Отправленіе депутатовъ отъ Имеретіи, точно такъ же, какъ и отъ Дадіана мингрельскаго, для избѣжанія зависти между ними, предполагалось сдѣлать одновременно осенью. Императоръ согласился на присылку пяти лицъ отъ Имеретіи и двухъ отъ Мингреліи, изъ числа князей самыхъ «почтеннѣйшихъ и усердіемъ своимъ къ намъ отличіе таковое заслуживишхъ» [1]). Сообщая объ

[1]) Кн. Циціановъ царю Соломону 30-го сентября 1804 г., № 393.

этомъ Дадіану и имеретинскому царю, князь Циціановъ писалъ Соломону: «поелику же, для сего важнаго случая, должно употребить людей съ опытностію, и чтобы они были изъ почетнѣйшихъ фамилій, то и полагаю я необходимымъ отправить князей: салтхуцеса. Зураба Церетели, Кайхосро Церетели и Сехнію Цулукидзе, яко главныхъ особъ отъ лица вашего бывшихъ въ Вахани при переговорахъ и постановленіяхъ между мною и вашимъ высочествомъ, съ коими буде угодно будетъ также весьма прилично было бы отправить его высокопреосвященство архіепископа Кутателя и князя Соломона Леонидзе, бывшаго уже при высочайшемъ дворѣ въ качествѣ уполномоченнаго посланника».

«О сихъ способахъ я упоминаю не для того, чтобы мѣшался въ выборъ, который вашему высочеству во всемъ пространствѣ слова принадлежитъ, но потому, что вамъ угодно было, при нашемъ свиданіи, дать мнѣ право подавать совѣты, ко благу относящіеся [1])».

Такимъ образомъ, желаніе императора Александра, выраженное князю Циціанову въ именномъ указѣ отъ 5-го февраля, чтобы «по совершеніи присоединенія царства Имеретинскаго къ Россійской Имперіи, и устроивъ черезъ побережныя владѣнія Мингреліи сообщеніе съ Тавридою связать весь сей край крѣпчайшимъ узломъ съ метрополіею», было исполнено княземъ Циціановымъ.

Высочайшею граматою отъ 4-го іюля 1804 года Имеретія принята въ подданство Россіи, и Грузинское царство, въ 1390 году раздѣленное, Александромъ I, царемъ грузинскимъ, на царство имеретинское и владѣніе мингрельское, въ 1804 году Александромъ же I, Императоромъ россійскимъ, соединено опять въ одно цѣлое.

Покончивъ такъ удачно съ имеретинскимъ царемъ, князь Циціановъ еще успѣшнѣе рѣшилъ вопросъ о присоединеніи Гуріи къ Россіи. Не вступая съ княземъ Гуріели ни въ какіе переговоры, онъ написалъ ему короткую записку слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ царство Имеретинское имѣло счастіе вступить въ подданство его императорскаго величества всемилостивѣйшаго го-

[1]) Кн. Циціановъ царю Соломону 30-го сентября 1804 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 792.

сударя императора, то и провинція Гурія, безъ всякаго сомнѣнія, долженствуетъ, по всегдашней зависимости своей отъ Имеретіи, состоя и нынѣ въ равной отъ нея зависимости, быть также въ подданствѣ всероссійской державы, съ каковымъ вступленіемъ поздравляю вашу свѣтлость, яко новаго вѣрноподданнаго России [1]).»

XI.

Предположенія правительства о пріобрѣтеніи пристани Поти.–Важность для насъ подобнаго пріобрѣтенія. — Предполагаемыя средства къ достиженію этой цѣли.— Отправленіе статскаго совѣтника Литвинова въ Имеретію и Мингрелію. Происки имеретинскаго царя Соломона.—Кончина Дадіана Мингрельскаго. — Прибытіе нашихъ войскъ въ Имеретію и Мингрелію.—Затрудненія, встрѣченныя въ продовольствіи ихъ.—Доставка провіанта изъ Крыма.—Неудобства этой доставки.—Крушеніе корабля «Тольская Богородица» и гибель привезеннаго провіанта.

Присоединеніе къ Россіи Мингреліи и Имеретіи дѣлало необходимымъ пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ пристаней, каковыми были: Батумъ въ Гуріи, Анаклія, искони принадлежавшая мингрельскому владѣльцу, и въ особенности пристань и крѣпость Поти, находившаяся при устьѣ рѣки Ріона и имѣвшая до 50 человѣкъ турецкаго гарнизона. «Долженъ съ откровенностію объяснить, писалъ князь Циціановъ [2]), что Мингрелія безъ Поти ничего не значитъ.» Не имѣя въ своихъ рукахъ этой и другихъ пристаней, намъ невозможно было ни продовольствовать войска, назначенныя на всегдашнее пребываніе въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, ни пользоваться естественными произведеніями Имеретіи и Мингреліи. Богатство страны дѣлалось для насъ безполезнымъ, тогда какъ напротивъ, присоединяя Поти къ мингрельскимъ владѣніямъ, къ которымъ она принадлежала еще въ древности, мы связывали торговлю этого пункта съ Крымомъ, могли расширить промышленную дѣятельность всего Закавказья, а слѣдовательно содѣйствовать обогащенію тамошняго народонаселенія.

Оставленіе черноморскихъ пристаней въ чужихъ рукахъ вредно уже было и потому, что въ нихъ сосредоточивалась главнѣйшимъ

[1]) Отъ 29-го мая 1804 г., № 298. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 540.

[2]) Въ собственноручн. письмѣ гр. Воронцову 12-го іюня 1803 г. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, 1—13, 1803—12 гг., № 7.

образомъ торговля плѣнными христіанами, торговля, опустошавшая край и населявшая Турцію и Египетъ. Извѣстно, напримѣръ, что почти всѣ мамелюки были изъ грузинъ.

Этотъ промыселъ побудилъ впослѣдствіи князя Циціанова объявить жителямъ Имеретіи и Мингреліи, что пойманный въ занятіяхъ такого рода торговлею будетъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу. Хотя царь Соломонъ и князь Григорій Дадіанъ на словахъ заявляли, что раздѣляютъ мнѣніе о необходимости подобной мѣры, но объявленіе это мало помогло дѣлу: плѣннопродавство существовало, и не было сомнѣнія, что будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока Поти не будетъ занята русскими войсками.

Еще годъ тому назадъ, вступая въ переговоры съ Дадіаномъ, князь Циціановъ уже предвидѣлъ важность и значеніе пристани Поти и сознавалъ, что съ принятіемъ Мингреліи въ подданство Россіи будетъ сдѣлана лишь половина дѣла, которое можетъ считаться оконченнымъ только съ пріобрѣтеніемъ этой пристани.

«При занятіи Мингреліи, писалъ онъ [1]), я нахожу пристань Поти столь нужною, что почитаю выгоднѣйшимъ для Россіи пріобрѣтеніе сего одного пункта, нежели всей Мингреліи, коей зависимость опредѣлится зависимостью Поти.»

Главнокомандующій просилъ, чтобы наше министерство вошло въ соглашеніе съ турецкимъ правительствомъ объ уступкѣ Поти, безъ чего невозможно было отправить наши войска въ Мингрелію. «Нужно мнѣ также, вашему сіятельству, донесть, писалъ князь Цiціановъ графу Воронцову [2]), что когда Поти будетъ уступлена турками и настанетъ время занятія Мингреліи, тогда необходимо, чтобы изъ Николаева въ Крымъ и изъ Крыма въ Поти, на первый случай доставить провіанта на полкъ и на годъ, для того, что отсель доставлять, по трудности дорогъ въ горахъ, нельзя, а въ Мингреліи большею частію просо одно сѣятъ.»

Доставляя провіантъ сухимъ путемъ и на вьюкахъ, мы могли

[1]) Всеподд. донесеніе отъ 27-го іюня 1804 г.

[2]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 12-го іюля 1803 г. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ, 1—13, 1803—1812 гг., № 7.

при всѣхъ усиліяхъ обезпечить войска только мѣсячнымъ продовольствіемъ и то при условіи свободнаго движенія транспортовъ, на что, однако же, разсчитывать было невозможно, такъ какъ не было сомнѣнія, что враждебный намъ паша ахалцыхскій и непримиримый врагъ Дадіана царь имеретинскій употребятъ всѣ усилія, чтобы вредить намъ и владѣтелю Мингреліи. Можно было ожидать, что паша ахалцыхскій, содержавшій всегда лезгинъ на своемъ жалованьѣ, будетъ направлять ихъ на разграбленіе нашихъ транспортовъ и тогда намъ пришлось бы или сопровождать эти транспорты сильными конвоями, или, отказавшись отъ доставки продовольствія, вывести войска изъ занятыхъ областей.

Всѣ эти причины заставляли князя Циціанова откладывать до времени введеніе войскъ въ Мингрелію и желать, по возможности, скорѣйшаго занятія прибрежныхъ мѣстъ.

Равнодушіе, съ которымъ принято было Портою извѣстіе о присоединеніи Мингреліи, а потомъ и Имеретіи, подало надежду нашему правительству, что точно такъ же посмотритъ она и на пріобрѣтеніе нами пристани Поти, находившейся болѣе въ номинальной, чѣмъ въ дѣйствительной ея зависимости [1]). Порта, повидимому, сама не считала Поти въ своей зависимости, потому что ближайшій къ ней ахалцыхскій паша, сообщая князю Циціанову о новой милости къ нему султана прибавленіемъ начальства надъ морскими пристанями, въ числѣ ихъ Поти не назвалъ.

Хотя, послѣ всего сказаннаго, казалось и не было причины турецкому правительству противиться нашимъ намѣреніямъ, но надежда петербургскаго кабинета на податливость Порты на этотъ разъ не осуществилась. Посланникъ нашъ въ Константинополѣ Италинскій сообщилъ министерству, что Турція едва ли согласится на подобную уступку. Ревностно охранявшая, по народнымъ и духовнымъ преданіямъ, свои азіятскія владѣнія и въ то же время подстрекаемая другими европейскими дворами, зорко слѣдившими за нашими пріобрѣтеніями въ тѣхъ краяхъ, Порта не могла добровольно уступить что либо изъ своихъ владѣній. Италинскій находилъ лучшимъ не начинать негоціаціи объ уступкѣ намъ

[1]) Отношеніе гр. Воронцова кн. Циціанову 8-го октября 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 909.

пристани Поти на томъ основанiи, что турецкое правительство, видя наше искательство въ немъ, можетъ сдѣлать болѣе затрудненiй, чѣмъ тогда, когда желанiе наше, подкрѣпляемое правомъ, даннымъ намъ Кайнарджiйскимъ трактатомъ, совершится само собою. «Мы тѣмъ менѣе ожидаемъ впослѣдствiи, писалъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ князю Цицiанову [1]), дальнѣйшихъ негодованiй ея (Порты), что власть султана надъ сею крѣпостью есть мнимая, и что даже самый паша, по отдаленности оной отъ мѣста его пребыванiя, не имѣетъ ни малѣйшаго о гарнизонѣ и жителяхъ ни понятiя, ни попеченiя и доходовъ никакихъ не получаетъ, а болѣе пользуется оными командующiй въ крѣпости гарнизономъ, который также не Портою туда посылается, а набранъ изъ бродягъ и составляетъ въ прямомъ видѣ скопище разбойниковъ, разоряющее грабежами всѣ окружныя мѣста, давая притомъ пристанище у себя и другимъ скитающимся партiямъ хищниковъ.»

Если съ одной стороны прiобрѣтенiе крѣпости Поти было крайне необходимо для русскаго правительства, то съ другой, чуждое всякимъ насильственнымъ мѣрамъ, оно не желало навлечь на себя неудовольствiе Порты Оттоманской. Политическая система дѣйствiй петербургскаго кабинета относительно турецкаго правительства была совершенно несогласна съ какимъ бы то ни было самовольнымъ поступкомъ. Императоръ Александръ предоставлялъ князю Цицiанову приложить старанiе «къ изысканiю для прiобрѣтенiя Поти такого средства, которое бы, не подавая повода Портѣ къ явному негодованiю на насъ, могло бы утвердить за нами мѣсто сiе».

При этомъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ сообщалъ, что императоръ, не желая подавать миролюбивымъ и слабымъ сосѣдямъ своимъ причины къ разрыву и потери къ намъ довѣрiя, находитъ для исполненiя этого плана такого рода средство:

Въ Крыму въ то время занимались отправленiемъ провiанта въ Поти, съ тѣмъ, чтобы оттуда препроводить его по рѣкѣ Рiону въ Мингрелiю. Полагали возможнымъ послать въ Поти офицера

---

[1]) Отъ 20-го марта 1804 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1803—12 гг., № 7.

съ командою нижнихъ чиновъ, числомъ до 50 человѣкъ, который, по прибытіи въ Поти и сдѣлавъ, по азіятскому обычаю, подарокъ коменданту, «обласкаетъ таковымъ же гарнизонъ и привлечетъ къ себѣ любовь жителей хорошимъ своимъ и команды его обхожденіемъ». Тогда онъ могъ объявить турецкому начальнику, что присланъ для пріема и препровожденія въ Мингрелію провіанта, долженствующаго прибыть изъ Крыма; потомъ, по отправленіи провіанта, онъ долженъ былъ остаться въ Поти подъ предлогомъ ожиданія изъ Мингреліи разныхъ вещей, для отправки въ Крымъ, а потомъ опять пріема провіанта изъ Крыма и т. д.

Министерство полагало, что мало-по-малу турки привыкнутъ видѣть русскаго офицера и команду какъ бы водворенными посреди ихъ; словомъ сказать, они будутъ смотрѣть на офицера, какъ на коммиссара, присланнаго для безостановочнаго и безопаснаго отправленія различныхъ вещей и тяжестей въ Мингрелію и Имеретію и обратно оттуда въ Крымъ.

Отрядъ 50 человѣкъ, вооруженныхъ и снабженныхъ достаточнымъ числомъ пороха и пуль, обезпечивалъ насъ совершенно со стороны турецкаго гарнизона, по числу своему непревышающаго численности нашей команды. «Такимъ образомъ, писалъ князь Чарторижскій, оградится отъ всякихъ покушеній безпрепятственное сношеніе Крыма съ новопріобрѣтенными краями, и мы, достигши настоящей цѣли своей, не трогая турецкій гарнизонъ, отъемлемъ у Порты право роптать на насъ, и между тѣмъ, сдѣлавши сей первый шагъ и увидя, каково онъ будетъ принятъ Портою, мы можемъ непримѣтно укрѣпляться, отъ времени до времени, болѣе въ Поти и, сообразуясь съ обстоятельствами, сдѣлаться единственными оной хозяевами.»

Другое средство къ занятію крѣпости представлялось возможнымъ сдѣлать черезъ посредство Дадіана. Владѣтель Мингреліи долженъ былъ пустить въ ходъ извѣстное корыстолюбіе азіятцевъ. Онъ долженъ былъ подкупить турецкаго начальника въ Поти и самый гарнизонъ, съ тѣмъ, чтобы они оттуда разошлись, подъ видомъ какихъ либо междоусобныхъ несогласій или неудовольствій на начальство. Тогда съ отрядомъ мингрельцевъ, будто преслѣдующихъ партію хищниковъ, Дадіанъ, найдя эту крѣпость

безъ гарнизона, могъ занять ее своимъ войскомъ и сообщить пашѣ, что, желая оградить предѣлы Мингреліи отъ безпрерывныхъ набѣговъ хищническихъ партій, въ необходимости нашелся занять крѣпость Поти, брошенную турецкимъ гарнизономъ; что на поступокъ этотъ рѣшился еще болѣе и потому, что Поти искони составляла собственность Мингреліи и по Кайнарджійскому трактату между Россіею и Турціею давно должна быть возвращенною въ его владѣніе.

Исполнивши это, Дадіанъ далъ бы намъ весьма легкій способъ, вмѣстѣ съ занятіемъ Мингреліи нашими войсками, занять и крѣпость Поти. Она перешла бы къ намъ тогда изъ третьихъ рукъ.

Въ случаѣ несогласія Дадіана на подобныя дѣйствія, петербургскій кабинетъ полагалъ возложить то же самое на князя Цицiанова. Поступивъ точно такъ же какъ и Дадіанъ, главнокомандующій долженъ былъ, по занятіи крѣпости, «обласкавъ жителей, увѣрить ихъ, что изъ милосердія къ нимъ, какъ остающимся безъ защиты, нужнымъ счелъ занять Поти». Онъ долженъ былъ на столько обласкать жителей, чтобы они просили его объ охраненіи ихъ отъ набѣговъ. Просьба эта, какъ опора, могла служить основаніемъ въ переговорахъ съ Портою Оттоманскою о причинахъ занятія Поти нашими войсками.

Трудно было, однако же, предположить, чтобы какимъ нибудь средствомъ, кромѣ силы, возможно было занять эту крѣпость. Получая большой доходъ отъ пристани, турецкій начальникъ не могъ согласиться уступить Поти за какой-нибудь подарокъ и тѣмъ добровольно лишиться ежегоднаго своего дохода. Такимъ образомъ, не имѣя возможности безотлагательно занять Поти и тѣмъ обезпечить продовольствіе войскъ, князь Цицiановъ не рѣшался вводить ихъ въ Мингрелію и Имеретію. Онъ ожидалъ прибытія Бѣлевскаго полка изъ Тавриды Чернымъ моремъ, полка обезпеченнаго до нѣкоторой степени продовольствіемъ и назначеннаго императоромъ Александромъ, какъ для усиленія войскъ, находившихся въ Грузіи, такъ и для облегченія князя Цицiанова, затруднявшагося посылкою войскъ по непроходимости имеретинскихъ и мингрельскихъ дорогъ.

Одновременно съ отправленіемъ полка рѣшено было отправить изъ черноморскихъ нашихъ портовъ въ Поти провіантъ и одинъ морской баталіонъ, но только тогда, когда онъ будетъ потребованъ княземъ Циціановымъ.

Послѣдній, имѣя высочайшее повелѣніе относительно Поти и опасаясь, чтобы царь имеретинскій, пользуясь отсутствіемъ войскъ, не возобновилъ своихъ дѣйствій противъ Дадіана, отправилъ въ Имеретію и Мингрелію статскаго совѣтника Литвинова, какъ для исполненія предположеній нашего правительства относительно Поти, такъ и въ качествѣ посредника или примирителя Дадіана съ царемъ имеретинскимъ. Съ Литвиновымъ былъ отправленъ маіоръ Исаковъ и пятьдесятъ гренадеръ при офицерѣ [1]). Литвиновъ получилъ отъ князя Циціанова полномочіе обѣщать начальнику потійскаго гарнизона отъ 5 до 8 тысячъ рублей за то, чтобы онъ, подъ видомъ погони за непріятелемъ, вышелъ съ гарнизономъ и оставилъ крѣпость на недѣлю. Тогда Литвиновъ долженъ былъ занять ее нашими 50-ю гренадерами, усиливъ ихъ мингрельскими войсками, которыхъ и потребовать на этотъ случай отъ Дадіана.

Что касается по втораго порученія, то Литвиновъ долженъ былъ стараться о прекращеніи раздоровъ между царемъ имеретинскимъ и владѣтелемъ Мингреліи и «содержать ихъ въ согласіи другъ съ другомъ» до прибытія туда нашихъ войскъ [2]).

Въ инструкціи, данной Литвинову [3]), говорилось, чтобы онъ старался о сохраненіи добрыхъ отношеній между царемъ имеретинскимъ и владѣтелемъ мингрельскимъ, такъ какъ поводомъ къ столкновенію между ними могла быть лишь одна только Лечгумская область. По секретному-же письму князя Циціанова, занятые имеретинскими войсками крѣпости Лечгумской провинціи, съ принадлежащими къ нимъ деревнями, должны были оставаться во владѣніи царя впредь до высочайшаго повелѣнія.

---

[1]) Всепод. рапортъ кн. Циціанова 29-го мая 1804 г. А. М. И. Д., 1 — 13, 1803—12 гг., № 7. Впослѣдствіи было отправлено еще 30 человѣкъ на усиленіе первыхъ. См. рапортъ кн. Циціанова отъ 29-го іюня

[2]) Кн. Циціановъ кн. Чарторижскому 25-го апрѣля 1804 г. Тамъ же.

[3]) Предписаніе Литвинову 18-го мая 1804 г., № 234.

Соломонъ, между тѣмъ, не замедлилъ доставить доказательства, что Лечгумъ никогда не принадлежалъ Мингреліи, а всегда былъ собственностію царей имеретинскихъ. Онъ ссылался на свидѣтельство исторіи, приводилъ грамоты, выданныя какъ имеретинскимъ царямъ на владѣніе Лечгумомъ, такъ и жалованныя въ свою очередь имеретинскими царями лечгумскимъ князьямъ; онъ указывалъ на построеніе тамъ церквей иждивеніемъ имеретинскихъ царей и на показаніе духовенства, князей, дворянства и народа не только Имеретіи, но и всей Грузіи, которые, по его словамъ, единогласно признаютъ Лечгумъ принадлежащимъ Имеретіи [1]).

Рѣшеніе этого спора было довольно затруднительно потому, что грамоты точно также говорили и въ пользу Дадіана мингрельскаго [2]), и потому князь Цыціановъ находилъ самымъ лучшимъ споръ этотъ оставить или до пріѣзда депутатовъ въ С.-Петербургъ, или рѣшить его назначеніемъ особой коммиссіи, которая бы, разсмотрѣвъ дѣло на мѣстѣ, помирила спорящихъ.

Іюня 4-го Литвиновъ прибылъ въ Кутаисъ, испытавши въ пути всѣ трудности, какія были нераздѣльны съ тамошними дорогами. Онъ помѣстился въ небольшой саклѣ, тѣсной, грязной и сырой до такой степени, что съ трудомъ могъ предохранить отъ сырости находившіяся съ нимъ бумаги. Большинство князей встрѣтили его съ большимъ почетомъ, приняли весьма радушно и высказывали особое вниманіе и предупредительность.

Черезъ день послѣ прибытія въ Кутаисъ, и именно 6-го іюня, Литвиновъ имѣлъ свиданіе съ имеретинскимъ царемъ и вручилъ ему письма князя Цыціанова. Такъ какъ свиданіе это, по обыкновенію, происходило при всемъ народѣ, то Литвиновъ просилъ Соломона назначить ему часъ для переговоровъ, хотя бы послѣ обѣда, что и было ему назначено въ тотъ же день. На свиданіи этомъ онъ объявилъ царю, что, будучи посланъ главнокомандующимъ въ качествѣ посредника употребить всѣ усилія, чтобы примирить царя съ Дадіаномъ и доставить каждому возможное удовлетвореніе

---

[1]) Переводъ съ грузинскаго записки Соломона.

[2]) Рап. кн. Цыціанова Государю Императору 29-го мая, № 10. Такъ въ высочайшихъ грамотахъ императрицы Екатерины II владѣтель Мингреліи названъ и владѣтелемъ Лечгумскимъ.

по возникшимъ между ними неудовольствіямъ, онъ съ этою цѣлью самъ отправится въ Мингрелію на свиданіе съ ея владѣтелемъ. Литвиновъ требовалъ, чтобы Соломонъ, въ доказательство своей преданности къ Россіи, позаботился объ исправленіи дорогъ и немедленно приступилъ къ заготовленію матеріаловъ для постройки казармъ, чтобы войска могли имѣть особыя отъ обывателей квартиры и чтобы «тѣмъ самымъ предъупредить всѣ непріятности, какія по образу жизни и нравамъ жителей встрѣтиться могутъ». Онъ просилъ Соломона исполнить обязательство относительно царевича Константина, опредѣлить пристойное содержаніе женѣ бывшаго въ Гуріи князя Вахтанга и наконецъ, чтобы плѣннымъ, взятымъ во владѣніи князя Дадіана, былъ сдѣланъ списокъ; чтобы такой же списокъ былъ сдѣланъ и крѣпостямъ, взятымъ въ Одишійской и Лечгумской провинціяхъ, и оба они доставлены къ нему для того, чтобы, при полученіи высочайшаго разрѣшенія, можно было ихъ очистить.

— Онѣ никогда не принадлежали Дадіанову дому, отвѣчалъ Соломонъ, испугавшійся слова очистить.

— Все это рѣшится волею его императорскаго величества, отвѣчалъ Литвиновъ, котораго утвержденіе должно быть свято.

— Предавъ себя милосердію Государя Императора, отвѣчалъ на это Соломонъ, буду ожидать терпѣливо своей участи.

Получивши согласіе царя имеретинскаго исполнить все отъ него требуемое и устроивши нѣсколько дѣла въ Кутаисѣ, Литвиновъ отправился къ владѣтелю Мингреліи. 16-го іюня онъ пріѣхалъ въ Одиши, и тотчасъ же имѣлъ свиданіе съ княземъ Дадіаномъ, которому предложилъ исполнить секретное условіе, заключенное съ княземъ Цыціановымъ. Дадіанъ отвѣчалъ, что ничего не присвоивалъ себѣ послѣ заключенія условій и никакой собственности у имеретинскаго царя не отбиралъ.

— Князья крѣпости Загиши и Ачара вошли ко мнѣ въ подданство прежде нежели были подписаны условія, говорилъ Дадіанъ. Окружность Дехвири была также занята моими войсками, а крѣпости Дехвири и Чквиши, содержатъ и теперь гарнизоны царскіе (имеретинскіе). Они ничѣмъ не притѣсняются и находятся въ совершенной свободѣ.

Въ доказательство истины показаній князя Дадіана, Литвиновъ требовалъ, чтобы онъ приказалъ окружающимъ Дехвири моуравамъ пропустить транспорты имеретинскаго царя съ съѣстными припасами, въ которыхъ, по словамъ Соломона, люди его имѣли большой недостатокъ. Дадіанъ согласился на это требованіе и 17-го числа послалъ приказаніе о пропускѣ съѣстныхъ припасовъ [1]).

Относительно крѣпостей Загиши и Ачара между Дадіаномъ и княземъ Церетели, посланнымъ Соломономъ вмѣстѣ съ Литвиновымъ, завязался споръ за право ихъ владѣнія безъ особенныхъ, впрочемъ, доказательствъ съ обѣихъ сторонъ. Литвиновъ могъ прекратить его только тѣмъ, что объявилъ о своей поѣздкѣ на мѣсто, для того, «чтобы узнать истину ихъ показаній», которыя, будутъ сдѣланы.

Дадіанъ согласился, а Церетели говорилъ, что князья, во власти своей крѣпости имѣющіе, находясь въ зависимости отъ Дадіана, покажутъ всегда то, что имъ будетъ приказано.

— Я заставлю присягнуть ихъ, если это будетъ нужно, отвѣчалъ на это Литвиновъ.

21-го числа они прибыли въ Лечгумъ, а 22-го собрались князья и моуравы. Соглашаясь лично на всѣ требованія нашего правительства, Дадіанъ опасался, что не согласятся на то лечгумскіе князья, и онъ былъ совершенно правъ въ своихъ опасеніяхъ. Въ Лечгумѣ, точно такъ же, какъ и въ Одиши, царствовала совершенная анархія. Власть Дадіана тамъ вовсе не уважалась; разбои, грабежи, воровство дѣтей и продажа ихъ туркамъ, разнаго рода насильства были терпимы повсюду и самимъ Дадіаномъ, сколько для собственной безопасности, столько же и потому, чтобы отъ тѣхъ князей, которые сегодня грабили и разбойничали, завтра имѣть помощь и содѣйствіе противъ имеретинскаго царя Соломона.

«Во всѣ три дня моего тамъ пребыванія, пишетъ Литвиновъ въ одномъ изъ своихъ донесеній къ князю Цицiанову, не было получаса свободнаго, чтобы не приходили отцы, дѣти и матери, изувѣченные, безъ ногъ, безъ рукъ, съ выколотыми глазами, про-

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову 27-го іюня, № 10. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 776.

сящіе возвращенія ихъ дѣтей.» Это зрѣлище заставило Литвинова требовать прекращенія подобнаго порядка вещей.

Дадіанъ согласился и просилъ содѣйствія русской власти.

— Я самъ, говорилъ Дадіанъ, не одинъ разъ испыталъ жестокость князей и ихъ непослушаніе. Я самъ принужденъ былъ скрываться въ Суанетахъ (въ Сванетіи) и Абхазіи; власть моя надъ ними столь мало утверждена, что я приказать имъ ничего не смѣю.

— Вы объявите имъ, отвѣчалъ на это Литвиновъ, что передавъ себя единожды милосердію его величества, вы обѣщались повиноваться во всемъ поставленнымъ отъ него властямъ и, желая доказать покорность свою примѣромъ, вы приглашаете ихъ повиноваться волѣ главнокомандующаго.

Получивъ обѣщаніе князя Дадіана выполнить и это, Литвиновъ пригласилъ къ себѣ князей Чиковани и Ахвледіани; но, вмѣсто двухъ, вошло съ ними до 20-ти человѣкъ.

«Чувствуя, что въ такомъ количествѣ людей объясненія подвержены замѣшательству», Литвиновъ предложилъ остаться только приглашеннымъ, а остальныхъ просилъ удалиться.

— Съ однимъ или двумя ни о какихъ дѣлахъ говорить нельзя, отвѣчали они оставаясь. Силу свою мы полагаемъ въ соединеніи и связи между собою, слѣдовательно, что касается до одного, то относится и до всѣхъ.

— Какую вы имѣли причину выдти изъ повиновенія царя (имеретинскаго)? спросилъ тогда Литвиновъ.

— Не желая быть подвластными царю, мы отдали себя подъ власть Дадіана, отвѣчали они.

— Поступокъ вашъ противенъ условію, заключенному княземъ Иціановымъ съ царемъ Соломономъ. Для избѣжанія справедливаго наказанія, я приказываю возвратиться вамъ въ подданство царя Соломона, тѣмъ болѣе, что примѣръ покорности вы видите въ особѣ вашего владѣтеля князя Дадіана.

— Никогда этого быть не можетъ, отвѣчали они.

Литвиновъ просилъ тогда Дадіана объявить имъ свое рѣшеніе.

Владѣтель Мингреліи не успѣлъ еще окончить своей рѣчи, какъ послышались голоса первѣйшихъ князей.

— Если онъ не хочетъ повелѣвать нами, говорили они, такъ и мы его оставляемъ, но прежде умремъ, чѣмъ пойдемъ въ подданство царя Соломона.

Послѣ этихъ словъ, нѣкоторые князья вышли, не смотря на просьбу Литвинова остаться, и совѣщаніе кончилось. Князь Церетели, бывшій свидѣтелемъ происшествія, видѣлъ ясно, что дальнѣйшія понужденія были бы тщетны. Литвиновъ высказалъ надежду, что царь Соломонъ будетъ на столько великодушенъ, умѣренъ и терпѣливъ, что подождетъ окончательной развязки. Черезъ четверть часа послѣ того, въ комнату Литвинова вошло опять человѣкъ десять князей, и двое изъ первѣйшихъ, ставъ на колѣни, просили прощенія въ грубости, которую оказали русскому посланному.

— Объясните мнѣ, спрашивалъ Литвиновъ, поднимая стоявшихъ на колѣняхъ, причины, понудившія васъ прибѣгнуть къ Дадіану, тогда какъ вы должны были оставаться у царя (имеретинскаго).

— Лечгумскіе князья, отвѣчалъ на это князь Чиковани, всегда сохраняли право входить въ подданство того, кого они сами избрать хотѣли. Когда полковникъ Майновъ привезъ орденъ св. Александра Невскаго князю Дадіану, тогда мы, видя къ нему милость Государя нашего, хотѣли въ оной участвовать, пошли въ подданство Дадіану и взяли его подъ свое покровительство, позволивъ ему въѣхать въ Лечгумъ, котораго онъ до того принужденъ былъ избѣгать.

Справедливость своихъ словъ князья доказывали двумя письмами, отправленными къ князю Циціанову: 1) съ полковникомъ Майновымъ и 2) съ посланнымъ Дадіана, въ которыхъ было изложено то же самое, что говорилъ Чиковани Литвинову.

Послѣдній, по возвращеніи своемъ въ Кутаисъ, объявилъ все это царю Соломону, говоря, что Дадіанъ имѣетъ искреннее желаніе съ нимъ помириться, признать его старшимъ надъ собою и обѣщается быть всегда готовымъ на его услуги. Имеретинскій царь принялъ слова Литвинова довольно холодно, но объявилъ, что во всемъ будетъ повиноваться ему, слѣдовать его совѣтамъ, а справедливость правъ своихъ на Лечгумъ предоставляетъ раз-

смотрѣнію главнокомандующаго. Эта холодность въ обращеніи царя Соломона отчасти оправдывала слова Дадіана, просившаго Литвинова не ѣздить въ Кутаисъ, а остаться съ нимъ. На вопросъ почему? Дадіанъ отвѣчалъ, что имѣетъ свѣдѣніе, будто бы Соломонъ намѣренъ вырѣзать всѣхъ русскихъ, бывшихъ въ Кутаисѣ. Слухи эти повторялись и по пріѣздѣ Литвинова въ Кутаисъ.

Несмотря на существованіе подобныхъ слуховъ, Литвиновъ остановился въ Кутаисѣ, старался примирить враждующихъ и успѣлъ достичь того, что Соломонъ согласился имѣть свиданіе съ Дадіаномъ тамъ, гдѣ будетъ назначено. Пріѣхавшій изъ Лечгума двоюродный братъ Дадіана отправленъ былъ обратно пригласить владѣльца Мингреліи выѣхать на границу для свиданія. Дадіанъ тотчасъ же исполнилъ приглашеніе и прислалъ брата своего Николая увѣдомить о своемъ прибытіи. Царь Соломонъ, узнавъ объ этомъ, сталъ избѣгать примиренія. Подъ предлогомъ рыбной ловли, онъ уѣхалъ изъ Кутаиса, куда возвратился только по полученіи двухъ настоятельныхъ писемъ Литвинова. По возвращеніи въ свою столицу, Соломонъ, не смотря на просьбы Литвинова, и на то, что Дадіанъ находился уже на границѣ, отложилъ свиданіе до 15-го іюля. Нерасположеніе его къ переговорамъ и даже ненависть къ русскимъ были слишкомъ открыты. По всему видно было, что онъ хранитъ нѣкоторую притворность только до случая. Это заставило Литвинова принять предосторожности, которыя очень не нравились Соломону. По городу ходили слухи о томъ, что люди, бывшіе при грузинскихъ царевичахъ, числомъ до 17-ти человѣкъ, закупали порохъ и свинецъ; что они думали вырѣзать всѣхъ русскихъ, находящихся въ Кутаисѣ; что эрзерумскій и ахалцыхскій паши присылали къ имеретинскому царю посла уговаривать, чтобы онъ не впускалъ русскихъ въ Имеретію, и обѣщали ему подарки, если только онъ избавится и отъ тѣхъ, которые находятся въ Кутаисѣ. Первымъ совѣтникомъ во всѣхъ этихъ поступкахъ Соломона былъ князь Леонидзе. Отправляясь на рыбную ловлю, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправлялся для того, чтобы видѣться съ царевичемъ Константиномъ, бѣжавшимъ изъ Тифлиса, прибывшимъ вмѣстѣ съ Парнаозомъ въ Имеретію и поселившимся въ деревнѣ Свирѣ. Парнаозъ вскорѣ ушелъ къ пар-

тіи лезгинъ, а Константинъ имѣлъ свиданіе съ царемъ Соломономъ.

Мы видѣли, что царица Анна, послѣ неудачныхъ переговоровъ объ освобожденіи сына ея царевича Константина, съ разрѣшенія императора, сама отправилась въ Грузію, гдѣ и оставалась послѣ доставленія его въ Тифлисъ.

Живя въ Грузіи, царица принимала къ себѣ всѣхъ выходцевъ изъ Имеретіи, завела переписку съ нѣкоторыми князьями и вообще не была чужда интригъ и борьбы партій. Главнокомандующій нѣсколько разъ предлагалъ ей отправиться въ Россію, но ни какія внушенія не могли заставить Анну выѣхать, и она, ссылаясь на дозволеніе Императора Александра, оставалась въ Грузіи [1]). Разлучить же ее съ сыномъ или прибѣгнуть къ насилію, казалось, неудобнымъ и несовмѣстнымъ съ тѣми заботами и попеченіями, которыя были употреблены императоромъ къ обезпеченію ея судьбы и освобожденію ея сына. Впослѣдствіи, чтобы склонить Анну добровольно оставить Грузію вмѣстѣ съ сыномъ, императоръ назначилъ ей 10,000 руб. ежегодной пенсіи, вмѣсто 5,000 руб. ею получаемыхъ, съ тѣмъ только, чтобы она выѣхала въ Россію, подъ предлогомъ воспитанія царевича Константина; но и это средство не оказало своего дѣйствія. Анна просила оставить ее въ Грузіи и интриговала по-прежнему. Зная, что князь Циціановъ ведетъ переговоры о подданствѣ Имеретіи, она хлопотала о назначеніи сына ея царевича Константина преемникомъ Соломону. Въ письмѣ написанномъ по этому поводу князю Циціанову, вдовствующая царица умоляла его не отказать въ ея просьбѣ.

... «Прошу васъ и умоляю, писала она, яко блудный сынъ, сжальтесь надъ бѣдною женщиною, столько лѣтъ несчастіями угнетенною и совершенно упадшею. Подайте мнѣ радость и облегченіе въ такомъ горестномъ моемъ положеніи. Константинъ нижайше вамъ кланяется и цѣлуетъ руки, упадши на колѣни, умоляетъ васъ, чтобы вы его, несчастнаго сироту, не оставили въ несчастіи его, яко благодѣтель и отецъ.»

---

[1]) Краткая записка о царицѣ Аннѣ и сынѣ ея Константинѣ безъ мѣсяца и числа. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 825.

Спустя нѣкоторое время, царица Анна просила главнокомандующаго позволить сыну ея выѣхать изъ Тифлиса въ деревню Лашисланъ, лежащую въ Карталиніи. Въ основаніе своей просьбы она приводила и ссылалась на чрезвычайную жару, представляя, что «сынъ ея, съ трехлѣтняго возраста и до самаго освобожденія изъ заточенія, десять лѣтъ жилъ въ башнѣ на высокой горѣ, слѣдовательно, въ самомъ холодномъ климатѣ, куда и солнце рѣдко проникало».

Князь Циціановъ, видя царевича Константина изнеможеннымъ, согласился на просьбу матери, но черезъ нѣсколько дней, и именно 12-го іюня, Константинъ, подговоренный царемъ имеретинскимъ и дворянами, бѣжалъ въ горы на имеретинскую границу.

Литвинову поручено было узнать о мѣстопребываніи царевича, но и онъ не могъ ничего положительнаго сообщить главнокомандующему. На разспросы отвѣчали, что не могутъ отыскать мѣста, гдѣ поселился царевичъ, а Соломонъ высказывалъ свое неудовольствіе и какъ бы жалобу на князя Циціанова, опираясь на то, что все это произошло оттого, что царевичъ былъ оставленъ въ Тифлисѣ, а не высланъ въ Россію [1]).

Когда узнали о мѣстѣ пребыванія царевича Константина, то хотя и старались подѣйствовать на него убѣжденіями и просьбами, но и они не привели ни къ чему удовлетворительному, болѣе потому, что возвращеніе царевича не зависѣло отъ него самого.

«Съ отрочества моего понынѣ, писалъ, между тѣмъ, Константинъ князю Волконскому [2]), бѣдствія мои и безмѣрныя горести извѣстны и вамъ, и всѣмъ. А какъ его императорское величество изволилъ освободить меня отъ оныхъ, съ того времени усердіе мое къ вѣрности его величеству устремлено.

«Съ освобожденія моего имѣлъ я великое желаніе видѣть отечество, родившее меня, видѣть и ближнихъ моихъ, не въ противность, однако же, высочайшему престолу, что извѣстно сердцевѣдцу испытателю Богу, но, скрывая сіе, терпѣлъ, дабы я не противнымъ кому либо оказался. Когда же царь и царство Имеретинское, воспольз-

---

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову, 11-го іюля 1804 г., № 33. Т. А. К. Н.

[2]) Въ письмѣ отъ 29-го іюля 1804 г. Волконскій былъ въ то время правителемъ Грузіи.

зуясь счастіемъ, учинились подданными его императорскаго величества, послѣ того рѣшился я пріѣхать въ отечество мое, не давши, по младости моей, никому знать о толикомъ сердца моего желаніи. Но къ сему присоединилась величайшая для меня горесть, такъ что ни его высочество царь, ни почтеннѣйшія его особы не соизволили принять меня, опасаясь сдѣлать вамъ тѣмъ оскорбленіе. Итакъ скитался я въ горахъ трепещущій; но и туда войска пришли преслѣдовать меня. Я, устрашившись того, прибылъ въ горы по близости Гуріи и скитаюсь, находясь въ горести.

«Нынѣ же, преклоняя колѣни, прошу ваше сіятельство да милостиво внемлите моленію моему и да, не совершенно отринувъ меня, учинитесь ходатаемъ и помощникомъ моимъ къ царю, отнесясь къ нему письмомъ, дабы онъ меня принялъ и допустилъ къ себѣ, и потомъ, какое послѣдуетъ его императорскаго величества повелѣніе, приму я съ благоговѣніемъ. Если ходатайство вашего сіятельства не въ скорости мнѣ поможетъ, то въ таковой безмѣрной нахожусь я горести, что принужденъ буду прибѣгнуть къ кому либо инымъ, не имѣя средствъ здѣсь оставаться.»

Константинъ писалъ также письма матери и директору тифлисскаго училища священнику Петріеву. Первое было написано съ цѣлію оправдать царицу Анну и выгородить ее изъ участія, принимаемаго въ побѣгѣ сына, а второе написано было съ цѣлію высказать жалобу на русское правительство.

Такъ маскировалъ Константинъ свои отношенія къ царю Соломону и поступки послѣдняго относительно его самого. Все это дѣлалось не по собственному убѣжденію, а по наущенію того же Соломона и его приближенныхъ.

Подговоривъ царевича бѣжать въ Имеретію, Соломонъ тщательно скрывалъ мѣсто его пребыванія и, снабжая всѣмъ необходимымъ, увѣрялъ Литвинова, что Константинъ скрывается въ лѣсахъ, а гдѣ—ему неизвѣстно [1]).

Выказывая упорство, несовмѣстное съ добрымъ расположеніемъ къ Россіи, Соломонъ точно такъ же поступалъ и въ прекращеніи своей ссоры съ Дадіаномъ. Желая отдалить свиданіе и

---

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову 19-го іюля 1804 г.

примиреніе, царь имеретинскій отказался переѣхать въ бродъ черезъ рѣку Цхени-Цкали и поэтому, вмѣсто деревни Хунди, принадлежавшей Дадіану, назначилъ мѣстомъ свиданія деревню Сачилао, принадлежавшую ему и лежавшую по обѣимъ сторонамъ той рѣки. Когда Дадіанъ согласился на это и прибылъ уже во вновь назначенное мѣсто, то и тогда Соломонъ все-таки нашелъ средства затруднить переговоры: между договаривающимися возникъ споръ, кому переѣзжать черезъ рѣку. Дадіанъ рѣшительно отказался изъ опасенія, что, находясь уже во владѣніи имеретинскаго царя, но по сю сторону рѣки, онъ могъ еще надѣяться на защиту 50-ти человѣкъ русскихъ гренадеръ, бывшихъ съ Литвиновымъ, тогда какъ, переправившись на противоположную сторону, онъ будетъ совершенно во власти своего противника.

Соломонъ также не хотѣлъ переѣзжать рѣку.

— Я царь, говорилъ онъ, и мнѣ неприлично уступать бывшему прежде моимъ подданнымъ.

Послѣ долгихъ уговариваній, имеретинскій царь наконецъ согласился переѣхать, но съ условіемъ, чтобы свита Дадіана была въ отдаленіи точно въ такомъ же, въ какомъ онъ поставитъ и свою. Бывшіе съ Литвиновымъ солдаты должны были стать также въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того дерева, подъ которымъ предполагалось свиданіе [1]). Предметомъ послѣдняго было заключеніе взаимныхъ условій, обязывающихъ договаривавшихся: 1) Выполнять все то, что будетъ повелѣно отъ русскаго Государя, и доносить о всякой измѣнѣ русскому правительству, при первомъ о томъ свѣдѣніи. 2) Другъ друга ни въ чемъ не безпокоить, обходиться дружески и пріязненно. 3) Насильство и грабительство, дѣлаемыя имеретинами мингрельцамъ, Соломонъ обязывался прекратить, и 4) Въ случаѣ неудовольствій между царемъ и Дадіаномъ, они обязаны были прекратить ихъ сами, или пригласить въ посредники уполномоченнаго отъ русскаго правительства, въ чемъ и присягнуть [2]).

Этотъ послѣдній пунктъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны

---

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову 27-го іюля 1804 г.

[2]) Переводъ грамоты царя Соломона и кн. Дадіана Литвинову 20-го іюля. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, 1—6, 1802—10 гг., № 2.

Соломона, нехотѣвшаго подписывать договора, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не желаетъ присягать вторично.

— Однажды данная присяга совершенно достаточна, говорилъ онъ. Если я оказался невѣренъ, то пусть мнѣ объявятъ въ чемъ?

— Не только подозрѣній, но даже и сомнѣній на его высочество не имѣю, отвѣчалъ на это Литвиновъ посланному царя Соломона, князю Леонидзе. Включая четвертый пунктъ, я слѣдую нашимъ обычаямъ. Не только при совершеніи столь знаменательнаго подвига, но даже при полученіи всякаго чина мы возобновляемъ присягу Государю Императору. Не находя въ семъ пунктѣ ничего противнаго ни выгодамъ, ни совѣсти его высочества, я удивляюсь, почему онъ подписать его не хочетъ.

— Я не офицеръ и не маіоръ, отвѣчалъ на это Соломонъ, съ тѣмъ же княземъ Леонидзе. Я царь.

— Царь, но подданный русскаго государя, замѣтилъ Литвиновъ. Изъ этого обычая не исключаются даже и тѣ европейскіе принцы, которые добровольно пріѣзжаютъ служить въ войскахъ его императорскаго величества. Я прошу его высочество пунктъ сей подписать, иначе онъ подастъ мнѣ поводъ къ непріятнымъ заключеніямъ. Если онъ вѣренъ государю императору и вредныхъ намѣреній не имѣетъ, то отъ подписки сего пункта отговориться не можетъ.

Въ отвѣтъ на это, царь Соломонъ пригласилъ къ себѣ Литвинова, которому и заявилъ, что онъ съ тѣмъ вступилъ въ подданство Россіи, чтобы имѣть ему Лечгумъ въ своемъ владѣніи, и что «если сего не получитъ, то онъ вѣрнымъ остаться Государю не можетъ» [1]).

— Какое же вы примете тогда намѣреніе? спросилъ его Литвиновъ.

— Я объявилъ то же самое князю Циціанову, отвѣчалъ Соломонъ уклончиво.

— Чѣмъ же вамъ угодно окончить наше собраніе?

— Я напишу пункты, говорилъ вмѣшавшійся въ разговоръ князь Леонидзе, въ которыхъ помѣщу все то, что въ вашихъ находится.

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову 27-го іюля 1804 г., № 47.

— Если они будутъ одинаковаго содержанія, то почему не подписать моихъ? спросилъ Литвиновъ.

— Для того, отвѣтилъ Леонидзе, что царь съ Дадіаномъ на одной бумагѣ подписаться не можетъ, а они дадутъ разныя.

Литвиновъ согласился. Царь Соломонъ переѣхалъ рѣку, и свиданіе состоялось. На другой день Дадіанъ опять хотѣлъ видѣться съ Соломономъ, но тотъ отказался переѣхать рѣку, а Литвинова уже не было, онъ уѣхалъ въ Кутаисъ. Договоръ, однако же, былъ подписанъ, и Литвиновъ собирался отправиться въ Одиши, какъ для распоряженій по выгрузкѣ хлѣба, такъ и переговоровъ, начатыхъ съ Келишъ-бекомъ, владѣльцемъ абхазскимъ, изъявившимъ также желаніе вступить въ подданство Россіи. Можно было надѣяться, что царь Соломонъ останется на нѣкоторое время въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что онъ наружно оказывалъ расположеніе къ русскимъ.

«По объявленіи царю, пишетъ Литвиновъ, побѣды, вашимъ сіятельствомъ одержанной, я просилъ, чтобы въ присутствіи его послѣ обѣдни принесена была Всевышнему торжественная благодарность, что и учинено было 25-го сего мѣсяца, самимъ Кутателемъ, со всею пышностію облаченій имъ свойственною; при возглашеніи многая лѣта былъ сдѣланъ троекратный залпъ. Послѣ сего царь со всѣми князьями у меня обѣдалъ; столъ нашъ продолжался часовъ пять, и мы разстались совершенно довольные другъ другомъ.»

Литвиновъ, однако же, ошибался. Соломонъ интриговалъ попрежнему, стараясь удалить отъ своихъ пристаней русскіе корабли и не пропуская Ріономъ провіантъ для команды Литвинова. Онъ успѣлъ увѣрить командировъ двухъ пришедшихъ кораблей, что русскихъ на берегу вовсе нѣтъ, и не далъ имъ провожатаго въ Батумъ. Отважность двухъ казаковъ, пустившихся на челнокѣ въ море и успѣвшихъ пристать къ кораблямъ, разрушили интригу Соломона, и суда наши пристали къ берегу.

Вскорѣ послѣ этого имеретинскій царь хотя и прислалъ письмо къ генералъ-лейтенанту князю Волконскому [1]), въ которомъ говорилъ, что Баба-ханъ уговариваетъ его уклониться отъ поддан-

---

[1]) Бывшему въ то время правителемъ Грузіи.

ства Россіи, но на просьбу задержать посланнаго, Соломонъ отвѣтилъ тѣмъ, что онъ уже уѣхалъ [1]). Баба-ханъ просилъ оказать помощь царевичу Александру и прислать ему голову Литвинова, котораго, къ счастію, тогда не оказалось въ Кутаисѣ.

«Поведеніе царя, писалъ послѣдній, и разглашенія его князей на счетъ русскихъ, въ Кутаисѣ во время моего отсутствія происходившіе, нелѣпостію своею не заслуживаютъ никакого вниманія, но не меньше того оныя доказываютъ худое расположеніе всего сего скопища и какую осторожность должно брать на будущее время. Приходъ кораблей все перемѣнилъ, и царь болѣе не опасенъ не только вамъ, но и мнѣ» [2]).

Въ Имеретіи распускали разные ложные слухи на счетъ князя Циціанова и дѣйствія нашихъ войскъ. Съ прибавкою ко всему этому собственныхъ выдумокъ и разглашеній, Соломонъ пытался возмутить Лечгумъ и устрашить самого Дадіана.

Имеретинскій царь старался сначала обольстить князя Дадіана самыми выгодными предложеніями, а потомъ, когда это не подѣйствовало, то устрашить его распускаемыми слухами о неудачѣ русскихъ противъ персіянъ, о смерти князя Циціанова, и проч. Этотъ новый способъ оказался также недѣйствительнымъ; тогда Соломонъ обратилъ все свое стараніе на возмущеніе лечгумскихъ князей и народа. Крѣпость Дехвири служила ему въ этомъ случаѣ большимъ пособіемъ, находясь въ центрѣ Дадіановыхъ владѣній. Посылая подъ разными предлогами людей своихъ въ эту крѣпость, Соломонъ, при ихъ содѣйствіи, разглашалъ все, что могло служить въ его пользу. Посланные имеретины показывали подложныя письма и распускали слухъ объ истребленіи команды, находившейся при Литвиновѣ и убійствѣ послѣдняго въ Хоргѣ. Эти слухи заставили запретить посылку имеретинъ въ крѣпость Дехвири, которая была окружена владѣніями Дадіана, и самъ онъ жилъ отъ нея всего въ 10 или 12 верстахъ. Послѣдній, во избѣжаніе всякаго рода разглашеній, обѣщалъ содержать на свой счетъ находившійся въ крѣпости гарнизонъ, лишь бы только избавиться отъ лазутчиковъ Соломона. Съ своей стороны,

[1]) Князь Волконскій князю Циціанову 10-го сентября, № 246.
[2]) Литвиновъ князю Циціанову 14-го сентября, № 99.

царь имеретинскій не соглашался на это и считалъ постыднымъ, чтобы его люди получали провіантъ отъ Дадіана. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, провіантъ былъ ввезенъ въ сопровожденіи нашихъ казаковъ [1]).

Желая замѣтить Соломону, что поступки его извѣстны нашему правительству, князь Цiціановъ писалъ царю письмо, въ которомъ говорилъ, что будучи нелицемѣрно преданъ ему, не можетъ не сказать «со всею откровенностію», что Соломонъ имѣетъ у себя многихъ скрытныхъ непріятелей, старающихся разсѣять слухи, что онъ колеблется въ приверженности къ Россіи. «Открыть теперь имена ихъ, писалъ князь Цiціановъ, передъ вашимъ высочествомъ запрещаютъ мнѣ правила чести, а молчать могутъ ихъ заставить одни ваши дѣянія къ пользамъ и выгодамъ Россіи. Я же, душевно желая вамъ добра, надѣюсь въ скоромъ времени пресѣчь всѣ сіи непріятные слухи, обнявъ лично ваше высочество въ Кутаисѣ.»

Подобныя предупрежденія на Соломона не дѣйствовали, и онъ сталъ подговаривать Дадіана соединиться съ нимъ противъ русскихъ, обѣщая за то возвратить ему всѣ взятыя въ Лечгумѣ крѣпости. Для бо̀льшаго доказательства своего расположенія и дружбы, онъ обѣщалъ выдать Дадіану аманатовъ, и просилъ, чтобы онъ взялъ на себя уговорить Литвинова возвратиться въ Кутаисъ изъ Суджука, гдѣ тотъ находился. Для окончательнаго условія Соломонъ обѣщалъ прислать въ мингрельскому владѣльцу своихъ довѣренныхъ, Сехнію Цулукидзе и Джафаридзе, а чтобы пріѣздъ этихъ князей не подалъ повода къ подозрѣнію, то онъ далъ имъ порученіе къ Литвинову возобновить просьбу о Дехвири и требовать: или вывести гарнизонъ, или снабдить крѣпость провіантомъ.

Посольство это нашло Литвинова въ дорогѣ на возвратномъ пути изъ Лечгума къ морю. Князь Джафаридзе жаловался, что у царя отнимаютъ крѣпость и отдаютъ ее Дадіану; что Соломонъ будетъ жаловаться князю Цiціанову, и что онъ не съ тѣмъ вошелъ въ подданство Россіи, чтобы лишиться крѣпостей лечгумскихъ. Литвиновъ отвѣчалъ на это, что крѣпостей у

---

[1]) Литвиновъ князю Цiціанову 12-го октября 1804 г., № 107. Т. А. К. Н.

царя не отнимаютъ; что онъ представляетъ князю Циціанову всѣ свои рѣшенія, не только письменныя, но и словесныя, а что къ продовольствію гарнизона Дехвири онъ принимаетъ мѣры единственно для спокойствія Лечгума.

— Причину сему, говорилъ Литвиновъ, подали сами имеретины, которые не останутся безъ должнаго наказанія. Если же они то дѣлали по повелѣнію царя, тогда и онъ самъ будетъ отвѣчать.

— Неужели вы почитаете царя измѣнникомъ? спросилъ Джафаридзе Литвинова.

— Столь унизительное выраженіе нейдетъ къ особѣ царя, отвѣчалъ тотъ; но что онъ худо расположенъ къ русскимъ, сему имѣю письменныя доказательства, которыя въ свое время будутъ представлены князю Циціанову. Я другаго рѣшенія сдѣлать не могу и объявлю его въ присутствіи лечгумскаго князя Геловани, дабы черезъ него сообщено было и Дадіану, чтобы гарнизону данъ былъ свободный проходъ, если царь пожелаетъ его вывести, а крѣпость оставить запертою, не занимая оную Дадіановыми людьми. Если же гарнизонъ останется, то Дадіану снабжать оный всѣмъ нужнымъ; въ противномъ же случаѣ, какъ Дадіанъ, такъ и моуравъ его Геловани будутъ отвѣтствовать по законамъ, когда гарнизонъ будетъ терпѣть недостатки или голодъ.

— По всему видно, сказалъ Джафаридзе, что вы предались Дадіану и унизили передъ нимъ царя. Такая обида можетъ заставить лишиться васъ и вашего Государя.

«Ничего не отвѣчая на сіи угрозы, пишетъ Литвиновъ [1]), велѣлъ ему идти вонъ и объявить мое рѣшеніе царю.»

Дальнѣйшія интриги и происки Соломона заставили, однако, Литвинова удалиться изъ Кутаиса, чтобы царь Соломонъ, какъ говорится, не имѣя его въ своихъ рукахъ, ничего не могъ предпринять. Пребываніе свое онъ предполагалъ основать на зиму въ Сужунѣ, монастырѣ, принадлежащемъ архіерею Чконителю, извѣстному своею преданностію къ Россіи. Все это онъ располагалъ сдѣлать въ томъ случаѣ, если осенью войска не придутъ въ Мин-

¹) Кн. Циціанову 12 го октября 1804 г., № 107.

грелію; съ приходомъ же ихъ всѣ осторожности онъ считалъ излишними.

Князь Циціановъ не вполнѣ одобрялъ поведеніе Литвинова относительно царя Соломона и князя Дадіана.

«Сколько я не увѣренъ, писалъ онъ Литвинову [1]), о невѣрности царя Соломона, но явное преимущество давать князю Дадіану, доколѣ еще войска наши не прибыли, кажется не слѣдовало бы. Вѣрьте, что имеретинскій царь и глава Мингреліи одинаковой вѣрности, но послѣдній отъ слабости покорнѣе. Разглашеніе есть дѣло обыкновенное въ Азіи, но когда сила въ рукахъ, то они походятъ на басни и остаются всегда безъ дѣйствія; опытъ меня нѣсколько разъ удостовѣрялъ. Сила и осторожность однѣ оружія, коими здѣсь дѣйствовать можно, и чѣмъ болѣе оказывать пренебреженія къ подобнымъ разглашеніямъ, такъ какъ и къ ихъ доносчикамъ, то тѣмъ покойнѣе остаться можно, ибо здѣсь нерѣдко по личной враждѣ мараютъ другъ друга. Требованіе же имеретинскаго царя *о выдачѣ изъ курятника своихъ куръ* [2]), кажется справедливо и позволить можно.»

Литвиновъ также не препятствовалъ желанію Соломона «вывести куръ изъ курятника» и даже далъ билетъ для свободнаго ихъ прохода. Но царь желалъ вовсе не того. Подстрекаемый самыми злѣйшими намъ врагами: Сехніемъ Цулукидзе, княземъ Леонидзе и Ростомомъ Нижерадзе, вселявшихъ въ него мысли о намѣреніи нашего правительства поступить съ нимъ подобно тому, какъ поступили съ грузинскими царевичами, Соломонъ желалъ, подъ видомъ покорности, получить позволеніе снабдить крѣпость свою провіантомъ на долгое время. Онъ думалъ, что лечгумскій народъ по этому дозволенію заключитъ объ уваженіи, ему оказываемомъ русскими, и потому, отложившись отъ Дадіана, будетъ искать его подданства. Очень естественно, что дозволеніе князя Циціанова вывести гарнизонъ еще болѣе утвердило Соломона въ недоброжелательствѣ къ Россіи. Сдѣлавшись болѣе скрытнымъ, имеретинскій царь сталъ изыскивать средства къ уклоненію отъ

[1]) Шифрованное письмо кн. Циціанова Литвинову отъ 23-го октября 1804 г.

[2]) Подразумѣвая подъ этимъ гарнизонъ имеретинскаго царя, занимавшій крѣпости.

принятыхъ обязательствъ, но, къ сожалѣнію, скоро узналъ, что русскія войска и первые транспорты съ провіантомъ появились уже у береговъ рѣки Ріона.

Подходя къ пристани Поти, наша флотилія была встрѣчена воспрещеніемъ турецкаго начальника не только сгружаться, но и сходить кому либо на берегъ. Онъ не дозволялъ даже запастись водою, увѣряя, что безъ фирмана Порты самъ разрѣшить того не можетъ, и наотрѣзъ отказался пропустить какъ провіантъ, такъ и войска сухимъ путемъ въ Мингрелію.

— Не имѣя разрѣшенія начальства на проходъ русскихъ по Ріону, не могу дать имъ дороги, говорилъ турокъ.

— Возлѣ береговъ Дадіана, отвѣчалъ Литвиновъ, русскимъ проходъ столь же свободенъ, сколько вамъ возлѣ своихъ.

— У Дадіана нѣтъ земли, отвѣчалъ ага, а самъ Дадіанъ и царь Соломонъ съ своими землями и водами принадлежатъ турецкому султану. Если, не смотря на эти объясненія, прикажете вы идти своимъ войскамъ мимо Поти, то я не пропущу ихъ безъ кровопролитія.

Хотя послѣ продолжительныхъ переговоровъ и удалось выхлопотать дозволеніе приставать тамъ нашимъ транспортамъ, но дозволеніе это не могло, однако же, удовлетворить нашимъ желаніямъ. Нельзя было подчинять продовольствіе войскъ въ Мингреліи и Имеретіи зависимости и личному произволу турецкаго начальника, который изъ каприза запрещеніемъ выгружаться у Поти могъ оставить наши войска безъ продовольствія. Необходимо было отыскать другое мѣсто, хотя и не столь удобное для выгрузки, но болѣе обезпеченное отъ произвола. Послѣ долгихъ изысканій, устье рѣки Хопи было избрано пристанью, и въ октябрѣ 1804 года пришли уже туда изъ Севастополя два корабля «Михаилъ» и «Исидоръ» съ посаженными на нихъ ротами Бѣлевскаго полка. Дальнѣйшее движеніе полка и транспорта было сопряжено съ большими затрудненіями отъ потійскаго аги. Подстрекаемый многими недоброжелателями Россіи, онъ еще съ бо̀льшимъ упорствомъ чѣмъ прежде не соглашался пропустить суда наши по Ріону, мимо Поти, къ правому берегу рѣки, для высадки полка въ Мингреліи. Совѣты царя Соломона и ахалцыхскаго паши, врож-

денная азіятцамъ недовѣрчивость и, наконецъ, боязнь потерять Поти заставляли его такъ дѣйствовать. Когда Литвиновъ сообщилъ ему, что для дальнѣйшей перевозки провіанта онъ повезетъ его по Ріону, а войска пойдутъ сухимъ путемъ, то ага отвѣтилъ, что онъ дороги не дастъ. Литвиновъ принужденъ былъ послать къ агѣ нарочнаго, чтобы растолковать ему, что войска мимо Поти вовсе не пойдутъ, а повезется только одна мука, и просить, чтобы онъ объявилъ: на чемъ основаны права султана на мингрельскія владѣнія?

«Со всѣмъ тѣмъ могу васъ удостовѣрить, доносилъ Литвиновъ [1]), что хотя дороги по Ріону и не дадутъ, то войска не замедлю вывести къ берегу Ріона, и весь провіантъ перевозить сухимъ путемъ на людяхъ, потому что нѣтъ возможности имѣть ни быковъ, ни лошадей, да и дорога для арбъ неудобна. Шефъ полка и главная его квартира будутъ въ половинѣ или концѣ будущаго мѣсяца въ Кутаисѣ. Прочія же роты расположатся въ селеніяхъ по берегу Ріона, ибо подвозъ провіанта внутрь земли отъ главнаго ихъ магазина не только неудобенъ, но и невозможенъ.»

Обозрѣвая прибрежныя мѣста Мингреліи съ цѣлью отыскать удобное мѣсто, гдѣ бы можно было приставать судамъ нашимъ, не касаясь Поти, Литвиновъ пришелъ къ предположенію о соединеніи каналомъ рѣки Ріона съ рѣкою Циви, впадающей въ Хопи, при устьѣ которой производилась выгрузка. Для снятія береговъ и положенія рѣчныхъ водъ, былъ командированъ инженеръ-поручикъ Лашкаревъ, которому поручено осмотрѣть, не представится ли возможнымъ возвести укрѣпленіе при устьѣ рѣки Хопи и преимущественно на лѣвомъ берегу ея [2]).

Имѣя въ виду тотчасъ же приступить къ прорытію канала и зная, что работа эта могла состояться только при содѣйствіи войскъ, а не мѣстныхъ жителей, князь Циціановъ поручилъ Литвинову требовать нижнихъ чиновъ Бѣлевскаго полка, если только проведеніе канала окажется возможнымъ.

Соединеніе Циви съ Ріономъ оказалось неудобнымъ; каналъ

---

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову 16-го октября 1804 г., № 109.

[2]) Кн. Циціановъ къ Чарторижскому 29-го октября 1804 г. и Литвинову 3-го ноября 1804 г., № 467.

же, соединяющій Ріонъ съ Хопи, могъ обойтись слишкомъ дорого, и по этому на первый случай главнокомандующій предполагалъ имѣть въ мѣстечкѣ Хорги подводы для дальнѣйшей перевозки провіанта [1]). Съ этою цѣлью онъ поручилъ капитанъ-лейтенанту Канторино сдѣлать промѣръ рѣки Хопи. Эта работа была весьма важна для насъ, потому что, если предполагаемое черезъ рѣку Хопи сообщеніе съ Тавридою окажется возможнымъ, тогда не представлялось надобности ни въ Поти, ни въ другихъ пристаняхъ, находившихся во владѣніи турокъ; особенно если черезъ рѣку Хопи былъ бы возможенъ подвозъ желѣза и соли, составлявшихъ главный торгъ турокъ съ мингрельцами, тогда князь Циціановъ надѣялся, что владѣющій пристанью Поти турецкій ага, потерявъ важнѣйшіе свои доходы, добровольно согласится на уступку оной [2]).

Въ ожиданіи болѣе удобнаго сообщенія, Бѣлевскій полкъ долженъ былъ заниматься перевозкою на себѣ провіанта отъ Хопи до Ріона. Хотя все это разстояніе не превышало восьми верстъ, но перевозка была крайне затруднительна. Дорога, пересѣченная ручьями и двумя довольно глубокими рѣками, текущими въ непроходимомъ лѣсу, которыя во время дождей такъ возвышаются, что, выходя изъ береговъ, потопляютъ весь лѣсъ,—все это представляло немалыя затрудненія. «По первой дорогѣ, пишетъ Литвиновъ [3]), проложенной нарочно отряженнымъ для сего баталіономъ, я самъ шелъ по поясъ въ водѣ; на мостахъ оставались только перекладины, покрытыя на поларшина водою, по которымъ только ощупью идти можно было. По сей-то дорогѣ надлежитъ переносить на людяхъ провіантъ.»

Относительно размѣщенія полка представлялись также немалыя затрудненія. Кутаисъ былъ похожъ не на городъ, а на село, въ которомъ царь до лѣта 1804 г. никогда не жилъ, а разъѣзжалъ постоянно по своимъ владѣніямъ. У Дадіана же ничего кромѣ деревень не было: «есть курятники, принадлежащіе ему, князьямъ его дома и первѣйшимъ его владѣльцамъ, но всѣ они на непри-

---

[1]) Кн. Циціановъ Литвинову 24-го ноября 1804 г., № 477.

[2]) Кн. Циціановъ Государю Императору 30-го декабря 1804 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

[3]) Кн. Циціанову 12-го ноября, № 118.

ступныхъ высотахъ, къ которымъ проходы весьма затруднительны, и покушеніе занять оные произведетъ недовѣрчивость и большое волненіе въ умахъ тѣхъ, которые теперь оказались усердными къ волѣ Государя. Я согласенъ съ тѣмъ, что сіи замки истребить или овладѣть весьма нужно, но для сего нужна уловка и время [1])».

«Видя въ Грузіи, писалъ въ отвѣтъ на это главнокомандующій [2]), чрезъ два года моего пребыванія, въ какихъ дурныхъ землянкахъ квартируютъ солдаты, какъ мнѣ вообразить было, чтобъ Кутаисъ не былъ похожъ на село, такъ какъ вы меня извѣщаете, да и частныя съ царемъ переписки, въ продолженіе сего времени, доставили мнѣ, отъ посылаемыхъ къ нему, достаточныя свѣдѣнія объ образѣ ихъ жизни; слѣдовательно, когда я говорилъ о квартированіи войскъ въ столицѣ, то никогда не воображалъ найти въ Кутаисѣ домовъ и казармъ, похожихъ на европейскіе, а считалъ, что, буде невозможно помѣстить ихъ въ сакляхъ такихъ, въ коихъ нерѣдко я теперь живу по мѣсяцу и по два, то сдѣлать землянки по необходимости. Занятіе же крѣпостей я охотно соглашаюсь отложить до удобнѣйшаго времени, лишь бы, при первомъ неудовольствіи князей или царя, онѣ не послужили ко вреду русскимъ, подобно мтіулетинцамъ и здѣшнимъ осетинамъ, гдѣ я не оставлялъ до сего дня ни одной башни не сломавши.»

Независимо отъ неудобствъ по размѣщенію войскъ, продовольствіе ихъ было крайне затруднительно. Отъ сильныхъ вѣтровъ гребныя суда разбивало даже въ самомъ устьѣ Ріона; корабли же должны были возвращаться въ Хопи, гдѣ и доканчивать выгрузку хлѣба; они подвергались большой опасности потерпѣть крушеніе. Выгрузка прямо на правомъ берегу Ріона признана была всѣми не только неудобною, но и невозможною, и шла весьма медленно.

На все это князь Циціановъ отвѣчалъ Литвинову: «Я право не знаю, зачѣмъ полку на кораблѣ сидѣть, когда онъ присланъ на землѣ жить; провіантъ до сихъ поръ долженъ быть уже выгруженъ, слѣдовательно, и солдатамъ сидѣть не для чего; они могли бы въ устьѣ рѣки Хопи выгружаться; для хлѣбопеченія

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову 12-го ноября, № 118.
[2]) Кн. Циціановъ Литвинову 22-го ноября, № 477.

сдѣлать печи и готовить себѣ сухари на всякій случай. Но могу ли я о семъ судить, не имѣвши до сихъ поръ понятія о разстояніяхъ самонужнѣйшихъ, хотя бы по часамъ, какъ обычай есть у жителей, а именно: отъ устья рѣки Хопи до Одиши, отъ Одиши до Кутаиса и Лечгума; безъ сего познанія малаго о землѣ, я долженъ говорить самъ, какъ слѣпой о краскахъ» [1]).

Находя, однако же, необходимымъ расположить по одному баталіону въ Одиши, Лечгумѣ и Кутаисѣ, князь Циціановъ просилъ Литвинова позаботиться о казармахъ для ихъ помѣщенія. Цѣль такого расположенія главнокомандующій объяснялъ тѣмъ, что «въ томъ народѣ вѣрность еще не утверждена; силѣ надо быть въ сердцѣ онаго или въ столицахъ, откуда добро и зло во всѣ концы владѣнія выходятъ». Вытребовать однако же казармъ для помѣщенія полка Литвиновъ не могъ ни у царя Соломона, ни у Дадіана. Первый отговаривался «по недоброжелательству», а второй по неимѣнію на то средствъ. По предположенію князя Циціанова войска не могли быть размѣщены такъ, какъ онъ желалъ. Въ Лечгумѣ не было возможности помѣстить баталіонъ, потому что всѣ тяжести доставлялись туда только вьюками, слѣдовательно, доставка провіанта была крайне затруднительна, и весьма дорога, по неимѣнію достаточнаго количества лошадей. Въ Одиши же баталіонъ былъ нуженъ во избѣжаніе безпорядковъ, которые могли произойти послѣ неожиданной смерти Дадіана.

24-го октября 1804 года, послѣ кратковременной болѣзни, князь Григорій Дадіанъ скончался. Вотъ что писала объ этомъ князю Циціанову супруга покойнаго, княгиня Нина Георгіевна.

«Знаю, писала она [2]), что вы желаете узнать о насъ. Богъ прогнѣвался на нашъ домъ, на главы наши и на патрона Дадіана, наказавъ меня за грѣхъ. Какой-то Божій врагъ и измѣнникъ всемилостиваго Государя отравилъ его и убили посредствомъ яда. Въ животѣ у него не удержалось ни сердца, ни печени: часть онъ выбросилъ изо рта, часть задомъ черезъ испражненія, и этимъ его убили. Теперь, государь мой, это подлежитъ вашему спросу; нашъ домъ опирается на васъ, мы надѣемся, что

---

[1]) Кн. Циціановъ Литвинову 14 го ноября, № 476.
[2]) Отъ 25-го октября 1804 г. Акты Кав. Археогр. Комм., т. II, № 943.

спросите о насъ и о живыхъ, и о мертвыхъ; умоляю васъ о томъ. Пока въ Дадіанѣ была душа, онъ существовалъ вашею милостію, а я другаго попечителя и милостивца не имѣю кромѣ васъ. Прошу вашу милость, чтобы теперь же скорѣе, безъ проволочки времени, прибыли сюда, взявъ съ собою и лекаря, для изслѣдованія сего дѣла и узнанія, какъ его убили и кто убилъ; взгляните и на наше положеніе, каково оно, и затѣмъ каковъ будетъ вашъ приказъ, такъ все здѣшнее дѣло и устроится.»

Смерть Дадіана была совершенною загадкою для всѣхъ. За недѣлю до своей кончины онъ присылалъ къ Литвинову сказать, что здоровъ и пріѣдетъ къ нему въ Одиши. Подозрѣніе хотя и падало на лечившаго его католическаго ксендза Николо, котораго онъ призывалъ къ себѣ вопреки совѣтамъ Литвинова, но оно не подтвердилось и едва-ли было справедливо. Подозрѣніе это главнѣйшимъ образомъ происходило отъ того, что ксендзъ Николо весьма часто ѣздилъ въ Имеретію къ царю Соломону, котораго также не считали чуждымъ этого преступленія. Пораженный нечаянностью кончины, князь Цицiановъ готовъ былъ дать нѣкоторую сумму денегъ, для отысканія ясныхъ уликъ и виновныхъ въ отравленіи, но при всѣхъ стараніяхъ дѣло это осталось неразъясненнымъ. Получивши свѣдѣніе, что ксендзъ Николо уѣхалъ въ Имеретію, князь Цицiановъ потребовалъ его выдачи. Николо былъ арестованъ и отправленъ въ городъ Гори, а оттуда въ Ганжу, гдѣ находился тогда главнокомандующій. Послѣдній требовалъ отъ него чистосердечнаго объясненія случившагося. Николо показалъ, что, находясь въ Мингреліи, онъ пользовался большимъ расположеніемъ князя Григорія Дадіана, который часто снабжалъ его деньгами, подарилъ ему лошадь, часы, деревню въ 30 дворовъ и назначилъ ему ежегодную пенсію въ 300 руб. Ксендзъ говорилъ, что Дадіанъ посылалъ его нѣсколько разъ въ Имеретію для переговоровъ съ царемъ Соломономъ, который, познакомившись съ нимъ, потребовалъ къ себѣ для леченія заболѣвшей царицы. Отправившись съ дозволенія самого князя Григорія въ Имеретію, онъ получилъ тамъ письмо о болѣзни владѣтеля Мингреліи и хотя торопился подать ему помощь, но пріѣхавши 24-го октября, нашелъ его уже мертвымъ. По наведеннымъ справкамъ, онъ узналъ, что

Дадіана лечила лекарка Зева. Николо призвалъ ее и при собраніи просилъ разсказать обстоятельства, предшествовавшія кончинѣ.

— Послѣ твоего лекарства, говорила Зева, Дадіанъ былъ истинно здоровъ, такъ что, оправясь въ тѣлѣ, имѣлъ чрезвычайный апетитъ. Въ субботу онъ приказалъ женѣ подать себѣ ужинъ. Изготовя курицу съ масломъ, княгиня Нина отослала ее мужу. Съѣвши половину, Дадіанъ сказалъ: какъ невкусна курица, но по тогдашнему его апетиту, съѣлъ всю безъ остатка. Въ полночь онъ почувствовалъ жестокую боль въ желудкѣ, спрашивалъ у жены съ кѣмъ она присылала. Дадіанъ потребовалъ твоихъ (ксендза Николо) пилюль, но вмѣсто ихъ были принесены другія, переполненныя опіумомъ. Послѣ пріема пилюль, въ полночь, ему сдѣлалось хуже, и онъ приказалъ позвать меня. Я сказала, что не въ состояніи его вылечить, потому что, по мнѣнію моему, онъ долженъ быть отравленъ, и совѣтовала призвать тебя. Услыхавши о томъ, княгиня Нина запретила, подъ страхомъ наказанія, говорить объ отравленіи, присовокупивъ, что кто можетъ отравить Дадіана?

Вслѣдъ затѣмъ патеръ Николо вмѣстѣ съ лекаркою отправились къ княгинѣ Нинѣ.

— Зачѣмъ вы дали Дадіану опіумъ? спросилъ Николо.

— Я сдѣлала это по ошибкѣ, отвѣчала Нина, но что дѣлать!

«Видя я самъ, писалъ Николо [1]), что уже помочь не чѣмъ, сталъ плакать.»

— Не плачьте, утѣшала его Нина, я знаю, что скоро мой сынъ Леванъ будетъ Дадіаномъ, онъ еще болѣе васъ одаритъ и будетъ милостивѣе къ вамъ.

Такимъ образомъ, Николо обвинялъ во всемъ княгиню Нину и оправдывалъ себя.

— Я признаю себя виновнымъ, говорилъ Николо, если докажутъ, что я былъ въ отлучкѣ изъ Мингреліи менѣе двадцати девяти дней.

Послѣ такихъ словъ князю Цицianову было трудно обвинить патера Николо; точно также не было основанія, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ, смотрѣть на княгиню Нину, какъ на

---

[1]) Изъ прошенія Николо императору Александру отъ 30-го сентября 1806 г.

участницу въ смерти мужа, хотя послѣдующее ея поведеніе и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, для нея невыгоднымъ.

Дадіанъ, хотя и умеръ скоропостижно, но былъ въ состояніи написать письмо князю簠Циціанову, въ которомъ, прося за жену и дѣтей, не высказывалъ однако же подозрѣнія о томъ, что былъ отравленъ или умираетъ не своею смертью.

«Кромѣ этого письма, я тебѣ уже не напишу, писалъ онъ князю Циціанову [1]), и это я съ трудомъ успѣлъ изготовить передъ смертью. Судьею моего помышленія есть Богъ, что, еслибъ смерть меня не застигла, я хотѣлъ служить вѣрно всемилостивѣйшему Государю и твоему высокошествію; но смерть, могила и саванъ остановили мою службу, и я успѣлъ написать это письмо къ твоему высокошествію. Помните ли, милостивый государь мой, какъ вы обѣщались быть у меня; но я уже васъ не встрѣчу: обвязанный саваномъ по рукамъ и ногамъ, буду лежать въ могилѣ. Ахъ, еслибъ хоть разъ я удостоился видѣть васъ и послужить вамъ, а тамъ пусть бы совершилось что Богу угодно! Вѣдь ты знаешь, господинъ мой, въ какой нуждѣ я находился и какъ ты мнѣ помогъ—это извѣстно твоему величію; но теперь я сдѣлался еще болѣе нуждающимся и покинутымъ; однако же въ нуждѣ я привыкъ къ твоему содѣйствію и въ эти два послѣдніе дня своей жизни опять поспѣшилъ къ тебѣ съ словомъ и мольбою. Ты, твое величіе и боголюбіе знаютъ, какую милость ты мнѣ окажешь, милость эта будетъ состоять въ томъ, чтобы призрѣть мою сироту и вдову мою. Я предаю тебѣ царевну Нину и сыновей ея Левана и Георгія: съ какою отеческою любовью заботился ты обо мнѣ, такую же милость окажи и имъ. Не упраздняй повелѣнія всемилостиваго Государя и кромѣ моего Левана никто да не будетъ наслѣдникомъ Одиши и Лечгума; вдовѣ и сиротѣ замѣни отца, я ихъ ввѣряю тебѣ; да вѣдаете ты и твой Христосъ, какъ ты за ними присмотришь. Прощаюсь съ тобою, мой милостивецъ и государь; ты будь здоровъ, а я вотъ уже отхожу.»

Смерть Дадіана подала поводъ къ волненіямъ въ Мингреліи.

---

[1]) Отъ 19-го октября 1804 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 956.

Братья покойнаго были въ этомъ случаѣ зачинщиками. Въ особенности подозрительнымъ являлся Манучаръ съ женою умершаго Дадіана Ниною Григорьевною, женщиною отважною, хитрою и самолюбивою. Жена Дадіана хотѣла сама управлять княжествомъ, и можно было предвидѣть, что ни она, ни Манучаръ не останутся покойными зрителями этой перемѣны, а употребятъ всѣ усилія къ возмущенію князей и народа, тѣмъ болѣе, что Манучаръ былъ не расположенъ къ Россіи. «Недоброжелательство его тѣмъ болѣе примѣтно, писалъ Литвиновъ [1]), что онъ до сихъ поръ не хотѣлъ со мною видѣться и изъявить малѣйшую наклонность повиноваться волѣ Государя.»

«Смерть Дадіана, писалъ онъ въ другомъ донесеніи [2]), привела всѣ умы въ сильное волненіе; бунтъ, возбуждаемый царемъ (Соломономъ) и братьями Дадіана Манучаромъ и Даріеломъ, неизбѣженъ, если хотя нѣкоторая часть войскъ не покажется въ Одиши. Я уже отнесся къ шефу полка, прося его въ самой скорости дать повелѣніе баталіону, вышедшему на чистую дорогу, придти соединиться съ моею командою.»

Мать умершаго князя Григорія Дадіана царица Анна просила князя Циціанова утвердить въ званіи Дадіана втораго своего сына Манучара и оставить во владѣніи ея тѣ имѣнія, которыя пожалованы ей мужемъ и покойнымъ сыномъ.

Самъ Манучаръ обращался съ такою же просьбою къ главнокомандующему, говоря, что рѣшается просить его объ этомъ потому, что управлялъ уже Мингреліею въ теченіе семи лѣтъ, что народъ желаетъ имѣть его своимъ Дадіаномъ, а главное потому, что нѣтъ въ виду такого человѣка, который бы могъ управлять землею. «Весь Одиши и Лечгумъ въ такомъ положеніи, писалъ онъ, что даже и четвертая часть населенія не служитъ вашему войску и генералу, потому что нѣтъ надъ ними головы и правителя.»

Предлагая свои услуги и клянясь въ вѣрности, Манучаръ въ то же время писалъ, что если желаютъ его «рабства и службы»,

---

1) Кн. Циціанову 25-го октября 1804 г.
2) Отъ 2-го ноября 1804 г., № 113.

то чтобы оставили въ его распоряженіи прежнія его имѣнія [1]). Въ отвѣтъ на такое требованіе, главнокомандующій писалъ, что семь или семьдесятъ лѣтъ Манучаръ управлялъ Мингреліею, ему въ томъ мало нужды, но что онъ знаетъ Манучара какъ человѣка, занимающагося дѣломъ, противнымъ христіанскому исповѣданію, т. е. плѣннопродавствомъ; что онъ, будучи единоутробнымъ князю Григорію, всегда «злодѣйствовалъ ему»; что если четвертая часть населенія не служитъ войскамъ, то онъ будетъ стараться кротостію побѣждать упрямство, но если кротость не будетъ имѣть успѣха, то истребитъ коварныхъ съ лица земли, «и доколѣ капля крови въ жилахъ моихъ останется, писалъ князь Циціановъ [2]), дотолѣ я пребуду врагомъ непримиримымъ поджигателей возмущенія и погребу ихъ въ Черномъ морѣ, яко вредное быліе». Онъ совѣтовалъ Манучару быть вѣрнымъ и усерднымъ не на словахъ, а на дѣлѣ, знать, что никакое краснорѣчіе не удостовѣряетъ въ вѣрности, когда поведеніе тому противно.

Прямымъ наслѣдникомъ Дадіана былъ сынъ его Леванъ, тогда еще несовершеннолѣтній. Будучи десяти лѣтъ, Леванъ за долгъ отца находился заложникомъ у Келишъ-бека, владѣльца абхазскаго. Литвиновъ писалъ Келишъ-беку, прося его возвратить наслѣдника Мингреліи, но владѣтель Абхазіи на письма отвѣчалъ словесно посланному, что Левана не возвратитъ.

Надежда выручить Левана мирнымъ путемъ ласкала князя Циціанова главнымъ образомъ потому, что Келишъ-бекъ еще въ 1803 году, черезъ князя Григорія Дадіана, искалъ покровительства Россіи. На дѣлѣ оказалось, что абхазскій владѣтель, какъ и всѣ вообще азіятцы, придерживался двуличнаго поведенія: желалъ покровительства, когда считалъ это выгоднымъ для себя, и тотчасъ же объявилъ себя подданнымъ Порты, какъ только увидѣлъ, что можетъ получить плату за освобожденіе Левана.

Пока шли переговоры объ освобожденіи наслѣдника, главнокомандующій находилъ необходимымъ для сохраненія спокойствія въ странѣ установить въ Мингреліи временное правленіе и опеку изъ первѣйшихъ князей страны. «Не нужно ли въ тотъ совѣтъ пра-

[1]) См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, №№ 967 и 968.
[2]) Акты Кавк. Археог. Комм., т. II, № 992.

вленія, писалъ князь Цицiановъ Литвинову [1]), посадить мать наслѣдника и супругу покойнаго, буде не найдете въ противорѣчіи то, что, она, по общему слуху, великая интриганка, какъ и мать покойнаго, кои могутъ остаться при своихъ царицыныхъ имѣніяхъ съ пенсіонами, кои надѣюсь Государь Императоръ изволитъ имъ назначить.»

Князь Цицiановъ просилъ согласія императора Александра на утвержденіе Левана законнымъ владѣльцемъ съ тѣмъ, чтобы до совершеннолѣтія мать его, супругу покойнаго Дадіана, назвать попечительницею княжества Мингрельскаго, придавъ ей въ помощь одного изъ братьевъ покойнаго Григорія Дадіана и четырехъ знатнѣйшихъ князей по выбору главноуправляющаго.

«Сей совѣтъ, писалъ князь Цицiановъ, имѣетъ разбирать всѣ малыя ссоры и небольшую важность заключающія въ себѣ дѣла, но смертоубійцъ и плѣннопродавцевъ отсылать къ россійскому военному суду въ находящійся тамъ полкъ. Давъ названіе временнаго управленія сему совѣту, до учрежденія новыхъ законовъ и постановленій, и позволяя особамъ, составляющимъ управленіе, судить на мѣстѣ въ самыхъ провинціяхъ, гдѣ преступленіе или ссора сдѣлана, ибо, по обычаямъ ихъ, весьма бы затруднительно было свести ихъ въ одно мѣсто и заставить для судопроизводства жить безсмѣнно, что почли бы они тягчайшимъ бременемъ, привыкши жить въ своихъ деревняхъ на счетъ подданныхъ. Наконецъ, необходимѣйшимъ признаю я снабдить младаго сего князя наставникомъ, который бы, занявшись воспитаніемъ его, далъ бы ему понятіе о вещахъ противное тому, каковое имѣли его предки и имѣютъ его родственники, ко вреду рода человѣческаго, упражняясь плѣннопродавствомъ. Направивъ же его нравственность къ добру можно бы тѣмъ устроить и благоденствіе народа ему подвластнаго [2]).»

Не ожидая окончательныхъ инструкцій изъ Петербурга, Литвиновъ, по приказанію князя Цицiанова, объявилъ Левана наслѣдникомъ и отобралъ подписки у мингрельскихъ князей о повино-

---

[1]) Отъ 12-го ноября, № 468.

[2]) Кн. Цицiановъ Государю Императору, 13-го декабря 1804 г. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ, 1—7, 1804, № 1.

веніи Левану. Эта мѣра, а вслѣдъ затѣмъ прибытіе Бѣлевскаго полка устрашила претендентовъ на наслѣдство, и начинавшіеся безпорядки прекратились. Чтобы и въ будущемъ сохранить спокойствіе страны, предполагалось одинъ баталіонъ оставить въ Одиши, а два другіе отправить въ Имеретію и помѣстить въ самомъ Кутаисѣ и его окрестностяхъ. «Какъ только, писалъ Литвиновъ, около имеретинскаго царя будетъ сила, его устрашающая, то онъ будетъ во всемъ покоренъ.»

Дѣйствительно, Соломонъ былъ въ это время въ большомъ страхѣ отъ одного извѣстія о прибытіи русскихъ войскъ. Еще нѣсколько ранѣе этого, когда царь получилъ согласіе главнокомандующаго на то, чтобы вывести свой гарнизонъ изъ Дехвири, онъ былъ такъ встревоженъ этимъ, что сначала самъ хотѣлъ оставить Кутаисъ и уйти въ Лечгумъ, но потомъ раздумавъ, онъ на другой день послалъ туда свои войска, которыя, однако же, были остановлены княземъ Геловани. Тогда имеретинскій царь обратилъ всѣ свои замыслы на одишійскихъ князей, которыхъ увѣрилъ, что Литвиновъ имѣетъ порученіе, по примѣру грузинскихъ царевичей, всѣхъ ихъ схватя, отправить на карабляхъ въ Сибирь. Введя баталіонъ въ Одиши, Литвиновъ едва могъ успокоить однихъ и устрашить другихъ, желавшихъ безпорядковъ. Потерявъ надежду, ожидаемую отъ возмущеній, Соломонъ избралъ другой родъ дѣйствій. Онъ подослалъ къ Литвинову кн. Леонидзе съ предложеніемъ, что если онъ будетъ стараться доставить ему Лечгумъ, то царь дастъ ему за то 7,000 руб.

«Вашему сіятельству извѣстна хитрость сего человѣка, писалъ Литвиновъ [1]), то можете чувствовать, сколь было трудно непривыкшему лгать и обманывать сего льстеца, которому подалъ всю надежду, что на предложеніе царя просилъ напередъ выполнить мои требованія, дабы я черезъ то могъ его помирить съ вашимъ сіятельствомъ, тогда бы его высочество ожидалъ покойно опредѣленія вашего, которое будетъ согласно съ моимъ представленіемъ.»

Требованія Литвинова заключались въ томъ, чтобы Соломонъ

---

[1]) Литвиновъ къ кн. Циціанову 10-го ноября 1804 г. Т. А. К. Н.

вывелъ немедленно войска свои изъ Лечгума, чтобы далъ пособіе лодками для перевозки людей и провіанта, чтобы Манучара и Даріела, братьевъ Дадіановыхъ, склонилъ повиноваться волѣ Государя, чтобы назначилъ и приготовилъ къ отправленію въ С.-Петербургъ депутатовъ и, наконецъ, заготовилъ лѣсъ, для построенія казармъ нашимъ войскамъ.

Когда всѣ эти требованія будутъ выполнены, тогда Литвиновъ обѣщалъ похлопотать о пользѣ имеретинскаго царя и начать съ того, чтобы уговорить кн. Циціанова на утвержденіе правъ его на Лечгумъ.

Требованіе лѣса для постройки казармъ, а потомъ извѣстіе, что скоро въ Кутаисъ прибудетъ баталіонъ пѣхоты испугали и разстроили Соломона. Онъ прислалъ къ Литвинову салтхуцеса и кн. Леонидзе съ просьбою не помѣщать всего баталіона въ Кутаисѣ. Имеретинскій царь говорилъ, что онъ и царица такъ устрашены этимъ, что готовы оставить Кутаисъ скорѣе, чѣмъ ожидать вступленія баталіона. Они просили, чтобы въ Кутаисѣ помѣщена была одна рота, а прочія войска въ 40 верстахъ отъ него, на берегу Ріона, въ Санавардо, какъ въ пунктѣ весьма хорошемъ, ведущемъ хлѣбную торговлю съ Поти, гдѣ и обѣщалъ отвести для нихъ квартиры. Соломонъ клялся въ своей вѣрности, называлъ князя Циціанова своимъ благодѣтелемъ, благодарилъ за его отцовскую къ нему милость и пѣнялъ на то, что князь Циціановъ смотритъ на него недовѣрчиво. «Съ горечью дивлюсь тому, писалъ Соломонъ, что получаю отъ васъ гнѣвныя письма, которыя вселяютъ даже отчаяніе въ мое сердце...» [1])

«Ваше высочество называете мои письма гнѣвными, отвѣчалъ князь Циціановъ [2]), тогда какъ никто не назоветъ ихъ иначе какъ откровенными. Вы сами изволите упоминать въ письмѣ, что при свиданіи со мною требовали отъ меня отеческихъ наставленій, то какъ же, при такомъ лестномъ для меня названіи, употреблять лесть, подобно неблаговоспитаннымъ измѣнникамъ своихъ изрѣченій. Я христіанинъ не потому только, что при звонѣ

---

[1]) См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 422, № 824.

[2]) Соломону отъ 17-го декабря 1804 г., № 492. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 419.

или ударѣ колокола крещусь, а хочу быть христіаниномъ по духу и по плоти, хочу нести крестъ Спасителя нашего Іисуса Христа среди опасностей и козней дьявольскихъ лезгинскихъ, имеретинскихъ и грузинскихъ. Надѣюсь притомъ на благость Божію, что въ сихъ послѣднихъ двухъ владѣніяхъ найдутся люди, которые признаютъ во мнѣ христіанскую добродѣтель и признаютъ, что уста мои не вѣдаютъ лжи. Вашему высочеству угодно, чтобъ не токмо баталіонъ, но и рота въ Кутаисѣ не стояли... Позвольте мнѣ васъ спросить: когда я, по долгу моему, всеподданнѣйше донесу о семъ вашего высочества желаніи, то сей милосердый и ангелоподобный великій Государь Императоръ не ясно ли признаетъ ваше недовѣріе къ его благонамѣренному о васъ попеченію и къ его войску, не оскорбится ли симъ вашимъ желаніемъ, похожимъ на неблагодарность? Содрогаюсь, воображая себѣ, что, при всемъ наиискреннѣйшемъ моемъ доброжелательствѣ къ вашему высочеству, увижу навлеченіе гнѣва его величества за оное требованіе на васъ, и для того клянусь Богомъ, въ котораго исповѣдую, что я воздержусь еще о семъ всеподданнѣйше донесть...»

Имѣя въ виду, что только въ Кутаисѣ и его окрестностяхъ могла производиться закупка провіанта и что прибытіе войскъ въ Имеретію будетъ содѣйствовать скорѣйшему успокоенію страны, князь Циціановъ приказалъ расположить одинъ баталіонъ въ Одиши, другой съ двумя фалконетами въ Санавардо и, наконецъ, третій въ Хундзе, на дорогѣ, ведущей въ Лечгумъ.

Такое размѣщеніе войскъ относительно продовольствія было далеко неудовлетворительно. За неприходомъ нашихъ судовъ разсчитывать на скорую доставку провіанта было нечего и приходилось покупать его на мѣстѣ, отчего цѣны на все быстро возвысились. Наконецъ, 2-го декабря пришелъ къ устью рѣки Хопи корабль «Тольская Богородица» съ провіантомъ и двумя ротами Бѣлевскаго полка [1]). Тотчасъ же приступлено было къ покупкѣ арбъ и воловъ для перевозки провіанта къ устью рѣки Ріона, чтобы оттуда доставлять его на лодкахъ къ мѣсту расположенія войскъ. Но во

---

[1]) Корабль этотъ вышелъ изъ Севастополя въ одинъ день съ кораблями «Михаиломъ» и «Исидоромъ», но на третій день по выходѣ изъ порта отсталъ отъ нихъ.

время разгрузки, 8-го декабря, отъ усилившагося вѣтра, корабль разбился. На немъ погибло 168 человѣкъ экипажа и весь провіантъ, за исключеніемъ 400 четв. муки, которую успѣли выгрузить.

Роты же Бѣлевскаго полка, какъ бывшія уже на берегу, остались невредимыми.

Донося о погибели корабля, князь Цицiановъ писалъ [1]), что, по его мнѣнію, «отъ ноября до апрѣля большимъ кораблямъ ходить къ берегамъ Мингреліи не слѣдуетъ, и какъ провіантскіе запасы, такъ и для торговъ суда должны приходить лѣтомъ и, не останавливаясь у береговъ, а сгружая все, что имѣютъ, поспѣшнѣе возвращаться. Доказательствомъ же тому, что въ лѣтнее и удобное время даже и на малыхъ судахъ плаваніе по оному морю безопасно, служить можетъ то, что донскіе наши казаки ходятъ съ солью на лодкахъ не токмо до мингрельскихъ береговъ, но и до самаго Трапезонта».

Между тѣмъ Соломонъ съ семействомъ оставилъ Кутаисъ и поселился въ деревнѣ Вардцыхѣ, гдѣ, по слухамъ, занимался черезъ ахалцыхскаго пашу переговорами съ турецкимъ дворомъ. Онъ искалъ покровительства Порты, обѣщая всѣ крѣпости, бывшія на границѣ Имеретіи и во власти турокъ, возобновить на свой счетъ, если Порта добьется того, что русскія войска будутъ выведены изъ Имеретіи.

Встрѣтивъ на первыхъ порахъ затрудненіе въ своихъ исканіяхъ, Соломонъ принужденъ былъ возвратиться въ Кутаисъ.

«Но все, что могъ отъ него истребовать, доносилъ Литвиновъ, состоитъ въ томъ, что онъ соглашается на учрежденіе почтъ по назначенію вашего сіятельства; на обнародованіе наказанія за плѣннопродавство и на обнародованіе отъ своего лица, чтобы всѣ кутаисскіе жители свободно и безъ всякой боязни обязывались поставкою муки и крупъ для войскъ, чего прежде дѣлать не смѣли, отговариваясь запрещеніемъ царя.

«Касательно постоя войскъ, царь не можетъ рѣшиться ввести оныя въ Кутаисъ, отговариваясь разглашеніемъ, до свѣдѣнія его

[1]) Рапортъ Государю Императору 30-го декабря 1804 г., № 25. Воен. учен. Арх. Главн. Штаба.

дошедшимъ, будто дано повелѣніе Государя, схватя его, отправить въ Россію; ничѣмъ увѣрить его не могъ; между прочимъ рѣшительно мнѣ объявилъ, что, введя войска въ Кутаисъ, онъ не отвѣчаетъ за снабженіе ихъ провіантомъ, и что они потерпятъ голодъ. Расположась же за день хода отъ Кутаиса, онъ отвѣчаетъ за достаточное продовольствіе, гдѣ отведено будетъ достаточное количество домовъ, привезется глина и камни, для печей будутъ доставляться дрова. Невозможность имѣть свой провіантъ заставляетъ уступить въ семъ случаѣ, до того времени, пока дорога или перевозка провіанта кончится, магазины учредятся, волы и арбы будутъ готовы [1].»

XII.

Сосредоточеніе персидскихъ войскъ у Тавриза. — Причины тому. — Враждебныя дѣйствія эриванскаго хана противъ Россіи. — Кончина армянскаго патріарха Гукаса.—Споры и борьба партій при избраніи католикоса. — Увѣренность Іосифа Аргутинскаго, что онъ будетъ преемникомъ Гукаса. — Избраніе Даніила верховнымъ патріархомъ всѣхъ армянъ. — Старанія Іосифа воспрепятствовать этому выбору. — Требованіе петербургскаго кабинета. — Согласіе Порты утвердить католикосомъ Іосифа. — Отъѣздъ его въ Астрахань. — Просьба о наградахъ. — Прибытіе Іосифа въ Тифлисъ, болѣзнь и кончина его. — Интриги архимандрита Георгія.— Ложное духовное завѣщаніе Іосифа.—Избраніе духовенствомъ Даніила преемникомъ Іосифа. — Архіепископъ Давидъ, при содѣйствіи хана эриванскаго и нѣсколькихъ лицъ, ему преданныхъ, провозглашаетъ себя верховнымъ патріархомъ всѣхъ армянъ.

Въ то время, когда шли самые горячіе переговоры о вступленіи Имеретіи въ подданство Россіи, до князя Циціанова стали доходить слухи о сборѣ значительнаго числа персидскихъ войскъ у Тавриза [2]. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что въ этотъ городъ прибылъ изъ Тегерана, вмѣстѣ съ царевичемъ Александромъ, сынъ Баба-хана и его наслѣдникъ Аббасъ-Мирза [3], успѣвшій, какъ увидимъ ниже, собрать съ разныхъ сторонъ до 40,000 человѣкъ вооруженныхъ персіянъ. Съ тѣхъ поръ, какъ русскія войска пере-

---

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову, 24-го декабря 1804 г.

[2]) Князь Циціановъ князю Чарторижскому отъ 25-го апрѣля 1804 г., № 194. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1803—1812 гг., № 7.

[3]) Онъ извѣстенъ былъ также подъ именемъ *Шахъ-Задэ,* что вообще означаетъ принца или родственника шаха.

валили черезъ главвый хребетъ Кавказскихъ горъ и власть русскаго правительства стала распространяться въ Закавказьѣ, персидскій владѣтель Баба-ханъ (впослѣдствіи царствующій Фетъ-Али-шахъ) съ безпокойствомъ смотрѣлъ на это непріятное для него сосѣдство, противорѣчащее властолюбивымъ его видамъ.

Съ прибытіемъ князя Циціанова, могущественное вліяніе Россіи надъ тамошними народами, сдѣлавшись опредѣленнымъ и рѣшительнымъ, замѣтно возрастало.

Съ паденіемъ Ганжи, мусульманскіе ханы, находившіеся на востокъ отъ Грузіи, одинъ за другимъ искали покровительства Россіи, а лежавшія на западъ христіанскія владѣнія: Имеретія, Мингрелія и Гурія приняли уже подданство и даже абхазскій владѣтель Келишъ-бекъ склонялся на сторону Россіи и искалъ ея покровительства.

Баба-ханъ всѣми возможными средствами, хотя и безуспѣшно, старался противодѣйствовать вліянію Россіи и ея новымъ пріобрѣтеніямъ. Собственныя неудачи и успѣхъ противниковъ только усиливали гнѣвъ властителя Персіи, искавшаго лишь повода къ тому, чтобы открыть военныя дѣйствія противъ Россіи. Поводомъ къ тому была просьба эриванскаго хана защитить его отъ притязаній Россіи, вызванныхъ вмѣшательствомъ хана въ дѣла армянъ по поводу избранія ими верховнаго партіарха.

Осенью 1799 года патріархъ армянскаго народа Гукасъ лежалъ на смертномъ одрѣ, и всѣ ожидали скорой его кончины. Вопросъ, кто будетъ его преемникомъ, волновалъ многихъ и въ особенности тѣхъ, кто разсчитывалъ заступить его мѣсто. Въ числѣ ихъ прежде другихъ былъ архіепископъ Іосифъ (изъ фамиліи князей Аргутинскихъ), управлявшій армянскою церковью въ Россіи.

Надѣясь на сильную поддержку русскаго правительства, онъ разсчитывалъ побороть всѣ препятствія, отстранить всѣхъ соперниковъ и быть избраннымъ католикосомъ, или верховнымъ патріархомъ армянскаго народа. Имѣя многочисленныхъ и вліятельныхъ родственниковъ среди грузинскихъ армянъ, Іосифъ велъ дѣятельную переписку, какъ съ ними, такъ и съ нѣкоторыми епископами, жившими въ Эчміадзинѣ—резиденціи католикосовъ. Перепи-

сываясь со всѣми друзьями, онъ пріучалъ ихъ къ мысли, что кромѣ его никто не можетъ замѣнить патріарха и только онъ одинъ въ силахъ извлечь армянъ изъ того рабства, которое испытываютъ они, находясь подъ властью магометанъ. Іосифъ мечталъ объ образованіи самостоятельнаго армянскаго царства, и многіе вѣрили въ возможность осуществленія его широкихъ замысловъ. Хотя событія послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II охладили сочувствіе армянъ къ Іосифу, но среди ихъ находились еще немногія лица, вѣрившія въ его силу. Такія лица, естественно, желали имѣть его во главѣ духовенства и сообщали ему обо всемъ, происходившемъ въ Эчміадзинѣ.

«Вотъ уже глава нашъ и владыка (патріархъ Гукасъ) старъ и опасно болѣнъ», писалъ Іосифу архіепископъ Давидъ Каргановъ [1]), «а время нынѣ смутное, и въ странѣ нашей нѣтъ мира. Хотя мы увѣрены, что пока пастырь нашъ живъ, мы можемъ съ твердостью перенести всѣ невзгоды, какъ уже не разъ съ терпѣніемъ переносили и предъ симъ. Такъ какъ всѣ мы смертны, а въ особенности при такой старости, въ какой находится нашъ владыка, то не можемъ скрыть, что престолъ нашъ (эчміадзинскій) лишенъ подобныхъ вамъ пастырей, которые достойно бы замѣнили намъ отца. Посему мы въ недоумѣніи и безъ васъ не въ состояніи ничего рѣшить, тѣмъ болѣе, что намъ неизвѣстно ваше мнѣніе: желаете ли пріѣхать въ наши страны или нѣтъ? Все это необходимо мнѣ знать, дабы согласно тому и дѣйствовать. И хотя, быть можетъ, мы умремъ раньше чѣмъ тотъ, кончины котораго мы ожидаемъ, но во всякомъ случаѣ сообщите мнѣ ваши мысли, дабы если Всевышнему угодно было продлить нашу жизнь и что нибудь такое случится (кончина патріарха), то я, уже заручившись вами, могъ бы смѣло дѣйствовать въ вашу пользу.»

Іосифъ, конечно, уполномочилъ Давида хлопотать объ его избраніи въ Эчміадзинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ полезнымъ заручиться тѣмъ же въ Грузіи и Константинополѣ. Онъ просилъ царя, его сына и многихъ грузинскихъ князей, чтобъ они настояли на

---

[1]) Изъ Эчміадзина отъ 27-го ноября 1799. «Кавказская Старина». 1873, стр. 95.

избраніи его католикосомъ и писалъ константинопольскому патріарху Даніилу, будто бы получилъ множество писемъ изъ Грузіи и изъ Эчміадзина, которыми приглашаютъ его «принять ярмо правленія святаго престола и быть наготовѣ, дабы при полученіи извѣстія о переходѣ блаженнаго (Гукаса) изъ жизни земной въ небесную, не теряя времени, поспѣшить присутствовать въ святомъ престолѣ и быть попечителемъ въ дѣлѣ охраненія Эчміадзина отъ треволненій, постоянно учиняемыхъ въ тѣхъ странахъ варварствомъ деспотовъ Персіи [1])».

— Если возлагаютъ надежды на меня, говорилъ Іосифъ, и жалостнымъ голосомъ призываютъ меня на управленіе святымъ престоломъ, то на сколько сердце мое должно быть окаменѣлымъ, чтобы сопротивляться и не поспѣшить къ нимъ, и на сколько я долженъ быть самолюбивымъ, чтобы не принести себя въ жертву служенію святой моей матери (армянской церкви), которая меня родила и воспитала и по милости которой я достигъ настоящихъ почестей и славы? Развѣ не слѣдовало уступить мольбамъ этихъ убогихъ?

Не убогіе, а собственное честолюбіе заставляло архипастыря армянъ, жившихъ въ Россіи, расчистить себѣ путь къ званію католикоса. Іосифъ писалъ многимъ вліятельнымъ константинопольскимъ армянамъ, что имѣетъ *твердое намѣреніе вступить на эчміадзинскій патріаршій престолъ*, и обѣщалъ воздвигнуть крѣпость противъ насилія и варварства враговъ Христа. Считая нелишнимъ упомянуть о расположеніи къ нему русскаго Императора, о своемъ значеніи и силѣ, Іосифъ надѣялся, что единодушная нація, имѣя во главѣ своей духовенство и вельможъ, при помощи императорскихъ милостей, воздвигнетъ домъ и станетъ его поддерживать. На этомъ основаніи онъ просилъ константинопольскаго патріарха Даніила «пригласить свою паству къ любви и единодушію», при которыхъ только и можно поднять на ноги армянскую націю и дать ей ту самостоятельность, о которой меч-

---

[1]) Письмо Іосифа Даніилу 1-го февраля 1800 года, «Кавк. Старина». Подъ видомъ смиренія и уступки общему желанію, Іосифъ говорилъ, что готовъ принять патріаршій санъ, хотя и сознаетъ, что для этого онъ долженъ принести въ жертву свой покой и безопасность.

талъ Іосифъ. Все это писалъ онъ, не зная, что 27-го декабря 1799 г. патріархъ Гукасъ скончался и преемникъ ему уже избранъ соборомъ эчміадзинскаго духовенства.

На другой день по совершеніи обряда погребенія, т. е. 29-го декабря, было приступлено, по уставамъ и древнему обычаю армянъ, къ избранію преемника усопшему. Для этого, по распоряженію старшаго изъ архіепископовъ, Минаса, созванъ былъ соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ, засѣданія котораго происходили въ главномъ храмѣ. Минасъ просилъ собравшихся разсуждать со смиреніемъ и сдержанностью и предлагать кандидатовъ съ благоразуміемъ. Собравшіеся молчали и, переглядываясь другъ съ другомъ, не рѣшались назвать ни одного епископа въ преемники патріарху.

Наконецъ, послѣ долгаго молчанія епископъ Степанъ предложилъ избрать въ католикосы константинопольскаго патріарха Даніила.

— Всѣ ли согласны на такой выборъ? спросилъ Минасъ.

Собравшіеся отвѣчали утвердительно.

— Не спѣшите давать окончательное мнѣніе, замѣтилъ Минасъ, — оглянитесь и припомните всѣхъ достойныхъ епископовъ, какъ изъ эчміадзинскихъ братій, такъ изъ епархіальныхъ и другихъ отсутствующихъ, и затѣмъ изберите двухъ, для того, что если одинъ изъ нихъ откажется, то другой могъ бы быть возведенъ въ санъ католикоса. Что касается Даніила, то онъ недавно избранъ въ константинопольскіе патріархи, и быть можетъ тамошніе соотечественники наши, питая къ нему любовь, не захотятъ отпустить его.

Слова эти развязали языкъ собравшимся. Видя, что Минасъ считаетъ рѣшеніе избрать Даніила нѣсколько поспѣшнымъ, многіе изъ присутствовавшихъ стали предлагать другихъ кандидатовъ. Одни указывали на архіепископа Іосифа, другіе предлагали Галуста, епископа джульфинскаго, архіепископа Ованеса и другихъ. Каждый изъ предложенныхъ кандидатовъ имѣлъ свою партію, выставлявшую заслуги своего кліента и ослаблявшую вліяніе противной стороны.

Наиболѣе сильная партія была на сторонѣ Даніила и самая

слабая — архіепископа Іосифа. Долгіе и горячіе споры не приводили ни къ какому результату, и епископъ Минасъ вынужденъ былъ распустить собраніе.

— На сегодня достаточно и того, сказалъ онъ, что̀ говорилось; остальное отложимъ до завтра, дабы каждый изъ васъ лучше обдумалъ кого предложить, а завтра соберемся опять.

На слѣдующій день, 30-го декабря, собравшіеся вновь предложили избрать Даніила.

— Выборъ его и вчера былъ одобренъ, замѣтилъ Минасъ, и достоинства его мы всѣ поддерживаемъ; выберите втораго.

Тогда, по наущенію архіепископа Давида (Карганова), былъ снова названъ Іосифъ.

— Я не желаю, сказалъ Минасъ, — упоминать даже имени Іосифа, потому что, хотя онъ и достоинъ сана католикоса, но опасенъ. Онъ вмѣстѣ съ русскими войсками принималъ большое участіе въ войнѣ противъ турокъ, участвовалъ въ сраженіяхъ въ Крыму и превратилъ турецкую мечеть въ христіанскую церковь. Его враждебныя дѣйствія противъ Персіи дошли до того, что властелины Ирана спрашивали католикоса Гукаса о причинѣ такихъ поступковъ Іосифа, и Гукасъ, изъ боязни подвергнуть ограбленію Эчміадзинскій монастырь, принужденъ былъ отвѣчать, что Іосифъ, какъ самостоятельный епископъ надъ армянами, живущими въ Россіи, ему не подчиненъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ не слѣдуетъ помышлять объ избраніи Іосифа, ибо мы тѣмъ вооружимъ противъ армянской націи двѣ сильныя державы, Персію и Турцію.

Слова Минаса были поддержаны противниками Іосифа, доказывавшими, что избраніе его католикосомъ принесетъ только одни бѣдствія армянамъ.

— Бо̀льшая часть армянъ, говорили они, живетъ въ турецкихъ владѣніяхъ, затѣмъ остальные находятся подъ властью Персіи, и лишь самая незначительная часть обитаетъ въ Россіи. Турецкому правительству извѣстно, что архіепископъ Іосифъ въ послѣднюю войну Россіи съ Портой (съ 1787 — 1792) находился въ русской арміи, былъ въ Бендерахъ, Измаилѣ, Яссахъ и другихъ мѣстахъ. Хотя онъ посѣщалъ эти мѣста съ единственною цѣлью утѣшить христіанское населеніе и преимущественно ар-

мянъ, но Порта смотритъ на эти посѣщенія иначе и знаетъ о горячей преданности Іосифа Россіи. Съ другой стороны, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій съ Персіей (въ 1796), архіепископъ Іосифъ также находился безотлучно въ русскомъ лагерѣ, былъ въ Дербентѣ, Шемахѣ и Ганжѣ, гдѣ обнадеживалъ армянъ покровительствомъ Россіи. Персіяне знали о такой дѣятельности Іосифа и угрожали намъ разными бѣдствіями. Между тѣмъ, Іосифъ, объявлялъ тогда о своемъ непремѣнномъ желаніи прибыть на поклоненіе первопрестольному храму Эчміадзинскому, но съ возвращеніемъ русскихъ войскъ въ предѣлы Имперіи, ушелъ вмѣстѣ съ ними, оставивъ намъ одно только сожалѣніе. Не умолчимъ и о томъ, что покойнымъ патріархомъ онъ былъ два раза приглашаемъ въ обитель для занятія высшихъ должностей, но оба раза уклонился отъ принятія предложенія, опасаясь, вѣроятно, свирѣпства иноземной власти. Точно также и теперь Іосифъ, быть можетъ, не захочетъ оставить Россію и не согласится перейти во владѣніе противниковъ вѣры христіанской, и тогда къ чему избирать его? Избраніе его патріархомъ, безъ сомнѣнія, навлечетъ только притѣсненіе персіянъ Эчміадзинскому монастырю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣмъ армянамъ, живущимъ въ Эриванскомъ ханствѣ.

Армяне не могли простить Іосифу вмѣшательства въ политическія дѣла, навлекшаго имъ много бѣдствія. Они справедливо говорили, что Іосифъ напрасно волновалъ народъ и своими дѣйствіями возстановилъ персіянъ и турокъ не только противъ себя, но и противъ всей армянской націи. Защитники же Іосифа доказывали, что избраніе его на патріаршій престолъ будетъ пріятно петербургскому кабинету, и потому армяне могутъ разсчитывать на могущественное покровительство Россіи. Доводы эти были признаны недостаточно убѣдительными; вопросъ объ избраніи Іосифа былъ окончательно рѣшенъ не въ его пользу, и архіепископъ Минасъ предложилъ избрать другихъ кандидатовъ. Тогда Давидъ, видя, что старанія его въ пользу Іосифа не осуществились, сталъ интриговать въ свою пользу, и его пріятель епископъ Степанъ выступилъ со своимъ предложеніемъ.

— Мы желаемъ, сказалъ онъ, выбрать кого нибудь изъ эч-

міадзинскихъ братій, а чуждые намъ не нужны, и мы ихъ признавать не будемъ.

— Кто изъ единовѣрцевъ нашихъ намъ чуждъ? спросилъ Минасъ.—Неужели всѣ дѣти армянской церкви не едины? Если армяне, живущіе вдали отъ насъ, чужды вамъ, то зачѣмъ имѣете съ ними сношенія, зачѣмъ посылаете къ нимъ уполномоченныхъ за сборомъ денегъ? Перестаньте же употреблять слово «чуждый намъ».

— Есть у насъ и среди монастырскихъ братій, продолжалъ Степанъ, достойные патріаршаго сана: изберите ихъ.

— Кто именно? спросилъ Минасъ.

— Епископы Давидъ и Барсегъ.

Послѣдній отказался, но Давидъ промолчалъ. Хитрый, смѣлый и властолюбивый, онъ разсчитывалъ на силу и вліяніе своихъ родственниковъ, и еще за годъ до кончины католикоса Гукаса сталъ видимо интриговать и переписываться со всѣми находившимися внѣ Эчміадзина армянскими епископами и вліятельными людьми. Руководя большинствомъ эчміадзинской братіи, Давидъ надѣялся и на поддержку своихъ товарищей, но, зная его характеръ, большинство духовенства оказалось не на его сторонѣ, и соборъ приступилъ къ перечисленію другихъ именъ. Продолжительныя пренія, споры и борьба мнѣній были причиной, что соборъ принужденъ былъ собираться нѣсколько разъ, прежде чѣмъ постановилъ окончательное рѣшеніе. Наконецъ были избраны два кандидата: константинопольскій патріархъ Даніилъ и епископъ Ефремъ, находившійся въ Россіи [1]).

— Всѣ ли согласны съ этимъ выборомъ? спросилъ Минасъ.

Присутствующіе отвѣчали утвердительно, подписали избирательный актъ и приложили къ нему печати; молча приложилъ свою печать и архіепископъ Давидъ. Онъ помышлялъ теперь о томъ, какъ бы занять мѣсто Даніила и вступить на престолъ константинопольскаго патріаршества. Съ этою цѣлью Давидъ сталъ хлопотать, чтобъ его отправили въ Царьградъ съ приглашеніемъ Даніила принять католикосство и пріѣхать въ Эчміадзинъ. При

[1]) Подробности относительно избранія Ефрема см. «Кавказскую Старину», стр. 99.

помощи интригъ онъ достигъ своей цѣли, и эчміадзинское духовенство отправило Давида, чтобы по установившемуся издавна обычаю испросить фирманъ Порты, утверждающій Даніила верховнымъ патріархомъ всего армянскаго народа.

16-го января 1800 года Давидъ выѣхалъ изъ Эчміадзина и чрезъ Карсъ отправился въ Константинополь. Онъ везъ съ собой избирательный листъ и два письма эриванскаго хана, изъ коихъ въ одномъ онъ просилъ Порту о скорѣйшемъ утвержденіи Даніила, а другимъ приглашалъ вновь избраннаго патріарха прибыть въ Эчміадзинъ [1]).

Одиннадцать дней спустя послѣ отъѣзда Давида, пріѣхали въ Эчміадзинъ посланные отъ царя Грузіи, князь Іосифъ Бебутовъ и протоіерей Теръ-Аракелъ. Они привезли съ собою коллективное письмо отъ армянъ, жившихъ въ Грузіи, письма отъ царя Георгія XII и его наслѣдника царевича Давида. Писавшіе единогласно просили избрать верховнымъ патріархомъ архіепископа Іосифа, какъ человѣка лично извѣстнаго русскому Императору. Князь Бебутовъ и протоіерей Теръ-Аракелъ предлагали, чтобы духовный соборъ, до утвержденія и прибытія Іосифа, поставилъ хранителемъ патріаршаго престола архіепископа Минаса, нѣкогда бывшаго въ Россіи. Эчміадзинское духовенство уступило настояніямъ прибывшихъ и отправило въ Константинополь втораго посланнаго съ письмомъ, въ которомъ предлагало тамошнимъ армянамъ утвердить избраніе Іосифа патріархомъ, какъ архіепископа, имѣющаго на то право по старшинству [2]). Наконецъ, 31-го января былъ отправленъ еще третій посланный съ письмами, въ которыхъ эчміадзинскіе братья сообщали Даніилу подробно все происшедшее и объ интригахъ Давида. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь борьбы партій и не сомнѣваясь въ томъ, что ходатайство русскаго правительства за Іосифа будетъ уважено Портой, эчміадзинскій синодъ просилъ о скорѣйшемъ отпускѣ Іосифа изъ Россіи, дабы прибытіемъ своимъ въ Эчміадзинъ онъ положилъ конецъ всѣмъ спорамъ и волненіямъ.

---

[1]) Историческая записка объ обстоятельствахъ армянской церкви. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, III — № 23.

[2]) Переводъ письма армянскихъ меликовъ Іосифу отъ 9-го февраля 1800 года.

Между тѣмъ, въ концѣ января, извѣстіе о кончинѣ патріарха Гукаса достигло до Константинополя, и хотя не было еще получено официальнаго увѣдомленія объ избраніи ему преемника, но изъ полученныхъ писемъ армяне знали, что въ Эчміадзинѣ не достигнуто единогласнаго рѣшенія и что избрано нѣсколько кандидатовъ. Въ числѣ ихъ первымъ называли Даніила, приверженцы котораго стали дѣятельно трудиться надъ усиленіемъ своей партіи. И здѣсь, точно такъ же, какъ въ Эчміадзинѣ, возникла борьба двухъ враждебныхъ лагерей, борьба тѣмъ болѣе ожесточенная, что съ тѣхъ поръ, какъ армяне лишились своихъ царей, они смотрѣли на католикоса, какъ на верховнаго главу не только по дѣламъ духовнымъ, но и политическимъ. Узнавъ, что въ числѣ кандидатовъ находится и архіепископъ Іосифъ, константинопольскіе армяне, хотя и не отрицали того, что онъ пользуется расположеніемъ простаго народа, но утверждали, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ утвержденъ турецкимъ правительствомъ, какъ человѣкъ, жившій все время въ Россіи и завѣдомо приверженный къ русскому правительству. Это послѣднее обстоятельство особенно безпокоило Іосифа.

— Я не виноватъ, говорилъ онъ, что живу въ Россіи. Я и здѣсь не остался бездѣльникомъ; напротивъ, принесъ много пользы націи, религіи и святому престолу. Я былъ рабомъ моей матери (церкви), наслѣдникомъ и женихомъ ея и никогда не хотѣлъ быть ислугою Даніила или другихъ. Кто бы ни былъ изъ нихъ избранъ, я не намѣренъ признать его католикосомъ. Я желаю, чтобы святой престолъ увидѣлъ того, о комъ онъ такъ долго мечтаетъ. Я приготовился принести себя въ жертву націи и престолу, я желаю украсить святой Эчміадзинъ мудростію, знаніемъ и всякимъ благочиніемъ.

Послѣ подобныхъ словъ Іосифъ не безъ удивленія узналъ, что первымъ кандидатомъ на патріаршій престолъ избранъ Даніилъ.

«Братъ нашъ архіепископъ Ефремъ, писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ, еще 19-го сентября 1799 года сообщилъ намъ, что святѣйшій патріархъ прислалъ его въ Россію собственно для нашей пользы, что самъ онъ (католикосъ) недолго можетъ жить, что какъ его святѣйшество, такъ и все братство расположены

лишь ко мнѣ, что святой престолъ, по всей справедливости, принадлежитъ намъ, что я имъ пастырь и отецъ. Послѣ сего, какъ же осмѣливаются избирать на наше мѣсто другаго?»

«Странное обстоятельство! писалъ онъ въ другомъ письмѣ [1]), ибо вотъ уже два года, какъ по этому вопросу (объ избраніи его въ католикосы) со мною переписываются изъ Грузіи, Эчміадзина и изъ Константинополя. Кромѣ того, Ефремъ два раза писалъ мнѣ, что онъ затѣмъ пріѣхалъ въ Россію, дабы послѣ кончины патріарха возвести на этотъ престолъ меня, что взоры всѣхъ обращены на меня и т. д. Наконецъ, въ подобномъ же смыслѣ писали мнѣ и первостепенные епископы Эчміадзина. Слѣдовательно, послѣ подобныхъ рѣчей не слѣдовало эчміадзинскому братству на ряду съ нашимъ именемъ ставить и имя такого, который принесетъ безчестіе святому престолу и всей націи.»

Утверждая, что Россія и Грузія никого кромѣ его не признаютъ католикосомъ, Іосифъ присовокуплялъ: «неужели они (турецкіе армяне) полагаютъ, что, прося ихъ голоса, я при отрицательномъ ихъ отвѣтѣ отсталъ бы отъ своего домогательства... И если они покойному католикосу Гукасу не могли повредить, то что̀ въ состояніи сдѣлать мнѣ, тѣмъ болѣе, что я руковожусь такими благими намѣреніями.» Опасаясь, чтобы какая нибудь случайность не имѣла мѣста въ избраніи его верховнымъ патріархомъ, Іосифъ отправилъ въ Константинополь преданнаго ему монаха Карапета, поручивъ ему убѣдить Даніила отказаться отъ избранія. «Патріархъ (Даніилъ), писалъ Іосифъ Карапету [2]), не имѣетъ права выдвинуться впередъ и повелѣвать мною. Если всякій изъ патріарховъ, не оказавъ еще достаточныхъ заслугъ націи и церкви, станетъ домогаться сана католикоса, то на какой конецъ существуютъ заслуги и какое ихъ значеніе?.. Пусть преосвященный патріархъ сочтетъ себѣ за честь и славу, что онъ въ *мои дни* будетъ считаться патріархомъ великаго града (Константинополя)...»

Снабженный многими письмами къ разнымъ лицамъ, Карапетъ

---

[1]) Архіепископу Минасу, 23-го февраля 1800 г. «Кавказская Старина», 103.
[2]) Отъ 12-го апрѣля 1800 г. «Кавказская Старина» 1873 г., 148 и 149.

отправился въ столицу султана, когда тамъ происходила самая ожесточенная борьба партій. 8-го марта архіепископъ Давидъ пріѣхалъ въ Константинополь, и представители армянской націи явились немедленно къ патріарху Даніилу узнать, желаетъ ли онъ принять на себя санъ католикоса. Даніилъ отвѣчалъ уклончиво и тѣмъ далъ новый поводъ къ пререканіямъ и спорамъ... Армяне постановили было избрать кесарійскаго епископа Стефана, но родственники его отклонили этотъ выборъ. Тогда Даніилъ, отказываясь самъ отъ сана католикоса, предложилъ избрать архіепископа Варѳоломея никомидійскаго. Собраніе одобрило предложеніе, но прибывшій въ Константинополь эчміадзинскій епископъ Галустъ [1]), желая быть избраннымъ въ католикосы и будучи недоволенъ этимъ выборомъ, отправился въ церковь, собралъ народъ, произнесъ возмутительную рѣчь и предалъ анаѳемѣ какъ Даніила, такъ и Варѳоломея. Армяне потребовали немедленнаго удаленія Галуста и отправленія его въ ссылку, но пока Даніилъ испросилъ фирманъ Порты, Галустъ успѣлъ скрыться.

Волненіе народа продолжалось; Порта предписала произвести выборы немедленно, а между тѣмъ Варѳоломей, полагая, что своимъ согласіемъ вызоветъ новыя серьезныя столкновенія, поспѣшилъ отказаться отъ сана католикоса. Тогда константинопольскіе армяне рѣшились избрать католикосомъ Даніила. Послѣдній долгое время отказывался и согласился только тогда, когда получилъ настойчивую просьбу эчміадзинскаго духовенства. «Аще ты, писали епископы, не прибудешь къ намъ, то руци наши на ометѣ твоемъ останутся до дня страшнаго суда.»

Потребовавъ избирательный листъ, Даніилъ написалъ на немъ: «Изъ человѣколюбія по Бозѣ, усердно повинуюсь добровольному единогласному моленію собратій св. Эчміадзина, благочестивыхъ начальниковъ и народа великой столицы Константинополя и всей армянской націи — чадъ св. Григорія Просвѣтителя, принимаю я на себя иго труда и служенія свѣтоносной каѳолической церкви эчміадзинской, матери нашей. Даніилъ архіепископъ и патріархъ.»

Всѣ отправились въ патріаршую церковь, гдѣ архіепископъ

[1]) Епископъ Галустъ годъ тому назадъ уѣхалъ изъ Эчміадзина въ Турцію для сбора доходовъ, принадлежащихъ монастырю.

Давидъ при многочисленномъ стеченіи народа провозгласилъ: «Яко избралъ и пріялъ еси блаженнаго и святѣйшаго патріарха нашего Даніила», и поцѣловавъ у него руку поздравилъ верховнымъ патріархомъ всего армянскаго народа. Съ своей стороны Даніилъ, съ согласія народа, провозгласилъ Давида титулярнымъ константинопольскимъ патріархомъ, надѣлъ на его руку свой перстень и отдалъ ему свой посохъ и фелонь (ризу).

30-го апрѣля Давидъ долженъ былъ отслужить торжественную обѣдню и надѣть на себя кафтанъ, обыкновенно жалуемый Портой всѣмъ вступающимъ въ должность константинопольскаго патріарха. Партія архіепископа Іосифа воспользовалась этимъ торжествомъ и произвела новое замѣшательство. Епископъ Ованесъ Палатскій подговорилъ скрывавшагося Галуста помѣшать успѣху Давида. Чуть свѣтъ прибывъ въ церковь, Галустъ сталъ на мѣстѣ, назначенномъ для новаго патріарха, и не уступалъ его Давиду. Люди Давида насильно стащили съ мѣста Галуста и нанесли ему ударъ по лицу. Такое происшествіе въ церкви возбудило всеобщее неудовольствіе, и собравшіеся заставили Давида оставить церковь, а Галуста провозгласили патріархомъ. Порта не признала законнымъ насилія толпы и, арестовавъ Галуста и его сторонниковъ, назначила Ованеса Палатскаго титулярнымъ патріархомъ константинопольскимъ. Послѣдній сталъ дѣятельно хлопотать въ пользу Іосифа и тѣмъ легче достигъ своей цѣли, что Портѣ заявлено было желаніе русскаго правительства видѣть Іосифа верховнымъ патріархомъ всѣхъ армянъ.

Въ то время, когда въ Константинополѣ вопросъ объ избраніи патріарха не былъ еще окончательно рѣшенъ армянами, сторонники Іосифа совѣтовали ему исходатайствовать повелѣніе Императора нашему посланнику, чтобъ онъ принялъ мѣры и «уничтожилъ при здѣшнемъ (турецкомъ) дворѣ стараніе недостойныхъ особъ къ наслѣдованію престола» [1]). Тѣ же лица просили Іосифа отправиться какъ можно скорѣе въ Эчміадзинъ и тѣмъ прекратить интриги. «Если вы умедлите отъѣздомъ вашимъ, писали они, тогда недостойные люди, можетъ быть, подкрѣплены будутъ турецкою

---

[1]) Письмо Іосифу, подписанное девятью лицами, отъ 31-го января 1800.

властью, которая входитъ въ сіе *для интереса*, и наше желаніе исчезнетъ.»

Предъидущіе примѣры указывали, что при избраніи патріарха деньги всегда играли весьма значительную роль. Верховные визири изъ-за подарковъ, не обращая вниманія на желаніе армянскаго народа, утверждали того, кто больше платилъ. Такое корыстолюбіе, ограничивавшее право армянъ выбрать патріарха соборнымъ постановленіемъ и по своему желанію, не могло быть допущено нашимъ правительствомъ, и Императоръ Павелъ I поручилъ своему посланнику въ Константинополѣ строго слѣдовать справедливости и не допускать нарушенія правъ армянской націи.

«По случаю избранія армянскимъ народомъ патріарха, писалъ онъ тайному совѣтнику Тамарѣ [1]), «старайтесь дабы Порта не опровергнула въ семъ случаѣ права, оному народу даннаго и черезъ сіе предупредить избраніе въ оное достоинство человѣка недостойнаго, который черезъ происки и деньги можетъ достать санъ, отъ общаго согласія армянъ единственно зависящій. О семъ объяснитесь дружелюбно съ министерствомъ турецкимъ.»

Строго слѣдуя такому приказанію, Тамара не принималъ никакого участія въ выборѣ патріарха, и не смотря на свои письма нашему посланнику, Іосифъ узналъ, что константинопольскіе армяне остановились на избраніи Даніила. Это извѣстіе глубоко оскорбило Іосифа. Человѣкъ въ высшей степени самолюбивый и самонадѣянный, онъ считалъ себя незамѣнимымъ.

— Неужели израильтяне (то есть армяне), спрашивалъ онъ въ самозабвеніи, оставивъ своего Бога, бѣгутъ покланяться мошкамъ?

Ходъ дѣлъ допускалъ возможность подобнаго бѣгства, и Іосифъ рѣшился обратиться къ содѣйствію нашего правительства.

Онъ писалъ С. Л. Лошкареву, что константинопольскіе армяне, избравъ Даніила, по прежнимъ примѣрамъ, для полученія согласія Порты и диплома отправили уже отъ себя нарочнаго къ визирю. Но какъ, по отсутствію визиря, необходимо было болѣе сорока дней (?), чтобы получить отъ него окончательное рѣшеніе, то

[1]) Въ рескриптѣ отъ 16-го марта 1800 года.

Іосифъ просилъ министерство воспользоваться этимъ временемъ и исходатайствовать у Императора, «какъ главы христіанской церкви», утвержденіе его патріархомъ и дозволеніе отправиться въ Эчміадзинъ. Подкрѣпляя свои права разнаго рода документами и выставляя Даніила человѣкомъ неспособнымъ и мало преданнымъ русскому правительству, Іосифъ скоро достигъ желаемаго. Зная лично Іосифа и будучи расположенъ къ нему, императоръ Павелъ I поручилъ Тамарѣ стараться склонить константинопольское духовенство и армянъ въ пользу Іосифа и исходатайствовать фирманъ на утвержденіе его патріархомъ армянскаго народа. Какъ только Іосифъ узналъ о такомъ рѣшеніи Императора, онъ считалъ избраніе свое дѣломъ рѣшеннымъ.

— Подрясникъ Іосифа уже готовъ, говорилъ онъ съ увѣренностью и самодовольствомъ.—Вся распространенная по лицу земли нація наша связана со мною истинною любовью, и я твердо увѣренъ, что она пригласитъ меня на эчміадзинскій престолъ.

Еще воля императора не достигла до нашего посланника въ Константинополѣ, а Іосифъ уже распоряжался какъ утвержденный патріархъ: онъ требовалъ, чтобъ ему каждую субботу доносили о состояніи монастыря и прислали реестръ вещамъ, которыя необходимо купить для престола и братіи. Сообщая архіепископу Минасу, что Императоръ Павелъ назначилъ его патріархомъ, а царь Грузіи проситъ поспѣшить пріѣздомъ, Іосифъ прибавлялъ, что приглашеніе высшихъ лицъ міра сего «считаю дѣломъ второстепеннымъ, желая избѣгать всякихъ съ моей стороны насилій при вступленіи на престолъ. Посему *я послѣдовалъ нашему народному обычаю: желаю, чтобы нація избрала меня, а я—націю*... На основаніи высочайшаго повелѣнія властелина цѣлаго земнаго полушарія я полагаю, что ни вельможи не въ состояніи сопротивляться, ниже патріархъ Даніилъ осмѣлится прикоснуться къ сему престолу... Если Св. Духъ удостоитъ меня святаго престола, то нахожденіе Даніила въ должности константинопольскаго патріарха слѣдуетъ считать для него счастливымъ предопредѣленіемъ Всевышняго.»

Такъ выражался Іосифъ о своемъ соперникѣ, какъ о человѣкѣ ничтожномъ, но турецкіе армяне были не такого мнѣнія о своемъ

патріархѣ. Они отстаивали свой выборъ и не желали признавать Іосифа, какъ человѣка чуждаго, тогда какъ Даніилъ былъ питомецъ эчміадзинскаго монастыря. Найдя поддержку среди правительственныхъ лицъ, уже снабженныхъ нѣкоторою суммой, константинопольскіе армяне не высказывали желанія подчиниться требованіямъ Россіи, и Тамара опасался, что труды его останутся напрасными. «Прикажите, писалъ онъ къ Лошкареву, спѣшнымъ и дѣятельнымъ образомъ кончить все на мѣстѣ именемъ царя грузинскаго.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Тамара просилъ Порту обождать утвержденіемъ Даніила до полученія имъ новыхъ инструкцій отъ Императора. Онъ заявилъ турецкому министерству, что и прежде при избраніи патріарховъ среди армянъ происходили раздоры и нерѣдко было избираемо по два и даже по три патріарха, которые, враждуя между собою, производили только безпорядки. Тамара доказывалъ, что турецкіе армяне не имѣютъ права избирать патріарха, но должны признавать то лицо, которое избрано, по обычаю народа, эчміадзинскимъ духовенствомъ, то есть, Іосифа, какъ старѣйшаго изо всѣхъ епископовъ и потому имѣющаго на то неоспоримое право [1]). Нашъ посланникъ требовалъ, чтобы Даніилъ не былъ отправляемъ въ Эчміадзинъ, и заявилъ рейсъ-эфенди, что императору будетъ весьма пріятно, если турецкое правительство прекратитъ споры, примиритъ враждующихъ, и живущее въ Константинополѣ общество армянъ признаетъ патріархомъ архіепископа Іосифа. Рейсъ-эфенди обѣщалъ доложить султану и черезъ нѣсколько дней сообщилъ утвердительный отвѣтъ.

— Архіепископъ Іосифъ, сказалъ онъ Фонтону,—будетъ избранъ отъ здѣшняго армянскаго общества эчміадзинскимъ патріархомъ, и посланникъ вашъ можетъ нынѣ же донести о томъ его величеству.

Въ тотъ же день Даніилъ былъ отправленъ сначала на островъ Тенедосъ, а потомъ въ городъ Тохатъ, Давидъ возвращенъ въ Эчміадзинъ, и съ 31-го іюля 1800 года въ константинопольскихъ церквахъ стали упоминать имя католикоса Іосифа.

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Тамары отъ 16-го (28-го) іюня 1800 года.

Такъ совершилось избраніе, и оставалось только условиться въ цѣнѣ за фирманъ. «Нынѣ, доносилъ Тамара, за цѣну тѣхъ фирмановъ кегая-бей и его канцелярія торгуются съ коммиссарами монастыря Араратскаго, и я приказалъ Фонтону въ сіе не входить, дабы не сдѣлать непріятнаго помѣшательства кегая-бею въ его интересахъ. Однако же, экспедиція фирмана не будетъ стоить болѣе 5,000 піастровъ весьма богатому Араратскому монастырю, но здѣшніе банкиры за сосланнаго Даніила заплатили уже кегаябею до 40 мѣшковъ (20,000 піастровъ).»

Лишь только Іосифъ узналъ, что Порта согласилась признать его католикосомъ, онъ тотчасъ же отправился въ Астрахань и оттуда просилъ Императора снабдить его экипажемъ, дать конвой, приличный его сану, перемѣнить орденъ Св. Анны на первую степень съ украшеніемъ алмазами, опредѣлить жалованье за преданность России и услуги (?), ей оказанныя, снабдить его инструкціей относительно сношеній съ русскими пограничными начальниками и, наконецъ, уволить вмѣстѣ съ нимъ на восемь мѣсяцевъ для посвященія въ архіепископы эпархіальнаго намѣстника его григоріопольскаго архимандрита Григорія. «Находясь при мнѣ съ молодыхъ лѣтъ, писалъ Іосифъ [1]), и зная все усердное мое служеніе къ пользамъ благословенной Имперіи Россійской, притомъ имѣя добрыя качества и способности, онъ (Григорій) не упуститъ продолжать со своей стороны таковое жь ревностное служеніе соотвѣтственно моему примѣру. Когда онъ посвященъ мною будетъ, въ архіепископы и съ принадлежащею сану его граматой прибудетъ къ высочайшему двору, то высочайше благоволить утвердить его въ томъ санѣ, на таковомъ же основаніи, какъ прежде я удостоенъ былъ.»

Желая усилить значеніе патріарха и даже пріобрѣсти до нѣкоторой степени верховныя права, Іосифъ просилъ, «чтобы учрежденныхъ мною повѣренныхъ благоволить принимать наравнѣ съ иностранными повѣренными», и не стѣсняясь говорилъ, что безъ просимыхъ милостей Императора ему неудобно ѣхать въ Эчміадзинъ. Онъ просилъ тайнаго совѣтника Лошкарева и «благодѣтеля»

---

[1]) Записка Іосифа 27-го сентября 1800 года.

своего графа Ѳ. В. Ростопчина: «настоять какъ наивозможно, чтобы всѣ сіи особенные высокомонаршаго благоволенія знаки удостоился я получить въ Астрахани» [1]).

Возложивъ препровожденіе Іосифа въ Тифлисъ на попеченіе командовавшаго войсками на Кавказской линіи генерала Кнорринга, Императоръ Павелъ I повелѣлъ выдать Іосифу на экипажъ единовременно тысячу рублей, пожаловалъ ему 25 аршинъ парчи на облаченіе [2]) и вмѣсто просимаго жалованья оставилъ по смерть то, которое онъ получалъ по званію управляющаго армянскою церковью въ Россіи [3]). Патріархъ благодарилъ за пожалованные ему подарки и награды, но сожалѣлъ, что не получилъ просимаго имъ ордена.

«Теперь все мое и народа армянскаго желаніе исполнилось, писалъ Іосифъ Лошкареву [4]), но только весьма бы мнѣ желательно повышеніе орденомъ, ибо вамъ самимъ извѣстно, что на г. Сестренцевича возложенъ орденъ съ голубою лентой. А какъ я высочайшею милостью великаго Государя Императора, моего и всего армянскаго народа защитника и покровителя, и всесильною его десницею облеченъ нынѣ въ санъ армянскаго патріарха и католикоса, то перемѣна онаго ордена произвела бы гораздо болѣе ко мнѣ и народу уваженія и почтенія въ сосѣдственныхъ тѣмъ мѣстамъ персидскихъ хановъ и въ начальникахъ дружелюбной нынѣ державы, т.-е. Порты Оттоманской.»

Въ началѣ 1801 года, патріархъ Іосифъ, въ сопровожденіи ста человѣкъ казаковъ и епископа Григорія, отправился въ Эчміадзинъ и 10-го февраля прибылъ въ Тифлисъ. При деревнѣ Куки, составляющей нынѣ предмѣстье города, Іосифъ былъ встрѣченъ царевичемъ Іоанномъ съ грузинскими князьями, генералами: Лазаревымъ и Гуляковымъ, а при въѣздѣ въ городъ—всѣмъ армянскимъ духовенствомъ, въ числѣ котораго находились и четыре епископа, Симеонъ, Андреосъ, Барсегъ и Тадеосъ, присланные изъ Эчміадзина. Остановившись у заставы и надѣвъ полное облаченіе, Іосифъ, при

[1]) Письмо Іосифа тайн. совѣт. Лошкареву отъ 27-го сентября 1800 г.

[2]) Письмо Лошкарева Іосифу 2-го ноября 1800 г.

[3]) Рескриптъ Іосифу отъ 30-го октября 1800. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. III, 23. 1780—1801, № 1.

[4]) Въ письмѣ отъ 27-го декабря 1800 г.

пушечной пальбѣ и въ сопровожденіи огромной толпы народа шелъ пѣшкомъ до первой армянской церкви, гдѣ и отслужилъ молебенъ. Отправившись затѣмъ въ домъ брата князя Соломона Аргутинскаго, патріархъ принялъ весьма холодно эчміадзинскихъ епископовъ, привезшихъ ему подарки и приглашеніе поспѣшить въ Эчміадзинъ. Наговоривъ имъ много упрековъ, Іосифъ помѣстилъ епископовъ внѣ городской черты, въ нынѣшнемъ Ванкскомъ соборѣ.

Армяне примирились было съ новымъ патріархомъ, но поведеніе Іосифа съ епископами произвело на нихъ большое впечатлѣніе и не располагало въ его пользу.

Эчміадзинское же духовенство синодальнымъ соборомъ вторично избрало Даніила преемникомъ патріарха, какъ будто предвидя, что Іосифу не суждено было достигнуть Эчміадзина.

Заболѣвъ горячкой и чувствуя приближеніе смерти, Іосифъ просилъ епископа Симеона исповѣдать и причастить его. По окончаніи таинства, Симеонъ спросилъ патріарха: не имѣетъ ли онъ что̀ приказать о себѣ или вещахъ своихъ.

— Отправилъ-ли ты, спросилъ на это Іосифъ,—ту посылку въ Эчміадзинъ, которую я поручилъ тебѣ?

— Теперь отправляю, отвѣчалъ Симеонъ.

— Скорѣе отправь, чтобы душа моя не осталась должна св. престолу. У меня есть маленькая коробочка съ нѣкоторою собственностью, отдай ее своими руками Соломону (князю Аргутинскому), чтобы чужіе не знали; прочее же имущество все принадлежитъ престолу.

Спустя нѣкоторое время, Іосифъ призвалъ вторично Симеона.

— Я умру, сказалъ онъ, тѣло мое отвезите въ святой Эчміадзинъ и похороните меня возлѣ могилы Симеона католикоса.

Это были послѣднія слова архіепископа, и въ десятомъ часу вечера 9-го марта 1801 года онъ скончался [1]).

«Общій нашъ пріятель» писалъ Кноррингъ Лазареву [2]), патріархъ Іосифъ въ Тифлисѣ умеръ. Для меня былъ весьма нуж-

---

[1]) Переводъ письма епископовъ Симеона, Андреаса, Варсега и Тадеоса архіепископу Ефрему 6-го апрѣля 1801 года. Арх. кабинета, св. 217.

[2]) Въ письмѣ отъ 19-го марта 1801 года. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

ный человѣкъ, потому что мы другъ друга знали, и все бы шло такъ, какъ надобно. Онъ былъ преданъ Государю какъ истинный честный человѣкъ. Влагаю вамъ копію письма, что мнѣ писалъ добрый же мой пріятель архимандритъ Григорій.»

Послѣдній, будучи не болѣе какъ служитель Іосифа, получилъ санъ архимандрита за приверженность къ своему господину. Человѣкъ безъ всякаго образованія, Григорій понималъ, что съ кончиной Іосифа ему трудно будетъ ступить на высшую ступень духовной іерархіи, и потому рѣшился прибѣгнуть къ интригѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что на рукахъ его осталась большая часть денегъ, собранныхъ для эчміадзинскаго монастыря, Григорій вошелъ въ соглашеніе съ княземъ Соломономъ Аргутинскимъ и, передавъ ему часть вещей покойнаго, заручился обѣщаніемъ, что Соломонъ будетъ ходатайствовать о назначеніи его, Григорія, архіепископомъ, управляющимъ всею армянскою націей въ Россіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ донесъ, что Іосифъ умирая оставилъ его своимъ душеприкащикомъ и полнымъ распорядителемъ имѣнія въ пользу монастыря и его племянниковъ; что умирая патріархъ поручилъ ему епархію въ Россіи, а въ преемники себѣ на патріаршій престолъ избралъ, по извѣстному ему усердію къ Россіи, титулярнаго Константинопольскаго патріарха Ованеса или намѣстника эчміадзинскаго монастыря архіепископа Давида, «о чемъ я, присовокуплялъ Григорій [1]), не оставилъ писать отъ себя эчміадзинскому синоду, чтобы онъ изъ двухъ одного выбравъ доставилъ ко мнѣ свѣдѣнія для донесенія его императорскому величеству».

Безъ всякаго полномочія принявъ на себя право указать эчміадзинскому духовенству кого выбрать въ патріархи, Григорій, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, успѣлъ убѣдить генерала Лазарева воспретить четыремъ эчміадзинскимъ епископамъ выѣздъ изъ Тифлиса и тѣмъ лишилъ ихъ возможности объяснить настоящее положеніе дѣлъ. Епископы отправили въ Эчміадзинъ письмо, въ которомъ описали подробности кончины Іосифа, интриги Григорія и просили поторопиться утвержденіемъ Даніила, но письмо ихъ достигло по назначенію позже прибытія къ Давиду нарочнаго, по-

[1]) Въ письмѣ Лашкареву 11-го марта 1801 года. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ.

сланнаго Григоріемъ. Послѣдній приглашалъ Давида приготовиться къ занятію патріаршаго престола и присовокуплялъ, что «по кредиту своему при высочайшемъ дворѣ» постарается сдѣлать патріархомъ того, кто посвятитъ его въ архіепископы.

Зная, что преемникъ Іосифу уже избранъ духовенствомъ, и не предвидя для себя ничего хорошаго, Григорій убѣждалъ Давида возстать противъ общаго желанія духовенства и народа и принудить ихъ къ избранію себя, обѣщая поддержку со стороны русскаго правительства и деньги для склоненія на сторону эриванскаго хана.

«Въ часъ смерти (патріархъ Іосифъ) объявилъ мнѣ, сыну своему, волю свою, писалъ Григорій архіепископу Давиду [1]), что предоставляетъ занять патріаршій престолъ вамъ или константинопольскому патріарху архіепископу Ованесу. А такъ какъ онъ находится вдали отъ насъ, то остается вамъ исполнить волю завѣщателя—вступить на патріаршій престолъ. Какъ только вы соизволите на сіе, я тотчасъ же донесу Государю Императору. Писалъ я и находящемуся у васъ архимандриту Карапету, чтобъ онъ всячески помогалъ вамъ достигнуть этой цѣли, буде же онъ приметъ сторону противной партіи, то вы, святой отецъ, *не жалѣйте при надобности употребить деньги.* Что же касается фирмана, то не безпокойтесь, ибо какъ единодушное всея націи одобреніе, такъ и соизволеніе двухъ державъ на ваше патріаршество я вамъ доставлю.

«Съ симъ вмѣстѣ я написалъ и хану (эриванскому), что воля покойнаго патріарха состоитъ въ томъ-то и что всѣ подарки, предназначенные блаженнымъ Іосифомъ, будутъ доставлены ему мною. Надѣюсь, что онъ не оставитъ безъ вниманія нашу просьбу...»

Предложеніе Григорія было слишкомъ соблазнительно для Давида, какъ извѣстно, давно мечтавшаго о санѣ католикоса, и онъ охотно согласился вступить въ борьбу съ Даніиломъ. «Буди укрѣпленъ, отвѣчалъ Давидъ Григорію [2]), и буди подвигами своими мужъ подобенъ отцу нашему святѣйшему патріарху, во утѣшеніе меня, и вѣдай меня яко усерднаго слугу святѣйшаго патріарха,

[1]) Отъ 16-го марта. «Кавказская Старина», стр. 173.
[2]) Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ.

усерднаго намѣреніямъ его послѣдователя и вѣрнаго раба августѣйшаго великаго Государя и всѣмъ братьямъ моимъ доброжелателя».

Получивъ такой отвѣтъ, Григорій составилъ отъ имени Іосифа подложное духовное завѣщаніе, которое и отправилъ въ Эчміадзинъ, написавъ при этомъ Давиду, чтобъ онъ принялъ свои мѣры.— Имѣя въ своихъ рукахъ собранныя Іосифомъ подаянія отъ астраханскаго, кизлярскаго и моздокскаго армянскихъ обществъ, а также астраханской духовной армянской консисторіи, Григорій употребилъ ихъ на подарки эриванскому хану, грузинскимъ царевичамъ и другимъ лицамъ, на содѣйствіе которыхъ могъ разсчитывать.

«Спѣшу извѣстить васъ, писалъ онъ генералу Кноррингу [1]), что патріархъ Іосифъ, оставляя временную жизнь въ здравомъ умѣ, сдѣлалъ свое завѣщаніе и между прочимъ упомянулъ въономъ, что я остаюсь послѣ него правителемъ во всемъ и назначаюсь архіепископомъ епархіи въ Россійской Имперіи, подъ всемилостивѣйшимъ покровительствомъ Государя Императора находящейся.»

Заявленіе это произвело большой переполохъ среди армянъ, жившихъ на Кавказской линіи и въ Астрахани, и они отправили къ Кноррингу депутацію, которая, порицая неблаговидные поступки Григорія, просила о назначеніи пастыремъ и «главнѣйшимъ намѣстникомъ всего обитающаго въ Россіи армянскаго народа» архіепископа Ефрема, присланнаго въ Россію въ 1799 году патріархомъ Гукасомъ [2]). Просьба эта, поддержанная и другими армянскими обществами, побудила Императора Александра I утвердить Ефрема архіепископомъ армянъ, жившихъ въ Россіи. Пожаловавъ ему панагію, украшенную бриллiантами и яхонтами, Государь приказалъ объявить о своемъ рѣшеніи армянскому духовенству и народу съ тѣмъ, чтобы прекратить интриги Григорія.

Послѣдній, потерпѣвъ неудачу въ Россіи, потерпѣлъ ее и въ Эчміадзинѣ. Синодальный соборъ не призналъ духовнаго завѣщанія Іосифа и не считалъ для себя обязательнымъ исполнять его. Рѣшеніе духовенства основывалось на томъ, что, во-первыхъ,

---

[1]) Отъ 29-го марта 1801 года.

[2]) Всеподд. рапортъ Кнорринга 27-го апрѣля 1801 года.

*

патріархи никогда не были избираемы по духовному завѣщанію, а по выбору духовенства и армянскаго народа; во-вторыхъ, Іосифъ, какъ недостигшій до престольнаго монастыря и слѣдовательно какъ невоспріявшій священнаго мѵропомазанія [1]), не могъ думать о преемникѣ и назначать его права никакого не имѣлъ, и наконецъ, въ-третьихъ, соборъ основывалъ свое рѣшеніе на показаніи епископа Симеона, присутствовавшаго при кончинѣ Іосифа и утверждавшаго, что покойный никакихъ распоряженій, кромѣ имущественныхъ, не дѣлалъ, а при разборѣ его бумагъ никакого завѣщанія не найдено, да и быть не могло, потому что Іосифъ умеръ скоропостижно.

«Если же, присовокуплялъ Симеонъ, кто иное что написалъ или сказалъ, то ложно и обманъ, и говорящій иное, будучи преисполненъ ложью и обманомъ, есть непріятель справедливости, чего да избавитъ Христосъ всѣхъ вѣрующихъ». Показаніе Симеона было подтверждено епископами Андреасомъ, Барсегомъ и Тадеосомъ, а потому эчміадзинскій синодъ 20-го марта утвердилъ преемникомъ Іосифа прежде избраннаго Даніила и постановилъ просить турецкое правительство выдать ему фирманъ на патріаршее достоинство и опустить его въ Эчміадзинъ. Присягнувъ не признавать патріархомъ никого кромѣ Даніила, духовенство отправило къ нему двухъ епископовъ съ просьбой поспѣшить пріѣздомъ.

Все это не согласовалось, конечно, съ видами Григорія, и онъ писалъ Кноррингу, что «если паче всякаго чаянія партія противниковъ (Давида) усилится и потомъ утвердится въ выборѣ архіепископа Даніила, въ турецкомъ городѣ Тохатѣ пребываніе имѣющаго, то всѣ планы, проектированные покойнымъ патріархомъ въ завѣщаніи, могутъ быть разрушены, потому что Даніилъ не имѣетъ той приверженности къ высочайшему россійскому императорскому двору, какую впечатлѣлъ издавна архіепископъ Давидъ, покойнымъ патріархомъ *утвержденный* быть на мѣстѣ его. Я о сихъ обстоятельствахъ писалъ эриванскому хану, давно ищущему покровительства россійской державы, находя сіе увѣдомленіе ему весьма нужнымъ.»

[1]) Надо замѣтить, что армяне не считаютъ въ числѣ патріарховъ Іосифа, такъ какъ онъ не былъ мѵропомазанъ.

Получивъ значительные подарки, эриванскій ханъ былъ введенъ въ заблужденіе Григоріемъ, увѣрявшимъ, что русское правительство желаетъ избранія Давида. Полагая сдѣлать угодное Императору Александру I и осаждаемый просьбами Давида и его сторонниковъ, ханъ рѣшился силой возвести его на патріаршій престолъ. Онъ потребовалъ, чтобъ эчміадзинское духовенство произвело новые выборы, но епископы отказавшись разбѣжались по сосѣднимъ деревнямъ и по приказанію хана были собираемы и подъ конвоемъ приводимы въ Эчміадзинъ. Тамъ Давидъ требовалъ новаго избранія патріарха.

— Если вы, говорилъ онъ епископамъ, поддержите сторону Даніила, то знайте, что денежная сумма святѣйшаго престола въ моихъ рукахъ; могу все разорить.

Давидъ требовалъ, чтобы епископы присягнули, что кромѣ его никого не желаютъ и не признаютъ католикосомъ.

— Отъ прежней нетвердости къ присягѣ (при избраніи Іосифа), отвѣчали епископы, совѣсть мучитъ насъ; мы не хотимъ быть мучимы въ другой разъ.

— Идите же, сказалъ Давидъ, и совѣтуйтесь, кого избрать патріархомъ.

У дверей комнаты, въ которую были введены избиратели, были поставлены люди съ ружьями, но, не смотря на то, Давидъ не добился рѣшенія въ свою пользу. Тогда, составивъ избирательный листъ, онъ посылалъ его каждому изъ членовъ синода отдѣльно и силой заставлялъ подписывать свое имя [1]). Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ грубой силы и насилія эчміадзинскій капитулъ покрылъ своими подписями избирательный листъ, и Давидъ 28-го апрѣля 1801 года немногими своими сторонниками былъ провозглащенъ патріархомъ.

Пользуясь такимъ оборотомъ дѣлъ, архимандритъ Григорій торопился ввести въ заблужденіе Кнорринга и для этого не отказывался отъ наглой лжи.

«Сдѣлавъ донесеніе его императорскому величеству и вашему

---

[1]) Выписка изъ доклада о верховномъ патріархѣ армянскаго народа отъ 22-го февраля 1802 года.

превосходительству, писалъ онъ Кноррингу [1]), «объ избранныхъ завѣщаніемъ покойнаго патріарха армянскаго народа Іосифа на мѣсто его двухъ духовныхъ особъ, спѣшу теперь доставить свѣдѣніе, прося всеподданнѣйшаго о немъ донесенія, что изъ тѣхъ двухъ особъ архіепископъ Давидъ, намѣстникъ монастыря эчміадзинскаго, принятъ купно и противною выбору его партіей въ достоинство патріарха и посвященъ уже въ оное прошедшаго мѣсяца (апрѣля) 28-го числа. Скорый сей выборъ послѣдовалъ отъ того, что бывшіе здѣсь четыре епископа, въ числѣ которыхъ былъ духовникъ покойнаго патріарха Іосифа, архіепископъ Симеонъ, когда прибыли въ монастырь Эчміадзинъ, подъ присягой, ими учиненною, при собраніи въ церкви объявили завѣщаніе покойнаго патріарха объ избраніи его на мѣсто свое архіепископа Давида какъ духовенству, такъ и народу, которые всѣ единогласно въ то же время, провозгласивъ архіепископа Давида патріархомъ, посвятили въ сіе достоинство.»

Не ограничиваясь этимъ, Григорій тотчасъ же отправилъ преданнаго ему епископа Карапета въ Константинополь, чтобы добиться согласія тамошнихъ армянъ и исходатайствовать султанскій фирманъ на утвержденіе Давида, а послѣдній послалъ нарочнаго въ Петербургъ съ письмомъ къ Императору, въ которомъ писалъ, что Іосифъ избралъ его своимъ преемникомъ. «Мы сначала хотя и отговаривались, писалъ Давидъ [2]), зная трудности должности, но побужденія благосклонныхъ людей, тожъ пречистымъ приказаніямъ покойнаго пастыря изъявляя послушаніе, а болѣе надѣясь на покровительство вашего императорскаго величества, апрѣля 28-го, въ воскресный день, получили благодать Духа Святаго помазаніемъ главы нашей святымъ мѵромъ, по закону и обыкновенію нашему и со онымъ воспріяли патріаршій престолъ всея Арменіи. А какъ прежде бывшіе патріархи имѣли пристойную довѣренность къ Богомъ утвержденному престолу вашего императорскаго величества, то и мы будемъ оную имѣть и стараться найти подобно имъ оказанныхъ благодѣяній вашихъ, считая оное себѣ за величайшее счастіе».

---

[1]) Въ письмѣ отъ 8-го мая 1801.

[2]) Въ письмѣ Императору отъ 20-го мая 1801 года.

Чтобы болѣе заручиться расположеніемъ русскаго правительства, Давидъ высказывалъ желаніе и намѣреніе возстановить армянскую націю при содѣйствіи Россіи, «когда обстоятельства подадутъ основательную надежду прибѣгнуть къ покровительству ея для пользы, а не для пагубы армянскаго народа» [1]).

Все это происходило въ то время, когда Даніилъ, получивъ фирманъ и утвержденіе султана, былъ уже на пути къ Эчміадзину, но, доѣхавъ до Баязета, былъ тамъ задержанъ по проискамъ противной ему партіи. Здѣсь онъ узналъ о появленіи соперника въ лицѣ архіепископа Давида. Сообщивъ о всемъ случившемся находившемуся въ Россіи архіепископу Ефрему, Даніилъ просилъ его заступничества предъ русскимъ Императоромъ. Ефремъ охотно принялъ на себя защиту Даніила и ходатайство свое объ утвержденіи его патріархомъ основывалъ на двукратномъ избраніи его армянскимъ народомъ.

— Я не выхваляю Даніила, говорилъ Ефремъ, но ходатайствую единственно о соблюденіи закона и сохраненіи вѣры, кои день отъ дня, будучи менѣе исполняемы, уничтожаются и оскверняются. Если бы кто изъ послѣднихъ монаховъ законно національнымъ избраніемъ возвысился до столь высокой степени, то стопы его я согласился бы возложить на главу свою. Но величайшая болѣзнь и разореніе святому престолу нашему то, что одинъ человѣкъ, для своей славы, повергаетъ къ подножію законъ и вѣру нашу, пречистый чинъ чиноначалія предаетъ ругательству и до того господствуетъ, что осмѣливается идти противъ націи и воли августѣйшаго Императора.

---

[1]) Письмо Тамары Кноррингу 31-го мая (12-го іюня) 1801 года.

XIII.

Первыя распоряженія нашего правительства по полученіи извѣстія о кончинѣ Іосифа.—Рескриптъ Императора нашему посланнику въ Константинополѣ. — Переговоры Тамары съ рейсъ-эфендіемъ по поводу избранія Даніила. — Признаніе Портой патріархомъ Давида.—Новыя инструкціи, данныя Тамарѣ въ пользу Даніила.—Воззваніе архіепископа Ефрема къ константинопольскимъ армянамъ. — Утвержденіе патріархомъ Даніила.—Грамата Императора Александра I эриванскому хану.

По полученіи первыхъ извѣстій о кончинѣ Іосифа, петербургскій кабинетъ поручилъ нашему посланнику въ Константинополѣ употребить стараніе, чтобы выборъ новаго патріарха палъ на человѣка кроткаго нрава и скромныхъ правилъ, словомъ, такого который бы заносчивостью и происками не нарушалъ спокойствія «въ странахъ, Имперіи Россійской сопредѣльныхъ» [1]).

Желая сохранить то вліяніе, которое пріобрѣла Россія при избраніи послѣдняго патріарха Іосифа и лишить Порту прежней самостоятельности въ этомъ отношеніи, наше правительство заявило, что признаетъ законность избранія только тогда, когда послѣдуетъ взаимное соглашеніе Россіи съ Портой. Политическія же отношенія наши съ этою державой заставляли петербургскій кабинетъ настаивать на избраніи того лица, которое будетъ указано русскимъ правительствомъ. Поэтому, какъ только получено было донесеніе Григорія, что Іосифъ умирая указалъ на двухъ кандидатовъ, Императоръ поручилъ избраніе новаго патріарха особенному вниманію Кнорринга и взаимному соглашенію его съ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ. Русское правительство намѣрено было употребить всѣ мѣры убѣжденія и настойчивости къ довершенію этого дѣла согласно своимъ видамъ и желаніямъ. Останавливаясь на двухъ лицахъ, указанныхъ Іосифомъ, Императоръ разрѣшилъ Кноррингу допустить къ избранію и другихъ лицъ, если они извѣстны своею приверженностью къ Россіи и пользуются уваженіемъ армянскаго народа.

«Извѣстно вамъ, писалъ Императоръ тайному совѣтнику

---

[1]) Письмо Энгеля графу Панину 7-го апрѣля 1801 года, № 73. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Тамарѣ [1]), что, при послѣднемъ утвержденіи армянскаго патріарха Іосифа въ сіе достоинство, россійскій дворъ принялъ равное съ Портою Оттоманской участіе и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ право, по настоящему положенію Грузіи, довольно для насъ важное, сдѣлать предметъ сей и на будущее время отъ себя зависимымъ. Извѣстно также вамъ должно быть, что патріархъ Іосифъ, будучи въ Тифлисѣ, скончался. При кончинѣ своей сдѣлалъ онъ завѣщаніе, коимъ въ преемники себѣ назначилъ находящагося въ Константинополѣ титулярнаго патріарха Іоанна (Ованеса) или намѣстника монастыря въ Эчміадзинѣ, архіепископа Давида. Но завѣщаніе сіе при исполненіи его встрѣтило сильное противорѣчіе со стороны мелика эриванскаго, юсбашей и прочихъ первостатейныхъ чиновниковъ, домогающихся возвести на патріаршій престолъ бывшаго въ заточеніи у Порты Оттоманской титулярнаго патріарха, архіепископа Даніила. Извѣстясь о семъ черезъ нашего генералъ-лейтенанта и астраханскаго военнаго губернатора Кнорринга, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ отзыва къ нему бывшаго при покойномъ патріархѣ архимандрита Григорія узнали мы, что назначенный противоборствующею стороной архіепископъ Даніилъ не имѣетъ той приверженности къ престолу россійскому, какая предполагается въ избранныхъ патріархомъ (Іосифомъ) лицахъ, что архіепископъ сей имѣетъ пребываніе свое въ турецкомъ городѣ Тохатѣ, что впрочемъ сторона, соединившаяся въ пользу архіепископа Давида, одного изъ лицъ патріаршаго избранія, доселѣ остается еще сильнѣйшею и что, наконецъ, довелъ онъ, архимандритъ Григорій, всѣ сіи обстоятельства до свѣдѣнія хана эриванскаго, давно уже ищущаго покровительства Россіи,—я счелъ нужнымъ дать вамъ знать о всѣхъ сихъ подробностяхъ, дабы, соображаясь съ оными и примѣняясь къ свѣдѣніямъ, какія вы по сему предмету имѣть можете, нашли вы удобнѣйше наклонить диванъ, чтобы, устранивъ отъ назначенія архіепископа Даніила, согласился съ нами на утвержденіе одного изъ лицъ, покойнымъ патріархомъ избранныхъ, давъ изъ нихъ предпочтеніе тому кто найдется приверженнѣйшимъ къ Россіи, по свѣдѣніямъ вашимъ и генералъ-лейтенанта Кнорринга, коему мы

[1]) Въ рескриптѣ отъ 28-го апрѣля 1801 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, III, № 23, 1801 года.

съ своей стороны поручили дѣйствовать и съ которымъ не оставьте вы снестись. Бывъ увѣрены, что, принявъ дѣло сіе въ ваше особенное уваженіе, употребите вы всѣ зависящія отъ васъ мѣры къ совершенію его сообразно нашей волѣ, пребываемъ вамъ благосклонны».

Передавъ высочайшее повелѣніе рейсъ-эфенди, Тамара при свиданіи съ нимъ указалъ на двухъ лицъ, рекомендованныхъ покойнымъ Іосифомъ, присовокупивъ при этомъ, что Императоръ признаетъ, однако же, справедливымъ предоставить выборъ эчміадзинскому «капитулу» [1]). Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что онъ готовъ сдѣлать угодное русскому Императору; но скоро Тамара узналъ, что въ тайномъ собраніи константинопольскихъ банкировъ рѣшено было, не приступая къ выбору новаго патріарха, утвердить прежній выборъ Даніила. Тамара заявилъ о томъ рейсъ-эфенди и тѣмъ поставилъ его въ крайне затруднительное положеніе. Константинопольскіе армяне обѣщали ему пятьдесятъ мѣшковъ денегъ, если приметъ сторону Даніила и настоитъ на его избраніи. «Челеби Мустафа, писалъ Тамара, въ прежнемъ званіи своемъ тефтердаря новыхъ доходовъ, имъ же изобрѣтаемыхъ, могъ легко закрывать наклонность къ любостяжанію, но въ званіи рейсъ-эфенди нѣтъ ничего новаго, доходы извѣстны, какъ наименованіе чина— и порокъ его обнаружился».

Получивъ подробныя извѣстія обо всемъ происшедшемъ въ Эчміадзинѣ, рейсъ-эфенди обрадовался этому и сталъ увѣрять Тамару, что насильственный поступокъ Давида возбудилъ негодованіе армянъ, тѣмъ болѣе сильное, что онъ вмѣстѣ съ эриванскимъ ханомъ старался оклеветать Даніила, два раза избраннаго армянами главной ихъ церкви.

— Даніилъ извѣстенъ Портѣ съ хорошей стороны, говорилъ рейсъ-эфенди, и поведеніемъ своимъ въ достоинствѣ здѣшняго патріарха столь привязалъ къ себѣ націю армянскую, что армяне отказываются приступить къ новому выбору патріарха, считая уже Даніила своимъ пастыремъ по прежнему выбору. Портѣ пришлось бы употребить насиліе для принужденія подданныхъ сво-

[1]) Всеподд. донесеніе Тамары отъ 1-го (13-го) іюня 1801 года. Арх. Кабин., св. 267.

ихъ оставить Даніила и утвердить Давида, сдѣлавшагося ненавистнымъ своими насильственными поступками. Сверхъ того, Порта имѣетъ многія побудительныя причины поступать ласково съ подданными ей армянами, желала бы поощрить извѣстныя ей достоинства Даніила и не понимаетъ, почему возведеніе его въ патріархи могло бы повредить спокойствію границъ Россіи, ограждаемому могуществомъ имперій.

— Разсужденія ваши о спокойствіи границъ россійскихъ, отвѣчалъ Тамара, простительны, какъ министру посторонней, хотя и дружественной державы, и вы вольны черпать ваши соображенія изъ какихъ угодно источниковъ, хотя бы и отъ константинопольскихъ армянъ. Но мнѣ нельзя принимать поученія, противныя наставленіямъ моего правительства. Сверхъ того, мнѣ кажется, что обоимъ намъ надлежало бы вѣрить другъ другу въ чистосердечіи по дѣламъ взаимнымъ. Держась твердо такого правила, я никогда не отвергалъ мнѣній министерства Порты о внутреннихъ и внѣшнихъ безпокойствахъ имперіи, хотя они иногда вовсе не согласовались съ мнѣніемъ моего двора. При случаяхъ, которые казались намъ важными, мы представляли помощь нашу и совѣтъ по мѣрѣ надобности, отнюдь не соблазняясь противными заключеніями Порты. Мы почитаемъ, напримѣръ, пагубными для имперіи неповиновеніе пашей, ихъ междоусобіе, и въ Россіи вражда одной деревни съ другою показалась бы намъ дѣломъ важнымъ. Я прошу васъ, наблюдая въ сношеніяхъ со мною справедливость, простить двору моему попеченіе о пограничномъ спокойствіи, кажущееся мнительностью, какъ у насъ прощаютъ спокойствіе Порты, представляющееся намъ безпечностью. Я предлагаю презрѣть нареканіе дюжины банкировъ армянскихъ, подобно тому, какъ презрѣно оно было при избраніи Іосифа, и уважить резоны, которые опровергли тогда выборъ Даніила. Я прошу не показывать, что Порта раскаявается въ уступкѣ высочайшему двору, какъ въ нѣкоторомъ преступленіи. Извѣстіе о поведеніи эриванскаго хана должно принимать съ маловѣріемъ и судить о немъ съ справедливою осторожностью, какъ о мѣстномъ владѣтелѣ, который удаляетъ отъ столь важнаго въ землѣ его званія своего врага и прочитъ друга. На волю Порты Оттоманской я предостав-

ляю судить о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на меня рейсъ-эфенди, потворствующій прихотямъ цареградскихъ банкировъ благовидными поученіями о спокойствіи границъ россійскихъ.

«Не знаю, до чего еще дойдетъ преніе мое съ рейсъ-эфенди, доносилъ Тамара, какъ неизвѣстно мнѣ, есть ли другіе члены въ министерствѣ турецкомъ, преклоненные банкирами. Между тѣмъ, стараться буду противиться выбору новаго патріарха, пока не узнаю, что оный падетъ на архіепископа Давида, и не допущать Порту утвердить прежній выборъ Даніила отправленіемъ къ нему обыкновенныхъ граматъ».

Энергическія настоянія нашего посланника заставили турецкое правительство отказаться отъ поддержки Даніила, и Порта поручила армянамъ представить кандидатовъ на патріаршій престолъ. Банкиры настаивали на избраніи Даніила, удвоили предложенную рейсъ-эфенди сумму и обѣщали заплатить, вмѣсто пятидесяти, сто мѣшковъ (около 50,000 піастровъ) [1]), но, видя, что вліяніе Россіи въ избраніи патріарха столь сильно, что рейсъ-эфенди не рѣшается взять и этой суммы, принуждены были подчиниться обстоятельствамъ и представить трехъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и Давидъ. Другими кандидатами на патріаршій престолъ были: архіепископъ Барсегъ и константинопольскій патріархъ Ованесъ. Первый считался кандидатомъ только по старшинству, а второй хотя, по словамъ Тамары, и былъ человѣкъ весьма достойный, но, какъ преданный турецкому правительству, не могъ быть пріятенъ армянамъ, жившимъ въ Персіи. Къ тому же Ованесъ самъ исключилъ себя изъ числа кандидатовъ, желая остаться въ Константинополѣ, въ кругу своихъ родственниковъ и друзей.

Такимъ образомъ, изо всѣхъ лицъ только одинъ Давидъ удовлетворялъ нашимъ видамъ, то-есть былъ такимъ лицомъ, объ утвержденіи котораго хлопотала Россія. Порта приказала Ованесу приступить, по обычаю, къ утвержденію Давида патріархомъ и представить ей немедленно прошеніе о выдачѣ ему на новое достоинство берата [2]). Армяне исполнили требованіе Порты и утвердили своими подписями избраніе Давида.

---

[1]) Всепод. донесеніе Тамары 16-го (28-го) іюня 1801 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, III, № 23, 1801.

[2]) Письмо Тамары Кноррингу 16-го (28-го) іюня 1801 года.

«Много труда стоило, доносилъ Тамара [1]), не озлобляя противъ себя сильныхъ армянъ, друзей Даніила, довести ихъ добровольно до подписанія выборовъ, привезенныхъ изъ Эчміадзина, въ пользу соперника его. Дабы выиграть нужное къ тому время и не обезпокоить медленіемъ новоизбраннаго патріарха и друзей его въ Эчміадзинѣ, послалъ онъ (Ованесъ) туда копію полученнаго отъ Порты берата, обнадеживая сильнымъ вліяніемъ въ правительствѣ турецкомъ высочайшаго двора, а затѣмъ, мало-по-малу, уговаривалъ противную партію, извѣщая подъ рукою меня о подвигахъ своихъ, дабы чрезъ внушенія мои Портѣ побуждать общество армянское къ скорѣйшему окончанію дѣла. Не могъ, однакожь, совершить онаго иначе, какъ согласясь и самъ подписать представленіе объ опредѣленіи Даніила архіепископомъ въ городъ Мушъ на границѣ персидской, въ которомъ существовала прежде знаменитая епархія армянская, давно пресѣкшаяся. Здѣшній патріархъ, увѣдомляя меня о семъ втайнѣ, объявилъ съ сожалѣніемъ, что изъ онаго мѣста Даніилъ можетъ много вредить покровительствуемому вашимъ величествомъ патріарху Давиду. Вслѣдствіе чего, на основаніи прежнихъ письменныхъ и словесныхъ объявленій моихъ, не оставилъ я внушить рейсъ-эфенди, чтобы новые происки сіи были уничтожены, и министръ турецкій велѣлъ патріарху пріостановить дѣло впредь до приказанія».

Едва только Тамара добился у турецкаго правительства признанія патріархомъ Давида, какъ составленное Григоріемъ завѣщаніе оказалось ложнымъ, и въ глазахъ нашего правительства Даніилъ получилъ болѣе правъ на престолъ патріаршій.

Эчміадзинскій капитулъ два раза избиралъ его единогласно; армяне, жившіе въ Россіи, Турціи и Персіи, одобрили этотъ выборъ и охотно признали его главою церкви, но по настоянію России онъ былъ устраненъ, отправленъ въ Тохатъ и вслѣдствіе того невольнымъ образомъ подвергнутъ гоненію. Преслѣдованіе Даніила придавало ему еще большее значеніе въ глазахъ армянъ, и общій голосъ народа былъ обращенъ въ его пользу. За него стояли константинопольскіе армяне и эчміадзинскій синодъ, за него просили

[1]) Во всепод. донесеніи отъ 16-го (28-го) августа. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. III,—5, 1801, № 7.

Императора 283 человѣка армянъ, жившихъ въ Астрахани, 353 человѣка жившіе въ Кизлярѣ, 77 человѣкъ — въ Моздокѣ и 33 человѣка духовной армянской консисторіи. Независимо отъ этихъ просьбъ, получено было нашимъ правительствомъ письмо отъ находившихся въ Эчміадзинѣ архіепископовъ и епископовъ, просившихъ за Даніила. Они писали, что хотя и приложили свои печати на листѣ о признаніи Давида патріархомъ, но просятъ не принимать ихъ за дѣйствительныя, такъ какъ сдѣлали это по насилію и истязанію Давида и по угрозамъ эриванскаго хана, котораго Давидъ, при посредствѣ подкупа, имѣетъ на своей сторонѣ [1]). Всегда особенно внимательный къ народному голосу, Императоръ Александръ не могъ не обратить вниманія на всѣ эти просьбы и при ближайшемъ разсмотрѣніи всѣхъ подробностей дѣла не могъ, по чувству справедливости, не склониться въ пользу Даніила.

«Положеніе дѣла объ избраніи армянскаго патріарха, писалъ онъ тайному совѣтнику Тамарѣ [2]), съ того времени, какъ поручилъ я вамъ у двора константинопольскаго принять въ немъ участіе, здѣсь въ самыхъ существенныхъ его отношеніяхъ перемѣнилось, и стекшіяся съ разныхъ сторонъ о немъ свѣдѣнія дали ему совсѣмъ другой оборотъ.

«Завѣщаніе покойнаго патріарха Іосифа, на коемъ первое положено было основаніе къ избранію Давида, по ближайшемъ изслѣдованіи, найдено никогда несуществовавшимъ. Возведеніе его на патріаршій престолъ въ Эчміадзинѣ дѣйствительно произведено вооруженною рукой и усиліемъ хана эриванскаго.

«Народъ армянскій, не только въ странахъ турецкихъ, но и въ Россіи обитающій, призываетъ на престолъ Даніила, и прошенія ко мнѣ отъ разныхъ армянскихъ обществъ и отъ самого Даніила достигшія единогласно утверждаютъ сіе избраніе. Уваженія сіи въ правилахъ моихъ столько представляются мнѣ сильными, что не могу я колебаться отступить отъ той поверхности, которую надъ расположеніемъ турецкаго министерства знаніемъ и дѣя-

---

[1]) Записка вице-канцлеру отъ С. Лашкарева 17-го апрѣля 1801 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, III, № 23, 1801.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 28-го сентября 1801 года.

тельностью вашею въ семъ дѣлѣ вы снискали; и хотя по послѣднимъ вашимъ реляціямъ утвержденіе Давида на патріаршемъ престолѣ должно считать совершенно конченнымъ, но сколько бы право перевѣса въ выборахъ армянскихъ патріарховъ, утвержденіемъ симъ одержанное, ни казалось для Россіи выгоднымъ, *я лучше хочу на сей разъ имъ пожертвовать, нежели пренебречь гласъ народный и прикоснуться къ нарушенію справедливости, выше всего мною чтимой.* А потому и поручаю вамъ объявить министерству турецкому, что соглашаюсь я съ Портой на утвержденіе Даніила патріархомъ араратскимъ, сколько во уваженіе причинъ выше приведенныхъ и хотя поздно, но съ достовѣрностью ко мнѣ дошедшихъ, столько и въ знакъ моего искренняго желанія во всѣхъ случаяхъ безпристрастно искать истины и на ней основать и поддержать доброе согласіе, между нами существующее. Впрочемъ, благоразумію вашему предоставляю я дать поступку сему весь видъ благопріятности, какой по существу своему для турецкаго министерства имѣть онъ можетъ, и представить его въ надлежащей цѣнѣ и соотвѣтствіи къ податливости Порты на первое мое желаніе».

Почти одновременно съ этимъ константинопольскіе армяне, въ лицѣ архіепископа Ефрема получили протестъ отъ армянъ, жившихъ въ Россіи и укорявшихъ націю въ несоблюденіи законовъ при избраніи патріарха.

«Проснись, Константинополь! писалъ архіепископъ Ефремъ [1]) проснись и виждь, какъ отъ слабости и безпечности націи нашей разрушились основы вѣры нашей, законы и учрежденія наши въ театральное зрѣлище превратились, истинный свѣтильникъ вѣры нашей подъ спудомъ утаенъ, разумъ человѣческаго рода испорченъ и не чувствуетъ онъ болѣзни. Что же причиною всѣмъ симъ неустройствамъ? Не что иное, какъ отсутствіе любви и единогласія.

«Мы, горестные единовѣрцы, лишившись царства, душевно утѣшаемся, что имѣемъ въ рукахъ нашихъ престолъ, Христомъ основанный, престолъ святаго просвѣтителя нашего, коимъ и сла-

---

[1]) Патріарху Іоанну (Ованесу) всѣмъ армянамъ отъ 19-го сентября 1801 года.

вимся во всѣхъ націяхъ. Нынѣ эта слава содѣлалась намъ поруганіемъ въ цѣломъ свѣтѣ. Неужели сила тамошнихъ святыхъ уменьшилась? Нѣтъ, но мы сами сдѣлали свѣтозарный домъ тотъ домомъ разбойниковъ. Горе тебѣ, Константинополь! ибо, стоя за правду, единогласно и единодушно утверждалъ ты договоры быть преемникомъ святаго просвѣтителя по избранію всей націи, а нынѣ ты не народному повинуешься голосу.

«Гдѣ теперь горестный Даніилъ! не Константинополь-ли возвелъ его на степень патріарха? Не по избранію-ли всей націи и не по совѣту-ли синодальныхъ архіепископовъ и всѣхъ единогласниковъ пригласили его къ верховному патріаршеству всея Арменіи?... Неужели прежнія раны и напрасныя поруганія бѣдному Даніилу не довольны были, что вторичнымъ приглашеніемъ всѣхъ епископовъ и единогласниковъ и по избранію всей націи вывезли вы его въ Баязетъ и съ того времени, снова муча, обругали его предъ лицомъ цѣлаго свѣта.

«Константинопольцы! У меня хранятся просьбы всѣхъ архіепископовъ, кои, единогласно и единодушно жалуясь на злаго монаха (Григорія), вопіютъ, что вѣру нашу онъ къ ногамъ низринулъ и хочетъ возвести Давида; чтобы самому быть посвященну въ епископы. Но мы присягали предъ святымъ копіемъ и предъ святыми мощами кромѣ Даніила никого не признавать. Нынѣ же слышимъ, что и вы, не сдержавъ прежнія слова ваши, воздаете хвалу незаконному (Давиду) и дали уже ему фирманъ.

«Онъ-ли долженъ быть преемникомъ Христовымъ, когда, приложа свою печать вмѣстѣ съ другими архіепископами, приглашалъ Даніила, а потомъ, имѣя страсть къ славѣ, битьемъ и стращаніемъ епископовъ заставилъ силой себя помазать. Не благодатный духъ, но духъ діавольскій снисшелъ на него. Съ того же дня и понынѣ онъ надѣется единственно на деньги, растопляетъ златую и серебряную утварь святаго престола и не жалѣя соритъ ее повсемѣстно ради одной славы. Битьемъ же устрашаетъ всѣхъ какъ варваръ. Константинопольскаго уроженца Ованеса архіепископа, сего праведнаго сына, билъ онъ по головѣ, велѣлъ связать и посадить въ темницу»...

Письмо это и рескриптъ Императора произвели самое благо-

пріятное впечатлѣніе въ Константинополѣ. Большинство армянъ было радо такому обороту дѣлъ, а рейсъ-эфенди надѣялся на хорошую наживу. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ заявленіе нашего посланника, и отвѣчалъ, что Порта не замедлитъ выдать бератъ прежде избранному Даніилу. Сторонники Давида протестовали противъ такого рѣшенія. Смирнскій архіепископъ Мартиросъ и его послѣдователи просили Тамару, чтобы приказано было армянскому духовенству и народу собраться вновь и разсмотрѣть, кому изъ двухъ соперниковъ принадлежитъ по праву эчміадзинскій престолъ. «Не знаю, писалъ на это В. П. Кочубей нашему посланнику въ Константинополѣ [1]), къ чему отнести такое несовмѣстное и совсѣмъ подобное дѣтской игрушкѣ предложеніе, да и какъ вторично собирать всѣхъ по одному предмету, когда съ достовѣрностью уже здѣсь извѣстно, что данныя въ пользу Давида подписки вынуждены и имъ вѣрить не должно, и когда—что̀ всего важнѣе—по всемилостивѣйшаго Государя соизволенія и по согласію на то его величества султана данъ уже и бератъ на патріаршее достоинство. Почему, не говоря о томъ болѣе, вашему превосходительству предоставляю тотъ бератъ, буде еще не доставленъ, стараться доставить патріарху Даніилу, для коего и здѣсь по высочайшему повелѣнію изготовляется грамота, а о вторичномъ собраніи примѣтить кому слѣдуетъ, что въ ономъ не предвидится никакой надобности и что всѣ они должны сему патріарху повиноваться, къ общей ихъ величествъ благоугодности».

Настоянія Тамары, желаніе большей части армянъ и, наконецъ, личный интересъ рейсъ-эфенди были причиной, что Порта весьма скоро согласилась устранить Давида и его сторонника архіепископа Ованеса. Утвердивъ архіепископа Григорія константинопольскимъ патріархомъ, Порта признала Даніила католикосомъ или верховнымъ патріархомъ всего армянскаго народа. Императоръ Александръ, также утвердивъ Даніила въ званіи патріарха [2]), повелѣлъ Кноррингу убѣдить эриванскаго хана пропустить Даніила въ Эчміадзинъ и защищать его. «Какъ даннымъ отъ его

[1]) Въ письмѣ Тамарѣ отъ 3-го февраля 1802 года.

[2]) Грамотою отъ 19-го мая 1802 года.

величества султана бератомъ, писалъ Императоръ Александръ эриванскому хану [1]), армянскій архіепископъ Даніилъ, по желанію всего армянскаго народа и знатнѣйшаго эчміадзинскаго духовенства, признанъ и утвержденъ въ патріаршемъ достоинствѣ, на которое, по его прошенію, всемилостивѣйше ему пожалована и отъ насъ такая жь грамота, и какъ слѣдуетъ ему имѣть всегдашнее свое пребываніе въ эчміадзинской армянской патріаршей обители, находящейся въ сосѣдственныхъ намъ предѣлахъ, состоящей во владѣніи вашемъ области, то мы уповаемъ, что ваше высокостепенство, по всегдашней извѣстной намъ благонамѣренности вашей, не оставите въ предѣлахъ той области вашей доставлять ему, патріарху, и всему честному его духовенству зависящія отъ васъ: безопасность, дружескія пособія и защиту».

XIV.

Прибытіе архіепископа Григорія въ Россію. — Его интриги и обнадеживаніе Давида. — Переписка послѣдняго съ разными лицами. — Расхищеніе Давидомъ церковнаго имущества. — Прошеніе его къ Императору Александру. — Письмо Григорія. — Мѵропомазаніе Даніила. — Жестокое обращеніе съ эчміадзинскимъ духовенствомъ. — Торжество объявленія въ Тифлисѣ утвердительной грамоты Даніилу. — Переговоры съ Эриванскимъ ханомъ. — Интриги Давида въ Константинополѣ. — Признаніе его католикосомъ. — Зявленіе констандинопольскихъ армянъ. — Отправленіе въ Россію архимандрита Эммануила.

Посвятивъ Григорія въ архіепископы, Давидъ отправилъ его въ Россію для управленія армянскою церковью. Въ Моздокѣ онъ встрѣтилъ со стороны своихъ соотечественниковъ полное неудовольствіе и нежеланіе признать его своимъ пастыремъ [2]). Подозрѣвая въ этомъ интригу Ефрема, Григорій тѣмъ не менѣе продолжалъ свой путь, надѣясь побѣдить врага и достигнуть своей цѣли. Пріѣхавъ въ Нахичевань (на Дону) онъ нашелъ тамъ имя Давида провозглашеннымъ въ званіи католикоса и верховнаго патріарха. Видя, что дѣла здѣсь идутъ удовлетворительно для него и

---

[1]) Въ грамотѣ отъ 13-го мая 1802 года.

[2]) Письмо Григорія генералу отъ кавалеріи Обрѣзкому отъ 9-го сентября 1801 года. Арх. кабинета, св. 267.

его сообщника, Григорій, желая ковать желѣзо пока горячо, торопился въ Москву, чтобъ и тамъ склонить армянъ на свою сторону.

Прибывъ 20-го сентября въ первопрестольную столицу Россіи, онъ не встрѣтилъ тамъ того, что ожидалъ. Онъ нашелъ тамъ архіепископа Ефрема, дѣятельно хлопотавшаго о возведеніи на патріаршій престолъ Даніила. Григорій узналъ, что Ефремъ, какъ глава духовенства всѣхъ армянъ, жившихъ въ Россіи, присутствовалъ при коронаціи Императора, что онъ осыпанъ милостями Государя, и будучи ему представленъ, имѣлъ случай доложить Императору нѣкоторыя подробности по дѣлу избранія патріарха. Видѣвшись съ тремя братьями Лазаревыми [1]), архіепископъ Григорій убѣдился, что и они принадлежатъ къ противной ему партіи. Чувствуя свое одиночество, но не желая сознаваться въ этомъ, Григорій писалъ Давиду, что останется ему вѣрнымъ, будетъ хлопотать объ утвержденіи его патріархомъ, но для этого ему необходимы деньги, безъ которыхъ сдѣлать ничего невозможно. По его словамъ, архіепископъ Ефремъ и Лазаревы «обратились къ императорскимъ вельможамъ» и при помощи подарковъ и обѣщаній достигли до Императора. «Царь, тронутый фальшивымъ плачемъ Даніила, писалъ Григорій лже-патріарху Давиду [2]), повелѣлъ послу Тамарѣ васъ, владыку моего, смѣнить съ патріаршества и возвести въ таковой санъ Даніила, ибо, сказано въ рескриптѣ, вся нація желаетъ послѣдняго. Хотя я и старался объяснить все необходимое придворнымъ и приближеннымъ ко двору, но ложь нашихъ противниковъ на этотъ разъ оказалась сильнѣе нашей правды. 5-го сего октября воспослѣдовало о семъ высочайшее повелѣніе, и Ефремъ торжествуетъ: онъ отправляетъ во всѣ концы свѣта письма объ этомъ повелѣніи. Хотя я также писалъ послу Тамарѣ и другимъ все необходимое, но настоящее императорское повелѣніе такое строгое, что трудно пріостановить его. Вотъ, если бы вы поспѣшили прислать къ Императору Карапета варданета (монаха) съ прошеніемъ, быть можетъ, тогда можно будетъ надѣяться на благопріятный исходъ сего дѣла. Вамъ нужно серьезно

[1]) Ованесомъ (Иваномъ), Минoю и Іоакимомъ.
[2]) Въ письмѣ отъ 10-го октября 1801 г.

подумать объ Ефремѣ [1])... Если же не поспѣшите привести эти мѣры въ исполненіе (въ отношеніи Ефрема), то знайте, что повелѣніе Государя немедленно будетъ приведено въ исполненіе, и тогда наши старанія пропадутъ даромъ. Неужели вы деньги предпочитаете себѣ? Въ то время, когда мы не щадили ничего и всюду чинили и клеили, вдругъ здѣсь рвется на нашу погибель... Не разъ я говорилъ вамъ: владыко, приготовь подарки царю, а вы все откладывали, и вотъ послѣдствія. Поспѣшите хоть теперь сдѣлать то, что слѣдовало сдѣлать раньше. Вы отказались увѣдомить астраханскихъ армянъ о моемъ назначеніи, вы писали нѣкоторымъ личностямъ, что епископскаго сана я добился силою персидскихъ войскъ... Я все предаю забвенію, ибо пора все это оставить, но знайте, что честь моя принадлежитъ вамъ и обратно, а потому подумайте добиться побѣды... Хотя враги наши и сильны, но я здѣсь не перестану стараться, уповая на ваши святыя молитвы; если же вы поспѣшите прислать сюда Карапета съ прошеніями, то и я, воодушевившись, получу энергію и буду хлопотать. Теперь у меня ничего нѣтъ, денегъ ни гроша не осталось, ибо все, что у меня было, все это вмѣстѣ съ сундукомъ похищено у меня въ Осетіи. Я лишился не только денегъ, но и драгоцѣнностей. Повѣрь, что не имѣю чѣмъ нанять карету, а безъ денегъ и на дворъ не пускаютъ.

«Ефремъ сіяетъ и гремитъ противъ насъ, а Даніиловъ Нерсесъ не перестаетъ изъ Константинополя наполнять край нашъ воззваніями, посланіями и разными письмами. Еслибъ я зналъ, что Ефремъ такъ усилится, то я не мѣшкалъ бы такъ долго на Кавказѣ и своевременно предупредилъ бы его, но теперь онъ равносиленъ сатанѣ. Нѣсколько разъ пожелалъ я быть у него, поговорить наединѣ, но онъ не только отклонилъ, но и людей моихъ не принялъ. Хотя мало кто любитъ Ефрема, но въ лицѣ двухъ злѣйшихъ братьевъ Лазаревыхъ онъ находитъ большую поддержку. Г. Ованесъ (Иванъ) Лазаревъ въ параличѣ, близокъ къ смерти и сегодня или завтра душу свою отдастъ дьяволамъ [2]),

---

[1]) Перерывъ въ подлинникѣ. Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ. III, 23, 1801—1807 гг., № 8.

[2]) Ованесъ (Иванъ) Лазаревъ дѣйствительно скончался 25-го октября 1801 г.

но оставляетъ двухъ злѣйшихъ братьевъ. Спѣши, владыко, спѣши помочь мнѣ какимъ нибудь способомъ, ибо Императоръ молодъ и добръ, и его легко склонить на свою сторону... Помогите! не любите вы серебро выше своей чести и своей особы, ибо не серебро васъ пріобрѣтаетъ, а вы его.

«Пришлите Государю и копіи съ двухъ писемъ Кнорринга къ вамъ, а также журналъ покойнаго Іосифа. Донесите Государю, что вещи покойнаго получены вами. Ефремъ между прочимъ гремитъ, что будто я часть имущества Іосифа израсходовалъ въ Тифлисѣ, подкупивъ въ пользу патріаршества Давида, а остальную часть поднесъ хану эриванскому... И наконецъ, прошу васъ обласкать и привлечь на свою сторону эчміадзинскихъ епископовъ, чтобъ они сколько нибудь смягчились, иначе, вамъ извѣстно, что они сильно вооружены противу васъ...»

Совѣты Григорія подѣйствовали на Давида тѣмъ болѣе, что и другія лица, ему преданныя, убѣждали его тоже не стѣсняться средствами для достиженія цѣли.

«Ты для самого себя жалѣешь! писалъ Давиду Агаековъ изъ Константинополя [1]). Сколько есть у тебя денегъ, не жалѣй употреблять ихъ, и архимандрита Карапета съ нѣсколькими духовными поспѣши съ большими дарами отправить въ Петербургъ къ Государю. На завѣщаніи (Іосифа) свидѣтелями подпишутся: одинъ Григорій архіепископъ, а другаго ты самъ найди кого нибудь. Еще же, владыка мой, по полученіи сего письма, напиши одинъ листъ и на одномъ дай приложить печати тѣхъ меликовъ, которые были въ Петербургѣ. Въ немъ пропиши, что армянскій патріархъ помазанный долженствуетъ быть одинъ, другому же быть нельзя. Денегъ не жалѣй, сколько имѣешь издерживай, а если не имѣешь ихъ, то самого себя продай и употребляй деньги: дѣло сіе должно совершиться чрезъ нихъ. Напиши, что то ложно, чтобы народъ армянскій желалъ Даніила; пусть здѣсь, въ Цареградѣ, станутъ разбирать сіе; кромѣ четырехъ амираевъ, другіе никто его не желаютъ, а здѣсь я, рабъ твой, разбирать сіе буду.»

Получивъ извѣстіе изъ Константинополя, что русское правительство требуетъ отъ Порты признанія патріархомъ Даніила, и

[1]) Отъ 29-го ноября 1801 г.

сознавая, что единственный исходъ—послѣдовать совѣту своихъ сторонниковъ и при помощи подкупа стараться достигнуть того, чего нельзя было получить по праву, Давидъ сталъ расхищать церковное имущество, надѣясь на пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги усилить свою партію. Онъ посылалъ тайно по ночамъ къ своему брату драгоцѣнныя вещи [1]) и на собранный отъ продажи ихъ капиталъ снарядилъ посольства въ Петербургъ и Константинополь. Онъ писалъ Императору Александру, что Ефремъ предъявилъ министерству ложныя бумаги, что Ефремъ и Даніилъ личные враги ему и что для разъясненія обстоятельствъ дѣла онъ, Давидъ, отправилъ въ Россію архіепископовъ Карапета и Авраама съ указами, дарованными ему отъ шаха и султана на верховное патріаршество, съ единогласными общественными избирательными листами и поздравительными письмами, присланными ему отъ всей армянской націи, духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Давидъ просилъ Императора разрѣшить пропустить его посланныхъ въ Петербургъ, принять ихъ милостиво и разобрать: силою и взятками ли онъ присвоилъ себѣ престолъ, какъ оклеветали его враги, или же онъ избранъ по желанію единовѣрцевъ и вообще всѣхъ армянъ, «разнымъ владѣніямъ подвластныхъ». Не настаивая на справедливости духовнаго завѣщанія Іосифа, но и не отрицая его, Давидъ старался доказать, что избранъ народною волей и просилъ Императора даровать ему грамоту, утверждающую его верховнымъ патріархомъ всего армянскаго народа [2]).

Посланные съ этимъ письмомъ были задержаны Кноррингомъ,

---

[1]) Населеніе Эчміадзина знало о такихъ поступкахъ Давида и слѣдило за его повѣренными. Во время церковной службы, 31-го января, было замѣчено, что одинъ изъ слугъ Давида вынесъ подъ платьемъ какую-то вещь; то былъ небольшой сундучокъ, наполненный драгоцѣнностями. Прослѣдивъ за нимъ, жители монастыря видѣли, какъ сундучокъ былъ вложенъ въ мѣшокъ, наполненный горохомъ, и отправленъ къ брату Давида. Отправившіеся въ погоню остановили посланнаго и отобрали у него мѣшокъ, въ которомъ оказались: святое копье, животворящее древо, украшенное камнями, три креста, украшенные брилліантами, два золотыя кадила, двое часовъ съ драгоцѣнными камнями, 22 перстня, 12 жемчужныхъ четокъ, мѣшокъ, наполненный венеціянскими червонцами, табатерка съ голландскими червонцами, мѣшокъ съ 2,000 турецкихъ золотыхъ, семь фунтовъ жемчугу, восемь старинныхъ книгъ, пять кусковъ атласа, зрительная труба и слитокъ золота.

[2]) Письмо Давида Императору отъ 17-го января 1802 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, III, 5, 1801 г., № 7.

совѣтовавшимъ епископамъ возвратиться въ Эчміадзинъ [1]). Оставшись въ Тифлисѣ, они нашли возможнымъ отправить прошеніе Давида къ архимандриту Григорію, который и представилъ его нашему правительству только въ половинѣ марта.

«Писаніе вашего святѣйшества отъ 17-го января, сообщалъ Григорій [2]), на имя августѣйшаго Императора, сего мѣсяца въ пятый день я получилъ и сегодня перевожу оное, чтобы съ переводомъ поднести Императору. Безъ перевода же представить его въ иностранную коллегію неудобно, ибо, по недоброжелательству ко мнѣ, она или неправильно переведетъ, или совсѣмъ не представитъ Императору. По той причинѣ я спѣшу самъ перевести и при краткой своей просьбѣ представить монарху.

«Владыка мой! тѣ люди, кои дружбу и любовь ко мнѣ имѣли, теперь отвратились въ противную сторону *не отчего инаго, какъ по причинѣ скудости моей.* Богу извѣстно, что еслибы г. Симонъ не прибылъ сюда, то принужденнымъ нашелся бы я съ безчестіемъ возвратиться отсюда, ибо пріятели и доброжелатели мои при первомъ свиданіи ожидали отъ меня подарковъ, и когда ничего не получили, а Ефрема видя щедрымъ, — обратились сердцемъ къ нему и языкомъ только изъявляютъ приверженность ко мнѣ и то отъ стыда, по причинѣ давней со мною дружбы.

«При всемъ томъ, благодѣтель мой, нисколько не страшитесь раздора сего здѣсь и въ Царьградѣ, отъ побужденій нѣкоторыхъ послѣдовавшаго. Не забудьте, что во время покойнаго Гукаса (патріарха) оный (раздоръ) былъ болѣе, кольми паче соперники были тогда сильны, а нынѣшніе твои соперники совершенно безсильны. Борьба первыхъ продолжалась три года, а ваша, напротивъ, еще только нѣсколько мѣсяцевъ продолжается. Имѣйте твердый духъ и не опасайтесь въ надеждѣ на предстательство и помощь святыхъ мощей, въ вѣдѣніи вашемъ состоящихъ. Не жалѣйте серебра и злата ради чести своея, поелику все вы можете пріобрѣсти, кромѣ имени и чести, коихъ, упаси Богъ, если лишитесь, никогда болѣе не пріобрѣтете. О чемъ единственно вы и должны съ твердостію стараться.

[1]) Письмо Кнорринга Трощинскому 9-го февраля 1802 г., № 445.

[2]) Въ письмѣ отъ 7-го марта 1802 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, гл. III, 23, 1801—7 гг., № 8.

«Отъ хана вашего (эриванскаго) не отставайте; здѣсь скоро ослабѣетъ и ослабѣла уже здѣшняя власть (Ефрема), а наипаче здѣшній народъ не отстанетъ отъ святаго эчміадзинскаго престола и не захочетъ быть подъ властью Учкиллисы или монастыря св. Карапета. Если есть способъ, напишите письмо Кноррингу и черезъ посредство князя Соломона обѣщайте ему сумму. Отъ него зависитъ, какъ увѣдомить Императора, и какъ онъ присовѣтуетъ хану, такъ и будетъ. Поспѣшите присылкой къ нему черезъ князя письма, но такъ напишите, что когда кончится дѣло, то столько-то имѣете вы ему заплатить. Равно напишите и къ генералу Коваленскому, который также знакомъ князю Соломону; онъ есть тифлисскій гражданскій губернаторъ, меня очень любитъ и всѣ обстоятельства, прошедшія и настоящія, ему извѣстны.

«Не огорчайтесь, что епископы теперь задержаны; по причинѣ той сіе случилось, что у нихъ карманы полны (?). Я отъ себя писалъ, чтобъ они спѣшили исполнить необходимое и доставить сюда письма, весьма здѣсь нужныя. Съ Богомъ все совершится по желанію вашему.

«Дважды писалъ ко мнѣ князь Соломонъ сими словами: *продай меня, но старайся дать дѣлу благопріятный ходъ*. Переводчики мои доселѣ не перевели мнѣ оное (выраженіе), а поелику письма сіи писаны на грузинскомъ языкѣ, то мнѣ неизвѣстно было содержаніе ихъ, а теперь, усовѣстясь, переводчики мои объявили мнѣ содержаніе писемъ князя Соломона. Отчего я нѣсколько успокоился и *могъ осмѣлиться войти въ долгъ,* а безъ того, какую бы бѣдность ни имѣлъ, не посмѣлъ бы войти въ долгъ. Никто не повѣрилъ бы мнѣ, ибо здѣсь *человѣкъ, неимѣющій денегъ, равенъ съ дурною собакой, которая нигдѣ въ домъ не пускается* (?). Къ Ефрему же не знаю откуда, по дня не проходитъ, чтобы по три и по пяти тысячъ и разныя вещи не присылались бы, чѣмъ онъ и ослѣпляетъ глаза у всѣхъ. Я даже на дневное пропитаніе не имѣю, а входить въ долгъ не смѣю, вспоминая прошедшія несправедливости. Что же касается до труда, то я живота своего не пожалѣю, какъ теперь одинъ, такъ и по пріѣздѣ епископовъ, и не для того, чтобы надѣялся получить отъ васъ воздаяніе, нѣтъ, но чтобы свѣтильникъ отца

моего не погасъ, и что можетъ могилѣ его воздадите вы честь...

«Повѣрь мнѣ, владыко мой, что всѣ пріятели мои и друзья удалились отъ меня, узрѣвъ мою бѣдность, кромѣ отличныхъ душевно любезныхъ мнѣ Семена Сергѣевича (Иванова), астраханской таможни директора, князя Парсега (Василія) и г. Симона, намъ вѣрныхъ, кои подобно орлятамъ летая окружаютъ меня и самихъ себя посвящаютъ въ храненіи особы вашей, не жалѣя собственности своей—да благословитъ ихъ Богъ за это. Недавно Семенъ Сергѣевичъ, при письмѣ своемъ, исполненномъ обнадеживаніемъ, прислалъ тысячу рублей, коихъ стало мнѣ на одинъ мѣсяцъ.

«Объ обстоятельствахъ здѣшнихъ со всею подробностію и объ успѣхѣ дѣйствій моихъ увѣдомилъ я письмомъ живущаго въ Константинополѣ Геворка Агаекова, благодѣтельнаго посланника (Тамару) и смирнскаго архіерея архіепископа Мартироса. Нашъ протоіерей Стефанъ съ коликою вѣрностію трудится въ Цареградѣ и какія письма посылаетъ въ Индію, того перо мое не въ состояніи изъяснить; я не упускаю ни одной почты писать къ нему и болѣе его усиливать.

«Письмо архіерея Мартироса, поелику писано на имя посланника, а отъ сего послѣдняго сюда прислано, то министры не представили оное Императору, но я писалъ въ Константинополь и Смирну, чтобы писали на имя Императора и оное ко мнѣ доставили для перевода и поднесенія Государю.

«Я слышалъ, что Ефремъ хочетъ въ сіе воскресенье здѣсь и во всей здѣшней епархіи заставить провозгласить въ церквахъ имя Даніила. Онъ можетъ все сдѣлать, ибо никто ему не противится; стыдъ націи, что, прилѣпясь къ сему чернецу, ослѣпила себя. Четыре человѣка [1]) животъ свой и имѣніе положили для Даніила; не четыреста ли у васъ таковыхъ есть, кои послѣдняго имущества своего не жалѣютъ, кольми паче ради справедливости и славы націи... Императору донесено, что нація не желаетъ Давида, но Даніила хочетъ имѣть на престолѣ. Наши письма съ трудомъ доходятъ до Императора по причинѣ *недостатка моего*. Если бы не то, могло-ли бы все сіе случиться?

[1]) Архіепископъ Ефремъ и три брата Лазаревы.

«Я удивляюсь, что за мѣсяцъ впередъ доходятъ сюда извѣстія о всемъ, что у васъ дѣлается. Теперь писано сюда, будто святое копье положили вы въ гороховый мѣшокъ и отослали въ Эривань со множествомъ золота. Теперь слышу, что Ефремъ писалъ хану письмо. Вы постарайтесь узнать, что въ немъ писано и буде найдете что противное, то можете копію съ онаго мнѣ прислать. Старайтесь только твердо сидѣть на своемъ мѣстѣ. Государи не свергнутъ васъ противъ желанія націи, а паче если ханъ не измѣнитъ вамъ. Я также удивляюсь, какъ можетъ онъ (ханъ) оставить своего пріятеля, а врага тѣла и души своей допустить къ себѣ, ко вреду всего дома своего. Нужно, чтобъ онъ поспѣшилъ прислать человѣка къ Кноррингу или къ Императору и оправдать себя противъ клеветы Даніила и Ефрема, ибо по объявленію ихъ Мамедъ-ханъ (эриванскій) и Келбъ-Али-ханъ (нахичеванскій) признаны разрушителями мѣста и престола вашего. Не случилось бы, чтобы войска здѣшнія, по просьбѣ Даніила, пошли на помощь ему и на охраненіе страны вашей, ибо когда онъ будетъ католикосомъ—все можетъ сдѣлать. И такъ глупъ ханъ тотъ, который такого врага, будучи черезъ серебро обманутъ, внутрь къ себѣ принимаетъ. Прошу васъ о семъ отъ меня черезъ мелика объявить для осторожности хану и поклонъ мой ему изъявить.»

Предупрежденію этому Григорій придавалъ большое значеніе, такъ какъ онъ зналъ, что еще въ февралѣ мѣсяцѣ заготовлялась утвердительная грамота Императора на имя Даніила и наше правительство принимало мѣры къ тому, чтобъ убѣдить эриванскаго хана принять Даніила въ Эчміадзинскій монастырь и содѣйствовать возведенію на патріаршій престолъ. Григорію извѣстно было также и то, что Порта согласилась признать Даніила патріархомъ и отправила къ нему фирманъ султана, которымъ повелѣно было баязетскому и другимъ пашамъ отдавать Даніилу приличныя почести и безъ письменнаго разрѣшенія никого изъ духовныхъ никуда не пропускать.

Получивъ этотъ фирманъ, Даніилъ рѣшился выдти изъ выжидательнаго положенія, и 25-го мая, близъ Баязета, на рѣкѣ Евфратѣ, въ армянскомъ монастырѣ св. Іоанна (Учкилисѣ), онъ

мѵропомазался при собраніи духовенства и въ присутствіи болѣе 3,000 армянъ.

Происшествіе это возбудило со стороны Давида новое преслѣдованіе духовенства. Пренебрегая уставами церкви и чувствомъ человѣколюбія, лжепатріархъ жестоко обращался со своими противниками. «Со временъ просвѣтителя нашего [1]) и понынѣ, писали епископы, еще никогда не было въ націи нашей такого первоначальника, который бы столь несправедливые чинилъ поступки. Онъ безнаказанно и многочисленныя муки день ото дня причиняетъ бѣдному нашему единогласію: однихъ сѣчетъ, другихъ въ тюрьму заключаетъ.» Имѣя постоянно при себѣ персидскую стражу, Давидъ подозрительныхъ епископовъ и монаховъ отправлялъ въ Эривань, гдѣ они подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ и затѣмъ возвращались въ Эчміадзинъ, подъ видомъ раскаянія. Нераскаявшихся онъ заключалъ въ темницы, въ амбары съ ячменемъ или запиралъ въ отдѣльныхъ комнатахъ. Такое положеніе было невыносимо для духовенства, и однажды монахи съ палками и камнями бросились на патріаршій домъ и освободили заключенныхъ. Затѣмъ, собравшись въ церковь, все духовенство предъ *мѣстомъ сошествія Единороднаго Сына* дало клятву и написало Давиду, что за разные противозаконные и варварскіе поступки не признаетъ его патріархомъ и предало анаѳемѣ какъ Давида, такъ и его сторонниковъ.

На другой день лжепатріархъ приказалъ запереть монастырскія ворота, и тогда братія, разобравъ стѣну, цѣлою толпой отправилась въ Эривань жаловаться хану и просить о смѣнѣ Давида и утвержденіи Даніила. Подговоренный сторонниками Давида обѣщавшими большіе подарки, ханъ приказалъ заковать и заключить въ темницу нѣкоторыхъ епископовъ, а остальныхъ отправилъ подъ конвоемъ въ Эчміадзинъ, гдѣ они и были заперты въ своихъ кельяхъ. «Когда же разсвѣло, писали потерпѣвшіе [2]), то многіе изъ насъ кричали изъ келій: отпустите насъ во дворъ, дабы совер-

---

[1]) Письмо къ Императору, подписанное 40 епископами, отъ 2-го іюня 1802 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Въ циркулярномъ посланіи къ армянамъ. «Кавказская Старина», стр. 191.

шить долгъ природы и затѣмъ вновь можете насъ запереть, но никто не хотѣлъ насъ слушать»...

Имѣя на своей сторонѣ грубую силу, Давидъ заготовилъ хвалебныя о себѣ письма и приказалъ, чтобы заключенные подписали ихъ. Кто прикладывалъ свою печать и подписывалъ, тому возвращалась свобода, а кто не соглашался исполнить этого требованія, тотъ оставался въ заключеніи.

— Долго ли мы будемъ подписывать ложныя бумаги? спросилъ епископъ евдокійскій.

За этотъ вопросъ онъ былъ посаженъ въ яму и выпущенъ только тогда, когда, просидѣвъ 20 дней, заболѣлъ и сталъ просить причастія. Большинство не желало, конечно, испытывать подобныхъ мученій и исполняло требованіе лжепатріарха, который, заручившись подписями многихъ лицъ на составленныхъ имъ письмахъ, разсылалъ ихъ всюду, какъ доказательство желанія духовенства и народа имѣть его своимъ католикосомъ. Къ крайнему огорченію Давида, письма эти не достигали той цѣли, для которой предназначались, и его сторонники просили денегъ для подкрѣпленія своихъ ходатайствъ.

«Какъ письмо ваше и намѣстника, писалъ Давиду епископъ Степанъ изъ Галатіи [1]), такъ равно и общественный листъ гарскихъ жителей и просьбы хану нами получены, но оные ни къ чему не пригодились. Хотя бы сто такихъ писемъ было, и тѣ бы ничего не помогли *безъ денегъ.* Мы нарочнаго татарина послали къ вамъ, чтобъ употребили всю возможность доставить къ намъ денегъ до ста мѣшковъ. Буде же вы скажете, что сего нельзя сдѣлать тайно, то я вамъ на это скажу, что ничего нѣтъ у васъ тайнаго, о чемъ бы здѣсь весь городъ не зналъ. Вы только постарайтесь ихъ доставить ко мнѣ, а какъ бы гласно то ни было, васъ въ томъ винить никто не будетъ, ибо всѣ удивляются вашей скупости и говорятъ, что Даніилъ пока не послалъ мѣшками золото и узлами шали, не могъ поворотить дѣла сего. А про васъ говорятъ, что онъ, будучи самъ на мѣстѣ, пусть продастъ всю утварь и все имѣніе престола пусть въ закладъ положитъ туркамъ. Когда престолъ ему достанется, пусть живетъ бѣдно, а

[1]) Отъ 23-го іюня 1802 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

если не достанется оный ему, то пусть тотъ, кто будетъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ.»

Подобныхъ совѣтовъ давать Давиду было нечего. Мы видѣли, что онъ давно уже приступилъ къ расхищенію церковнаго имущества и на вырученныя деньги успѣлъ добиться того, что эриванскій ханъ запретилъ духовенству отлучаться изъ монастыря или отсылать куда бы то ни было письма безъ вѣдома Давида, причемъ объявлено, что уличенному въ такихъ поступкахъ будетъ выбрита борода, и онъ долженъ будетъ заплатить сто тумановъ (1,250 піастровъ) штрафа.

Между тѣмъ, въ началѣ іюня, въ Тифлисѣ узнали объ отправленіи Даніилу изъ Петербурга грамоты Императора. Основываясь на сообщеніи архимандрита Григорія [1]), сторонники Давида не вѣрили этому и отчасти находили поддержку въ правителѣ Грузіи Коваленскомъ, имѣвшемъ причину не желать утвержденія Даніила. Получивъ отъ архіепископа Ефрема увѣдомленіе объ утвержденіи Даніила патріархомъ, тифлисскій архіепископъ Іоаннъ хотѣлъ отслужить обѣдню, но архіепископъ Карапетъ, сторонникъ лжепатріарха, и князь Соломонъ Аргутинскій, при содѣйствіи Коваленскаго, заперли церковныя двери и не допустили совершить литургію. Архіепископъ Іоаннъ обратился тогда съ просьбой къ правителю Грузіи дозволить провозгласить Даніила патріархомъ, но Коваленскій отвѣчалъ, что по сообщенію частнаго лица разрѣшить этого не можетъ, пока не получитъ предписанія отъ генерала Кнорринга. 7-го іюня предписаніе это было получено въ Тифлисѣ, и «нужно было глазами смотрѣть и ушами слушать, писалъ Іоаннъ архіепископу Ефрему, въ какомъ положеніи были сердца людей изъ партіи законнаго патріарха Даніила и беззаконнаго Давида. Мы воскресшаго изъ могилы благословляли, а они умершаго оплакивали.» Вскорѣ послѣ того утвердительная грамота на имя Даніила была опубликована во всѣхъ церквахъ Тифлиса. Въ день

[1]) Григорій писалъ князю Соломону Аргутинскому, что «хотя о грамотѣ у васъ будетъ какой слухъ, хотя бы и князь Куракинъ писалъ, вы не вѣрьте, ибо все сіе пустое.» «Для чего вы вѣрите письму Ефрема, писалъ въ другой разъ Григорій; знайте, что я получилъ вновь по тысячѣ рублей отъ его императорскаго величества и просилъ, чтобы грамота не на имя Даніила, а на имя Давида была издана.»

объявленія, въ церковь во имя *Божіей Матери* былъ принесенъ портретъ Императора Александра I, подъ которымъ на подушкахъ были положены: грамота и переводы ея на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. Поднявъ портретъ и подушки, духовенство въ полномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями, отправилось въ соборъ, и у крѣпостныхъ воротъ было встрѣчено архіепископомъ Іоанномъ. Въ соборѣ собрались почти всѣ представители русской власти: генералы, офицеры и чиновники; сюда же прибыли многіе грузинскіе князья и собралось множество народа. По окончаніи литургіи, прочитана высочайшая грамота, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Вечеромъ въ армянскомъ монастырѣ было устроено угощеніе народу, и колокольни всѣхъ церквей иллюминованы.

Спустя нѣсколько дней послѣ торжества армянъ, Коваленскій отправилъ Даніилу письмо, въ которомъ, поздравляя его съ милостью Императора, увѣрялъ, что утвержденіе его въ санѣ католикоса послѣдовало будто бы по его ходатайству. Даніилъ благодарилъ правителя Грузіи и прислалъ ему въ подарокъ четыре персидскія шали и нѣсколько кусковъ азіятскихъ ситцевъ. Получивъ эти подарки, для передачи по принадлежности, архіепископъ Іоаннъ узналъ отъ посланнаго, что вмѣстѣ съ письмомъ къ Даніилу Коваленскій отправилъ точно такое же и къ Давиду, съ увѣреніемъ, что онъ останется навсегда сильнымъ его ходатаемъ и чтобы Давидъ не отчаявался. Письмо это сдѣлалось извѣстно многимъ, и въ Эчміадзинѣ говорили во всеуслышаніе, что наиболѣе сильная поддержка Давида исходитъ изъ Тифлиса. Главнѣйшими пособниками его были: князь Соломонъ Аргутинскій и тифлисскій казначей Иванъ Бегтабековъ [1], человѣкъ весьма близкій къ Коваленскому. Пользуясь расположеніемъ послѣдняго, Бегтабековъ и князь Аргутинскій увѣряли армянъ, что дѣйствуютъ именемъ правителя Грузіи, а слѣдовательно согласно съ желаніемъ русскаго правительства. Въ справедливости этого убѣждало армянъ еще и то обстоятельство, что Коваленскій, подъ видомъ просьбы прислать ему

---

[1]) Дѣйствительная его фамилія была Магакелъ, а фамилію Бегтабекова онъ принялъ по женѣ.

цѣлительной воды изъ колодца менастыря Св. Іакова или и подъ другими предлогами, нѣсколько разъ посылалъ своихъ людей къ Давиду. Обнадеживая его своею поддержкой, Коваленскій на столько убѣдилъ Давида въ возможности снискать расположеніе русскаго правительства, что лжепатріархъ не вѣрилъ самымъ очевиднымъ доказательствамъ противнаго. Давидъ не обратилъ должнаго вниманія на то, что въ іюлѣ Кноррингъ отправилъ въ Эривань титулярнаго совѣтника Гинцаурова съ письмомъ, относительно доставленія хану высочайшей грамоты, въ которой Императоръ требовалъ возведенія Даніила на эчміадзинскій патріаршій престолъ.

«Я ожидаю, писалъ Кноррингъ въ наставленіи Гинцаурову [1]) что ханъ эриванскій бывъ доселѣ на сторонѣ облекшагося въ патріаршеское достоинство Давида, представлять вамъ будетъ затрудненія въ отторженіи Давида отъ настоящей власти; описывать станетъ, что Давидъ утвержденъ уже турецкимъ султаномъ и Баба-ханомъ (правителемъ Персіи, впослѣдствіи шахомъ) и признанъ всѣми сопредѣльными Эчміадзину ханами; не упуститъ, конечно, прибавить, что и его императорское величество имѣлъ прежде желаніе, дабы былъ избранъ въ патріархи армянскіе одинъ изъ назначенныхъ въ завѣщаніи покойнаго Іосифа, и многое прочее; то вы на все долженствуете изъяснить хану, что хотя Давидъ и получилъ было отъ Порты Оттоманской бератъ на достоинство патріаршее, но какъ, по ближайшемъ изслѣдованіи, духовная патріарха Іосифа оказалась незаслуживающею вѣроятія, а между тѣмъ гласъ народа армянскаго, обитающаго въ имперіяхъ всероссійской и турецкой, призывалъ на престолъ патріаршій Даніила, его императорское величество, основывая всегда дѣла свои на справедливости, высочайше склонился на удовлетвореніе единодушнаго желанія армянскаго народа, и по утвержденіи Даніила бератомъ въ патріаршемъ достоинствѣ отъ блистательной Порты,—съ чѣмъ вмѣстѣ бератъ, полученный Давидомъ, потерялъ уже свою силу,—признанъ онъ, Даніилъ, въ патріаршемъ достоинствѣ и его императорскимъ величествомъ, на что̀ и высочайшая грамота къ нему Даніилу, уже воспослѣдовала, каковою, однако, Давидъ снабженъ

[1]) Отъ 13-го іюля 1802 года. Ак. Кав. Арх. Комм., т. I, № 684.

доселѣ не былъ. Вообще утверждать хану, что Даніилъ признанъ уже твердымъ образомъ въ патріаршемъ достоинствѣ, что на введеніе его въ обитель патріаршую въ Эчміадзинъ есть высочайшая воля, что какъ ханъ почитаемъ былъ всегда приверженнымъ къ скиптру всероссійскаго самодержца, то и теперь его величество уповаетъ несомнѣнно, что ханъ покажетъ опытомъ свою преданность. За всѣмъ тѣмъ увѣрить хана, что у меня хранится по дѣлу сему высочайшая за собственноручнымъ его императорскаго величества подписаніемъ грамота, но что оная мною теперь удерживается въ отвращеніе, дабы скрытые какіе-либо недоброжелатели, безвременно увидѣвъ ее у него, могли обнесть его напрасно предъ Баба-ханомъ; но что, впрочемъ, коль скоро ханъ допущеніе Даніила въ Эчміадзинъ положитъ на мѣрѣ и обяжется доставлять ему, патріарху, зависящія отъ него дружескія для безопасности пособія и защиту, учинивъ все сіе къ особливой его императорскаго величества благоугодности, получитъ отъ меня и вышеупомянутую высочайшую грамоту.»

Эриванскій ханъ встрѣтилъ Гинцаурова весьма привѣтливо и просилъ прислать грамоту.

— Она будетъ къ вамъ доставлена, отвѣчалъ Гинцауровъ,— какъ только ваше высокостепенство дадите несомнѣнное увѣреніе, что будете оказывать патріарху Даніилу подобающее его сану уваженіе и водворите его въ Эчміадзинѣ.

— Для меня Даніилъ и Давидъ одинаково равны, говорилъ ханъ, и если я до сихъ поръ оказывалъ предпочтеніе послѣднему, то согласовался съ настояніемъ русскаго начальства въ Грузіи.

— Кого вы разумѣете подъ именемъ начальства?

— Правителя Коваленскаго, который въ своихъ сношеніяхъ со мною каждый разъ напоминаетъ, что онъ руководитель всѣхъ дѣлъ, и чтобъ я ни къ кому другому, кромѣ его, не относился. Онъ не перестаетъ ходатайствовать за Давида. Я всегда за счастье считалъ быть достойнымъ милости его императорскаго величества и за удовольствіе быть въ дружественныхъ сношеніяхъ съ русскимъ начальствомъ и потому никогда не думалъ быть поставленнымъ въ такое положеніе.

Мамедъ, удивляясь, что русскіе единовременно просятъ за двухъ архіепископовъ, говорилъ, что не знаетъ, кому вѣрить: Коваленскому или Кноррингу, и для опредѣленія дѣйствительнаго желанія русскаго правительства просилъ поторопиться присылкой къ нему грамоты Императора Александра I. Ханъ увѣрялъ Гинцаурова, что искренно желаетъ и готовъ исполнить волю Государя, но подкупленный Давидомъ не могъ отказаться отъ его поддержки.

«Ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ Кноррингу, изволили писать о патріархѣ Даніилѣ, дабы я также имѣлъ стараніе объ утвержденіи его въ Эчміадзинѣ, на что симъ почтеннѣйше донести имѣю: находящійся нынѣ въ Эчміадзинѣ патріархъ избранъ отъ общаго согласія, о чемъ небезъизвѣстно турецкому и персидскому дворамъ, да и въ законахъ сего обряда есть такое постановленіе: доколѣ избранный патріархъ живъ, то не можно его лишить достоинства и мѣста.»

Такой отвѣтъ ободрилъ Давида, и онъ сталъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. Лжепатріархъ отправилъ значительные подарки Бабахану и послалъ въ Константинополь тифлисскаго уроженца епископа Степана съ 300 мѣшками золотой монеты. Давидъ просилъ Шерифъ-пашу ахалцыхскаго и другихъ оказать ему содѣйствіе въ столицѣ султана, обѣщая вознаградить ихъ хлопоты деньгами и подарками.

Прибывъ въ Константинополь въ сопровожденіи чиновника эриванскаго хана, Степанъ остановился у своего пріятеля и единомышленника армянина Агаекова, служившаго въ русскомъ посольствѣ и бывшаго однимъ изъ главныхъ агитаторовъ въ пользу Давида. Сторонники послѣдняго распустили слухъ, что отъ архимандрита Григорія изъ Россіи получено письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что Императоръ согласился уже утвердить Давида, приказалъ сослать въ Сибирь архіепископа Ефрема, а его, Григорія, назначилъ архіепископомъ всѣхъ армянъ, живущихъ въ Россіи. Слуху этому многіе повѣрили, и интрига шла тѣмъ успѣшнѣе, что нашъ посланникъ въ Константинополѣ Тамара, если не покровительствовалъ явно партіи Давида, то смотрѣлъ на ея дѣятельность сквозь пальцы. Имѣя прежде нѣсколько столкновеній съ

Даніиломъ, когда тотъ былъ титулярнымъ константинопольскимъ патріархомъ, Тамара былъ его противникомъ и втайнѣ сочувствовалъ Давиду.

Дѣйствуя чрезъ визирскаго казначея армянина Пилипоса Арпиріана, Агаековъ и епископъ Степанъ поднесли визирю 30 тысячъ рублей и представили ему, что законы религіи воспрещаютъ армянамъ смѣнять патріарха, если онъ уже помазанъ и повелѣваютъ оставлять его на паствѣ до кончины. Визирь убѣдился этими доводами, а болѣе всего деньгами, и 21-го октября послѣдовали два султанскіе указа: одинъ о признаніи патріархомъ Давида, а другой о смѣщеніи титулярнаго патріарха Григорія и о назначеніи на его мѣсто опять Ованеса, сторонника Давида [1]).

Вслѣдъ затѣмъ запрещено было въ константинопольскихъ церквахъ упоминать имя Даніила, а смѣщеннаго Григорія приказано отослать въ Учкиллису, и когда онъ туда прибудетъ, то отправить его вмѣстѣ съ Даніиломъ въ Эчміадзинъ. Распоряженіе это произвело весьма сильное впечатлѣніе на константинопольскихъ армянъ, и на вопросъ ихъ о причинѣ такой перемѣны Порта отвѣчала, что Давидъ прежде былъ утвержденъ въ этомъ достоинствѣ и уже владѣетъ эчміадзинскимъ престоломъ. Точно такой же отвѣтъ былъ сообщенъ и нашему посланнику Тамарѣ, который, донося объ этомъ, присовокуплялъ, что, не имѣя будто бы на этотъ случай особыхъ инструкцій, онъ удержался отъ всякихъ объясненій съ Портой [2]).

Бездѣятельность нашего посольства имѣла весьма вредное вліяніе на послѣдующія событія, и партія Давида стала возрастать. Намѣстникъ новаго константинопольскаго титулярнаго патріарха, архимандритъ Андрей, составилъ избирательный листъ на имя Давида и, обходя духовныхъ и свѣтскихъ, заставлялъ подписывать свои имена и прикладывать печати. Армяне долго противились, но, опасаясь гоненій и грубаго насилія со стороны турецкой вла-

---

[1]) Изъ прошенія патріарха Григорія Императору 2-го мая 1803 года.

[2]) Письмо Тамары министру иностранныхъ дѣлъ отъ 15-го ноября 1802. Хотя Тамара и не имѣлъ на этотъ случай особой инструкціи, но точная воля Императора была ему выражена въ рескриптѣ отъ 28-го сентября 1801 и въ указѣ коллегіи отъ 19-го мая 1802 года.

сти, рѣшились подписать листъ, содержаніе котораго указывало, что подписавшіе его сдѣлали это по принужденію.

«Великій султанъ турецкій, сказано было въ этомъ документѣ, вторично возобновилъ бератъ и фирманъ, утвердилъ оные на имя его (Давида) и на имя Ованеса, патріарха константинопольскаго; намъ же должно пребывать подъ властью въ покорности и не противиться вопреки волѣ Божіей противу повелѣнія великаго турецкаго султана, чтобы не потерпѣть бѣдственнаго наказанія, духовнымъ отъ Бога, а свѣтскимъ отъ здѣшняго государя.»

Исполнивъ такимъ образомъ желаніе турецкаго правительства и зная, что избирательный листъ этотъ переданъ нашему посланнику, константинопольскіе армяне рѣшились отправить въ Петербургъ архимандрита Эммануила, чтобъ объяснить нашему правительству, что избраніе Давида сдѣлано ими по принужденію.

«Теперь церковь наша, писали армяне, уподобилась обиталищу лисицъ (?). Когда на эктиньяхъ упоминаютъ имя Давида, то слышащіе оное изъ церкви уходятъ. Патріаршій же домъ нашъ сдѣлался жилищемъ янычаръ, чтобъ устрашить неимущихъ (приверженцевъ Даніила), дабы подписали согласіе и приложили печати въ пользу Давида... По неимѣнію начальника, мы теперь какъ овцы безъ пастыря, или какъ младенецъ безъ родителей.»

XV.

Насильственное отправленіе Даніила въ Эчміадзинъ. — Письмо генерала Лазарева эриванскому хану.—Положеніе Даніила въ Эчміадзинѣ.—Интриги Давида въ Тифлисѣ.—Участіе въ этомъ правителя Грузіи Коваленскаго. — Принудительное отреченіе Даніила въ пользу Давида. — Переговоры Лазарева съ посланнымъ эриванскаго хана.

Прежде чѣмъ письма константинопольскихъ армянъ достигли до Петербурга, въ Эчміадзинѣ совершились весьма крупныя событія.

Получивъ извѣстіе, что Порта склонилась на его сторону, Давидъ потребовалъ отъ паши баязетскаго выдачи Даніила; паша отвѣчалъ, что исполнитъ это не прежде, какъ получитъ обѣщан-

*

ную сумму. Давидъ отправилъ въ Баязетъ 75 мѣшковъ денегъ, и тогда Даніилъ долженъ былъ оставить свое убѣжище въ Учкиллискомъ монастырѣ и пріѣхать въ Баязетъ, гдѣ ему было объявлено, что по поводу послѣдовавшаго отъ Порты утвердительнаго фирмана на санъ патріаршій Давиду и по повелѣнію султана, онъ, Даніилъ, долженъ быть переданъ эриванскому хану. Даніилъ протестовалъ противъ такого самоуправства, но былъ силою отвезенъ сначала въ Эривань, а потомъ и въ Эчміадзинъ, гдѣ и переданъ въ руки Давида.

Въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Тифлисъ посланный Даніиломъ архіепископъ Минасъ съ мѵромъ для раздачи его въ армянскихъ монастыряхъ и церквахъ, находившихся въ Грузіи. Онъ сообщилъ, что злополучный патріархъ находится въ заключеніи и подвергается разнымъ притѣсненіямъ со стороны Давида и что эриванскій ханъ принялъ всѣ мѣры, чтобы Даніилъ не могъ сноситься съ русскимъ правительствомъ.

Разсказъ этотъ возбудилъ всеобщее негодованіе армянъ, и представитель ихъ въ Тифлисѣ, архіепископъ Іоаннъ, обратился къ Коваленскому съ просьбой внушить эриванскому хану, чтобъ онъ оказывалъ Даніилу почести, подобающія его сану [1]).

— До меня это не касается, отвѣчалъ Коваленскій; обратитесь къ генералу Лазареву, командующему здѣсь войсками и управляющему дѣлами по политической части.

Лазаревъ исполнилъ желаніе архіепископа Іоанна и отправилъ въ Эривань дьячка соборной армянской церкви Гавріила съ письмомъ къ хану.

«Получивъ сего числа свѣдѣніе, писалъ Лазаревъ [2]), что патріархъ всего армянскаго народа Даніилъ, удостоенный на сей священный санъ высочайшею его величества предварительною грамотой и высочайшимъ покровительствомъ, прибылъ въ предѣлы владѣній вашего высокостепенства, то и надѣюсь я, что въ оныхъ его святѣйшеству оказываемы будутъ подобающія сану его почтеніе и уваженіе, тѣмъ паче, что симъ подвигомъ вы докажете

---

[1]) Письмо Іоанна генералу Лазареву 3-го декабря 1802. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Эриванскому хану отъ 3-го декабря 1802. Тамъ же.

истину всегдашняго желанія вашего быть достойнымъ высочайшаго покровительства, неоднократно вашимъ высокостепенствомъ изъявленнаго.»

Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо, ханъ прислалъ въ Тифлисъ своего посланнаго, который предъявилъ «требованія, предосудительныя для Грузіи». Лазаревъ принужденъ былъ, конечно, отказать, и посланный отправился обратно, исполнивъ, впрочемъ, главное порученіе, на него возложенное. Предъ отъѣздомъ онъ былъ у Коваленскаго, которому отъ имени Давида обѣщалъ значительную сумму, если онъ поддержитъ его и будетъ содѣйствовать къ утвержденію въ патріаршемъ достоинствѣ. Коваленскій былъ не прочь воспользоваться такимъ предложеніемъ и отправилъ въ Эривань персіянина Алла-Верды, жившаго въ Тифлисѣ. Подъ предлогомъ переговоровъ съ ханомъ относительно торговли. Алла-Верды долженъ былъ отвезти письма Давиду отъ его единомышленниковъ, съ увѣреніемъ, что онъ найдетъ въ Коваленскомъ сильную поддержку и ходатая объ утвержденіи его патріархомъ.

Одновременно съ возвращеніемъ Алла-Верды изъ Эривани, пріѣхалъ въ Тифлисъ и дьячокъ Гавріилъ, непривезшій никакого отвѣта и объявившій Лазареву, что при свиданіи съ нимъ ханъ велъ себя двулично и уклончиво.

— По содержанію письма генерала, сказалъ ханъ Гавріилу, я посовѣтуюсь съ Келбъ-Али-ханомъ (нахичеванскимъ) и другими чиновниками и тогда дамъ отвѣтъ.

— Вамъ должно быть извѣстно, замѣтилъ Гавріилъ, сколь великъ и силенъ султанъ турецкій, но и тотъ исполняетъ желаніе русскаго Императора. А какъ есть уже высочайшая воля, чтобъ армянскимъ патріархомъ былъ Даніилъ, а не Давидъ, то исполните ли вы это? Эчміадзинскій монастырь принадлежитъ армянамъ, патріархъ всегда избирается народною волей, утверждается Императоромъ, а такъ какъ Даніилъ утвержденъ послѣднимъ и избранъ народомъ, то согласны-ли вы признать его патріархомъ?

— Русскій Императоръ и султанъ турецкій равны между собою, отвѣчалъ ханъ. — Султанъ далъ фирманъ на патріаршество Давиду, и если русскій Императоръ убѣдилъ султана выдать новую грамоту Даніилу, тогда и я согласенъ признать его патріархомъ.

— Султанъ уже давно согласился на избраніе Даніила и слѣдовательно согласіемъ этимъ уничтожилъ фирманъ, выданный Давиду.

— Это справедливо, но я отправилъ въ Константинополь своего посланнаго, который везетъ новый фирманъ Давиду.

Отпуская Гавріила, ханъ обѣщалъ дать отвѣтъ послѣ совѣщанія со своими чиновниками и съ Келбъ-Али-ханомъ. Послѣдній совѣтовалъ подарить Даніилу халатъ и признать его патріархомъ.

— Стоитъ ли для одного монаха, говорилъ ханъ нахичеванскій, противиться волѣ Императора.

— О Даніилѣ нѣтъ повелѣнія Государя, отвѣчалъ Мамедъ-ханъ, я достовѣрное получилъ о томъ извѣстіе изъ Тифлиса [1]).

Извѣстіе это заключалось въ томъ, что Алла-Верды привезъ письмо Бегтабекова къ мелику Апріаму, въ которомъ тотъ писалъ, что утвержденіе Даніила патріархомъ не составляетъ вовсе желанія русскаго правительства и «Государевой воли на то нѣтъ», а что это только интриги тифлисскаго архіепископа Іоанна.

Мамедъ-ханъ эриванскій повѣрилъ безусловно этому сообщенію, и положеніе Даніила значительно ухудшилось, тѣмъ болѣе, что между его противниками и правителемъ Грузіи завязалась тайная переписка и работа въ пользу Давида.

«Мы теперь содрогаемся между смертью и жизнью, писалъ Даніилъ архіепископу Іоанну [2]). Требуетъ отъ насъ письмо, какое самъ хочетъ; мы же, изнеможенные, должны писать по волѣ его (Давида) и подписываться такъ: *Даніилъ архіепископъ единогласникъ св. Эчміадзина.* Мы думаемъ, что скоро заставятъ писать къ августѣйшему Императору въ такомъ смыслѣ, что поелику я старъ и болѣнъ, то охотно поручилъ патріаршество мое такому-то. Такого жъ рода письма заставляютъ писать и къ тебѣ, къ архимандриту Минасу и къ Ефрему архіепископу, многотрудящемуся брату моему. Но все, мною писанное, есть воля принуждающихъ...

«Не продолжаемъ далѣе; извѣщаемъ только, что мы еще живы.

---

[1]) Письмо князя Орбеліани Лазареву отъ 11-го января 1803 года.
[2]) Въ письмѣ отъ 15-го декабря 1802 года. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Если случится намъ умереть, то умремъ въ надеждѣ на Господа Іисуса Христа; если же будемъ жить, то не престанемъ со благоволеніемъ прославлять Его имя, что удостоилъ насъ быть мучимыми. Еще же прошу не обвинять насъ, что мы не купили самихъ себя цѣною, что сочли полезнѣе умереть, а не хотѣли собранныя во имя Христа и на украшеніе храма Его подаянія употребить на пріобрѣтеніе кратковременной и горестной жизни.»

Еще ранѣе полученія этого письма, именно 11-го декабря, въ Тифлисѣ узнали, что къ архимандриту Карапету прибылъ изъ Эчміадзина посланный отъ лжепатріарха Давида съ письмами и бумагами. Армянскій архіепископъ Іоаннъ просилъ Коваленскаго объ отобраніи этихъ бумагъ, что и было исполнено въ ту же ночь тифлисскимъ комендантомъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Іоанномъ. Запечатавши въ одинъ пакетъ и приложивъ къ нему свою печать, Іоаннъ передалъ ихъ коменданту, а тотъ отвезъ ихъ къ Коваленскому.

— Что мнѣ дѣлать теперь съ ними? спрашивалъ Іоаннъ на слѣдующее утро Соколова [1]).

— Ѣхать сію же минуту къ правителю (Коваленскому), отвѣчалъ тотъ, и просить, чтобы пакетъ съ перехваченными бумагами, вашими печатями запечатанный, былъ при васъ у правителя распечатанъ.

Іоаннъ отправился къ Коваленскому, а послѣ обѣда возвратился опять къ Соколову и разсказывалъ ему, что когда онъ пріѣхалъ къ правителю, то тотъ не хотѣлъ его принять и просилъ пріѣхать на слѣдующій день. Іоаннъ требовалъ непремѣннаго свиданія, и Коваленскій долженъ былъ согласиться.

Принимая архіепископа въ своемъ кабинетѣ, Коваленскій спрашивалъ о причинѣ его пріѣзда. Іоаннъ просилъ распечатать при немъ тѣ бумаги Давида, которыя были отобраны отъ Карапета. Коваленскій указалъ на свой столъ, на которомъ бумаги эти лежали уже распечатанными. Не найдя тамъ двухъ писемъ, адре-

---

[1]) Соколовъ былъ посланъ въ Имеретію по дѣлу объ освобожденіи царевича Константина и временно находился тогда въ Тифлисѣ. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—5, № 1.

сованныхъ къ князю Соломону Аргутинскому и армянину Ивану Бегтабегову, архіепископъ сказалъ о томъ Коваленскому. Коваленскій отпирался и увѣрялъ Іоанна въ томъ, что писемъ къ этимъ лицамъ вовсе не было въ запечатанныхъ бумагахъ.

— Такъ какъ всѣ бумаги, замѣтилъ Іоаннъ, были пересмотрѣны мною у Карапета въ присутствіи полицейскаго чиновника и запечатаны моею печатью, то приличіе требовало бы въ присутствіи моемъ ихъ и распечатать; тогда, конечно, я нашелъ бы тутъ и недостающія два письма.

При этомъ архіепископъ высказалъ свое удивленіе относительно путешествія въ Эчміадзинъ и обратно въ Тифлисъ того дьякона, который привезъ бумаги Карапету. Іоаннъ напоминалъ Коваленскому, что онъ самъ приказалъ содержать этого дьякона подъ арестомъ за участіе въ тайномъ возмущеніи народа къ непризнанію Даніила законнымъ патріархомъ.

— Я выпустилъ его изъ сожалѣнія, отвѣчалъ шутя Коваленскій.

— Съ какимъ же видомъ и пропускомъ онъ выѣхалъ изъ Тифлиса и опять сюда возвратился? спросилъ Іоаннъ.

Коваленскій не отвѣчалъ; но, спустя нѣсколько дней, оказалось, что билетъ былъ выданъ правителемъ, и въ немъ написано: «дьяконъ Степанъ, цареградскій житель, возвращается въ свое отечество». По предъявленіи билета Коваленскому, онъ разорвалъ его и бросилъ въ каминъ. Архіепископъ Іоаннъ упрекалъ его въ двуличіи и обвинялъ въ поступкахъ, противныхъ высочайшей волѣ. «Правитель симъ огорчился и требовалъ отъ архіепископа объясненія дерзости сей, который не обинуясь представилъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ письменно относился съ просьбой, чтобы по его внутреннему въ Грузіи начальству повелѣно было армянскому духовенству, въ Грузіи обитающему, быть въ полной отъ него, архіепископа, зависимости и повиновеніи, какъ викарія патріарха Даніила, высочайшею грамотой въ семъ санѣ утвержденнаго.»

Іоаннъ напомнилъ Коваленскому о рѣшеніи Императора Александра I, сообщенномъ какъ ему, такъ и всѣмъ пограничнымъ начальникамъ, чтобъ армянское духовенство не пропускать

черезъ границу иначе, какъ съ письменными видами отъ патріарха Даніила.

— Что съ остальными бумагами дѣлать? спрашивалъ въ отвѣтъ на все это Коваленскій.

Архіепископъ просилъ передать ихъ ему, для отправленія въ С.-Петербургъ къ Ефрему, епархіальному архіепископу всѣхъ армянъ, обитавшихъ въ Россіи. Коваленскій не согласился однако же на это, а отдалъ ихъ коменданту, своему родному племяннику, для прочтенія ихъ вмѣстѣ съ Іоанномъ.

Въ этихъ бумагахъ было воззваніе Давида, въ которомъ тотъ, увѣряя, что въ Константинополѣ употребляются «сильнѣйшія» ходатайства для удержанія его, Давида, въ санѣ патріарха, просилъ «все общество армянъ, въ Грузіи обитающихъ, не впадать въ заблужденіе отъ злыхъ внушеній Даніила, посредствомъ архіепископовъ Іоанна и Минаса дѣлаемыхъ, но употреблять съ своей стороны старательство у высочайшаго двора россійскаго, дабы онъ, Давидъ, получилъ отъ онаго утвержденіе.»

— Какое употребленіе изъ этихъ бумагъ сдѣлаете вы теперь? спросилъ Іоаннъ коменданта.

— Такъ какъ правительству, отвѣчалъ тотъ, извѣстно ихъ содержаніе, то можно раздать по адресамъ.

— Конечно, вы избираете самый лучшій способъ для произведенія явнаго возмущенія въ народѣ, который и такъ уже въ расколѣ.—По мнѣнію моему, бумаги эти должно сохранять правительство, если неугодно отдать ихъ мнѣ, до тѣхъ поръ, пока послѣдуетъ высочайшее повелѣніе на признаніе нынѣшняго лжепатріарха Давида законнымъ патріархомъ.

Комендантъ согласился, и бумаги были отнесены опять къ Коваленскому для храненія.

«Архіепископъ мнѣ признался, пишетъ Соколовъ, въ своемъ опасеніи, чтобы сіи возмутительныя бумаги, старательствомъ князя Аргутинскаго и армянина Бегтабегова, не были дѣйствительно выпущены въ народъ. Хотя я его и старался увѣрить о невозможности того, но мысленно согласуюсь, что сіе быть можетъ, основываясь на подозрительномъ поступкѣ правителя, что онъ распечаталъ, въ отсутствіи архіепископа, конвертъ съ бумагами, самъ

отдалъ письма князю Аргутинскому и армянину Бегтабегову, какъ уже то извѣстно по разглашенію ихъ самихъ, въ томъ смыслѣ, что они будучи сильно покровительствуемы правителемъ,—презираютъ слѣдствіе дѣйствій враговъ Давида.»

Бумаги были однако же розданы по адресамъ; но неудача, ихъ постигшая, заставила сторонниковъ Давида принять другія мѣры къ безпрепятственной перепискѣ съ находившимся въ Россіи архимандритомъ Григоріемъ. Князь Соломонъ Аргутинскій, Иванъ Бегтабеговъ и Мирабовъ согласились отправлять на свой счетъ нарочныхъ чрезъ Баку въ Астрахань къ директору астраханской таможни Иванову съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно пересылалъ ихъ къ Григорію [1]).

Князь Соломонъ Аргутинскій писалъ послѣднему, что скоро отъ армянскаго общества будутъ доставлены документы о раскаяніи и отреченіи Даніила и объ избраніи Давида. Продѣлка эта не удалась, потому что ранѣе этого письма были извѣстны подробности принужденія Даніила къ подписанію разныхъ писемъ, бумагъ и актовъ. Принужденіе это сопровождалось разными истязаніями, которыя Даніилъ долгое время переносилъ съ терпѣніемъ, но наконецъ вынужденъ былъ согласиться на подписаніе акта отреченія.

«По смерти патріарха Гукаса, сказано было въ этомъ актѣ, когда я, Даніилъ архіепископъ, былъ на патріаршемъ престолѣ въ Цареградѣ, всѣ прелаты эчміадзинскіе и собраніе армянъ, грамотой, утвержденною многими печатями, избрали католикосомъ всѣхъ армянъ меня или архіепископа Іосифа.

«Іосифъ стараніемъ своимъ въ сѣверныхъ странахъ (въ Россіи) достигъ моей ссылки и тѣмъ легко успѣлъ обратить на себя избраніе. Между тѣмъ, какъ я, освободясь отъ ссылки, прибылъ въ Тахатъ, а онъ—въ Тифлисъ, приключилась ему смерть, и онъ въ духовномъ завѣщаніи назначилъ послѣ себя католикосомъ Давида.

«Посему тифлисское собраніе въ грамотѣ своей, утвержденной многими печатями, избрало и предложило помянутаго Давида пре-

[1]) Письмо Соколова графу Воронцову 17-го декабря 1802 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

латамъ эчміадзинскимъ, а сіи, по вдохновенію Божію, согласясь съ ними, посвятили его католикосомъ всѣхъ армянъ, что утверждено послѣ фирманами оттоманской и персидской власти и грамотой отъ народа армянскаго съ единодушнаго согласія и многими печатями утвержденною. Но какъ мы прежде были призваны на сей престолъ, то, раздражены будучи его посвященіемъ, намѣрены были возстановить другой престолъ и, пошедъ въ мѣсто, называемое Учкиллиса, въ провинціи Бакреванѣ, приняли посвященіе и сверхъ того освятили мvро. Послѣ, искренно раскаявшись въ таковыхъ нашихъ поступкахъ, отправились въ Эчміадзинъ цѣловать святыя мѣста и чистую десницу преблаженнаго католикоса Давида и просить у него прощеніе, ибо познали вину нашу противъ св. престола и Богомъ избраннаго патріарха.

«Итакъ, нынѣ симъ всенароднымъ писаніемъ изъявивъ истинное мое раскаяніе, объявляю притомъ, что посвященіе мое и освященіе мvра были преступленіями противъ св. престола и достойнаго помазанника Божія и противъ правилъ древнихъ отцовъ, а потому неправильно, поелику Учкиллиса въ Бакреванѣ не была законнымъ престоломъ, но я по высокомѣрію своему захотѣлъ возстановить сей престолъ противъ эчміадзинскаго. И того ради раскаяніемъ моимъ уничтожаю все то и объявляю симъ писаніемъ, что всякій, кто по примѣру моему снова вздумаетъ посвящаться тамъ въ католикосы, да будетъ отлученъ (отъ церкви), какъ посвященный, такъ и посвящающій. Сверхъ того, объявляю, что отнынѣ впредь желаю лучше посвятить свою жизнь помышленію о спасеніи души и потому обѣщаюсь не только при жизни пастыря нашего (Давида), но если моя жизнь долѣе продолжится его жизни, не желать и не домогаться достоинства католикоса, и если другіе меня къ тому возбуждать будутъ, то не приму. Въ знакъ совершеннаго раскаянія, налагаю проклятіе на все то, что писалъ для извѣщенія о моихъ поступкахъ противъ св. престола и избранника Божія, и, призывая во свидѣтели Бога и истину святой Троицы, съ совершеннымъ раскаяніемъ говорю: согрѣшилъ предъ Богомъ, св. престоломъ и достойно избраннымъ католикосомъ всѣхъ армянъ.»

Отреченіе это, подписанное Даніиломъ и многими другими епи-

скопами, было тотчасъ же разослано повсюду, и, опираясь на него, Давидъ надѣялся добиться признанія его Россіей въ достоинствѣ патріарха. Въ утвержденіи же тегеранскимъ дворомъ Давидъ не сомнѣвался. Принятые Баба-ханомъ подарки и значительныя суммы, переданныя въ разное время эриванскому хану, были для него вѣрнымъ ручательствомъ. Къ тому же Мамедъ-ханъ считалъ Даніила приверженцемъ Россіи и, слѣдовательно, человѣкомъ, далеко несочувствовавшимъ его видамъ. Стремясь къ независимости и въ большинствѣ случаевъ не признавая власти слабаго персидскаго правительства, Мамедъ нуждался въ поддержкѣ и содѣйствіи главы армянскаго духовенства, имѣвшаго вліяніе не только на бо̀льшую часть подвластнаго хану населенія, но и на армянъ, жившихъ въ сосѣднихъ провинціяхъ. Вотъ причина, почему эриванскій ханъ такъ настаивалъ на утвержденіи патріархомъ Давида, и лишь только узналъ о состоявшемся отреченіи Даніила, тотчасъ отправилъ съ подарками въ Тифлисъ своего посланнаго съ порученіемъ развѣдать объ образѣ мыслей представителей русской власти: генерала Лазарева и Коваленскаго.

Посланный прибылъ въ столицу Грузіи 31-го декабря, а въ день новаго года, поздно вечеромъ, явился къ Лазареву мулла съ объявленіемъ, что чиновникъ эриванскаго хана Мегметъ-Алибекъ, до поѣздки своей въ Тифлисъ, былъ у сардаря Пиръ-Кули-хана съ донесеніемъ, что русское правительство настоятельно требуетъ возведенія Даніила на патріаршій престолъ. Такъ какъ Давидъ утвержденъ уже фирманомъ султана, то, по словамъ Мегмеда, ханъ и поддерживаетъ его, тѣмъ болѣе, что если Даніилъ будетъ утвержденъ патріархомъ, то всѣ армяне перейдутъ на сторону Россіи. Пиръ-Кули-ханъ не высказалъ ни одобренія, ни порицанія и заявилъ, что по дѣлу избранія армянскаго патріарха онъ донесетъ Баба-хану. Такой неопредѣленный отвѣтъ заставилъ эриванскаго хана предполагать, что тегеранскій дворъ, не отдавая предпочтенія ни тому, ни другому лицу, намѣренъ въ своихъ поступкахъ сообразоваться съ желаніемъ русскаго правительства и, быть можетъ, отдастъ предпочтеніе Даніилу. Всегда двуличный и коварный, Мамедъ, желая выдти изъ затруднительнаго положенія,

поручилъ своему посланному сказать генералу Лазареву, что ожидаетъ инструкціи отъ Баба-хана.

Предувѣдомленный о цѣли пріѣзда Мегмедъ-Али-бека, Лазаревъ принялъ его на другой день новаго года.

— Ханъ, свидѣтельствуя вамъ свое почтеніе, сказалъ персіянинъ, проситъ о продолженіи дружбы.

— Я за честь себѣ поставляю сохранять дружбу, отвѣчалъ Лазаревъ, и отъ хана зависитъ продолжить ее исполненіемъ высочайшей воли и поступками, свойственными спокойному и доброму сосѣдству.

— Когда существовало Грузинское царство, то и тогда ханъ былъ въ пріязненныхъ съ нимъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе теперь, когда Грузія состоитъ въ подданствѣ Россіи. Хотя ханъ имѣетъ надъ собою властителя въ лицѣ шаха (Баба-хана), но считаетъ за удовольствіе оставаться съ Грузіей въ дружелюбныхъ отношеніяхъ.

— Я давно привыкъ признавать хана добрымъ сосѣдомъ, но съ нѣкотораго времени онъ, поступками своими, доказываетъ противное. Во-первыхъ, не исполняетъ воли его величества о признаніи Даніила патріархомъ, и зная, что онъ утвержденъ въ этомъ санѣ грамотой русскаго Императора, не только не оказываетъ Даніилу должнаго уваженія, но, напротивъ, дозволяетъ дѣлать ему обиды. Во-вторыхъ, ханъ даетъ убѣжище въ своихъ предѣлахъ лицамъ, враждебнымъ Россіи — выгнанному изъ Ахалцыха Шерифъ-пашѣ, который всегда привлекалъ въ Грузію хищниковъ, и наконецъ я первый разъ слышу, что ханъ признаетъ надъ собою власть шаха Персіи, тогда какъ самъ искалъ покровительства русскаго Императора.

— Русское начальство въ Грузіи, отвѣчалъ Мегмедъ, само предлагало хану признать Давида патріархомъ армянскаго народа, ханъ согласился, и Давидъ получилъ утвердительный фирманъ султана.

— Хотя это и справедливо, замѣтилъ Лазаревъ, но послѣ, по желанію Императора, султанъ утвердилъ патріархомъ Даніила.

— Первѣйшіе армяне въ Эривани хлопочутъ, чтобы по фирману, прежде данному, удержать патріархомъ Давида. Ханъ, будучи

ими убѣждаемъ, не хочетъ признавать Даніила. Что ханъ въ этомъ случаѣ не руководится ни интересомъ, ни злобой, служитъ доказательствомъ то, что когда Даніилъ находился въ Баязетѣ, то ханъ, узнавъ о покушеніи на его жизнь, приказалъ отправить его въ Эчміадзинъ. Получивъ же ваше письмо, призвалъ къ себѣ Даніила, подарилъ ему халатъ и даетъ монастырь, въ которомъ онъ будетъ архіепископомъ.

Лазаревъ замѣтилъ посланнику, что имѣетъ точныя свѣдѣнія, зачѣмъ ханъ призывалъ Даніила [1]), знаетъ о насильствахъ, ему сдѣланныхъ подъ видомъ сохраненія отъ опасности, и считаетъ долгомъ замѣтить, что патріархъ армянскаго народа можетъ быть признанъ въ этомъ санѣ только тогда, когда утвержденъ русскимъ Императоромъ.

— Я долженъ просить васъ, прибавилъ Лазаревъ, донести хану, что за всѣ оскорбленія, нанесенныя Даніилу, онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ не словесный или письменный, но подвергнетъ себя гнѣву его величества и будетъ раскаяваться.

— Ханъ повинуется высочайшей волѣ, будетъ оказывать Даніилу полное уваженіе и признаетъ его патріархомъ, когда удостовѣрится, что есть на то воля Государя. Шерифъ-пашѣ ханъ даетъ убѣжище отнюдь не съ тѣми мыслями, чтобы затѣвать что либо ко вреду Грузіи, а принимаетъ его какъ гостя и человѣка несчастнаго, которому желаетъ оказать помощь и вновь поставить пашой ахалцыхскимъ. Ханъ поручилъ мнѣ ходатайствовать у русскаго начальства въ Грузіи, чтобъ ему не было въ томъ препятствія, и дозволено было войскамъ эриванскимъ пройти чрезъ Грузію къ Ахалцыху.

— Этого дозволено не будетъ, отвѣчалъ Лазаревъ. Такимъ намѣреніемъ ханъ обнаруживаетъ нерасположеніе къ Грузіи и дѣлаетъ поступокъ, неприличный доброму сосѣду.

---

[1]) Призвавъ въ Эривань Даніила, ханъ имѣлъ въ виду чрезъ него добиться возстановленія Шерифъ-паши въ Ахалцыхѣ. Мамедъ обѣщалъ Даніилу признать его патріархомъ, если онъ испроситъ у русскаго правительства согласіе на возстановленіе Шерифа. Даніилъ отвѣчалъ, что не можетъ исполнить желанія хана, потому что къ письму своему красной патріаршей печати приложить не смѣетъ, а если приложитъ черную, архіепископскую печать, то русское правительство не признаетъ его письма дѣйствительнымъ.

— Почему же вы оказываете помощь карсскому пашѣ, который не соблюдаетъ дружелюбныхъ обязанностей съ ханомъ эриванскимъ, и препятствуете моему хану наказать карсскаго пашу?

— Карсскій паша подданный союзнаго государя, сохраняетъ съ Россіей дружбу и обязанности спокойнаго и благонамѣреннаго сосѣда и тѣмъ обязываетъ насъ оказывать ему взаимно пріязнь и вспомоществованіе.

Въ заключеніе своихъ словъ, генералъ Лазаревъ замѣтилъ, что не обѣщаніями чрезъ посланныхъ ханъ можетъ надѣяться заслужить высочайшее покровительство, но точнымъ исполненіемъ воли Императора и дружелюбными поступками.

— Ханъ ничего болѣе не желаетъ, отвѣтилъ уклончиво персіянинъ, какъ быть достойнымъ милостей Императора. Часто случалось, что шахъ требовалъ свыше мѣръ возможности, и тогда ханъ всегда избавлялся отъ его требованій однимъ средствомъ— заявленіемъ, что онъ имѣетъ сильнѣйшаго въ свѣтѣ сосѣда, русскаго Императора, къ которому и прибѣгнетъ съ искательствомъ защиты.

— Тѣмъ удивительнѣе, замѣтилъ Лазаревъ, нынѣшнее поведеніе хана и его надежда на шаха.

При прощаніи посланный просилъ принять подарки въ знакъ дружбы, но Лазаревъ отвѣчалъ, что приметъ ихъ тогда, когда ханъ будетъ исполнять высочайшую волю.

— Ханъ мой крайне обидится такимъ отказомъ, и я уѣду съ огорченіемъ.

— А я считаю за обиду, отвѣчалъ Лазаревъ, когда ханъ, нарушая обязанности благонамѣреннаго сосѣда и оставляя въ забвеніи всѣ мои совѣты въ теченіе трехъ лѣтъ, присылаетъ теперь мнѣ подарки.

— Подобные же подарки, замѣтилъ наивно Мегмедъ, я привезъ и правителю Грузіи Коваленскому; онъ съ удовольствіемъ ихъ принялъ.

Лазаревъ все-таки отказался, но обѣщалъ написать письмо, чтобы не подвергнуть посланнаго ханскому гнѣву.

Въ день свиданія посланнаго съ генераломъ Лазаревымъ было

перехвачено отвѣтное письмо мелика Апріама къ Ивану Бегтабекову.

«Что вы предлагали, писалъ меликъ [1]), святѣйшему патріарху Давиду имѣть тайную дружбу съ г. Коваленскимъ и прислать ему вина, сорочинскаго пшена и *другое,* извольте знать въ точности, что какъ святой монастырь построенъ не въ тайномъ мѣстѣ, такъ и святѣйшій патріархъ не тайно существуетъ; это всѣмъ извѣстно и смѣло проповѣдуется между всѣми армянами, то почему же онъ долженъ тайно вести дружбу съ Коваленскимъ? Если онъ есть истинный пріятель, то долженъ свое усердіе предъявить явно, за что и получитъ тогда принадлежащіе и достойные его особѣ подарки; но чтобы то было не тайно, а явно, ибо тайна какъ насъ отъ разноплеменныхъ приведетъ къ стыду, такъ и его, Коваленскаго, отъ единовѣрцевъ своихъ...

«Вникните же хорошенько въ то, что я вамъ пишу. Для чего дѣлами упредили, и въ какомъ положеніи остаются они, ибо избранный быть патріархомъ (Даніилъ) находится въ ногахъ святѣйшаго патріарха Давида, со всепокорностію и преданностью и со всѣми его дезертирами (?). Уже копія съ фирмана привезена нынѣ, такъ завтра и подлинный привезется, потому что съ нимъ Григорій архимандритъ, который былъ въ Царьградѣ патріархомъ, уже въ Эрзерумѣ. Тогда-то всѣ сказки, слухи и злоба уничтожатся, а потомъ и не для чего имъ будетъ имѣть съ нами тайное дружество, ибо оно намъ не нужно. Но если хотятъ святѣйшему нашему оказать дружбу, то по истинѣ и явно.»

Между тѣмъ, собираясь уѣхать изъ Тифлиса, Мегмедъ-Али-бекъ, встрѣтившись на Мейданѣ (въ то время площадь тифлисскаго предмѣстья) съ памбакскими агаларами, высказывалъ имъ свое сожалѣніе, что генералъ Лазаревъ не принялъ подарковъ, говорилъ, что онъ сдѣлалъ это потому, что ханъ не исполняетъ воли Императора и не соблюдаетъ дружественныхъ отношеній. Случившійся при этомъ Бегтабековъ пригласилъ къ себѣ, какъ Мегмеда, такъ и агаларовъ. Объявивъ имъ, что Давидъ утверж-

---

[1]) Отъ 25-го декабря 1802 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II, 118.

денъ султаномъ, Бегтабековъ просилъ персіянина не огорчаться отказомъ Лазарева.

— Я увѣряю васъ отъ имени правителя, сказалъ онъ, что разсказы Лазарева о гнѣвѣ Императора несправедливы. Здѣсь всѣми дѣлами управляетъ Коваленскій, и даже войска дѣлаютъ свои передвиженія по его же повелѣніямъ. Коваленскій, какъ правитель, пользуясь милостію его величества, можетъ все сдѣлать по своему желанію. Пусть эриванскій ханъ не вдается въ обманъ и не страшится того, что говоритъ Лазаревъ; совѣтую только сохранять дружбу съ Коваленскимъ, поступать по его совѣтамъ и стоять твердо въ своемъ намѣреніи относительно признанія патріархомъ Давида, а не Даніила.

Слова Бегтабекова не убѣдили его гостей, и памбакскіе агалары совѣтовали посланному не вѣрить Бегтабекову съ Коваленскимъ, а положиться на слова генерала Лазарева [1]). Мамедъ остался въ раздумьѣ, на чьей сторонѣ должна быть правда...

XVI.

Положеніе дѣлъ при назначеніи князя Циціанова главнокомандующимъ на Кавказѣ.—Инструкція, ему данная, относительно избранія патріарха.—Мѣры, принятыя имъ для возстановленія Даніила на патріаршемъ престолѣ.—Письмо графа Воронцова и отвѣтъ на него хана эриванскаго. — Дѣятельность Давида. — Письмо его Италинскому.—Окружное посланіе архіепископа Ованеса къ армянамъ. — Воззваніе князя Циціанова къ армянамъ эриванскаго ханства.

Прибытіе въ Россію архимандрита Эммануила и доставленіе Тамарою берата Порты на патріаршество Давиду, просьбы армянъ въ пользу Даніила и, наконецъ, ходатайство Давида и его сторонниковъ разобрать безпристрастно, имѣетъ ли онъ право на патріаршій престолъ, все это значительно усложняло вопросъ объ утвержденіи патріарха. Не имѣя возможности лично убѣдиться, на чьей сторонѣ большинство армянъ и не желая обидѣть ни той, ни другой стороны, Императоръ Александръ готовъ былъ согласиться на отстраненіе обоихъ претендентовъ и на избраніе третьяго лица.

[1]) Донесеніе Соколова графу Воронцову 4-го января 1803 года. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

«Вашему сіятельству, писалъ графъ Кочубей графу Воронцову [1]), извѣстны всѣ обстоятельства по недоразумѣніямъ, происходящимъ касательно армянскихъ патріарховъ Давида и Даніила, спорящихъ между собою за престолъ эчміадзинскій. Его Величество, усмотрѣвъ о разныхъ новыхъ къ тому относящихся происшествіяхъ изъ писемъ, мною всеподданнѣйше поднесенныхъ, высочайше повелѣть изволилъ снестись съ вашимъ сіятельствомъ, дабы вы возложили на министра его величества въ Константинополѣ развѣдать, дѣйствительно-ли раздоръ о патріаршемъ престолѣ существуетъ между армянскою націей, и если сіе подлинно такъ есть, то чтобъ онъ приличнымъ образомъ и съ соблюденіемъ всякой мѣры, въ противоположность прежнихъ нашихъ по предмету сему подвиговъ, отозвался къ министерству оттоманскому, какимъ бы образомъ прекратить было можно, по взаимному предварительному обоихъ дворовъ сношенію, въ націи армянской вражду. Его Величество не отдаленъ,—если удержаніе Даніила въ патріаршемъ достоинствѣ неудобно, — согласиться на удаленіе его, съ тѣмъ, однако же, что и Давидъ не останется въ Эчміадзинѣ, и что третій будетъ избранъ безо всякаго принужденія обоихъ дворовъ въ патріархи на основаніи прежнихъ примѣровъ и утвержденъ потомъ будетъ обоими дворами.»

Предположеніе это, однако, не состоялось, и съ назначеніемъ главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ князя Циціанова рѣшено было поручить ему разслѣдовать о степени расположенія армянскаго народа къ тому или другому лицу.

«Относительно патріарха сего, сказано въ рескриптѣ князю Циціанову [2]), нужно будетъ на мѣстѣ изслѣдовать о всѣхъ обстоятельствахъ раздѣленія, такъ сказать, всей націи армянской между партіи его и патріарха Давида, соперника его. Вскорѣ по вступленіи моемъ на престолъ первый признанъ мною въ санѣ его и по предложенію моему признанъ также и Портою Оттоманскою, а потому и поручаю вамъ покровительствовать упомянутаго патріарха,

---

[1]) Въ письмѣ отъ 22-го декабря 1802 года, № 1106. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ. III—23, 1801—1807 гг., № 11.

[2]) Рескриптъ князю Циціанову отъ 26-го сентября 1802 г. Акт. Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 5.

почитая мѣру сію приличною къ сохраненію должнаго почтенія къ державѣ, постановленію сему споспѣшествовавшей. Но ежели бы, паче чаянія, нашли вы, что патріархъ Даніилъ дѣйствительно, какъ соперники его представляютъ, націи армянской непріятенъ и что удержаніе его на престолѣ эчміадзинскомъ важныя неудобства для края того произвести можетъ, то я ожидать буду отъ васъ обстоятельнаго извѣщенія и купно съ ними усмотрѣній вашихъ, какимъ образомъ съ достоинствомъ Имперіи иной порядокъ вещей установленъ тамъ быть можетъ.

«Впрочемъ, армяне, яко народъ промышленный и имѣющій въ рукахъ своихъ всю торговлю сей части Азіи, заслуживаютъ особеннаго вашего вниманія и защиты, ибо при угнетеніи его (армянскаго народа) въ Персіи сомнѣнія быть не можетъ, чтобы множество народа сего не основалося въ Грузіи, коль скоро почтутъ они себя обезпеченными порядочнымъ устройствомъ правительства.»

По прибытіи въ Георгіевскъ, князь Цицiановъ узналъ, что Даніилъ взятъ эриванскимъ ханомъ подъ стражу и содержится въ неволѣ.

— Пока Шерифъ не будетъ опять ахалцыхскимъ пашою, говорилъ эриванскій ханъ, до тѣхъ поръ я не освобожду изъ-подъ ареста Даніила.

Князь Цицiановъ тотчасъ поручилъ генералу Лазареву сообщить хану, что за жизнь патріарха Даніила и за всѣ оскорбленія, ему наносимыя, онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ не словесный или письменный, «а на самомъ дѣлѣ, и что будетъ раскаяваться о несовмѣстномъ упорствѣ своемъ» [1]).

Посланный съ письмомъ Лазарева князь Орбеліани былъ принятъ ханомъ холодно, на встрѣчу ему былъ высланъ незначащій чиновникъ «и меня поставили, доносилъ Орбеліани, какъ лезгинскаго посланника, въ дурной квартирѣ» [2]). Тѣмъ не менѣе, посылка эта принесла нѣкоторый результатъ, и угроза такъ подѣйствовала на хана, что Даніилъ былъ освобожденъ, и по пріѣздѣ князя Ци-

---

[1]) Предписаніе Лазареву отъ 15-го декабря 1802 года, № 9. Акты Кав. Археогр. Комм., т. II, № 534. Всеподдан. рапортъ князя Цицiанова 19-го февраля 1803 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, дѣла Грузіи, ч. II.

[2]) Письмо князя Орбеліани Лазареву 11-го января 1803 года.

ціанова въ Тифлисъ, онъ получилъ уже отъ него письмо, которымъ тотъ, благодаря за ходатайство, извѣщалъ главнокомандующаго объ облегченіи его участи.

6-го февраля князь Циціановъ отправилъ къ эриванскому хану министерства императорскаго двора графа Воронцова, квартирмейстерской части капитана Чуйку и князя Орбеліани.

Посылая съ ними письмо канцлера графа Воронцова эриванскому хану, главнокомандующій поручилъ капитану Чуйкѣ описать дорогу, замѣтить мѣстоположеніе и родъ укрѣпленій Эриванской крѣпости, «для будущихъ движеній, буде-бы силою нужно было подкрѣпить» наши требованія [1]).

«Его величество мой всемилостивѣйшій государь высочайше соизволилъ мнѣ указать, писалъ графъ Воронцовъ эриванскому хану [2]), объявить вамъ, что какъ онъ, великій Императоръ, такъ и Оттоманская Порта, ближніе вамъ сосѣди, нисколько не сомнѣваются, что ваше высокостепенство не токмо оставите всѣ невмѣстныя требованія Давида и сообщниковъ его, ищущихъ неправильно вашей защиты, но что, напротивъ того, обратите все ваше вниманіе къ Даніилу, дадите всякое вспомоществованіе къ благолѣпному прибытію его въ Эчміадзинъ [3]), съ довлѣющею его сану почестью, и облечете его въ ту власть, которую всѣ католикосы имѣли... Такимъ поступкомъ можете вящше утвердить высочайшее моего всемилостивѣйшаго государя и его величества султана турецкаго къ вамъ расположеніе и благоволеніе, а противнымъ со стороны вашей подвигомъ всякая сосѣдственная держава можетъ считать себя оскорбленною.»

Къ этому письму была присоединена и просьба главнокомандующаго употребить содѣйствіе къ утвержденію Даніила въ санѣ патріарха, нынѣ ему дарованномъ двумя императорами, и тѣмъ отвратить гнѣвъ отъ «Сѣвера и Востока» за противоположный сему поступокъ. «Послѣ гласа и воли, писалъ въ заключеніе Циціановъ, столь высокомочныхъ повелителей да умолкнутъ разные

---

[1]) Всеподд. рап. князя Циціанова 20-го февраля 1803 года, № 13. Акты Кав. Археогр. Комм., т. II, № 537.

[2]) Отъ 21-го октября 1802 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, III, № 23.

[3]) Письмо это написано было ранѣе полученнаго извѣстія о преданіи Даніила въ руки Давида, но задержанное оно достигло до назначенія слишкомъ поздно.

толки пресмыкающихся ихъ подданныхъ, кои, можетъ быть, доселѣ и ваше высокостепенство поставляли въ недоразумѣніе о возстановленіи котораго идетъ дѣло.»

Ни письмо графа Воронцова, ни просьбы князя Циціанова не убѣдили эриванскаго хана, и Мамедъ отказался исполнить требованіе русскаго правительства.

«Хотя крайне желалъ я, отвѣчалъ онъ графу Воронцову, выполнить повелѣніе вашего сіятельства, но, сверхъ чаянія, въ обстоятельствахъ помянутаго Даніила встрѣтились великія затрудненія, по причинѣ коихъ помочь ему не въ состояніи. При кончинѣ бывшаго патріарха Іосифа, случившейся въ Тифлисѣ, нѣкоторыя изъ почтеннѣйшихъ тамошнихъ особъ, по желанію находящихся въ Грузіи русскихъ начальниковъ, пріѣхали сюда и домогались дабы по завѣщанію того патріарха въ преемники ему утвержденъ былъ архіепископъ Давидъ. Также и отъ армянъ, обитающихъ въ областяхъ турецкихъ, присланы были сюда за подписаніемъ ихъ просьбы о томъ же епископѣ Давидѣ. Почему, въ уваженіе желанія русскихъ начальниковъ и въ удовлетвореніе просьбы армянъ, имѣлъ счастіе представить о томъ дворамъ турецкому и персидскому и просилъ ихъ объ утвержденіи Давида въ патріаршемъ санѣ. Отъ обоихъ тѣхъ дворовъ пожалованъ ему бератъ и фирманъ, по силѣ коихъ вступилъ онъ по ихъ обряду въ управленіе армянскою церковью. Послѣ отъ его величества султана данъ другой бератъ, коимъ повелѣно находившагося въ областяхъ его патріарха Даніила связавъ отвезти въ Эчміадзинъ и поручить Давиду. Хотя нынѣ ваше сіятельство и изволите давать порученіе, но разсудите сами, въ состояніи-ли я послѣ вышесказаннаго настоять вновь у вышеупомянутыхъ дворовъ объ отрѣшеніи Давида и о возведеніи на мѣсто его въ патріархи Даніила? Если противъ воли и вельможъ обоихъ тѣхъ дворовъ я о томъ представлю, то, конечно, навлеку на себя ихъ негодованіе. Въ разсужденіе чего никакъ не могу я на то рѣшиться, а буде его императорскому величеству угодно, чтобы помянутый Давидъ былъ отрѣшенъ и возстановленъ на его мѣсто Даніилъ, то ему весьма легко написать о томъ прямо его величеству султану. Что касается до меня, то я въ оное дѣло мѣшаться не смѣю, а потому

и приказанія вашего сіятельства исполнить не въ состояніи, въ чемъ и прошу меня великодушно извинивъ не имѣть никакого гнѣва.»

Князю Циціанову Мамедъ-ханъ писалъ, что готовъ признать Даніила патріархомъ, но съ условіемъ, чтобы русское правительство признало и ввело въ Ахалцыхъ недавно изгнаннаго оттуда Шерифъ-пашу, нашего злѣйшаго непріятеля, сторонника Давида и только что объявленнаго Портой измѣнникомъ и бунтовщикомъ. Такое, по словамъ князя Циціанова, «несовмѣстное съ разсудкомъ требованіе и ослушаніе» не могло остаться безъ наказанія, и я, писалъ главнокомандующій [1]), «не придвижу надежнѣйшаго способа, какъ употребить силу оружія, которое не далѣе, какъ въ апрѣлѣ намѣренъ я перенести въ область Эриванскую.»

Главнокомандующій былъ намѣренъ, какъ только гористыя мѣста, лежащія на пути, обнажатся отъ снѣговъ, слѣдовать въ Эривань, съ шестью баталіонами, возвести Даніила на патріаршій престолъ, наказать Мамедъ-хана эриванскаго за его упорство и оставить въ крѣпости гарнизонъ въ томъ случаѣ, если армянское купечество согласится, какъ обѣщало, снабжать его провіантомъ. Время это для экспедиціи на Эривань князь Циціановъ признавалъ наиболѣе удобнымъ и благопріятнымъ. Дагестанъ и вообще всѣ горскіе жители, стѣсненные русскими войсками, должны были помышлять не о набѣгахъ, но о собственной защитѣ. Баба-ханъ, «столь страшный въ Персіи, но къ военному дѣлу совершенно неспособный,» былъ занятъ волненіями въ Хоросанѣ и не могъ подать помощи пограничнымъ съ нами ханамъ и владѣльцамъ, искавшимъ поэтому или покровительства, или союза съ Россіею. Однимъ словомъ, положеніе наше въ Закавказьѣ было тогда таково, что, по мнѣнію князя Циціанова, «три полка комплектныхъ пѣхоты, одинъ полкъ регулярной кавалеріи, въ пополненіе войскъ, въ распоряженіи моемъ находящихся, и сто тысячъ серебромъ единовременно ввѣренные мнѣ на чрезвычайные и непредвидимые расходы, поставили бы меня въ положеніе дѣйствовать наступательно и, по благоуспѣшномъ покореніи Эривани, пройти въ Нахичевань, а

---

[1]) Графу Воронцову, въ письмѣ отъ 12-го марта 1803 года, № 445.

оттуда въ Шушу и тѣмъ самымъ изъ предполагаемаго занятія границъ по Куру и Араксъ выполнить главную часть со стороны Персіи въ теченіе сей же кампаніи» [1]).

Предвидя грозу, эриванскій ханъ приготовлялся къ оборонѣ, запасался провіантомъ, собиралъ войска и намѣренъ былъ противиться, если бы русское правительство захотѣло силой водворить Даніила въ Эчміадзинѣ. Давидъ также дѣлалъ необходимыя распоряженія на случай движенія русскихъ войскъ. Онъ писалъ въ Константинополь, что русскіе намѣрены прибыть въ Эчміадзинъ, но не для того, чтобъ оставаться тамъ, а забрать всю святыню и вмѣстѣ съ Даніиломъ возвратиться въ Россію. Подъ предлогомъ сокрушенія о паденіи престола, Давидъ просилъ константинопольскаго патріарха Ованеса выхлопотать у Порты фирманъ, разрѣшающій ему, когда начнется война, отправиться на жительство въ Учкиллису или монастырь св. Карапета.

Въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ своихъ друзей не только успокоительныя, но и обнадеживающія письма. Давиду писали, что Тамара отозванъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ высшее назначеніе, а на мѣсто его посланникомъ въ Константинополь назначенъ А. Я. Италинскій, «человѣкъ хорошій» и готовый будто бы поддержать лжепатріарха. Перемѣна эта, въ глазахъ сторонниковъ Давида, имѣла весьма важное значеніе: они надѣялись имѣть поддержку въ Константинополѣ и въ Петербургѣ.

«Посланника Тамару, писалъ Давиду Степанъ Арютиновъ [2]), вызвали для опредѣленія на мѣсто Сергѣя Лазаревича (Лашкарева), который есть правитель дѣлъ, касающихся Грузіи, и членъ двора императорскаго во второмъ собраніи совѣта. Но посланникъ Тамара не согласился на то, почему и опредѣленъ онъ въ главное правительства собраніе, гдѣ присутствуютъ двѣнадцать человѣкъ, отъ коего всѣ прочія присутственныя мѣста зависятъ и которое именуется сенатомъ. Сіе случилось къ благополучію св. престола и собственно вашему. Нужно написать къ нему поздравленіе, въ коемъ упомянуть нѣчто объ обстоятельствахъ владѣль-

---

[1]) Всеподд. рап. князя Циціанова отъ 12-го марта 1803 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1803—1805 гг., № 1.

[2]) Безъ числа. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, III—23, 1801—7 гг., № 8.

цевъ вашихъ и о прочемъ, чтобы чрезъ то подать ему поводъ объясниться съ Императоромъ о васъ и доказать, что вы вѣрны его имперіи, тогда не будетъ въ васъ сомнѣваться по словамъ враговъ. Если вы сіе сдѣлаете, то я надѣюсь, что посланникъ Тамара окончитъ сію распрю тѣмъ, что либо дастся вамъ грамота, или позволено будетъ прибыть туда посланнымъ отъ васъ.»

Въ случаѣ если бы послѣднихъ разрѣшено было отправить въ Россію, приверженцы Давида просили его снабдить ихъ деньгами.

«Не время теперь жалѣть деньги, писалъ Оглуевъ [1]), чрезъ нихъ все впередъ пойдетъ. Вы видите, что они (приверженцы Даніила) все сдѣлали чрезъ деньги, и знаете, что кромѣ издержекъ Ефрема они болѣе 500 мѣшковъ употребили, но все на вѣтеръ, а наши издержки съ успѣхомъ.»

Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, Давиду совѣтовали написать привѣтливое письмо Италинскому, не оставлять при Даніилѣ архіепископа Нерсеса, а бывшему константинопольскому патріарху Григорію обрить бороду [2]). «Изъ Петербурга Григорій пишетъ, присовокуплялъ Оглуевъ, что Ефремъ думаетъ вывезть Даніила въ Тифлисъ; остерегайтесь и старайтесь не упустить его изъ рукъ. Если онъ будетъ въ Тифлисѣ, то злѣйшія дѣла родятся; Нерсеса отдѣлите отъ него, лучше будетъ».

Получивъ такого рода предупрежденія и наставленія, Давидъ предалъ еще болѣе строгому заключенію своего соперника и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ заступничества Италинскаго, такъ какъ прошенія его не достигаютъ до Императора Александра.

«Мы просимъ отъ его величества той милости, писалъ Давидъ [3]), чтобы, милосердуя о насъ, бѣдныхъ, благоволилъ, по содержанію грамотъ отъ насъ и отъ народа присланныхъ, разсудить или отправилъ бы къ намъ нарочнаго лично разобрать запутанное дѣло и узнать одобреніе собраній и народа. Тогда его величество, получивъ обстоятельное и вѣрное донесеніе, разсудитъ по своему

---

[1]) Изъ Константинополя отъ 5-го марта 1803 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, III—23, 1801—7 гг., № 8.

[2]) Отправленный изъ Константинополя патріархъ Григорій бѣжалъ изъ Карса въ Тифлисъ и тѣмъ избавился отъ преслѣдованій своихъ противниковъ.

[3]) Отъ 10-го апрѣля 1803 г. Арх. М. И. Д.

праволюбію, оправдать ли насъ и осудить Ефрема, да будетъ всегда благословенна его воля, которой мы совершенно предаемся. Просимъ токмо не подавать вѣры писаніямъ нѣкоторыхъ бѣснующихся и лживыхъ людей, но большинству голосовъ народа, и вслѣдствіе того позволить намъ власть получить то, о чемъ просимъ... Если угодно его величеству, чтобы католикосы смѣнялись, хотя сіе противно нашимъ законамъ и правамъ, зачѣмъ письменно не объявить намъ таковаго повелѣнія своего, ибо мы, рабы Христовы, всегда молимъ о дражайшемъ здравіи его величества.»

Передавая это письмо нашему посланнику въ Константинополѣ, титулярный патріархъ Ованесъ присоединилъ къ нему и свое окружное посланіе, подписанное многими лицами, для доставленія его въ Петербургъ. Посланіе это, отправленное въ Эчміадзинъ и разосланное большинству представителей армянскаго народа, имѣло цѣлью выставить несомнѣнныя права Давида на патріаршій престолъ.

«Божественный Учитель, говорилось въ посланіи [1]), Имъ же утверждаемся и славимся, рекъ въ святомъ своемъ словѣ: *не судите на лица, но судъ праведный творите*. Убѣждаемъ васъ войти въ безпристрастное изслѣдованіе свойствъ и дарованій католикоса Давида и Даніила епископа; разсмотрите, кто изъ нихъ двухъ достойнѣе, миролюбивѣе, кротче, благоразумнѣе, обходительнѣе, великодушнѣе, терпѣливѣе, разсудительнѣе, сановитѣе, просвѣщеннѣе, сладкоглоголивѣе и кому болѣе преданы вельможи и чернь? Мы не отвергаемъ достоинствъ епископа Даніила, но желаемъ знать кому свойственнѣе быть верховнымъ патріархомъ, и ежели провидѣніемъ Божіимъ предъизбранъ Давидъ, то ужели мы должны противиться волѣ Бога въ угодность непотребныхъ мятежниковъ?

«Почему симъ и объявляемъ, что не довлѣетъ намъ избирать новаго католикоса; что признаемъ истиннымъ, священнѣйшимъ католикосомъ Давида, а не инаго кого; что всѣ грамоты, писанныя отъ общества нашего, были непринужденныя и что отправленныя въ Россію отъ имени нашего письма суть подложныя и ухищре-

[1]) Отъ 25-го марта 1803 г.

ніемъ Ефрема и Эммануила сочиненныя, и потому заклинаемъ васъ употребить силу и власть для усмиренія мятежнаго сего духа.»

Посланіе это вмѣстѣ съ прошеніемъ Давида было получено въ Петербургѣ 1-го іюля 1803 г., и такъ какъ, по донесенію князя Циціанова, не было сомнѣнія, что большинство армянъ желаетъ имѣть патріархомъ Даніила, то просьбы его противниковъ и были оставлены безъ послѣдствій. Въ Константинополѣ же съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта, «и буде до конца сего мѣсяца (сентября), писалъ Агаековъ [1]), никакой милости не будетъ объявлено, то вы должны разумѣть, что дѣло тяжелѣетъ и опасность предстоитъ.» Онъ совѣтовалъ Давиду еще разъ попытать счастія и отправить посланнаго въ Петербургъ, но непремѣнно съ деньгами, безъ которыхъ, по его словамъ, тамъ сдѣлать ничего невозможно. Агаековъ говорилъ, что тифлисскіе жители и всѣ сообщники Ефрема донесли «сѣверной державѣ», что Даніилъ вѣренъ ей, а Давидъ нѣтъ, то и слѣдуетъ послѣднему, въ доказательство своей вѣрности, написать что нибудь о положеніи адербейджанскихъ владѣльцевъ или же о шахѣ ихъ. «Видно, что они сомнѣваются въ васъ, присовокуплялъ Агаековъ, и потому оставляютъ безъ вниманія всѣ сильныя бумаги ваши; если бы не то, зачѣмъ бы такъ противиться: вѣдь Даніилъ не въ родствѣ съ ними.»

Совѣты эти уже не дѣйствовали на Давида, такъ какъ предъ его глазами совершились такія событія, которыя не давали ему надежды удержаться на престолѣ. Настойчивый образъ дѣйствій Циціанова, его требованіе о непремѣнномъ возстановленіи на патріаршемъ престолѣ Даніила и слухи изъ Грузіи, что русскія войска готовятся къ экспедиціи на Эривань, крайне безпокоили какъ эриванскаго хана, такъ и Давида. Видя въ Даніилѣ причину собирающейся грозы, Мамедъ-ханъ вытребовалъ было его къ себѣ въ Эривань, но потомъ снова передалъ его въ руки Давида. Послѣдній, посадивъ Даніила на лошадь, самымъ безчестнымъ образомъ привезъ въ Эміадзинъ и заключилъ въ глубокую яму. Всѣ считали его заживо погребеннымъ, и князь Циціановъ принужденъ былъ

[1]) Давиду, изъ Константинополя, отъ 18-го сентября 1803 г.

обратиться къ армянамъ съ весьма энергическою прокламацiей. Предупреждая ихъ, что намѣренъ силой добиться возведенiя Данiила на патрiаршiй престолъ, главнокомандующiй требовалъ, чтобъ эчмiадзинское духовенство, армянскiе мелики и народъ оказывали ему должное уваженiе, и предупреждалъ, что виновные будутъ наказаны русскимъ оружiемъ.

«Я, не желая вамъ столь несчастнаго жребiя, писалъ князь Цицiановъ [1]), совѣтую возъимѣть попеченiе о спасенiи самихъ себя сохраненiемъ высокопречестнѣйшаго Данiила католикоса въ невредимости и въ приличныхъ сану его почестяхъ; въ противномъ случаѣ, не я, но вы будете виноваты въ совершенной погибели вашей, и когда возчувствуете достойную по дѣламъ вашимъ месть, тогда раскаянiе ваше не поможетъ столь жалостной участи вашей, имѣющей постигнуть васъ за упорство нѣкоторыхъ лишившихся разума и понятiя людей. Опомнитесь! Я призываю васъ къ собственному вашему благу; ханъ вашъ начальникъ не есть вашего закона, не есть христiанинъ, то и неудивительно, что онъ прелестью злата и драгоцѣнныхъ каменьевъ богатаго эчмiадзинскаго монастыря, расхищаемыхъ лжепатрiархомъ Давидомъ въ подкрѣпленiе его козней, столь дерзостно поступаетъ съ симъ почтеннѣйшимъ старцемъ и главою Христовой церкви армянской. Ему, яко магометанину, и законъ повелѣваетъ гнать христiанъ; а васъ, единаго Христа съ высокопречестнѣйшимъ католикосомъ Данiиломъ исповѣдующихъ, что̀ къ тому понуждаетъ? Мамедъ-ханъ, потребя жизнь его высокопреосвященства въ удовлетворенiе лжепатрiарха Давида, совершаетъ велѣнiе своего закона, а вы должны дать отчетъ на страшномъ судѣ за предательство, подобное Iудину, сегодня воспоминаемое. При всѣхъ сихъ страданiяхъ и потерянiи, быть можетъ, жизни, его высокопреосвящество, быть можетъ, возгласитъ со Христомъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ!* Но что̀ вамъ будетъ за то? Мамедъ-ханъ при приближенiи моемъ съ войсками, подобно джарцамъ и бѣлоканцамъ, уйдетъ яко святотатъ съ богатствами, и вы, и дома ваши останутся на жертву

[1]) Эриванскому мелику Апрiаму и всѣмъ жительствующимъ въ Эривани и въ окружности онаго: армянскому духовенству и народамъ нацiи армянской, отъ 2-го апрѣля 1803 г., № 16.

мечу и пламени. Опомнитесь, повторяю вамъ, не погубите душъ вашихъ, коль онѣ не прельщены еще зміею; сообразите кротость правленія христіанскаго съ лютостью магометанскою; измѣряйте тиранство послѣдняго и терпимость перваго,—вы увидите, что наше есть въ подражаніе Христовыхъ правилъ—во святомъ Евангеліи начертанныхъ, а ихъ, въ правилахъ противныхъ. Одумайтесь и убойтесь! Что я вамъ говорю, то есть слова не на единой бумагѣ, но слова, имѣющія совершиться прежде, нежели наступающая луна совершитъ свой мѣсячный кругъ; вы увидите, что сотоварищи ваши, отсель васъ соблазняющіе, говоря, что высокославныя россійскія войска не имѣютъ велѣнія достигнуть до васъ, доведутъ васъ до послѣдней гибели, но все сіе уже поздно будетъ: вы падете подъ стопы воиновъ, и гробы ваши останутся не оплакаными.»

Большинство армянъ не могло, конечно, принять непосредственнаго участія въ выборѣ патріарха и относилось къ этому вопросу безразлично; лица же вліятельныя и та часть духовенства, противъ котораго было направлено воззваніе, не только оставались глухи къ словамъ князя Циціанова, но, напротивъ того, усилили еще гоненіе противъ Даніила и его партіи.

25-го мая 1803 года Давидъ приказалъ звонить въ колокола и привести Даніила предъ толпу собравшагося народа.

— Вотъ тотъ, сказалъ лжепатріархъ, котораго вы считали уже мертвымъ — еще живъ; теперь насыщайтесь зрѣніемъ; онъ долженъ скоро умереть.

— Твой покровитель, сказалъ Давидъ, обращаясь къ Даніилу, бороды не имѣетъ, и ты долженъ быть подобенъ ему.

Давидъ приказалъ обрить Даніилу голову и бороду.

— Въ такомъ образѣ подобаетъ тебѣ быть, замѣтилъ съ насмѣшкою лжепатріархъ и приказалъ отвести свою жертву опять въ заключеніе [1]).

Съ покорностію судьбѣ переносилъ Даніилъ тяжкія страданія и, надѣясь на заступничество Императора Александра, ожидалъ скораго прибытія русскихъ войскъ. Между тѣмъ, занятый сначала

[1]) Прошеніе армянскихъ архіепископовъ на Высочайшее имя отъ 7-го іюня 1803 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

устройствомъ дѣлъ въ Грузіи, потомъ военными дѣйствіями противъ лезгинъ, покореніемъ Ганжинскаго ханства и, наконецъ, присоединеніемъ къ Россіи Мингреліи и Имеретіи, князь Циціановъ не могъ оказать помощи Даніилу ранѣе половины 1804 года.

Въ іюнѣ этого года главнокомандующій потребовалъ, чтобы эриванскій ханъ возвелъ Даніила на патріаршій престолъ, а Давида доставилъ къ нему въ Тифлисъ.—«Сія была причина моего разрыва съ вами, писалъ онъ, сія же будетъ причиной спасенія или погибели области Эриванской—другаго средства къ примиренію я не знаю.»

Ханъ молчалъ, а князь Циціановъ, еще 1-го апрѣля, приказалъ Саратовскому полку выступить изъ Моздока въ Грузію и стягивалъ къ Тифлису всѣ полки, назначенные въ составъ отряда, оставляя на постахъ самое ограниченное число войскъ, необходимыхъ для защиты границы.

XVII.

Положеніе наше въ Закавказьѣ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ.—Извѣстія о сборѣ персидскихъ войскъ и приготовленіяхъ Баба-хана къ вторженію въ Грузію.—Эриванскій ханъ приготовляется къ оборонѣ. — Интриги царевича Александра.—Переписка его съ разными лицами съ цѣлью вызвать волненія въ Грузіи.

Край, подвѣдомственный Россіи за Кавказомъ, состоялъ въ то время собственно изъ Грузіи и только что покореннаго ганжинскаго ханства (переименованнаго въ Елисаветпольскій округъ). Небольшое пространство этихъ двухъ владѣній было окружено: съ сѣвера и сѣверо-востока осетинами, ингушами и владѣніями хана аварскаго; съ востока лезгинскими вольными обществами и владѣніями кубинскаго и шекинскаго хановъ; съ юга къ нему прилегали Карабагское и Эриванское ханства, а съ запада турецкія владѣнія и только что присоединенное царство Имеретинское. Изъ этого перечня сосѣдей видно, что наши войска должны были быть всегда въ оборонительномъ положеніи отъ вторженій и хищничества. — Хотя большая часть этихъ народовъ и изъявила покорность Россіи и заключала съ княземъ Циціановымъ союзные договоры и условія,

но мы видѣли, какъ сохранялись эти договоры и условія. Можно ли же было въ будущемъ положиться на покорность вынужденную и обѣщанія нечистосердечныя?

Лезгины безпокоили Кахетію и, переходя въ Ахалцыхъ, дѣлали набѣги на Карталинію. На преданность имеретинскаго царя также нельзя было положиться, какъ то и оказалось впослѣдствіи.

Съ востока и юга, кромѣ наблюденія за движеніями персіянъ, необходимо было наблюдать за сопредѣльными ханами, поведеніе которыхъ было весьма сомнительно. Сверхъ того, обитатели подвластныхъ намъ татарскихъ дистанцій, или округовъ, при каждомъ разрывѣ нашемъ съ Персіею, дѣйствовали по внушенію и въ пользу послѣдней и тѣмъ заставляли имѣть за ними самый бдительный надзоръ.

При такихъ-то обстоятельствахъ князь Цицiановъ думалъ не только взять Эривань, но и утвердить владычество Россіи между двумя морями, Чернымъ и Каспійскимъ, поставивъ р. Араксъ границею между Россіею и Персіею.

Какими же средствами думалъ главнокомандующій привести въ исполненіе такое предположеніе?

Въ распоряженіи его и въ Закавказскомъ краѣ находились полки: Кавказскій гренадерскій, 9-й, 15-й и 17-й егерскіе, Тифлисскій, Кабардинскій, Саратовскій и Севастопольскій мушкетерскіе, съ ихъ артиллеріею (въ которой было всего 24 орудія). Кавалерія состояла изъ Нарвскаго драгунскаго и донскаго казачьяго полка, разбросаннаго по разнымъ постамъ.

Въ началѣ 1804 года войска эти были расположены:

На правомъ флангѣ, въ Карталиніи, стоялъ 9-й Егерскій полкъ [1]). Центръ войскъ, расположенныхъ въ Грузіи, находился въ Сомхетіи и Мтіулетѣ. Тифлисскаго полка одинъ баталіонъ съ двумя орудіями стоялъ въ крѣпости Цалкѣ. Онъ долженъ былъ охранять границу со стороны Ахалцыха и служить для прикрытіи учреждаемой тамъ

[1]) Двѣ роты съ орудіемъ стояли въ м. Цхинвалѣ, для содержанія въ повиновеніи подвластныхъ Грузіи осетинъ и для охраненія Карталиніи отъ хищничества; одинъ баталіонъ съ двумя орудіями находился въ Сурамѣ и его окрестностяхъ; одна рота въ Карели, одна рота съ орудіемъ въ Ховлѣ; одна рота въ Аттенскомъ ущельѣ и рота съ орудіемъ при урочищѣ Дзаглисъ-Цкаро; двѣ роты стояли въ резервѣ въ Гори.

таможни; одинъ баталіонъ того же полка расположенъ былъ въ Памбакахъ, для защиты границы со стороны Эривани и для содержанія памбакскихъ татаръ въ повиновеніи. Три роты съ орудіемъ охраняли горные промыслы въ Борчалинской дистанціи; одна рота съ орудіемъ стояла въ Думанисахъ, для обезпеченія возстановляемыхъ тамъ разоренныхъ деревень и заводимыхъ вновь поселеній. 17-й егерскій полкъ съ тремя орудіями составлялъ гарнизонъ Елисаветпольской (Ганжинской) крѣпости, и оборонялъ весь округъ того же имени.

Получивъ, въ концѣ апрѣля, свѣдѣніе о сборѣ персидскихъ войскъ за Араксомъ, князь Циціановъ отрядилъ для усиленія Елисаветпольскаго гарнизона одинъ баталіонъ Севастопольскаго мушкетеркаго полка съ двумя орудіями. Шефскій баталіонъ и двѣ роты мушкетерскаго баталіона содержали караулъ въ Тифлисѣ и занимали два важные поста: въ Гартискаро и Саганлугѣ. Изъ нихъ первый, находясь въ пунктѣ, въ которомъ соединялось два главныя сообщенія съ Россіею и Чернымъ моремъ, охранялъ большую дорогу отъ безпрерывныхъ разбойничьихъ покушеній лезгинъ, осетинъ и другихъ горскихъ хищниковъ. Саганлугскій же постъ служилъ для наблюденія за покушеніями и движеніями лезгинъ и татаръ, подвластныхъ Грузіи. Остальныя двѣ роты Севастопольскаго полка были поставлены въ Ананурѣ, дабы содержать въ повиновеніи горскіе народы: тушинъ, пшавовъ и хевсуръ. Лѣвый флангъ занималъ Кахетію, гдѣ, для обороны отъ дагестанцевъ и для удержанія въ повиновеніи джарцевъ, расположенъ былъ, вдоль по Алазани, 15-й егерскій полкъ и два баталіона Кабардинскаго полка съ ихъ орудіями, а въ деревняхъ: Гавазѣ, Кварели, Пшавели, Матаны и при Маданскомъ ущельѣ стоялъ третій баталіонъ Кабардинскаго полка съ орудіемъ.

Такимъ образомъ, въ экспедицію противъ Эривани можно было отрядить самое незначительное число войскъ. Въ составъ отряда были назначены: Кавказскаго гренадерскаго полка три баталіона; два баталіона 9-го егерскаго полка, изъ коихъ двѣ роты должны были остаться въ Сурамѣ; два баталіона Тифлисскаго мушкетерскаго полка, бывшіе въ Цалкѣ и Памбакахъ, и три баталіона, вызванные нарочно для этой экспедиціи съ Кавказской линіи. Кава-

лерію составляли: четыре эскадрона Нарвскаго драгунскаго полка и три сотни линейныхъ казаковъ, вызванныхъ съ кавказской линіи. Кромѣ того, по приглашенію князя Циціанова, грузинскіе князья, съ своими дворянами и людьми, составляли около 300 человѣкъ милиціи; при отрядѣ было всего двѣнадцать орудій.

Эриванскій ханъ, провѣдавъ о приготовленіяхъ къ экспедиціи, заискивалъ расположенія князя Циціанова и своими письмами старался высказать преданность къ Россіи. Подъ видомъ предупрежденія, а на самомъ дѣлѣ съ угрозою, Мамедъ-ханъ писалъ князю Циціанову, что Баба-ханъ намѣренъ вторгнуться въ Грузію и приказалъ ему также готовиться для совокупнаго съ нимъ дѣйствія противъ русскихъ.

«Симъ объявляется Мамедъ-хану эриванскому, отвѣчалъ на это князь Циціановъ, что на глупыя и дерзкія письма, каково было ханское, съ прописаніемъ повелѣнія словами льва, а дѣлами теленка Баба-хана, сердаря, россіяне привыкли отвѣчать штыками, а потому, чтобы оный ханъ ожидалъ сего рода отвѣта въ свое время, и призвалъ бы на помощь войска неустрашимаго государя государей испытать силы съ купцами [1]), недавно Ганжу изъ-подъ сильной руки его вырвавшими, яко товаръ персидскихъ матерій. О чемъ присланный отъ него въ Ганжу персіянинъ можетъ ему пересказать подробно, ушедшій оттоль переряженнымъ въ женское платье [2])».

Послу эриванскаго хана Неджефъ-Али-беку главнокомандующій далъ выписку *«для памяти»*, въ которой между прочимъ писалъ:

«Я никогда не лгалъ и въ цѣлый годъ пребыванія моего здѣсь, кажется, доказалъ, что вывезу царскую фамилію, разорившую Грузію междоусобною войною, и вывезъ; сказалъ, что покорю Джарскую провинцію, и покорилъ; сказалъ, что Ганжу возьму, и взялъ; сказалъ, что введу въ россійское подданство Мингрелію, оставляя владѣльца при его правахъ, и ввелъ. Говорю, что то же сдѣлаю

---

[1]) Баба-ханъ называлъ русскихъ купцами, неимѣющими никакого понятія о военномъ дѣлѣ.

[2]) Письмо кн. Циціанова хану эриванскому отъ 16-го февраля 1804 г. Тиф. Арх. Канц. Нам.

и съ Имеретіею, и сдѣлаю. Говорю, что поставлю патріарха Даніила на патріаршій престолъ; и поставлю, а Давиду обѣщаемый всесильнымъ и великимъ моимъ Государемъ Императоромъ пенсіонъ доставлю, и доставлю. Говорю, что Эривань заставлю платить мнѣ дань, и заставлю. Говорю, что изъ Эривани возьму аманата, и возьму.

«Я не словами стращаю, а штыками дѣйствую и дѣлами доказываю. Я войска, мною командуемыя, не называю по-персидски безчисленностію звѣздъ, но когда приду съ ними въ Памбаки, то никакого условія не приму и то же сдѣлаю, что съ Ганжею. Я требую слѣдующаго, и не начну переговоровъ, доколѣ ханъ, твой господинъ, не возгласитъ Даніила патріархомъ и не пришлетъ Давида въ Тифлисъ, по волѣ его императорскаго величества коему никакого зла не будетъ сдѣлано, въ чемъ Богомъ живымъ заклинаюсь.

«Тогда пришлю я къ хану эриванскому высочайшую грамоту, на имя его состоявшуюся, о возстановленіи Даніила и о доставленіи Давида, коему великій и всесильный Государь Императоръ обѣщать изволилъ безбѣдное содержаніе и жалованье. Тогда пришлю посольство съ грамотою; тогда приму повѣреннаго отъ хана, господина твоего, для постановленія статей, на коихъ будетъ принятъ во всероссійское подданство и покровительство ханъ эриванскій, съ утвержденіемъ его и его потомства по старшинству колѣна на ханствѣ эриванскомъ. Тогда опредѣлено будетъ, сколько войска поставлено будетъ на защиту Эриванской области отъ враговъ, Баба-хана сардаря. Тогда отправятся туда оныя войска, тогда ханъ эриванскій долженъ будетъ дать по оному постановленію аманата, платя Грузіи такую дань, какую платилъ ей прежде, и тогда блаженство его и цѣлость его рода и Эриванской области народа утверждено будетъ на твердомъ основаніи и на самомъ дѣлѣ, а не словами, какъ отъ Баба-хана [1])».

Получивъ такой отвѣтъ, эриванскій ханъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, онъ опасался участи Джевадъ-хана ганжинскаго, а съ другой, боялся

[1]) Письмо кн. Циціанова послу эриванскаго хана. Акты Кавказ. Арх. Комм., т. II, № 1207.

вторженія въ его владѣніе полчищъ Баба-хана, имѣвшаго причины быть недовольнымъ ханомъ и не довѣрять ему. Будучи нѣкогда наставникомъ Баба-хана и по ходатайству матери его опредѣленный правителемъ Эривани, Мамедъ-ханъ съ первыхъ же дней своего управленія сталъ добиваться независимости и думалъ воспользоваться тѣмъ, что персидскій владѣтель самъ еще былъ непроченъ на Иранскомъ престолѣ. Войдя въ сношеніе съ нахичеванскимъ Келбъ-Али-ханомъ, недовольнымъ на царствующій въ Персіи домъ изъ фамиліи Каджаровъ за то, что былъ лишенъ зрѣнія по приказанію Аги-Магометъ-хана, оба владѣльца положили дѣйствовать единодушно и при первой возможности отложиться отъ властителя Персіи. Сомнительное и двусмысленное поведеніе нѣкоторыхъ подвластныхъ Баба-хану правителей отдѣльныхъ областей заставляло его быть чуткимъ и не слишкомъ довѣрять ихъ покорности. Повелитель Ирана скоро понялъ виды и намѣренія хановъ эриванскаго и нахичеванскаго и потому, лишь только усмирилъ волненія во внутреннихъ своихъ провинціяхъ, онъ рѣшился привести и ихъ къ покорности. Непріязненныя дѣйствія противъ Россіи давали Баба-хану средство убѣдиться въ поведеніи хановъ эриванскаго и нахичеванскаго и, въ случаѣ сомнительной ихъ вѣрности, замѣнить другими, болѣе ему преданными. Мамедъ-ханъ зналъ, что при предстоящихъ дѣйствіяхъ Баба-ханъ не минуетъ Эривани, и потому съ замирающимъ сердцемъ смотрѣлъ на собраніе персидскихъ войскъ вблизи его владѣній. Въ апрѣлѣ получены были свѣдѣнія, что Аббасъ-Мирза прибылъ въ Таврисъ съ 20,000 или 30,000 войскъ, гдѣ присоединилъ къ себѣ 2,000 человѣкъ бывшихъ подъ начальствомъ Пиръ-Кули-хана, который, будучи посланъ на помощь ганжинскому хану, узнавъ о паденіи Ганжи, остановился въ Тавризѣ.

Сосредоточивши въ этомъ пунктѣ всѣ свои силы, Аббасъ-Мирза намѣренъ былъ отправить одинъ отрядъ, подъ начальствомъ своего родственника Сулейманъ-хана, къ Шушѣ, а самъ съ главными силами слѣдовать къ Эривани и затѣмъ съ разныхъ сторонъ вторгнуться въ Грузію. Для лучшаго успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ Баба-ханъ разсылалъ фирманы и подарки къ лезгинскимъ владѣльцамъ, шекинскому и шемахинскому ханамъ, приглашая однихъ

и приказывая другимъ быть готовыми для совокупнаго съ нимъ дѣйствія противъ русскихъ.

Властитель Персіи писалъ имъ, что выступитъ изъ Тегерана непремѣнно 10-го апрѣля и намѣренъ слѣдовать къ Ганжѣ и въ Грузію, и что всѣ неповинующіеся его власти будутъ жестоко наказаны. Баба-ханъ грозилъ наказать Ибраимъ-хана шушинскаго за то, что онъ не подкрѣпилъ своими войсками Джевадъ-хана (ганжинскаго) и что не повинуется власти и приказаніямъ повелителя Ирана. Эриванскому и нахичеванскому ханамъ приказано было собрать войско и явиться съ нимъ въ Тавризъ, а въ противномъ случаѣ надѣть на себя крестъ (т. е. принять христіанство) и не оставаться въ своихъ владѣніяхъ. Такое приказаніе смутило обоихъ хановъ. Нахичеванскій Келбъ-Али-ханъ, будучи въ распрѣ и несогласіи съ сыномъ Баба-хана, готовъ былъ скорѣе склониться на сторону Россіи, чѣмъ дѣйствовать заодно съ персидскимъ шахомъ.

— Я человѣкъ слѣпой, говорилъ Келбъ-Али-ханъ, и лучше предаться Россіи, чѣмъ быть у шаха персидскаго, который, овладѣвъ Эриванью, неминуемо долженъ мнѣ отрубить голову.

Мамедъ-ханъ также неохотно исполнялъ повелѣніе Баба-хана. По многимъ причинамъ онъ могъ предполагать, что его приглашаютъ въ Тавризъ для того, чтобы оставить въ этомъ городѣ и свергнуть съ ханства, а быть можетъ и лишить жизни. Предпочитая оставаться въ своихъ владѣніяхъ и предоставить свой жребій будущему, Мамедъ-ханъ укрѣплялъ Эривань и собиралъ всѣхъ жителей въ крѣпость, требуя, чтобы каждый имѣлъ при себѣ: по два литра пороху, одну мѣру свинца и достаточное количество провіанта. Изъ каждой семьи онъ бралъ по одному заложнику, или аманату, съ его женою и дѣтьми, объявляя, что если остальные братья передадутся непріятелю, то находящіеся у него заложники будутъ повѣшены. Онъ также призвалъ къ себѣ патріарховъ Даніила и Давида въ Эривань и отдалъ ихъ обоихъ подъ стражу [1]).

Не довѣряя армянамъ и вообще христіанамъ, Мамедъ-ханъ приказалъ всѣмъ такимъ жителямъ окрестныхъ деревень, чис-

[1]) Рап. Монтрезора кн. Циціанову изъ Караклисса 3-го апрѣля 1804 г. Переводъ разныхъ писемъ полковнику Карягину.

*

ломъ болѣе 2,000 человѣкъ, переселиться временно, до окончанія войны, въ Карскій пашалыкъ. Бѣдные поселяне должны были покинуть свои жилища, свое недвижимое имущество и въ самый короткій срокъ собраться въ дальній путь. Хотя имъ и обѣщано было возвратить всѣ убытки, сопряженные съ подобнымъ переселеніемъ, но они мало разсчитывали на исполненіе данныхъ обѣщаній. Собравшись со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ, навьюченнымъ пожитками, и составивъ одинъ общій караванъ, армяне, 17-го мая 1804 года, отправились въ путь подъ предводительствомъ двухъ своихъ старшинъ, Ованеса и мелика Исаака. Имъ запрещено было приближаться къ русскимъ границамъ и вообще проходить по такимъ мѣстамъ, гдѣ они могутъ быть захвачены нашими войсками. Какъ и слѣдовало ожидать, они не исполнили приказаній хана и направились къ урочищу Абарани, а оттуда черезъ разоренную деревню Алагань перешли въ Памбаки, находившіеся тогда во власти Россіи. Путешествіе ихъ было сопряжено съ большими затрудненіями. При ненастной погодѣ, обремененные семействомъ и неимѣвшіе крова, переселенцы подвергались многимъ лишеніямъ. Преслѣдуемые сначала посланными эриванскаго хана, требовавшаго, чтобы они не входили въ границы русскихъ владѣній, а вернулись назадъ, потомъ настигнутые персіянами, ворвавшимися въ Памбаки, армяне отбивались отъ непріятеля, уходили отъ него, избирали окольные пути, скрывались въ ущельяхъ и труднодоступныхъ мѣстахъ. Въ схваткахъ съ непріятелемъ переселенцы потеряли большую часть своего имущества и, послѣ долгой кочевой и скитальческой жизни, только 10-го сентября достигли до Тифлиса, гдѣ имъ тотчасъ же было отведено мѣсто для поселенія и оказано возможное пособіе для хозяйственнаго устройства [1]).

Такъ совершилось переселеніе въ предѣлы Россіи 2,000 армянъ, удаленныхъ изъ отечества изъ предосторожности, чтобы они, при вторженіи персіянъ въ Эриванское ханство, не перешли на сторону русскихъ. Лишившись столь значительной части своихъ подданныхъ, Мамедъ-ханъ эриванскій заперся въ крѣпости, гдѣ и

[1]) Подробности объ этомъ переселеніи см. газету «Кавказъ» 1850 года, №№ 78 и 79.

ожидалъ приближенія персіянъ. Изъ всѣхъ полученныхъ съ разныхъ сторонъ свѣдѣній можно было вывести то заключеніе, что войска персидскія дѣйствительно собирались, хотя цѣль ихъ сбора не была еще выяснена окончательно. Достовѣрно было только то, что передовой отрядъ порученъ Аббасъ-Мирзѣ, а главныя силы находились подъ начальствомъ самого Баба-хана, надѣявшагося собрать подъ знамена до 60,000 человѣкъ [1]). Цифра эта казалась страшною и пугала многихъ грузинъ, непривыкшихъ къ такому ополченію, которое, по ихъ словамъ, можетъ увлечь «съ собою горы и долы.»

«Не слыхано и не видано такого числа колеблющаго землю войска, писалъ князь Іосифъ Андрониковъ, бывшій при царевичѣ Александрѣ. Съ нами идетъ столько полковъ, что кто бы ни былъ не можетъ имъ противиться. Если только персіяне достигнутъ до нашего отечества, то я думаю, что всю грузинскую землю взроютъ они на девять аршинъ.»

Хотя Грузія осталась невзрытою, но извѣстіе о такомъ огромномъ ополченіи быстро облетѣло все населеніе и казалось ему достовѣрнымъ, судя по письмамъ царевичей Александра и Теймураза, адресованнымъ къ различнымъ лицамъ. Князья Иванъ Орбеліани, Георгій Чавчавадзе, Томазъ Орбеліани и другіе получили одновременно эти письма.

«Ты, паршивый, что тамъ валяешься? спрашивалъ царевичъ Александръ князя Томаза Орбеліани. Въ то же мгновеніе, какъ дойдетъ до тебя это письмо, отправься сюда, къ намъ на встрѣчу, скорѣе. Въ Имеретіи же ты мнѣ говорилъ: «только перейди туда (въ Персію), а затѣмъ ужь я знаю». Вотъ я и перешелъ и цѣлый Иранъ веду съ собою...»

Александръ писалъ, что Баба-ханъ принялъ его такъ милостиво и ласково, какъ никогда и никто изъ шаховъ не принималъ прежнихъ грузинскихъ царей; что за 40 дней до науруза властитель Персіи приказалъ собрать у Тегерана свои войска, сдѣлалъ имъ смотръ и поручилъ большую ихъ часть старшему своему сыну Аббасъ-Мирзѣ, котораго и отправилъ къ Тавризу, а слѣ-

[1]) Переводъ писемъ къ полковнику Карягину.

домъ за нимъ долженъ былъ выступить и самъ съ своими *«подобно морю волнующимися войсками»*. Царевичъ умолялъ грузинъ не противиться шаху, не навлекать его гнѣва и не быть причиною разоренія Грузіи и плѣненія женъ и дѣтей ихъ.

«Вѣдь они (персіяне) не лезгины, прибавлялъ онъ [1]), ихъ не 5,000, не 10,000 и не 20,000 человѣкъ. Кандагаръ и выше Кандагара весь Иранъ идетъ туда. Богъ то вѣдаетъ, что они должны либо истребиться тамъ, либо выгнать оттуда русскихъ... Войска слѣдуютъ двумя корпусами, при одномъ будетъ самъ шахъ, при другомъ шахъ-задэ (Аббасъ-Мирза); одинъ пойдетъ карабагскою дорогою, другой на Гокчу...»

Царевичъ увѣрялъ князей, что если бы русскихъ было въ Грузіи даже 60,000, то и тогда персіяне истопчутъ ихъ всѣхъ копытами лошадей своихъ. Угрозы, напоминаніе родственныхъ связей, семейнаго родства, подкупы и разнаго рода интриги были пущены въ ходъ съ цѣлію взволновать Грузію и поднять ее противъ Россіи.

«Любезный братецъ Асланъ Орбеліановъ! писалъ царевичъ Теймуразъ [2]). Что тебѣ, балагуру, сдѣлалось, что тебя не могъ я отдѣлить отъ дѣтей, вѣдь у тебя и тѣхъ отняли и отвезли въ Россію. Чего ты ищешь въ Тифлисѣ? Правда, жена у тебя очень красива, не отлучайся отъ нея. Ты смѣялся надо мною, но я уѣхалъ оттуда; веду теперь шаха, сына его и весь Иранъ, а ты изъ дому не можешь вылѣзть за двери, *ты шаршавый!*»

Царевичи приглашали князей оставить Тифлисъ и соединиться съ ними. Они прислали фирманъ шаха къ тифлисскимъ гражданамъ. «Отправь его къ нимъ, какъ слѣдуетъ и какъ знаешь, писалъ царевичъ Александръ Томазу Орбеліани [3]), чтобы всѣ знали государевъ приказъ. Ты получишь письмо и отъ мирзы Шефи; будь увѣренъ, что и отъ государя получишь великую милость, и нашъ домъ сдѣлается твоимъ.»

---

[1]) Письмо царевичей Александра и Теймураза къ князьямъ Мухранскимъ 29-го марта 1804 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 159, № 287.

[2]) Письмо отъ 12-го мая 1804 года. Тифлис. Арх.

[3]) Письмо князю Томазу Орбеліани 21-го мая. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 163.

Не ограничиваясь одними письмами, царевичъ Александръ послалъ въ Ахалцыхъ и въ Эривань своихъ эмиссаровъ, съ тѣмъ, чтобы они пробрались въ Имеретію къ находившимся тамъ царевичамъ и потомъ, разъѣхавшись по разнымъ частямъ Грузіи, подговорили грузинскихъ князей и дворянъ содѣйствовать Александру, когда онъ съ персидскими войсками перейдетъ черезъ рѣку Араксъ. Царевичъ приглашалъ лезгинъ къ совокупному дѣйствію съ персіянами, а Аббасъ-Мирза отправилъ прокламацію къ казахскимъ агаларамъ, въ которой писалъ, что идетъ на невѣрныхъ, «*позабывшихъ ударъ мечей побѣдоносныхъ персидскихъ воиновъ*». Увѣряя, что пока не истребитъ русскихъ, другимъ дѣломъ заниматься не будетъ, наслѣдникъ персидскаго престола приглашалъ казаховъ нападать на наши войска, пресѣчь имъ пути отступленія и «*сдѣлавшись бѣлолицыми*» удостоиться милостей Баба-хана [1]).

Не придавая особеннаго значенія этимъ воззваніямъ, князь Цiціановъ былъ вполнѣ увѣренъ, что всѣ князья, пользующіеся вліяніемъ въ народѣ, останутся преданными русскому правительству и не испугаются угрозъ царевичей [2]). Онъ приказалъ только задерживать возмутителей и сталъ готовиться къ встрѣчѣ съ непріятелемъ.

XVIII.

Движеніе къ Эривани.—Составъ войскъ.—Эчміадзинское сраженіе.—Занятіе предмѣстья и садовъ Эривани.—Обложеніе крѣпости.—Переговоры съ эриванскимъ ханомъ.—Отраженіе атаки персидскихъ войскъ.—Подданство хана хойскаго.—Недостатокъ въ продовольствіи.—Состояніе блокирующаго отряда.

При первомъ извѣстіи о сборѣ персіянъ у Тавриза князь Цiціановъ стянулъ войска къ границамъ нашихъ владѣній съ Персіею. Тифлисскій полкъ былъ отправленъ въ Сомхетію; причемъ генералъ-маіору Леонтьеву, съ баталіономъ его имени, приказано расположиться въ Памбакахъ. Находившійся въ Елисавет-

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1096.

[2]) Рапортъ князя Цiціанова Г. И. 29-го мая 1804 года. Предпис. его генералъ-маіору князю Орбеліани 12-го мая 1804 года.

полѣ полковникъ Карягинъ съ двумя баталіонами 17-го егерскаго полка, въ которыхъ, впрочемъ, было не болѣе 582 человѣкъ нижнихъ чиновъ [1]), былъ усиленъ баталіономъ Севастопольскаго мушкетерскаго полка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полковнику Карягину приказано собрать изъ шамшадыльскихъ татаръ конныхъ охотниковъ, которыхъ и имѣть при себѣ, точно такъ же какъ и армянъ, на которыхъ можно положиться [2]). Для большей безопасности елисаветпольскихъ жителей, князьЦиціановъ приказалъ отправить всѣхъ женъ съ ихъ семействами въ Шамшадыль, гдѣ и поручить надзоръ за ними надежному офицеру.

Съ одной стороны, желая принудить эриванскаго хана къ возстановленію Даніила на патріаршемъ престолѣ, а съ другой предохранить жителей отъ разоренія персіянами, князь Циціановъ рѣшился дѣйствовать наступательно и перенести всю тяжесть войны за границы нашихъ владѣній. Не имѣя въ своемъ распоряженіи подвижнаго магазина, главнокомандующій приказалъ нарядить 200 арбъ (повозокъ), поровну изъ уѣздовъ Лорійскаго, Горійскаго и Телавскаго, которыя и отправить къ 20-му мая въ Тифлисъ для нагрузки провіантомъ [3]). Грузинскимъ князьямъ и дворянамъ объявлено, что желающіе могутъ слѣдовать съ русскимъ отрядомъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы имѣли запаса продовольствія по крайней мѣрѣ на шесть недѣль; чтобы за это не ожидали ни чиновъ, ни особыхъ награжденій, а побуждались однимъ усердіемъ къ службѣ. «Однако же, писалъ главнокомандующій [4]), отличившіеся изъ нихъ всеконечно будутъ удостоены всемилостивѣйшаго Государя Императора воззрѣнія.»

Всѣ предварительныя распоряженія князя Циціанова и движеніе нашихъ полковъ къ границамъ не ускользнули отъ вниманія хановъ эриванскаго и нахичеванскаго, поставленныхъ теперь между

---

[1]) Рапорты полковника Карягина отъ 12-го, 14-го и 19-го апрѣля 1804 года, за №№ 81, 82 и 90. Тифл. Арх. Глав. Штаба Кавк. Арміи, дѣло № 3.

[2]) Предписаніе князя Циціанова полковнику Карягину 17-го апрѣля. Тамъ же.

[3]) Уѣзды Сигнахскій и Ананурскій были избавлены отъ этого наряда, первый потому, что исполнялъ такой же нарядъ во время экспедиціи въ Джаро-Бѣлоканы, а второй несъ эту повинность при проходѣ различныхъ командъ и войскъ изъ Россіи.

[4]) Князю Шанше Эристову 18-го мая 1804 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1225.

двухъ огней, одинаково для нихъ опасныхъ. Мамедъ-ханъ понималъ, однако же, что, подчинившись требованію русскаго правительства, онъ можетъ еще разсчитывать на его великодушіе, тогда какъ со стороны Баба-хана онъ долженъ ожидать всѣхъ бѣдствій: разоренія владѣній, лишенія имущества или ханства, а пожалуй и самой жизни. Казалось бы, нечего было колебаться въ выборѣ пути къ спасенію; но Мамедъ-ханъ, все еще желавшій сохранить независимость, не имѣлъ чистосердечнаго желанія подчиниться Россіи и обманомъ хотѣлъ получить то, чего достигаютъ только искренней преданностью. При первомъ извѣстіи о приближеніи персидскихъ войскъ къ границамъ его владѣній, Мамедъ-ханъ такъ струсилъ, что готовъ былъ согласиться на всѣ наши требованія. Онъ написалъ самое покорное письмо князю Цицiанову, на которое главнокомандующій отвѣчалъ повтореніемъ прежнихъ требованій. «Хотя я, писалъ князь Цицiановъ, къ шурагельскому Будагъ султану отнесся, что, *гнушаясь вашимъ поведеніемъ и письмомъ,* не отвѣчаю на ваше письмо, но дабы вы не имѣли причины тогда, когда постигнетъ васъ несчастный жребій, сказать, что вы искали во мнѣ, но я былъ непреклоненъ—оставивъ то, что, какъ я слышу ко мнѣ пославъ, вы и къ Баба-хану послали своего ахунда,—отвѣтствую коротко.

«Никакихъ словесныхъ пересказываній я не принимаю для того, что всякій персидскій ханъ можетъ отъ нихъ послѣ отказаться, чему были примѣры. Ни въ какіе переговоры я не войду, покамѣстъ вы не пришлете Давида, называющагося патріархомъ, и доколѣ не возгласите Даніила патріархомъ по повелѣнію его императорскаго величества всемилостивѣйшаго моего Государя.»

При этомъ главнокомандующій требовалъ присылки письма хана, за его печатью, въ томъ, что онъ согласенъ исполнить слѣдующія требованія: 1) въ Эриванской крѣпости поставить русскія войска, «а вамъ вольно будетъ гдѣ хотите жить, въ крѣпости или внѣ оной»; 2) признать россійскаго Императора своимъ государемъ и присягнуть ему на вѣрность; 3) давать дани по 80,000 рублей въ годъ.

При исполненіи этихъ требованій главнокомандующій обѣщалъ хану оставленіе его въ прежнихъ правахъ и преимуществахъ,

кромѣ права на смертную казнь его подвластныхъ, и объявилъ, что Мамеду будетъ дана высочайшая грамота на ханское достоинство, обезпечено имущество, защищены его владѣнія отъ непріятельскихъ вторженій и наконецъ употреблено все стараніе къ возвращенію изъ Персіи ханскаго семейства, взятаго Баба-ханомъ въ залогъ вѣрности эриванскаго хана.

«Вотъ послѣднія мои слова, прибавлялъ князь Цыціановъ; вотъ вамъ дорога благая; буде не по ней пойдете, не я виноватъ буду въ вашей погибели.»

Мамедъ-ханъ не соглашался на введеніе въ Эривань русскихъ войскъ, опасаясь, по своимъ воззрѣніямъ, что будетъ лишенъ ханства, и писалъ, что во всемъ остальномъ онъ готовъ исполнить требованіе главнокомандующаго. Родственникъ эриванскаго хана Келбъ-Али-ханъ нахичеванскій просилъ также князя Цыціанова уменьшить требованіе и не вводить въ Эривань русскаго гарнизона.

«Буде ни крѣпости, ни аманата не согласенъ Мамедъ-ханъ дать, писалъ князь Цыціановъ [1]), въ чемъ же мою волю онъ исполнитъ и чему мнѣ будетъ вѣрить?.. Буде онъ Персію считаетъ сильнѣе Россіи, то пусть ей покорится, а мнѣ все равно у Бабахановыхъ-ли войскъ или у Мамедъ-хана взять крѣпость.

«Впрочемъ, воля его или все сіе принять и прислать Давида, называющагося патріархомъ, въ знакъ, что на все согласенъ, и тогда дѣло окончу, продолжая путь съ войсками для обороны Эривани отъ всѣхъ ея враговъ, а паче Баба-хана сердаря войска, и пройду брать Нахичевань. Переговоры же начинать поздно, и время золотое не ждетъ. Клянусь вамъ живымъ Богомъ, скорѣе солнце оборотится назадъ, въ Каспійскомъ морѣ не будетъ воды, нежели походъ мой отмѣнится. Разница только та, что или пріиду какъ братъ спасать брата, или какъ врагъ наказать дерзающаго противиться велѣнію Государя государей, подобно Джевадъ-хану ганжинскому».

Отправивши письма къ обоимъ ханамъ, князь Цыціановъ поручилъ находившемуся съ баталіономъ въ Памбакахъ маіору Мон-

---

[1]) Хану нахичеванскому отъ 5-го мая 1804 года.

трезору, въ случаѣ согласія Мамедъ-хана исполнить наши требованія, отправиться въ Эривань и вручить хану высочайшую грамоту, присланную еще при генералѣ Кноррингѣ относительно возведенія Даніила на патріаршій престолъ. Тогда генералъ-маіоръ Леонтьевъ долженъ былъ съ двумя баталіонами двинуться къ Эчміадзинскому монастырю для препровожденія Даніила, а самъ князь Циціановъ думалъ пойти къ Эривани для утвержденія Мамедъ-хана въ ханскомъ достоинствѣ и для принятія отъ него присяги.

Мамедъ-ханъ молчалъ и не давалъ никакого отвѣта до тѣхъ поръ, пока персидскія войска не появились въ 25-ти верстахъ отъ Эривани и черезъ его владѣнія не проѣхалъ въ Тифлисъ посланный перваго визиря Баба-хана съ письмомъ къ князю Циціанову. Тогда эриванскій ханъ прислалъ къ Монтрезору своихъ довѣренныхъ съ увѣреніемъ въ своей преданности Россіи и съ просьбою защитить его отъ персіянъ, но не требовать выдачи патріарха Давида и не вводить русскій гарнизонъ въ Эриванскую крѣпость. Оставивши посланныхъ Мамедъ-хана при себѣ, Монтрезоръ, по согласію съ ними, отправилъ ночью въ Эривань письмо, въ которомъ требовалъ исполненія условій безъ всякихъ ограниченій и просилъ хана, въ случаѣ его согласія, сопротивляться персіянамъ сколько возможно и увѣдомить о числѣ войскъ Аббасъ-Мирзы и царевича Александра [1]).

Мамедъ-ханъ не далъ и на этотъ разъ никакого отвѣта, а между тѣмъ въ Тифлисъ прибылъ персидскій чиновникъ Якубъ-бекъ, который и вручилъ князю Циціанову письмо мирзы Шефи, перваго визиря Баба-хана. Стращая многочисленностію персидскихъ войскъ, готовыхъ вступить въ Грузію, мирза совѣтовалъ князю Циціанову оставить эту страну и вывести оттуда русскія войска. Мирза Шефи писалъ, что повелитель Персіи до сихъ поръ терпѣлъ пребываніе князя Циціанова въ Тифлисѣ только потому, что былъ увѣренъ, что онъ присланъ для производства торговли. Но теперь, когда увидалъ, что русскіе *протягиваютъ руку притѣсненія* въ предѣлы Ганжи и Дагестана, шахъ отправилъ противъ нихъ своего сына и наслѣдника, а за нимъ слѣдуетъ и самъ.

---

[1]) Рап. Монтрезора кн. Циціанову 3-го іюня 1804 г., № 103.

«Если вы, писалъ мирза Шефи [1]), имѣете завоевательныя намѣренія, то просимъ удержаться на своемъ мѣстѣ для того, чтобы быть очевидцемъ той участи, которая васъ постигнетъ. По вспомоществованію всемогущаго Бога, другъ и недругъ будутъ свидѣтелями, какія по рѣкѣ Курѣ головы безъ тѣла, изъ двухъ воинствъ, какъ пузыри будутъ плавать и какія тѣла на Каспійскомъ морѣ приливомъ и отливомъ будутъ прибиваемы и отбиваемы отъ берега: капища-ли идоловъ (христіанъ) будутъ сокрушены или мечети мусульманъ, ризы-ли монаховъ останутся безъ хозяевъ или мечи побѣдоносцевъ будутъ блестѣть.»

Князь Циціановъ принялъ посланнаго весьма холодно и даже грубо. Онъ сказалъ персіянину, что не боится угрозъ его повелителя, котораго знаетъ за человѣка, неспособнаго ни къ какимъ дѣйствіямъ; что персіяне скоро узнаютъ силу русскаго оружія, а онъ, князь Циціановъ, изъ того драгоцѣннаго камня, который персидскіе шахи носятъ на рукахъ выше локтя, вмѣсто короны, сдѣлаетъ заднюю пряжку къ своему исподнему платью. На дерзкое же и исполненное хвастовства письмо мирзы Шефи главнокомандующій отвѣчалъ требованіемъ выдать царевичей Александра и Теймураза.

«Письмо ваше, писалъ князь Циціановъ мирзѣ Шефи [2]), писанное и поднесенное мнѣ Якубъ-бекомъ, такого несоотвѣтственнаго слога недостойно Богомъ вознесенной имперіи, ни моему званію, ни благонравію и воспитанію, отдѣляющему человѣка отъ безсловесной твари, что недостойно инаго отвѣта, какъ мечомъ и пламенемъ начертаннаго, буде стращающіе въ самомъ дѣлѣ, по словамъ письма, прійдутъ на Куру составить тѣлами своими наподобіе валовъ насыпаться имѣющія возвышенія.

«Буде же вы, блага Персіи желая, опомнитесь и помыслите, что тѣмъ, кои привыкли побѣждать во всѣхъ краяхъ свѣта, не могутъ быть страшны ни пустовеликолѣпныя угрозы, ни войска персидскія, многочисленныя на подобіе морскаго песка и воюющія перьями, а не мечомъ; буде штыки моихъ дѣтей вамъ не нравятся,

---

[1]) Кн. Циціанову въ письмѣ, полученномъ 23-го мая. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 807, № 1665.

[2]) Отъ 27-го мая 1804 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—13, 1801—10, № 5.

пришлите ушедшихъ изъ Грузіи царевичей Александра и Теймураза грузинскихъ, раздиравшихъ Грузію междоусобною бранью, и тогда-то миръ настанетъ, и кровію персіянъ не намочены будутъ обильныя нивы.

«Впрочемъ, воля ваша! Призываю васъ, буде въ состояніи испытать несмѣтную свою силу съ высокославнымъ и непобѣдимымъ оружіемъ его императорскаго величества, всемилостивѣйшаго Государя моего. Я васъ на Курѣ и на Гогчѣ, по словамъ писемъ царевичей, въ моихъ рукахъ находящихся, готовъ принять штыками и ядрами.»

Полагая, что главнѣйшею цѣлью присылки Якубъ-бека было собраніе свѣдѣній о числѣ русскихъ войскъ и вообще о положеніи нашемъ въ Грузіи, князь Циціановъ воспользовался тѣмъ, что войска, назначенныя въ экспедицію, собирались въ восьми верстахъ отъ Тифлиса, въ м. Саганлугѣ, и приказалъ имъ слѣдовать разновременно черезъ столицу Грузіи [1]).

— Стройные полки эти, говорилъ главнокомандующій, показывая ихъ Якубъ-беку, завтра же выступаютъ въ предѣлы Персіи; скажите о томъ своему повелителю шаху.

— Войска эти, отвѣчалъ персіянинъ, не устрашатъ шаха, готоваго встрѣтить непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ.

Князь Циціановъ, не ожидая столь смѣлаго отвѣта, предложилъ послу поспѣшить отъѣздомъ и въ тотъ же день оставить Тифлисъ [2]).

31-го мая почти всѣ войска собрались въ Саганлугѣ: Кавказскій гренадерскій полкъ пришелъ туда 29-го, Саратовскій мушкетерскій полкъ 30-го мая, а 31-го числа прибыли три эскадрона Нарвскаго драгунскаго полка и 300 казаковъ.

Относительно состоянія этихъ полковъ князь Циціановъ доносилъ, что Кавказскій гренадерскій полкъ «не въ благовидномъ состояніи». О Саратовскомъ полку писалъ, что онъ «такъ выправленъ и поставленъ въ одну фигуру, такъ равно и одѣтъ, такой корпусъ офицеровъ имѣетъ, что я мало ему подобныхъ полковъ ви-

[1]) Всеподд. донес. кн. Циціанова 30-го мая 1804 г.

[2]) Изъ записокъ генер.-лейтен. Карпенко. Воен. Учен. Архивъ, д. № 2416, папка 13.

далъ. Обозъ, лошади въ удивительно хорошемъ состоянiи, не смотря, что перешелъ съ линiи черезъ ущелья по столь трудной дорогѣ. Севастопольскiй же полкъ, при томъ же походѣ, привелъ обозъ и лошадей въ весьма плохомъ состоянiи, а для солдатъ надо было отпустить 500 руб. для откармливанiя мясомъ». Эскадроны Нарвскаго драгунскаго полка пришли также въ хорошемъ состоянiи. «Попечительность шефа сего полка, генералъ-маiора Портнягина, доносилъ главнокомандующiй, превышаетъ всякое изъясненiе, ибо лошади, кормленныя мякиною, черезъ всю зиму въ наилучшемъ тѣлѣ. Люди по новому штату одѣты такъ, какъ одинъ человѣкъ. Сидятъ такъ крѣпко, какъ азiятцы. А притомъ хозяйственная часть въ лучшемъ порядкѣ. И тогда, когда я промедлилъ здѣсь отъ заготовленiя сухарнаго провiанта на мѣсяцъ, онъ пришелъ съ 20-ти-дневнымъ (запасомъ) онаго.»

Все число войскъ, которыми могъ располагать князь Цицiановъ для дѣйствiя противъ персiянъ, простиралось до 4,080 человѣкъ строевыхъ чиновъ, въ томъ числѣ пѣхоты 3,413, кавалерiи 667 человѣкъ и двѣнадцать орудiй [1]). Сверхъ того, по приглашенiю князя Цицiанова, при отрядѣ находились грузинскiе князья и дворяне съ ихъ людьми, составлявшими около 300 человѣкъ всадниковъ.

При первомъ взглядѣ казалось бы трудно было, съ такою горстью людей рѣшиться дѣйствовать наступательно противу сорока

[1]) По строевому рапорту въ отрядѣ состояло:

	Штабъ-офиц.	Оберъ-офиц.	Унтеръ-офиц.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.
Кавказскаго гренадерскаго полка	4	42	103	53	1,030	195
Саратовскаго мушкетерскаго полка	3	36	96	46	1,026	153
Тифлисскаго мушкетерскаго полка	5	31	60	28	565	84
9-го егерскаго полка	3	25	52	21	481	82
Итого	15	134	311	148	3,102	514
Нарвскаго драгунскаго полка	3	15	38	10	320	40
Казаковъ линейныхъ	—	5	20	—	289	—
Итого	3	20	58	10	609	40
Артиллеристовъ	1	9	19	—	235	67
	19	163	388	158	3,946	621

тысячъ персидскихъ войскъ, но, всмотрѣвшись хорошенько, мы увидимъ, что вести войну оборонительную было еще труднѣе, потому что при оборонѣ князь Циціановъ не могъ удержать персіянъ отъ вторженія въ Грузію. За исключеніемъ отряда, составленнаго для экспедиціи противу Эривани, какъ мы видѣли выше, не представлялось возможности тронуть ни одной роты, а между тѣмъ для того, чтобы съ успѣхомъ вести оборонительную войну, и обезпечить отъ вторженія персіянъ тогдашнія наши владѣнія въ Закавказскомъ краѣ, необходимо было занять, по крайней мѣрѣ, четыре главные пункта: поставить сильный отрядъ въ Сомхетіи, для воспрепятствованія входа въ Шурагельскую провинцію; занять на Абаранѣ входъ въ Памбаки; прикрыть Делижанское ущелье при входѣ въ Казахскую дистанцію; завладѣть позиціею на Кербулахѣ, и наконецъ, необходимо было значительно усилить елисаветпольскій гарнизонъ. Къ тому же всѣ эти посты должны были имѣть самостоятельную оборону, такъ какъ раскинутые, на большомъ разстояніи другъ отъ друга и на гористыхъ мѣстахъ, они были лишены взаимной поддержки. Слѣдовательно, наступательное движеніе вызывалось необходимостью, и должно было быть произведено ранѣе чѣмъ персіяне успѣютъ подойти къ нашимъ границамъ.

Торопясь выступить въ походъ, князь Циціановъ, для ускоренія и облегченія перехода черезъ болотистыя и горныя мѣста, приказалъ Кавказскому гренадерскому полку выступить двумя днями ранѣе остальныхъ войскъ и слѣдовать къ соединенію рѣкъ Арпачая съ Зангою, на Шурагельской равнинѣ. Ко дню прибытія туда полка приказано было присоединиться къ нему генералъ-маіору Леонтьеву съ гренадерскимъ баталіономъ Тифлисскаго полка изъ Лори и мушкетерскимъ баталіономъ того же полка изъ Памбакъ [1]).

«Полкъ мой, пишетъ Тучковъ, посланъ былъ впередъ. Князь Циціановъ не придалъ къ оному не только части кавалеріи, но даже нѣсколькихъ казаковъ, не взирая на то, что я составлялъ авангардъ его корпуса. Никакихъ положительныхъ приказаній я не получилъ даже и въ случаѣ встрѣчи съ персіянами, что могло поста-

[1]) Письмо кн. Циціанова отъ 12-го іюня 1804 г. «Славянинъ» 1827 г., ч. II, 349.

вить меня въ большое затрудненіе. Явнаго разрыва съ ними не было и никакого объявленія о войнѣ съ сею державою. Всѣ его приказанія заключались въ томъ, чтобы, дойдя съ полкомъ моимъ до соединенія рѣкъ Арпачая съ Зангою, ожидать прибытія главныхъ силъ Циціанова.»

Чрезъ два перехода Тучковъ вступилъ въ предѣлы Арменіи. На шестой день похода, близъ урочища Карагачъ явились къ нему въ лагерь два татарина съ письмомъ отъ генералъ-маіора Леонтьева, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что князь Циціановъ предписалъ ему съ двумя баталіонами Тифлисскаго полка соединиться съ Кавказскимъ гренадерскимъ полкомъ на рѣкѣ Арпачаѣ и потому онъ спрашивалъ, скоро-ли Тучковъ прибудетъ на эту рѣку. Посланные въ то же время показали, что они едва могли доѣхать по причинѣ разъѣзжающихъ повсюду персидскихъ партій.

Вслѣдъ затѣмъ къ Тучкову прискакали два казака съ новымъ письмомъ генералъ-маіора Леонтьева, въ которомъ онъ писалъ, что со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелемъ и не можетъ оставить крѣпкой позиціи въ горахъ до предстоящаго соединенія. Казаки говорили, что въ виду отряда Леонтьева находится до 20,000 персіянъ; что множество армянскихъ и татарскихъ семействъ удалились изъ Эриванской области, и что всѣ ущелья Пампакскихъ горъ наполнены переселенцами.

Торопясь соединиться съ Леонтьевымъ, генералъ-маіоръ Тучковъ выступилъ далѣе и, спускаясь съ высокихъ горъ на обширную долину, орошаемую небольшою рѣчкою Арпачаемъ, замѣтилъ въ горахъ палатки отряда генерала Леонтьева. Три пушечные выстрѣла были сигналомъ, по которому Леонтьевъ снялся съ позиціи.

Персидская конница, разсыпавшись по всѣмъ направленіямъ, слѣдила между тѣмъ за движеніемъ обоихъ отрядовъ, что и было замѣчено нашими войсками. Построясь въ каре, Тучковъ пошелъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ на назначенное мѣсто, при соединеніи рѣки Арпачая съ Зангою. Вскорѣ услышанъ былъ барабанный бой и отряда Леонтьева, и часа черезъ три оба отряда соединились. Отрядъ Леонтьева состоялъ изъ двухъ баталіоновъ Тифлисскаго полка, 4-хъ орудій, 70-ти казаковъ и до 100 вооору-

женныхъ конныхъ армянъ. Сіи послѣдніе были слуги двухъ находящихся при Леонтьевѣ армянскихъ архіепископовъ.

Не имѣя отъ князя Ціціанова никакихъ повелѣній и не зная что предпринять, Тучковъ и Леонтьевъ ограничились тѣмъ, что стали въ оборонительное положеніе и выставили передовые посты.

Между тѣмъ прибывшій въ лагерь архіерей объявилъ имъ, что цѣлый караванъ армянскихъ семействъ, удалявшихся изъ Персіи, для переселенія въ Грузію и вступленія въ подданство Россіи, находится въ недальнемъ разстояніи отъ отряда, и что видѣнный корпусъ персидскихъ войскъ пришелъ съ намѣреніемъ возвратить ихъ обратно или, если найдутъ въ томъ препятствіе, то истребить ихъ. Такимъ образомъ, для армянскихъ семействъ было теперь одно только спасеніе, немедленное дѣйствіе нашихъ войскъ для ихъ защиты. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ прискакалъ изъ персидскаго лагеря плѣнный грузинъ, спасшійся отъ преслѣдованія вплавь чрезъ рѣку. Онъ объявилъ, что видимое нами войско состоитъ изъ 8-ми тысячъ отборной персидской конницы, что въ лагерѣ непріятеля находятся царевичи Александръ и Теймуразъ, Шерифъ-паша и сардарь Мехти-Кули-ханъ; что бѣжавшій служилъ при немъ въ должности кафеджи и хотѣлъ воспользоваться прибытіемъ войскъ нашихъ, чтобы освободиться изъ неволи и возвратиться въ свое отечество.

Получивъ хотя приблизительное свѣдѣніе о числѣ непріятеля и желая спасти армянъ, генералъ-маіоръ Тучковъ рѣшился атаковать персіянъ съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Ночью на лагерномъ мѣстѣ устроенъ былъ вагенбургъ, съ прикрытіемъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ подъ общимъ начальствомъ маіора Осипова. «Рано утромъ 10-го іюня отрядъ выступилъ двумя колоннами, имѣя около 1,800 человѣкъ пѣхоты, восемь орудій, всѣхъ казаковъ и конныхъ грузинъ, прибывшихъ съ генераломъ Леонтьевымъ [1])».

Первая колонна шла на нѣкоторомъ разстояніи отъ второй, такъ что голова послѣдней была на одной линіи съ хвостомъ первой.

---

[1]) Записки Тучкова (рукопись).

Лишь только персіяне открыли движеніе Тучкова, они быстро спустились съ высотъ и близъ разоренной деревни Кара-Килиса окружили его со всѣхъ сторонъ небольшими партіями. Обѣ колонны тотчасъ построились въ каре и перекрестными выстрѣлами и сильнымъ картечнымъ огнемъ заставили непріятеля отступить съ урономъ. Пройдя двѣ версты за деревню Кара-Килисъ, отрядъ встрѣтилъ главныя силы непріятеля, расположеннаго на окрестныхъ холмахъ тремя толпами. Замѣтивъ приближеніе нашихъ войскъ и пользуясь своей многочисленностью, персіяне бросились въ атаку, но встрѣченные сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, они должны были опять отступить и занять сначала впереди лежащія высоты, а потомъ остановиться на возвышеніи при урочищѣ Гумри. Передъ этою горою, на высотѣ, отдѣленной лощиною, остановился и нашъ отрядъ. Лощина эта имѣла небольшую рѣчку, и необходимость добыванія воды для обѣихъ сторонъ поддерживала перестрѣлку.

Замѣтивъ, что за курганомъ, никѣмъ незанятымъ и лежавшимъ между непріятелемъ и нашею позиціею, спускались персіяне къ рѣчкѣ небольшими толпами, и сбирались въ лощинѣ, Тучковъ приказалъ занять тотъ курганъ казаками. Непріятель сталъ соединять свои силы противъ кургана, что и заставило Тучкова усилить этотъ постъ и послать туда 300 человѣкъ пѣхоты при одномъ орудіи. Желая непремѣнно овладѣть курганомъ, персіяне со всѣми своими силами спустились съ высотъ и двинулись въ атаку. Тогда Тучковъ самъ выступилъ на встрѣчу непріятелю и, замѣтивъ при этомъ, что мимо кургана, по узкому ущелью, окруженному съ обѣихъ сторонъ утесистыми горами, пролегаетъ дорога въ непріятельскій лагерь, онъ, оставивъ курганъ собственной защитѣ, поспѣшилъ занять ущелье съ тѣмъ, чтобы отрѣзать персіянамъ единственный путь отступленія. Завязалось жаркое дѣло; персіяне покушались пробиться сквозь наши два каре, слѣдовавшія одно за другимъ чрезъ дефиле, но, не успѣвъ въ томъ, съ трудомъ возвратились на окружающія горы и спѣшили соединиться въ своемъ лагерѣ. Наши войска атаковали непріятеля, выбили его изъ лагеря и заставили совершенно скрыться.

Тучковъ успѣлъ отбить до 100 армянскихъ семействъ, нахо-

дившихся въ плѣну у персіянъ и захватилъ множество лошадей, рогатаго скота и разныхъ военныхъ и жизненныхъ припасовъ. Число оставленныхъ непріятелемъ убитыхъ на мѣстѣ простиралось до ста человѣкъ; съ нашей стороны потери не было [1]).

Въ то время, когда все это происходило, главнокомандующій шелъ съ остальнымъ отрядомъ по слѣдамъ Тучкова. Слышанные впереди выстрѣлы заставили князя Цицiанова сдѣлать два послѣдніе перехода усиленными, такъ что 12-го іюня онъ прибылъ въ урочище Гумри, въ той же Шурагельской степи лежавшее, гдѣ и соединился съ отрядомъ генералъ-маіора Тучкова.

Въ Гумри прибыли къ князю Цицiанову посланные отъ Джафаръ-Кули-хана хойскаго оставившаго свои владѣнія. Джафаръ, по своему уму и храбрости повелѣвалъ нѣкогда всѣмъ Адербейджаномъ, но впослѣдствіи оклеветанный приближенными Баба-хана и опасаясь его мщенія, оставилъ ханство и жилъ близъ турецкой границы во владѣніяхъ своего родственника, эриванскаго хана. Въ концѣ 1803 года Джафаръ искалъ русскаго подданства, и князь Цицiановъ, къ которому онъ обращался съ просьбою, не лишалъ его надежды, видя въ такомъ желаніи существенную пользу для дѣлъ тамошняго края.

Посланные Джафара просили главнокомандующаго дозволить ихъ хану присоединиться къ войскамъ вмѣстѣ съ нѣсколькими всадниками, оставшимися ему вѣрными. Князь Цицiановъ, съ охотою принимая самого хана, требовалъ отъ него письменнаго обязательства въ томъ, что онъ будетъ отвѣчать за вѣрность своихъ людей и запретитъ имъ заниматься грабежомъ [2]). «Русскіе воины, писалъ главнокомандующій Джафару, имѣютъ за правило бить своего непріятеля когда нужно, но не разорять его, ибо россіяне не умѣютъ, побѣдивши непріятеля, не присоединять землю его къ своему государству и, слѣдовательно, собственность свою всякій обязанъ сохранять.»

Не успѣлъ князь Цицiановъ отправить посланныхъ бывшаго хана хойскаго, какъ къ нему явились такіе же отъ Мамедъ-хана

[1]) Записки Тучкова (рукопись). Рапортъ его же кн. Цицiанову отъ 11-го іюня 1804 г. «Славянинъ» 1827 г., ч. II, стр. 351—352.

[2]) Письмо кн. Цицiанова хану хойскому 13-го іюня 1804 г.

*

эриванскаго, съ изъявленіемъ готовности служить русскому Императору и съ вопросомъ, останется ли главнокомандующій въ Гумри или пойдетъ далѣе?

«Я не затѣмъ пришелъ, отвѣчалъ князь Циціановъ [1]), чтобы стоять подъ Гумрами, а затѣмъ, чтобы взять Эривань. Вы говорите въ письмѣ, чтобы требовалъ вашихъ услугъ, а я требую отъ васъ крѣпости со всѣми военными снарядами, и божусь вамъ живымъ Богомъ, въ коего исповѣдую, что вашему высокостепенству другой дороги нѣтъ къ спасенію, какъ, по приближеніи моемъ въ крѣпости, встрѣтить меня, вынесть ключи мнѣ и предаться священной волѣ всемилостивѣйшаго и великаго моего Государя Императора. Тогда все ваше счастіе возвѣщу я вамъ священнымъ именемъ его императорскаго величества, Богомъ вознесенной Имперіи Государя. Вотъ одна дорога вамъ къ вашему благосостоянію; впрочемъ, воля ваша. Притомъ долженъ я получить, по прибытіи моемъ къ Эчміадзину, пословъ отъ васъ, изъ почетныхъ, съ письменнымъ увѣреніемъ и объявленіемъ, что вы готовы при приближеніи моемъ вынести ключи отъ крѣпости, для поднесенія его императорскому величеству всемилостивѣйшему моему Государю Императору, а потомъ и сдадите оную, равно какъ и всѣ орудія и всѣ снаряды нашему гарнизону. Не могу умолчать передъ вашимъ высокостепенствомъ, что уже *персидской политикѣ и вывертками не время*. Или милости и пощады просите, или ждите жребія Джевадъ-хана (ганжинскаго), чего бы я вамъ не желалъ, но если поупорствуете одинъ день, то я покажу, что я даромъ или безполезно съ непобѣдимыми войсками ходить не умѣю.»

Поручивъ авангардъ генералъ-маіору Тучкому, а аріергардъ генералъ-маіору Леонтьеву, князь Циціановъ выступилъ 15-го іюня изъ лагеря при мѣстечкѣ Гумри и на пути получилъ новое письмо эриванскаго хана, въ которомъ тотъ высказывалъ свою радость по случаю приближенія русскихъ войскъ къ его границамъ и прибавлялъ, что посылаетъ въ главную квартиру довѣреннаго своего Касимъ-бека, «дабы онъ, находясь при вашемъ

---

[1]) Хану отъ 14-го іюня 1804 г.

сіятельствѣ, могъ быть путеводителемъ и показывать вездѣ мѣста и дороги.»

Такая любезность была принята съ должною цѣною. Оставивши до времени при себѣ Касимъ-бека, князь Цицiановъ отправилъ хану небольшую записку, въ которой повторилъ, что все его счастіе зависитъ отъ исполненія прежнихъ требованій, и не ожидая отвѣта продолжалъ свое движеніе къ Эривани.

19-го іюня отрядъ подошелъ къ Эчміадзинскому монастырю, сдѣлавши усиленный и весьма утомительный переходъ въ 44 версты. Войска шли по гористому, каменистому и голому мѣстоположенію, во время чрезвычайнаго жара, при совершенномъ неимѣніи воды, отчего и изнурились до крайности. Пройдя 30 верстъ, открылся въ лѣвой сторонѣ большой персидскій лагерь, въ недальнемъ разстояніи отъ котораго зажжено было нѣсколько маяковъ, а съ правой стороны была видна рѣчка, текущая къ Эчміадзинскому монастырю. Вдоль рѣки замѣчено было довольно обширное мѣсто, удобное для лагеря, но такъ какъ князь Цицiановъ непремѣнно хотѣлъ расположиться въ монастырѣ и оттуда уже вести переговоры съ ханомъ эриванскимъ, то не смотря ни на что слѣдовалъ далѣе.

Усталые солдаты едва передвигали ноги; весь отрядъ растянулся верстъ на десять; люди были такъ утомлены, что къ Эчміадзину пришло изъ каждаго баталіона не болѣе, какъ человѣкъ по 60-ти при знаменахъ; прочіе лежали на дорогѣ. Главнокомандующій принужденъ былъ посылать драгунъ и казаковъ подбирать усталыхъ и понуждать тѣхъ, которые могли еще двигаться, но и при этихъ мѣрахъ люди собрались только къ полуночи, а обозы присоединились къ отряду лишь на другой день [1]. Конечно, если бы персіяне умѣли слѣдить за непріятелемъ и пользоваться обстоятельствами, то имѣли полную возможность разсѣять усталые полки наши, и тогда упорство и настойчивость князя Цицiанова стоили бы намъ весьма дорого. Только полнѣйшая бездѣятельность персіянъ спасла отрядъ нашъ отъ конечной гибели.

[1]) Изъ записокъ генералъ-лейтенанта Карпенко. Воен. Учен. Арх., д. № 2416, полка 13.

Приближаясь къ Эчміадзину и верстъ за восемь не доходя до него, войска услышали колокольный звонъ, который князь Циціановъ принялъ за приготовленіе къ встрѣчѣ его съ крестами и святою водою. Онъ приказалъ тотчасъ же авангарду спѣшить къ монастырю, въ которомъ находилось до 400 человѣкъ персіянъ. Ошибка въ предположеніи главнокомандующаго скоро открылась. Едва только ничего неподозрѣвавшій авангардъ нашъ, состоявшій изъ казаковъ и грузинъ, сталъ приближаться къ садамъ, окружающимъ монастырь, какъ былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ фальконетовъ и ружей стрѣлковъ, засѣвшихъ въ садахъ. Спѣшившіеся линейные казаки и грузины, хотя оттѣснили непріятеля до стѣнъ монастыря, но занятіе самаго монастыря отложено было до слѣдующаго дня.

Князь Циціановъ расположился лагеремъ вблизи Эчміадзина, ставъ со всѣми войсками въ одну линію, правымъ флангомъ къ главному монастырю и въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него.

На разсвѣтѣ 20-го іюня, когда отставшій обозъ нашъ сталъ присоединяться къ отряду и не успѣлъ еще построиться вагенбургомъ, огромныя толпы персіянъ показались за монастыремъ, на высотахъ. Это былъ авангардъ непріятельскихъ войскъ, которыя, подъ предводительствомъ Аббасъ-Мирзы, прибывши прежде русскихъ подъ Эривань, расположились въ ея окрестностяхъ, гдѣ занимали довольно значительное пространство. Силы персіянъ простирались до 20,000 всадниковъ; ихъ артиллерійскій паркъ растянутъ былъ отъ верхнихъ садовъ Эчміадзина до монастырей св. Рипсимы и Кайсане. Ихъ авангардъ, сдѣлавшій первый нападеніе на русскихъ, могъ почесться сильною арміею въ сравненіи съ отрядомъ князя Циціанова [1]).

Отрядивъ для устройства и защиты вагенбурга одинъ баталіонъ Саратовскаго мушкетерскаго полка, самъ главнокомандующій съ отрядомъ подвинулся впередъ къ Эчміадзину, но потомъ вскорѣ долженъ былъ перемѣнить позицію, потому что показалось семь колоннъ конницы, шедшихъ на нашъ лагерь съ цѣлію

[1]) «Русскій Инвалидъ» 1831 года, № 56.

окружить его [1]). Это движеніе заставило князя Циціанова выдвинуть впередъ два каре, подъ командою генералъ-маіора Портнягина, съ цѣлію держать наступающія толпы въ опасеніи быть отрѣзанными. Генералъ-маіору Леонтьеву, съ его двумя баталіонами, приказано идти влѣво, къ находящемуся впереди верстахъ въ четырехъ небольшому монастырю. Тучковъ получилъ приказаніе слѣдовать съ его двумя баталіонами вправо и занять позицію между главнымъ монастыремъ и мельницею, вблизи онаго находившеюся. Самъ князь Циціановъ, находясь между двумя малыми монастырями, которые персіяне успѣли занять, былъ окруженъ съ трехъ сторонъ непріятелемъ.

Наступленіе персидской конницы не имѣло, однако же, успѣха. Встрѣченные повсюду выстрѣлами изъ орудій, наступающіе не выдержали огня, не достигли до нашего лагеря и, поспѣшно собравшись въ одну кучу, потянулись назадъ.

«Персіяне, незнакомые еще съ европейскою тактикою, сказано въ «Русскомъ Инвалидѣ», поражены были упорнымъ сопротивленіемъ малочисленнаго русскаго отряда, который они не сомнѣвались истребить въ нѣсколько минутъ,—каре регулярной пѣхоты казались имъ неприступными движущимися стѣнами. Въ то же время безумолкное и правильное дѣйствіе русской артиллеріи, которая, поставленная на выгодныхъ высотахъ, удачно поражала толпы противниковъ и покрывала все поле трупами, приводило въ ужасъ необразованное персидское войско.»

Вскорѣ безпорядокъ и смятеніе непріятеля стали общими. Персіяне обратились въ бѣгство. Аббасъ-Мирза останавливалъ бѣгущихъ, стращалъ своихъ военачальниковъ гнѣвомъ шаха и уговаривалъ войска къ исполненію своего долга, но все было напрасно.

— Стойте! куда вы бѣжите? кричалъ онъ. Не срамите меня передъ отцомъ и братьями, не заставляйте меня разсказывать о вашемъ стыдѣ. Выдержите еще нѣсколько натискъ русскихъ, и я вамъ ручаюсь за успѣхъ.

---

[1]) Рапортъ князя Циціанова Государю Императору 26-го іюня 1804 года. См. приложенный планъ сраженія.

Но войска его бѣжали; принужденъ онъ былъ и самъ бѣжать.

Персидскій отрядъ отступилъ къ деревнѣ Калагеръ. Персіянамъ удалось только увезти изъ нашего вагенбурга, куда пробралась одна толпа непріятельской кавалеріи, нѣсколько палатокъ и артельную повозку.

Передъ вечеромъ войска наши увидали небольшой отрядъ кавалеріи, слѣдовавшій поспѣшно лощиною по направленію къ нашей позиціи. Кавалерія эта была небольшая часть драгунскаго полка съ знаменами и литаврами, неуспѣвшая присоединиться къ своему полку и преслѣдуемая персіянами. Стрѣлки, изъ баталіоновъ Тучкова, засѣвшіе въ лощинѣ, пропустивъ знамена и нашихъ драгунъ, открыли огонь по непріятелю и, прогнавъ его, закончили тѣмъ дѣйствія этого дня.

Желая воспользоваться впечатлѣніемъ страха, произведеннымъ на персіянъ этою побѣдою, князь Циціановъ отправилъ обратно Касимъ-бека къ эриванскому хану съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что, не имѣя прибавить ничего къ своимъ прежнимъ требованіямъ, сообщаетъ только о пораженіи многочисленной толпы персіянъ. «Подробности, писалъ князь Циціановъ [1]), о бывшихъ между мною и персіянами двухъ сраженіяхъ почтенный Касимъ-бекъ, видѣвшій все своими глазами, перескажетъ вашему высокостепенству обо всемъ изустно.»

На другой день сраженія персіяне не показывались, и князь Циціановъ считалъ необходимымъ дать отдыхъ солдатамъ, утомленнымъ безпрерывными и трудными переходами и десятичасовымъ сраженіемъ. Самъ же главнокомандующій употребилъ весь этотъ день на устройство вагенбурга, безпорядочно и наскоро поставленнаго, и расположилъ войска вокругъ него лагеремъ, дабы удобнѣе было защищаться противъ 20,000 непріятеля. 22-го и 23-го іюня персіяне хотя и приходили съ намѣреніемъ вторично атаковать нашъ лагерь, но потеря ихъ и отпоръ, сдѣланный нами въ первый день сраженія, т. е. 20-го числа, такъ напугали ихъ, что они не подъѣзжали ближе самаго дальняго орудійнаго вы-

[1]) Въ письмѣ отъ 22-го іюня. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—13, 1803—1805 гг., № 1.

стрѣла. Движеніе это было дѣлаемо съ единственною цѣлію отвести воду, въ чемъ они первое время и успѣли, запрудивъ канавы, доставлявшія воду нашему отряду, такъ что люди въ теченіе цѣлаго знойнаго дня не имѣли чѣмъ утолить жажду. Около 6-ти часовъ пополудни нѣсколько человѣкъ Кавказскаго гренадерскаго полка, видя, что начальство не принимаетъ мѣръ, сами пошли отыскивать воду.

— Куда вы идете? спросилъ командиръ полка, генералъ-маіоръ Тучковъ.

— За водой, отвѣчали они.

— Такъ ли ходятъ за водой! Постройтесь въ колонну! Васъ мало, я прибавлю людей и офицеровъ и укажу вамъ дорогу.

Вызвавъ впередъ роту своего полка, Тучковъ приказалъ идти къ запрудамъ и разрыть ихъ. Князь Циціановъ, встрѣтивши команду, спросилъ, куда она идетъ: ему отвѣчали за водою.

— Кто послалъ за водою? спросилъ онъ съ гнѣвомъ.

Узнавши, что команда послана Тучковымъ, онъ обратился къ нему съ замѣчаніемъ.

— Какъ вы смѣете распоряжаться въ моемъ присутствіи?

Тучковъ объяснилъ главнокомандующему причины, побудившія его сдѣлать это распоряженіе безотлагательно. Тогда князь Циціановъ призвалъ къ себѣ баталіоннаго командира 9-го егерскаго полка маіора Карпенко и приказалъ ему съ двумя баталіонами этого полка слѣдовать къ запрудѣ и разрыть ее.

Приказаніе было исполнено въ точности, и хотя непріятель пытался воспрепятствовать разрытію запруды, но былъ прогнанъ, и отрядъ получилъ воду [1]).

Во всѣ три дня, начиная съ 20-го числа, ничего замѣчательнаго не случилось, за исключеніемъ того, что 22-го числа непріятель намѣренъ былъ завладѣть курганомъ, бывшимъ вблизи нашего лагеря и занятымъ охотниками 9-го егерскаго полка, но былъ сбитъ и прогнанъ. При этомъ среди персидскихъ войскъ замѣчено было одно орудіе, привезенное ими изъ Эривани и доказывавшее, что Мамедъ-ханъ не отказывалъ въ содѣйствіи персіянамъ.

---

[1]) Записки Тучкова (рукопись). Записки генерала Карпенко (рукопись).

Ночью на 23-е число на этомъ курганѣ былъ построенъ редутъ, впослѣдствіи много вредившій непріятелю.

Князь Цицiановъ видѣлъ, что занятіе Эчміадзинскаго монастыря, состоявшаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ построекъ, окруженныхъ обширными садами, представляло немалыя затрудненія для нашего отряда, и потому рѣшился, оставивъ монастырь, слѣдовать прямо къ Эривани. Рано утромъ 25-го іюня главнокомандующій оставилъ лагерь и перешелъ 12 верстъ впередъ на рѣку Зангу къ деревнѣ Канакири, находившейся лѣвѣе и въ семи верстахъ отъ города, а отъ персидскаго лагеря въ 12 верстахъ. Несмотря на уменьшеніе обоза, князь Цицiановъ, при вступленіи въ эриванское владѣніе, имѣлъ до 500 повозокъ, «къ защищенію, доносилъ онъ, число столь несоразмѣрное моему отряду. Почему, узнавъ, что дорога лежитъ по степи, рѣшился я необыкновеннымъ строемъ провести оный: построя обозъ въ 30 веревокъ и окружа его каре, коего передній и задній фасы шли сдвоенными взводами для облегченія солдатъ, а по отбоѣ составляли по обычаю фронтъ. Хотя маршъ сей совершенный 25-го, продолжался до 10 часовъ отъ ломки обоза, но безвредно и безъ потери одного человѣка, каре достигъ до назначеннаго мѣста [1].».

На половинѣ дороги, впрочемъ, Аббасъ-Мирза со своими войсками окружилъ каре со всѣхъ сторонъ, но фланкеры и орудія весьма мѣткими выстрѣлами держали непріятеля въ такомъ отдаленіи и безопасности для нашего строя, что когда каре было остановлено для починки повозки, то князь Цицiановъ позволилъ солдатамъ лечь отдыхать.

По приходѣ къ рѣкѣ и деревнѣ, войска нашли ее занятою персидскими войсками, для выбитія которыхъ и былъ отправленъ 9-й егерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Цеханскаго, исполнившаго порученіе «съ прыткостію и храбростію». Вытѣсненные изъ деревни нашими егерями, персіяне переправились черезъ рѣку по поясъ въ водѣ и присоединились къ главнымъ силамъ, а въ полночь Аббасъ-Мирза со всѣми своими силами оставилъ лагерь и потянулся къ Араксу, съ намѣреніемъ отступить

[1]) Рапортъ князя Цицiанова Государю Императору 26-го іюня 1804 года. Воен. учен. Арх.

за эту рѣку. На дорогѣ его догналъ посланный Мамедъ-хана эриванскаго, который, узнавши о приближеніи русскихъ войскъ, отправилъ богатые подарки наслѣднику персидскаго престола и убѣдительнѣйше просилъ его не уходить далеко и не оставлять его на жертву русскимъ. Аббасъ-Мирза исполнилъ просьбу хана, вернулся назадъ и расположился лагеремъ въ трехъ миляхъ отъ Эриванской крѣпости.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, Аббасъ-Мирза, намѣренъ былъ наблюдать за дѣйствіями князя Цицiанова и въ случаѣ надобности поддержать эриванскаго хана. Такое положеніе персидскаго принца видоизмѣняло программу главнокомандующаго относительно дѣйствій его противъ Эривани. Атаковать форштадтъ и занимать сады, окружающіе городъ, въ виду персидской арміи, было бы крайне рискованно и безполезно, ибо нельзя было ожидать, чтобы Мамедъ-ханъ сдалъ крѣпость прежде, чѣмъ Аббасъ-Мирза будетъ разбитъ и прогнанъ за Араксъ. Слѣдовательно, атака персидскаго лагеря была неизбѣжна и должна была предшествовать осадѣ или штурму крѣпости.

Располагая для атаки персидскаго лагеря слѣдовать налегкѣ и оставить въ Канакири весь обозъ и тяжести, князь Цицiановъ занялся устройствомъ вагенбурга и приведеніемъ въ оборонительное положеніе находившагося тамъ зáмка.

Во время пребыванія нашихъ войскъ въ лагерѣ при Канакири къ главнокомандующему явился монахъ, который объявилъ, что персіяне оставили Эчміадзинскій монастырь, и что въ немъ находится небольшой запасъ провіанта. Князь Цицiановъ былъ крайне доволенъ этимъ извѣстіемъ, ибо предвидѣлъ недостатокъ въ продовольствіи и въ особенности въ фуражѣ. Запасовъ послѣдняго вовсе не было и, по неимѣнію въ окрестностяхъ Эривани травы, фуражиры ѣздили по садамъ и собирали листья. По полученіи извѣстія объ удаленіи персіянъ изъ Эчміадзина, главнокомандующій отрядилъ тотчасъ же двѣ роты и приказалъ занять монастырь, что и было исполено безъ всякаго препятствія.

29-го іюня главнокомандующій отдалъ приказъ, по которому слабые и весь обозъ, за исключеніемъ патронныхъ и зарядныхъ ящиковъ, а также запасныхъ лафетовъ, оставлены въ вагенбургѣ,

подъ прикрытіемъ баталіона Саратовскаго мушкетерскаго полка. Отряду приказано имѣть сухарей на три дня при себѣ и столько же на вьюкахъ. Съ наступленіемъ темноты усилить егерскіе пикеты, за рѣкою Зангою расположенные, и въ полночь начать переправлять артиллерію, патронные ящики, а затѣмъ войска, которымъ и строиться на лѣвомъ берегу рѣки.

Около двухъ часовъ ночи 30-го іюня князь Цицiановъ переѣхалъ вбродъ черезъ рѣку Зангу, а за нимъ стали переправляться и всѣ остальныя войска. Построившись въ четыре каре, изъ коихъ егерскій составлялъ авангардъ [1]), отрядъ двинулся атаковать персидскій лагерь, расположенный за Эриванскою крѣпостью и въ семи верстахъ отъ нея.

Разсвѣтало. Восходящее солнце обѣщало знойный и удушливый день. Войска шли бодро и весело въ боевомъ порядкѣ и съ музыкою, любуясь прекраснымъ видомъ окрестностей. Передъ ними виднѣлись горы, черезъ которыя лежалъ ихъ путь; съ лѣвой стороны — городъ, котораго стѣны и башни усыпаны были множествомъ народа, собравшагося посмотрѣть на стройные полки русскихъ войскъ, а въ правой сторонѣ красовался величественный Араратъ, остроконечная глава котораго, «какъ сѣдиной покрытая вѣчнымъ снѣгомъ», освѣщалась восходящимъ солнцемъ.

Небольшія партіи персіянъ, высланныя изъ Эривани, хотя и завязали перестрѣлку съ нашими казаками и егерями, но были отбиты фланкерами [2]).

Пройдя верстъ пять отъ бывшаго лагеря, войска вступили въ широкое ущелье, окруженное со всѣхъ сторонъ высокими горами и усыпанное множествомъ бугровъ и лощинъ, весьма удобныхъ для закрытія. Персіянъ нигдѣ не было видно, но изъ предосторожности

---

[1]) Порядокъ движенія былъ слѣдующій: впереди всѣхъ шелъ каре изъ двухъ баталіоновъ 9-го егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Цеханскаго; за нимъ по порядку каре генералъ-маіора Портнягина изъ баталіона Кавказскаго гренадерскаго и баталіона Саратовскаго мушкетерскаго полковъ; драгуны, казаки и грузины; каре генералъ-маіора Тучкова изъ двухъ баталіоновъ Кавказскаго гренадерскаго полка и, наконецъ, каре генералъ-маіора Леонтьева изъ двухъ баталіоновъ Тифлисскаго полка.

[2]) Записки о военныхъ дѣйствіяхъ противъ персіянъ (рукоп.). Воен. Учен. Арх., д. № 2416.

князь Циціановъ приказалъ егерскому каре, бывшему подъ начальствомъ полковника Цеханскаго, отдать свои орудія и фронтовой обозъ въ слѣдующее за нимъ каре и, поднявшись на высоты, слѣдовать паралельно всему отряду, двигавшемуся по ущелью. Раздѣлившись по баталіонно, егеря быстро исполнили приказаніе главнокомандующаго: одинъ баталіонъ, подъ начальствомъ полковника Майкова, пошелъ направо; другой, подъ командою маіора Карпенко и при личномъ присутствіи полковника Цеханскаго, двинулся налѣво. Лишь только егеря стали подыматься на высоты, какъ скрывавшіеся за ними персіяне встрѣтили ихъ камнями и бревнами [1]). Егеря оттѣснили непріятеля, и весь отрядъ, подъ прикрытіемъ егерей, продолжалъ свое движеніе впередъ по ущелью. Какъ только Тифлисскій полкъ, составлявшій аррієргардъ, вошелъ въ ущелье, персіяне тотчасъ же заняли входъ и окружили нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, такъ что генералъ-маіоръ Леонтьевъ, находившійся со своими баталіонами въ хвостѣ, долженъ былъ вынести нѣсколько непріятельскихъ атакъ.

Между тѣмъ продолжая движеніе впередъ и оспаривая каждый шагъ у непріятеля, егеря, съ свойственною имъ храбростью, штыками открывали путь всему отряду. Пять разъ непріятель залегалъ за закрытіями и пять разъ былъ сбитъ егерями въ виду всего отряда. Около двухъ часовъ шли наше каре тихимъ, мѣрнымъ шагомъ вдоль по ущелью, становившемуся все тѣснѣе и тѣснѣе. Оставивши влѣво дорогу, усѣянную персіянами, наши баталіоны, по указанію проводниковъ, шли прямо и, наконецъ, уперлись почти въ отвѣсный утесъ. Дорога исчезла, и голова первой колонны должна была остановиться. «Персіяне, видя наше положеніе, пишетъ участникъ [2]), ободрившись симъ, паче начали нападать съ фланговъ и сзади; намъ же и сопротивляться было почти невозможно.» Въ рядахъ послышался ропотъ и крики «измѣна». Допрошенные проводники признались, что настоящая дорога была та, которая осталась въ лѣвой сторонѣ; что, подходя къ ней, они испуганы были сильнымъ огнемъ непріятеля и, надѣясь найти впе-

[1]) Изъ записокъ генерала Карпенко. Воен. Учен. Арх., д. № 2416, папка 13.

[2]) Записки о военныхъ дѣйствіяхъ противъ персіянъ. Воен. Учен. Арх., д. № 2416, книга № 4.

реди ущелья еще поворотъ налѣво, пошли дальше. Оставаться въ такомъ положенiи было невозможно, идти впередъ некуда, а отступать русскій солдатъ не любитъ. Главнокомандующій приказалъ бывшимъ на гребнѣ егерямъ круто повернуть налѣво, а средней колоннѣ, бывшей подъ начальствомъ генерала Тучкова и недалеко отъ пройденной влѣво дороги, вызвать охотниковъ, стараться вытѣснить персіянъ и, составивши такимъ образомъ авангардъ отряда, слѣдовать впередъ. Тучковъ выслалъ цѣлый баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка подъ начальствомъ полковника Козловскаго, при которомъ находился и поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка графъ Воронцовъ [1]), исполнявшій должность бригадъ-маіора при отрядѣ.

Совокупными усиліями егерей и гренадеръ препятствіе было преодолѣно: отрядъ вышелъ на настоящую дорогу, хотя и не избавился отъ новыхъ затрудненій. Ущелье, по которому пролегала дорога, было такъ узко, и утесы съ обѣихъ сторонъ такъ круты, что едва можно было провозить орудія. Забравшіеся на высоты персіяне будучи сами невредимы, стрѣляли безъ всякой опасности изъ ружей, фальконетовъ и трехъ пушекъ, привезенныхъ изъ города. «Крутизна, мѣшающая имъ цѣлить, пишетъ участникъ, спасла насъ отъ погибели, но видно было, что такимъ образомъ надо идти еще нѣсколько верстъ.» Подняться на гору казалось невозможнымъ по крутизнѣ ея и опаснымъ по многочисленности непріятеля, но другаго средства для общаго спасенія не было, «и тутъ увидѣли, что неустрашимости и усердію нѣтъ невозможности».

«Жадный къ славѣ», какъ выразился князь Циціановъ, полковникъ Козловскій просилъ разрѣшенія идти съ своимъ баталіономъ прямо на гору, почти неприступную, и прогнать персіянъ. Получивши согласіе главнокомандующаго, одобреніе отъ товарищей и напутствуемый усерднымъ пожеланіемъ успѣха въ предпріятіи, Козловскій впереди всѣхъ полезъ на гору. Скинувъ ранцы и шинели, подобранные товарищами, гренадеры бросились за своимъ командиромъ штурмовать гору, имѣвшую около пятидесяти саженъ почти отвѣсной высоты. Это было одно изъ самыхъ смѣ-

[1]) Впослѣдствіи кн. Мих. Сем. Воронцовъ и намѣстникъ Кавказа.

лыхъ предпріятій, какія только случаются на войнѣ. Множество оконечностей и каменныхъ глыбъ, ожидавшихъ только толчка или давленія, чтобы стремительно полетѣть внизъ, затрудняли движеженіе; солдаты съ трудомъ карабкались вверхъ, падали, съѣзжали внизъ вмѣстѣ съ каменною глыбою, снова карабкались и медленно подвигались впередъ. Крутизна горы, замедлявшая движеніе Козловскаго и его храбрыхъ гренадеръ Кавказскаго полка, служила имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и помощью и спасеніемъ. Огонь непріятеля скоро сталъ безвреденъ для штурмующихъ; всѣ пули летѣли черезъ головы, и какъ гора была неровна, имѣла уступы, бугры и большіе камни, то персіяне скоро потеряли входящихъ изъ виду, а о числѣ ихъ и судить не могли. Ободряемые примѣромъ своего начальника и восклицаніемъ оставшихся внизу товарищей, гренадеры силились взобраться на гору, но изнемогали и только не болѣе 40 человѣкъ и нѣсколькихъ офицеровъ могли дойти до ея вершины, вслѣдъ за неутомимымъ полковникомъ Козловскимъ.

Видя, что онъ все еще остается незамѣтенъ для непріятеля, Козловскій, не давая опомниться персіянамъ, приказалъ ударить въ единственный подоспѣвшій барабанъ, крикнулъ ура! и вмѣстѣ съ горстью храбрыхъ бросился въ штыки. Слѣдомъ за Козловскимъ бросился и маіоръ Осиповъ, также успѣвшій взобраться на гору съ нѣсколькими нижними чинами. Не ожидая нападенія съ этой стороны, персіяне не смотрѣли уже на число атакующихъ, но объятые паническимъ страхомъ, кинулись въ лагерь, отстоявшій въ трехъ верстахъ отъ горы, и «до того устрашились, что ни одинъ человѣкъ не остановился и не могъ потому узнать, кто за ними гнался». Не желая защищаться и въ лагерѣ, персіяне оставили его и стали быстро отступать. Преслѣдовать ихъ князю Циціанову было нечѣмъ: баталіонъ Казловскаго былъ безъ артиллеріи, а кавалерія внизу и назади. Главнокомандующій не рѣшился пустить баталіонъ до лагеря, «почему побѣда, сколько ни знаменита, доносилъ князь Циціановъ, но числомъ убитыхъ непріятелей не можетъ почитаться совершенною». Тридцать человѣкъ линейныхъ казаковъ Семейнаго и Гребенскаго войска, при есаулахъ Сурковѣ и Егоровѣ, обскакавъ гору, успѣли отрѣзать только весьма небольшую часть бѣгущихъ и отбить 4 знамени

и 4 фальконета на дромадерахъ. Устрашенный непріятель оставилъ свой лагерь, бѣжалъ черезъ Эривань, гдѣ былъ ограбленъ тамошнимъ гарнизономъ, и скрылся за рѣкою Араксомъ. Въ лагерѣ имъ оставлено три фальконета, нѣсколько дромадеровъ, 100 пудъ пороху и множество мѣдныхъ, свинцовыхъ и чугунныхъ ядеръ, и «весь роскошный богатый персидскій лагерь.»

Потерю непріятеля опредѣлить трудно, такъ какъ персіяне увозили трупы съ собою; съ нашей же стороны убитъ одинъ рядовой и ранено оберъ-офицеровъ 4, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 27 человѣкъ [1]).

Пользуясь побѣдою, главнокомандующій хотѣлъ безотлагательно идти къ Эривани, что, конечно, было бы весьма полезно, но общая усталость всѣхъ чиновъ отряда заставила его отложить это намѣреніе. Остановившись лагеремъ на рѣкѣ Керкбулагъ, князь Цыціановъ далъ день отдыха отряду и приказалъ отслужить благодарственный молебенъ, послѣ котораго всѣ генералы и штабъ-офицеры собрались у него и пили за здоровье полковника Козловскаго, его храбрыхъ сподвижниковъ и обоихъ егерскихъ баталіоновъ, которымъ мы были обязаны одержанною побѣдою. Вечеромъ въ лагерь явилось множество армянъ, пришедшихъ съ разныхъ сторонъ и даже изъ Эривани. Они много разсказывали о состояніи крѣпости, и хотя всѣ сообщенныя ими свѣдѣнія оказались большею частію невѣрными, но изъ нихъ можно было вывести одно достовѣрное заключеніе, что побѣда эта произвела большое впечатлѣніе не только на жителей Эривани, но и на самого Мамедъ-хана.

Послѣдній прислалъ главнокомандующему письмо, въ которомъ увѣрялъ, что, желая для себя только спокойной жизни, онъ давно искалъ покровительства Россіи и что еще въ 1797 году посылалъ въ Грузію, къ тогдашнему главнокомандующему, для переговоровъ по этому дѣлу, но что посланные его возвратились безъ успѣха.

Эриванскій ханъ говорилъ, что исканіе это навлекло ему многія бѣдствія, ибо шахъ персидскій Ага-Магомедъ, увѣдомленный объ измѣнѣ эриванскаго хана, вытребовалъ его къ себѣ и непре-

---

[1]) За эту побѣду полковники Козловскій и Майковъ и поручикъ гр. Воронцовъ получили орденъ св. Георгія 4-й степ., а маіоръ Карпенко шпагу «за храбрость».

мѣнно лишилъ бы жизни, если бы только «доброжелатели», при ханскомъ дворѣ находившіеся, не исходатайствовали ему прощеніе за заслуги его предковъ.

«Келбъ-Али-ханъ, писалъ онъ [1]), лишенъ зрѣнія. Сверхъ того, жены, дѣти, родственники наши и понынѣ находятся у него (у шаха) заложниками, будучи столько времени отлучены отъ насъ и своего отечества. Все сіе потерпѣли мы за то единственно, что искали покровительства Россіи, и теперь еще, почитая для себя счастіемъ ваше прибытіе, униженно просимъ пощадить насъ и славный нашъ городъ, коего разореніе насъ толико тревожитъ. Возвратите ему прежнюю его красоту, а намъ спокойствіе. Мы ничего у васъ не просимъ, кромѣ убѣжища отъ мщенія шаха. Что до нашихъ заслугъ, мы со всею охотою готовы служить вамъ, и ежели вамъ угодно, безъ всякаго медленія примемъ въ крѣпость ваши войска, для коихъ только опасенъ здѣшній жаркій климатъ, ибо и герои не могутъ противиться природѣ. Между прочимъ, за нужное почитаю увѣдомить васъ, что шахъ непремѣнно будетъ сюда съ гораздо бо́льшимъ числомъ войска; тогда-то мы понесемъ послѣднія бѣдствія, а вы съ малочисленнымъ войскомъ, расположенномъ на такомъ мѣстѣ, можетъ быть, не въ состояніи будете отразить силы силою.»

На всѣ эти слова, полныя коварства, слова, въ которыхъ высказывались и лесть, и преданность, и желаніе отклонить подъ разными предлогами занятіе крѣпости русскими войсками, князь Цыціановъ отвѣчалъ:

«Хотя, писалъ онъ [2]), и долженъ я удивляться, во-первыхъ, тому, что ваше высокостепенство, послѣ такъ многихъ моленій ко мнѣ о защитѣ и увѣреній на письмѣ, не прислали по прибытіи моемъ сюда отъ себя посланнаго. Во-вторыхъ, что мнѣ мои подчиненные донесли, что эриванскіе люди дерзали стрѣлять противъ непобѣдимыхъ россійскихъ войскъ. Хотя, говорю я, по симъ двумъ причинамъ не долженствовало бы мнѣ болѣе входить съ вами въ переписку, но, по обычаю европейскому, долженъ, не приступая

---

[1]) Въ письмѣ кн. Цыціанову отъ 3-го іюля 1804 г.

[2]) Въ письмѣ отъ 26-го іюня 1804 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1232.

къ атакѣ города, предложить сдачу онаго, и если на сіе письмо не получу сегодня въ вечеру отвѣта, удовлетворительнаго и рѣшительнаго, то Богъ и штыки мнѣ его доставятъ, не смотря на сто Баба-хановъ, котораго сынъ издали ѣздитъ съ войскомъ, какъ будто заяцъ, несмѣющій приблизиться къ стаду львовъ, чему и ваши люди вчера были свидѣтелями, и тому, что сто человѣкъ выбыли изъ строя, при рѣкѣ, въ одну минуту. Я долгъ мой сдѣлалъ и вамъ симъ объявляю, а ваша воля есть, каждую недѣлю перемѣняя государей своихъ и покровителей (буде правда, что вчера ваши эриванцы стрѣляли), при женоподобномъ персидскомъ войскѣ оставаться или быть увѣреннымъ, что вы во всю жизнь вашу и съ глазами, съ ушами и съ носомъ пребудете.»

Ханъ эриванскій увѣрялъ, что стрѣльба изъ крѣпости и непріязненныя дѣйствія, открытыя его подданными противъ русскихъ войскъ, произошли помимо его воли, что онъ крайне недоволенъ этимъ и боится, потерявъ къ себѣ доброе расположеніе главнокомандующаго, лишиться покровительства Государя Императора.

— Я не знаю, говорилъ ханъ, причины, почему ваше сіятельство отвергаете мою преданность? почему заслуживаю я ненависть? А потому смѣю утруждать и просить открыть мнѣ причину такой вашей ко мнѣ остуды и неблагопріятства.

Мамедъ-ханъ, по-прежнему, просилъ пощады, клялся въ доброжелательствѣ къ Россіи и извинялся въ томъ, что обстоятельства помѣшали ему выслать съ поздравленіемъ на встрѣчу главнокомандующему [1]).

«Буде вамъ обстоятельства помѣшали, отвѣчалъ на это князь Циціановъ [2]), какъ вы говорите, ко мнѣ на встрѣчу выслать съ поздравленіемъ,—вамъ же хуже, для того, что мы вчера довольно побили вашихъ. Буде нечаянно, отъ непослушныхъ вамъ, противъ воли вашей, стрѣляли изъ пушекъ и ружей, какъ говорите, на что же великому Государю государей, Императору высокой державы, Богомъ вознесенной, набирать къ себѣ въ подданные такихъ хановъ, коимъ и ихъ подданные не повинуются? Теперь, такъ какъ вы спрашиваете о причинѣ, для чего я отвергаю васъ

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1803—1805 гг., № 1.

[2]) Въ письмѣ отъ 3-го іюля 1804 года. Акты Кав. Арх. Комм., т. II, № 1234.

отъ преданности Государю Императору, отвѣтствую: 1) вы ищете покровительства его императорскаго величества, всемилостивѣйшаго моего солнце подобнаго Государя государей, а его повелѣній съ прошлаго года или съ моего пріѣзда въ Грузію, многократно повторяемыхъ, о возстановленіи Даніила на патріаршій престолъ не исполнили; 2) просили защиты моей отъ персидскихъ войскъ, командуемыхъ Баба-хановымъ сыномъ, и вмѣсто того, когда я его прогналъ изъ Канакири, и онъ, устрашенный какъ заяцъ, изъ своего лагеря бѣжалъ въ Гарни, съ тѣмъ, чтобы бѣжать за Араксъ, вы подарками, обѣщаніями и просьбами убѣдили его возвратиться и стать при Канакири, чтобы послѣ общими силами со мною воевать. Но я, меньше хвастая и больше дѣлая, какую побѣду одержалъ надъ симъ женоподобнымъ войскомъ — вы сами вѣдаете, потому что вы, сдѣлавшись его пріятелемъ, при побѣгѣ его отъ меня изъ лагеря, оставленнаго намъ въ добычу, не помѣшали эриванцамъ на пути бѣгущаго его ограбить. Итакъ я отдаюсь на судъ мудрой вашей политики и вопрошаю теперь, что сильнѣе дѣйствуетъ: медоточивое ли ваше перо персидское или русскіе штыки? Гдѣ слыхано, что вы пощады просите, а ваши люди стрѣляютъ! Наконецъ, по полученіи сего письма, извольте мнѣ коротко отвѣчать — отдаете ли вы мнѣ крѣпость? предаетесь-ли вы моей волѣ? А кто вамъ не повинуется, выдайте мнѣ ихъ и будьте увѣрены, что жизнь его останется въ безопасности. Сроку на отвѣтъ даю я до завтрашняго полудня.»

Ханъ отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать все, кромѣ сдачи города [1]), и потому князь Циціановъ, видя, что переговоры только затягиваютъ дѣло, рѣшился силою добиться того, чего нельзя было достигнуть путемъ мирныхъ сношеній.

На разсвѣтѣ 2-го іюля главнокомандующій выступилъ изъ лагеря на рѣкѣ Керкбулахъ, при деревнѣ Канакири. Въ боевомъ порядкѣ онъ дошелъ до Эриванской крѣпости, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, точно такъ же какъ и при входѣ въ самое предмѣстье.

Крѣпость Эриванская, построенная при рѣкѣ Зангѣ на самомъ

---

[1]) Письмо хана отъ 4-го іюля. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1235.

*

высокомъ, крутомъ и утесистомъ берегу, была окружена двойною стѣною. Внутренняя, сложенная изъ кирпича и камня, кладеннаго на глинѣ, была весьма толста, довольно высока и имѣла 17 башенъ; наружная стѣна, отстоявшая отъ внутренней на разстояніи отъ 15 до 20 саж. и сложенная изъ глины и камня, была гораздо ниже и тоньше внутренней. Вокругъ крѣпость была обнесена широкимъ и глубокимъ рвомъ, мѣстами наполненнымъ водою. Крѣпость защищалась гарнизономъ, состоявшимъ изъ 7,000 человѣкъ, и огнемъ 60 пушекъ и двухъ мортиръ.

Выбравъ налѣво отъ въѣзда за бугромъ безопасное и пространное мѣсто для плацдарма, князь Цицiановъ отправилъ вправо къ рѣкѣ Зангѣ на базаръ подполковника Симановича съ баталiономъ Кавказскаго гренадерскаго полка, а налѣво въ Кашагарское предмѣстье генералъ-маiора Тучкова съ двумя баталiонами того же полка и два баталiона Тифлисскаго мушкетерскаго полка подъ командою генералъ-маiора Леонтьева [1]).

Самъ же главнокомандующiй съ шефскимъ баталiономъ Саратовскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маiора Портнягина, пошелъ въ ханскiй садъ, лежавшiй между позицiями, занимаемыми подполковникомъ Симоновичемъ, и отрядомъ генералъ-маiора Тучкова. 9-й егерскiй полкъ былъ оставленъ въ резервѣ на сборномъ пунктѣ, гдѣ находился и обозъ, какъ въ мѣстѣ, наиболѣе безопасномъ, хотя онъ и состоялъ только изъ однихъ вьюковъ.

У ханскаго сада баталiонъ нашелъ стѣну сломанною и непрiятеля, производившаго сильный огонь изъ караванъ-сарая. Три выстрѣла изъ 12-ти-фунтовой пушки, поставленной въ улицѣ, разогнали непрiятельскихъ стрѣлковъ, «а Богъ и ура!» скоро доставили караванъ-сарай во власть нашу. 50 человѣкъ гренадеръ Саратовскаго полка овладѣли караванъ-сараемъ. Подполковникъ Симоновичъ занялъ свою позицiю также съ боя, а на лѣвомъ флангѣ сопротивленiя не было. Занятiе предмѣстья совершено было въ 3 часа и стоило намъ убитыми и ранеными: 1 офицера и 8 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

На другой день князь Цицiановъ послалъ 400 человѣкъ пѣ-

---

[1]) Рапортъ князя Цицiанова Государю Императору 4-го iюля.

хоты съ орудіемъ и нѣсколькими казаками за оставшимся позади отряда вагенбургомъ, который и былъ доставленъ въ деревню Канакири, а затѣмъ 4-го числа переведенъ въ предмѣстье посланнымъ туда отрядомъ. Іюня 4-го 9-й егерскій полкъ отправленъ былъ для занятія послѣдняго пункта на правомъ берегу рѣки Занги, необходимаго для обложенія крѣпости противъ ханскаго дома, т. е. сады Юнжалы и бугоръ Мухалетъ. Мѣсто это было занято нашими войсками въ 4 часа пополудни. Такимъ образомъ, съ занятіемъ предмѣстья, Эриванская крѣпость обложена была слѣдующимъ образомъ [1]). Съ праваго фланга нашей линіи отъ берега рѣки стоялъ подполковникъ Симоновичъ съ однимъ баталіономъ Кавказскаго гренадерскаго полка. Подлѣ него генералъ-маіоръ Портнягинъ съ баталіономъ Саратовскаго мушкетерскаго полка, противъ ханскаго сада, гдѣ находилась и главная квартира князя Циціанова, расположившагося въ довольно пространной мечети; лѣвѣе, въ Кашагарскомъ предмѣстьѣ, стоялъ генералъ-маіоръ Тучковъ съ двумя баталіонами, и затѣмъ генералъ-маіоръ Леонтьевъ, также съ двумя баталіонами, составлялъ лѣвый флангъ нашего расположенія. Но какъ строенія лѣваго фланга не достигали до рѣки и оставляли довольно пространное поле, то для соединенія линіи построены были тамъ два редута. Для свободнаго сообщенія вдоль линіи очищено было пространство отъ домовъ, заборовъ и садовъ, и въ улицахъ, обращенныхъ къ сторонѣ крѣпости, сдѣланы были траверсы. При каждомъ отдѣльномъ отрядѣ поставлены батареи, скоро вооруженныя и готовыя къ открытію огня по первому приказанію. Но такъ какъ 3-го числа эриванскій ханъ, какъ мы видѣли, «сталъ засылать письма» князю Циціанову черезъ армянскаго патріарха Даніила, то главнокомандующій и остановился бомбардированіемъ крѣпости. 4-го числа ханъ прислалъ посольство съ заявленіемъ, что ничего такъ не желаетъ, какъ покровительства и защиты русскаго Императора; что дань, которую онъ, по обязанности своей, не платилъ Грузіи, у него собрана за шесть лѣтъ по 40,000 руб. за каждый годъ; и что онъ готовъ нынѣ же внести ее. Князь Циціановъ не думалъ

[1]) См. приложенный планъ блокады крѣпости.

уже теперь о переговорахъ; онъ мечталъ о покореніи крѣпости и присоединеніи всей Эриванской области къ составу Имперіи. «Изъ всѣхъ поступковъ князя Циціанова, говоритъ одинъ изъ участниковъ [1]), видно было, что онъ ничего такъ не желалъ, какъ войны, и всѣ дѣла свои наклонялъ къ оной.»

Главнокомандующій принялъ посланнаго весьма сухо и, выслушавъ всѣ его предложенія, «вскочилъ съ азартомъ и, разругавъ его и хана», велѣлъ сказать, чтобы онъ прежде всѣхъ переговоровъ выдалъ ему патріарховъ Даніила и Давида и всѣ богатства Эчміадзинскаго монастыря; что не только условія о сдачѣ города онъ заключать не будетъ, но что и подумать о томъ нельзя послѣ столь многихъ доказательствъ его вѣроломства, и особенно послѣдняго, по которому онъ бѣгущаго за Араксъ непріятеля остановилъ разными подарками, для совокупнаго дѣйствія противъ русскихъ.

Совсѣмъ тѣмъ, главнокомандующій обѣщалъ хану жизнь безбѣдную въ Россіи, съ позволеніемъ забрать движимое имущество. Давъ такой отвѣтъ, князь Цицiановъ требовалъ отъ хана рѣшительнаго отвѣта черезъ два часа.

— Этого времени, замѣтилъ персіянинъ, мнѣ едва достаточно для того, чтобы дойти до крѣпости, а между тѣмъ намъ необходимо собрать совѣтъ.

Посланный просилъ назначить для отвѣта болѣе продолжительный срокъ.

«Убѣжденный просьбами посланника, доносилъ главнокомандующій [2]), а паче для того, что, ожидая завтрашній день обозъ изъ вагенбурга, согласился я имѣть оный (отвѣтъ) черезъ сутки, считая, что онъ будетъ не рѣшительный. Имѣя же облежаніе крѣпости оконченнымъ, открою канонаду, которая, надѣюсь, сократитъ персидскую политику и устрашитъ стѣсненный въ крѣпости народъ, могущій отъ страха своей гибели выдать мнѣ хана, какъ всѣ увѣряютъ, тѣмъ паче, что большая часть воды уже отрѣзана, и народъ весьма ропчетъ, какъ говорятъ вышедшіе изъ крѣпости армяне.»

---

[1]) Экспедиція эриванская. Воен. Учен. Арх. Дѣло № 2416, пап. № 4.

[2]) Изъ рапорта князя Цицiанова Государю Императору 4-го іюля 1804 года.

5-го іюля, для сообщенія съ 9-мъ егерскимъ полкомъ, сдѣланъ былъ черезъ рѣку Зангу мостъ и открыто бомбардированіе крѣпости. Ночью отнято нами 169 штукъ рогатаго скота, выгнаннаго изъ крѣпости за недостаткомъ корма, съ цѣлію, прокравшись черезъ нашу цѣпь, угнать его въ горы. Поутру 6-го числа партія персіянъ, высланная изъ города, хотя и покушалась прорваться въ сады, занимаемые 9-мъ егерскимъ полкомъ, но была прогнана назадъ. 7-го числа сдѣланъ былъ на курганѣ редутъ на 40 человѣкъ и одно орудіе, съ цѣлію скорѣйшаго открытія приближавшагося непріятеля. Точно также 10-го іюля заложенъ редантъ, постройка котораго поручена была Саратовскаго мушкетерскаго полка маіору Нольде 1-му, именемъ котораго и названо было впослѣдствіи это укрѣпленіе.

Въ тотъ же день прибылъ въ главную квартиру Джафаръ-Кули-ханъ хойскій, присягнувшій на вѣрность Россіи, получившій въ подарокъ богатый кинжалъ, а впослѣдствіи, за доказанную имъ приверженность къ Россіи, по 5,000 руб. ежегоднаго жалованья. Съ первыхъ дней своего пребыванія въ русскомъ лагерѣ и во все время осады эриванской крѣпости, Джафаръ оказывалъ необыкновенное усердіе и дѣятельность: разсылалъ своихъ лазутчиковъ, справлялся и увѣдомлялъ главнокомандующаго о движеніи и намѣреніяхъ персіянъ, и наконецъ, съ своею конницею дѣлалъ ночныя нападенія на непріятеля.

«Кромѣ пользы извлекаемой мною, доносилъ князь Циціановъ [1]), изъ сего новаго подданнаго, хотя оно и на личности его собственной основано, немалой помощію онъ мнѣ служить можетъ и въ переговорахъ по извѣстности ему дѣлъ здѣшнихъ. Эриванскаго хана сестру и его жену, жившую въ крѣпости, Келбъ-Али-ханъ нахичеванскій не выпустилъ по требованію мужа ея, хотя и братъ ея на то согласенъ былъ. А Джафаръ-Кули-ханъ, симъ поступкомъ оскорбленный и враждуя издавна съ нимъ, уловлять его старается персидскою политикою, которая превышаетъ и Макіавелеву.»

---

[1]) Всеподд. рапортъ князя Циціанова Государю Императору 16-го іюля 1804 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—13, 1803—1804 гг., № 1.

Черезъ три дня послѣ своего прибытія, Джафаръ сообщилъ князю Циціанову, что Келбъ-Али-ханъ нахичеванскій, употреблявшій всѣ средства къ тому, чтобы не допустить Мамедъ-хана эриванскаго къ сдачѣ крѣпости, написалъ Баба-хану, что сынъ его Аббасъ-Мирза находится въ опасности и безъ личной его помощи спасенъ быть не можетъ. Баба-ханъ, собравъ наскоро около 15,000 человѣкъ изъ Хоя и Тавриза, день и ночь спѣшилъ на помощь къ сыну и вечеромъ 14-го іюля соединился съ нимъ на рѣкѣ Гарничаѣ. Получивши извѣстіе, что Баба-ханъ намѣренъ атаковать одновременно оба наши фланга, князь Циціановъ приказалъ всему блокадному корпусу приготовиться къ отпору, въ случаѣ нападенія персіянъ и вылазки изъ города. Главнокомандующій рѣшился, не снимая блокады, удержать всѣ занятые посты, «хотя бы и дорого стоило, ибо я, доносилъ онъ, считалъ постыднымъ дѣломъ для войскъ, по обычаю европейскому, снять блокаду для подобнаго непріятеля и тѣмъ выполнить его желаніе [1]).

Съ этою цѣлью было составлено два резервныхъ отряда, одинъ на лѣвомъ флангѣ изъ баталіона Тифлисскаго полка, 100 гренадеръ Кавказскаго и 50 мушкетеръ Саратовскаго полковъ, при трехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Леонтьева. Ему поручено было расположиться близъ реданта маіора Нольде и оказывать въ случаѣ нужды помощь всему лѣвому флангу. Второй резервный отрядъ былъ сформированъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Портнягина, изъ 170 гренадеръ Саратовскаго, 130 Кавказскаго полковъ и 100 спѣшенныхъ драгунъ. Генералъ-маіору Портнягину приказано было оказывать помощь всему правому флангу и расположиться на канагирской дорогѣ, на которой соединялись многіе пути, ведущіе къ Эривани. Вечеромъ этого дня успѣлъ присоединиться къ отряду транспортъ съ артиллерійскими снарядами и порохомъ, въ которыхъ началъ уже ощущаться недостатокъ. Тотчасъ приказано было отъ всѣхъ частей послать команды за пріемомъ снарядовъ и патроновъ. Едва только приказаніе это было исполнено, и снаряды были сложены на батареяхъ кучами

---

[1]) Рап. князя Циціанова Г. И. 16-го іюля 1804 г. Арх. М. И. Д. 1—13, 1803—1805 гг., № 1.

и покрыты шинелями, какъ на лѣвомъ флангѣ услышаны ружейные выстрѣлы.

Въ 2 часа пополуночи появился авангардъ персидскихъ войскъ. Каре генералъ-маіора Портнягина заняло позицію на возвышенномъ мѣстѣ при входѣ въ предмѣстье, откуда войска наши вошли при занятіи садовъ, и тѣмъ закрыло тылъ блокирующихъ войскъ праваго фланга. Каре генералъ-маіора Леонтьева, назначенное занять мѣсто впереди бугра Мухалета и реданта, частію не успѣло занять этого мѣста, а частію опасаясь, чтобы персидская пѣхота не ворвалась въ сады, стало по лѣвую сторону бугра и тѣмъ подвергло опасности редантъ маіора Нольде 1-го, который и былъ съ большою стремительностью атакованъ вмѣстѣ съ редутомъ, построеннымъ на бугрѣ Мухалетѣ. Наши солдаты, привыкшіе, въ пяти бывшихъ сраженіяхъ, видѣть персіянъ въ отдаленіи не ближе пушечнаго выстрѣла, увидали ихъ теперь ближе чѣмъ на ружейный. Эта стремительность доказывала присутствіе при отрядѣ самого Баба-хана. Посты эти были одновременно окружены огромными толпами персіянъ среди ночной темноты, не попрепятствовавшей видѣть, что изъ крѣпости, кромѣ того, сдѣланы были вылазки. Одна толпа ударила на правый нашъ флангъ и была отражена картечью батарей, другая, проникнувъ къ сторонѣ главной квартиры, была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ караула князя Циціанова. По темнотѣ ночи, непріятель полагалъ, что тутъ защищается и сосредоточенъ весь отрядъ, принялъ влѣво къ караванъ-сараю, но и здѣсь, найдя оборону, подался еще лѣвѣе и наткнулся на отрядъ подполковника Симоновича, штыками прогнавшаго его до самой крѣпости.

Въ то время, какъ эриванцы дѣйствовали на правомъ флангѣ нашего расположенія, персіяне, какъ мы видѣли, атаковали нашъ лѣвый флангъ. Оборона реданта маіора Нольде и редута на бугрѣ Мухалетѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣйствій, стойкость которыхъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Изъ полуторы роты, бывшей въ редантѣ Нольде, одна рота была отряжена еще съ вечера провожать прибывшій изъ монастыря провіантскій обозъ до Эчміадзинскаго караванъ-сарая. Она не успѣла еще возвратиться, когда редантъ, имѣвшій только 56 человѣкъ гарнизона, былъ окруженъ со всѣхъ

сторонъ персидскою толпою свыше 3,000 человѣкъ. Болѣе пяти часовъ гарнизонъ выдерживалъ сильный огонь и, не смотря на свою невѣроятную малочисленность, сумѣлъ найти средство и благопріятный моментъ къ тому, чтобы сдѣлать три вылазки и выбивать штыками непріятеля, засѣвшаго за каменьями, впереди реданта бывшими. Изъ 4-хъ офицеровъ, находившихся въ укрѣпленіи, одинъ былъ убитъ и три ранены; патроны, бывшіе въ сумахъ, всѣ разстрѣляны. Адъютантъ и маіоръ Нольде разносили ихъ изъ ящика и раздавали солдатамъ. Баба-ханъ удивлялся этой геройской защитѣ храбрыхъ, потерявшихъ уже 17 человѣкъ убитыми и ранеными [1]).

Оставшіеся невредимыми защитники, при дальнѣйшемъ наступленіи персіянъ, конечно, не могли бы удержать реданта, если бы не подоспѣла ему помощь. Стоявшій на правомъ берегу рѣки Занги 9-го егерскаго полка полковникъ Цеханскій, видя редантъ окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, приказалъ пустить нѣсколько бомбъ въ окружающихъ его персіянъ и выслалъ небольшую команду егерей изъ-за горы, лежащей на противоположномъ берегу. Персіяне приняли это за наступленіе нашихъ войскъ и, видя отступающими своихъ собратій, атаковавшихъ бугоръ Мухалетъ, сами начали поспѣшно отступать.

Гарнизонъ редута на бугрѣ Мухалетѣ состоялъ изъ 40 человѣкъ Тифлисскаго полка, подъ начальствомъ поручика Магданова, и имѣлъ худшую участь, чѣмъ гарнизонъ въ редантѣ маіора Нольде. Окруживши со всѣхъ сторонъ бугоръ и залегши за закрытіями, непріятель открылъ сильный огонь по малочисленному гарнизону. Поручикъ Магдановъ отвѣчалъ до тѣхъ поръ, пока не разстрѣлялъ всѣхъ патроновъ, но потомъ, не видя помощи, тѣснимый персіянами, лѣзшими на курганъ, и изнемогая самъ отъ двухъ ранъ, полученныхъ въ началѣ атаки, Магдановъ приказалъ бить тревогу во всѣ барабаны, какіе у него только были, съ тѣмъ, чтобы обратить на себя вниманіе другихъ постовъ. Маіоръ Монтрезоръ, услыхавъ тревогу, отправилъ тотчасъ же двѣ роты Тифлисскаго полка подъ начальствомъ маіора Токарева, но было уже поздно.

---

[1]) «Русскій Инвалидъ» 1836 г., № 104.

Токаревъ нашелъ персіянъ въ укрѣпленіи, гдѣ поручикъ Магдановъ и большая часть его команды лежали обезглавленными. Тифлисцы жестоко отмстили за смерть своихъ храбрыхъ товарищей; принятые въ штыки, персіяне принуждены были не отступать, а разсыпаться въ разныя стороны.

Каре генералъ-маіора Леонтьева, имѣя съ лѣвой стороны горы, покрытыя крупными каменьями, за которыми засѣлъ непріятель, болѣе всѣхъ потерпѣло убитыми и ранеными. Для выбитія его оттуда были отряжены охотники, которые хотя и вытѣснили персіянъ, но весьма значительныя силы непріятеля, съ стремленіемъ кидавшіяся какъ на каре, такъ и на пикеты, сбили съ высоты нашихъ охотниковъ. Каре, отражая непріятеля картечью и штыками высылаемыхъ резервовъ, заставило, наконецъ, отступить персіянъ съ значительнымъ урономъ, отнявъ у нихъ одно знамя. Поручикъ Лабынцовъ, предводительствовавшій охотниками, «озлобленный полученною контузіею и почитая нарушеніемъ его чести то, что былъ сбитъ съ высоты, тотчасъ, съ прапорщикомъ Выскребенцовымъ, кинувшись на высоты, занятыя непріятелемъ, штыками занялъ прежній постъ; послѣ чего Кавказскаго гренадерскаго полка капитанъ Кушелевъ съ 25 гренадерами и штабсъ-капитанъ Саратовскаго полка Лабунскій, съ такимъ же числомъ мушкетеръ, присланные въ подкрѣпленіе сему безпримѣрной храбрости поручику Лабынцеву, соединились, и тогда Кушелевъ, принявъ команду, сбилъ храбро персіянъ съ послѣдней высоты и отнялъ у нихъ два фальканета.»

Такъ кончилось дѣло на лѣвомъ флангѣ, бывшемъ долгое время въ большой опасности. Личное присутствіе тамъ Баба-хана и въ двадцать разъ превышающій числомъ непріятель дѣлали судьбу сраженія долгое время весьма сомнительною. Изъ главной квартиры и караванъ-сарая было отправлено на помощь лѣвому флангу все, что было возможно. Оба эти пункта остались совершенно безъ обороны, такъ что для обмана персіянъ были поставлены по стѣнамъ караванъ-сарая и базара деньщики, фурщики, грузины и разнаго рода нестроевые, которыхъ успѣли собрать. Постъ Кавказскаго гренадерскаго полка былъ самый важный изъ всѣхъ постовъ блокировавшаго отряда, какъ примыкавшій къ рѣкѣ

Зангѣ и связывавшій позицію, занимаемую 9-мъ егерскимъ полкомъ Въ случаѣ успѣха непріятеля и овладѣнія этимъ постомъ, прерывалось сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ рѣки и 9-мъ егерскимъ полкомъ, и тогда караванъ-сарай, въ которомъ были всѣ полковыя тяжести и подвижной магазинъ, мечеть и квартира главнокомандующаго, были открыты непріятелю. Тутъ же, у моста, построеннаго для соединенія отрядовъ другъ съ другомъ, были сложены всѣ снаряды, привезенные изъ Памбакъ наканунѣ сраженія. Словомъ сказать, съ потерею этой позиціи, снятіе блокады было бы неминуемо. Конечно, персіяне сдѣлали большую ошибку въ томъ, что не направили главныхъ своихъ силъ противъ этого пункта, составлявшаго, такъ сказать, ключъ позиціи. Разбросавъ свои силы на многіе отдѣльные и притомъ не столь важные пункты и не имѣя единства въ дѣйствіи, они тѣмъ дозволили нашимъ войскамъ оставить блокаду въ прежнемъ положеніи. Тогда какъ, сосредоточивъ войска въ этомъ пунктѣ, они, быть можетъ, и не нанесли бы намъ пораженія, но тѣмъ не менѣе заставили бы для отраженія себя стянуть наши войска къ этому пункту, и этимъ единственнымъ путемъ достигнувъ до Эривани, заставить снять блокаду, въ которой была вся цѣль ихъ дѣйствій. Эта-то ошибка была причиною того, что князь Циціановъ давалъ такое большое значеніе и упомянулъ въ реляціи объ отраженіи вылазки Кавказскаго гренадерскаго полка подполковникомъ Симоновичемъ.

«Этотъ храбрый офицеръ, писалъ князь Циціановъ, не смотря, что имъ командуемый баталіонъ большею частію занятъ былъ пикетами, со смѣнившимся моимъ карауломъ, присоединя еще занятыхъ службою, сперва огнемъ, а потомъ штыками, по разломанному форштату и каменьямъ лазя, положилъ на мѣстѣ до 400 человѣкъ. Упорство вылазки превзошло ожиданіе. Въ одной хижинѣ запершіеся и окруженные нашими, 30 человѣкъ персіянъ, не смотря на предложеніе Симоновича даровать имъ жизнь, въ случаѣ сдачи, не согласились на то, и всѣ до одного погибли.»

Что же касается до праваго берега рѣки Занги, занимаемаго 9-мъ егерскимъ полкомъ, то по тревогѣ шефъ того полка, полковникъ Цеханскій, выслалъ двухъ казаковъ разузнать о причинѣ ея. Казаки не успѣли отъѣхать на значительное разстояніе, какъ

персіяне съ крикомъ бросились въ садъ противъ егерскаго обоза. Хотя полкъ этотъ состоялъ преимущественно изъ рекрутъ, ни разу неслышавшихъ свиста пули, но трудами шефа, полковника Цеханскаго, былъ поставленъ, по выраженію князя Циціанова, «на такую ногу, что служитъ удивленіемъ для цѣлаго отряда, со мною находящагося» [1]). Три роты съ орудіемъ были отправлены очистить садъ, что ими и исполнено съ отнятіемъ одного непріятельскаго знамени.

Прогнанный непріятель хотя потомъ и порывался снова атаковать обозъ, но, не видя удачи, переправился черезъ рѣку Зангу и присоединился къ персіянамъ, дѣйствовавшимъ по ту сторону рѣки.

Въ часъ пополудни сраженіе кончилось, и непріятель отступилъ на Гарничай, оставивъ въ нашихъ рукахъ два знамени и два фальконета.

Послѣ сраженія Баба-ханъ приказалъ повѣсить своего лазутчика, который донесъ ему, что у насъ недостатокъ пороха и снарядовъ. Дѣйствительно, если бы Баба-ханъ атаковалъ нѣсколькими часами ранѣе, то положеніе эриванскаго отряда было бы весьма затруднительно, такъ какъ нашъ транспортъ съ порохомъ, патронами и снарядами успѣлъ прибыть къ отряду только передъ самымъ началомъ сраженія, чего лазутчикъ, конечно, не могъ знать.

Хотя разстройство непріятеля было столь значительно, что при малѣйшемъ преслѣдованіи или ночномъ нападеніи онъ могъ бы быть окончательно разсѣянъ, но князь Циціановъ не предпринималъ ни того, ни другаго, за неимѣніемъ кавалеріи. Главнокомандующій полагалъ, что съ пѣхотою нельзя было преслѣдовать, съ чѣмъ нельзя согласиться, тѣмъ болѣе, что, по его собственнымъ словамъ, непріятель былъ такъ разстроенъ, «что онъ по одному слуху, что русскіе идутъ, на третій день, поспѣшно снявшись, ушелъ за четыре часа (мили) оттоль». Потеря наша состояла изъ 4-хъ офицеровъ и 58-ми нижнихъ чиновъ убитыми, 7 безъ вѣсти пропавшими и 9 офицеровъ, 108 нижнихъ чиновъ

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Князя Циціанова 16-го іюля 1804 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—13, 1803—1805 гг., № 1.

ранеными. Непріятель потерялъ 1,000 человѣкъ оставленными на мѣстѣ, въ томъ числѣ, по показанію плѣнныхъ, 3 хана и 250 чиновниковъ, не считая увезенныхъ и раненыхъ. Вылазка изъ города оставила на мѣстѣ 500 человѣкъ. Плѣнныхъ было взято очень мало, потому что князь Цаціановъ, не имѣя избытка въ запасахъ провіанта, не приказалъ брать въ плѣнъ.

Свидѣтельствуя о заслугахъ всего отряда и представляя списокъ удостоенныхъ наградъ князь Циціановъ особенно ходатайствовалъ за маіора Нольде, которому просилъ пожаловать орденъ св. Георгія 4-го класса, полковнику Цеханскому шпагу съ золотымъ ефесомъ съ надписью дня и года побѣды и наконецъ подполковнику Симоновичу слѣдующій чинъ. «Повышеніемъ его въ чинѣ, доносилъ князь Циціановъ [1]), служба вашего императорскаго величества выигрываетъ, потому что съ военными талантами и знаніемъ офицеръ, каковъ онъ, чѣмъ скорѣе выйдетъ въ высшіе чины, тѣмъ безопаснѣе ему поручить будетъ начальство большой части войска, къ славѣ оружія. Усердіе мое къ службѣ вашего императорскаго величества налагаетъ на меня обязанность во всей всеподданнѣйшей откровенности и съ стѣсненіемъ сердца донесть, что никогда чиновниковъ, незнающихъ своего дѣла, такъ много не было, какъ нынѣ, и не отъ какой иной причины, какъ отъ того, что они, проходя чины на крыльяхъ вѣтра, по старшинству, а не знанію, не имѣютъ времени пріобрѣсть военное искусство практикою, не имѣя понятія о теоріи. При таковыхъ-то генералахъ и штабъ-офицерахъ, начальствующій генералъ въ военное время ежедневно подвергаетъ себя посрамленію, критикѣ, суду и обязанъ бываетъ для онаго оставить службу.» .

Императоръ Александръ пожаловалъ всѣмъ просимыя награды и въ томъ числѣ самому князю Циціанову назначилъ орденъ св. Владиміра 1-й степени.

Послѣ пораженія подъ Эриванью, персидскія войска раздѣлились на двѣ части: одна, подъ начальствомъ самого Баба-хана, пошла на деревню Канакири, находившуюся въ лѣвой сторонѣ отъ крѣпости и въ одной мили отъ нея, а другая осталась, подъ

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 16-го іюля 1804 года.

начальствомъ сына Баба-хана, въ лагерѣ при Гарнигаѣ. Нельзя было не воспользоваться этимъ безцѣльнымъ раздѣленіемъ персидскихъ силъ. Какъ только князь Циціановъ узналъ объ этомъ, онъ тотчасъ же рѣшился сдѣлать ночное нападеніе на непріятельскій лагерь, и притомъ не употреблять при этомъ значительныхъ силъ. Но если Баба-ханъ сдѣлалъ ошибку раздѣленіемъ своихъ силъ и давалъ средства для атаки его по частямъ, то князь Циціановъ сдѣлалъ еще бо̀льшую ошибку тѣмъ, что назначилъ для исполненія этого предпріятія отрядъ только изъ 900 человѣкъ при 6-ти орудіяхъ [1]). Поручивъ команду шефу Нарвскаго драгунскаго полка, генералъ-маіору Портнягину, главнокомандующій отправилъ его къ персидскому лагерю ночью 24-го іюля. Какъ тихо ни шли наши солдаты, но были замѣчены непріятелемъ ранѣе чѣмъ успѣли подойти къ самому лагерю. Люди хойскаго хана, бывшаго при генералъ-маіорѣ Портнягинѣ, замѣтивъ непріятельскій пикетъ, не дали никому о томъ знать, и бросившись на него открыли огонь. Къ разсвѣту отрядъ хотя и продолжалъ движеніе, но на пути своемъ былъ нѣсколько разъ останавливаемъ персидскою конницею, выѣзжавшею съ разныхъ сторонъ на дорогу, по которой двигался отрядъ. Отражая охотниками и фланкерами непріятеля, Портнягинъ наткнулся на три толпы персіянъ, бывшихъ подъ начальствомъ самого Аббасъ-Мирзы. Каре наше остановилось. Аббасъ-Мирза, не вступая въ бой, стоялъ въ отдаленіи около двухъ верстъ отъ каре. Въ то же время, вправо отъ дороги къ рѣкѣ Араксу, показалась колонна съ вьюками, заключавшими въ себѣ лагерь и припасы персіянъ. На мѣстѣ лагеря персидскихъ войскъ, повидимому, не оставалось болѣе трехъ тысячъ, назначенныхъ собственно для защиты и занятія деревни Ахъ-Бетъ. Не имѣя цѣли идти на лагерь, Портнягинъ двинулся къ стоявшимъ въ отдаленіи толпамъ, но онѣ тотчасъ же начали отступать и подымаясь поодиночкѣ на горы, непроходимыя для сомкнутаго строя, потянулись по дорогѣ изъ Канакири лежащей. Туда стали

[1]) Въ отрядъ этотъ были назначены: 170 гренадеръ и 210 мушкетеръ Саратовскаго полка, 190 мушкетеръ Тифлисскаго полка, 100 драгунъ Нарвскаго полка, 30 казаковъ, 100 грузинъ и 100 челов. персіянъ Джафаръ-Кули-хана хойскаго, при личномъ его начальствѣ.

собираться съ разныхъ сторонъ и толпы персіянъ, подъ начальствомъ вернувшагося Баба-хана, бывшаго въ Канакири. Ограничившись дѣйствіемъ артиллерійскаго огня, Портнягинъ съ отрядомъ отошелъ нѣсколько назадъ къ ключевой водѣ, съ цѣлью дать отдохнуть уставшему отряду. Но едва отрядъ успѣлъ напиться, какъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ спустившимися съ горъ персіянами, въ числѣ до 30,000 человѣкъ. Портнягинъ началъ отступать, по направленію къ Эривани, и въ продолженіе 14½-часоваго пути отбивался отъ непріятеля,—то атаковывавшаго его, то забѣгавшаго впередъ, чтобы отрѣзать ему путь отступленія,—съ такимъ успѣхомъ, что привелъ съ собою всѣхъ раненыхъ, не оставивъ на полѣ сраженія ни одного изъ нихъ [1]).

Донося объ этомъ геройскомъ отступленіи, князь Цицiановъ прибавлялъ: «городъ (Эривань) стрѣлялъ викторію уже, получа отъ Баба-хана, что онъ всѣхъ русскихъ живыхъ возьметъ, но изумленъ былъ потомъ, видя каре въ цѣлости возвратившимся [2]).»

Въ этомъ дѣлѣ потеря непріятеля простиралась до 800 человѣкъ; съ нашей стороны потеря заключалась въ 2-хъ убитыхъ и 62-хъ раненыхъ. Выпущено 10,203 патрона и 76 артиллерійскихъ снарядовъ.

Съ 24-го іюля по 2-е сентября князь Цицiановъ простоялъ подъ Эриванью и 2-го числа долженъ былъ, за недостаткомъ продовольствія, снять блокаду и отступить. Въ этотъ промежутокъ времени ничего важнаго относительно военныхъ дѣйствій предпринимаемо не было, ни со стороны нашей, ни со стороны персидскихъ войскъ. Наши войска приготовляли лѣстницы для штурма и плели туры для брешъ-батареи, которая хотя и была заложена, въ ночь на 23-е іюля, на правомъ флангѣ противъ ханскаго дома, но не могла принести намъ никакой пользы, за неимѣніемъ осадныхъ орудій, такъ что главнокомандующій приказалъ даже прекратить огонь. Однажды къ Джафаръ-Кули-хану явился посланный отъ эриванскаго хана просить лекаря для больнаго племян-

---

[1]) Рапортъ г.-м. Портнягина кн. Цицiанову 27-го іюля, № 268. Воен. учен. Арх. Главн. Штаба.

[2]) Рап. кн. Цицiанова Государю Императору 27-го іюля. Тамъ же.

ника. Джафаръ отправилъ посланнаго къ князю Цицiанову, но тотъ не согласился отпустить русскаго доктора въ крѣпость.

— Отчего вы не стрѣляете по городу? спросилъ персiянинъ главнокомандующаго; видно у васъ нѣтъ зарядовъ?

— Я приказалъ прекратить стрѣльбу для сбереженiя жителей, которые скоро будутъ подданные Россiи, отвѣчалъ князь Цицiановъ, а зарядовъ у меня много и велѣлъ ему показать недавно привезенные изъ Памбакъ.

Вскорѣ послѣ того было брошено изъ крѣпости весьма удачно двѣ бомбы, которыя разорвало недалеко отъ сложенныхъ зарядовъ. Послѣднiе, по приказанiю князя Цицiанова, перенесены были на другое мѣсто.

Вообще осада шла весьма вяло, и обѣ стороны рѣдко открывали огонь. Баба-ханъ съ своими войсками показывался на высотахъ передъ нашими передовыми постами, но, не предпринимая ничего и постоявъ нѣкоторое время, опять скрывался изъ виду. Онъ то уходилъ въ деревню Шарури, то опять возвращался въ Гарничай, то тянулся къ рѣчкѣ Керкъ-булакъ. Такая бездѣятельность персидскихъ войскъ и самого Баба-хана была весьма выгодна для нашего отряда, терпѣвшаго значительный недостатокъ въ продовольствiи.

Собственно говоря, недостатокъ въ провiантѣ сталъ ощущаться вскорѣ послѣ прибытiя къ Эривани и людямъ производилась половинная порцiя хлѣба, дополняемая фунтомъ говядины. При недостаткѣ соли, при неимѣнiи ни вина, ни уксуса во время ужасныхъ жаровъ, такое продовольствiе оказывало вредное влiянiе на здоровье нижнихъ чиновъ, и многiе заболѣвали. Найденное небольшое количество пшеницы и муки улучшило на короткое время продовольственную часть, но за то фуражъ совершенно истощился. По неимѣнiю въ окрестностяхъ Эривани травы, лошадей кормили собираемыми въ садахъ листьями, но отъ такой пищи онѣ пришли въ совершенное истощенiе, и на поправленiе ихъ не было никакой надежды.

Для продовольствiя отряда, блокировавшаго Эривань, было сдѣлано распоряженiе о перевозкѣ провiанта изъ тифлисскаго магазина въ памбакскiй, а изъ сего послѣдняго провiантъ долженъ

былъ доставляться въ отрядъ [1]). Сверхъ того, князь Циціановъ положился на казахскаго моурава князя Чавчавадзе, обѣщавшаго собрать въ счетъ подати съ подчиненныхъ ему казахскихъ татаръ 3,000 кодъ (1,000 четвертей) муки и доставить ее къ отряду, но всѣ распоряженія главнокомандующаго въ этомъ отношеніи оказались несостоятельными. Нарядъ аробъ во время полевыхъ работъ былъ затруднителенъ и потому правитель Грузіи князь Волконскій предложилъ грузинскимъ провіантскимъ коммиссіонерамъ отправиться самимъ въ Памбаки закупить тамъ необходимое количество хлѣба, и доставить его въ Кара-Килисъ средствами самихъ продавцовъ [2]). Коммиссіонеры доносили, что всѣ жители откочевали въ горы, а потому трудно разсчитывать на покупку провіанта, который къ тому же, будучи купленъ только въ зернѣ, требовалъ средствъ и времени для обращенія въ муку. Коммиссіонеры просили князя Волконскаго нарядить хотя соотвѣтствующее число аробъ изъ разныхъ уѣздовъ Грузіи для перевозки заготовленныхъ уже 600 четвертей муки и 90 четвертей крупы, но и на это не получили согласія правителя. «На пространный и мало въ себѣ заключающій рапортъ, писалъ князь Волконскій [3]) коммиссіонерамъ, имѣю сказать и предписать исполненіе приказанія моего. Буде бы на мѣстѣ обстоятельства вамъ открыли того невозможность, тогда только дозволяю донести себѣ о невозможности.»

Коммиссіонеры отправились для закупки; время уходило, а эриванскій отрядъ остался безъ продовольствія, такъ какъ обѣщанная княземъ Чавчавадзе мука также не была доставлена.

Князь Циціановъ писалъ жесткія письма князю Чавчавадзе, говорилъ, что вмѣсто хлѣба онъ имѣетъ отъ него только однѣ персидскія отговорки, укорялъ его въ невѣрности, но провіанта все-таки не было доставлено ни отъ князя Чавчавадзе, ни изъ Грузіи отъ тамошнихъ коммиссіонеровъ. Главнокомандующій при-

[1]) Сообщеніе грузинскаго провіантскаго коммиссіонера 17-го іюля, № 131. Рапортъ коммиссіонеровъ правителю Грузіи 24-го іюля, № 610.

[2]) Предписаніе кн. Волконскаго грузинскимъ коммиссіонерамъ 25-го іюля, № 712.

[3]) Коммиссіонерамъ въ предписаніи отъ 26-го іюля 1804 г. Тифлисс. Арх. Канц. намѣстника.

нужденъ былъ отправить въ Тифлисъ для закупки хлѣба бывшаго при отрядѣ коммиссіонера 7-го класса Дурново, но и эта посылка не имѣла успѣха, такъ какъ всѣ сообщенія были заняты непріятелемъ и въ самой Грузіи происходили волненія.

XIX.

Поведеніе князя Цицiанова относительно хановъ и горскихъ владѣтелей. — Безпорядки въ Грузіи во время эриванской экспедиціи. — Восстаніе горскихъ племенъ: осетинъ, мтіулетинцевъ и тагаурцевъ.—Дѣйствія и интриги царевичей Александра, Юлона и Парнаоза. Взятіе въ плѣнъ царевича Юлона.—Вліяніе волненій въ Грузіи на дѣйствія наши подъ Эриванью. — Снятіе блокады крѣпости и возвращеніе отряда въ Памбаки.

Поведеніе, принятое княземъ Цицiановымъ относительно горскихъ хановъ и владѣтелей, было рѣзко противоположно тому, которому русское правительство слѣдовало до него. «Я дерзнулъ, писалъ онъ канцлеру, принять правило, противное прежде бывшей здѣсь системѣ, и, вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками, опредѣленными для умягченія горскихъ народовъ, платить нѣкоторый родъ дани за мнимое ихъ подданство, я самъ требую даней.»

Въ своихъ сношеніяхъ съ окружными владѣтелями онъ говорилъ языкомъ простымъ, серьезнымъ, но острымъ и тономъ повелительнымъ, признавая это необходимымъ для внушенія къ себѣ уваженія.

— Азіятскій народъ, говорилъ князь Павелъ Дмитріевичъ, требуетъ, чтобы ему во всякомъ случаѣ оказывать особливое пренебреженіе.

Руководясь этимъ убѣжденіемъ, князь Цицiановъ основывалъ на немъ и всѣ свои поступки въ сношеніяхъ съ сосѣдними владѣльцами.

«Безстыдный и съ персидскою душою султанъ, писалъ онъ однажды султану эллисуйскому [1]), и ты еще ко мнѣ смѣешь писать. Дождешься ты меня къ себѣ въ гости, за то, что части дани своей шелкомъ не платишь цѣлые два года, что прини-

---

[1]) Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1,414.

маешь бѣглыхъ агаларовъ Россійской Имперіи и даешь имъ кровлю и что Баба-хану съ джарцами посылалъ триста человѣкъ войска.»

«*Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ,* такъ можешь ли ты своими коварными отговорками, въ письмѣ изъясненными, меня обмануть? Было бы тебѣ вѣдомо, что если еще человѣкъ твой придетъ ко мнѣ безъ шелку, котораго на тебя наложено сто литръ въ годъ, то быть ему въ Сибири, а я, доколѣ ты не будешь вѣрнымъ данникомъ великаго моего Государя Императора, дотолѣ *буду желать кровію твоею мои сапоги вымыть.*»

Лица всѣхъ званій и владѣтели, нерасположенные къ Россіи, видѣли, что открытыми дѣйствіями трудно и невозможно было уклоняться отъ принятыхъ обязательствъ. Точно также видѣли это и грузинскіе царевичи Александръ, Юлонъ, Парнаозъ и сознавали, что имъ невозможно прямымъ путемъ и открытою силою достигнуть желаемой цѣли—освободить Грузію изъ-подъ власти Россіи. Они рѣшились дѣйствовать тайно, при помощи интригъ, подговоровъ и волненій жителей, рѣшились воспользоваться злоупотребленіемъ мелкихъ чиновниковъ и возбудить въ народѣ всеобщую ненависть къ представителямъ русской власти въ Грузіи. Царевичи надѣялись, что произведенными безпорядками они хотя на время остановятъ энергическія дѣйствія князя Цицiанова противъ членовъ бывшаго царскаго дома.

Съ удаленіемъ Коваленскаго отъ должности правителя Грузіи по гражданской части, мѣсто его занялъ сначала родной братъ Коваленскаго, какъ старшій изъ русскихъ чиновниковъ, а потомъ генералъ-маіоръ Тучковъ. Будучи недоволенъ Тучковымъ за то, что онъ донесъ сенату о моровой язвѣ, появившейся въ Тифлисѣ, помимо главноуправляющаго, князь Цицiановъ хотѣлъ удалить его отъ этой должности. Онъ просилъ Императора Александра назначить въ правители Грузіи такое лицо, которое бы въ отсутствіе главнокомандующаго соединяя военную власть съ гражданскою, могло удобнѣе управлять новою областью. Генералъ-лейтенантъ князь Волконскій 3-й назначенъ въ эту должность.

По прибытіи въ Тифлисъ, князь Волконскій получилъ приказаніе объѣхать всѣ уѣзды для обревизованія какъ дѣлъ и присутственныхъ мѣстъ, такъ и для опредѣленія недостатковъ земской

полиціи, о злоупотребленіяхъ и неправильныхъ дѣйствіяхъ которой стали доходить слухи до Тифлиса.

Самовластіе земской полиціи, необдуманныя и несообразныя съ духомъ и характеромъ народа распоряженія и, наконецъ, жестокое обращеніе были поводомъ къ возстанію горскихъ племенъ, подвластныхъ Грузіи, и къ волненію въ цѣлой странѣ. Спокойствіе еще сохранялось, пока самъ князь Циціановъ находился въ Тифлисѣ, но какъ только онъ выступилъ съ отрядомъ къ Эривани, волненіе тотчасъ же обнаружилось почти во всей Грузіи. Осетинскія племена, жившія по Арагвѣ, были черезъ мѣру обременяемы требованіями проходившихъ по военно-грузинской дорогѣ войскъ и транспортовъ. Имъ не выдавали задѣльной платы и снова выгоняли на работу, причемъ обращались весьма жестоко. Ананурскій капитанъ-исправникъ, мало того, что наносилъ обиды и оскорбленія подвластнымъ ему жителямъ, но нерѣдко употреблялъ и истязанія. По его приказанію, солдаты запрягли въ сани двухъ женщинъ и погоняли ихъ плетьми [1]). За такую жестокость въ обращеніи осетины отвѣтили тѣмъ же: они лопатами убили капитанъ-исправника [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ жители жившіе по рѣкѣ Арагвѣ, въ ущельяхъ Чартальскомъ, Гудомакарскомъ, Хандовскомъ и Мтіулетскомъ, отказались повиноваться русскому правительству. Признавая надъ собою власть русскаго Императора, они заявляли только, что не въ силахъ и не будутъ повиноваться поставленнымъ надъ ними правителямъ.

— Мы, говорили мтіулетинцы, просили Бога объ укрѣпленіи въ Грузіи непобѣдимаго воинства всемилостивѣйшаго Государя, теперь просимъ о томъ, чтобы оно поглощено было какою-либо внезапною напастью. Мы не хвалимся силою, чтобы воевать съ русскими, но всѣ до единаго остановились на томъ, чтобы избавиться отъ нестерпимой горести, зажечь своими руками наши дома, во-

---

[1]) Изъ донесенія Волконскаго кн. Цицiанову 9-го іюля 1804 г. Еще раньше того мтіулетинцы жаловались на жестокое обращеніе съ ними ананурскаго капитанъ-исправника. — «Прибывъ онъ, писали они, передъ симъ въ Жамури, поймалъ осетинцевъ и, наливши въ корыто, въ коемъ кормятъ собакъ, молока и побивъ кошекъ поклалъ въ него жъ, да также положилъ туда калъ человѣческій и тѣмъ ихъ накормилъ.» Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 599.

[2]) Изъ краткой исторіи Грузіи кн. Александра Чавчавадзе (рукопись).

гнать туда женъ и дѣтей, а потомъ броситься въ пламя, чтобы тамъ сгорѣть. Мы предпочитаемъ умереть такъ, чѣмъ мучиться, ожидать смерти отъ плетей, и видѣть опозоренными нашихъ женъ.

Возставшіе жители прервали сообщеніе Кавказской линіи съ Грузіею, уничтожили всѣ мосты въ Дарьяльскомъ ущельѣ, забросали большими деревьями всю дорогу отъ Кайшаура до Ананура, убивали всѣхъ проѣзжихъ и, наконецъ, въ самомъ Кайшаурѣ вырѣзали казачій постъ, состоявшій изъ 17 человѣкъ [1]). Партія осетинъ въ тысячу человѣкъ явилась у Коби, гдѣ разграбила бывшій тамъ провіантъ и разные запасы. Другая партія, около 4,000 человѣкъ, подошла къ Анануру и, остановившись въ трехъ верстахъ отъ города, требовала, чтобы ананурскій комендантъ вывелъ войска изъ города, съ тѣмъ, что если сего не исполнитъ, то объявилъ бы жителямъ, чтобъ они оставили Анануръ, такъ какъ собравшіеся намѣрены атаковать его.

Правитель Грузіи думалъ усмирить взбунтовавшихся обѣщаніемъ заплатить деньги за работы по очисткѣ дороги, но это не подѣйствовало. Князь Волконскій не зналъ осетинъ, а осетины не знали своего новаго правителя.

«По рапортамъ генералъ-лейтенанта Волконскаго, писалъ князь Циціановъ [2]), вижу не только уменьшеніе волнованія мтіулетинцевъ, но вящшія ихъ дерзости, кои ничему иному приписать не могу, какъ тому, что сказанный генералъ, ввѣряясь доносамъ и совѣтамъ грузинскихъ князей, не тѣ мѣры и не тѣхъ людей употребляетъ, какихъ слѣдовало бы. И все сіе происходитъ отъ незнанія ни характера національнаго, который клонится къ легковѣрію и легкомыслію, ни князей, кои попеченіемъ царя Ираклія II привыкли другъ противъ друга враждовать и на семъ основывать всѣ свои шаги и всѣ свои доносы.»

Осетины толпами ходили по деревнямъ хевскихъ жителей и уговаривали ихъ къ возстанію; многіе пробрались къ тушинамъ, пшавамъ и хевсурамъ, среди которыхъ нашли себѣ единомышленниковъ, готовыхъ соединиться съ ними.

---

[1]) Рап. ананурскаго коменданта отъ 5-го іюля 1804 г.

[2]) Кочубею отъ 14-го сентября 1804 г. Арх. Минист. Внутр. Дѣлъ по департ. общихъ дѣлъ, дѣла Грузіи.

— Кровью тѣхъ, у которыхъ у одѣянія обрѣзаны полы и назади разрѣзано [1]), выхвалялись пшавы и хевсуры, мы довольно подкрасимъ рѣку Арагву.

Князь Волконскій и на этотъ разъ надѣялся удержать колеблющихся отъ возстанія не оружіемъ, а деньгами. Онъ отправилъ пшавамъ тысячу рублей, съ цѣлью отклонить ихъ отъ сообщничества съ осетинами. Пшавы приняли деньги, обѣщали исполнить просьбу правителя Грузіи, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ рядахъ осетинъ сражались противъ нашихъ войскъ. Возстаніе горцевъ все болѣе и болѣе усиливалось и распространилось по рѣкамъ Большой и Малой Ліахвамъ [2]).

Тагаурцы узнали, что у Моздока, по правому берегу рѣки Терека, армяне будутъ провозить богатые товары, въ томъ числѣ и жемчугъ. Собравшись близъ дороги, они ограбили шедшій караванъ. Князь Циціановъ потребовалъ отъ тагаурцевъ выдачи какъ плѣнныхъ, такъ и товаровъ, и вслѣдъ затѣмъ въ наказаніе за то, что не возвратили всего захваченнаго, воспретилъ имъ въѣздъ какъ въ Грузію, такъ и въ Моздокъ—мѣста, въ которыхъ тагаурцы пріобрѣтали почти все свое пропитаніе. Главнокомандующій въ то же время приказалъ захватить одного изъ ихъ старшинъ, наиболѣе безпокойныхъ.

Это послѣднее обстоятельство и давнишнее неудовольствіе народа на исправниковъ было причиною, что тагаурцы, собравшись въ ущельяхъ, стали останавливать, грабить и убивать проѣзжихъ [3]).

По полученіи свѣдѣній о безпорядкахъ въ Тагаурскомъ ущельѣ, князь Циціановъ отправилъ туда подполковника князя Эристова, для усмиренія волнующихся, имѣя въ виду, что фамилія Эристовыхъ всегда пользовалась вліяніемъ надъ осетинскими племенами, къ которымъ принадлежали и тагаурцы. Князь Эристовъ получилъ приказаніе взять роту Севастопольскаго мушкетерскаго полка, стоявшую въ Ананурѣ, собрать хорошо вооруженныхъ людей изъ своихъ имѣній и имѣній царевича Вахтанга и съ этимъ отрядомъ двинуться къ м. Казбеку. Тамъ стараться убѣдить возставшихъ покориться

[1]) Такъ называли они наши войска, одѣтыя въ мундиры.

[2]) Впадающимъ въ р. Куру.

[3]) Всеподд. рапортъ кн. Циціанова 29-го мая 1804 г., № 133.

русскому правительству и если они на то добровольно не согласятся, то «жестокостію оружія, колоть, рубить, жечь ихъ селенія, словомъ при вступленіи въ ихъ жилища и съ ними въ дѣло должно истребить мысль о пощадѣ, какъ къ злодѣямъ и варварамъ [1]).

Одновременно съ этимъ, князь Эристовъ долженъ былъ предложить тагаурцамъ отказаться отъ содержанія почты по пути отъ Владикавказа до Казбека, какъ то было до сихъ поръ, и тогда обѣщать, «что каждому дому ихъ (которыхъ считалось 11) будетъ производиться въ годъ по 150 руб. сереб., и всякій старшій въ домѣ уравненъ будетъ въ достоинствѣ съ нашими казачьими офицерами.»

Князь Эристовъ уговаривалъ возмутившихся покориться и говорилъ, что въ противномъ случаѣ они будутъ истреблены съ семействами ихъ, такъ «что и сѣмени не останется». Онъ спрашивалъ, какъ могутъ они противиться русскому Императору, «когда Франція и Турція не могли противиться ему?» Тагаурцы не слушали увѣщаній, не хотѣли покориться и ссылались на притѣсненія, дѣлаемыя имъ русскими чиновниками. Они говорили, что не будутъ болѣе пропускать русскихъ въ Грузію; что они послали уже просить помощи прочихъ горскихъ народовъ и ждутъ къ себѣ царевичей Юлона и Парнаоза [2]). Не рѣшаясь съ столь малымъ отрядомъ слѣдовать въ ущелья, для наказанія возмутившихся, князь Эристовъ писалъ князю Циціанову, что весь источникъ зла происходитъ изъ Имеретіи отъ царевичей. Послѣдніе принимали дѣятельное участіе въ поддержаніи этого возстанія. Парнаозъ обѣщалъ пріѣхать въ Осетію и принять начальство надъ собравшимися, а Александръ писалъ тагаурцамъ письмо [3]), въ которомъ просилъ испортить дорогу и не пропускать русскихъ. Онъ сообщалъ, что 200,000 персіянъ идутъ уже въ Грузію.

Не ограничиваясь этимъ, Юлонъ, Парнаозъ и Александръ старались поднять знамя бунта и во всѣхъ остальныхъ провинціяхъ Грузіи. По уговору ихъ, жители двадцати семи деревень памбак-

---

[1]) Предписаніе кн. Циціанова князю Эристову отъ 25-го мая 1804 г.
[2]) Рап. кн. Эристова кн. Циціаиову 12-го іюля 1804 г. изъ Ломиса.
[3]) Рапортъ маіора Казбека кн. Волконскому 14-го іюля 1804 г.

скихъ съ ихъ агаларами бѣжали въ Карсскій пашалыкъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ казахскіе агалары, содержавшіе пограничные караулы, бѣжали къ персіянамъ и объявили имъ, что они будто бы присланы отъ народа, отдающагося въ подданство шаха. Примѣру казаховъ, послѣдовали и шамшадыльскіе татары, признавшіе Баба-хана своимъ повелителемъ и выгнавшіе своего моурава, принужденнаго спасаться бѣгствомъ отъ плѣна или смерти [2]). Подстрекаемые персіянами, памбакскіе и борчалинскіе татары грабили армянъ и тѣмъ принудили послѣднихъ оставить свои жилища и подойти ближе къ Тифлису подъ защиту русскихъ войскъ. Такое приближеніе навело страхъ на жителей Тифлиса, опасавшихся, чтобы хищники не ворвались въ столицу Грузіи и не предали ее разграбленію. Въ виду распространившихся неблагопріятныхъ слуховъ и вспоминая прошлое, каждый обитатель столицы считалъ такое вторженіе дѣломъ весьма возможнымъ и тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что возставшіе татары разсчитывали на внѣшнюю помощь и содѣйствіе персіянъ.

По просьбѣ тѣхъ же царевичей, многіе сосѣди Грузіи готовились къ вторженію въ ея предѣлы. Ханы шекинскій и шемахинскій, собравши до 6,000 человѣкъ войска, подошли къ ея границамъ. Потали-бекъ, сынъ Ибрагимъ-хана шушинскаго (карабагскаго), нападалъ на елисаветпольскихъ жителей, убиравшихъ въ полѣ хлѣбъ, и отгонялъ скотъ. Джарскіе лезгины вторгались въ Кахетію и даже проникали почти до самаго Тифлиса [3]). Жившій въ Джарахъ татаринъ Бадиръ-Юсуфъ, собравъ глуходаровъ, два раза ходилъ на хищничество и изъ двухъ деревень Марнеули и Телети увелъ въ плѣнъ изъ первой 8, а изъ послѣдней 16 душъ; въ третій разъ онъ отогналъ пасшихся на рѣкѣ Іорѣ барановъ. Бѣжавшій изъ Грузіи въ Джаро-Бѣлоканы Анджино Бебуровъ, собравши тамъ большую партію, ходилъ на Карай, а оттуда къ Тифлису съ намѣреніемъ разорить селеніе Куки. Карсскій паша снабжалъ царевича Александра провіантомъ и посылалъ дары Баба-хану. Миръ-Мустафа ханъ талышинскій, для защиты котораго постоянно

[1]) Рап. памбакскаго моурава 15-го іюля.
[2]) Рап. правителя Грузіи князю Циціанову 1-го іюля.
[3]) Рап. правителя Грузіи князю Циціанову 1-го іюля.

находился у острова Сарро русскій фрегатъ, также присоединилъ свои войска къ персидскимъ для дѣйствія противъ насъ. Однимъ словомъ, Грузія находилась въ это время въ большой опасности: почти всѣ ея сосѣди приготовлялись къ враждебнымъ дѣйствіямъ, а внутри ея происходило волненіе среди большей части населенія, не исключая даже князей, жившихъ какъ въ Карталиніи, такъ и въ Кахетіи.

Въ половинѣ мая пріѣхалъ къ царевичу Юлону посланный отъ шаха, увѣдомлявшаго о своемъ движеніи и просившаго, чтобы и онъ со своей стороны приготовилъ къ возстанію карталинскихъ князей. Передъ этимъ еще царевичи завели переписку съ князьями кахетинскими и карталинскими [1]), которые соглашались имъ содѣйствовать, но при условіи, чтобы у царевичей было свое войско, и чтобы возстаніе было произведено тогда, когда послѣдуетъ пораженіе отряда, бывшаго съ княземъ Цыціановымъ подъ Эриванью. Для бо́льшаго успѣха, Юлонъ и Парнаозъ хотѣли сами повидаться съ приверженцами своими въ Грузіи и думали, пробравшись въ м. Большія Ліахвы, взволновать тамъ народъ. Въ предупрежденіе такихъ замысловъ, правитель Грузіи послалъ команду для ихъ преслѣдованія, а съ жителей Большихъ и Малыхъ Ліахвъ взялъ аманатовъ [2]).

Царевичи, узнавъ, что русскія войска въ непродолжительномъ времени займутъ Имеретію [3]), 3-го іюня 1804 г., оставили ее и пробрались по картахской дорогѣ въ Боржомское ущелье, куда и прибыли ночью на 8-е число. Отсюда они думали переправиться черезъ Куру и пробраться одному въ Осетію, а другому къ мтіулетинцамъ [4]) и по пути имѣть свиданіе съ нѣкоторыми карталинскими князьями. Въ случаѣ неудачи, оба царевича хотѣли соединиться съ братомъ Александромъ [5]). У селенія Пролосено, дождав-

---

[1]) Изъ показаній арестованныхъ кн. Амереджибова и дворянина Глаха Абелова, находившихся при царевичахъ въ Имеретіи.

[2]) Донесеніе князя Волконскаго кн. Цыціанову 16-го іюля, № 54.

[3]) При бѣжавшихъ царевичахъ были два сына Юлона: Луарсабъ и Леванъ, изъ коихъ первый скоро возвратился обратно въ Кутаисъ. Кромѣ того, съ царевичами были до 55 человѣкъ князей и дворянъ.

[4]) Показаніе дворянина Саакадзе 27-го іюня 1804 г.

[5]) Показаніе кн. Соломона Амереджибова 27-го іюня 1804 г.

шись ночи, прiѣхали они къ р. Курѣ и, по невозможности переправиться, отправились къ деревнѣ Гогiасъ-цихе.

Прождавши тамъ три дня, они узнали, что будто бы князь Цицiановъ уже окруженъ персiянами подъ Эриванью, что жители арагвскихъ селенiй взбунтовались, что для усмиренiя ихъ посланы князья Эристовы и что теперь настало самое удобное время для исполненiя предположеннаго плана. Царевичи снова пытались переправиться черезъ рѣку Куру, но, не успѣвъ въ этомъ, прiѣхали въ осетинскую деревню Орниси. Одинъ изъ нихъ намѣренъ былъ остаться на рѣкѣ Арагвѣ, для поддержанiя возстанiя, а другой предполагалъ отправиться въ Дагестанъ для сбора войскъ.

Горiйскiй комендантъ, маiоръ Рейхъ, слѣдилъ за путешествiемъ царевичей и приказалъ командирамъ ротъ, занимавшихъ пограничные посты, выставить секретные пикеты для наблюденiя за ними. 24-го iюня штабсъ-капитанъ Новицкiй, стоявшiй съ ротою въ мѣстечкѣ Цхинвалѣ, съ 40 егерями и нѣсколькими казаками, углубившись верстъ на 40 въ предѣлы Имеретiи, захватилъ свиту царевичей, отъ которой узналъ, что Юлонъ и Парнаозъ находятся въ урочищѣ Шагорбели-Илеви. Раздѣливъ отрядъ свой на двѣ партiи, Новицкiй отправилъ казаковъ вправо, а егерей влѣво отъ урочища и, пройдя лѣсъ, напалъ на лагерь царевичей. Юлонъ едва не погибъ подъ штыками егерей, но былъ спасенъ, взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Тифлисъ, гдѣ и содержался подъ строгимъ присмотромъ, а Парнаозъ успѣлъ скрыться въ густотѣ лѣса [1]).

Задержанiе царевича Юлона весьма обрадовало князя Цицiанова. «Сiе изловленiе царевича, писалъ онъ [2]), я почитаю важнѣе взятiя крѣпости, ибо доколѣ родъ сей аспидовъ пребудетъ въ сосѣдствѣ Грузiи, дотолѣ Грузiя не будетъ наслаждаться тишиною по глупому легковѣрiю нацiи, а потому долженъ повторить, что женъ ихъ изъ Грузiи вывесть есть мѣра необходимая.»

Успѣвшiй скрыться царевичъ Парнаозъ пробрался къ осетинамъ и старался поддержать ихъ возстанiе. Онъ разсылалъ повсюду письма, возмущалъ князей и народъ, звалъ грузинъ къ себѣ, хвалился значительнымъ числомъ войскъ, будто бы нахо-

---

[1]) Всеподд. рапортъ кн. Цицiанова отъ 16-го iюля 1804 года.

[2]) Графу Кочубею 7-го iюля 1804 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 220.

дящихся въ его распоряженіи, хвастался своими побѣдами надъ нашими войсками и обѣщалъ придти въ Тифлисъ въ самомъ непродолжительномъ времени [1]).

Князья кахетинскіе, по большей части тѣ, которые были замѣшаны въ волненіи 1802 года, собравшись въ Алавердскій монастырь на праздникъ и узнавъ о прибытіи Парнаоза на Арагву, отправились къ нему въ Тіонеты. Вѣсть объ этомъ обѣжала и встревожила всю Кахетію, грузины полагали, что царевичъ вмѣстѣ съ сообщниками своими обратитъ дѣйствія на эту провинцію, и жители ея, опасаясь разореній, стали въ лѣсахъ искать себѣ убѣжища [2]).

Между тѣмъ, взбунтовавшіеся мтіулетинцы, стараясь увеличить число своихъ сообщниковъ, распускали слухи, что русскіе, находящіеся въ Грузіи, уже всѣ истреблены, и что осталось только истребить тѣ команды, которыя расположены въ ущельяхъ, на сообщеніи Кавказской линіи съ Грузіею. Такими ложными увѣреніями они успѣли склонить на свою сторону хевсуровъ, которые и обѣщали имъ, по первому приглашенію, прибыть «на мѣсто сраженія.»

Маіоръ Казбекъ, управлявшій тѣмъ округомъ, получивши свѣдѣніе о намѣреніи мтіулетинцевъ и зная, что хевсуры отличаются храбростію и такою воинственностію, «*отъ которой трепещутъ всѣ горскіе жители,*» послалъ ихъ уговаривать, въ чемъ и успѣлъ, но не могъ остановить мтіулетинцевъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Послѣдніе, зная, что въ Стефанъ-Цминдѣ у маіора Казбека живутъ русскіе для производства работъ по ущелью, и предполагая, что въ этомъ мѣстѣ хранятся деньги, назначенныя для этой работы, сдѣлали нападеніе съ цѣлью истребить русскихъ и захватить деньги.

Послѣ полудня 13-го іюля появились они въ трехъ верстахъ отъ Стефанъ-Цминды и стали лагеремъ противъ устья рѣки Сно, по правому ея берегу. Въ этотъ день число ихъ не превышало 500 человѣкъ. Хевсуры, узнавъ, что мтіулетинцы двинулись для раз-

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 136—141.
[2]) Рап. телавской земской полиціи 29-го сентября 1804 г.

грабленія м. Казбека, собрались также въ числѣ 700 человѣкъ, и 14-го іюля пришли къ устью рѣки Сно и стали лагеремъ на лѣвомъ ея берегу, въ виду Стефанъ-Цминды и мтіулетинцевъ. Въ тотъ же день къ бунтовщикамъ присоединились жители: Хевскаго, Гудошаурскаго, Гудомакарскаго ущелій и нѣкоторое число изъ жителей трусовскихъ селеній. Бунтовщики вступили въ переговоры съ маіоромъ Казбекомъ, владѣтелемъ мѣстечка, предлагали ему, черезъ своихъ старшинъ, принять начальство надъ ними, выдать имъ русскихъ и деньги, а въ противномъ случаѣ грозили добыть то и другое силою. Казбекъ отвергъ ихъ предложенія, поклявшись передъ ними остаться вѣрнымъ русскому Императору.

Зная храбрость маіора Казбека и вліяніе, которое онъ имѣлъ на хевсуровъ, собравшіеся осетины не разсчитывали на успѣхъ безъ посторонней помощи и потому рѣшились снова обратиться къ хевсурамъ и убѣдить ихъ дѣйствовать съ ними заодно. Обѣщаніемъ подѣлиться награбленными деньгами мтіулетинцы достигли того, что хевсуры согласились оставаться праздными зрителями и «дали полную свободу бунтовщикамъ дѣйствовать по ихъ волѣ, а сами, не нарушая клятвы, стояли на мѣстѣ» [1]).

Поутру 15-го числа мтіулетинцы раздѣлились на двѣ партіи: одна пошла для занятія Гергета и моста, по лѣвую сторону рѣки Терека, а другая, переправясь черезъ мостъ у Ачхота, двинулась для блокированія за̀мка. Для воспрепятствованія симъ послѣднимъ, выслана была засада, и въ $10^1|_2$ часовъ пополуночи съ обѣихъ сторонъ открыли огонь. Обороняющіеся должны были уступить мѣста многочисленности наступающимъ и запереться въ башняхъ и за̀мкѣ» [2]).

Непріятель вступилъ въ селеніе Стефанъ-Цминду и страхомъ принудилъ жителей повиноваться его волѣ и требованіямъ. Осажденные, не видя для себя никакого исхода, рѣшились вступить въ переговоры съ бунтовщиками, которые по-прежнему требовали выдачи русскихъ и денегъ. Срокомъ для отвѣта назначено было

---

[1]) Донесеніе кн. Циціанова Государю Императору 15-го августа 1804 г.

[2]) Въ немъ засѣло 34 челов. русскихъ, пять старшинъ осетинскихъ и до 60 человѣкъ приверженныхъ фамиліи Казбека.

слѣдующее утро и положено въ теченіе ночи не предпринимать ничего съ обѣихъ сторонъ.

«Однако же, не смотря на сіе, пишетъ полковникъ Дренякинъ [1]), мы всю ночь приводили въ порядокъ остановленную дневною стрѣльбою работу, укрѣпляя зàмокъ; за недостаткомъ же камней, употребляли чемоданы и разный скарбъ.»

На другой день, т. е. 16-го числа, рано утромъ, къ бунтовщикамъ присоединилось еще 300 человѣкъ осетинъ и кистинцевъ. Положеніе запершихся въ зàмкѣ Казбека становилось крайне опаснымъ. Бунтовщики окружили со всѣхъ сторонъ Стефанъ-Цминду, и число ихъ простиралось теперь до 3,000 человѣкъ. Присягнувъ дѣйствовать единодушно, они снова отправили депутацію къ Казбеку съ требованіемъ выдать имъ русскихъ и деньги. Казбекъ вторично отказался исполнить требованіе и въ то же время снова началъ переговоры съ хевсурами, стараясь при помощи подарковъ и денегъ склонить ихъ на свою сторону.

«Послѣ многихъ и неоднократныхъ требованій, пишетъ Дренякинъ, рѣшили нашу судьбу тѣмъ, чтобы лишить насъ всего имѣнія до послѣдней рубашки, что и исполнили. И такъ, 17-го числа, послѣ полудня, впущены были въ зàмокъ по нѣскольку человѣкъ изъ старшинъ собравшагося народа, и все наше добро, въ томъ числѣ и старый шанцевый инструментъ, вынесено передъ глаза ихъ и раздѣлено на четыре пая, т. е. тагаурцамъ, хевсурцамъ, мтіулетинцамъ и гудомакарцамъ. Сей участи не избѣгли казаки и солдаты, такъ что теперь все имѣніе состоитъ въ томъ, что прикрываетъ наготу нашу.»

Разграбивъ имущество, осетины раздѣлили между собою и всѣхъ русскихъ, бывшихъ въ зàмкѣ, и увели ихъ въ ущелья, съ обѣщаніемъ сохранить имъ жизнь.

Преданный Россіи маіоръ Казбекъ, сверхъ того, отдалъ горцамъ трехлѣтняго своего сына и племянника въ аманаты и заплатилъ имъ тысячу рублей [2]). Этотъ успѣхъ ободрилъ возмутившихся и привлекъ на ихъ сторону нѣсколько тысячъ новыхъ

---

[1]) Кн. Циціанову отъ 22-го іюля 1804 г., № 87. Т. А. К. Н.

[2]) Донесеніе кн. Циціанова Государю Императору 15-го августа 1804 г.

ополченцевъ изъ окрестныхъ селеній. Жадные до всякаго рода-добычи горцы напали на донской Рышкова полкъ, отправленный по требованію князя Волконскаго съ Кавказской линіи въ Грузію съ 80-ю человѣками рекрутъ и слѣдовавшій по чрезвычайно трудной дорогѣ. Полкъ потерялъ всѣхъ рекрутъ, лошадей и почти половину старыхъ казаковъ взятыми въ плѣнъ [1]). Впослѣдствіи осетины приводили казаковъ къ русскимъ постамъ и по распоряженію правителя Грузіи получали за нихъ выкупъ.

Завладѣвши Стефанъ-Цминдою и главнѣйшими проходами Кавказскихъ горъ, осетины окончательно прервали всякое сообщеніе не только линіи съ Грузіею, но и Ананура съ Тифлисомъ. Въ числѣ 4,000 челов. подошли они 26-го іюля къ Ананypy, гдѣ находился гарнизонъ, состоявшій изъ двухъ ротъ пѣхоты съ орудіемъ и милиція князей Эристовыхъ въ 1,500 человѣкъ. Узнавши о движеніи горцевъ, князь Волконскій самъ пошелъ съ баталіономъ пѣхоты на помощь Ананypy и присоединилъ къ себѣ грузинскихъ князей и дворянъ, назначенныхъ княземъ Цiціановымъ въ составъ эриванскаго отряда. 28-го іюля у Ломиса произошла стычка между мтіулетинцами и отрядомъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Талызина, послѣ которой Талызинъ послалъ къ возмутителямъ архимандрита съ увѣщаніемъ. Мтіулетинцы, задержавши архимандрита, требовали, чтобы Талызинъ оставилъ Ломисъ, ѣхалъ въ Ананyръ и оттуда велъ уже съ ними переговоры [2]), за что и были вновь атакованы. 3-го августа Талызинъ разорилъ двѣ деревни Верхнюю и Среднюю Млети и надѣялся, что этимъ поступкомъ заставитъ осетинъ самихъ придти къ нему просить прощенія, но предположенія его не оправдались. Напротивъ, разореніе деревень взволновало многія племена [3]), и князь Волконскій, не достигши никакихъ результатовъ, возвратился обратно въ Тифлисъ. Севастопольскаго мушкетерскаго полка маіоръ Мелла, занимавшій съ однимъ баталіономъ ломисскій постъ и окруженный взбунтовавшимися, узнавъ о возвращеніи князя Волконскаго въ Тифлисъ, также отступилъ. Не надѣясь пробиться

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Цiціанова 30-го сентября 1804 г.

[2]) Дон. Талызина кн. Волконскому 4-го августа 1804 г., № 125.

[3]) Донес. кн. Ревaза Эристова кн. Волконскому отъ 11-го августа.

сквозь толпу, онъ донесъ, что сжегъ весь свой обозъ, лафеты, зарылъ три орудія въ землю и потомъ прошелъ сквозь непріятеля. На самомъ дѣлѣ онъ только бросилъ свою артиллерію [1]) и пришелъ съ самою ничтожною потерею, что и доказывало объ излишней боязни толпы, которая была весьма плохо вооружена.

Отдача во власть горцевъ ломисскаго поста открыла имъ всѣ ксанскія владѣнія и путь въ Карталинію. Деревни князей Эристовыхъ были разорены за приверженность ихъ къ Россіи и опасность угрожала даже городу Гори. Ксанскіе жители дали присягу не пропускать взбунтовавшихся къ Ломису, и мтіулетинцы должны были возвратиться къ Анануру.

«Возмущеніе тагаурцевъ, доносилъ князь Волконскій Императору Александру [2]), прежде еще выступленія войскъ къ Эривани прервало свободное сношеніе съ линіею. Вскорѣ потомъ горскіе жители Арагвы еще больше преградили путь. Наконецъ, присоединеніе къ нимъ прилежащихъ народовъ подаетъ уже имъ способы присоединить къ себѣ осетинцевъ и другихъ жителей верхней Карталиніи, такъ что не увѣренъ я даже въ отправленіи почтъ, черезъ самыя отдаленныя ущелья Осетіи. Неоднократно относился я къ генералу Глазенапу послать казацкіе полки и рекрутъ, вооружа сихъ сколько возможно, но по сіе время о приближеніи ихъ не слышу; одними же войсками, оставшимися въ Грузіи, не могу укротить бунтующихъ и возстановить свободнаго пути, тѣмъ болѣе, что всѣ татары въ Сомхетіи и Шамшадыли бунтуютъ, и даже прерываютъ сношенія съ корпусомъ, блокирующимъ Эривань, будучи подкрѣпляемы персіянами и присутствіемъ царевичей, а на сихъ дняхъ грузинскихъ князей первѣйшихъ фамилій захватили, побивъ нѣсколькихъ, что произвело уныніе въ жителяхъ.»

Возстаніе татаръ разныхъ дистанцій (округовъ) прекратило всякое сообщеніе эриванскаго отряда съ Грузіею. Вѣсть о плачевной

[1]) «Постыдное ваше отступленіе, писалъ ему кн. Циціановъ отъ 19-го января 1805 г., не можетъ остаться безъ должнаго наказанія... По отобраніи ихъ (лафетовъ) у мтіулетинцевъ оказалось, что лафеты оставлены цѣлыми только безъ желѣза, которое снято; колеса же во всей исправности, что я видѣлъ при провозѣ тѣхъ орудій черезъ Анануръ.» Кн. Циціановъ требовалъ отъ Меллы подробнаго объясненія его поступка.

[2]) Отъ 16-го августа 1804 г.

участи грузинскихъ князей, попавшихъ въ плѣнъ, и распространившаяся молва о положеніи, въ какомъ находился самъ князь Ціціановъ, окруженный персіянами, были далеко не въ пользу главнокомандующаго. Всеобщее мнѣніе обрекло тогда его и весь отрядъ на вѣрную погибель. Персидскія войска, подъ начальствомъ царевича Александра, проникли въ Памбакскую провинцію съ намѣреніемъ прервать сообщеніе и отрѣзать путь отступленія князю Ціціанову. Памбакскій агаларъ Наги-бекъ собралъ себѣ партію татаръ, съ которыми нападалъ на проѣзжающихъ, грабилъ и убивалъ ихъ. Этотъ Наги-бекъ еще при грузинскихъ царяхъ ушелъ во владѣнія хана эриванскаго и потомъ за обиду, нанесенную ему ханомъ, снова хотѣлъ возвратиться въ Грузію, но не былъ принятъ княземъ Ціціановымъ. Хотя Наги-бекъ и былъ изгнанъ изъ предѣловъ Грузіи, но онъ успѣлъ, однако же, возмутить большую часть татарскаго населенія, которое и перешло на сторону персіянъ, явившихся въ Памбаки съ царевичемъ Александромъ.

Послѣдній пытался овладѣть Кара-Килисомъ, какъ главнымъ складочнымъ пунктомъ эриванскаго отряда, но не успѣвъ въ этомъ, двинулся на встрѣчу транспорта съ провіантомъ, отправленнымъ изъ Тифлиса, 15-го августа, подъ начальствомъ маіора Стахіева. На помощь транспорту былъ высланъ изъ эриванскаго отряда Тифлисскаго мушкетерскаго полка маіоръ Монтрезоръ съ 350-ю человѣками и тремя орудіями, съ приказаніемъ, чтобы онъ опасныя мѣста проходилъ ночью, такъ какъ вездѣ были непріятельскія конныя партіи, которымъ противопоставить кавалеріи онъ не могъ. 22-го августа раненый армянинъ принесъ извѣстіе, что маіоръ Монтрезоръ, по выходѣ изъ Эривани, хотя и былъ преслѣдуемъ персидскою партіею въ 500 человѣкъ, но успѣлъ дойти до мѣстечка Сарали, находящагося въ десяти верстахъ отъ Кара-Килиса, гдѣ 21-го августа наткнулся на войска царевича Александра и былъ имъ разбитъ. Монтрезоръ отбивался съ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока были у него снаряды и патроны въ сумахъ, но когда не стало ни того, ни другаго, тогда солдаты съ отчаяніемъ ударили въ штыки и не сдались, пока всѣ не погибли въ рукопашномъ бою. Нѣсколько грузинъ спаслись бѣгствомъ; 2 тяжело ра-

неныхъ офицера и 10 рядовыхъ захвачены въ плѣнъ, причемъ самъ Монтрезоръ былъ убитъ [1]).

Транспортъ же, отправленный изъ Тифлиса съ маіоромъ Стахіевымъ, лишившись надежды на помощь, долженъ былъ на каждомъ шагу пробиваться силою. 24-го августа, рано утромъ, при переправѣ черезъ рѣку Машаверу, транспортъ былъ атакованъ взбунтовавшимися борчалинскими татарами, но успѣлъ не только отбиться отъ нихъ, но захватить у нападавшихъ 700 барановъ. Подаваясь впередъ, Стахіевъ видѣлъ, что непріятель умножался прибытіемъ памбакскихъ и казахскихъ татаръ, куртинцевъ и лезгинъ, которые, стараясь остановить транспортъ, дѣлали завалы, спуская съ горъ большіе камни. Подвигаясь затѣмъ шагъ за шагомъ и постоянно отбиваясь отъ непріятеля, Стахіевъ прошелъ рѣчку Карагачъ и 29-го числа подходя къ Кара-Килису, былъ окруженъ войсками царевича Александра, только что окончившаго дѣло съ отрядомъ Монтрезора. Хотя Стахіевъ упорно отражалъ всѣ атаки персіянъ, но двигаться впередъ не могъ и долженъ былъ, построивъ каре, остановиться на мѣстѣ [2]). Здѣсь онъ оставался до прибытія генералъ-маіора Талызина, высланнаго княземъ Циціановымъ на выручку транспорта, со 170-ю гренадерами и 40 мушкетерами Тифлисскаго полка, который и соединился съ нимъ 6-го сентября, и затѣмъ транспортъ былъ доставленъ въ Кара-Килисъ, вмѣсто Эривани.

Царевичъ Александръ старался всѣми мѣрами воспользоваться этими успѣхами. Онъ разослалъ повсюду письма, въ которыхъ писалъ о такомъ пораженіи русскихъ, «при которомъ даже вѣстникъ не спасся»; говорилъ, что русскія *пушки и артиллерія* остались въ его рукахъ и что онъ въ скоромъ времени явится въ Тифлисъ [3]).

«Если спросите о насъ, торопился онъ писать пшавамъ [4]), мы прибыли сюда, въ Памбакъ, съ 12,000 персидскихъ воиновъ, и

---

[1]) Рап. кн. Циціанова Государю Императору 2-го сентября 1804 г. Воен. Учеп. Арх. См. также «Русскій Инвалидъ» 1836 г., № 92.

[2]) Рап. Стахіева ген.-м. Талызину 7-го сентября. Воен. Учен. Арх.

[3]) См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 166, 167.

[4]) Отъ 23-го августа 1804 г. Акты Кавк. Археог. Комм., т. II, № 309.

каджаръ Пиръ-Кули-ханъ сардарь съ нами. Сверхъ того, и изъ Карталиніи, и изъ Кахетіи много князей, дворянъ и простыхъ находится при насъ, такъ же какъ и войска казахскія, шамшадыльскія и изъ прочихъ нашихъ татаръ и кочевниковъ. Если спросите о шахѣ, онъ изволитъ быть въ Эривани со 160,000 войска; онъ обложилъ русскій отрядъ подъ Эриванью и заперъ его въ мечети; пока убито слишкомъ 3,000 человѣкъ русскихъ. Кромѣ того, ихъ ни изнутри не выпускаютъ, ни къ нимъ извнѣ не впускаютъ никого; а голодъ и болѣзнь такъ круто обходятся съ русскими, что въ день ихъ умираетъ по 30 и 40 слишкомъ человѣкъ. И здѣсь, въ Памбакѣ, стоитъ нѣсколько русскихъ въ Кара-Килисѣ, но и ихъ мы такъ стѣснили, что сегодня или завтра, *даже не говоря имъ ни слова,* ихъ истребитъ голодъ, а болѣе половины мы истребили. Пятьсотъ русскихъ пошли было къ Памбаку для взятія хлѣба; мы объ этомъ узнали и тотчасъ же пошли съ войскомъ. Здѣсь, въ Памбаки, есть одна деревня—называется Сарали; тутъ мы ихъ встрѣтили 21-го числа этого мѣсяца и съ Божіею помощью такъ ихъ поразили, истребили и захватили съ пушками что ни одинъ живымъ не спасся...»

Неудачное движеніе нашихъ транспортовъ уничтожало послѣднюю надежду на доставку провіанта и ставило въ весьма опасное положеніе войска, блокировавшія Эривань. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ былъ причиною развитія болѣзни, ослабившей осаждающій корпусъ до такой степени, что не болѣе двухъ съ половиною тысячъ оставалось подъ ружьемъ. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, князь Цицiановъ отправилъ 11-го августа 9-го егерскаго полка капитана Фирсова[1]) въ Эчміадзинъ, со 150-ю человѣками пѣхоты, однимъ орудіемъ и 15-ю казаками, для сбора хлѣба съ полей. Фирсову было предписано: днемъ косить, а ночью перевозить накошенное въ монастырь, чтобы персіяне не сожгли его и тѣмъ не лишили послѣдней надежды на продовольствіе. Фирсовъ долженъ былъ собрать и доставить къ отряду не менѣе 200, а если можно, то и до тысячи четвертей пшеницы. Въ то же время въ руки князя Цицiанова попала записка,

[1]) Предписаніе кн. Цицiанова Фирсову 11-го августа № 1,441. Тифл. Арх. Главн. штаба Кавказск. арміи.

писанная казначеемъ лжепатріарха Давида, изъ которой видно было, что въ Эчміадзинѣ скрыто много хлѣба.

«По приложенной при семъ запискѣ, писалъ князь Циціановъ Фирсову [1]), отыщите показанныя мѣста въ Эчміадзинѣ. Предписываю вамъ заарестовать закладенный тамъ въ стѣнѣ весь провіантъ. Архіерею Вартану, ежели онъ не будетъ показывать мѣста, гдѣ онъ находится, извольте объявить отъ меня, что я велѣлъ посадить его подъ караулъ и содержать, не давая ни пить, ни ѣсть, пока онъ не укажетъ тамъ всего закладеннаго, и исполните мое повелѣніе въ точности посаженіемъ его подъ воинскую стражу.»

19-го августа Фирсовъ возвратился изъ Эчміадзина и привезъ оттуда пшеницы на 13-ти арбахъ. Князь Циціановъ, оставшись недоволенъ распоряженіями Фирсова, отправилъ маіора Левицкаго [2]), съ 150 человѣками, однимъ орудіемъ и 35-ю арбами, для привоза 150-ти четвертей пшеницы, законфискованныхъ въ Эчміадзинѣ, и 30 снятыхъ съ полей Фирсовымъ, съ приказаніемъ выступить изъ Эчміадзина въ ночь съ 20-го на 21-е августа и къ утру прибыть къ блокирующему отряду. Маіоръ Левицкій не прибывалъ, однако же, до 22-го августа; тогда князь Циціановъ послалъ такой же отрядъ съ полковникомъ Майновымъ, который встрѣтилъ на дорогѣ Левицкаго и, соединясь съ нимъ, прибылъ въ лагерь [3]). Это былъ послѣдній источникъ, изъ котораго еще можно было добыть продовольствіе; за расходомъ этого провіанта, войска должны были оставаться вовсе безъ хлѣба и безъ фуража. Непріятель выжегъ весь хлѣбъ, бывшій на корню, и все сѣно, находившееся въ окрестностяхъ Эчміадзина и Эривани [4]). Князь Циціановъ принужденъ былъ замѣнять недостатокъ хлѣба сначала мясомъ воловъ, покупаемыхъ у возвращавшихся подводчиковъ, а потомъ отдать приказаніе, чтобы солдаты каждый въ своей дистанціи отыскивали хлѣбныя ямы, въ которыхъ туземцы обыкновенно хранили

---

[1]) Отъ 13-го августа, за № 1,443. Тифл. Арх. Гл. Штаба Кавказ. арміи.

[2]) Предписаніе Левицкому отъ 19-го августа. Тамъ же.

[3]) Предписаніе Майнову 22-го августа № 1453. Тамъ же.

[4]) Письмо кн. Циціанова князю Чарторижскому 14-го сентября, № 376. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ. 1—13, 1803—5 гг., № 1.

хлѣбъ. Хотя за каждую отысканную четверть обѣщано было по 50 коп., но и эта мѣра доставила не болѣе двадцати четвертей разнаго хлѣба. Словомъ сказать, въ эриванскомъ отрядѣ далеко не было предусмотрѣно изреченіе опытнаго вождя графа Румянцова-Задунайскаго, говорившаго, что войну слѣдуетъ начинать *съ брюха*.

Послѣднее у солдатъ эриванскаго отряда съ каждымъ днемъ пустѣло, и князь Циціановъ, сознавая безвыходность своего положенія въ этомъ отношеніи, рѣшился употребить послѣднія средства къ овладѣнію эриванскою крѣпостью. Онъ предложилъ бывшему въ его лагерѣ хану Хойскому быть посредникомъ въ переговорахъ его съ Мамедъ-ханомъ, склонить его сдать крѣпость и убѣдить, что въ этомъ случаѣ, кромѣ хорошаго, онъ не можетъ ничего ожидать отъ русскаго Императора; что если онъ сдастъ городъ, то жизнь его и движимое имущество останутся «въ невредимомъ состояніи, а семейство и въ благоденственномъ положеніи» [1]). Хойскій ханъ съ охотою принялъ на себя это посредничество, но и оно осталось безуспѣшнымъ. Мамедъ попрежнему клялся въ своемъ расположеніи къ русскимъ и говорилъ, что непріязненныя дѣйствія происходятъ помимо его воли и желаній.

— Я всегда расположенъ служить вѣрно русскому Императору, говорилъ эриванскій ханъ, и сторону персидскаго владѣтеля держать не намѣренъ. Хотя до сего времени разными обстоятельствами мои усердныя къ вамъ расположенія нѣкоторые люди, можетъ быть, иначе вамъ толковали—прошу впредь не принимать и меня не лишить вашей милости и протекціи, а считать усерднымъ къ службѣ Россійской Имперіи. Правда, вы имѣете основаніе на меня негодовать, но Богомъ себя заклинаю—не я тому причиною, но посторонніе, и я, уже поздно увидя, не могъ поправить. Извиня меня въ ономъ великодушно, простите и не оставьте покровительствовать.

— Сами вы признаетесь, отвѣчалъ князь Циціановъ, что я имѣю причину негодовать на васъ. Если бы вы хотѣли своего счастія, то могли бы въ два мѣсяца найти способъ открыть мнѣ

---

[1]) Письмо эриванскому хану 25-го августа. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1—13, 1803—1805 гг., № 1.

путь въ Нарынъ-кале. Тогда всѣ посторонніе люди, мѣшающіе вашему счастію, потеряли бы свою силу и не могли бы вредить. Вспомяните мое слово о томъ, что кой часъ я отойду отъ крѣпости, то васъ предадутъ Баба-хану. Раскаятесь тогда, но поздно будетъ. И такъ подумайте.

— Дайте мнѣ время и возьмите терпѣніе, дабы Баба-ханъ отсюда удалился; тогда что̀ вы мнѣ ни прикажете исполнить, не откажусь.

— Какая мнѣ надежда на ваше высокостепенство, спрашивалъ князь Цицiановъ, когда вы, будучи владѣтельнымъ ханомъ, въ ханствѣ своемъ власти не имѣете распоряжать, а распоряжаетъ посторонній.

— Ни одно владѣніе такъ не вѣрно, отвѣчалъ ханъ, какъ я свое имѣю въ дѣйствительной своей зависимости, и ни одинъ человѣкъ изъ моихъ подвластныхъ не отважится противиться мнѣ. Только предъ симъ обстоятельства были таковы: нѣсколько разъ былъ я въ Персіи, гдѣ оказались въ моихъ дѣлахъ непріятности, и владѣніе мое приведено было бы въ совершенное порабощеніе, ежели бы не постигла смерть Ага-Магомедъ-хана. Нынѣшній персидскій владѣтель не могъ сыскать случая меня уловить. Лѣтъ семь охраняю себя отъ его сѣтей, не подвергаясь опасности, живу въ своемъ владѣніи и ему не поддаюсь. Извѣстно вашему сіятельству, какъ я сопротивлялся ему военною рукою и отразилъ нападеніе его на мою крѣпость. Наконецъ, ваше сіятельство съ войскомъ сюда прибыли; народъ нашъ, по различности вѣры, не имѣлъ къ вамъ привязанности и встревоженъ былъ еще болѣе тѣмъ, что въ мечети отправляютъ богослуженіе по обряду вашей вѣры. Я хотя и знаю, что всѣ вѣры у васъ терпимы; что вы ни мало въ томъ противодѣйствовать не захотите, но только народу нашему внушить это трудно. Баба-ханскій визирь мирза Шефи здѣсь въ городѣ и народъ хитростію своею привязалъ къ себѣ. Братъ мой о семъ знаетъ, какой онъ хитрый человѣкъ.

— Вы великую власть имѣете, какъ говорите, отвѣчалъ князь Цицiановъ, а ахуны не одно съ вами мыслятъ. Ахуны сомнѣваются въ свободномъ отправленіи вѣры, когда всему свѣту извѣстно, что въ Россіи всѣ вѣры отправляются свободно. Я же

не въ мечети, а въ школахъ сталъ, потому что считаю васъ за непріятеля, и безопасность начальнику, который распоряжаетъ, нужна. Безъ церкви, по моему закону, мнѣ быть нельзя, и она поставлена въ длинномъ покоѣ возлѣ мечети. Я разсудилъ, когда ее вынесутъ, то, по обряду, ахуны молитвы свои прочесть могутъ, такъ какъ и мы то сдѣлали.

«Кромѣ меня, всѣ отъ васъ отвратились, писалъ Мамедъ-ханъ, а я по жизнь и преемники мои высочайшему Государю Императору Всероссійскому служить вѣрно расположены. Прошу покорно, ваше сіятельство, дабы ханство мое было потомственное, и другіе, видя меня, могли бы въ примѣръ взять и привязанность свою къ Россіи оказать. Баба-ханъ не далѣе черезъ десять дней отсюда отправится; ожидаетъ Пиръ-Кули-ханова возвращенія. Имѣйте крайнюю осторожность въ своихъ укрѣпленіяхъ. Баба-ханъ, доколѣ удалится, можетъ раза два попытается учинить нападеніе. Старается онъ теперь меня обласкать, раза три писалъ также и Шахъ-Задэ и прочіе вельможи присягою меня увѣряютъ; но только я, ежели тысячу увѣреній они сдѣлаютъ, не повѣрю и усердіе свое Всероссійскому Государю не перемѣню. Ваше сіятельство, прошу имѣйте всекрайнее бдѣніе, дабы пѣхота персидская не могла бы войти въ крѣпость.»

Видя, что переписка и переговоры съ эриванскимъ ханомъ не приводятъ ни къ какимъ результатамъ, князь Цицiановъ рѣшился собрать военный совѣтъ. 31-го августа собрались у главнокомандующаго генералъ-маіоры: Тучковъ, Леонтьевъ и Портнягинъ, полковникъ Майновъ, подполковники: Симоновичъ и баронъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ. Главнокомандующій предложилъ собравшимся выслушать документы, объясняющіе положеніе дѣлъ и состояніе экспедиціоннаго отряда.

— Сообщеніе съ Грузіею прервано, сказалъ князь Цицiановъ, провіантъ получить нѣтъ никакой надежды, а въ войскахъ его осталось только на три дня и то половинной дачи, исключая 40 четвертей, находящихся въ Эчміадзинѣ. Такъ какъ членамъ совѣта извѣстны всѣ прочія обстоятельства, недозволяющія продолжать блокаду, то предпринять-ли штурмъ или отступить отъ города?

Представивъ совѣту то невыгодное впечатлѣніе и вредныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ отступленія какъ въ самой Грузіи, гдѣ привязанность къ Россіи не совсѣмъ еще укоренилась, такъ и въ умахъ ея сосѣдей, главнокомандующій высказался за штурмъ крѣпости. Но, не желая стѣснять приглашенныхъ на совѣщаніе, князь Циціановъ оставилъ собраніе, предоставивъ членамъ совѣта постановить свое рѣшеніе. Генералъ-маіоръ Тучковъ, какъ старшій, потребовалъ, чтобы, начиная съ младшихъ, каждый членъ особо высказалъ свое мнѣніе. Имѣя передъ собою въ нѣсколько разъ сильнѣйшій гарнизонъ, а въ тылу многочисленную непріятельскую армію, баронъ Клодтъ предложилъ снять блокаду, признавая штурмъ невозможнымъ.

— Люди совершенно изнурены, прибавилъ къ этому подполковникъ Симоновичъ; во время похода и осады мы потеряли третью часть отряда; лѣстницы сдѣланы такъ, что ихъ едва могутъ подымать 70 человѣкъ, слѣдовательно, за исключеніемъ рабочихъ, назначенныхъ для подъема и постановки лѣстницъ, останется весьма мало людей для дѣйствій.

Полковникъ Майновъ и генералъ-маіоръ Леонтьевъ подтвердили мнѣніе Симоновича и барона Клодта. Одинъ только генералъ-маіоръ Портнягинъ высказался въ пользу штурма, доказывая, что отступленіе представляетъ большія затрудненія при множествѣ больныхъ, заручной амуниціи и недостаткѣ въ лошадяхъ. Генералъ-маіоръ Тучковъ также доказывалъ, что гораздо полезнѣе снять блокаду нежели штурмовать, и такъ какъ изъ семи лицъ, составлявшихъ совѣтъ, только два были въ пользу штурма, а пять признавали необходимымъ снять блокаду, то генералъ Тучковъ и донесъ главнокомандующему, что совѣтъ признаетъ необходимымъ отступить.

— Хотя я и предпочитаю штурмъ, отвѣчалъ на это князь Циціановъ, потому что черезъ отступленіе мы можемъ потерять Грузію, но долженъ исполнить мнѣніе большинства.

Главнокомандующій просилъ, однако же, членовъ совѣта подождать подписывать протоколъ, такъ какъ намѣренъ былъ обратиться ко всему населенію города съ предложеніемъ сдать добровольно Эриванскую крѣпость. Онъ отправилъ прокламацію ханамъ

эриванскому и нахичеванскому, ахунамъ, мулламъ и всему народу, въ которой писалъ, что Баба-ханъ не въ силахъ заставить отступить отъ крѣпости; что русскіе не предаютъ огню ни жилищъ поселянъ, ни послѣдняго ихъ пропитанія—хлѣба, какъ сдѣлали то персіяне. Князь Цыціановъ предлагалъ населенію города оцѣнить все это и сдаться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Ввести русскій гарнизонъ въ Эриванскую крѣпость, и на два полка давать провіантъ.

2) Присягнуть на подданство русскому Императору и

3) Платить ежегодно сто тысячъ рублей дани.

Послѣ сдачи крѣпости, князь Цыціановъ обѣщалъ оставить обоихъ хановъ, ахуновъ, духовенство и народъ при прежнихъ правахъ и преимуществахъ; предоставить всѣмъ полную свободу вѣроисповѣданій, а находящееся въ крѣпости персидское войско признать военно-плѣннымъ и передать въ распоряженіе хановъ съ тою цѣлью, чтобы они могли выкупить на него свои семейства, находившіяся заложниками у Баба-хана.

Срокомъ отвѣта на эти предложенія назначенъ слѣдующій день, 2-е сентября.

Эриванскій ханъ запретилъ объявлять это воззваніе народу и писалъ, что онъ лично готовъ на все, но теперь сдѣлать ничего не можетъ. «Не сомнѣвайтесь въ моей къ вамъ усердности, писалъ Мамедъ-ханъ [1]), но доколь шахъ находится здѣсь и семейство мое у него въ залогѣ, невозможно выполнить тѣхъ пунктовъ, кои ваше сіятельство предписываете. Когда шахъ возвратится, тогда служить вамъ готовъ, а ежели къ тому приступить теперь, то онъ семейство наше погубитъ; полагаю, что вы сего не пожелаете.»

Съ полученіемъ этого письма исчезла послѣдняя надежда на сдачу крѣпости, и потому рѣшено было снять блокаду.

По пробитіи вечерней зари, 3-го сентября, начали свозить съ батарей орудія и число передовыхъ постовъ было усилено. Движеніе должно было производиться сначала лѣвымъ флангомъ, за которымъ слѣдовать правому крылу, и, наконецъ, дождавшись его

---

1) Въ письмѣ отъ 4-го сентября. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1,243.

отступленія, долженъ былъ отходить и генералъ-маіоръ Тучковъ, стоявшій въ центрѣ. Отряду Тучкова, какъ составлявшему аріергардъ, поручено собрать къ себѣ всѣ войска, находившіяся на постахъ.

За часъ до разсвѣта войска оставили эриванское предмѣстье. Запряженные тощими лошадьми, наши обозы тянулись всю ночь длинною вереницею на протяженіи двухъ верстъ, по кривымъ, узкимъ и каменистымъ улицамъ. Въ каждомъ полку было отъ 200 до 300 человѣкъ больныхъ и множество аммуниціи, оставшейся послѣ умершихъ и убитыхъ. Князь Циціановъ приказалъ снять крыши съ фуръ и палаточныхъ ящиковъ, внутрь которыхъ положена была аммуниція, а сверху доски, на которыхъ размѣщены больные, но какъ и этого средства было недостаточно, то остальные больные были посажены на драгунскихъ и казацкихъ лошадей.

Ночь была темная; въ крѣпости царствовала глубокая тишина, ничѣмъ непрерываемая. Во все время блокады на стѣнахъ Эриванской крѣпости горѣли всякую ночь до самаго утра отъ пяти до десяти подсвѣтовъ, и, вмѣсто сигналовъ, часовые ихъ весьма часто стрѣляли изъ ружей; но въ эту ночь ничего этого не было; точно вымеръ весь гарнизонъ. Нѣтъ сомнѣнія, что персіяне знали о нашемъ отступленіи, потому что не могли не слыхать шума и и скрипа повозокъ въ столь близкомъ отъ нихъ разстояніи, но они не хотѣли препятствовать совершенію столь желаннаго для нихъ событія. Къ свѣту всѣ полки выбрались изъ садовъ, устроились, и имѣя обозы въ серединѣ, двинулись по направленію къ рѣкѣ Зангѣ. На дорогѣ былъ встрѣченъ непріятельскій пикетъ, который, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, отступилъ. Отрядъ продолжалъ свое движеніе и переправившись черезъ рѣку Зангу, расположился лагеремъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня войска выступили къ Эчміадзинскому монастырю, гдѣ предполагалась дневка. Непріятель, передъ выступленіемъ отряда изъ лагеря, успѣлъ переправиться ниже нашего лагеря чрезъ рѣку Зангу, и во время слѣдованія тревожилъ насъ выстрѣлами изъ орудій, но артиллерія наша скоро заставила его умолкнуть.

Сентября 5-го полки наши дошли до Эчміадзина, въ которомъ и имѣли дневку. Князь Иціановъ расположился съ главною квартирою въ самомъ монастырѣ, а войска стали лагеремъ близъ онаго. Главнокомандующій занимался весь этотъ день приготовленіемъ монастырскаго причта и имущества къ походу при отрядѣ [1]).

«Во время дневки нашей, писалъ Тучковъ [2]), 6-го числа я успѣлъ осмотрѣть рѣдкости знаменитаго Эчміадзинскаго монастыря, столь славящагося во всей Азіи.

«Эчміадзинъ», значитъ на армянскомъ языкѣ «первый исходъ». По существующему преданію, утверждаютъ, что Ной вышелъ здѣсь въ первый разъ изъ ковчега, остановившагося при горѣ Араратской, и на мѣстѣ, гдѣ находится монастырь, принесъ жертву Всевышнему. Въ семъ преданіи вѣруютъ не только христіане, но магометане и евреи.

«Я отправился въ главную церковь и нашелъ тамъ посланныхъ отъ князя Циціанова. Они собирали тѣ сокровища, которыя не успѣли еще увезти оба патріарха Даніилъ и Давидъ. Посреди храма складены были разныя золотыя и серебряныя утвари, жемчуги и драгоцѣнные каменья. Вскорѣ вошелъ въ церковь и самъ Циціановъ и приказалъ мнѣ распорядиться укладкою и запечатаніемъ собранныхъ сокровищъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Іоанномъ, прибывшимъ съ нами изъ Тифлиса, и потомъ везти оныя въ Тифлисъ подъ прикрытіемъ моего полка.

«Нѣсколько офицеровъ, мастеровыхъ и рабочихъ моего полка вскорѣ прибыли для исполненія даннаго мнѣ порученія, и цѣлый день и часть ночи провели мы въ этомъ занятіи. Собирая всѣ монастырскія утвари, замѣтилъ я въ углу предъ иконой Спасителя большую золотую лампаду, украшенную каменьями; и когда я хотѣлъ дать приказаніе убрать оную, архіепископъ началъ просить меня не касаться сей лампады, сказавъ, что если, по отбытіи нашемъ, персіяне, занявъ монастырь, не найдутъ оную, то готовы будутъ разорить и церковь, и монастырь. Открывъ мраморную плиту, находившуюся подъ образомъ, Іоаннъ показалъ мнѣ серебряный ковчегъ, въ которомъ хранилась грамота персидскаго

[1]) Дневная записка происшествій въ отрядѣ.
[2]) Записки Тучкова (рукопись).

шаха Надира, при которой была прислана лампада, съ повелѣніемъ, чтобы она всегда теплилась передъ образомъ, а на издержки, силою той же грамоты, утверждаетъ шахъ сему монастырю двѣнадцать армянскихъ деревень въ вѣчное владѣніе.

«Даръ этотъ сдѣланъ былъ послѣ тяжкой болѣзни Надиръ-шаха. Во время страданій его, во снѣ послышался ему голосъ, чтобы, для возвращенія здоровья, онъ ѣхалъ въ Эчміадзинскій монастырь и тамъ предъ иконою Спасителя, въ лѣвомъ углу церкви находившейся, принесъ молитву Господу. Миссіонеръ, католикъ, пользовавшій тогда шаха, совѣтовалъ ему непремѣнно исполнить оное. Надиръ-шахъ, не будучи никогда въ монастырѣ, лишь только вошелъ въ церковь, узналъ видѣнный имъ во снѣ образъ, молился, получилъ исцѣленіе и посвятилъ сказанную лампаду.

«Передъ наступленіемъ дня, окончивъ мое порученіе и привезя въ мой лагерь 11 вьюковъ съ сокровищами монастыря, просилъ архіепископа Іоанна, возвращавшагося съ нами въ Тифлисъ, находиться въ моемъ отрядѣ и блюсти за симъ транспортомъ.»

7-го сентября, рано утромъ, отрядъ выступилъ изъ эчміадзинскаго лагеря, въ трехъ каре, съ лѣваго фланга, и потому правый, бывшій подъ начальствомъ генералъ-маіора Тучкова, составилъ арріергардъ. Этотъ порядокъ марша продолжался до предѣловъ Грузіи, исключая узкихъ проходовъ, гдѣ, по необходимости, войска перестраивались въ колонны.

10-го числа, персіяне показывались только издали и, примѣтя, что отрядъ проходилъ степь, заросшую высокою и сухою травою, и что вѣтеръ дулъ по направленію слѣдованія нашихъ войскъ, они зажгли траву, и пламя распространилось весьма скоро. Къ счастію, съ лѣвой стороны на пути было обгорѣвшее уже мѣсто, и Тучковъ остановился на немъ выжидать конца пожара, къ скорому прекращенію котораго способствовали находящіяся вблизи крутыя и каменистыя горы.

15-го сентября отрядъ прибылъ въ Кара-Килисъ. Здѣсь князьИціановъ призналъ необходимымъ сдѣлать обвѣщеніе жителямъ Казахской и Памбакской провинцій, татарскимъ старшинамъ и всему народу, въ которомъ приглашалъ ихъ въ теченіе пяти дней возвратиться въ свои жилища, и обѣщалъ полное прощеніе, если

они раскаются въ нарушеніи своей вѣрности къ Россіи, и пребудутъ вѣрными на будущее время [1]).

Въ Кара-Килисѣ отрядъ пробылъ четыре дня, не смотря на безпорядки, возникшіе въ Грузіи, и необходимость преслѣдованія царевича Александра, собиравшаго татаръ въ Сомхетіи. Эта продолжительная остановка вызывалась какъ необходимостью перепеченія хлѣба, такъ и значительнымъ разстройствомъ отряда. Оставивъ Саратовскій мушкетерскій полкъ въ Кара-Килисѣ, для обороны Памбакской пограничной провинціи, и учредивъ при немъ временный госпиталь, куда были собраны больные всѣхъ полковъ, князь Цицiановъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся къ Тифлису.

Донося Императору Александру о неудачной экспедиціи на Эривань, князь Цицiановъ высказывалъ свое огорченіе, что въ теченіе 35-ти-лѣтней службы онъ былъ только вторымъ лицомъ, снявшимъ блокаду города, не взявъ его. Главнокомандующій обвинялъ во всемъ и справедливо правителя Грузіи въ недоставленіи во̀-время къ отряду продовольствія. «Буде ваше императорское величество, доносилъ онъ [2]), не соизволите въ столь важномъ промедленіи доставленія провіанта поставить генералъ-лейтенанта князя Волконскаго виновнымъ, то я, по крайней мѣрѣ, считаю себя тѣмъ оправданнымъ и неучаствующимъ въ нанесеніи безславія оружію вашего императорскаго величества отступленіемъ.»

Императоръ Александръ приказалъ отозвать князя Волконскаго изъ Грузіи [3]) и успокоивалъ главнокомандующаго въ его неудачѣ. «Находясь, писалъ онъ, [4]) какъ то вамъ извѣстно теперь быть должно, изъ разныхъ полученныхъ вами отсель предписаній, въ безпокойствѣ со стороны труднаго положенія, въ коемъ вы подъ Эриванью держались и разныхъ другихъ обстоятельствъ края того, извѣстіе о снятіи блокады крѣпости сея, отъ столь вынужденныхъ причинъ происшедшее, не могло принято быть мною въ числѣ не-

---

[1]) Объявленіе 14-го сентября 1804 г.

[2]) Всепод. рапортъ кн. Цицiанова отъ 15-го сентября.

[3]) Письмо Чарторижскаго кн. Цицiанову 15-го ноября 1804 г. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ. 1—13, 1803—5, гг., № 1.

[4]) Въ рескриптѣ отъ 8-го ноября 1804 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1,247.

пріятныхъ извѣстій, а наипаче когда обращаюсь я къ тому полезному дѣйствію, которое произвело возвращеніе ваше, разсѣявъ скопища, при царевичахъ находившіяся, уничтожа замыселъ татаръ и прекратя разныя другія замѣшательства. Одно неудовольствіе, которое я въ семъ происшествіи имѣю, есть то огорченіе, въ коемъ вы находитесь. Никто, конечно, кромѣ васъ сравнивать не станетъ происшествія подъ Хотиномъ, въ 1770 году бывшаго, съ настоящимъ случаемъ, но многіе, безъ сомнѣнія, отдавать всегда будутъ справедливость, какъ предпріимчивости духа вашего, такъ и тому, что вы съ столь малыми силами, многое въ одну кампанію привели въ дѣйствіе. Я желаю, чтобы сіе искреннее изложеніе мыслей моихъ успокоило васъ и утвердило въ постоянномъ моемъ къ вамъ благоволеніи.

«Обращаясь къ самому происшествію сему и къ вліянію, которое оно имѣть можетъ, я совершенно съ вами согласенъ, что Эривань необходимо долженъ уже теперь быть покоренъ, считая, что чѣмъ скорѣе цѣль сія достигнута будетъ, тѣмъ большее впечатлѣніе произведетъ она на персіянахъ и другихъ тамошнихъ народахъ, кои, по легковѣрію своему, могли въ случайной удачѣ сей находить важные успѣхи, а потому и предоставляю я совершенно на усмотрѣніе ваше избрать время и средства къ предпріятію новой противъ Эривани экспедиціи.»

По свѣдѣніямъ [1]), полученнымъ вскорѣ послѣ отступленія нашихъ войскъ отъ Эривани, Баба-ханъ, взявъ съ собою царевича Александра, удалился въ свои владѣнія. Эриванскій ханъ находился также въ затруднительномъ положеніи. Лучшіе изъ его жителей и подданные бѣжали изъ Эривани, боясь зимней экспедиціи нашихъ войскъ противъ нихъ и той участи, которая постигла Ганжу. Даже самъ патріархъ Давидъ, опасаясь прибытія князя Цпціанова, хотѣлъ уйти въ Баязетъ, но былъ остановленъ только тѣмъ, что отъ него потребовали мощи, которыя онъ хотѣлъ увезти съ собою. Хотя всѣ эти обстоятельства и были весьма благопріятны для насъ, но князь Цицiановъ признавалъ невозможнымъ даже и думать о взятіи Эривани въ предстоящую зиму, за неимѣніемъ для того

---

[1]) Письмо хана хойскаго къ кн. Циціанову въ сентябрѣ 1804 г.

достаточнаго числа войскъ. Изъ числа находившихся въ его распоряженіи полковъ, Нарвскій драгунскій потерялъ въ кампанію 489 лошадей, и сверхъ того 167 строевыхъ лошадей было употреблено для перевозки провіанта въ эриванскій отрядъ. На нихъ навьючивали отъ 8 до 9 пуд., на сѣдлахъ стараго образца съ луками, а не орчаками, оттого всѣ 167 лошадей пали и не возвратились въ полкъ, который былъ до того разстроенъ, что, по мнѣнію князя Циціанова, не могъ поправиться и въ два года [1]). Полки же гренадерскій Кавказскій, мушкетерскіе: Кабардинскій, Тифлисскій, Севастопольскій и Саратовскій, егерскіе: 9, 15 и 17 имѣли значительный недостатокъ въ людяхъ, простиравшійся до 4,937 человѣкъ. Изъ Бѣлевскаго мушкетерскаго полка, назначеннаго въ Имеретію и Мингрелію, нельзя было взять ни одной роты, какъ по двуличному поведенію самого царя Соломона, такъ и его князей, только феодально ему повинующихся, но на дѣлѣ корыстолюбивыхъ и алчныхъ. Изъ шести ротъ Казанскаго полка, очищавшихъ дорогу между Владикавказомъ и Анануромъ, одна рота была поставлена въ Ларсѣ, для обезпеченія грузинской дороги, двѣ роты въ Елисаветинскомъ редутѣ; остальныя три роты и три роты Вологодскаго полка предполагалось посадить на каспійскую эскадру при Сладкоеричной пристани, въ Кизлярскомъ уѣздѣ. Назначенные на укомплектованіе полковъ рекруты 1,616 человѣкъ не достигли до своихъ полковъ еще въ декабрѣ 1804 г., оставивъ, на тысячеверстномъ пути отъ Грузіи, 997 больныхъ, такъ что могли быть годны для строевой службы не ранѣе весны 1806 года.

Въ такомъ положеніи были войска, а между тѣмъ на осаду Эриванской крѣпости и, въ случаѣ ея упорства, на штурмъ, необходимо было, по крайней мѣрѣ, 3,000 человѣкъ, для которыхъ потребовалось бы до 2,050 четвертей провіанта и хотя половину этого числа въ запасъ; кромѣ того, нуженъ былъ фуражъ. Все это продовольствіе приходилось заготовлять въ Памбакской провинціи, въ которой ни хлѣба, ни сѣна не было, такъ какъ персіяне выжгли его во время эриванской экспедиціи.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ надобно прибавить, какъ до-

[1]) Рап. кн. Циціанова Государю Императору 30-го декабря 1804 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—13, 1803—5 гг., № 1.

носилъ князь Цицiановъ, то, «что два преткновенiя раздѣляютъ оную провинцiю съ Грузiею, а именно рѣка Лори протекаетъ въ скалистыхъ, прекрутыхъ берегахъ, на 25 саженъ вышиною; каковъ подъемъ, таковъ и спускъ, надлежитъ пушки и обозъ спускать на людяхъ, а людямъ подниматься и спускаться, держась рука за руку. Сiя переправа должна, по крайней мѣрѣ, четыре дня задержать отрядъ; засимъ слѣдуетъ гора Безобдалъ, гораздо труднѣе, опаснѣе и выше Кайшаурской горы, а за нею, чтобы спуститься въ эриванскiя области, нужно переходить гору Оюту (Урутъ?), которая также вышиною и крутизною не равняется съ россiйскими, кромѣ сибирскихъ. Для всего отряда надо запасти войлоковъ, чтобы сдѣлать коты или кеньги, сверхъ сапоговъ, и велѣть полушубки расширить и подлиннѣе коли можно сдѣлать, дабы можно было сверхъ кафтана надѣть полушубокъ и имъ закрыть ляжки, а потомъ шинель, и сверхъ нея тесакъ и суму, ибо до марта мѣсяца и далѣе бываютъ вьюги страшныя и морозъ доходитъ до 18°. Надобно также запасти много соломы, для подстилки сверхъ снѣга подъ солдатъ на ночлежныхъ лагеряхъ. Сiю дорогу я выбираю только для того, что она вся лѣсная и солдатъ на оной терпѣть не можетъ въ зимнее время, раскладывая всякую минуту огонь, а по той дорогѣ, по которой я шелъ сего лѣта, никакъ невозможно, потому что вьюги страшныя могутъ занести весь отрядъ, да и на 100 верстъ лѣса нѣтъ [1])».

Всѣ эти причины ясно указывали на невозможность зимней экспедицiи на Эривань, и главнокомандующiй долженъ былъ на этотъ разъ отказаться отъ предпрiятiя, необѣщавшаго никакого успѣха.

---

[1]) Рап. кн. Цицiанова Государю Императору 30-го декабря 1804 г.

XX.

Волненія въ Кабардѣ и мѣры, принятыя къ усмиренію кабардинцевъ и прочихъ горскихъ народовъ. — Возстановленіе сообщенія Кавказской линіи съ Грузіею.— Взятіе въ плѣнъ царевича Парнаоза и отправленіе его въ Россію, вмѣстѣ съ царевичемъ Юлономъ.—Экспедиція князя Циціанова въ Осетію.—Прекращеніе волненій въ Грузіи.—Преобразованіе внутренняго управленія кабардинцами.

Снятіе осады Эривани и прибытіе отряда въ Кара-Килисъ прекратили безпорядки въ Грузіи. Собиравшій въ Сомхетіи борчалинскихъ и казахскихъ татаръ и распускавшій слухи о скоромъ появленіи своемъ въ Тифлисѣ царевичъ Александръ, съ возвращеніемъ князя Циціанова, бѣжалъ въ Персію. Съ конвоемъ изъ двадцати человѣкъ онъ отправился къ Баба-хану, разсказывая всѣмъ, что ѣдетъ туда по приглашенію персидскаго владѣтеля. Съ отъѣздомъ его, какъ главнаго подстрекателя, прекратились волненія.

«Дерзаю надѣяться, доносилъ князь Циціановъ [1]), что съ помощію Божіею все будетъ приведено въ свой прежній порядокъ и тишину, лишь бы мои помощники своими новыми и самовластными распоряженіями не разстроивали того, что мнѣ Богъ помогаетъ устроивать, и слѣдовали бы плану моего поведенія, коему я готовъ всегда дать отчетъ и который основанъ на нѣкоторыхъ познаніяхъ о націи, пріобрѣтенныхъ съ младенчества моего, еще въ домѣ отца моего.»

Приближеніе осенняго времени заставило татаръ думать о зимовьѣ, которое было для нихъ наиболѣе удобнымъ въ Грузіи и могло быть допущено, конечно, только при миролюбивыхъ отношеніяхъ къ Россіи. Черезъ своихъ агаларовъ, приходившихъ съ повинною, татары старались заслужить прощеніе и доброе расположеніе нашего правительства. Мало-по-малу все успокоивалось въ Грузіи, и князю Циціанову оставалось только, для обезпеченія своего сообщенія съ Россіею, усмирить осетинъ и кабардинцевъ, жившихъ на пути въ Закавказье и принимавшихъ дѣятельное участіе въ происходившихъ волненіяхъ.

[1]) Всеподд. донесеніе отъ 30-го сентября 1804 года.

Пользуясь движеніемъ князя Циціанова къ Эривани и переводомъ нѣкоторыхъ полковъ съ Кавказской линіи въ Грузію, кабардинцы, подстрекаемые съ одной стороны турками, а съ другой персіянами, усилили хищничество на линіи и уклонились отъ повиновенія русскому правительству.

Еще въ то время, когда князь Циціановъ находился въ Георгіевскѣ, кабардинцы отказались приступить къ выбору новыхъ судей, сожгли нѣкоторые дома, служившіе для помѣщенія суда, а въ другихъ выломали двери и окна. Князь Циціановъ вызвалъ къ себѣ кабардинскихъ владѣльцевъ, просилъ ихъ принять мѣры къ усмиренію народа и приступить немедленно къ избранію судей на слѣдующее трехлѣтіе [1]). Владѣльцы обѣщали исполнить волю главноуправляющаго, но прошелъ цѣлый годъ, а кабардинцы судей не выбирали.

«Гдѣ присяга? спрашивалъ ихъ князь Циціановъ, долго ли не истребите вѣтренниковъ? Или вы думаете, что я похожъ на моихъ предмѣстниковъ? Или вы не наслышались, что я здѣсь надѣлалъ, кого покорилъ и сдѣлалъ данниками, какую крѣпость (Ганжу) малѣйшимъ числомъ непобѣдимаго войска россійскаго штурмомъ взялъ, сколько побилъ и сколько полонилъ?

«Но то были непріятели и противились, а вы подданные его императорскаго величества всемилостивѣйшаго нашего Государя. Вы тѣ, кои на вѣрность присягали передъ всемогущимъ Богомъ и на Алкоранѣ, и послѣ дерзаете быть преслушны цѣлый годъ...

«Кровь во мнѣ кипитъ, какъ въ котлѣ, и члены всѣ мои трясутся отъ жадности напоить земли ваши кровію преступниковъ; я слово мое держать умѣю и не обѣщаю того, чего не могу поддержать кровію моею... Ждите, говорю я вамъ, по моему правилу штыковъ, ядеръ и пролитія вашей крови рѣками; не мутная вода потечетъ въ рѣкахъ, протекающихъ ваши земли, а красная, вашихъ семействъ кровью выкрашенная... [2])»

Объявленіе это не имѣло желаемаго успѣха и кабардины не исполнили требованій главноуправляющаго. Они привыкли видѣть

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1939 и 1940.

[2]) Письмо князя Циціанова кабардинцамъ 4-го апрѣля 1804 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1944.

въ начальствѣ бездѣятельность и предоставленіе ихъ въ полное распоряженіе пристава, готоваго за деньги потворствовать и допускать различнаго рода своеволія. Приставъ смотрѣлъ сквозь пальцы на нежеланіе кабардинцевъ выбирать новыхъ судей, а старые, не считая себя обязанными служить новое трехлѣтіе, разошлись и не присутствовали въ судахъ.

Упорство кабардинцевъ заставило князя Циціанова употребить противъ нихъ силу. Прибывшій 29-го марта 1804 года на Кавказскую линію и вступившій въ этотъ день въ командованіе войсками, вмѣсто генерала Шепелева, генералъ-лейтенантъ Глазенапъ получилъ приказаніе наказать кабардинцевъ за ихъ ослушаніе. Главнокомандующій высказывалъ при этомъ увѣренность, что войска и въ особенности казаки будутъ удержаны отъ «войны, производимой, по введенной системѣ, болѣе противъ скота, нежели людей» [1]).

— Нужно дать страхъ, говорилъ князь Циціановъ, а не причиненіе убытка. Первое есть дѣло непобѣдимаго россійскаго войска и ему принадлежитъ; послѣднее же свойственно хищникамъ и азіятскимъ народамъ, ищущимъ не славы, а добычи.

Переправившись 9-го мая за рѣку Баксанъ съ отрядомъ изъ 1,750 человѣкъ пѣхоты, драгунъ и казаковъ [2]), Глазенапъ едва только успѣлъ расположиться лагеремъ, какъ на равнинѣ, верстахъ въ девяти отъ него, показалась партія кабардинцевъ въ числѣ около 800 человѣкъ. Видя, что толпа собравшихся быстро увеличивалась и въ короткое время достигла до 1,500 человѣкъ, Глазенапъ выслалъ на встрѣчу кабардинцевъ маіора Лучкина съ 350 казаками.

— Чего вы хотите? спросилъ Лучкинъ, подъѣзжая къ толпѣ, но, вмѣсто отвѣта, былъ встрѣченъ выстрѣлами.

Казаки отвѣчали тѣмъ же и перестрѣлка завязалась.

Для подкрѣпленія Лучкина, былъ отправленъ съ отрядомъ ге-

---

[1]) Предписаніе князя Циціанова Глазенапу 5-го апрѣля 1804 года, № 806. Воен. Учен. Арх., дѣло № 3872.

[2]) Сборный отрядъ этотъ былъ составленъ изъ командъ, назначенныхъ отъ пѣхотныхъ полковъ: 16-го егерскаго, Казанскаго и Вологодскаго мушкетерскихъ; драгунскихъ: Нижегородскаго, Владимірскаго и Таганрогскаго; казаковъ: донскихъ, волгскихъ, моздокскихъ, хоперскихъ и кубанскихъ.

*

нералъ-маіоръ Леццано, по приближеніи котораго, кабардинцы начали отступать, а потомъ обратились въ бѣгство [1]). Генералъ-лейтенантъ Глазенапъ перешелъ къ рѣкѣ Чегему и расположился на лѣвомъ берегу ея, неподалеку отъ кладбища.

На другой день, въ то самое время, когда русскій отрядъ тронулся изъ лагеря, чтобы слѣдовать далѣе, кабардинцы прислали своихъ депутатовъ, которые, обѣщаясь покориться и согласиться на всѣ наши требованія, просили остановиться движеніемъ въ ихъ предѣлы, хотя на однѣ сутки. Глазенапъ, какъ человѣкъ совершенно новый, незнакомый съ азіятскимъ вѣроломствомъ, согласился на просьбу представителей кабардинскаго народа, но чрезъ три дня, вмѣсто того, чтобы видѣть у себя владѣльцевъ, прибывшихъ для выбора судей, онъ получилъ письмо, что кабардинцы, кромѣ духовнаго суда при кадіѣ, другаго правленія имѣть не желаютъ, жалованья отъ русскаго Императора не требуютъ, а впрочемъ предоставляютъ Глазенапу поступать съ ними такъ, какъ онъ хочетъ. Очевидно, что удобное время для наказанія было пропущено; кабардинцы успѣли скрыть свои семейства и вызвать помощь изъ горъ.

Обѣщаясь силою заставить кабардинцевъ исполнить наши требованія, Глазенапъ оставилъ въ лагерѣ всѣ тяжести и 14-го мая, не безъ затрудненій, переправился вбродъ черезъ рѣку Чегемъ. Безпрерывные и проливные дожди сдѣлали всѣ горныя рѣки весьма глубокими и по быстротѣ теченія неудобными для переправы но, не смотря на то, солдаты въ полномъ вооруженіи весьма скоро перешли черезъ рѣку. Моздокскіе, волгскіе, хоперскіе и кубанскіе казаки составили авангардъ, за которымъ слѣдовалъ остальной отрядъ. Пѣхота шла двумя каре, между которыми въ двѣ линіи, наравнѣ съ передними и задними фасами двигалось по четыре эскадрона кавалеріи, имѣя позади себя двѣ роты Вологодскаго мушкетерскаго полка, съ двумя орудіями. Послѣднія были поставлены за кавалеріею съ тою цѣлію, чтобы скрыть ихъ отъ непріятеля и «черезъ то вселить въ него дерзновеніе ударить на конницу и подвергнуть себя пораженію.»

---

[1]) Рапортъ Глазенапа князю Циціанову 10-го мая 1804 года, № 167. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1916.

Пройдя верстъ шесть отъ переправы, отрядъ встрѣтилъ непріятеля подъ защитою горъ и лѣсистыхъ ущелій, по которымъ протекаютъ рѣки Чегемъ, три Шалухи и еще нѣсколько болотистыхъ ручейковъ, берега которыхъ были густо населены аулами. Скрываясь сами въ ущельяхъ и позади ихъ, кабардинскіе владѣльцы выслали впередъ своихъ узденей, которые и завязали перестрѣлку съ нашимъ отрядомъ. Всѣ аулы, которыхъ было болѣе двѣнадцати, оказались приготовленными къ оборонѣ. Они наполнены были многочисленными пѣшими засадами, ограждены перекопами и барикадами изъ арбъ, наполненныхъ каменьями; въ сакляхъ, кустахъ и по горамъ засѣли стрѣлки съ ружьями и луками. Число собравшихся для защиты доходило до 11,000 человѣкъ. Здѣсь были кабардинцы, чеченцы, балкарцы, карачаевцы осетины.

Гдѣ дѣйствіемъ артиллерійскаго и ружейнаго огня, а большею частію штыками защитники были вытѣснены изъ своихъ жилищъ, преданныхъ пламени. Бой продолжался съ 11-ти часовъ утра и до 6-ти пополудни. Наши солдаты то спускали съ утесовъ пушки, то переправлялись вбродъ черезъ рѣки, переходили съ одного берега на другой, дрались, стоя по грудь въ водѣ, спасали товарищей, уносимыхъ быстротою теченія, и надѣляли другъ друга патронами...

Въ шесть часовъ вечера все утихло; двѣнадцать ауловъ Куденетовыхъ и одинъ Гирея—главнѣйшихъ возмутителей — догорали среди бѣгства ихъ обитателей, скрывавшихся въ горы и ущелья.

Отрядъ возвратился въ свой лагарь, и Глазенапъ намѣренъ былъ, давши войскамъ отдыхъ, слѣдовать далѣе [1]), но 19-го мая явились къ нему владѣльцы, уздени и эфендіи Большой Кабарды съ полною покорностію и съ просьбою о пощадѣ.

«Осмѣливаемся донести, писали теперь кабардинцы князю Ціцiанову [2]), что предписаніе ваше мы получили и содержаніе онаго поняли, но извиняемся, что замедлили исполненіемъ онаго и дождались прибытія къ намъ войскъ россійскихъ, съ которыми у насъ

---

[1]) Воен. Учен. Арх., д. № 3872.
[2]) Отъ 20-го мая 1804 года. Воен. Учен. Арх., д. № 3872.

произошла брань. Однако же, для выполненія высочайшей воли, выборъ въ судьи и расправы засѣдателей изъ владѣльцевъ, узденей, казыевъ и секретарей мы сдѣлали, а теперь всѣ мы, кабардинскіе владѣльцы, уздени и эфендіи, униженнѣйше просимъ о томъ: внемлите сіе наше прошеніе и не оставьте въ разсужденіи спокойствія нашего вашимъ попеченіемъ.»

Генералу Глазенапу депутаты заявили при этомъ, что для общаго блага и спокойствія своего, они выбрали уже судей [1]), но просили отсрочить на мѣсяцъ открытіе судовъ, подъ предлогомъ того, что имъ необходимо построить дома, вмѣсто сожженныхъ, возвратить семейства своихъ подвластныхъ и скотъ, скрытый въ ущельяхъ, въ обезпеченіе отъ наказанія русскихъ. Удовлетворивъ желанію представителей Большой Кабарды, Глазенапъ 22-го мая возвратился въ крѣпость Прохладную и распустилъ свой отрядъ.

Кабардинцы и на этотъ разъ не только не исполнили данныхъ обѣщаній, но и не прекратили своихъ непріязненныхъ дѣйствій. Притѣсняемые ими дигорцы, поколѣніе осетинскаго народа, просили наше правительство о переселеніи ихъ въ русскія границы. Посланный съ отрядомъ для переселенія 70 семей дигорцевъ, генералъ-маіоръ Дехтяревъ, былъ встрѣченъ на рѣкѣ Урухѣ близъ Татаръ-Тупа толпою кабардинцевъ, принудившихъ его отступить къ рѣкѣ Малкѣ. Собравши наскоро отрядъ, генералъ Глазенапъ двинулся на помощь Дехтяреву. 20-го іюня онъ выступилъ за рѣку Малку, а вслѣдъ затѣмъ переправился черезъ рѣку Баксанъ и окружилъ селенія кабардинскихъ владѣльцевъ изъ рода Бекъ-Мурзы и Кайтуки. Кабардинцы, по обыкновенію, какъ только увидѣли у себя русскія войска тотчасъ же вступили въ двойные переговоры: у русскихъ они просили пощады и помилованія, а у закубанскихъ черкесъ—помощи и содѣйствія. Они говорили Глазенапу, что немедленно возстановятъ родовые суды и расправы, удовлетворятъ за сдѣланные ими грабежи и не будутъ препятствовать выводу дигорцевъ, а сами отправили въ то же

[1]) Въ Малой Кабардѣ, какъ частицѣ весьма небольшой, судьи давно уже были выбраны, но они боялись вступить въ отправленіе своихъ должностей и смотрѣли на поступки жителей Большой Кабарды въ этомъ отношеніи.

время къ закубанцамъ одного изъ первѣйшихъ своихъ владѣльцевъ Расламъ-бекъ Мисостова.

Генералъ Глазенапъ цѣлую недѣлю бесѣдовалъ съ кабардинцами, велъ переговоры о ихъ покорности, а Расламъ-бекъ, пользуясь ослабленіемъ защиты на линіи, велъ закубанцевъ для вторженія въ наши границы. 27-го іюня онъ мгновенно явился среди преданныхъ намъ абазинцевъ и въ тотъ же день, незамѣченный нашими кордонами, переправилъ съ праваго на лѣвый берегъ рѣки Кубани до 900 семей своихъ жентимировцевъ и абазинцевъ. На слѣдующій день онъ произвелъ ту же операцію съ 54-мя аулами ногайцевъ, предавая непослушныхъ огню и мечу. Переговоры по этому дѣлу велись столь скрытно, и самый наѣздъ былъ такъ быстръ, что начальникъ надъ бештовскими татарами, султанъ Менгли-Гирей, узналъ только за два дня до происшествія и едва успѣлъ предварить о томъ начальство [1]).

Не довольствуясь этимъ, партія Расламъ-бека два раза атаковала Кумскій редутъ и отрѣзала всѣ посты отъ Прочнаго-Окопа до Константиногорска. Георгіевскъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе: его защищали 180 драгунъ Таганрогскаго полка и 30 пушекъ полевой артиллеріи, случайно проходившей черезъ городъ.

Происшествія на линіи заставили Глазенапа, довольствуясь обѣщаніями депутатовъ, наскоро закончить переговоры съ кабардинцами и спѣшить на усмиреніе закубанцевъ. Но лишь только оставилъ онъ рѣку Баксанъ, какъ нѣсколько муллъ успѣли убѣдить кабардинцевъ не заключать съ Россіею никакихъ условій, если не хотятъ мщенія отъ всѣхъ закубанскихъ народовъ. Собравшіеся было для подписанія договора владѣльцы, тотчасъ же разъѣхались по домамъ, и генералъ-лейтенантъ Глазенапъ принужденъ былъ опять возвратиться въ Кабарду и двинуться къ Кызъ-бурунскому ущелью [2]). Видя снова передъ собою русскія войска, кабардинцы

---

[1]) Рапорты Глазенапа князю Циціанову 2-го іюля и 1-го августа, за №№ 264 и 308. Воен. Учен. Арх., д. № 3872. См. также Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 2024.

[2]) Всепод. рапортъ Глазенапа отъ 30-го іюня 1804 г. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416.

опять явились съ покорностію и обѣщаніемъ исполнить наши требованія, но генералъ Глазенапъ, наученный опытомъ, не вѣрилъ теперь, что покорность кабардинцевъ будетъ искреннею и прочною [1]).

Турція и Персія одинаково старались поднять ихъ противъ русскаго правительства, присылали къ нимъ эмиссаровъ, воззванія и главнѣйшимъ образомъ деньги. Въ Кабардѣ, во всемъ Закубаньѣ и даже въ Осетіи замѣтно было изобиліе золота и серебра, что, при отсутствіи всякой промышленности, могло произойти только отъ ввоза монеты съ какими либо политическими цѣлями. Оно такъ и было въ дѣйствительности. Деньги своимъ вліяніемъ раздѣлили кабардинцевъ на двѣ партіи, враждебныя другъ другу на столько, что если одна партія соглашалась на всѣ наши предложенія, то другая — ни на какія. Представителемъ послѣдней, враждебной намъ партіи, былъ Расламъ-бекъ Мисостовъ, который, соединившись съ закубанскими черкесами, дѣлалъ весьма частыя вторженія въ наши границы, вырѣзывалъ казачьи посты и разорялъ пограничныя селенія. Войдя въ сношеніе съ осетинами и прочими горскими народами, партія недоброжелательныхъ намъ кабардинскихъ владѣльцевъ, какъ мы видѣли, прервала сообщеніе съ Грузіею, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не было оттуда никакихъ извѣстій. Что дѣлалось въ Закавказьѣ—никто не зналъ, и горсть войскъ, тамъ находившихся, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, могла быть поставлена въ самое безвыходное положеніе. Поэтому начальству на линіи приходилось прежде всего позаботиться о возстановленіи сообщенія съ Грузіею, а потомъ уже объ усмиреніи горцевъ.

«Возлагаю я на особенное попеченіе ваше, писалъ Императоръ генералу Глазенапу [2]), употребить всѣ нужныя мѣры для скорѣйшаго открытія сношеній Кавказской линіи съ Грузіей. Если къ совершенію предпріятія сего сильною военною рукою нужно будетъ умножить войско на линіи, то въономъ случаѣ имѣете вы требовать пособія въ командированіи къ вамъ надлежащаго, по усмотрѣнію вашему, числа полковъ, отъ войсковаго атамана

[1]) Всепод. рапортъ Глазенапа, отъ 8-го іюля.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 21-го іюля 1804 г. Воен. Учен Арх., д. № 3878.

генералъ-лейтенанта Платова, коему на сей предметъ и предписаніе отъ меня дано.»

Глазенапъ торопился воспользоваться даннымъ ему разрѣшеніемъ, такъ какъ недостатокъ войскъ на Кавказской линіи былъ весьма ощутителенъ. На всемъ пространствѣ отъ Кизляра до земель Черноморскаго войска было расположено три съ половиною полка пѣхоты и четыре драгунскихъ, имѣвшихъ весьма большой некомплектъ въ людяхъ [1]) и въ лошадяхъ. Послѣднія, отъ безпрерывныхъ переходовъ и преслѣдованій непріятеля, пришли въ такое изнуреніе, что драгунскія части нельзя было считать полками [2]). Хотя на усиленіе кавалеріи было отправлено шесть донскихъ полковъ, но «донское войско, доносилъ Глазенапъ [3]), особливо вновь пришедшіе полки, отъ неимѣнія хорошаго вооруженія, да и лошадей, противъ здѣшнихъ народовъ, упражняющихся всегда въ военномъ дѣйствіи, совершенно неудобны, кромѣ какъ содержать кордонъ, и то при каждомъ нападеніи всегда бываетъ важный уронъ съ нашей стороны однихъ только донскихъ казаковъ, какъ неимѣющихъ особливой способности дѣйствовать противъ здѣшнихъ народовъ. Тѣ только полки хороши, которые, прослуживши здѣсь два года и будучи всегда въ военной практикѣ, изъ необходимости исправились сами хорошимъ оружіемъ.»

Недостатокъ боевыхъ средствъ и безпрерывныя вторженія хищническихъ партій препятствовали Глазенапу открыть безотлагательно сообщеніе съ Грузіей. Онъ принужденъ былъ ожидать прибытія подкрѣпленій и отражать нападеніе горцевъ. Собравши толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, закубанцы вмѣстѣ съ кабардинцами разъѣзжали повсюду, нападали на посты и табуны скота и лошадей, пасшихся возлѣ селеній. Близъ стоявшія войска каждый разъ выходили на преслѣдованіе хищниковъ, но или не догоняли ихъ, или, преслѣдуя одну партію, давали средства другой прорываться въ мѣста, оставленныя безъ защиты.

Не имѣя средствъ сосредоточить значительный отрядъ для на-

---

[1]) Такъ въ Вологодскомъ полку недоставало 907 человѣкъ.

[2]) Рап. Глазенапа князю Циціанову 11-го августа 1804 г., № 322. Воен. Учен. Арх., д. № 3872.

[3]) Всеподд. рапортъ отъ 25-го сентября 1804 г. Тамъ же.

ступательныхъ дѣйствій и наказанія хищниковъ, Глазенапъ нѣсколько разъ вызывалъ къ себѣ преданныхъ къ намъ кабардинскихъ князей, имѣвшихъ русскіе чины, но никто изъ нихъ не ѣхалъ, изъ опасенія мщенія товарищей. Только иногда навѣдывался князь Айдемировъ, но и тотъ всегда уклонялся отъ разговора по дѣламъ его соотечественниковъ. Онъ сообщалъ только, что кабардинцы созываютъ частыя собранія, что одна половина желаетъ установить суды, а другая ихъ отвергаетъ; что, послѣ долгихъ споровъ, собраніе обыкновенно расходится въ разныя стороны и отправляется на хищничество подъ предводительствомъ самихъ князей [1]).

Айдемировъ сообщилъ, однако же, что закубанцы, собравшись въ значительныхъ силахъ на противоположномъ берегу Кубани, ожидаютъ только удобнаго случая, чтобы ворваться въ наши границы; что въ толпѣ хищниковъ находятся ногайцы и абазинцы, и что все сборище ощущаетъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Голодъ былъ достаточнымъ двигателемъ на хищничество, и потому начальство Кавказской линіи должно было ежеминутно ожидать переправы непріятеля на правый берегъ рѣки Кубани. Для наблюденія за сборищемъ былъ выставленъ у Баталъ-пашинской переправы отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лихачева, изъ шести ротъ 16-го егерскаго полка, двухъ донскихъ полковъ, 200 кубанскихъ казаковъ и четырехъ орудій. Другой отрядъ, изъ 200 пѣшихъ драгунъ, 300 хоперскихъ казаковъ съ четырьмя орудіями, сосредоточенъ у Невиннаго мыса, подъ начальствомъ подполковника барона Бомбеля; третій изъ 200 пѣшихъ драгунъ Борисоглѣбскаго полка, донскаго Селиванова полка съ четырьмя орудіями, подъ командою генералъ-маіора Дехтерева, стоялъ у Брыкской горы. Всѣ три отряда были подчинены генералъ-маіору Лихачеву. Одна рота Суздальскаго полка находилась въ селеніи Николаевскомъ, Ставропольскаго уѣзда.

Противъ кабардинцевъ, на лѣвомъ берегу рѣки Малки, гдѣ всего чаще совершалась переправа, стоялъ генералъ-маіоръ Мейеръ съ тремя гренадерскими ротами своего Казанскаго мушкетерскаго

[1]) Рап. Глазенапа кн. Циціанову 18-го октября 1804 г., № 412. Воен. Учен. Арх., № 3872.

полка, тремя гренадерскими ротами Вологодскаго полка и тремя казачьими полками. Послѣдніе содержали почти сплошные пикеты по рѣкѣ Малкѣ, начиная отъ Моздока и прямою чертою до Константиногорска. Въ крѣпости Екатериноградской было двѣ мушкетерскихъ роты Вологодскаго полка и два эскадрона Нижегородскаго драгунскаго полка; въ селеніяхъ Солдатскомъ и Прохладномъ стояло по одной ротѣ Вологодскаго полка съ однимъ орудіемъ. Въ Георгіевскѣ находилась одна рота Казанскаго мушкетерскаго полка съ остальными эскадронами Нижегородскаго драгунскаго полка. Въ Темнолѣскѣ и Кумскомъ штерншанцѣ расположено было по ротѣ Суздальскаго полка, а дистанція отъ Кизляра до станицы Калиновской, за недостаткомъ войскъ, была занята пятью ротами Кизлярскаго гарнизоннаго полка [1]).

Всѣ эти войска были необходимы для защиты тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ находились, и генералъ Глазенапъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни одной свободной части, съ которою могъ бы двинуться на усмиреніе кабардинцевъ и другихъ горскихъ племенъ, жившихъ за рѣкою Кубанью. Находя свое положеніе весьма критическимъ и опаснымъ, онъ просилъ о присылкѣ на линію новыхъ войскъ и доносилъ, что безъ этого не можетъ приступить къ возстановленію сообщенія съ Грузіею.

Какъ бы часто ни производились вторженія хищниковъ на линіи, они не имѣли той важности и того значенія, какое имѣло прекращеніе сообщенія съ Грузіею и съ отрядомъ князя Циціанова. Здѣсь, на линіи, все дѣло ограничивалось разореніемъ нѣсколькихъ селеній, отгономъ табуновъ—и только. Тамъ же, въ Закавказьѣ, при первой неудачѣ, мы могли лишиться не только всего отряда, но и цѣлой страны и быть вынуждены передать ее на разграбленіе хищныхъ и враждебныхъ ей сосѣдей. Отъ разоренія хищниками нѣсколькихъ селеній на линіи наше положеніе не измѣнялось, тогда какъ неудача въ Закавказьѣ могла заставить насъ сдѣлать огромный шагъ назадъ и потерять то, что пріобрѣталось въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Вотъ причина, почему Императоръ Александръ, придавая такое большое значеніе возста-

[1]) Рап. Глазенапа кн. Циціанову отъ 18-го октября 1804 г., № 412.

новленію сообщенія съ Грузіею, приказалъ отправить изъ Крыма Троицкій полкъ и 12 орудій донской конной артиллеріи въ помощь Глазенапу, а моремъ въ Мингрелію одинъ полкъ пѣхоты съ полуротою артиллеріи въ помощь князю Циціанову. Генералу Глазенапу приказано было, не смотря ни на какія обстоятельства на линіи, открыть сообщеніе съ Грузіею и съ этою цѣлью отправить черезъ Дарьяльское ущелье одинъ драгунскій, два казачьихъ полка, нѣсколько полевыхъ орудій и рекрутъ, назначенныхъ на укомплектованіе дѣйствующихъ полковъ. Выждавши спаденія воды въ рѣкѣ Терекѣ, Глазенапъ, хотя и считалъ свое положеніе крайне затруднительнымъ, принужденъ былъ, однако же, командировать въ Грузію генералъ-маіора Несвѣтаева съ отрядомъ, составленнымъ изъ шести ротъ Казанскаго мушкетерскаго полка, роты Владикавказскаго гарнизона, двухъ ротъ артиллеріи, двухъ донскихъ казачьихъ полковъ и 500 человѣкъ рекрутъ.

Выступивши, 17-го сентября, изъ Владикавказа и слѣдуя по нынѣшней военно-грузинской дорогѣ, Несвѣтаевъ на каждомъ шагу встрѣчалъ сопротивленіе непріятеля [1]). Авангардъ его, составленный изъ одной роты Казанскаго полка и 300 казаковъ, подъ командою подполковника Быхалова, долженъ былъ брать штурмомъ по очереди: Дарьялъ, Ларсъ и Казбекъ.

Царевичъ Парнаозъ, узнавшій о приближеніи Несвѣтаева, собралъ осетинъ для занятія селенія Казбека, какъ стоявшаго на самой дорогѣ и по своему неприступному положенію могшаго представить весьма большія затрудненія для проходившаго отряда. Быхаловъ предупредилъ намѣреніе царевича и принудилъ его засѣсть въ башняхъ селенія Сіонъ, откуда онъ былъ также вытѣсненъ съ потерею 100 человѣкъ убитыми и 55 взятыми въ плѣнъ. Пройдя, такимъ образомъ, отъ Владикавказа до Ананура, Несвѣтаевъ открылъ сообщеніе Россіи съ Грузіею, возобновилъ мосты по рѣкѣ Тереку, исправилъ дороги и оставилъ у мостовъ небольшія команды, «дабы, какъ доносилъ онъ, при проходѣ войскъ не могли хищники попрежнему разломать мосты.»

---

[1]) Рапортъ Несвѣтаева Глазенапу 20-го сентября 1804 г., № 6. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416, пап. В.

Въ Ананурѣ Несвѣтаевъ соединился съ отрядомъ капитана Матушевича, который, командуя за отсутствіемъ генерала Талызина, вытѣснилъ мятежниковъ изъ Душетской крѣпости и, разбивъ ихъ толпу, въ 2,700 человѣкъ состоявшую, преслѣдовалъ до высотъ и тѣсныхъ проходовъ урочища Гударети, гдѣ и заперъ до прибытія князя Циціанова изъ-подъ Эривани [1]).

Царевичъ Парнаозъ бѣжалъ къ хевсурамъ и пшавамъ, прося ихъ помощи для дѣйствій противъ Несвѣтаева, но, получивши отказъ, отправился въ Персію. Князь Циціановъ послалъ приказаніе всѣмъ пограничнымъ начальникамъ стараться захватить его, что и удалось исполнить въ казахской дистанціи.

Генералъ-маіоръ Портнягинъ, по извѣстіямъ, до него дошедшимъ о близкомъ мѣстопребываніи Парнаоза, разъѣжалъ съ коннымъ отрядомъ по Кахетіи, а Кабардинскаго мушкетерскаго полка князь Севарсемидзе, съ двумя ротами и однимъ орудіемъ, нарочно поставленный для этой цѣли въ Тіонетахъ, гнался за нимъ съ казаками. Темнота ночи способствовала тому, что Парнаозъ успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія. Тогда главнокомандующій отправилъ бригадира князя Томаса Орбеліани въ Демурчасалы, 40 верстъ ниже Тифлиса по Курѣ (какъ къ мѣсту, гдѣ могъ Парнаозъ переправиться черезъ Куру), съ открытымъ предписаніемъ, чтобы начальники отрядовъ давали князю Орбеліани столько войскъ, сколько потребуетъ. Царевичъ былъ пойманъ вмѣстѣ со свитою изъ 30 князей кахетинскихъ и привезенъ въ Тифлисъ.

«Спѣшу всеподданнѣйше донесть вашему императорскому величеству, писалъ князь Циціановъ [2]), о томъ, что одна изъ гидръ, раздирающихъ Грузію междоусобною войною и вовлекающая безсмысленный народъ въ несчастія, поймана и заключена въ благородную неволю, а именно царевичъ Парнаозъ... Сіе счастливое пріобрѣтеніе тѣмъ важнѣе, что научитъ и Александра царевича не посѣщать Грузію, а еще меньше столь долго оставаться въ оной и набирать партію изъ неблагодарныхъ князей.»

Впослѣдствіи царевичъ намѣревался бѣжать изъ-подъ ареста, какъ это видно было изъ перехваченнаго письма его къ род-

[1]) Послужный списокъ Матушевича.

[2]) Донесеніе кн. Циціанова отъ 31-го октября 1804 г., № 56.

ственникамъ, въ которомъ онъ просилъ приготовить пару лошадей «и такого лекарства», которое можно бы было вмѣшивать въ вино для усыпленія караульныхъ. Поэтому, 4-го апрѣля 1805 года, царевичи Юлопъ и Парнаозъ, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, отправлены были въ Россію. Мѣстопребываніемъ для перваго была назначена Тула, а для втораго—Воронежъ [1]).

Между тѣмъ, послѣ арестованія Парнаоза, осетины хотя и успокоились, но князь Цпціановъ не довольствовался этимъ, а желалъ привести ихъ къ полной покорности. Съ этою цѣлью, вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Тифлисъ, онъ отправилъ въ Осетію князей Мирманоза и Соломона Эристовыхъ съ требованіемъ, чтобы они возвратили все награбленное во время возмущенія. При безусловномъ исполненіи требованій, главнокомандующій обѣщалъ имъ полное прощеніе и забвеніе прошлаго, а въ противномъ случаѣ разорить ихъ селенія.

«Не Кноррингово теперь время, писалъ онъ тагаурскимъ старшинамъ и народу [2]), не стану я съ вами договоры дѣлать. У кого есть штыки, тому денегъ платить не слѣдуетъ. Клянусь Богомъ, въ котораго вѣрую, что камня на камнѣ у васъ не оставлю и не генерала пришлю, а самъ приду съ войсками.»

Князь Цпціановъ требовалъ немедленнаго возвращенія плѣнныхъ и всѣхъ вещей, захваченныхъ при разграбленіи Стефанъ-Цминды и Ларса и тогда обѣщалъ разрѣшить осетинамъ покупать попрежнему хлѣбъ въ Моздокѣ и Тифлисѣ, дозволить отпускать имъ безденежно соль изъ русскихъ магазиновъ и разрѣшить брать пошлины съ проѣзжающихъ отъ Казбека до Владикавказа, [3]) съ тѣмъ, чтобы съ казенныхъ вещей «ни одной полушки не брать никогда».

Не видя, однако же, съ ихъ стороны желанія исполнить наши требованія, князь Цпціановъ рѣшился дѣйствовать силою, но пе-

---

[1]) Рап. кн. Цпціанова Государю Императору 5-го апрѣля, 1805 г., № 18. Отнош. гр. Кочубея кн. Цпціанову 23-го апрѣля, № 1754. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ.

[2]) Отъ 26-го октября 1804 г. Воен. Учен. Арх., д. № 2416, лит. В.

[3]) Съ каждой вьючной лошади и вьюка отъ 9-ти до 10-ти пудовъ по 2 рубля и съ каждаго пѣшаго по одному рублю. На всемъ остальномъ пути черезъ горы брать съ купцовъ по 30 коп. съ пѣшаго и по 70 коп. съ коннаго, а съ товаровъ ничего.

редъ выступленіемъ своимъ въ Цхинвалъ просилъ князей Зазу и Реваза Мочабели, имѣвшихъ вліяніе на народъ, уговорить осетинъ исполнить наши требованія, и выслать къ нему на встрѣчу депутатовъ съ просьбою о прощеніи [1]).

— Тогда, говорилъ главнокомандующій, я не стану ни жечь, ни рубить и сдѣлаю постановленіе. Буде они еще надѣются на Парнаоза, то предложите имъ послать въ Тифлисъ того, кому они вѣрятъ, посмотрѣть на царевича Парнаоза, сидящаго подъ карауломъ, такъ и на людей, съ нимъ пойманныхъ.

Когда и это средство оказалось недѣйствительнымъ, тогда князь Циціановъ, 13-го ноября, выступилъ изъ Цхинвала, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 694 человѣкъ строевыхъ чиновъ [2]) и двумя орудіями. Въ два перехода онъ достигъ до осетинскаго селенія Джавы, не встрѣчая на пути никакого сопротивленія. Селеніе Джавы было защищено двумя башнями, которыя тотчасъ же и были заняты нашими войсками. Жители окрестныхъ селеній выказали готовность покориться и вступили въ переговоры съ главнокомандующимъ, но переговоры эти не привели ни къ какимъ результатамъ. Князь Циціановъ двинулся далѣе по направленію къ селенію Крожи, и хотя до селенія было не болѣе одной нѣмецкой мили, но крутизна горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, и узкость дороги, которую необходимо было расчищать, были причиною того, что отрядъ дошелъ до селенія не прежде заката солнца. Не смотря на незначительность перехода, войска были весьма утомлены, ибо должны были преодолѣвать огромныя затрудненія: тащить на себѣ два орудія съ четырьмя зарядными ящиками и драться съ осетинами въ мѣстахъ, «имъ извѣстныхъ, а намъ незнакомыхъ, гдѣ и трусъ храбраго могъ убивать безопасно. Все сіе исполнено было съ невѣроятнымъ успѣхомъ, и родъ войны, для россійскаго войска неизвѣстный, показалъ, что оно и къ ней способно [3])». Въ тотъ

---

[1]) Предложеніе кн. Циціанова князьямъ Мочабели отъ 2-го ноября 1804 г., № 730, Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1082.

[2]) Въ составѣ отряда находились: 170 челов. Кавказскаго гренадерскаго и 306 челов. 9-го Егерскаго полковъ; 87 пѣшихъ казаковъ донскаго Рышкина полка, 113 чел. конныхъ донскихъ и линейныхъ казаковъ и 8 чел. артиллерійской прислуги.

[3]) Журналъ воен. дѣйствій и всеподд. рапортъ кн. Циціанова отъ 13-го декабря. Воен. Учен. Арх., отд. II, д. № 2416, папка 13.

же день лежавшее на равнинѣ селеніе Крожи, окруженное четырьмя башнями, было занято нашими войсками.

Между тѣмъ, узнавъ, что жители Мчиврійскаго ущелья соединились съ осетинами Большой Ліахвы, князь Циціановъ отправилъ изъ Джавъ съ отрядомъ маіора князя Мирманоза Эристова-Ксанскаго съ тѣмъ, чтобы онъ прошелъ вдоль этого ущелья, разогналъ осетинъ и принудилъ ихъ покориться. Лишь только маіорь Эристовъ выступилъ изъ Карталиніи, осетины, имѣвшіе къ нему большую довѣренность, покорились и по требованію его выдали князя Баратова и Гедеванова, присланныхъ отъ царевича Парнаоза, для поддержанія возмущенія въ Осетіи, выдали въ аманаты всѣхъ тѣхъ лицъ, кои были потребованы, и обѣщались возвратить все имущество, отбитое у казаковъ Рышкина полка.

Возстановивши спокойствіе въ обоихъ ущельяхъ, князь Эристовъ пошелъ на соединеніе съ главнымъ отрядомъ, все еще находившимся въ селеніи Крожи и занимавшимся разрушеніемъ башенъ, составлявшихъ всю силу осетинъ.

Предавъ огню селеніе Крожи, князь Циціановъ хотѣлъ слѣдовать далѣе, но жители сосѣднихъ ущелій просили пощады и помилованія. Въ теченіе пяти дней главнокомандующій переговаривался съ ними, но, видя, что они только затягиваютъ дѣло, рѣшился, для общаго устрашенія, проникнуть въ такія мѣста, въ которыхъ русскія войска еще не бывали.

Походъ этотъ не столько замѣчателенъ боевыми успѣхами, сколько неутомимою дѣятельностію, которою отличались всѣ чины отряда. Войска то подымались на крутыя горы, спускались въ глубокія ущелья, то слѣдовали по узкой тропинкѣ гусемъ въ одного человѣка, то по лѣсу, «гдѣ стукъ топора, какъ видно, никогда слышенъ не былъ и гдѣ долженствовало пробираться между деревьями невѣроятными изгибами.» Два трехфунтовые единорога только усиливали затрудненія. Отрядъ нѣсколько разъ переправлялся черезъ рѣку Ліахву, причемъ пришлось перевозить пѣхоту на всѣхъ лошадяхъ, бывшихъ при отрядѣ, не исключая и лошади главнокомандующаго.

Предавая огню все встрѣчающееся на пути, князь Циціановъ достигъ, 27-го ноября, до селенія Кошки, считавшагося осетинами

неприступнымъ и расположеннаго на высокой горѣ, лежащей не далѣе 15-ти верстъ отъ Эльборуса. Овладѣвши этимъ селеніемъ, главнокомандующій нанесъ окончательное пораженіе осетинамъ. Они явились съ повинною и стали приводить захваченныхъ ими казачьихъ лошадей.

Арестовавши главныхъ зачинщиковъ возмущенія [1]), князь Ціциановъ объявилъ остальнымъ прощеніе «которое, доносилъ онъ [2]), тѣмъ справедливѣе, что оные горскіе жители разсужденіемъ нимало не рознятъ со скотами, въ чемъ я лично увѣрился, говоря съ ними, и

[1]) Послѣ усмиренія осетинъ и поимки царевича Парнаоза было предано суду болѣе 70 человѣкъ, обвиняемыхъ въ возмущеніи и подстрекательствѣ къ бунту. Всѣ они судились до 1806 года, когда и были прощены Императоромъ Александромъ, принявшимъ во вниманіе докладъ правителя Грузіи, Литвинова, оправдывавшаго ихъ характеромъ народа и прежнею исторіею Грузіи.

«Угнетеніе грузинскаго народа, говорилъ Литвиновъ въ своемъ мнѣніи, сосѣдними владѣніями и чувствительная слабость даже соединенныхъ силъ правленіе царей учинило не твердымъ для нихъ и малонадежнымъ для подданныхъ. Сверхъ того, власть, постепенно разрушавшаяся раздробленіемъ въ разныя руки, отвлекла здѣшнихъ жителей отъ уваженія единства власти. При малѣйшемъ неудовольствіи присягу и вѣрность мѣняли безъ всякаго стыда, поставляя сіе спасительнымъ средствомъ. Внутри Грузіи несогласіе царевичей служило сему поводомъ, и важнѣйшіе преступники скрывались въ Персіи и имѣли дерзость для возвращенія своего дѣлать условіе съ своими царями. Любовь къ отечеству, столь сильно дѣйствующая въ сердцахъ благомыслящихъ, жителямъ Грузіи неизвѣстна, даже названіе отечества на грузинскомъ языкѣ не находится. Единодушіе и согласіе для нихъ чужды; подвизаемые единою личностію, находили выгоды въ безпорядкѣ и разстройствѣ другихъ.

«Изъ сего положенія обстоятельствъ видно, что самодержавіе и безначаліе были совокупны въ одномъ правленіи, то можно-ли имѣть надежду, чтобы народъ сей, слѣдуя положительнымъ правиламъ, могъ хранить вѣрность къ новому государю, когда поставлялъ за ничто измѣнить своему природному? Присоединить къ сему должно обстоятельства того времени: бунтъ мтіулетинцевъ и другихъ горскихъ народовъ, совершенное прекращеніе сообщенія съ Россіею, возмутительныя грамоты Баба-хана; не только сомнительное положеніе, но достовѣрно разглашенное истребленіе главнокомандующаго и всѣхъ войскъ подъ Эриванью; наконецъ, прибытіе царевича Парнаоза въ Грузію,—достаточны были отклонить сихъ неутвержденныхъ еще подданныхъ отъ стороны россіянъ и заставить ихъ стараться, на будущее время, снискать въ царевичахъ себѣ и семейству своему подпору. Изъ сихъ соображеній явствуетъ, что жители Грузіи, не только въ отношеніи противу россійскаго Государя, но даже противу отечества своего, по одинаковымъ преступленіямъ, равному съ россійскими отвѣту подлежать не могутъ; претерпѣнное же ими нѣсколько лѣтъ заключеніе въ крѣпости довольно уже виновныхъ омыло отъ преступленій, а невинныхъ усмирило на будущее время.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 29-го ноября 1804 г.

тѣмъ необходимѣе, что число волновавшихся составляло бы большую потерю въ людяхъ для Грузіи.»

Возвратившись тѣмъ же путемъ въ Анануръ, князь Циціановъ оставался тамъ нѣкоторое время для окончанія дѣлъ съ осетинами. Онъ уравнялъ повинности между жителями различныхъ селеній и назначилъ опредѣленную плату за провозъ товаровъ черезъ Кавказскія горы.

Путь съ Кавказской линіи въ Грузію былъ теперь возстановленъ; его можно было считать окончательно свободнымъ, такъ какъ около этого времени и волновавшіеся кабардинцы были усмирены генераломъ Глазенапомъ.

Получивши высочайшее повелѣніе объ отправленіи на усиленіе войскъ Кавказской линіи Троицкаго полка и дождавшись его прибытія [1], Глазенапъ составилъ два довольно сильныхъ отряда, предназначая ихъ для наказанія закубанцевъ. Одинъ, подъ личнымъ своимъ начальствомъ, онъ сосредоточилъ у Невиннаго мыса и составилъ его изъ шести ротъ Суздальскаго мушкетерскаго, трехъ ротъ 16-го егерскаго полковъ, 200 пѣшихъ драгунъ и одного коннаго эскадрона, Борисоглѣбскаго полка, 100 пѣшихъ драгунъ Владимірскаго полка, 500 волгскихъ и хоперскихъ казаковъ, 660 донскихъ, 6 орудій полевой артиллеріи и 6 орудій донской конной артиллеріи. Второй отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Лихачева, былъ расположенъ у Баталъ-пашинской переправы и составленъ изъ пяти ротъ 16-го егерскаго полка, шести ротъ Троицкаго мушкетерскаго, 1,000 донскихъ казаковъ, 300 поселенныхъ кубанскихъ, шести орудій полевой и шести орудій донской артиллеріи.

Наступившая зима съ мятелями задержала на время Глазенапа, такъ что онъ могъ выступить только въ ночь со 2-го на 3-е декабря. Переправившись черезъ Кубань, Глазенапъ пошелъ двумя отрядами къ рѣкамъ Большому и Малому Зеленчукамъ.

Дойдя до Малаго Зеленчука и узнавши здѣсь, что Мирза-Расламъ-Бекъ подговариваетъ къ уходу въ горы нагайскіе аулы, кочующіе по этой рѣкѣ, Лихачевъ тотчасъ же отправилъ къ нимъ

---

[1]) Троицкій полкъ пришелъ на линію 28-го ноября (Рапортъ Глазенапа князю Циціанову 2-го декабря, № 445. Воен. Учен. Арх., д. № 3872).

воззваніе и обѣщалъ прощеніе. Нагайцы рѣшились возвратиться на свои прежнія мѣста, и тогда Лихачевъ двинулся къ Большому Зеленчуку, гдѣ при переправѣ встрѣтилъ значительное скопище непріятеля. Послѣ перестрѣлки онъ успѣлъ отбить часть нагаевъ и отправить ихъ на нашу сторону, а самъ пошелъ на рѣку Урухъ, гдѣ и ожидалъ прибытія Глазенапа съ отрядомъ [1]).

Послѣдній, двигаясь по лѣвому берегу Большаго Зеленчука, также обнадеживалъ нагайцевъ прощеніемъ и возвращалъ ихъ въ наши границы. 5-го декабря онъ соединился съ отрядомъ Лихачева и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ до рѣки Большой Лабы, вездѣ прогоняя непріятеля и уничтожая аулы. 12-го декабря, въ день рожденія Императора, бесленейцы явились къ Глазенапу съ повинною и обѣщаніемъ быть вѣрноподданными Россіи, освободить всѣхъ христіанъ, удовлетворить за все награбленное въ нашихъ границахъ, возвратить нагайцевъ и не производить хищничества. 14-го декабря они присягнули на коранѣ въ исполненіи обѣщаннаго. Глазенапъ освободилъ тогда бывшаго у насъ въ плѣну ихъ владѣльца Мурза-бека и двинулся въ обратный путь въ полномъ убѣжденіи, что усмирилъ и покорилъ это поколѣніе. На возвратномъ пути онъ посылалъ отдѣльные отряды въ разныя стороны для усмиренія другихъ племенъ. Горцы являлись съ повинною, заключали письменныя условія, подобныя бесленейцамъ, и при такихъ условіяхъ Глазенапъ, 8-го января, возвратился на Баталъ-пашинскую переправу, гдѣ и распустилъ отрядъ. Онъ пригналъ съ собою 1,500 штукъ рогатаго скота, 100 лошадей и до 15,000 овецъ.

«Исполнивъ возложенный на меня долгъ въ точности, доносилъ Глазенапъ [2]), надѣюсь и истинно беру смѣлость завѣрить, что часть границы сей, начиная отъ земель Черноморскаго войска по рѣкѣ Кубани до самаго хребта Кавказскихъ горъ, будетъ покойна *на многіе годы*, и народъ закубанскій, чувствуя мѣру мести, оказанную имъ за наглости, долго не помыслитъ поколебать себя и тѣмъ нарушить блаженство своей жизни, которое они долго не поправятъ, а черезъ то граница Кавказа будетъ на-

[1]) Рапортъ Лихачева Глазенапу 5-го декабря, № 1001. Воен. Уч. Арх., д. № 3872.
[2]) Всеподд. рапортъ 22-го января 1805 года.

слаждаться спокойствіемъ, и всякій поселянинъ и каждаго рода промышленникъ будетъ заниматься своимъ упражненіемъ, въ безопасіи и безъ всякаго препятствія.»

Такъ говорилъ Глазенапъ о своихъ подвигахъ, но не такъ смотрѣло на нихъ наше правительство и не придавало имъ особаго значенія. Оно не считало горцевъ усмиренными на многіе годы и, смотря на дѣла серьезнѣе, изыскивало болѣе прочныя средства къ умиротворенію края.

Безпокойства на линіи и въ особенности волненіе въ Кабардѣ обратили на себя вниманіе Императора. Полагая, что единственнымъ поводомъ къ возстанію кабардинцевъ было избраніе судей, Императоръ спрашивалъ князя Циціанова, дѣйствительно-ли судьи необходимы кабардинцамъ. «Должно, конечно, писалъ онъ [1], чтобы они исполнили то, что имъ однажды повелѣно было, но когда совершенное спокойствіе водворится, то не удобнѣе-ли будетъ оставить ихъ имѣть прежнюю расправу кадіевъ?» Между тѣмъ, кабардинцы сами заявили князю Циціанову, что отъ прежнихъ судовъ ничего добраго ожидать не могутъ. Они просили дозволить имъ выбрать въ судьи для каждыхъ двухъ родовъ по восьми владѣльцевъ и 12 узденей и поручить имъ судъ и расправу надъ народомъ. Только они, говорили кабардинцы, въ состояніи искоренить воровство, разбой, плутовство и мошенничество [2]).

Устраненіе духовенства изъ состава судей, сами кабардинцы признавали необходимымъ, ибо видѣли, что оно, отличаясь нетерпимостію къ христіанамъ, содѣйствовало скорѣе къ развращенію народа, нежели къ убѣжденію въ необходимости мирной жизни съ сосѣдями христіанами.

Согласившись на просьбу кабардинцевъ, князь Циціановъ требовалъ, чтобы кромѣ судей были выбраны, попрежнему на три года, засѣдатели въ моздокскій пограничный судъ. Хотя кабардинцы и готовы были теперь исполнить требованіе, но главнокомандующій находилъ необходимымъ, для болѣе прочнаго водворенія спокойствія, дать иную форму правленія кабардинскому народу. Кабардинцы не уважали приставовъ и даже не понимали,

---

[1]) Въ рескриптѣ князю Циціанову 31-го іюля 1804 года.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1936.

что̀ означало слово приставъ. Князь Циціановъ считалъ необходимымъ назвать ихъ начальниками, ибо вообще всѣ азіятцы съ этимъ словомъ соединяли понятіе о власти, силѣ и значеніи. Такъ какъ многіе кабардинскіе князья имѣли чины полковниковъ, то начальникомъ предполагали назначить одного изъ генералъ-маіоровъ и самое наименованіе кабардинскаго народа замѣнить *Кабардинскою областью*, какъ названіемъ, напоминающимъ тамошнему населенію о тѣсной связи съ Россіею, съ которою они должны составлять одно неразрывное тѣло.

Для достиженія этой послѣдней цѣли, необходимо было принять мѣры къ перемѣнѣ воспитанія кабардинцевъ, къ ознакомленію ихъ съ русскими нравами и обычаями, съ потребностями и изысканностію жизни, т. е. ввести въ Кабарду понятіе о роскоши.

До сихъ поръ въ Кабардѣ существовала сословная вражда между князьями и узденями. Начальство Кавказской линіи находило выгоднымъ поддерживать эту вражду, видя въ этомъ ослабленіе націи, но на самомъ дѣлѣ, способствуя образованію военной силы, подливало, такъ сказать, масло въ огонь. Кабардинцы, враждуя между собою и развивая свои военныя способности, могли при удобномъ случаѣ бросить свою сословную вражду, соединиться вмѣстѣ и, дѣйствуя противъ Россіи, представить немалыя затрудненія къ ихъ усмиренію. Князь Циціановъ признавалъ необходимымъ помирить враждующихъ и въ образованіи народномъ видѣлъ единственное къ тому средство. Онъ намѣренъ былъ склонить кабардинцевъ отдавать своихъ дѣтей въ училища, которыя учредить въ Георгіевскѣ и Екатериноградѣ, гдѣ обучать только языкамъ русскому и татарскому. Болѣе способныхъ дѣтей предполагалось отсылать въ кадетскіе корпуса, изъ которыхъ и выпускать потомъ въ полки, расположенные внутри Россіи, съ тѣмъ однако же, чтобы дѣти узденей выпускались изъ корпусовъ однимъ чиномъ ниже противъ дѣтей княжескихъ фамилій, потому что иначе всякое сравненіе съ узденями князья приняли бы за оскорбленіе себѣ.

Одной перемѣны воспитанія было бы недостаточно для обузданія дикаго права кабардинцевъ; необходимо было развить ме-

жду ними промышленность, ремесла, привязать ихъ къ осѣдлой жизни, а этого можно было достигнуть дозволеніемъ безпошлиннаго привоза въ города собственныхъ произведеній кабардинцевъ. Это было необходимо въ тѣхъ видахъ, что вся торговля кабардинцевъ была въ рукахъ армянъ, агенты которыхъ находились повсюду. Получая все необходимое при посредствѣ армянъ, кабардинцы не имѣли надобности пріѣзжать въ города и знакомиться съ городскою жизнію. Излишне платимое армянамъ за товары кабардинцы вознаграждали хищничествомъ, а замкнутая жизнь ихъ въ аулахъ удаляла отъ сношенія съ русскими. Для привлеченія горскаго населенія къ сообщенію съ русскими, князь Циціановъ запретилъ армянамъ ѣздить для торга по ауламъ, а вмѣсто того учредилъ базары въ крѣпостяхъ: Георгіевской, Константиногорской, Моздокской, Наурской и Кизлярской. Здѣсь горцы могли производить продажу и мѣну товаровъ по установленнымъ цѣнамъ, и имъ предоставлено было право заводить свои лавки [1]).

Независимо отъ этихъ мѣръ, главнокомандующій испрашивалъ высочайшее повелѣніе на образованіе въ Петербургѣ кабардинскаго гвардейскаго эскадрона, со смѣною его черезъ каждые три года, и на построеніе на казенный счетъ мечетей въ Георгіевскѣ и Константиногорскѣ.

Первое признавалъ онъ необходимымъ потому, что, видя роскошь столицы, кабардинцы разовьютъ вкусъ и научатся говорить по-русски, а построеніе мечетей и свободное отправленіе службы примирило бы кабардинцевъ съ русскими, «ибо, писалъ онъ, всякій народъ, привязанный къ вѣрѣ, питаетъ въ душѣ своей почтеніе къ тому, кто покровительствуетъ оную» [2]).

Согласившись на всѣ предположенія князя Циціанова Императоръ Александръ не согласился на переименованіе кабардинскаго народа въ *Кабардинскую область* изъ опасенія, что народъ не приметъ равнодушно этой перемѣны названія. Прежній приставъ названъ былъ управляющимъ дѣлами кабардинскаго народа и въ

---

[1]) Предписаніе князя Циціанова кавказскому губернатору 7-го марта 1805 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1921.

[2]) Всеподд. рапортъ отъ 23-го марта 1804 года.

эту должность опредѣленъ генералъ-маіоръ Дельпоцо, человѣкъ хотя и преклонныхъ лѣтъ, но близко знакомый съ характеромъ и бытомъ туземнаго населенія [1]).

На обязанность генералъ-маіора Дельпоцо было возложено склонять кабардинцевъ отдавать своихъ дѣтей въ школы и къ поступленію въ гвардейскій эскадронъ, а также озаботиться и постройкою мечетей въ Георгіевскѣ и Константиногорскѣ.

Для скорѣйшаго достиженія желаемыхъ результатовъ по умиротворенію кабардинцевъ, князь Цыціановъ старался изолировать ихъ отъ сообщенія съ сосѣдними имъ немирными племенами и, желая на первый разъ разобщить ихъ съ чеченцами и лезгинами, рѣшилъ перенести линію на рѣку Сунжу, по берегу которой и построить рядъ укрѣпленій. Для осмотра береговъ рѣки Сунжи и назначенія пунктовъ для постройки укрѣпленій былъ отправленъ командиръ Троицкаго мушкетерскаго полка полковникъ Рудзевичъ. Послѣдній хотя и представилъ князю Цыціанову свои предположенія относительно расположенія укрѣпленій [2]), но имъ не суждено было осуществиться. Занятый внѣшними дѣлами въ Закавказьѣ и безпрерывною войною съ персіянами, князь Цыціановъ оставлялъ приведеніе этой мѣры въ исполненіе до болѣе удобнаго времени.

---

[1]) Высоч. рескриптъ 29-го мая 1804 года. Отношеніе князя Чарторижскаго князю Цыціанову 29-го мая 1804 года. А. К. К., т. II, стр. 955.

[2]) Для обезпеченія дороги въ Грузію отъ нападенія чеченцевъ предполагалось устроить редуты: при устьѣ рѣки Назрана; на дорогѣ, шедшей изъ Малой Кабарды къ карабулакамъ; при Казахъ-Гичу; два на рѣкѣ Комбулейкѣ; при деревн. Темкубіи, при Али-ханъ-Юртѣ; при деревнѣ Амиръ-ханъ-Гечу, при деревнѣ Хачкой, на рѣкѣ Терекѣ противъ станицы Червленной, и наконецъ, въ Девлетъ-Гиреевомъ аулѣ. См. Воен. Учен. Арх., д. № 3872.

XXI.

Движеніе генералъ-маіора Гулякова въ Джаро-Бѣлоканы.—Цѣль экспедиціи. — Бой въ Закатальскомъ ущельѣ. — Смерть Гулякова. — Отступленіе отряда къ урочищу Пейкаро.—Послѣдствія экспедиціи.

Весьма частые вѣроломные поступки джаро-бѣлоканскихъ вольныхъ обществъ въ несоблюденіи статей заключеннаго съ ними условія заставили князя Циціанова обратить на нихъ серьезное вниманіе. Обязавшись не пропускать дагестанскихъ лезгинъ въ Грузію, джаро-бѣлоканцы не только не исполняли своего обѣщанія, но, напротивъ того, пригласили ихъ на зимованіе въ своей землѣ и вмѣстѣ съ ними дѣлали вторженія въ наши границы. Къ тому же джарцы и не думали объ уплатѣ положенной на нихъ дани.

Признавая необходимымъ, въ примѣръ другимъ, заставить ихъ уважать заключенныя условія и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить Грузію отъ безпрестанныхъ разореній, князь Циціановъ поручилъ шефу Кабардинскаго мушкетерскаго полка, генералъ-маіору Гулякову, переправиться черезъ Алазань и наказать джарцевъ внутри ихъ селеній [1]).

30-го декабря 1803 года, генералъ-маіоръ Гуляковъ узналъ черезъ кизихскаго жителя, что Сурхай-ханъ, казикумухскій, со своими войсками, состоявшими около 6,000 человѣкъ, переправился на правый берегъ рѣки Алазани, противъ лезгинской деревни Байматло (Баймалело?), ниже лагеря верстахъ въ сорока.

Декабря 31-го, генералъ-маіоръ Гуляковъ выступилъ съ 10-ю ротами Кабардинскаго, съ гренадерскимъ баталіономъ Тифлисскаго, двумя ротами 15-го егерскаго полковъ, 5-ю орудіями и донскими казачьими командами.

Посланный разъѣздъ открылъ непріятеля на правомъ берегу рѣки Алазани. Непріятельскій станъ былъ защищенъ съ правой стороны разливомъ, а посрединѣ его былъ весьма густой лѣсъ и терновый кустарникъ, недозволявшій провезти орудія и заставлявшій дѣйствовать одними стрѣлками. Назначивши для прогнанія непріятеля 240 человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ Кабардинскаго полка,

[1]) «Славянинъ», 1827 г., т. I, кн. X, 168.

80 человѣкъ Тифлисскаго, роту 15-го егерскаго и нѣсколько казаковъ, генералъ-маіоръ Гуляковъ отправилъ ихъ подъ начальствомъ подполковника Эристова. Встрѣченный жестокимъ огнемъ и видя, что стрѣльбою нѣтъ возможности выгнать непріятеля, засѣвшаго въ кустахъ, Эристовъ приказалъ примкнуть штыки и три раза ходилъ въ атаку. Артиллерія дѣйствовала черезъ разливъ и весьма успѣшно. Каждый разъ непріятель отступалъ и, отбѣжавъ нѣкоторое разстояніе, снова дѣлалъ засаду въ чащѣ лѣса, такъ что наши стрѣлки должны были штыками выбивать его до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ прогнанъ за рѣку Алазань, при переправѣ черезъ которую много утонуло [1]).

Одновременно съ прогнаніемъ непріятеля за рѣку Алазань, замѣчена была конная партія, числомъ до 3,000 человѣкъ, спускавшаяся съ горы, съ правой стороны, въ долину. Противъ этой партіи пошелъ самъ генералъ-маіоръ Гуляковъ съ остальнымъ отрядомъ и, заставъ на переправѣ, разогналъ ее, не давъ переправиться. Въ этомъ сраженіи, продолжавшемся пять часовъ, съ нашей стороны убиты: одинъ офицеръ и 17 рядовыхъ, ранено: два офицера и 69 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Ночью съ 9-го на 10-е января, генералъ-маіоръ Гуляковъ переправился черезъ мостъ при Александровскомъ редутѣ, и 13-го числа, въ полдень, двинулся по направленію къ селенію Джарамъ, для наказанія жителей. Во время движенія его по открытому мѣсту, онъ былъ атакованъ толпою лезгинъ, состоявшей изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Встрѣченный съ нашей стороны сильнымъ огнемъ, непріятель спасался бѣгствомъ, оставивъ на мѣстѣ до ста человѣкъ убитыми. Результатомъ этого сраженія было безпрепятственное завладѣніе селеніемъ Джарами, которое, равно какъ и прочія селенія, оказалось оставленнымъ жителями.

«Прибывъ сюда вчерашній день, писалъ князь Циціановъ генералъ-маіору Гулякову [2]), узналъ я о новой вашей побѣдѣ и столько часто имѣлъ удовольствіе отдавать справедливость вашимъ

[1]) Рап. генер.-маіора Гулякова кн. Циціанову 3-го января 1804 г. Т. А. Главн. Штаба Кавказск. арміи, д. № 21.

[2]) Отъ 14-го января 1804 г. Т. А. Гл. Шт. Кавк. арміи, исходящій журналъ 1804 г.

высокимъ военнымъ достоинствамъ, что мнѣ не остается инаго вамъ сказать, какъ то, что вашему превосходительству суждено, какъ видно, увѣковѣчить славу россійскаго оружія въ сей ново-пріобрѣтенной землѣ, а мнѣ соучаствовать въ радости о томъ. По слухамъ, что ваше превосходительство вступили въ Джары, желаю, чтобы симъ дѣломъ увѣнчали вы славную кампанію вашу, продолжающуюся черезъ цѣлый годъ, чего ни въ какомъ войскѣ не слыхано...»

Занятіе безъ боя Джаръ, паническое бѣгство жителей при приближеніи нашихъ войскъ, увлекли генералъ-маіора Гулякова, привыкшаго къ побѣдамъ. Онъ рѣшился преслѣдовать лезгинъ въ самыхъ неприступныхъ ихъ ущельяхъ.

15-го числа онъ двинулся Закатальскимъ (Закертальскимъ) ущельемъ, идущимъ выше селенія Джары. Отрядъ слѣдовалъ въ такомъ порядкѣ: впереди шли грузины конные и пѣшіе, за ними казаки полка Ефремова 3-го, потомъ 140 стрѣлковъ 15-го егерскаго полка съ однимъ орудіемъ, гдѣ находился и самъ генералъ-маіоръ Гуляковъ, за которымъ слѣдовала колонна, составленная изъ Кабардинскаго и Тифлисскаго баталіоновъ, и, наконецъ, въ арріергардѣ шелъ 15-й егерскій полкъ.

Лишь только войска вступили внутрь каменныхъ оградъ, какъ лезгины открыли сильный огонь, причемъ при первыхъ выстрѣлахъ генералъ-маіоръ Гуляковъ былъ убитъ.

Смерть начальника, пріобрѣвшаго слѣпую довѣренность подчиненныхъ и вселявшаго страхъ въ непріятелѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, разстроила на время порядокъ въ нашихъ колоннахъ; грузины и казаки, бывшіе впереди, бросились назадъ прямо на колонны, такъ какъ сбоку былъ обрывъ. Войска смѣшались, начали отступать, и во время этого безпорядочнаго отступленія «многіе были въ крутую стремнину опрокинуты» [1]). Въ числѣ упавшихъ въ стремнину были генералъ-маіоры: князь Орбеліани и Леонтьевъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ графъ Воронцовъ. Послѣдній писалъ князю Циціанову [2]):

[1]) Рап. кн. Циціанова Государю Императору 1-го февраля 1804 г. Воен. Учен. Арх., д. № 2416. Гав. «Кавказъ» 1852 г., № 62.

[2]) Частное письмо гр. Воронцова кн. Циціанову 15-го января 1804 г.

«По рапорту князя Дмитрія Захаровича (Орбеліани) вы изволите усмотрѣть, какое несчастное у насъ было дѣло сегодня съ лезгинами. Василій Семеновичъ (Гуляковъ), водимъ будучи одною храбростію, пустился со всѣмъ отрядомъ въ такое неприступное мѣсто, что, ежели бы оно было намъ и знакомо, никакъ нельзя было въ оное войти. Онъ, по обыкновенію своему, опередилъ всѣхъ и шелъ впередъ, не открывъ мѣста, безъ фланкеровъ и безъ всего. Одни грузины были еще дальше впереди, и это была главная его ошибка, ибо лезгины только что бросились съ саблями на грузинъ, они всѣ побѣжали назадъ и кинулись на насъ; мѣсто не позволяло никакъ выстроиться, такъ что и насъ сначала было опрокинули. Василія Семеновича убили у перваго орудія, я возлѣ него былъ, и со мною то же бы случилось, если бы бѣжавшая грузинская толпа, вмѣстѣ съ непріятелемъ, не столкнула съ прекрутаго яра, откуда я летѣлъ и разбился бы до смерти, ежели бы не случилось упасть на другихъ, которые уже прежде меня тою же толпою были столкнуты. Какъ можно скорѣе я взлѣзъ опять наверхъ и нашелъ, что наши стали собираться и въ скоромъ времени лезгинъ оттуда сбили. Какъ князь Дмитрій Захаровичъ (Орбеліани), такъ и Алексѣй Алексѣевичъ (Леонтьевъ) все возможное примѣромъ и просьбами дѣлали, чтобы солдаты не унывали. Идти впередъ невозможно было; ретироваться назадъ тоже казалось невозможнымъ, однако же, съ большимъ трудомъ отошли, не оставя ничего позади насъ. Уронъ нашъ еще неизвѣстенъ, но убитыхъ и раненыхъ есть, по крайней мѣрѣ, до 300 и много офицеровъ. Вчера и третьяго дня всѣ отсовѣтывали Василью Степановичу (Гулякову) туда идти; онъ почти признавалъ невозможнымъ и говорилъ, что онъ хотѣлъ только открыть мѣсто, но какъ открывать мѣсто со всѣмъ отрядомъ, не оставляя никакого резерва въ случаѣ несчастія? Богъ знаетъ, какъ мы оттуда вышли; никто изъ насъ не думалъ пережить этотъ день. Теперь мы пришли на мѣсто лагеря и находимся въ совершенной безопасности. Грузины обезкуражены, наши жалѣютъ о потерѣ генерала, но ничего не боятся. Ихъ (лезгинъ), говорятъ, болѣе 7,000, но на чистомъ мѣстѣ, такъ какъ мы стоимъ, и 20,000 не боимся. Снарядовъ, а паче патроновъ у насъ очень мало. Провіанту не

болѣе какъ на девять дней, отступить же не хочется, да и стыдно.»

«Потеря генералъ-маіора Гулякова, писалъ князь Циціановъ [1]), толикими подвигами въ семъ краѣ отличившагося, есть несчастнѣйшее слѣдствіе сего сраженія. Отчаяніе войска, унылые друзей его, офицеровъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, и сожалѣніе всей Грузіи, которая ограждаема была неусыпнымъ бдѣніемъ его и мужествомъ, налагаютъ на меня священную обязанность отдать памяти сего отличнаго полководца достодолжную справедливость. Я лишился усерднаго помощника, войска лишились начальника, друга вѣрнаго и воина неустрашимаго» [2]).

Генералъ-маіоръ князь Орбеліани, оставшись старшимъ послѣ Гулякова, принялъ команду, устроилъ отрядъ, и не зная въ точности предположенія Гулякова, но, видя себя окруженнымъ лѣсами, садами, буераками, домами и каменными оградами, началъ отступать. Сраженіе, при отступленіи, продолжалось 8 часовъ самымъ упорнымъ образомъ. Солдаты бросались въ штыки всякій разъ, какъ только лезгины подступали близко къ нашимъ колонамъ. Отрядъ отступилъ, не оставивъ ничего въ добычу непріятелю, за исключеніемъ амуниціи на убитыхъ. Уронъ непріятеля, по показаніямъ старшинъ, простирался до 1,000 человѣкъ.

Не смотря на невыгодное наше положеніе и на то, что русскія войска первый разъ отступили передъ джарцами, дѣло это было такъ упорно и потеря лезгинъ такъ велика, что черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія многія селенія прислали депутатовъ, прося помилованія.

17-го января отрядъ отступилъ отъ Джаръ къ деревнѣ Мухрахъ, гдѣ, простоявъ два дня, сжегъ самую деревню. Здѣсь прибыли къ князю Орбеліани отъ деревень Талъ, Мухрахъ, Чардахъ и Джинихъ лезгинскіе старшины съ довѣренностью отъ ихъ обществъ. Здѣсь же онъ получилъ и письмо Сурхай-хана казикумухскаго.

---

[1]) Императору Александру отъ 1-го февраля 1804 г. Воен. Учен. Арх.

[2]) Тѣло Гулякова похоронено въ Сигнахѣ, подъ сѣнію св. Нины. См. Грузія и Арменія, изд. 1848 г., стр. 135. 13-го ноября 1845 г. былъ поставленъ въ Закаталахъ и открытъ съ церемоніею небольшой памятникъ, свидѣтель подвиговъ храбраго генерала. См. «Закавказскій Вѣстникъ» 1845 г., № 25.

«Русскій Императоръ, писалъ Сурхай [1]), вѣроятно, приказалъ вамъ сражаться съ джарцами, водвориться въ ихъ земляхъ и сооружать на нихъ укрѣпленія, но я объявлю вамъ, что джары не разнствуютъ съ моимъ владѣніемъ; я готовъ за джарцевъ принести въ жертву жизнь и имущество. Я прибылъ сюда потому именно, что не признаю ихъ подданными вашего падишаха. Если вы желаете себѣ спокойствія, то выведите вашихъ солдатъ изъ этого владѣнія на ту сторону Алазани, тогда между нами не будетъ столкновенія; иначе я покоя не дамъ вашимъ людямъ въ этой странѣ. Въ моихъ словахъ заключается собственная ваша польза...»

Имѣя предписаніе князя Циціанова написать джарцамъ письмо съ объявленіемъ, что если они не покорятся, то должны проститься на вѣки со своею землею, князь Орбеліани воспользовался прибытіемъ ихъ довѣренныхъ. Оставивъ при себѣ четырехъ аманатовъ, онъ 21-го числа прибылъ къ Падарской переправѣ, гдѣ въ тотъ же день переправлены были на нашу сторону больные и раненые, но затѣмъ отрядъ, имѣвшій продовольствія только на двое сутокъ, поторопился отступить къ урочищу Пейкаро.

Здѣсь къ князю Орбеліани прибыли, 30-го января, повѣренные отъ селеній Джарской области, съ видомъ покорности и обѣщаніемъ исполнить все, отъ нихъ требуемое, а 31-го числа къ нему же явились трое лезгинскихъ старшинъ селенія Бѣлоканъ, съ довѣренностію отъ общества. Объявивъ первымъ, что они должны внести въ счетъ слѣдуемой дани за 1803 годъ положенное количество шелку, или за каждый фунтъ по червонцу, князь Орбеліани полученное отъ бѣлоканцевъ письмо отправилъ къ князю Циціанову. Селенія Талы, Мухахи, Джинихи и Чардахи, въ просьбѣ своей сваливали всю вину на джарцевъ и увѣряли, что сами они, «если Богъ попуститъ», отъ сего времени будутъ непоколебимыми въ своемъ условіи и присягѣ [2]). Джарцы же говорили, что «случившееся по сіе время дѣло отъ воли Божіей,» но что теперь опомнясь они желаютъ мира [3]).

[1]) Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 774, № 1590.
[2]) Представленное ими прошеніе. Т. А. Глав. Шт. Кавк. арм., д. № 55.
[3]) Письмо джарцевъ Тамъ же.

Али-султанъ эллисуйскій и Хамидъ-ага, сынъ Сурхай-хана казикумухскаго, предлагали свои услуги и высказывали желаніе быть посредниками въ примиреніи насъ съ джарцами и бѣлоканцами. Первый считалъ себя братомъ Россіи и писалъ, что если ему дозволятъ, то онъ всѣхъ помиритъ и сдѣлаетъ пріятелями Россіи [1]).

«Его императорскаго величества повѣренному россійскому начальнику имѣю объявить, писалъ Хамидъ-ага [2]), что отецъ мой прислалъ меня сюда въ джарскія земли и приказалъ мнѣ возстановить между вами и ими миръ на условіяхъ и обѣщаніяхъ, каковыя уже были между вами. Находятся при мнѣ старшины, кадіи и многое количество дагестанскихъ войскъ; нѣкоторые не соглашались на предлагаемый мною миръ и глупостью своею употребляли непристойныя рѣчи, и случилось между ними таковое дѣло, о чемъ теперь уже раскаиваются и познали таковую ихъ глупость, и возвратясь на мою сторону, просили меня возобновить старый миръ и утвердить оный моимъ посредствомъ и поручительствомъ. Вамъ извѣстно, что между моимъ отцомъ Сурхай-ханомъ и величественнѣйшимъ русскихъ земель монархомъ былъ непоколебимый союзъ, который утвержденъ былъ посредствомъ генерала Савельева, въ то время, какъ ваши россійскія войска пришли въ Дербентъ. Если угодно вамъ пользоваться отцомъ моимъ, то вы съ симъ народомъ учините миръ на старыхъ условіяхъ и обѣщаніяхъ посредствомъ моимъ. Мною миръ сей будетъ утвержденъ такъ, что никогда не можетъ нарушиться, ибо если посредствомъ и поручительствомъ моимъ будетъ постановленъ миръ, тогда они противостоять и нарушать условій своихъ не могутъ. Предки мои не имѣли привычки къ обману и нарушенію своихъ условій. Таковое-то имѣю я отъ отца моего наставленіе. Если же посредствомъ моимъ не учините мира, то воля ваша.»

«Письмо ваше до рукъ дошло, писалъ отвѣтъ на это князь Цриціановъ [3]), и содержаніе онаго я уразумѣлъ. Вы каетесь въ винѣ вашей, а сами еще здѣсь остаетесь; вы говорите, что безъ воли отца своего все то дѣлали. Какую же ожидать вѣрность можно

---

1) Письмо эллисуйскаго Али-султана. Т. А. Гл. Шт. Кавказ. Арм, д. № 55.
2) Тамъ же.
3) Отъ 2-го апрѣля 1804 г.

отъ того, кто отцу своему, давшему жизнь и воспитаніе, не повинуется? Вы мира просите и утвержденія тишины, но война принесла-ли вамъ выгоду какую? А мнѣ принесла. Я показалъ и покажу, что джарцамъ, и со всѣмъ Дагестаномъ соединясь, изъ подъ власти моей выдти не можно; точно такъ, какъ воробью отъ когтей орла уйти. Что они въ вашемъ союзѣ пріобрѣли? Тьму убитыхъ и раненыхъ. И за что̀ вы потерпѣли? За то, что дерзали съ моими войсками воевать. Нѣтъ, конечно, а за то, что хотѣли изъ тушинскихъ барановъ кебабъ ѣсть. Вотъ какъ русскіе угощаютъ незваныхъ гостей! И такъ, буде не хотите, чтобы и васъ изжарили на русскихъ штыкахъ, ступайте къ отцу вашему, котораго я люблю, по слухамъ о порядкѣ, существующемъ въ его владѣніи, и не для васъ, а для него самого. Объявите ему отъ меня, что теткѣ вашей, а его сестрѣ, я могу выпросить у его императорскаго величества всемилостивѣйшаго моего Государя Императора жалованье, буде онъ черезъ меня искать его будетъ самъ лично, а не черезъ васъ, когда вы сами объявляете, что вы ему ослушны, такъ какъ я всѣмъ ханскимъ женамъ исходатайствовалъ у великаго Государя государей знатное жалованье и скоро возвѣщу ихъ о томъ; да исходатайствовалъ даже сыновьямъ ханскимъ, буде они съ покорностію возвратятся ко мнѣ. Вотъ какія милости я оказывать умѣю тѣмъ, кто со мною не враждуетъ; если же отецъ вашъ хочетъ добра и соединенія покровомъ сильной Россійской державы, да пришлетъ аманата, и тогда вознесу его выше всѣхъ дагестанскихъ владѣтелей силою непобѣдимаго оружія.

«Я надѣюсь, что слухи до васъ дошли, какъ я слова мои держать умѣю и держу, никогда не обѣщая того, чего кровью и тѣломъ поддержать не могу. Путь открытъ вамъ къ добру, а идти по немъ есть воля ваша, я же есмь въ семъ случаѣ доброжелатель вашъ, а въ противномъ случаѣ непримиримый врагъ, ищущій напоить землю кровью враговъ моихъ.»

Между тѣмъ генералъ-маіоръ князь Орбеліани, оставивши у себя по одному депутату, отправилъ прочихъ въ свои селенія съ требованіемъ, чтобы джарцы вновь присягнули на подданство и немедленно собрали дань шелкомъ или деньгами. 11-го февраля прибыло въ русскій лагерь 23 человѣка старшинъ, которымъ вновь

было подтверждено требованіе доставить черезъ четыре дня прошлогоднюю дань и отогнатыхъ 211 казачьихъ лошадей. Старшины обѣщали выполнить, но только въ болѣе продолжительный срокъ, который и просили увеличить до десяти дней. Согласившись на ихъ просьбу, князь Орбеліани вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ приказаніе главнокомандующаго, въ случаѣ невыполненія требованій, двинуться въ селеніе Джары и при слѣдованіи своемъ вырубить лѣсъ отъ Александровскаго редута до Катехъ, по обѣимъ сторонамъ дороги саженъ на триста, для чего и взять изъ Кизиха тысячу человѣкъ грузинъ съ топорами.

Доставивъ въ счетъ дани нѣкоторую сумму денегъ, джарскіе старшины обѣщали остальную часть прислать въ скорости [1]) и тѣмъ остановили на нѣкоторое время движеніе нашихъ войскъ въ ихъ селенія.

Видя, что джаро-бѣлоканцы покорились русскому правительству, и сопротивленіе ихъ не привело ни къ чему кромѣ разореній, Алискандъ также обратился къ кн. Циціанову съ предложеніемъ своихъ услугъ и съ исканіемъ прощенія.

«Письмо твое я получилъ, писалъ ему князь Циціановъ [2]), и хотя бы по поведенію твоему и не достоинъ ты былъ моего отвѣта, но я во уваженіе твоего родственника Султанъ-Ахмедъ-хана Аварскаго пишу. Иной дороги тебѣ къ прощенію нѣтъ, какъ пріѣхать ко мнѣ и пасть къ моимъ ногамъ, а князь Орбеліани не зналъ, что отъ тебя требовалъ; мнѣ ни брата, ни сына твоего не надобно. Какія мнѣ увѣрительныя письма и трактаты дѣлать съ измѣнникомъ и подданнымъ моего великаго Государя? Милости не жди никакой,—твои дѣла и ты не стоишь и мертвой собаки въ подарокъ. Будетъ время, что я тебя заставлю укусить землю и тогда тебѣ покажу, что̀ могу я здѣсь, какую я власть и силу имѣю. Будешь каяться, но поздно; покорность означается не условіями и трактатами, а исканіемъ милости и прощенія со смиреніемъ. У кого громъ въ рукахъ, тому повелѣвать довлѣетъ, а слабому повиноваться: трости свойственно гнуться до земли, а сто-

---

[1]) Рап. кн. Орбеліани кн. Циціанову 17-го марта. Т. А. Главн. Шт. Кавк. арміи, д. № 55.

[2]) Отъ 2-го апрѣля 1804, Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1586.

лѣтнему дубу свойственно видѣть то, что листъ его не шевелится при ужаснѣйшей бурѣ. Буде прямаго прощенія хочешь, иди къ родственнику своему Султану-Ахмеду-хану аварскому, примирись съ нимъ и что онъ повелитъ, яко старшій въ домѣ, повинуйся ему или послѣдуй вышесказанному, вотъ тебѣ моя воля.»

XXII.

Переговоры съ Келишъ-бекомъ абхазскимъ о выдачѣ наслѣдника Мингреліи князя Левана Дадіана.—Посылка Портою своихъ чиновниковъ въ Мингрелію. — Свиданіе ихъ съ Литвиновымъ.—Интриги имеретинскаго царя Соломона. — Устройство дѣлъ въ Имеретіи и Мингреліи. — Торжественное объявленіе грамотъ Императора Александра о принятіи этихъ областей въ подданство Россіи.—Отправленіе депутатовъ въ С.-Петербургъ.—Разсмотрѣніе вопроса о правѣ владѣнія Лечгумомъ. — Устройство временнаго управленія въ Мингреліи.—Происшествія въ Гуріи.

Переговоры Литвинова съ Келишъ-бекомъ, владѣльцемъ абхазскимъ, относительно освобожденія наслѣдника Мингреліи князя Левана [1]), не привели ни къ чему. Князь Цыціановъ, по необходимости, долженъ былъ теперь принять эти переговоры на себя и требовать немедленной его выдачи. Келишъ-бекъ отказывался и на этотъ разъ исполнить требованіе русскаго правительства. Онъ просилъ за освобожденіе Левана денежнаго выкупа и меньшаго его брата въ аманаты. Князь Цыціановъ отвѣчалъ, что согласенъ на первое, но если Келишъ-бекъ не выдастъ Левана безъ послѣдняго требованія, то главнокомандующій дастъ отвѣтъ штыками [2]).

«Не могу вѣрить, писалъ князь Цыціановъ Келишъ-беку [3]), дерзкому вашему поступку, а еще болѣе предложеніямъ вашимъ, чтобы за выдачу Левана, старшаго сына и наслѣдника Григорія Дадіана, находящагося во всероссійскомъ подданствѣ, вы требуете десять кесъ и младшаго его брата въ аманаты. Или вы не знаете, что Мингрелія и домъ Григорія Дадіана вступили въ вѣчное подданство его императорскаго величества всемилостивѣйшаго Государя Импе-

[1]) См. стр. 200.

[2]) Отношеніе кн. Цыціанова Чарторижскому 28-го февраля 1805 г., № 118, Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[3]) Отъ 21-го января, № 14.

ратора Александра I-го, что оскорбленіе, причиняемое оному владѣтельному дому, относится на всемощную Всероссійскую Имперію. Когда сильный отъ слабаго требуетъ аманатовъ, то пристойно-ли вамъ отъ дома покойнаго Григорія Дадіана требовать младшаго сына въ аманаты. И такъ послѣдній разъ требую настоятельно отъ васъ, чтобы вы, по полученіи сего, тотчасъ же въ безвредномъ состояніи доставили Левана, сына покойнаго Григорія Дадіана, или статскому совѣтнику Литвинову, или генералъ-маіору Рыкгофу и тогда за содержаніе его получите десять кесъ, въ чемъ вамъ словомъ моимъ священнымъ удостовѣряю. Буде же того не сдѣлаете, или нескоро, то божусь Богомъ, въ котораго вѣрую, что камня на камнѣ не оставлю, внесу огонь и пламень и положу конецъ дерзостямъ вашимъ, о чемъ уже и приказъ данъ отъ меня.—Надѣюсь, что вы, вопреки твердаго союза, между двухъ имперій [1]) существующаго, не дерзнете болѣе упорствовать.»

Генералъ Рыкгофъ съ Бѣлевскимъ полкомъ отправленъ въ Абхазію взять добровольно или силою наслѣдника мингрельскаго, смотря по отвѣту Келишъ-бека, но, по недостатку провіанта и разлитію рѣкъ, долженъ былъ возвратиться безъ успѣха. Дорогою Рыкгофъ успѣлъ завладѣть приморскою крѣпостію Анакліею, бывшею во владѣніи турокъ. Узнавъ объ этомъ и боясь возбудить тѣмъ опасеніе со стороны Порты о нашихъ дѣйствіяхъ въ тѣхъ краяхъ, князь Циціановъ приказалъ тотчасъ же возвратить крѣпость и пристань и «извиниться передъ начальникомъ турецкаго гарнизона, что занятіе это произведено было безъ его на то согласія». Турецкій гарнизонъ переселился, однако же, въ Поти, а Келишъ-бекъ Анакліи не принялъ, на томъ основаніи, какъ говорилъ онъ, что о занятіи ея русскими донесъ уже Портѣ и будетъ ожидать дальнѣйшихъ ея приказаній. «Теперь, писалъ онъ [2]), жители анаклійскіе всѣ разсѣяны, и жилища ихъ сожжены; буде они придутъ туда, что они тамъ могутъ дѣлать?»

Опасеніе князя Циціанова, что турки неравнодушно посмотрятъ на занятіе Анакліи, оправдалось. Этимъ случаемъ воспользовались, съ одной стороны, нѣкоторые довольно важные члены турецкаго

---

[1]) Абхазскій владѣлецъ Келишъ-бекъ находился во власти Порты.

[2]) Ген.-маіору Рыкгофу, Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1054.

правительства, нерасположенные къ Россіи, а съ другой французскій посланникъ, старавшійся возстановить Порту противъ нашего правительства.

Оттоманская Порта стала укрѣплять и приводить въ оборонительное положеніе всѣ пограничныя крѣпости. Посланникъ нашъ въ Константинополѣ, хотя и убѣждалъ диванъ въ томъ, что Порта тревожится безъ всякаго основанія; но диванъ не вѣрилъ этимъ увѣреніямъ и рѣшился послать въ Мингрелію своего чиновника для пріобрѣтенія на мѣстѣ свѣдѣній о происшествіи [1]) и разузнанія причинъ взятія русскими Анакліи. Въ присутствіи чиновника крѣпость и пристань были очищены и сданы Келишъ-беку 1-го октября 1805 года. Не смотря на безпокойство, причиненное Портѣ занятіемъ Анакліи и вообще дѣйствіями нашими по освобожденію наслѣдника Мингреліи, князь Циціановъ не остановился на полупути и вмѣсто генерала Рыкгофа, отправилъ генерала Маматказина съ приказаніемъ взять Левана силою, если Келишъ-бекъ откажется выдать его добровольно [2]).

Маматказину не пришлось употреблять силу. Леванъ, какъ увидимъ ниже, былъ отданъ Келишъ-бекомъ добровольно.

Ходатайство у Порты посланника нашего въ Константинополѣ о пропускѣ судовъ по Ріону, для выгрузки хлѣба въ крѣпости Поти, и вообще утвержденіе нашего владычества и вліянія въ тѣхъ странахъ заставили диванъ послать на мѣсто своего чиновника. Подъ видомъ доставленія султанскаго фирмана, разрѣшающаго пропускъ черезъ Фазскую (Ріонскую) пристань, въ Поти прибылъ Сеидъ-Ахмедъ-Эрибъ-эффенди съ порученіемъ отъ своего правительства разузнать причину прихода русскихъ въ Мингрелію.

Дозволеніе турецкаго правительства останавливаться транспортнымъ судамъ у Потійской пристани удовлетворяло насъ только въ половину, потому что дальнѣйшая перевозка провіанта вверхъ по Ріону была сопряжена съ крайними затрудненіями. Недостатокъ и ограниченное число обывательскихъ лодокъ дѣлали возможнымъ

---

[1]) Письмо Италинскаго кн. Циціанову 3-го (15-го) іюня 1805 г. Т. А. К. Н. Константиновъ, ч. II, 424, рук. Арх. Главн. Штаба въ С.-Петербургѣ.

[2]) Князь Циціановъ кн. Чарторижскому 10-го іюля 1805 г. Литвиновъ князю Циціанову 8-го и 12-го апрѣля 1805 года.

одновременную перевозку провіанта въ небольшомъ количествѣ, а опасность значительнымъ кораблямъ стоять у береговъ Мингреліи была столь велика, что малѣйшая медленность въ ихъ выгрузкѣ могла произвести весьма плачевныя послѣдствія. Крушеніе нашихъ кораблей и гибель провіанта были тому доказательствомъ. Намъ необходимо было имѣть мѣсто для довольно продолжительной выгрузки и получить разрѣшеніе турецкаго правительства построить магазинъ и допустить нашъ караулъ охранять содержащійся въ немъ провіантъ. Литвиновъ пытался получить такое разрѣшеніе отъ эффенди, но тотъ уклонялся, говоря, что онъ не уполномоченъ на уступку территоріи и что объ этомъ въ фирманѣ султана ничего не сказано. Сеидъ-Ахмедъ-эффенди полагалъ, однако же, что Порта не откажетъ въ этомъ, если заявитъ о томъ дивану русскій посланникъ въ Константинополѣ. Выгруженный, безъ прикрытія и лежащій на открытомъ воздухѣ хлѣбъ заставилъ Литвинова, помимо князя Циціанова, обратиться прямо къ нашему посланнику съ просьбою ходатайствовать у Порты и получить разрѣшеніе на его вопросы. Князь Циціановъ также писалъ объ этомъ Италинскому.

При свиданіи съ Литвиновымъ и совѣщаніяхъ относительно выгрузки хлѣба эффенди, между прочимъ, спросилъ:

— По какому праву русскія войска находятся въ Имеретіи, тогда когда владѣтель ея всегда признавалъ покровительство турецкаго двора, котораго и теперь требуетъ?

— Вспомните кайнарджійскій трактатъ, отвѣчалъ на это Литвиновъ, по которому Имеретія и Мингрелія, помощію русскаго оружія, освобождены отъ всякой дани и вліянія Порты.....

— Также и отъ вліянія русскихъ, прервалъ эффенди. По этому-то послѣднему праву царь желаетъ теперь отдать себя въ покровительство султана, жалуется на притѣсненіе рускихъ и проситъ его помощи.

— Какимъ же образомъ царь можетъ уничтожить данную имъ русскому императору присягу на вѣчное свое подданство со всѣмъ его царствомъ.

— Царь присяги не давалъ, говорилъ эффенди, а далъ словесное обѣщаніе пропустить нѣсколько русскихъ войскъ въ Гру-

зію, которыя, остановившись въ его владѣніяхъ, его же и притѣсняютъ.

— Доказать столь грубую ложь весьма легко, отвѣчалъ Литвиновъ. Первый и самый сильнѣйшій доводъ состоитъ въ томъ, что поведеніе это несогласно съ извѣстною всему свѣту справедливостью нашего Государя Императора. Къ этому можно присоединить письменную присягу царя, духовенства и первѣйшихъ князей, совершенную во время свиданія царя съ главнокомандующимъ въ Грузіи княземъ Павломъ Дмитріевичемъ Цицiановымъ въ Ваханѣ. Наконецъ, къ наибольшему доказательству справедливости моихъ словъ, со мною находятся письма царя, гдѣ онъ увѣряетъ меня въ храненіи вѣрноподданнической своей вѣрности Государю Императору.

Литвиновъ передалъ эти письма эффенди.

— Турецкій дворъ, отвѣчалъ тотъ, по прочтеніи писемъ, всегда имѣлъ слабую довѣренность къ сему владѣльцу, но ложь, до такой степени доведенная, ему неизвѣстна. Обѣщаю вамъ съ этого времени не только не слушать словесныхъ порученій царя, но и не принимать письменныхъ.

— Мнѣ остается еще, продолжалъ эффенди, спросить объясненія вашего, почему заняли вы берегъ, на которомъ находитесь, и присвоили себѣ пристань Кале. Весь восточный берегъ Чернаго моря всегда принадлежалъ султану, а Редутъ-Кале и по настоящее время состоитъ въ числѣ штатныхъ крѣпостей Турецкой имперіи, отъ которой и производится содержаніе находящемуся тамъ гарнизону.

Литвиновъ старался доказать турецкому чиновнику, что, по кайнарджійскому трактату, турецкія войска остались только въ тѣхъ крѣпостяхъ, которыя не были отняты русскими. Такъ какъ Редутъ-Кале, ни прежде, ни послѣ трактата, турками занимаемъ не былъ, то и сдѣлался собственностью владѣльца мингрельскаго.

— Мы же заняли его теперь, прибавилъ Литвиновъ, какъ собственность владѣльца, отдавшаго себя со всѣми своими подвластными и землями въ подданство Россіи. Впрочемъ, доказательства на право владѣнія должны быть извлечены изъ архи-

вовъ, и обѣ державы по связи, между ними существующей, могутъ разобрать это дѣло безъ всякаго затрудненія.

При прощаніи Литвиновъ спросилъ эффенди: имѣетъ ли Порта какія нибудь свѣдѣнія о поступкѣ Келишъ-бека, владѣтеля абхазскаго, относительно малолѣтняго Левана. Узнавъ отъ эффенди, что подобныя дѣла не касаются дивана, но что задержаніе наслѣдника не можетъ быть пріятно самому султану, Литвиновъ просилъ турецкаго чиновника употребить свое вліяніе къ освобожденію Левана.

Уѣзжая обратно въ Константинополь, Эрибъ-эффенди оставилъ письмо Келишъ-беку, въ которомъ просилъ исполнить наши требованія. Письмо это, посланное Литвиновымъ, съ унтеръ-офицеромъ Бѣлевскаго полка и роднымъ племянникомъ Келишъ-бека, оказало свое дѣйствіе. Просьба и совѣты важнаго чиновника Порты, отъ которой Келишъ-Бекъ самъ зависѣлъ, и вторичное движеніе нашихъ войскъ въ Абхазію, подъ начальствомъ генералъ-маіора Маматказина, заставили его выдать намъ Левана добровольно [1]).

Юный наслѣдникъ возвратился въ свое отечество тогда уже, когда былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ владѣтельнымъ княземъ Мингреліи.

«Князя Левана, писалъ Императоръ къ князю Циціанову [2]), старшаго сына умершаго Григорія Дадіана, признаю я владѣтельнымъ княземъ Мингреліи, Одиши и Лечгума, на томъ самомъ положеніи, на каковомъ отецъ его поступилъ въ вѣрноподданническія къ Имперіи нашей обязательства...»

Для надзора за воспитаніемъ Левана назначенъ былъ маіоръ Лыпотинъ, снабженный особою инструкціею главнокомандующаго [3]).

Признаніе Левана владѣтельнымъ княземъ не устраняло наше правительство отъ заботы по управленію Мингреліею. Леванъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ для того, чтобы самостоятельно управлять страною. Князь Циціановъ, какъ мы видѣли, предно-

[1]) Литвиновъ князю Циціанову 20-го февраля 1805 года.
[2]) Отъ 26-го января 1805 года. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.
[3]) Инструкція эта напечатана въ Актахъ Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 997.

лагалъ, до совершеннолѣтія Левана, вручить управленіе матери его и совѣту, составленному изъ главнѣйшихъ князей мингрельскихъ. Литвиновъ находилъ въ образованіи временнаго управленія нѣкоторыя неудобства и потому не раздѣлялъ мнѣнія главнокомандующаго.

Мингрельцы привыкли видѣть управляющую ими власть сосредоточенною въ одномъ лицѣ, да и по характеру и образу жизни народа не было возможности дѣлить власть между нѣсколькими лицами. Согласить трехъ или четырехъ князей жить въ одномъ мѣстѣ было бы напраснымъ стараніемъ. «Здѣсь нѣтъ городовъ, писалъ Литвиновъ, ниже селеній, вмѣщающихъ малѣйшія общества. Каждый изъ князей живетъ какъ медвѣдь въ берлогѣ и находится въ безпрестанной опасности отъ нападенія своихъ сосѣдей.»

Еще болѣе важное препятствіе къ соединенію князей мингрельскихъ былъ обычай, по которому всякій изъ нихъ, живя въ своемъ владѣніи, мало того, что пилъ и ѣлъ на счетъ своихъ подданныхъ, но и пріѣзжихъ гостей угощалъ на счетъ своихъ подвластныхъ, слѣдовательно, ежели «двое или трое такихъ гостей, которые всегда самъ-десятъ или самъ-двадцатъ ѣздятъ, поживутъ въ деревнѣ, то скоро и хозяинъ не найдетъ ни курицы, ни барана. О продажѣ и покупкѣ съѣстныхъ припасовъ здѣсь понятія не имѣютъ. Введеніе сего обычая весьма здѣшнимъ князьямъ не нравится, ибо опасаются, что послѣ сами принуждены будутъ покупать, а денегъ, кромѣ плѣннопродавства, добыть способу не имѣютъ.»

Ко всему этому надобно прибавить еще и то, что знатнѣйшіе князья и самъ салтхуцесъ не знали грамоты и не умѣли ни читать, ни писать.

Изъ братьевъ покойнаго Дадіана, двое: архіерей одишійскій Чконитель и средній Георгій были преданы Россіи. Цакерель колебался въ своихъ намѣреніяхъ, хотя и присягнулъ на подданство Россіи. Старшій же братъ Манучаръ и младшій Даріель противились вступленію русскихъ войскъ въ Мингрелію, составляли заговоры съ князьями и волновали народъ. Жена покойнаго Дадіана, княгиня Нина, хотя и была привержена къ Россіи, интри-

говала противъ сына, такъ что, отдавъ ей верховную власть, нужно было ожидать, по извѣстнымъ ея «моральнымъ свойствамъ», безпорядковъ, которые тѣмъ сильнѣе будутъ, что она совѣтуема окружающими ее молодыми людьми.»

Литвиновъ полагалъ поручить управленіе Одиши роднымъ братьямъ Дадіана: Бессаріону Чкондиделю, Георгію и салтхуцесу Чикуани, а Лечгумъ—двоюродному брату Дадіана Николаю и лечгумскому моураву князю Геловани, какъ людямъ, преданнымъ Россіи. Правленіямъ этимъ въ важныхъ случаяхъ испрашивать разрѣшеніе русскаго начальства, а въ маловажныхъ рѣшать самимъ. Для сохраненія же единовластія, столь привычнаго народу, верховный надзоръ вручить вдовѣ Нинѣ Григоріевнѣ, подъ руководствомъ лица, извѣстнаго своею опытностію.

Примѣръ семейной вражды въ Грузіи и слѣдствіемъ того волненія въ странѣ были такъ близки, что князь Циціановъ не соглашался допустить къ управленію братьевъ Дадіана, а тѣмъ болѣе дѣлить страну на двѣ части. Поэтому, не смотря на всѣ затрудненія управлять Мингреліею цѣлымъ совѣтомъ и собрать для того въ одно мѣсто нѣсколькихъ князей, главнокомандующій, въ виду безотлагательной необходимости поставить какое бы то ни было правленіе, испросилъ разрѣшеніе Императора Александра на составленіе временнаго совѣта. До двадцатилѣтняго возраста Левана, мать его, вдовствующая княгиня Нина, объявлена попечительницею сына и правительницею мингрельскихъ областей. Въ помощь ей образованъ совѣтъ, въ составъ котораго были назначены: Бессаріонъ Чкондидели, братъ покойнаго Дадіана, Николай Георгіевичъ, сынъ дяди Дадіана, моуравъ князь Геловани и гофмаршалъ Георгій Чикуани.

Власть совѣта ограничена управленіемъ княжества и разбирательствомъ гражданскихъ дѣлъ; уголовныя дѣла и уличеніе въ плѣннопродавствѣ должны были отсылаться въ находящійся тамъ полкъ и судиться по военнымъ законамъ. Особы, составлявшія совѣтъ, сообразно съ древнимъ обычаемъ ихъ, могли судить неважныя дѣла и ссоры на мѣстѣ, удовлетворяя просителей немедленными разрѣшеніями, но утвержденіе тяжебныхъ дѣлъ и исковъ

объ имѣніи разрѣшалось большинствомъ голосовъ совѣта и согласіемъ правительницы.

Первымъ дѣйствіемъ совѣта была просьба его, чтобы главнокомандующій подчинилъ и заставилъ повиноваться совѣту *господичей* Дадіанова дома, т. е. всѣхъ близкихъ родственниковъ, возмущавшихъ страну, неповиновавшихся правленію, неплатившихъ повинностей и неслужившихъ никому. Затѣмъ совѣтъ находилъ необходимымъ возвратить вотчины и имѣнія законнымъ ихъ владѣльцамъ, если они были отняты отъ нихъ неправильно; обязать населеніе платить аккуратно повинности и проч.

Существовавшій съ давнихъ временъ въ Мингреліи обычай, по которому правитель жилъ на счетъ своихъ подданныхъ и для того ѣздилъ по князьямъ, подобно тому, какъ и сами князья жили на счетъ подвластныхъ имъ крестьянъ, обратилъ на себя вниманіе нашего правительства. Разореніе крестьянскаго сословія,—долженствовавшаго кормить какъ владѣтеля, такъ и его свиту, состоявшую изъ 200, а иногда и изъ 300 человѣкъ,—заставило князя Циціанова принять мѣры къ уничтоженію столь вреднаго обыкновенія. Взамѣнъ этого обычая, одинаково унизительнаго какъ для владѣльца, такъ и для подвластныхъ, учреждены были *непремѣнные доходы въ пользу владѣтельнаго дома.* Никто не освобождался отъ вноса этихъ податей, одинаково распредѣленныхъ для всѣхъ сословій. «Какъ во всѣхъ благоустроенныхъ обществахъ, писалъ главнокомандующій, каждый членъ онаго, пользующійся правосудіемъ, тишиною и защитою отъ внѣшнихъ непріятелей, не изъемлется отъ податей, которыя, какъ извѣстно мнѣ, двѣ-трети Одиши перестали платить владѣтелю Мингреліи, то, чтобъ возстановить сію подать, почелъ я нужнымъ обвѣстить во всей Мингреліи, дабы дань, слѣдуемая владѣтельному дому, попрежнему отъ всѣхъ князей, не изъемля отъ того и духовенства, платима была по числу дымовъ.»

Независимо отъ этой подати, князь Циціановъ полагалъ необходимымъ удѣлить въ пользу владѣтеля нѣсколько процентовъ съ откупа рыбной ловли, часть доходовъ отъ разработки рудниковъ и часть съ таможеннаго сбора.

Устроивши такимъ образомъ дѣла въ Мингреліи и установивши

тамъ временное правленіе, князь Циціановъ отправилъ Литвинову грамоту Императора Александра, утверждающую Левана владѣтелемъ Мингреліи.

10-го іюня 1805 года высочайшая грамота, съ большою церемоніею, вручена была наслѣднику и прочтена въ церкви въ присутствіи знатнѣйшихъ сановниковъ Мингрельскаго княжества.

По прочтеніи грамоты и совершеніи присяги, Литвиновъ возложилъ на Левана орденъ св. Анны 1-й степени и подалъ ему мечъ и знамя, пожалованные Императоромъ Александромъ покойному отцу его.

Раньше этого, въ воскресенье, 19-го февраля, происходило въ Кутаисѣ торжественное врученіе царю имеретинскому пожалованной ему грамоты. Торжество церемоніи, прекрасный солнечный день подали поводъ Соломону сказать Литвинову:

— Имя всемилостивѣйшаго Государя нашего дѣйствуетъ даже и на самыя стихіи. Послѣ непрерывнаго и продолжительнаго ненастья, видимъ освѣщающее и согрѣвающее насъ солнце. Подобно оному, милости Александра I, изливаемыя на насъ, пропицаютъ въ сердца наши, напояя ихъ пріятнымъ упованіемъ о будущей участи здѣшняго народа.

Послѣ божественной литургіи и благодарственнаго молебствія, царь Соломонъ угощалъ всѣхъ обѣденнымъ столомъ, во время котораго протоіерей говорилъ приличную рѣчь [1]).

Правительница Мингреліи, согласно желанія Императора Александра, еще ранѣе присяги, отправила депутатовъ къ высочайшему двору. Князья Николай и Бежанъ Дадіановы и придворный духовникъ протоіерей Іоаннъ Іосселіани выѣхали въ С.-Петербургъ съ наставленіемъ просить Императора [2]) дать форму, по которой могли бы въ Мингреліи «молить Всевышняго о здоровьѣ его величества, какъ долгъ того требуетъ»; послать въ Мингрелію чиновника, знакомаго съ горнымъ производствомъ, для отысканія и разработки рудъ; пожаловать правительницѣ Мингреліи княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ орденъ; приказать войскамъ оказывать помощь, какъ противъ ослушниковъ, такъ и противъ продающихъ людей;

[1]) Рап. Литвинова кн. Циціанову 21-го февраля 1805 г.

[2]) Наставленіе, данное депутатамъ влад. княжною Ниною 29-го марта 1805 г.

доставлять въ Мингрелію необходимые товары изъ Крыма, такъ какъ доставлявшіе ихъ до сего времени турки, съ переходомъ Мингреліи въ подданство Россіи, прекратили всякій торгъ и ввозъ товаровъ, и, наконецъ, просить о возвращеніи мѣстечка Анакліи, принадлежавшаго нѣкогда мингрельскимъ владѣльцамъ, а теперь отнятаго Келишъ-бекомъ, владѣтелемъ абхазскимъ.

Царь Соломонъ, напротивъ того, медлилъ посылкою депутатовъ. Онъ ссылался на недостатокъ средствъ для ихъ отправленія и говорилъ, что мдиванъ-бека князя Леонидзе послать не можетъ, потому что онъ ему нуженъ для переписки; что кутаисскій митрополитъ Досифей страдаетъ ногами семь или восемь лѣтъ, а потому депутатомъ ѣхать не можетъ, хотя и желаетъ; что князь Сехнія Цулукидзе страдаетъ глазами и опасается, что на дорогѣ приключится ему оспа; что сардарь князь Кайхосро Церетели долженъ остаться гофъ-маршаломъ Соломонова двора, потому что дядя его князь Зурабъ Церетели собирается ѣхать депутатомъ въ Петербургъ и до сихъ поръ не выѣхалъ только по случаю смерти старшаго его сына. Однимъ словомъ, для каждаго изъ депутатовъ нашлись затрудненія къ выѣзду, но Соломонъ надѣялся, что къ пасхѣ они поправятся и тогда отправятся въ Петербургъ [1]). Главнокомандующій удивлялся такому уклоненію Соломона, писалъ ему нѣсколько писемъ, но, не дождавшись депутатовъ отъ Имеретіи [2]), отправилъ въ Петербургъ однихъ мингрельскихъ.

Главное же и важнѣйшее порученіе, данное депутатамъ, было защита правъ на владѣніе Лечгумомъ.

Мы видѣли, что при переговорахъ, веденныхъ княземъ Циціановымъ съ имеретинскимъ царемъ о его подданствѣ, главноуправляющій предоставилъ Соломону доказать свои права на владѣніе Лечгумомъ, точно такъ же, какъ и Дадіанъ долженъ былъ представить свои удостовѣренія.

По свидѣтельству грузинской исторіи, еще въ царствованіе Тамары, Лечгумъ полученъ былъ въ наслѣдственное владѣніе Ка-

---

[1]) Письмо Соломона кн. Циціанову 2-го февраля 1805 г. Акты Кавк. Комм., т. II, № 835.

[2]) Имеретинскіе депутаты выѣхали изъ Кутаиса только 27-го марта 1805 г. и были отправлены въ Петербургъ гораздо позже.

ціемъ-Чикуани, бывшимъ Дадіаномъ и владѣтелемъ мингрельскимъ. Надгробная надпись, находившаяся въ Мартвильской церкви, утверждала также право владѣнія Лечгумомъ за домомъ Кація-Чикуани. Впослѣдствіи Чикуани, владѣя Лечгумомъ, силою присоединилъ къ нему Одиши, и отложившись потомъ отъ царя имеретинскаго, сдѣлался самостоятельнымъ родоначальникомъ дома Дадіановъ. Чтобы еще болѣе утвердить свои права, «храбростію полученныя», Чикуани женилъ сына своего и наслѣдника на единственной родственницѣ прежнихъ Дадіановъ. Послѣ смерти Чикуани и при жизни отца Левана, имеретинскій царь захватилъ часть Лечгума и оспаривалъ теперь право на владѣніе имъ всѣмъ [1]). При помощи той же силы, Соломонъ успѣлъ заставить покойнаго Григорія Дадіана уступить ему крѣпость Чквиши и вытребовать у него письменный актъ, какъ бы о добровольной уступкѣ. Уступивъ Дадіану селеніе Садчилао, Соломонъ отнялъ его впослѣдствіи обратно и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ [2]).

Доказательства правительницы Мингреліи, княгини Нины, были основаны хотя на нѣкоторыхъ фактахъ, тогда какъ Соломонъ приводилъ доказательства голословныя. Главноуправляющій полагалъ утвердить Лечгумъ за Мингреліею, тѣмъ болѣе, что и политическіе виды наши требовали уменьшенія силы и власти тѣхъ владѣльцевъ, которые не были дѣйствительно преданы Россіи. Поведеніе же царя Соломона, съ самаго вступленія его въ подданство, было таково, что невозможно было сомнѣваться въ его нерасположеніи къ Россіи и русскому правительству.

Подстрекаемый нѣкоторыми изъ недоброжелательствующихъ намъ князей, Соломонъ былъ тайнымъ врагомъ намъ, хотя и не опаснымъ въ тогдашнемъ его положеніи. Въ совѣтѣ, составленномъ изъ ближайшихъ князей и руководимомъ княземъ Леонидзе, то и дѣло пугали безхарактернаго Соломона намѣреніемъ нашего правительства схватить его и отправить въ Россію. Царь, по совѣту своихъ приближенныхъ, положилъ зимовать въ мѣстечкѣ Вард-

---

[1]) На требованіе кн. Циціанова прислать доказательства на право владѣнія Лечгумомъ, Соломонъ прислалъ простую записку, имъ сочиненную, «о правѣ владѣнія Лечгумомъ.»

[2]) Рапортъ кн. Циціанова Государю Императору 16-го апрѣля 1805 г.

цихѣ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ преслѣдованія его русскими, имѣть убѣжище въ Ахалцыхскихъ горахъ, которыя онъ и собирался осмотрѣть подробно. По свѣдѣніямъ, вслѣдъ затѣмъ полученнымъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что къ Соломону пришло человѣкъ сто лезгинъ въ качествѣ тѣлохранителей; что для бо́льшаго убѣжденія царя въ опасности его положенія, Леонидзе приводилъ въ примѣръ Польшу, Крымъ, Грузію и говорилъ, «что Государь Россійскій вездѣ уничтожаетъ власть царей, присвояя оную себѣ; того же и здѣсь ожидать онъ долженъ. Наконецъ, въ утѣшеніе царя, выдалъ за вѣрное, что долго Россіи существовать не можно: семь сильныхъ государей соединились противъ нея, и что, конечно, разореніе Россіи скоро послѣдуетъ» [1]).

Легковѣрный царь принялъ это за чистую монету и, въ ожиданіи скораго паденія Россіи, не исполнялъ обѣщаній, не давалъ отвѣтовъ и просилъ Литвинова съ нѣкоторою настойчивостью и угрозами не безпокоить его вопросами и требованіями.

Соломонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, о которыхъ можно сказать: «блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяцъ». Вступая въ подданство, онъ хотя и скрытно, но высказывалъ свое недоброжелательство и, послѣ присяги, продолжалъ интриговать противъ Россіи. Отправляя своихъ депутатовъ въ С.-Петербургъ, Соломонъ поручилъ князю Леонидзе, по прибытіи въ Тифлисъ, обратиться къ князю Циціанову съ новыми просительными пунктами, содержавшими въ себѣ просьбы, несообразныя съ принятымъ подданствомъ и явно указывающія на нерасположеніе Соломона къ Россіи. Царь спрашивалъ, можетъ ли онъ просить у Императора, чтобы главнокомандующіе въ Грузіи не имѣли надъ его царствомъ никакой власти, а передавали бы только желанія Императора; чтобы русскіе чиновники не имѣли никакой власти въ Имеретіи, а судить и наказывать могъ только одинъ царь имеретинскій; чтобы никто не имѣлъ права останавливать на пути посланныхъ царя, если бы ему вздумалось отправить таковыхъ къ высочайшему двору, и проч. Въ заключеніе своихъ требованій, Соломонъ просилъ снабдить его достаточнымъ количествомъ русскихъ денегъ.

[1]) Литвиновъ кн. Циціанову 23-го октября, № 355.

Давши коварному и хитрому азіятцу соотвѣтствующіе отвѣты, князь Циціановъ упрекалъ имеретинскаго царя въ укрывательствѣ у себя всѣхъ недоброжелателей Россіи, въ томъ числѣ и царевича Константина, какъ извѣстно было, жившаго въ селеніи, принадлежавшемъ его зятю. Главнокомандующій требовалъ высылки царевича изъ предѣловъ Имеретіи или выдачи его посланнымъ маіорамъ Ковалеву и князю Орбеліани. «Счастливымъ себя почту, доносилъ князь Циціановъ Императору Александру [1]), если сіе посольство будетъ имѣть желаемый успѣхъ, послѣ котораго буду стараться убѣждать и мать и сына къ выѣзду въ Россію по повелѣнію вашего императорскаго величества, хотя они ни малѣйшаго желанія къ тому не оказываютъ.» Въ случаѣ несогласія ихъ, главнокомандующій полагалъ поселить царевича Константина въ одномъ съ нимъ домѣ, съ надзоромъ какъ за нимъ, такъ и за людьми, его окружающими.

Посольство Ковалева и князя Орбеліани не увѣнчалось успѣхомъ. Соломонъ отговаривался тѣмъ, что не знаетъ о мѣстопребываніи царевича и клялся въ вѣрности Россіи. Князь Циціановъ писалъ царю имеретинскому, что понимаетъ его поведеніе и удивляется, какая причина можетъ заставить его скрывать царевича Константина. «Я не знаю на что таится тайна, говорилъ главнокомандующій [2]). Слышу, что вы усыновили его: кто же бы вамъ запретилъ то сдѣлать торжественно и публично? Государю Императору, всеконечно, оное было бы пріятно, ибо онъ не для чего инаго принялъ васъ въ подданство, какъ для собственнаго вашего блага, покровительствуя единовѣрцамъ; слѣдовательно, поступать противъ его воли и грѣшно и вредно.»

Соломонъ былъ глухъ къ этимъ упрекамъ, и на всѣ требованія наши онъ отдѣлывался или молчаніемъ, или пустыми отговорками. Депутатовъ слѣдовало выслать для отправленія въ февралѣ, онъ выслалъ ихъ въ концѣ марта, когда сообщеніе съ Россіею прекратилось, и они, по необходимости, должны были возвратиться обратно изъ Тифлиса въ Имеретію. Недовольный тѣмъ, что его власть не была распространена на владѣніе Лечгумомъ, Соломонъ жало-

---

[1]) Отъ 12-го октября 1805 г., № 51.

[2]) Въ письмѣ Соломону отъ 12-го ноября, № 471.

вался князю Циціанову и говорилъ, что онъ въ подданство Россіи вошелъ только «для Лечгума» (т. е., чтобы владѣть имъ). Главнокомандующій совѣтовалъ ему приказать подать себѣ трактатъ о вступленіи Имеретіи въ подданство Россіи, и тамъ прочесть все, что сказано о Лечгумѣ. Имеретинскій царь отговаривался незнаніемъ и упоминалъ, что «получилъ стыдъ во всей Азіи» за свою вѣрность Россіи. «Какъ будто стыдно, спрашивалъ князь Циціановъ, быть для вѣрности Россіи врагомъ ея враговъ, т. е. Бабахана и враговъ Христа, коего вы исповѣдуете? Что касается до дядей вашихъ, то и ихъ должны вы признавать и почитать врагами, ибо Александръ пятый разъ воюетъ противу войскъ всемилостивѣйшаго нашего Государя, а Юлонъ бунтовалъ народъ противъ его же правленія, слѣдовательно оба суть враги Россіи. Вамъ, яко единовѣрному, должно всѣхъ враговъ Россіи почитать своими врагами, безъ чего вѣрность на устахъ, а не на дѣлѣ, походила бы на лезгинскую вѣрность.»

Царь не измѣнилъ себѣ и по полученіи этого письма. Онъ увлекся теперь тайными переговорами, веденными имъ съ турецкимъ дворомъ. Вопросъ объ искательствѣ покровительства у Порты Оттоманской его такъ занималъ, что, для большаго удобства веденія переговоровъ, онъ, противъ обыкновенія, выбралъ для лѣтняго своего пребыванія селеніе Саджавахо, пограничное съ Турціею. Живя тамъ и считая себя довольно безопаснымъ, Соломонъ, не отвѣчалъ на многія требованія Литвинова и углублялся все болѣе въ лѣсъ, если видѣлъ для себя какую либо мнимую опасность. Живя здѣсь въ шалашѣ, онъ велъ переписку съ грузинскими царевичами и въ особенности возлагалъ свою надежду на успѣхи царевича Александра. Всѣ эти поступки не мѣшали, однако же, Соломону клясться въ своей вѣрности, наружно радоваться побѣдамъ, одержаннымъ княземъ Циціановымъ надъ персіянами, жаловаться на Литвинова и писать, что совмѣстное пребываніе ихъ въ Имеретіи невозможно. Соломонъ обвинялъ Литвинова въ самоуправствѣ, въ отнятіи у него Гуріи [1]) и даже Кутаиса, гдѣ тотъ, безъ вѣдома царя будто бы запечатывалъ лавки, задерживалъ купцовъ

[1]) Отнятіемъ Гуріи онъ считалъ то, что Литвиновъ, по приказанію кн. Циціанова, ѣздилъ туда для примиренія гуріельскихъ владѣльцевъ.

и писалъ царю презрительныя письма. По словамъ Соломона, Литвиновъ развратилъ въ Имеретіи *незыблемое христіанство* своею порочною и развратною жизнію, «а меня, христіанскаго царя, писалъ онъ, называетъ беззаконнымъ и ругаетъ, провозглашая: *онъ старый-де царь, а новый царь я*. Хотя бы кутаисскіе купцы и отдали свое имущество Литвинову, но я, если ни въ чемъ не провинюсь передъ Государемъ, какъ уступлю ему царство?» [1]).

Соломонъ просилъ прислать на мѣсто Литвинова кого нибудь другаго.

Князь Цицiановъ удивлялся такимъ обвиненіямъ, требовалъ отправленія пословъ и говорилъ, что задержка пословъ не доказываетъ ли ослушанія и сопротивленія волѣ Государя Императора. «Я сіе отдаю на собственный судъ вашъ, писалъ главнокомандующій [2]), и на судъ перваго вашего любимца кн. Соломона Леонидзе, того, который, служа семи царямъ, всѣмъ имъ измѣнилъ; Леонидзе, который, при малѣйшемъ своемъ интересѣ, готовъ всякимъ жертвовать; Леонидзе, который и мнѣ продавалъ ваше высочество за 15,000 и который ввергаетъ васъ въ ужасную пропасть бѣдствій... Я знаю, что трусость ваша и злые совѣты подобныхъ тому же измѣннику Леонидзе заставили бѣжать васъ изъ Кутаиса, знаю и то, что вы въ мысляхъ своихъ, разстраиваемыхъ совѣтами недоброжелателей, всегда держите, что васъ схватятъ и увезутъ въ Россію. Но развѣ забыли, что я въ присутствіи вашемъ, передъ лицомъ всемогущаго Бога, мною исповѣдуемаго лучше, можетъ быть, многихъ здѣшнихъ, какъ истинный христіанинъ, клялся на животворящемъ крестѣ со святыми мощами, у васъ на груди висящемъ, что сего не будетъ, и развѣ заклинаніямъ моимъ, когда я слова даннаго въ жизнь мою еще не нарушилъ, вы меньше вѣрите, нежели словамъ измѣнника?..»

Князь Цицiановъ просилъ Соломона опомниться и возвратиться въ Кутаисъ, иначе онъ навлечетъ на себя бѣдствіе. Царь обѣщалъ исполнить этотъ совѣтъ, но не ѣхалъ и поддерживалъ междо-

---

[1]) Письмо Соломона кн. Цицiанову 30-го августа 1805 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 875.

[2]) Соломону отъ 8-го октября 1805 г., № 734. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 445.

усобіе, раздиравшее Гурію, зная, что тѣмъ самымъ онъ вредилъ Мингреліи и подавалъ поводъ къ неудовольствію на насъ турокъ.

Для болѣе ясной характеристики царя, мы разскажемъ съ нѣкоторою подробностію то участіе, которое принималъ онъ въ раздорахъ владѣтельнаго гуріельскаго дома.

Умершій владѣтель Гуріи Георгій оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Мамію и Георгія. Мамій, вступивъ въ правленіе, владѣлъ княжествомъ лѣтъ пятьдесятъ. Онъ женился на сестрѣ имеретинскаго царя Соломона Великаго, которая умерла, не оставивъ дѣтей.

По кончинѣ сестры, Соломонъ Великій хотѣлъ присоединить Гурію къ Имеретіи и завладѣлъ уже нѣкоторыми крѣпостями, но общая опасность побудила братьевъ соединенными силами выгнать имеретинцевъ изъ предѣловъ Гуріи.

Мамія женился вторично на Тавгеридзевой и имѣлъ отъ нея сына Георгія и дочь Тамару. Въ глубокой старости, уже слѣпой и безногій, Мамія лишенъ былъ княжества меньшимъ братомъ своимъ Георгіемъ, передавшимъ, послѣ своей смерти, право на владѣніе Гуріею старшему сыну своему Семену.

Принявъ княжество, Семенъ отдалъ братьямъ своимъ: Вахтангу, Левану и Давиду всѣ мѣста, лежащія по правую сторону рѣки Субсы. Вахтангъ, какъ старшій, владѣлъ этимъ удѣломъ и воспитывалъ братьевъ: Левана и Давида. Самый же младшій изъ братьевъ, Кайхосро, воспитывался въ Имеретіи, при архіереѣ Генатели, и предназначался къ поступленію въ духовное званіе.

Въ такомъ положеніи были дѣла во все время правленія Гуріею Семена. Смерть Семена подала поводъ къ различнымъ безпокойствамъ въ странѣ. Вахтангъ, какъ старшій изъ братьевъ, съ согласія князей, народа и вдовствующей княгини Марины, принялъ на себя временное управленіе Гуріею, и впослѣдствіи, при помощи имеретинскаго царя, хотѣлъ утвердить власть наслѣдственно въ своемъ родѣ. Присвоеніе Вахтангомъ ему непринадлежащихъ правъ заставило Марину уничтожить вредные его замыслы и обратиться къ Кайхосро, непожелавшему вступить въ духовное званіе и женившемуся. Соединившись вмѣстѣ, они подговорили Левана, который пригласилъ къ себѣ Вахтанга, связалъ

ему руки и ноги и передалъ его Кайхосро и Маринѣ. Леванъ получилъ за этотъ поступокъ часть владѣній Вахтанга, томившагося въ заключеніи и освобожденнаго царемъ имеретинскимъ, давшимъ ему войско и средства снова завладѣть Гуріею. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, Вахтангъ былъ проченъ, пока имѣлъ помощь отъ имеретинскаго царя, но когда тотъ оставилъ его, то Вахтангъ принужденъ былъ также оставить Гурію и удалиться въ Имеретію. Соломонъ II давалъ ему и его семейству только дневную скудную пищу [1]).

Въ оставленной Гуріи начались ссоры между братьями и родственниками, спорившими за право ея владѣнія. Междоусобіе между лицами владѣтельнаго гуріельскаго дома, разбои и грабительства ихъ, простиравшіеся и на Мингрелію, были причиною многихъ неустройствъ и волненій ея жителей.

Генералъ-маіоръ Рыкгофъ, посланный къ Келишъ-беку абхазскому, на дорогѣ получилъ просьбу Левана вспомоществовать ему противъ брата его Кайхосро. Рыкгофъ пригласилъ Левана къ себѣ для совѣщаній, и когда тотъ отправился въ русскій лагерь, Кайхосро, отнявшій у Левана почти все владѣніе и захватившій его жену и дѣтей, воспользовался этимъ временемъ для завладѣнія послѣдними мѣстами, принадлежащими брату. Для бо́льшаго успѣха, онъ подкупилъ потійскаго мусселима, который прислалъ ему пушку и нѣсколько войскъ.

Леванъ обвинялъ теперь Рыкгофа въ бездѣйствіи и просилъ защиты. Просьбы его и разныя обиды, причиняемыя гуріельцами мингрельцамъ, заставили Литвинова пригласить къ себѣ всѣхъ братьевъ гуріельскаго дома. Приглашеніе было принято ими. Имеретинскій царь Соломонъ, недовольный тѣмъ, что они согласились на предложеніе Литвинова, старался черезъ Кайхосро внушить братьямъ недовѣрчивость и подозрѣніе къ русскому правительству и достигъ того, что Кайхосро не согласился ѣхать къ Литвинову, а просилъ его переѣхать черезъ рѣку Ріонъ и видѣться съ нимъ, въ присутствіи его братьевъ, въ первой деревнѣ, лежащей на берегу рѣки. Литвиновъ согласился; свиданіе состоя-

[1]) Показаніе Кайхосро и Марины. Показанія князей и проч. о правѣ владѣнія Гуріею 22-го августа 1805 г.

лось, и договаривающіеся, помирившись, опредѣлили свои отношенія и поступки другъ съ другомъ. Оставалось только рѣшить вопросъ о раздѣлѣ владѣній. Кайхосро предлагалъ, исключивъ крѣпости и монастыри съ ихъ имѣніями, раздѣлить все остальное владѣніе поровну между шестью братьями. Братья не согласились на это предложеніе и просили раздѣлъ ихъ сдѣлать по крѣпостямъ. Кайхосро принялъ это предложеніе братьевъ, но съ тѣмъ, чтобы окончательное рѣшеніе спора предоставить судьямъ, выбраннымъ изъ князей мингрельскихъ. Литвиновъ предложилъ въ посредники имеретинскаго царя, но спорившіе единогласно не только его отвергли, но и не рѣшились даже позволить Соломону присутствовать при раздѣлѣ, «яко источнику, отъ котораго всѣ ихъ ссоры и междоусобія прежде происходили, и что при семъ случаѣ вліяніе его послужитъ не къ примиренію ихъ, но къ тайному внушенію несогласій и междоусобій, которыхъ они искренно желаютъ избавиться» [1]).

XXIII.

Принятіе въ подданство Россіи ханствъ Карабагскаго и Шекинскаго.—Переговоры по этому вопросу и условія, на которыхъ ханы вступили въ подданство.—Выгоды, сопряженныя съ пріобрѣтеніемъ этихъ ханствъ. — Вступленіе въ подданство Россіи Джеханъ-Гиръ-хана шагахскаго (шекакійскаго) и Будагъ султана шурагельскаго.— Условія, заключенныя съ ними.

Устройство и окончательное приведеніе въ порядокъ дѣлъ Мингреліи и Имеретіи отвлекли на время вниманіе князя Циціанова отъ вопроса о присоединеніи къ Россіи ханствъ Карабагскаго и Шекинскаго.

Еще въ 1804 году, тотчасъ послѣ взятія Ганжи, князь Циціановъ полагалъ необходимымъ пріобрѣтеніе этихъ двухъ владѣній, съ ханами которыхъ и начаты были тогда переговоры.

Сообщая ханамъ карабагскому и ширванскому о взятіи Ганжи, князь Циціановъ удивлялся, что они, какъ ближайшіе сосѣди, не явились къ нему съ поздравленіемъ и не ищутъ покровительства Россіи.

---

[1]) Рапортъ Литвинова князю Циціанову 16-го мая 1805 года. Т. А. К. Н.

«Я надѣюсь, писалъ главнокомандующій карабагскому хану [1]), что ваше высочество не захотите подражать ему (Джевадъ-хану ганжинскому) и будете слѣдовать общему правилу, что слабый сильному покоряется и не мечтаетъ съ нимъ тягаться. Сила россійская и кротость ея правленія здѣшнему краю довольно уже извѣстны. И такъ остается вамъ выбирать лучшую дорогу... Отворяя вамъ путь къ высокому покровительству великаго и Богомъ вознесеннаго Государя Императора нашего, буду ждать отъ васъ довѣренную вашу особу или одного изъ дѣтей вашихъ, для постановленія правилъ, на коихъ вы можете быть приняты (въ подданство).»

Движеніе персіянъ въ Карабагъ заставило Ибраимъ-хана воспользоваться предложеніемъ князя Циціанова и просить о защитѣ его владѣній русскими войсками. Главнокомандующій отвѣчалъ, что хотя, по своему поведенію, онъ не заслуживаетъ того, чтобы удовлетворить его просьбѣ, но что на этотъ разъ онъ готовъ прислать войска, если ханъ приметъ присягу на подданство Россіи, будетъ соблюдать вѣрность, уступитъ крѣпость въ распоряженіе русскихъ, дастъ въ аманаты старшаго своего сына и будетъ вносить ежегодной дани 8,000 червонцевъ, и тогда обѣщана ему защита и сохраненіе ханскаго достоинства [2]).

Ханъ не отвѣчалъ на это требованіе, такъ какъ, съ уходомъ персіянъ изъ Карабага, обстоятельства перемѣнились, и онъ предпочиталъ независимость добровольной покорности. Съ своей стороны, князь Циціановъ, занятый дѣлами Имеретіи и Мингреліи, эриванскою экспедиціею, усмиреніемъ волненій въ Грузіи и на Кавказской линіи, по необходимости долженъ былъ вопросъ о присоединеніи ханствъ Карабагскаго и Шекинскаго отложить до 1805 года.

Между тѣмъ, когда извѣстіе о начатыхъ нами переговорахъ о покорности Карабагскаго хана дошло до владѣтеля Персіи, то онъ, для удержанія Ибраимъ-хана отъ подданства Россіи и боясь лишиться важной области, съ давнихъ временъ бывшей въ зависимости Персіи, послалъ въ Карабагъ, въ началѣ января 1805 г.,

[1]) Отъ 8-го января 1804 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1416.
[2]) Письмо князя Циціанова Ибраимъ-хану 26-го мая 1804 года.

значительное войско подъ начальствомъ Абдулъ-Фетъ-аги. Шахъ прощалъ теперь хану всѣ прежніе его проступки и требовалъ себѣ старшаго его сына въ аманаты. Онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Ибраимъ-хана не вступать съ русскими ни въ какіе переговоры и обѣщалъ за то щедрыя награды и милость. Восьмидесятилѣтній старецъ Ибраимъ-ханъ, наученный опытомъ въ коварствѣ персидскаго двора, не согласился на просьбы и требованія шаха, тѣмъ болѣе, что имѣлъ передъ глазами только что случившійся примѣръ съ ханомъ шагахскимъ, которому шахъ далъ торжественную клятву въ безопасности и умертвилъ его, когда тотъ, полагаясь на слово, явился къ нему въ Тегеранъ [1]). Поступокъ этотъ возстановилъ противъ Баба-хана многихъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ и Ибраимъ-хана карабагскаго.

Не довѣряя поэтому льстивымъ обѣщаніямъ мнимаго шаха, Ибраимъ предпочелъ сопротивленіе обѣщанной наградѣ. Съ бодростію и мужествомъ встрѣтилъ онъ персидскія войска при Дизанѣ, разбилъ ихъ на голову и захватилъ многихъ въ плѣнъ [2]).

Поздравляя хана карабагскаго съ побѣдою, князь Цицiановъ, между прочимъ, писалъ сыну его, «жаль только, что самого не изловили (т. е. Абдулъ-Фетъ-агу), ибо, не истребивъ и не вырвавъ корня, дерево всегда выростаетъ; да и оскорбленіе, причиненное Баба-хану сардарю, не можетъ имъ быть принято равнодушно, а потому къ веснѣ надлежитъ ожидать отъ него большаго числа войска [3])». Властитель Персіи слишкомъ ясно сознавалъ всю важность потери Карабагскаго ханства и выгоды Россіи съ его пріобрѣтеніемъ, а потому не могъ ограничиться одною попыткою и къ тому же неудавшеюся.

Въ самомъ дѣлѣ, сильная и довольно обширная крѣпость Шуша, лежавшая только въ 80 верстахъ отъ совершенно открытой персидской границы, доставляла возможность сосредоточивать въ ней силы и средства для дѣйствія съ одной изъ самыхъ слабыхъ

[1]) Изъ письма Джеханъ-Гиръ-хана шагахскаго (шекакійскаго) князю Цицiанову безъ числа.

[2]) Письмо Мамедъ-Хассанъ-аги, сына Ибраимъ-хана карабагскаго, полковнику Карягину 7-го января 1805 года.

[3]) Письмо князя Цицiанова сыну хана карабагскаго 16-го января 1805 года, № 39.

сторонъ Персіи. Вотъ почему гордый Баба-ханъ, забывъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему пораженіемъ войскъ, вторично послалъ къ карабагскому хану двухъ чиновниковъ съ тѣми же требованіями, которыя были предложены въ первый разъ [1]). Карабагскій ханъ, отказавъ шаху, просилъ скорѣйшей помощи отъ князя Циціанова и о принятіи его въ подданство. Маіоръ Лисаневичъ отправленъ въ крѣпость Шушу съ приказаніемъ вручить хану проектъ трактата, не соглашаться ни на какую въ немъ отмѣну и требовать отъ Ибраимъ-хана, чтобы онъ, для подписанія условій и присяги, пріѣхалъ въ Елисаветполь, куда обѣщалъ пріѣхать и самъ князь Циціановъ.

Отправляя Лисаневича и сообщая хану карабагскому, что изъ письма его видно желаніе Ибраима вступить въ подданство Россіи, князь Циціановъ писалъ ему, что принимаетъ это желаніе съ должнымъ уваженіемъ.

«Входя въ ближайшее разсмотрѣніе выгодъ вашихъ, яко владѣльца, ищущаго высокаго покровительства и подданства моего Государя Императора, прилагаю у сего проектъ трактатныхъ пунктовъ, на каковыхъ можете вступить во всероссійской Имперіи подданство на вѣчныя времена, бывъ удостовѣреннымъ, что отъ дня подписки того трактата и отъ окончанія онаго дѣла настанетъ совершенно ваше и дома вашего благоденствіе, которое, по истинному понятію о вещахъ, полагаю я, что вы, при почтенной вашей старости, потомъ старшій вашъ сынъ и наслѣдственно послѣ него кому слѣдовать будетъ, будутъ наслаждаться спокойнымъ ханства владѣніемъ, не опасаясь ухищренія персидскаго и Бабаханова сардаря, ибо, хотя нынѣ всемогущій Богъ помогъ вашимъ войскамъ, безъ всякой помощи побѣдить персіянъ и разсѣять ихъ какъ прахъ, но кто можетъ ручаться, что сіе причиненное Бабаханову сардарю оскорбленіе не захочетъ онъ отмстить присылкою большихъ силъ, или ухищреніями, персіянамъ обычными и мнѣ сдѣлавшимися извѣстными, не посягнетъ онъ на какое-нибудь злодѣяніе противъ васъ или семейства вашего обманами или прелестями.

---

[1]) Рапортъ Лисаневича князю Циціанову 20-го апрѣля 1805 года.

«Да утвердитъ васъ всемогущій Богъ въ вашей мысли о вступленіи въ подданство высокославной и Богомъ вознесенной Имперіи, къ собственному и твердо постоянному благоденствію вашего высокостепенства и всей вашей фамиліи. Кто меня знаетъ, тотъ вѣдаетъ и то, что уста мои не извергаютъ лжи, и слово мною данное, тверже гранита [1]).»

Съ маіоромъ Лисаневичемъ былъ отправленъ грузинскій дворянинъ Никій Джораевъ, который еще прежде велъ переговоры съ карабагскимъ ханомъ. Лисаневичу поручено было узнать, можетъ ли Ибраимъ-ханъ доставлять продовольствіе на 500 человѣкъ и вообще ознакомиться съ состояніемъ Шушинской крѣпости. «Бывъ въ Шушинской крѣпости, писалъ князь Циціановъ [2]), не оставьте замѣтить, съ которой бы стороны занять нашимъ войскамъ домы такъ, чтобы они не подверглись опасности отъ жителей и чтобы войска были вмѣстѣ, а также и то, что въѣздъ въ Шушинскую крѣпость по каменнымъ скаламъ удобно-ли будетъ исправить къ проѣзду арбами.»

6-го февраля Лисаневичъ прибылъ въ Шушу, гдѣ и былъ встрѣченъ сыномъ хана Мехти-Кули-агою. Здѣсь Лисаневичъ узналъ, что самъ ханъ находится на Араксѣ, для прекращенія бунта, возбужденнаго другимъ его сыномъ, Абдулъ-Фетъ-агою. Лисаневичу было объявлено, что Ибраимъ-ханъ приказалъ дать знать тотчасъ же, какъ только прибудетъ русскій чиновникъ, и обѣщалъ безотлагательно пріѣхать въ Шушу.

14-го февраля Ибраимъ-ханъ имѣлъ свиданіе съ Лисаневичемъ, предъявившимъ ему письмо князя Циціанова и проектъ трактата.

На слѣдующій день, изъ всѣхъ беговъ составленъ совѣтъ, который и продолжался до 21-го февраля. Не смотря на то, что всѣ беги отклоняли хана отъ вступленія въ подданство Россіи, Ибраимъ-ханъ, вечеромъ 21-го февраля, пригласилъ къ себѣ Лисаневича и объявилъ, что онъ, «не смотря ни на что, вступаетъ

---

[1]) Письмо кн. Циціанова Ибраимъ-хану карабагскому 16-го января 1805 года, № 37.

[2]) Лисаневичу, 16-го января 1805 г., № 11.

въ подданство Россіи и согласенъ на все предлагаемое ему въ проектѣ трактата» [1]).

На требованіе Лисаневича, чтобы ханъ пріѣхалъ въ Елисаветполь, Ибраимъ отвѣчалъ, что не только въ Елисаветполь, но и въ Тифлисъ съ радостію бы поѣхалъ, ежели бы не мѣшалъ тому взбунтовавшійся противу него сынъ и нѣкоторые жители, для усмиренія которыхъ онъ долженъ остаться въ своемъ владѣніи. «Напослѣдокъ мы согласили его, пишетъ Лисаневичъ, выѣхать къ Кураку, куда онъ вывезетъ и аманата. Мѣсто же сіе отъ Елисаветполя не болѣе 30 верстъ, и ханъ, по случаю сему, выѣзжаетъ завтрашній день изъ Шуши» [2]).

Въ лагерѣ на рѣчкѣ Куракъ-чай, на границѣ Елисаветпольскаго округа, 14-го мая, князь Циціановъ принялъ отъ карабагскаго хана присягу на вѣрноподданство русскому Императору.

По заключеннымъ условіямъ:

1) Ибраимъ-ханъ шушинскій и карабагскій отказывался навсегда отъ всякаго вассальства и зависимости отъ Персіи или иной державы и признавалъ надъ собою одну только власть русскаго Императора.

2) Ханъ обязался не имѣть никакихъ сношеній съ окрестными владѣльцами. Полученныя отъ нихъ письма: болѣе важныя по содержанію отсылать на разрѣшеніе главнокомандующаго, а менѣе важныя сообщать и совѣтоваться съ особою, имѣющею пребывать при Ибраимъ-ханѣ отъ лица главноуправляющаго въ Грузіи.

3) Заготовлять провіантъ для русскихъ войскъ, назначенныхъ въ его владѣніе, по цѣнамъ, утвержденнымъ главнокомандующимъ.

4) Отвести для войскъ помѣщеніе и давать дрова.

5) Дорогу изъ Елисаветполя въ Шушу сдѣлать удобною и проѣзжею для арбъ.

6) Въ залогъ вѣрности, дать въ аманаты внука отъ старшаго сына, на всегдашнее пребываніе его въ Тифлисѣ.

7) Платить ежегодно дань въ 8,000 червонцевъ, внося ее въ два срока: 1-го февраля и 1-го сентября.

---

[1]) Донесеніе Лисаневича кн. Циціанову 2-го марта 1805 г.

[2]) Тамъ же.

Взамѣнъ того, ему обѣщано:

1) Сохраненіе цѣлости его владѣній; потомственное, по старшинству колѣна, владѣніе ханствомъ съ утвержденія русскаго Императора; сохраненіе во власти хана суда, расправы и доходовъ съ владѣнія.

2) Отправленіе въ Шушинскую крѣпость 500 человѣкъ русскаго войска съ артиллеріею, назначаемаго для защиты его владѣній.

3) Даровано знамя съ русскимъ гербомъ, для постояннаго храненія въ домѣ владѣтельной особы. Внуку его, назначенному аманатомъ, опредѣлено по десяти рублей на ежедневное содержаніе.

Вслѣдъ за Ибраимъ-ханомъ явился на Куракъ-чай Селимъ-ханъ шекинскій и 21-го мая, по примѣру своего тестя Ибраимъ-хана, подтвердилъ присягою условія подданства, заключенныя еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1805 года.

Переговоры о подданствѣ шекинскаго ханства были начаты давно, тотчасъ послѣ взятія Ганжи, но происшествія въ Шекѣ были причиною того, что они до сихъ поръ не были приведены къ окончанію. Въ промежутокъ этого времени слѣпой Мамедъ-Хассанъ-ханъ шекинскій былъ свергнутъ своимъ младшимъ братомъ Селимомъ. Послѣдній былъ поставленъ на ханствѣ шекинскомъ графомъ Зубовымъ въ 1796 году, но, по выходѣ русскихъ войскъ изъ Дагестана, былъ изгнанъ изъ ханства братомъ своимъ Мамедъ-Хассанъ-ханомъ. Скитавшійся въ чужихъ владѣніяхъ, Селимъ обратился къ князю Цаціанову съ просьбою принять его въ подданство Россіи, возстановить на ханствѣ нухинскомъ, присягнуть, что онъ останется навсегда ханомъ, и тогда обѣщалъ пріѣхать въ Тифлисъ для окончательныхъ переговоровъ. Опасаясь преслѣдованія своихъ враговъ, Селимъ отправилъ это письмо безъ подписи. Князь Цаціановъ не счелъ нужнымъ самъ отвѣчать на анонимное письмо и поручилъ это сдѣлать полковнику Карягину. Послѣдній писалъ, что въ Россіи къ неподписаннымъ письмамъ уваженія никакого не имѣютъ, что они имѣютъ точно такую же цѣну, какъ листъ чистой бумаги, и что, наконецъ, требованіе, чтобы главнокомандующій присягнулъ въ безопасности Селима, болѣе чѣмъ странно. «Русскій начальникъ, писалъ Каря-

гинъ, не имѣетъ вовсе надобности слѣдовать персидскимъ обычаямъ, да и нужно-ли ему, чтобы вы были въ Нухѣ ханомъ, увѣренъ будучи, *что онъ, сдѣлавъ изъ ядеръ и пуль музыку, всякаго хана заставитъ плясать по своей дудкѣ»* [1]).

Карягинъ писалъ, что если Селимъ желаетъ добиться чего нибудь, то долженъ безотлагательно и безъ всякихъ условій пріѣхать въ Тифлисъ, гдѣ оказано будетъ ему всякое уваженіе. Селимъ въ Тифлисъ не ѣхалъ, но укорялъ Мамедъ-Хассанъ-хана въ недоброжелательствѣ и двуличномъ поведеніи противъ Россіи. Сообщаемыя Селимомъ свѣдѣнія не были новостью. Давно извѣстно было, что Мамедъ, во время эриванской экспедиціи, возмущалъ лезгинъ и дагестанцевъ, совѣтуя имъ дѣйствовать непріязненно противъ нашихъ войскъ. Опасаясь пріѣхать въ Тифлисъ и не надѣясь получить содѣйствія русскихъ, Селимъ обратился съ просьбою о помощи съ Мустафѣ-хану ширванскому. Немного нужно было ему усилій, чтобы уговорить Мустафу дѣйствовать противъ Мамедъ-Хассанъ-хана, который въ 1803 году, соединившись съ кубинскимъ и дербентскимъ Шейхъ-Али-ханомъ, сильно тѣснилъ хана ширванскаго.

Въ началѣ февраля, по просьбѣ Селима, ширванцы двинулись къ границѣ шекинскаго владѣнія. Слѣпой Мамедъ-Хассанъ-ханъ съ своимъ ополченіемъ выступилъ имъ на встрѣчу, но шекинцы, видя превосходство непріятеля въ силахъ и притомъ ненавидя хана за его тяжкіе налоги, разбѣжались, оставивъ своего властителя въ виду враговъ съ самымъ незначительнымъ числомъ ему преданныхъ. Несчастный слѣпецъ, оставленный своими подданными, долженъ былъ покориться судьбѣ. По азіятскому обычаю, повѣсивъ саблю на шею, онъ приказалъ вести себя къ заклятому своему врагу [2]).

Мустафа-ханъ ширванскій отправилъ плѣннаго слѣпца въ Шемаху и объявилъ Селиму, что только тогда возведетъ его на ханство, когда получитъ отъ него аманатами сына и дочь. Селимъ тотчасъ исполнилъ требованіе, а Мустафа, между тѣмъ, думая

---

[1]) Письмо Селима кн. Циціанову 2-го апрѣля 1804 г. и отвѣтъ на него Карягина. См. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 637.

[2]) Рапортъ Карягина кн. Циціанову 22-го января 1805 г.

самъ завладѣть ханствомъ, послалъ тайно въ Нуху своихъ наибовъ съ приказаніемъ управлять городомъ и отъ имени сверженнаго хана потребовать всю его казну. Узнавъ объ этомъ, Селимъ, видя себя обманутымъ, успѣлъ дать знать брату своему Фетъ-Али-агѣ, также слѣпцу, о цѣли поѣздки наибовъ. Нухинскіе жители выгнали наибовъ, посланныхъ Мустафою, а Фетъ-Али-агу объявили временно своимъ ханомъ. Мустафа, въ отмщеніе Селиму, утвердилъ выборъ нухинцевъ и самъ удалился въ Шемаху. Селимъ явился въ Нуху и былъ признанъ шекинскимъ ханомъ какъ своимъ братомъ, такъ и всѣмъ народомъ [1]).

Признаніе шекинскимъ ханомъ Селима, помимо воли ширванскаго владѣтеля, неминуемо должно было повлечь за собою неприязненныя дѣйствія между ними, и потому Селимъ и спѣшилъ отдаться въ подданство и защиту Россіи. Дѣйствительно, скоро получено было извѣстіе о движеніи Мустафы къ шекинской границѣ. По приказанію главнокомандующаго, изъ Елисаветполя былъ отправленъ въ помощь Селиму отрядъ изъ 300 человѣкъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ маіора Якимова. Соединившись съ шекинцами при селеніи Дегно, Якимовъ пошелъ на встрѣчу Мустафѣ и разбилъ 6-ти-тысячный его отрядъ на Шекинскомъ полѣ. Мустафа отступилъ и расположился при канавѣ Чайарлъ [2]).

Ободренный успѣхомъ, Селимъ-ханъ просилъ князя Циціанова позволить ему продолжать наступленіе и овладѣть Шемахою. Главнокомандующій ограничился, однако же, тѣмъ, что послалъ къ Мустафѣ маіора Тарасова съ объявленіемъ, что Селимъ подданный Россіи, и потому, если Мустафа будетъ продолжать вражду, то «навлечетъ на себя наказаніе Россіи.»

Владѣтель ширванскій помирился съ Селимомъ; обязался присягою сохранять съ нимъ дружбу; возвратить захваченныхъ имъ жителей, скотъ и прислалъ князю Циціанову письменное увѣреніе въ томъ, что онъ вовсе не имѣлъ желанія противиться волѣ русскаго Императора. Маіоръ Тарасовъ, кромѣ порученія уговорить Мустафу къ примиренію съ Селимомъ, имѣлъ другое—склонить его на подданство, въ чемъ и успѣлъ, показавъ Мустафѣ письмо шам-

---

[1]) Донесеніе кн. Циціанова Государю Императору 28-го февраля 1805 г.

[2]) Тамъ же.

хала Тарковскаго къ князю Циціанову, изъ котораго можно было видѣть о враждебныхъ замыслахъ, готовившихся противъ Мустафы въ Дагестанѣ.

Подписанный Селимомъ шекинскимъ трактатъ былъ одинаковаго содержанія съ трактатомъ карабагскаго владѣтеля, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что шекинскій ханъ обязался платить ежегодной дани по 7-ми тысячъ червонцевъ, а въ аманаты отдать не старшаго сына, которому было не болѣе 4-хъ мѣсяцевъ отъ роду, но дѣтей пяти знатнѣйшихъ беговъ изъ народа шекинскаго. Къ послѣдней мѣрѣ побудили князя Циціанова измѣнчивый нравъ шекинцевъ и ихъ невѣрность даже и своимъ владѣтелямъ [1]). По прошествіи же одного или двухъ лѣтъ, Селимъ-ханъ обязался отдать въ аманаты сына своего, на всегдашнее пребываніе въ Тифлисѣ. [2])

Съ пріобрѣтеніемъ ханства Шекинскаго и съ занятіемъ его, на основаніи трактата, 500 человѣками войска, джаро-бѣлоканцы стѣснялись между двухъ русскихъ отрядовъ: одного, расположеннаго на рѣкѣ Алазани, и другаго, находящагося въ шекинскомъ владѣніи. Подданство же карабагскаго владѣтеля давало Россіи возможность обезпечить Грузію не только со стороны Персіи, но и со стороны Дагестана. Пріобрѣтеніе Карабагскаго ханства сближало насъ и съ Бакою, которая, по общему плану, долженствовала быть занятою нашими войсками въ непродолжительномъ времени. Съ устройствомъ дорогъ, возможныхъ для прохода купеческихъ каралвановъ изъ Грузіи, черезъ Елисаветполь, Шушу въ Джаватъ, устанавливалась торговая связь съ Астраханью, потому что мѣстечко Джаватъ лежало при впаденіи рѣки Аракса въ Куру, которая съ этого мѣста дѣлалась судоходною.

---

[1]) Карабагскому и шекинскому ханамъ, во время пребыванія ихъ въ главной квартирѣ, каждому со свитою изъ 600 челов., отпускалось на содержаніе въ сутки по сту червонцевъ. Карабагскому хану выдано 1,645 червонцевъ и 557 руб. сер., а шекинскому 725 червонцевъ и 105 руб. сер. Кромѣ того, разныхъ подарковъ свитѣ ихъ выдано на 7,047 руб. сер. (Отношеніе кн. Циціанова кн. Чарторижскому 22-го мая 1805 г.).

[2]) Всеподд. рапортъ кн. Циціанова 22-го мая 1805 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1301. Предписаніе кн. Циціанова ген.-маіору Портнягину 23-го мая, № 805.

Согласившись на всѣ условія, изложенныя въ трактатѣ, заключенномъ съ Ибраимъ-ханомъ карабагскимъ, Императоръ Александръ грамотою утвердилъ его потомственно въ ханскомъ достоинствѣ, пожаловалъ знамя съ русскимъ гербомъ, саблю и произвелъ его въ генералъ-лейтенанты, съ жалованьемъ по чину. Сыновья Ибраимъ-хана, Мамедъ-Хассанъ-ага [1]) и Мегти-ага, произведены въ генералъ-маіоры, а Ханларъ-ага въ полковники. Старшему сыну Мамедъ-Хассанъ-агѣ пожалована сверхъ того, за его дѣйствительную приверженность къ Россіи, медаль, осыпанная брилліантами, съ надписью «за усердіе» на русскомъ и персидскомъ языкахъ.

Вмѣстѣ съ Ибраимъ-ханомъ явился къ кн. Циціанову въ лагерь на Куракъ-чай Джеханъ-Гиръ-ханъ, сынъ Садыкъ-хана шекакійскаго, убитаго коварнымъ образомъ владѣтелемъ Персіи. Джеханъ-Гиръ поѣхалъ въ Елисаветполь за главнокомандующимъ и тамъ принялъ присягу на вѣрноподданство, съ обязательствомъ, подъ прикрытіемъ 300 русскихъ воиновъ, вывести изъ Шекакійскаго ханства, на поселеніе въ Елисаветполь, четыре тысячи семействъ, которыя, по прошествіи первыхъ трехъ льготныхъ лѣтъ, должны будутъ платить казнѣ съ семейства по 5 руб. и отбывать повинности наравнѣ съ прочими жителями округа [2]).

Въ началѣ 1805 г. эриванскій ханъ зазвалъ къ себѣ шурагельскаго Будагъ-султана и, задержавъ его, требовалъ за освобожденіе тридцать тысячъ рублей угрожая въ противномъ случаѣ переселить всѣхъ его подданныхъ въ эриванскія селенія, для чего и отправилъ уже войско. Почетнѣйшіе обитатели Артика, главнаго селенія въ Шурагели, просили [3]) князя Циціанова защитить ихъ отъ эриванцевъ и принять въ подданство Россіи, обѣщая собраться съ семействами и имуществомъ въ Капчакъ, куда должно было быть выслано имъ въ помощь русское войско. Генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ воспользовался такимъ притѣсненіемъ Будагъ-султану и его дѣтямъ. Онъ упросилъ князя Циціанова оказать ему помощь и принять Шурагельскую провинцію въ подданство Россіи.

Получивъ на это согласіе, генералъ Несвѣтаевъ, находив-

[1]) Мамедъ-хасанъ-ага скончался отъ чахотки 19-го ноября 1805 г.

[2]) Донесеніе кн. Циціанова Государю Императору 17-го іюня 1805 г.

[3]) Письмомъ отъ 15-го января 1805 года.

шійся въ Памбакской дистанціи, двинулся съ 250 человѣками изъ Кара-Килиса въ Шурагель, занялъ Артикъ (30-марта), поставилъ султаномъ сына прежняго владѣтеля, Хамо-бека, привелъ народъ къ присягѣ на вѣрноподданство русскому Императору и для защиты провинціи оставилъ въ ней гарнизонъ изъ шести ротъ пѣхоты Саратовскаго мушкетерскаго полка.

Три тысячи эриванскаго войска шло, между тѣмъ, къ селенію Талыни, пограничному съ Шурагелью, для выполненія ханскаго приказа, опустошать владѣнія Будагъ-султана и перевести жителей въ Эривань. Генералъ Несвѣтаевъ встрѣтилъ ихъ въ Талыни, вытѣснилъ оттуда, сжегъ это и еще нѣкоторыя эриванскія селенія и гналъ войско Мамедъ-хана до Эчміадзинскаго монастыря [1]). Капитанъ Матушевичъ, бывшій въ авангардѣ отряда, достигъ даже до предмѣстій Эривани, вездѣ разгоняя предъ собою толпы татаръ и куртинцевъ [2]). Прибывъ въ Эчміадзинскій монастырь, врасплохъ для жителей, Несвѣтаевъ, по настоятельной просьбѣ духовенства, забралъ всѣ бывшія тамъ драгоцѣнныя иконы, церковную утварь и мощи святыхъ и все въ цѣлости препроводилъ въ Тифлисъ, гдѣ уже хранилась часть сокровищъ первопрестольнаго армянскаго монастыря, вывезенныхъ княземъ Циціановымъ, по возвращеніи его изъ Эривани.

Такимъ образомъ, богатства эчміадзинскія были спасены отъ грабительства персіянъ и рукъ лжепатріарха Давида, приготовившаго ихъ для отправленія въ Персію и частію уже расхитившаго достояніе монастыря для своего возвышенія [3]).

Изъ Эчміадзина Несвѣтаевъ возвратился обратно въ Памбаки. Впослѣдствіи, когда Будагъ-султанъ шурагельскій освободился изъ плѣна (25-го октября 1805 года), то подтвердилъ подданство своего народа собственною присягою на вѣрность Россіи и заключилъ съ княземъ Циціановымъ трактатъ, одинаковаго почти содержанія съ трактатомъ на присоединеніе Карабага, съ ничтож-

[1]) Донесеніе князя Циціанова Государю Императору отъ 22-го мая 1805 г.

[2]) Рапортъ Матушевича Несвѣтаеву, 7-го мая 1805 года.

[3]) Въ числѣ доставленныхъ въ Тифлисъ вещей находились: святое копье, которымъ прободенъ былъ Христосъ Спаситель нашъ, и рука св. Георгія просвѣтителя армянской націи. «Все сіе найдено между рогожъ и нечистыхъ тряпокъ для утаенія.» Рапортъ князя Циціанова Государю Императору 17-го іюня.

ными лишь измѣненіями, необходимыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Шурагельскій владѣлецъ обязался платить ежегодной дани по 200 руб. и выдалъ на всегдашнее пребываніе въ Тифлисѣ аманатомъ втораго сына своего Кара-Мамеда, которому и назначено ежегодное содержаніе 600 руб. въ годъ [1]).

«Долгомъ считаю всеподданнѣйше донести, писалъ князь Циціановъ, что пріобрѣтеніе сей богатѣйшей хлѣбомъ провинціи есть дѣло, во всемъ пространствѣ смысла, генералъ-маіора и шефа Саратовскаго мушкетерскаго полка Несвѣтаева, который умѣлъ вовремя воспользоваться притѣсненіемъ, дѣланнымъ дѣтямъ Будагъ султана, содержавшагося въ заточеніи у эриванскаго хана, предложилъ мнѣ оное пріобрѣтеніе—и тогда, когда въ концѣ зимы у него не болѣе 400 человѣкъ было подъ ружьемъ, представилъ мнѣ во всей ясности возможность занять Артикъ (столицу провинціи сей) и дѣтей султанскихъ взять подъ защиту [2]).»

Такимъ образомъ начало 1805 года, подобно началу 1804 года, ознаменовалось поступленіемъ въ подданство Россіи многихъ закавказскихъ владѣній, и князь Циціановъ въ это время пріобрѣлъ къ себѣ такое довѣріе, что даже многіе ханы за Араксомъ, какъ напримѣръ, тавризскій и карадагскій, предлагали ему свои услуги. Народъ айсорскій [3]), христіанскаго исповѣданія, желалъ также переселиться въ Грузію и просилъ о высылкѣ 300 человѣкъ войска къ Хою, чтобы подъ его прикрытіемъ переселиться, въ числѣ 4,000 семействъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ.

Князь Циціановъ писалъ къ епископу Іоанну, начальствующему этими переселенцами, и айсорскому патріарху Петру, что какъ остальныя 16,000 народа могутъ подвергнуться гоненіямъ и мукамъ, то приглашалъ ихъ всѣхъ къ переселенію, тѣмъ болѣе, что, соединившись вмѣстѣ, имъ легче будетъ отразить преслѣдованіе мусульманъ.

Безъ сомнѣнія, политическое неустройство Персіи, усиливающееся самовластіе Баба-хана, безумно свергавшаго многихъ ха-

---

[1]) Всеподд. рапортъ князя Циціанова Государю Императору 29-го октября 1805 года. Подлинный трактатъ см. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1142.

[2]) Князь Циціановъ просилъ наградить Несвѣтаева орденомъ св. Владиміра 2-й степени.

[3]) Вѣроятно измѣненный ассирійскій, потомки древнихъ ассиріянъ.

новъ силою, было причиною искательствъ ихъ у князя Циціанова. Но не менѣе того и поведеніе главноуправляющаго Грузіею, дознанная вѣрность его слова, умѣренность требованій и защита отъ самовластія владѣтеля Персіи побуждали ихъ предпочесть подданство Россіи рабству властителямъ азіятскимъ. Слѣдствіемъ этой довѣренности было пріобрѣтеніе путемъ однихъ только переговоровъ двухъ богатѣйшихъ ханствъ и Шурагельской провинціи, обильной хлѣбомъ. Предвидѣлись успѣхи въ переговорахъ и съ другими владѣтелями, но приготовленіе Персіи къ новой войнѣ съ Россіею заставило князя Циціанова отложить на время переговоры и взяться за оружіе.

XXIV.

Война съ Персіею 1805 года. Причины ея.—Фирманы Баба-хана и грузинскаго царевича Александра.—Движеніе персидскихъ войскъ къ Араксу. —Мѣры, принятыя княземъ Циціановымъ къ отраженію персіянъ.—Расположеніе нашихъ войскъ.—Дѣствія Лисаневича. — Сраженіе при Жибраильскихъ садахъ.—Дѣйствія полковника Карягина у Аскарани.—Отступленіе его сначала къ Шахъ-Булаху, и потомъ къ Мухрату. — Движеніе князя Циціанова противъ непріятеля. Нападеніе персіянъ на нашъ транспортъ. — Отступленіе непріятеля. — Окончаніе кампаніи.— Переселеніе армянъ въ Грузію.

Присоединеніе владѣній, входившихъ прежде въ составъ Персіи и зависѣвшихъ отъ нея, было причиною постоянныхъ враждебныхъ отношеній, существовавшихъ между двумя державами. Добиваясь шахскаго достоинства, Баба-ханъ сознавалъ, что не будетъ признанъ въ этомъ званіи подвластнымъ ему народомъ до тѣхъ поръ, пока тотъ въ торжественный день коронаціи не увидитъ подлѣ своего властителя представителей владѣній, отторгнутыхъ отъ Персіи, и царя грузинскаго съ мечомъ въ рукахъ.

Надѣясь на возможность возвращенія потеряннаго, Баба-ханъ, еще въ концѣ 1804 года, по совѣту царевича Александра, разослалъ фирманы къ знатнѣйшимъ лицамъ Грузіи, писалъ кабардинцамъ, тагаурцамъ, чеченцамъ и прочимъ дагестанскимъ горцамъ [1]), прося ихъ соединиться съ нимъ для совокупнаго дѣй-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. 1—3, 1803—6 гг., № 9.

ствія противъ Россіи. Фирманы эти имѣли цѣлью отвлечь войска наши на усмиреніе волновавшихся, и тѣмъ дать возможность Баба-хану произвести съ меньшими затрудненіями вторженіе со стороны рѣки Аракса.

Властитель Персіи думалъ возбудить повсемѣстное возстаніе и заставить русскихъ покинуть Закавказскій край и очистить Грузію. Для бóльшаго въ томъ успѣха и расположенія къ себѣ народовъ, Баба-ханъ освободилъ десять человѣкъ осетинъ, попавшихся въ плѣнъ подъ Эриванью, и, подаривъ каждому изъ нихъ по лошади и по 100 руб. сер., какъ бы въ награду за усердіе ихъ единоземцевъ, бунтовавшихъ на Арагвѣ, онъ послалъ съ ними повелѣнія осетинскимъ старшинамъ продолжать похвальную непокорность и сопротивленіе русскимъ. Фирманы эти были частію перехвачены, а частію представлены князю Циціанову тѣми, которымъ поручено было доставить ихъ изъ Персіи по принадлежности. Въ посланіяхъ, писанныхъ на имя арагвскихъ жителей, царевича Парнаоза, князя Константина Мухранскаго и князя Томаса Орбеліани, Баба-ханъ хвалился тѣмъ, что страшно наказалъ русскихъ подъ Эриванью; что онъ побилъ, побралъ ихъ въ плѣнъ, и только наступленіе холоднаго времени помѣшало совершенному ихъ истребленію; что послѣ навруза (магометанскаго новаго года) онъ отправитъ до ста тысячъ своего войска съ двумя стами орудій довершить уничтоженіе притѣснителей Грузіи, а тѣмъ временемъ побуждалъ всѣхъ дѣйствовать противъ ненавистнаго врага, обѣщая усерднымъ богатыя награды. «Въ нынѣшній годъ, писалъ онъ [1]), прибыли мы съ досягающими до небесъ знаменами подъ Эривань, для искорененія невѣрныхъ русскихъ, и наши храбрые воины, поражая и низвергая ихъ на землю, попирали яко листья, падающіе съ деревъ.»

Далѣе благодарилъ всѣхъ за усердное сопротивленіе Россіи; поощрялъ къ дальнѣйшему дѣйствію, обѣщая за то награды, и объявлялъ, что къ наврузу придетъ «съ несмѣтною силою, и

[1]) Кабардинскимъ владѣльцамъ, мулламъ и народамъ: кабардинскому, чеченскому, карталинскому, тагаурскому и жителямъ Арагвы.

гласъ воинскихъ трубъ его» услышатъ въ Грузіи, въ Кизлярѣ, Астрахани и другихъ мѣстностяхъ [1]).

Такъ писалъ Баба-ханъ, у котораго пѣхота, не имѣя замковъ у ружей, стрѣляла изъ нихъ фитилями; кавалерія была въ плохомъ состояніи и всѣ вообще войска не имѣли провіанта [2]).

Князья, выбѣжавшіе изъ персидскаго плѣна, объявили князю Циціанову, что въ Тегеранъ прибыли посланные отъ кабардинскихъ владѣльцевъ съ письмами къ Баба-хану.

Властитель Персіи принялъ ласково посланныхъ, говорилъ, что хочетъ послать сына своего напасть на Ганжу (Елисаветполь) и что самъ въ августѣ мѣсяцѣ непремѣнно будетъ въ Тифлисѣ. Онъ спрашивалъ прибывшихъ къ нему, довольны ли грузины русскимъ правленіемъ? и получивъ отъ нихъ отрицательный отвѣтъ, обѣщалъ освободить ихъ отъ власти Россіи. Царевичъ Александръ, съ своей стороны, просилъ посланныхъ, чтобы они, проѣзжая мимо горскихъ народовъ, уговаривали ихъ сопротивляться всѣми силами, за что и обѣщалъ имъ, именемъ Баба-хана, большое награжденіе. Онъ увѣрялъ, что Шейхъ-Али-ханъ дербентскій и Мустафа-ханъ шемахинскій будутъ также вмѣстѣ съ Баба-ханомъ дѣйствовать противъ Россіи [3]).

Узнавши объ отправленіи кабардинцами депутатовъ въ Персію, главнокомандующій приказалъ немедленно разставить секретные караулы, для поимки посланцевъ на возвратномъ ихъ пути. Шамхалъ тарковскій предупредилъ желаніе князя Циціанова и захватилъ кабардинскаго узденя Окова, его слугу Уруша, грузинскаго дворянина Ивана Антонова и Андреевской деревни узденя Юсуфа съ 36-ю возмутительными письмами отъ Баба-хана, сына его, царевича Александра и разныхъ персидскихъ чиновниковъ, къ князьямъ и народамъ Кавказской линіи. Шамхалъ отослалъ письма, а потомъ и людей къ кизлярскому коменданту, откуда они были препровождены сначала въ Георгіевскъ, а потомъ въ крѣпость св. Димитрія [4]).

---

[1]) Рапортъ князя Циціанова Государю Императору 29-го января 1805 года и семь фирмановъ Баба-хана.

[2]) Показаніе узденя Юсупа, бывшаго въ лагерѣ Баба-хана. Георгіевскій Воен. Архивъ.

[3]) Показанія посланныхъ.

[4]) Рапортъ Глазенапа князю Циціанову отъ 22-го іюля 1805 года.

Съ обнаруженіемъ переписки кабардинцевъ съ персидскимъ правительствомъ князь Циціановъ понялъ истинную причину безпрерывныхъ безпокойствъ и набѣговъ народовъ кавказскихъ на линію, что до тѣхъ поръ онъ относилъ къ злоупотребленіямъ чиновниковъ и слабости тамошнихъ войскъ. Изъ захваченныхъ писемъ видно было, что Баба-ханъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобы вооружить противъ русскихъ всѣ народы отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Онъ писалъ кабардинскимъ владѣльцамъ, что намѣренъ избавить отъ притѣсненій русскихъ не только Ганжу (Елисаветполь) и Тифлисъ, но надѣется добраться до Кизляра и Астрахани. Онъ просилъ ихъ собраться со своими войсками на то мѣсто, которое будетъ имъ назначено.

«Я, шахъ персидскій, писалъ онъ, объявляю вамъ, что Россія заняла Грузію насильственнымъ образомъ. Сей проклятый русскій народъ надѣлалъ нашимъ правовѣрнымъ много разоренія и обидъ. Теперь я своего сына Аббасъ-Мирзу съ 50,000 исправныхъ войскъ послалъ въ Грузію, а за нимъ со 100,000 войскъ и 400 пушекъ я и самъ туда же отправляюсь, и всѣхъ россіянъ изъ Грузіи выгоню, вырѣжу и истреблю до послѣдняго, а вамъ, какъ правовѣрнымъ, указомъ симъ повелѣваю, когда вы услышите о моемъ приходѣ съ войсками въ Грузію, старайтесь, соединясь всѣми силами своими, нападать на русскихъ, истреблять и разорять до основанія.»

Воззванія властителя Персіи не достигали до своего назначенія и, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, не могли произвести желаннаго дѣйствія. Шамхалъ тарковскій, получа фирманъ шаха, именемъ вѣры возбуждающій къ содѣйствію Персіи противъ русскихъ, представилъ его Циціанову. Селимъ-ханъ шекинскій то же сдѣлалъ съ письмомъ Шейхъ-Али-хана кубинскаго и дербентскаго, подстрекающимъ его вооружиться на изгнаніе русскихъ изъ Закавказья; наконецъ, Ибраимъ-ханъ карабагскій, въ то время, когда полчища персидскія приближались къ его владѣніямъ, отвергъ послѣдній фирманъ шаха, въ которомъ онъ, убѣждая хана покориться своей силѣ, доказывалъ ничтожество русскихъ.

«Ты разумный, писалъ Баба-ханъ, и опытный человѣкъ знаешь, что вступленіе невѣрныхъ русскихъ въ Персію уподоб-

*

ляется тому, какъ рисовать на водѣ. Хотя бы самъ русскій Государь вступилъ въ Персію и тогда не могъ бы ничего получить кромѣ убытка, а тѣмъ болѣе малые русскіе торгующіе рыбою [1]), въ состояніи ли завладѣть хотя однимъ изъ персидскихъ владѣній? Причина же пребыванія нѣсколько лѣтъ русскихъ въ Грузіи первая то, что царь Георгій грузинскій, по глупости и безсилію своему, привелъ русскихъ въ Грузію; вторая же, что тогда мы находились въ Хоросани, для наказанія обширной Хоросанской земли, и по сей-то причинѣ невѣрные русскіе могли остаться въ Грузіи. Теперь намѣрены мы прогнать ихъ, наказать и завладѣть Грузіею и перебить тамъ малое число войска невѣрныхъ русскихъ, что и будетъ очень легко. Божіею милостію, за каждое зерно хлѣба, кое съѣли они, сожжется каждое владѣніе изъ ихъ земель, отъ огня жестокости нашего монаршества и кровь оныхъ невѣрныхъ будетъ рѣкою въ землѣ ихъ [2]).»

Баба-ханъ писалъ, что если въ прошломъ году, будучи вовсе не приготовленъ къ военнымъ дѣйствіямъ, онъ жестоко наказалъ русскихъ подъ Эриванью, то теперь, лишь только его многочисленное войско, подойдя къ рѣкѣ Араксу, расположится тамъ лагеремъ, онъ не сомнѣвается, что князь Циціановъ «уѣдетъ въ мерзкую землю свою.»

Еще въ началѣ апрѣля главноуправляющій достовѣрно узналъ, что въ Тавризѣ собирается многочисленное персидское войско, а потому передвинулъ два баталіона Тифлисскаго полка изъ Сомхетіи въ Елисаветполь [3]). Баталіоны эти назначались, какъ для усиленія тамошняго гарнизона, такъ и для занятія самой крѣпости въ томъ случаѣ, если бы 17-й егерскій полкъ, тамъ находившійся, пришлось раздѣлить на гарнизоны для занятія двухъ вновь пріобрѣтенныхъ ханствъ.

Политическія обстоятельства Европы были причиною того, что князь Циціановъ не могъ получить никакого подкрѣпленія изъ

---

[1]) Русскіе промышленники съ давнихъ временъ снимали на откупъ рыбныя ловли по всѣмъ мѣстамъ Каспійскаго моря, а потому Баба-ханъ и называлъ всѣхъ русскихъ рыбаками.

[2]) Переводъ фирмана карабагскому владѣльцу. Т. А. К. Н.

[3]) Донесеніе князя Циціанова Государю Императору 16-го апрѣля 1805 года.

Россіи, а боевыя силы, которыми онъ самъ располагалъ, были весьма незначительны и не превышали 6,810 человѣкъ пѣхоты и 1,400 человѣкъ кавалеріи [1]).

Съ столь ограниченнымъ числомъ войскъ приходилось сохранять внутреннее спокойствіе во вновь пріобрѣтенныхъ провинціяхъ и въ то же время оберегать тѣ же провинціи отъ вторженій персіянъ. Для защиты края еще могло быть достаточно войскъ, находившихся въ Закавказьѣ, въ томъ случаѣ, если-бъ полки были комплектны, но съ мая до самаго сентября полноводіе Терека прерывало всякое сообщеніе и было причиною того, что въ полкахъ (кромѣ Бѣлевскаго) образовался недостатокъ въ 2,554 человѣка, не считая 667 больныхъ, бывшихъ по разнымъ госпиталямъ.

Главная причина значительной убыли и болѣзненности въ войскахъ Кавказскаго корпуса была въ расквартированіи. Вся почти Грузія жила въ небольшихъ землянкахъ, съ отверстіемъ

---

[1]) Въ маѣ 1805 года въ войскахъ, находящихся въ Грузіи, состояло:

	По списку.						На лицо.					
	Шт.-оф.	Об.-оф.	Ун.-оф.	Музык.	Рядов.	Нестр.	Шт.-оф.	Об.-оф.	Ун.-оф.	Музык.	Рядов.	Нестр.
Кавказ. гренад. (3 батал.)	9	47	114	53	807	110	6	22	77	50	548	87
Бѣлев. мушкет. (3 батал.)	7	49	115	56	1,242	106	5	44	103	56	1,002	74
Кабард. » (3 батал.)	7	52	120	54	1,090	130	6	40	93	45	799	104
Тифлис. » (3 батал.)	7	45	90	22	1,022	90	7	35	79	21	774	81
Севастоп. » (3 батал.)	7	50	111	45	1,095	110	5	44	90	44	910	104
Саратов. » (3 батал.)	7	42	104	46	855	105	4	27	88	43	602	84
9-го егерскаго (3 батал,)	5	41	101	29	964	176	3	32	95	29	813	169
15-го » (3 батал.)	4	39	104	30	612	108	3	29	86	29	406	99
17-го » (3 батал.)	7	40	94	29	991	128	3	13	44	9	201	81
Итого 27 бат.	60	405	953	364	8,678	1,063	42	286	755	326	6,055	883
Нарв. драг. (5-й эскадр.)	5	35	70	16	557	66	4	25	57	15	485	59
Донскихъ полковъ.			Урядн.	Писар.	Казак.			Урядн.	Писар.	Казак.		
Полков. Сидорова 1-го . .	1	9	15	1	630	—	1	6	8	1	217	—
» Ребрикова 2-го. .	1	9	11	1	534	—	1	7	4	1	290	—
Войск. старш. Ежова 1-го	1	12	13	1	527	—	1	3	—	1	36	—
» » Агѣева 2-го	1	10	10	1	533	—	1	5	2	1	154	—
Есаула Кандрашева. . . .	—	6	6	1	369	—	—	4	2	1	48	—
Линейныхъ командъ . . .	—	6	7	—	144	—	—	4	3	—	95	—
Итого.	4	52	62	5	2,637	—	4	29	19	5	840	—

(См. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1—13, 1803—1806 гг., № 9).

вверху, подъ которымъ въ холодное время разводился и поддерживался безпрерывный огонь. Ночью онъ обыкновенно потухалъ, и оттого наши люди, непривыкшіе спать, какъ грузины, въ одеждѣ, простуживались, получали горячки, лихорадки и поносы. Лечить больныхъ въ землянкахъ было весьма трудно, а лазаретовъ и казармъ построить не было возможности, по бѣдности обывателей.

Изъ этого видно, что положеніе главнокомандующаго было далеко неблестящее. Рекруты, и то малая часть, были приведены только въ іюнѣ мѣсяцѣ; испорченную артиллерію чинить было негдѣ, и лошадей у нея почти не было, а тѣ, которыя и были присланы, «то полумертвыя».

«Со времени моего прибытія къ начальствованію въ здѣшній край, доносилъ князь Цицiановъ [1]), три года я артиллеріи не имѣю ни въ ея видѣ, ни въ ея дѣйствіи, и наконецъ, прошлаго года осенью, прибыла вся назначенная сюда съ баталіономъ, но за чѣмъ? затѣмъ, чтобъ чинить ее, чтобъ къ весенней кампаніи не поспѣть, и единственно отъ недостатка въ мастеровыхъ; ибо по старому штату положенныхъ сѣдельниковъ, въ ротѣ въ большомъ количествѣ находящихся, велѣно переименовать плотниками; шорами у всѣхъ лошадей шеи стерты и въ упряжь послѣ ста верстъ не годятся, хомутовъ нѣтъ. Какая это организація? и буде по теоріи хороша, то смѣло дерзаю сказать, что по практикѣ вредна для службы вашего императорскаго величества, и не могу утаить о томъ по долгу званія моего. Лошадей нѣтъ, или всегда въ нечистотѣ, ремонты приводятся весьма молодые; а здѣсь недостатокъ въ ячменѣ и произвесть его невозможно по неспокойствію Грузіи; слѣдовательно, нужны сносныя лошади, кои бы на подножномъ корму ходили и въ глубокую осень, производящую прекрасную отаву въ полуденномъ краѣ Грузіи.

«Баталіонъ имѣетъ 48 орудій, двѣ роты батарейныя и двѣ роты легкія. Когда же здѣсь восемь полковъ, когда каждый полкъ долженъ имѣть шесть орудій, то не всѣ ли сорокъ восемь орудій будутъ въ расходѣ; гдѣ же по новой теоретической организаціи

[1]) Всеподд. донесеніе отъ « » октября 1805 года. Арх. Главн. Штаба.

батарейныя орудія и роты, чѣмъ наглаго непріятеля бить? въ какой арміи одни баталіонныя орудія составляютъ силу арміи? Артиллерія, какъ вашему императорскому величеству небезъизвѣстно, была вымышлена для спасенія рода человѣческаго и чтобъ рукопашнымъ боемъ менѣе его терять.»

Ощущая недостатокъ въ артиллеріи, князь Циціановъ писалъ нѣсколько разъ о томъ инспектору всей артиллеріи, графу Аракчееву и частному инспектору кавказской артиллеріи генералъ-лейтенанту Капцевичу, но «письменныхъ обѣщаній было много отъ обоихъ, а лошади стали подходить тогда, когда мосты были уже сорваны, не смотря на то, что это случилось гораздо позже, чѣмъ въ прежніе годы, и именно въ половинѣ мая.»

Всѣ эти неустройства дозволяли князю Циціанову собрать отрядъ только въ 1,200 человѣкъ съ 9-ю орудіями, причемъ главнокомандующій сознавалъ, что съ такою горстью людей онъ долженъ выступить противу 40,000-ой персидской арміи, состоявшей по преимуществу изъ кавалеріи [1]). Конечно, князю Циціанову трудно было надѣяться на успѣхъ, и онъ, утѣшая себя мыслію, что Баба-ханъ не рѣшится дѣйствовать наступательно, предполагалъ, что вооруженіе персіянъ происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ осторожности на случай непріязненныхъ дѣйствій со стороны Россіи. Но если бы персіяне дѣйствительно подошли къ границамъ съ намѣреніемъ вторгнуться въ наши предѣлы, тогда главнокомандующій намѣренъ былъ направить каспійскую флотилію къ персидскимъ берегамъ и сдѣлать дессантъ въ Энзели или Рештѣ, съ цѣлью отвлечь вниманіе и силы Баба-хана на защиту приморскихъ своихъ провинцій. Различныя обстоятельства помѣшали нашей флотиліи во-время выдти въ море, и вслѣдствіе поздняго выступленія она не выполнила главнѣйшаго своего предназначенія — отвлечь вниманіе и силы Баба-хана отъ Аракса. До ея появленія въ Энзеляхъ, персіяне уже выступили изъ Тегерана двумя сильными отрядами. Одинъ, подъ личнымъ начальствомъ Баба-хана, приближался къ Тавризу; другой, подъ командою сына

[1]) Кн. Циціановъ кн. Чарторижскому 10-го іюля 1805 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 2036.

его Аббасъ-Мирзы, двинулся къ Карабагу и остановился у Карадага. Отсюда онъ отдѣлилъ также два отряда: одинъ подъ начальствомъ Пиръ-Кули-хана, былъ отправленъ по дорогѣ къ Худоаферинскому мосту [1]), на рѣкѣ Араксѣ, а другой посланъ въ Эривань, гдѣ довѣрчивый Мамедъ-ханъ, дозволившій персіянамъ занять крѣпость, былъ свергнутъ съ ханства и со всѣмъ семействомъ отправленъ въ лагерь Баба-хана.

Появленіе непріятеля вблизи нашихъ границъ дѣлало очевиднымъ, что персіяне намѣрены сами дѣйствовать наступательно и что враждебное столкновеніе между двумя державами было неизбѣжно. Не смотря на то, что князь Циціановъ имѣлъ повелѣніе Императора Александра уклоняться отъ военныхъ дѣйствій съ персіянами, главнокомандующій не могъ избѣжать этого. Начавши въ 1804 году по неволѣ войну съ персіянами, мы могли прекратить ее только двумя способами: или путемъ мирныхъ переговоровъ, или рядомъ пораженій, могущихъ довести противника до изнеможенія и до невозможности продолжать военныя дѣйствія. При тогдашнихъ средствахъ, князь Циціановъ не могъ достигнуть ни того, ни другаго. Онъ не имѣлъ возможности не только довести непріятеля до изнеможенія, но и дѣйствовать наступательно: разсчитывать же на возможность мирныхъ переговоровъ было болѣе чѣмъ сомнительно. Баба-ханъ, добиваясь шахскаго достоинства, не могъ согласиться, чтобы въ сношеніяхъ съ нимъ и въ мирномъ трактатѣ, называли его *сардаремъ* или *ханомъ*, а наше правительство не имѣло причины усиливать его приданіемъ *шахскаго титула*. Князю Циціанову не оставалось ничего болѣе, какъ принимать мѣры противъ наступающаго противника и выжидать случая, когда онъ будетъ въ состояніи самъ нанести ему пораженіе.

Судя по направленію движенія персіянъ, можно было безошибочно предположить, что первый ударъ ихъ будетъ на Карабагъ, служившій для насъ воротами въ Адербейджанъ, и что потому Баба-ханъ будетъ стараться силою или хитростію возвратить потерянное имъ Карабагское ханство. Поэтому, рѣшаясь дѣйствовать оборонительно, князь Циціановъ стянулъ небольшія силы, которыми

---

[1]) Худо-Афери въ переводѣ значитъ: Богомъ созданный.

могъ располагать, въ Елисаветполь и Памбаки и отправилъ для занятія Шушинской крѣпости шесть ротъ 17-го егерскаго полка [1]), съ тремя орудіями и 30-ю казаками, подъ начальствомъ маіора Лисаневича.

Добровольная сдача Шушинской крѣпости русскимъ войскамъ, численность которыхъ, впрочемъ, не превышала 300 человѣкъ, не нравилась ни персіянамъ, ни царевичу Александру. Послѣдній удивлялся и недоумѣвалъ, какимъ образомъ Ибраимъ, пользовавшійся уваженіемъ и милостями шаха, добровольно покорился русскимъ, отъ которыхъ, по мнѣнію царевича, «ничего ожидать не можно, кромѣ убытка и стыда.»

«По какой причинѣ, спрашивалъ царевичъ карабагскаго хана, выдаете вы владѣніе и усиливаете ихъ (русскихъ), ибо понынѣ никто отъ соединенія съ ними не получилъ никакой пользы.» Александръ просилъ Ибраима выгнать русскихъ изъ крѣпости, что, по его словамъ, было легко сдѣлать, но на дѣлѣ карабагскій ханъ находилъ это нѣсколько затруднительнымъ.

Отправляя маіора Лисаневича въ Шушинскую крѣпость, князь Циціановъ поручилъ ему охранять Карабагское ханство отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Во время пребыванія своего въ Карабагѣ Лисаневичъ долженъ былъ слѣдить за поведеніемъ хана, устранять его отъ сношеній съ ханами, намъ непокорными, и отъ всякой переписки съ Баба-ханомъ, поддерживать согласіе между ханомъ и его братьями и уговорить Ибраима провести дорогу отъ Шушинской крѣпости до Елисаветполя, удобную для проѣзда арбъ. Продовольствіе для отряда Лисаневича должно быть заготовлено карабагскимъ ханомъ и не менѣе какъ на три мѣсяца. Главнокомандующій приказалъ принимать его въ зернѣ, а не мукою, потому что «неблагонамѣренные татары, писалъ онъ, могутъ ко вреду салдатскаго здоровья молоть муку съ сѣменами хлопчатой бумаги, какъ то было съ войсками покойнаго Фетъ-Али-хана кубинскаго, отъ шемахинскихъ и ширванскихъ жителей.» Въ случаѣ приближенія непріятеля къ границамъ Карабага, Лисаневичу предписано стараться разбить его, разсѣять и устроить нападеніе такимъ

[1]) Впослѣдствіи Эриванскій Карабинерный полкъ.

образомъ, чтобы нанести персіянамъ чувствительный уронъ и заставить ихъ не приближаться къ Араксу.

«Въ подобныхъ случаяхъ, писалъ князь Циціановъ, ничто такъ не дѣйствительно, какъ сюрпризы: напримѣръ, посадя пѣхоту на карабагскую конницу, ночью сдѣлать большой переходъ, послѣ спѣшивъ, дѣйствовать.»

Переходить Араксъ Лисаневичу было запрещено и допускалось только при полной увѣренности въ томъ, что онъ можетъ нанести значительный вредъ непріятелю. Съ полученіемъ извѣстія о появленіи отряда Пиръ-Кули-хана близъ Худо-аферинскаго моста, главнокомандующій, для поддержанія маіора Лисаневича, отправилъ полковника Карягина съ баталіономъ егерей, численность котораго не превышала 400 человѣкъ, при двухъ орудіяхъ. Въ случаѣ же опасности, князь Циціановъ, для подкрѣпленія этихъ отрядовъ, готовъ былъ и самъ выступить съ двумя некомплектными баталіонами Тифлисскаго полка, оставя третій баталіонъ для защиты Елисаветполя. Оба отряда Лисаневича и Карягина имѣли не болѣе 700 штыковъ, да у генерала Несвѣтаева въ Памбакахъ были Саратовскій полкъ и одинъ баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка, также некомплектные. Вотъ все, что Циціановъ могъ противопоставить многочисленнымъ полчищамъ персидскаго владѣтеля.

Худо-аферинскій мостъ, устроенный на 14 аркахъ, имѣлъ одну изломанную, такъ что для безопасной по немъ переправы необходимо было ее исправить. Поэтому князь Циціановъ полагалъ, что Лисаневичъ, стоявшій не далѣе четырехъ часовъ хода отъ мѣста расположенія Пиръ-Кули-хана, затруднитъ ему починку моста и переправу черезъ рѣку; но Пиръ-Кули-ханъ, съ отрядомъ изъ 10,000 персіянъ переправившись черезъ Араксъ въ разныхъ мѣстахъ вбродъ, миновалъ Худо-аферинскій мостъ, у котораго стоялъ маіоръ Лисаневичъ.

По слѣдамъ Пиръ-Кули-хана двинулся и Аббасъ-Мирза со своими войсками.

Въ ночь съ 10-го на 11-е іюля персіяне потянулись по средней дорогѣ, ведущей къ нижнимъ жибраильскимъ садамъ. Получивъ свѣдѣніе отъ карабагскихъ карауловъ, расположенныхъ по Араксу, о движеніи непріятеля, Лисаневичъ тотчасъ двинулся ему на встрѣчу.

Пройдя версты три, отрядъ нашъ открылъ непріятеля, слѣдовавшаго семью отдѣльными отрядами. Замѣтивъ приближеніе русскихъ войскъ персіяне быстро свернули съ дороги и съ крикомъ бросились на наши каре. Атака ихъ была столь стремительна, что въ запальчивости они выдержали артиллерійскій огонь, но, подойдя на ружейный выстрѣлъ, смѣшались и начали отступать. Лисаневичъ тотчасъ же перешелъ въ наступленіе. Персіяне отступали до близлежащихъ высотъ, утвердившись на которыхъ, пытались снова атаковать Лисаневича, но, отбитые, подверглись преслѣдованію казаковъ и шушинской конницы, состоявшей не болѣе какъ изъ ста человѣкъ, подъ начальствомъ сына Ибраимъ-хана карабагскаго [1]).

12-го іюня Лисаневичъ узналъ, что разбитый непріятель переправился назадъ за Араксъ и что онъ получилъ новое подкрѣпленіе.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакой кавалеріи, кромѣ небольшаго числа казаковъ и карабагской конницы, слишкомъ недостаточной, для того, чтобы воспрепятствовать новой переправѣ персіянъ, Лисаневичъ оставилъ Жибраилъ и отступилъ въ Шушинскую крѣпость. Къ этому отступленію его еще болѣе понудило и то, что карабагскій ханъ просилъ какъ можно скорѣе занять крѣпость русскими войсками, для удержанія отъ побѣга жителей, испуганныхъ слухами о нашествіи персіянъ и возбуждаемыхъ къ бунту противъ хана сыномъ и двоюроднымъ его братомъ [2]). «Въ самой Шушѣ, доносилъ Лисаневичъ, исключая хана и его дома всѣ привержены къ персіянамъ и ихъ удерживаетъ только открыто пристать къ персіянамъ нахожденіе тамъ ввѣреннаго мнѣ отряда [3]).

Еще прежде, когда получено было первое извѣстіе о томъ, что персидскія войска, подъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы, прибыли въ Карадагъ, карабагскій ханъ просилъ князя Цеціанова прислать въ

---

[1]) Рапорты Лисаневича кн. Цеціанову 12-го іюня 1805 г., № 9. Т. А. К. Н. Книга донесеній за августъ, № 283.

[2]) Донесеніе кн. Цеціанова Государю Императору 18-го іюня. Рап. Лисаневича кн. Цеціанову 15-го іюня, № 10.

[3]) Рап. Лисаневича кн. Цеціанову 24-го іюня. Тиф. Арх., книга № 237.

помощь нѣсколько войскъ. Главноуправляющій въ отвѣтъ на это требовалъ, чтобы ханъ прислалъ своего внука въ аманаты, «безъ чего, сколько я ни увѣренъ въ вашей вѣрности, писалъ князь Ціціановъ [1]), вижу ясно, что многіе въ вашемъ владѣніи преданы Баба-хану, а вы или не знаете, или не хотите знать, какъ видно желая двумъ угодить, не надѣясь на нашу силу.» Ханъ медлилъ отправкою аманата, но просилъ по-прежнему помощи. Онъ ссылался на то, что внукъ его уже выѣхалъ было къ князю Ціціанову, но долженъ былъ возвратиться потому, что всѣ дороги пересѣчены персидскими войсками. Князь Ціціановъ просилъ его позаботиться выполненіемъ даннаго слова и не употреблять персидскихъ отговорокъ.

То же или почти то же было и съ шекинскимъ ханомъ. Приближеніе персіянъ навело на него безотчетный страхъ. Онъ просилъ о помощи, считалъ недостаточнымъ того числа русскихъ войскъ, которыя находились въ его ханствѣ, просилъ прислать новыхъ, но провіанта и продовольствія не доставлялъ даже и тѣмъ, которыя у него были. Имѣя весьма незначительное число войскъ, князь Ціціановъ не могъ отдѣлить отъ себя новаго отряда въ Шекинское ханство, а просилъ хана увѣриться въ непобѣдимости войскъ, бывшихъ у него, въ ихъ достаточности и позаботиться только о заготовленіи провіанта и казармъ. Селимъ-ханъ искалъ тогда поддержки у лезгинъ и ввѣрилъ имъ охраненіе своей особы. Съ начальникомъ русскаго отряда онъ сдѣлался холоденъ, и на всѣ его требованія отвѣчалъ отказомъ. Князь Ціціановъ грозилъ хану выводомъ русскихъ войскъ изъ Шекинскаго ханства, и предоставленіемъ его Мустафѣ-хану ширванскому, который держалъ у себя слѣпаго его брата собственно только для того, чтобы волновать шекинцевъ и при первомъ удобномъ случаѣ свергнуть своего непримиримаго врага Селима.

Послѣдній сталъ двуличничать; онъ клялся въ вѣрности Россіи, но не соглашался впустить русскія войска въ свою резиденцію, городъ Нуху, и въ то же время принималъ очень ласково персіянъ, присланныхъ съ фирманами повелителя Персіи. Боязнь,

---

[1]) Письмо кн. Ціціанова отъ 13-го іюня, № 380.

чтобы русскіе не овладѣли Нухою, чтобы не возсталъ противу него народъ и, наконецъ, страхъ отъ нашествія персіянъ—все это вмѣстѣ дѣлали поведеніе Селима лихорадочнымъ, перемѣнчивымъ.

Въ шекинскомъ владѣніи появились посланные Баба-хана и Аббасъ-мирзы, безпрепятственно возмущавшіе народъ. Селимъ не только не задерживалъ ихъ, но если хану заявлялось съ нашей стороны требованіе о выдачѣ посланныхъ, то онъ самъ содѣйствовалъ побѣгу ихъ къ лезгинамъ. Главнокомандующій, упрекая хана въ измѣнѣ, обѣщалъ донести о поступкахъ его русскому Императору, и требовалъ выдачи всѣхъ посланныхъ отъ Аббасъ-мирзы, царевича Александра и отъ другихъ лицъ.

Пока князь Цицiановъ переписывался къ карабагскимъ и шекинскимъ ханами, персіяне, ворвавшись въ Карабагъ, жгли поля, засѣянныя хлѣбомъ, и истребляли селенія, превращая плодоносную провинцію въ пустыню. Слухъ о томъ, что самъ Баба-ханъ со всѣми своими войсками идетъ по слѣдамъ сына, еще болѣе увеличивалъ страхъ жителей. Князь Цицiановъ послалъ повелѣніе къ маіору Лисаневичу идти къ крѣпости Аскарани, гдѣ непріятель расположился лагеремъ, и тамъ соединившись съ выступившимъ изъ Елисаветполя полковникомъ Карягинымъ, препятствовать дальнѣйшему стремленію Пиръ-Кули-хана [1]), угрожавшаго теперь вторженіемъ въ Елисаветпольскій округъ.

Главнокомандующій предлагалъ также и карабагскому хану оставить въ Шушинской крѣпости только 100 человѣкъ нашего войска, а со всѣми остальными войсками отряда Лисаневича и карабагскою конницею двинуться на соединеніе съ отрядомъ полковника Карягина. Ханъ не исполнилъ этого и даже не приготовилъ провіанта для отряда Карягина. Отговариваясь тѣмъ, что не могъ идти съ отрядомъ Лисаневича, потому что боялся оставить крѣпость, опасаясь возмущенія армянъ и татаръ, Ибраимъ ограничивался только тѣмъ, что снова просилъ о помощи.

«Какъ же вы хотите, писалъ князь Цицiановъ [2]), чтобы я самъ шелъ съ войсками и дрался бы съ персіянами за васъ, когда

---

[1]) Предписаніе Лисаневичу 19-го іюня 1805 г., № 424.
[2]) Письмо кн. Цицiанова карабагскому хану отъ 23-го іюня 1805 г.

вы ни малѣйше съ своей стороны не содѣйствуете россійскимъ войскамъ.... Я же, пославъ войска для защищенія владѣнія вашего, никогда не воображалъ, чтобы по уходѣ оныхъ ваши воины сдѣлались женоподобными и чтобы ваше высокостепенство, сидя спокойно, ни въ чемъ для собственной вашей пользы не содѣйствовали.»

«Неужели вы, карабагскіе армяне, писалъ князь Цицiановъ въ прокламаціи къ жителямъ [1]), доселѣ славившіеся своею храбростью, перемѣнились, когда владѣтельный вашъ ханъ карабагскій вступилъ въ вѣчное подданство Россійской Имперіи. Вы нынѣ храбрѣе долженствовали бы быть, надѣясь на могущество императорскихъ силъ; но вы сдѣлались женоподобными и похожими на другихъ армянъ, занимающихся только торговыми промыслами.»

Князь Цицiановъ хвалилъ прежнюю храбрость армянъ и призывалъ ихъ, соединившись съ нашими войсками, дѣйствовать противу персіянъ, посягающихъ на разореніе карабагскаго владѣнія и на похищеніе имущества каждаго изъ жителей.

«Опомнитесь! говорилъ главнокомандующій, воспріймите прежнюю свою храбрость, будьте готовы къ побѣдамъ и покажите, что вы и теперь тѣ же храбрые карабагскіе армяне, какъ были прежде страхомъ для персидской конницы.»

21-го іюня полковникъ Карягинъ выступилъ къ Аскарани съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ 16-го егерскаго полка, при двухъ орудіяхъ. Едва онъ достигъ рѣчки Шахъ-Булага, какъ 24-го іюня показались непріятельскіе разъѣзды, а потомъ толпа персіянъ, простиравшаяся до 3,000 человѣкъ. Атакованный непріятелемъ, Карягинъ въ теченіе шести часовъ мужественно пробивался впередъ и, пройдя четырнадцать верстъ подъ сильнымъ огнемъ персіянъ, онъ только вечеромъ прибылъ къ рѣчкѣ Аскарани, гдѣ и расположился лагеремъ на татарскомъ кладбищѣ, бывшемъ на курганѣ при урочищѣ Кара-агачъ-баба.

Въ 4-хъ верстахъ отъ него, при рѣчкѣ Ханачинѣ, стоялъ Пиръ-Кули-ханъ съ 10,000 войска [2]). Знойный день и безпре-

---

[1]) Прокламація 19-го іюня 1805 г.

[2]) Рап. Карягина кн. Цицiанову 26-го іюня 1805 г.

рывный бой утомили малочисленный отрядъ Карягина, но едва только солдаты успѣли разбить палатки на берегу рѣки Аскарани, какъ въ шесть часовъ вечера Пиръ-Кули-ханъ стремительно атаковалъ Карягина всею своею силою. Каре мужественно встрѣтило атаку и отбросило непріятеля. Въ продолженіе трехъ часовъ персіяне безпрестанно дѣлали отчаянные напоры то пѣхотою, то конницею, но русскіе стояли непоколебимо, и только наступившія сумерки прекратили настойчивые удары непріятеля. Расположась на мѣстѣ сраженія, Пиръ-Кули-ханъ всю ночь устраивалъ батареи съ весьма сильными прикрытіями и, нанося ими значительный вредъ отряду Карягина, отнялъ воду, которую нашимъ солдатамъ приходилось добывать съ величайшимъ затрудненіемъ. Съ своей стороны Карягинъ также не оставался празднымъ зрителемъ. Онъ обнесъ свой лагерь четырехфаснымъ вагенбургомъ, успѣлъ вырыть довольно глубокій ровъ, насыпать валъ и занять стрѣлками находившуюся въ заднемъ фасѣ мечеть.

«Пренебрегая многочисленностью персіянъ, доносилъ Карягинъ князю Циціанову, и блокадою ихъ, проложилъ бы я штыками путь къ Шушѣ и соединился бы съ маіоромъ Лисаневичемъ, но великое число раненыхъ людей, коихъ, по множеству убитыхъ лошадей, поднять нѣтъ средства, дѣлаетъ сіе невозможнымъ, какъ равно и движеніе куда либо въ сего мѣста.»

Дѣйствительно, половина отряда уничтожилась — 33 человѣка было убито и 164 ранено, а лошадей осталось едва достаточно для поднятія одной только артиллеріи. Самъ Карягинъ получилъ двѣ контузіи, одну въ голову, другую въ грудь, и рану пулею въ спину. Маіоръ Котляревскій, знаменитый впослѣдствіи герой Кавказа, былъ также раненъ въ ногу, пулею навылетъ [1]).

Укрѣпясь сколь возможно въ этомъ пунктѣ и не имѣя средствъ двинуться впередъ, Карягинъ отправилъ, 24-го числа, предписаніе маіору Лисаневичу, чтобы онъ старался какъ можно скорѣе соединиться съ нимъ, а карабагскаго хана просилъ прислать ему конницу. Ибраимъ не отвѣчалъ и не присылалъ конницы, а по слухамъ извѣстно было, что большая часть провинціи ему измѣ-

[1]) Рап. Карягина кн. Циціанову 26-го іюня 1805 г. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416 (А). См. также «Закавказскій Вѣстн.», 1845 г., № 13.

нила и съ сыномъ его Абдулъ-Фетъ-агою сражалась, противу русскихъ, въ войскахъ Пиръ-Кули-хана.

Волненіе въ Шушѣ и расположеніе ея жителей къ возстанію удерживали Лисаневича. Онъ видѣлъ, что одно лишь присутствіе русскихъ войскъ въ крѣпости заставляло шушинцевъ оставаться въ повиновеніи и спокойствіи. Опасаясь поголовнаго возстанія, Лисаневичъ не рѣшался оставить Шушу и идти на соединеніе съ Карягинымъ, который въ борьбѣ съ непріятелемъ предоставленъ былъ собственнымъ силамъ. Сознавая, что первый успѣхъ персіянъ значительно ободрилъ ихъ, что уничтоженіе отряда Карягина можетъ имѣть весьма невыгодныя для насъ послѣдствія и гораздо худшія, чѣмъ временное уклоненіе карабагскаго владѣнія отъ подданства Россіи, князь Циціановъ не одобрялъ поведенія маіора Лисаневича.

«Не удивляюсь я тому, писалъ главнокомандующій Лисаневичу, что Ибраимъ-ханъ карабагскій не даетъ содѣйствія своею конницею, но весьма странно мнѣ, что вы остаетесь, какъ прикованный къ крѣпости, въ то время, когда полковникъ Карягинъ находится въ опасности» [1]).

Предоставленный собственнымъ силамъ, Карягинъ четверо сутокъ храбро защищался противъ полчищъ персіянъ, но жажда, голодъ и палящій зной значительно ослабляли отрядъ, потерявшій уже много убитыми и ранеными [2]).

Горсть храбрыхъ воиновъ, одушевляемая геройствомъ такихъ начальниковъ, какими были полковникъ Карягинъ и маіоръ Котляревскій, съ безпримѣрнымъ мужествомъ выдерживала нападенія непріятеля и дѣлала частыя и удачныя вылазки. Въ ночь на 27-е число іюня, когда Пиръ-Кули-ханъ усилилъ батареи по рѣчкѣ Аскарани, сто егерей бросились на укрѣпленія и пять изъ нихъ достались во власть русскихъ.

Взятые въ плѣнъ два человѣка персіянъ объявили, что Аббасъ-Мирза съ своими войсками присоединился къ Пиръ-Кули-хану и приказалъ поставить на устроенныя имъ батареи лучшія свои

---

[1]) Предписаніе маіору Лисаневичу 26-го іюня, № 448. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 833.

[2]) «Кавказъ», 1852 г., № 62.

войска и что наслѣдникъ персидскаго престола, по прибытіи къ нему артиллеріи, предполагаетъ атаковать русскихъ.

Перехваченное письмо отъ Баба-хана убѣждало въ справедливости слуховъ. Аббасъ-Мирза просилъ у отца присылки еще войска, а главное артиллеріи. Отправивъ то и другое, Баба-ханъ писалъ сыну, что его намѣреніе было взять всѣ войска государства, идти на русскихъ и разорять гнѣздо ихъ. «Но, получа ваше ко мнѣ донесеніе, что вы русскихъ крайне притѣснили и ослабили ихъ силы, теперь вамъ повелѣваю, чтобы сегодня непремѣнно жребій русскихъ вы рѣшили. Атакуйте мѣсто защиты русскихъ и разорите ихъ въ прахъ моими храбрыми войсками и пушками. Вы пишите, что для того не нападали на русскихъ, что жалѣли тратить мое государственное войско, но я вамъ скажу, что кто желаетъ вѣрно служить своему государю и отечеству, тотъ долженъ не щадить своей души и крови. Для пользы нашего государства и цѣлаго свѣта никогда такого полезнаго и удобнаго случая можетъ не будетъ, какъ теперь...» [1]).

Не имѣя у себя достаточно людей для того, чтобы защищать отнятыя батареи, Карягинъ приказалъ тотчасъ же разрушить ихъ и приготовился къ встрѣчѣ непріятеля.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Аббасъ-Мирза атаковалъ укрѣпленный лагерь Карягина, но отраженный велѣлъ производить съ окружныхъ батарей сильную канонаду, наносившую, однако же, больше вреда нашимъ лошадямъ и обозу, чѣмъ людямъ.

Въ продолженіе цѣлаго дня персіяне пытались овладѣть лагеремъ, но напрасно: русскіе гибли, но мужественно защищали окопъ. Въ четыре часа пополудни, находившійся въ мечети,—на самомъ важномъ посту, гдѣ только наши могли вредить непріятелю, будучи сами защищены отовсюду,—поручикъ Лисенко, съ тремя унтеръ-офицерами и 33-мя егерями передался непріятелю [2]).

Персіяне, узнавъ отъ дезертировъ о малочисленности отряда Карягина, сдѣлали новое отчаянное нападеніе, но и на этотъ разъ

---

[1]) Переводъ письма. Т. А. Шт. Отд. Кавк. Корп., дѣло № 261.

[2]) Донесеніе Карягина кн.Циціанову 27-го іюня, № 1. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416 (А).

15-ти-тысячное ихъ войско отступило, съ значительнымъ урономъ, отъ горсти русскихъ защитниковъ укрѣпленія.

Въ ночь, послѣ сраженія, бѣжало еще 20 человѣкъ къ персіянамъ. Совершенная безнадежность на помощь, истощеніе силъ отъ четырехдневнаго безпрерывнаго боя, причемъ болѣе половины было раненыхъ и убитыхъ, малое число оставшихся патроновъ и зарядовъ, уныніе отъ побѣговъ, все грозило отряду неминуемою гибелью. Открытое положеніе аскаранскаго лагеря дѣлало дальнѣйшее пребываніе въ немъ невозможнымъ. Среди такого безвыходнаго положенія, «истощивъ, какъ доносилъ полковникъ Карягинъ, всѣ усилія храбрости и мужества, россіянамъ единымъ свойственныя», горсть храбрыхъ рѣшилась на отчаянный подвигъ. Маіоръ Котляревскій предложилъ въ ту же ночь тайно или напроломъ пройти сквозь персидскія войска въ Шахъ-Булахъ, взять приступомъ лежащій тамъ укрѣпленный за̀мокъ, укрѣпиться въ немъ и держаться до послѣдней крайности. Предложеніе это было принято единодушно. Карягинъ собралъ тяжело раненыхъ, зарядилъ орудія картечью, и отрядъ, состоявшій теперь только изъ 150 человѣкъ здоровыхъ и нераненыхъ, выступилъ въ походъ. Солдаты повезли на себѣ орудія; на оставшихся трехъ лошадяхъ ѣхали раненые: Карягинъ, Котляревскій и одинъ офицеръ; прочихъ раненыхъ несли на рукахъ [1]).

Зарывъ въ землю захваченныя непріятельскія орудія и бросивъ на мѣстѣ обозъ, «не сожигая его для того, чтобы тѣмъ занять жаднаго къ грабежу непріятеля на безопасность отступленія», Карягинъ, ночью на 28-е іюня, отступилъ къ крѣпостцѣ Шахъ-Булаху. Непріятель бросился грабить обозъ, и только малая часть его преслѣдовала отступающихъ.

По большой дорогѣ отъ Елисаветполя въ Шушу, при подошвѣ каменистаго пригорка, стоитъ и по сіе время за̀мокъ, обнесенный кругомъ высокою каменною стѣною, съ шестью круглыми башнями. Близъ за̀мка находится ключъ чистой, но не совсѣмъ здоровой воды; ключъ этотъ называется Шахъ-Булахъ (шахскій родникъ), а отъ него и за̀мокъ носитъ то же названіе. За̀мокъ построенъ изъ

[1]) Рапортъ Карягина кн. Циціанову 27-го іюня Воен. Учен. Арх., д. № 2416 (А). См. также показаніе мелика Вани, бывшаго проводникомъ при отрядѣ.

нетесанныхъ камней, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находится дубовый лѣсъ. Преданіе говоритъ, что зàмокъ построенъ шахомъ Надиромъ, по завоеваніи имъ Карабага; впослѣдствіи въ немъ жили карабагскіе ханы.

Крѣпостца Шахъ-Булахъ была занята 150-ю персіянами, а прилегающій къ ней лѣсъ и сады многочисленными ихъ партіями, но, не смотря на сильный огонь непріятеля изъ лѣса и крѣпости, Карягинъ потребовалъ сдачи крѣпости. Персіяне отвергли это предложеніе, и русскіе рѣшились взять ее штурмомъ. Удачный выстрѣлъ ядромъ отворилъ ворота зàмка. Оробѣвшій непріятель бросился со стѣнъ, и 28 персіянъ съ двумя ханами пали подъ штыками штурмовавшихъ [1]). Зàмокъ былъ взятъ, и русскіе заперлись въ немъ.

Съ 24-го по 28-е іюня изъ 400 человѣкъ, составлявшихъ отрядъ, 90 человѣкъ было убито, 54 бѣжавшихъ и 167 раненыхъ. Карягинъ получилъ двѣ контузіи и рану въ спину, маіоръ Котляревскій двѣ раны, пулею въ ногу и картечью въ руку.

Отступленіе отряда Карягина и взятіе Шахъ-Булахской крѣпостцы не измѣнило участи отряда, но лишь только перемѣнило мѣсто поприща его геройскихъ дѣйствій. Абасъ-Мирза шелъ по слѣдамъ Карягина и, окруживъ укрѣпленіе, намѣревался засѣвшихъ въ немъ принудить къ сдачѣ голодомъ. Отрядъ нашъ терпѣлъ величайшій недостатокъ въ продовольствіи, ибо, по взятіи зàмка, въ немъ найдено было весьма немного съѣстныхъ припасовъ, и солдаты принуждены были питаться мясомъ лошадей, найденныхъ въ крѣпости. «Бѣдственное положеніе гарнизона, разсказывалъ потомъ меликъ Вани Арютинъ, бывшій проводникомъ при отрядѣ [2]), возбудило во мнѣ рѣшимость идти въ селеніе Касанетъ, отстоящее отъ Шахъ-Булаха верстахъ въ 20, гдѣ находился мой домъ и гдѣ я надѣялся найти хлѣба. Ночью, вышедши изъ Шахъ-Булаха, я благополучно прошелъ сквозь персидскія войска и достигъ своего жилища. Въ селеніи жителей не было, кромѣ моего отца и брата. Сего послѣдняго я послалъ въ Елисаветполь, дать знать князю

---

[1]) Рап. Карягина кн. Циціанову отъ 28-го іюня 1805 г. См. также «Сѣверн. Пчелу» 1845 г. №№ 99—101.

[2]) Разсказъ мелика Вани. «Тифлисск. Вѣдомости», См. также подвиги рус. воиновъ въ стр. кавк. Зубова, ч. III, 122, Кавк. 1852 г., № 62.

*

Циціанову о положеніи нашего отряда, а самъ принялся съ отцомъ молоть пшеницу и къ ночи напекъ 40 большихъ хлѣбовъ, набралъ чесноку и другихъ овощей и къ разсвѣту все это принесъ въ Шахъ-Булахъ. Карягинъ и Котляревскій раздѣлили этотъ скудный запасъ между солдатами, взявъ для себя порцію, равную съ ними. Удачный опытъ въ доставкѣ мною провіанта побудилъ начальника послать со мною въ слѣдующую ночь одного офицера и 50 человѣкъ солдатъ съ двумя лошадьми, дабы запастись большимъ количествомъ провіанта. Мы вышли изъ крѣпости ночью, прокрались мимо осаждающихъ, не бывъ ими примѣчены, но уже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лагеря персидскаго встрѣтили непріятельскій объѣздъ, который весь истребили, и къ разсвѣту благополучно достигли селенія Касанетъ, гдѣ отецъ мой меликъ Арютинъ уже смололъ остальную муку, изъ которой напекли хлѣбовъ, накормили солдатъ, а остальное количество, положивъ въ мѣшки, отправили въ крѣпость Джирмунъ, въ которой скрывались ханскіе армяне. Въ Джирмунѣ я купилъ у армянъ, за 60 червонцевъ, 12 штукъ рогатаго скота и въ окрестныхъ селеніяхъ отыскалъ нѣсколько вина, фруктовъ, кислаго молока, овощей и два котла; все это, навьючивъ на быковъ, прибылъ ночью съ отрядомъ въ крѣпость. Персіяне не прежде насъ примѣтили, какъ тогда, когда мы были уже у воротъ Шахъ-Булаха.»

Продовольствія этого было весьма недостаточно, отрядъ терпѣлъ попрежнему значительную нужду и недостатокъ въ хлѣбѣ.

Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, Карягинъ не могъ разсчитывать на помощь, потому что посланные съ донесеніями были захватываемы персіянами. Одного изъ нихъ персіяне подвезли къ крѣпости и предлагали освободить, если Карягинъ выдастъ тѣла двухъ убитыхъ хановъ.

— Они будутъ выданы, отвѣчалъ Карягинъ, только тогда, когда будетъ доставленъ ко мнѣ поручикъ Лисенко и всѣ дезертировавшіе съ нимъ нижніе чины.

Видя упрямство Карягина и не надѣясь овладѣть штурмомъ Шахъ-Булахомъ, Аббасъ-Мирза хотѣлъ вступить въ переговоры. Онъ прислалъ Карягину письмо и посланнаго, которому поручилъ спросить: по какой причинѣ русскіе занимаютъ его земли?

— Я долженъ спросить объ этомъ главнокомандующаго, отвѣчалъ Карягинъ, и только тогда могу дать отвѣтъ, когда получу повелѣніе. Такъ какъ мое донесеніе можетъ быть перехвачено персіянами, то если Абассъ-Мирза желаетъ скораго отвѣта, то пусть сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы мой нарочный не былъ задерживаемъ на персидскихъ постахъ.

5-го іюля Аббасъ-Мирза снова прислалъ своего чиновника и фирманъ, повелѣвающій не задерживать русскаго посланнаго [1]). Карягинъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и, отправляя князю Циціанову письмо наслѣдника персидскаго престола, передалъ нарочному особую записку главнокомандующему, писанную на небольшомъ клочкѣ сѣрой бумаги. Она была слѣдующаго содержанія:

«Smeiu dolozyt vaszemu siatelstvu pospeszaytie siuda.—Baba-chan niepremenno boudet v Askaran v poniedielnik i namieren, ostavia dlia ataqui Lisanievicza i moiego otriada voyska, s tritcatiu tysiaczami ittit k Elizavetpolu, czto vierno izvestno iz firmana jego k synou.—Moy otriad ot provianta v kraynosti sovierszennoy.—Czetyri dni oupotriebliali travou, a tepier, kogda ou sileny, po liesu u viezdie piersidskie pikiety, jediat loszadiey.

Abbaz-mirza s voyskami raspolozen niedalieko ot krieposti, i poczytaiet otriad moi svoim, nadiejas i polagaia vierno czto skoro zdamsia.—Ja ze starajus nie dopustit ievo do formalnoy osady tiem tolko, czto togda na vsio mogu jemu otvieczat, kogda poluczu ot vas povelenie.—I iestli vasze siatelstvo nie pospieszyte to otriad mozet pogibnut nie ot zdaczy, k koiey nie pristupliu do posliedney kapli krovi, no ot kraynosti v proviantie, o kotorome skolko nie pisal Lisaneviczu i k Ibragim-chanou, no niczego nie poluczil.

Jescze donoszu czto Ganjincy kazdoy dien piszut k Abbaz-mirzie czto u vas voysk nie bolée szesti sot czeloviek i czto vy s nimi vystupit nikuda niesmiete.—Abbaz-mirza otdielil tri tysiaczy persian k Elizavietpolu.

Vsio sie dostoverno i Rostom okazyvajusczy ot vsiego sierdca viernost, da i interesy ievo togo triebuiut v siem uvieriaet.—Mnie otsiuda

---

[1]) Рап. Карягина кн. Циціанову 5-го іюля 1805 года, № 8.

ni szagu zdielat nielzia, potomu czto nieskolko loszadey izranienych izdochlo, a niekotoryie uze upotrieblieny v pisczu; ludi ze vsie oslabievszy i slovom ja niepodvizen.—I piszu sie dlia togo tak czto iestli chotia i pierechvatiat persianie to nieboudout znat soderzania onago [1]).

Это донесеніе Карягина крайне встревожило князя Циціанова. «Въ отчаяніи неслыханномъ, писалъ ему въ отвѣтъ главнокомандующій, прошу васъ подкрѣплять солдатъ, а Бога прошу подкрѣпить васъ. Если чудесами Божіими какъ нибудь вы получите облегченіе отъ участи вашей, для меня страшной, то постарайтесь меня успокоить, для того, что мое прискорбіе превышаетъ всякое воображеніе. Жаль, что вы съ собою не могли съ прежняго вашего вагенбурга взять больше хлѣба, а то съ нимъ теперь, по мѣстоположенію вашему, и сто Баба-хановъ ничего бы не сдѣлали.»

Послѣ 13-ти-дневной осады Аббасъ-Мирза прислалъ предложеніе русскимъ вступить въ его службу, обѣщая имъ значительныя награды. Предложеніе это было отвергнуто, но заключено перемиріе на четыре дня.

Въ это время, какъ бы для большаго къ себѣ расположенія,

---

[1]) Письмо Карягина кн. Циціанову отъ 5-го іюля 1805 г. Смѣю доложить вашему сіятельству—поспѣшайте сюда. Баба-ханъ непремѣнно будетъ въ Аскаранъ въ понедѣльникъ и намѣренъ оставя для атаки Лисаневича и моего отряда войско, съ тридцатью тысячами идти къ Елисаветполю, что вѣрно извѣстно изъ фирмана его къ сыну. Мой отрядъ отъ провіанта въ крайности совершенной; четыре дня употребляли траву, а теперь, когда у селеній, по лѣсу и вездѣ персидскіе пикеты, ѣдятъ лошадей.

Аббасъ-мирза съ войсками расположенъ не далеко отъ крѣпости и почитаетъ отрядъ мой своимъ, надѣясь и полагая вѣрно, что скоро сдамся. Я же стараюсь не допустить его до формальной осады тѣмъ только, что тогда на все могу ему отвѣчать, когда получу отъ васъ повелѣніе. И если ваше сіятельство не поспѣшите, то отрядъ можетъ погибнуть, не отъ сдачи, къ коей не приступлю до послѣдней капли крови, но отъ крайности въ провіантѣ, о которомъ сколько ни писалъ Лисаневичу и къ Ибраимъ-хану, но ничего не получилъ.

Еще доношу что ганжинцы каждый день пишутъ къ Аббасъ-мирзѣ, что у васъ войскъ не болѣе 600 человѣкъ и что вы съ ними выступить никуда не смѣете. Аббасъ-Мирза отдѣлилъ 3 т. персіянъ къ Елисаветполю.

Все сіе достовѣрно и Ростомъ, оказывающій, отъ всего сердца вѣрность, да и интересы его того требуютъ, въ семъ увѣряетъ. Мнѣ отсюда ни шагу сдѣлать нельзя, потому что нѣсколько лошадей израненыхъ издохло, а нѣкоторыя уже употреблены въ пищу; люди же всѣ ослабѣвши и словомъ я неподвиженъ. И пишу сіе для того такъ, что если хотя перехватятъ персіяне, то не будутъ знать содержанія онаго.

Аббасъ-Мирза прислалъ Карягину разной провизіи и дичи, застрѣленной его руками, а на третій день перемирія сообщилъ, что Ганжа (Елисаветполь) взята персіянами и что русскимъ не остается ничего другаго дѣлать, какъ сдаться. Карягинъ отвѣчалъ, что требованіе Шахъ-Зады будетъ завтра исполнено.

Прошелъ и слѣдующій день, а Карягинъ не сдавался; Аббасъ-Мирза со всею своею силою готовился атаковать отрядъ, изнеможенный голодомъ и отчаянными битвами. Къ довершенію опасности, 7-го іюля полковникъ Карягинъ получилъ вѣрнѣйшее свѣдѣніе, что Баба-ханъ непремѣнно и не позже 9-го числа придетъ къ Шахъ-Булаху съ намѣреніемъ атаковать русскихъ, отнять у нихъ воду и если они не согласятся сдаться, то уморить ихъ съ голоду. Такое неутѣшительное извѣстіе получено было въ то время, когда отрядъ семь дней уже питался травой и лошадинымъ мясомъ, когда Карягинъ нѣсколько разъ просилъ маіора Лисаневича и Ибраимъ-хана прислать провіанту, но не получилъ никакого отвѣта, и когда, наконецъ, посланная въ армянскую деревню команда для покупки провіанта возвратилась обратно, не найдя его. «Sliedovatelno, доносилъ онъ [1]), ataka Babachana privela by otriad v soverszennouu gibel» [2]).

Сознавая всю опасность оставаться въ Шахъ-Булахѣ и выжидать тамъ прибытія новыхъ силъ непріятеля, Карягинъ рѣшился, для спасенія отряда отъ конечной гибели, оставить крѣпость Шахъ-Булахъ и, не смотря на то, что былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ сильными непріятельскими караулами, пробиться въ горы, къ крѣпости Мухрату. «Potcemu, писалъ онъ, prisvav Boga v pomoste i sobrav vsie sily, vistoupil onago ze tczisla v diesiat czasov vieczera» [3]).

Оставивъ тридцать человѣкъ въ Шахъ-Булахѣ съ тѣмъ, чтобы они дѣлали по временамъ оклики и тѣмъ скрыли отъ непріятеля отступленіе остальнаго отряда, Карягинъ приказалъ потихоньку вывезти орудія и раненыхъ, и когда они нѣсколько отда-

---

[1]) Въ рапортѣ князю Циціанову отъ 9-го іюля 1805 года.

[2]) «Слѣдовательно атака Баба-хана привела бы отрядъ въ совершенную гибель.»

[3]) «Почему призвавъ Бога въ помощь и собравъ всѣ силы, выступилъ онаго же числа въ десять часовъ вечера.»

лились, выступилъ самъ, а вслѣдъ затѣмъ, по данному знаку, и оставленные тридцать человѣкъ вышли изъ крѣпости и скоро присоединились къ отряду. На пути встрѣтилась канава, черезъ которую невозможно было перевезти орудій, и не было лѣса, изъ чего бы можно было сдѣлать мостъ. Храбрые сподвижники Карягина не хотѣли оставлять орудій и видѣть ихъ въ рукахъ непріятеля; четыре солдата добровольно согласились лечь въ канаву, и черезъ нихъ перевезли орудія: двое умерли, а двое остались живы [1]).

Къ счастію отступавшихъ, непріятель былъ на столько безпеченъ, что замѣтилъ наше движеніе слишкомъ поздно, такъ что отрядъ успѣлъ пройти верстъ 20, никѣмъ невстрѣченный и никѣмъ непреслѣдованный. Не доходя верстъ пяти до Мухрата, Карягинъ отправилъ впередъ команду занять крѣпость. Слѣдуя самъ за этою командою, онъ верстахъ въ трехъ отъ крѣпости былъ догнанъ персидскими войсками, въ числѣ до 1,500 человѣкъ, производившими безпрерывныя, но безуспѣшныя атаки. Дорога, по которой слѣдовалъ отрядъ, пролегая между утесистыми горами и лѣсомъ, не дозволяла персіянамъ употребить всѣ свои силы и они были легко отражаемы нашими фланкерами [2]). Видя это и желая предупредить Карягина, Аббасъ-Мирза, располагавшій значительнымъ числомъ кавалеріи, отрядилъ часть своихъ войскъ окольною дорогою для скорѣйшаго овладѣнія Мухратомъ, но тамъ уже былъ Котляревскій, отправленный впередъ съ ранеными.

Самъ Котляревскій и нижніе чины, съ нимъ бывшіе, забывъ о своихъ ранахъ, мужественно отразили персіянъ, и Карягинъ въ 12 часовъ дня вошелъ въ крѣпость Мухратъ. «Теперь я отъ атаки Баба-хана совершенно безопасенъ, доносилъ Карягинъ, по причинѣ, что здѣшнее мѣстоположеніе не позволяетъ ему быть съ многочисленнымъ войскомъ. Команду послалъ въ армянскую деревню для сысканія провіанта, а если же и не сыщутъ, то можно отыскать скота.» Аббасъ-Мирза съ приходомъ русскихъ въ крѣпость Мухратъ скрылся и болѣе не показывался; въ отрядѣ явилось изобиліе, и остатки героевъ были спасены.

---

[1]) Разсказъ мелика Вани Арютина.

[2]) Рапортъ Карягина князю Циціанову 9-го іюля 1805 года.

Дѣйствія отряда Карягина не были безплодны. Задержавъ Пиръ-Кули-хана и Аббасъ-Мирзу при Аскарани, и Шахъ-Булахѣ, онъ спасъ страну отъ дальнѣйшаго опустошенія варваровъ и отъ соединенія ихъ съ сосѣдними народами, враждебными Россіи, чрезъ что защита края была бы еще затруднительнѣе. По особенному счастію Циціанова, Карягинъ задержалъ непріятеля до тѣхъ поръ, пока самъ главнокомандующій успѣлъ собрать столько войска, что могъ двинуться противъ персіянъ.

Князь Циціановъ хотя и получалъ донесенія Карягина о бѣдственномъ его положеніи, но, не дождавшись изъ Карталиніи и Тифлиса прихода шести ротъ 9-го егерскаго и одного баталіона Севастопольскаго полковъ, не могъ идти противъ непріятеля съ двумя малосильными баталіонами. Рекруты, присланные ему на укомплектованіе войскъ, не только не владѣли еще оружіемъ, но даже были не одѣты. «Я бы, конечно, писалъ онъ Карягину, по первымъ извѣстіямъ о вашей опасности полетѣлъ бы на выручку васъ, но, не дождавшись изъ Тифлиса, съ чѣмъ идти?—вы знаете, а потому подвергнусь съ такимъ же, какъ вашъ отрядомъ, тому же жребію, какому и вы подвержены отъ торопливаго маіора Лисаневича, который, въ угодность Ибраимъ-хана, требовалъ помощи. Ожидаемыя же войска изъ Тифлиса опять бы подверглись равной участи и тѣмъ раздѣльно всѣ бы пострадали» [1]).

Главнокомандующій нѣсколько разъ писалъ о присылкѣ къ нему войскъ форсированнымъ маршемъ [2]), «но едва въ субботу будутъ, писалъ онъ Карягину [3]), а въ воскресенье, не смотря, что у меня сильная лихорадка, выступлю, что давно бы сдѣлалъ, ежелибъ ранѣе прибыли оныя».

Въ іюлѣ самъ князь Циціановъ изъ Елисаветполя двинулся противъ 40,000 арміи Баба-хана. Отрядъ его состоялъ изъ гренадерскаго баталіона Тифлисскаго мушкетерскаго полка; двухъ баталіоновъ Севастопольскаго полка; шести ротъ 9-го егерскаго полка; 10 орудій артиллеріи и 109 человѣкъ казаковъ. Всего въ

---

[1]) Циціановъ Карягину 1-го іюля 1805 года.

[2]) Предписаніе генералъ-маіору Портнягину 25-го и 27-го іюня.

[3]) Отношеніе князя Циціанова Карягину 6-го іюля 1805 года.

отрядѣ было, 2,371 человѣкъ [1]). Отрядъ двигался медленно, по причинѣ нестерпимыхъ жаровъ.

Не смотря на то, что во время переходовъ приказано было снимать галстухи, тесаки и патронташи подпоясывать по рубашкѣ, всякій день занемогало по пяти и шести человѣкъ единственно отъ жаровъ [2]).

Въ четверо сутокъ отрядъ прошелъ не болѣе 62 верстъ, до рѣки Тертеры, гдѣ на противоположномъ берегу показался непріятель. Казаки ударили на толпы персіянъ, прогнали ихъ и тѣмъ обезпечили отряду переправу чрезъ рѣку. Поутру 16-го числа, въ лагерь при разоренномъ селеніи Мардашти, явился къ князю Циціанову полковникъ Карягинъ съ остаткомъ своего отряда.

— Это соединеніе, говорилъ одинъ изъ сражавшихся подъ начальствомъ Карягина, было для насъ днемъ свѣтлаго праздника.

Снабдивши прибывшихъ съ полковникомъ Карягинымъ всѣмъ необходимымъ и вьючными волами для больныхъ, князь Циціановъ отправилъ его въ тотъ же день, при небольшомъ изъ своего отряда прикрытіи, въ Елисаветполь, причемъ приказалъ имъ слѣдовать по горамъ безопасною дорогою [3]).

Сообщая о семъ Лисаневичу, главнокомандующій просилъ не говорить о томъ карабагскому хану, окруженному измѣнниками, которые не преминули бы сообщить непріятелю и помѣшать Карягину въ дорогѣ.

Отправивъ отрядъ послѣдняго, самъ князь Циціановъ думалъ 18-го числа подвинуться къ Аскарани. Для этого движенія необходимо было, чтобы Ибраимъ-ханъ заготовилъ достаточное количество провіанта, такъ какъ доставлять его изъ Елисаветполя не было никакой возможности. Не говоря уже о препятствіяхъ, происходящихъ отъ характера самой мѣстности, затрудненіе въ доставкѣ продовольствія увеличивалось еще и потому, что позади

---

[1]) Донесеніе Государю Императору отъ 11-го іюля. Книга донесеній за августъ 1805 годъ. Моск. Арх. Инспекторск. Департамента.

[2]) Дневная записка похода.

[3]) Изъ отношенія князя Циціанова генералу Портнягину 23-го іюля 1805 года. Воен. Учен. Арх., д. № 2416 (А).

отряда прошла непріятельская партія, числомъ до 3,000 человѣкъ, и, переночевавъ на рѣкѣ Тертерѣ, двинулась къ Елисаветполю, для разоренія окружныхъ селеній и перехваченія провіанта. Это послѣднее обстоятельство заставило главнокомандующаго требовать, чтобы карабагскій ханъ заготовилъ хотя половину обѣщаннаго провіанта и скота для мясныхъ порцій [1]), но Ибраимъ-ханъ, взамѣнъ доставки провіанта, сообщалъ разныя свѣдѣнія, ходившія по базару, относительно дѣйствій и движенія персіянъ.

Въ послѣднее время изъ лагеря Баба-хана было послано въ Карабагъ множество лицъ, съ цѣлію распускать разные ложные слухи относительно русскихъ войскъ и намѣреній главнокомандующаго. Шатаясь по базарамъ, они разсказывали жителямъ о многочисленности персидскихъ войскъ, о мнимыхъ ихъ движеніяхъ, дѣйствіяхъ и успѣхахъ; говорили о томъ, что князь Цицiановъ идетъ не на помощь хану, а съ цѣлію забрать всѣхъ жителей и переселить ихъ въ другія мѣста. Извѣстіямъ о дѣйствіяхъ и движеніяхъ персіянъ вѣрилъ сначала и Лисаневичъ и, считая ихъ достовѣрными, торопился сообщить о томъ князю Цицiанову.

«Получа рапортъ вашъ, писалъ главнокомандующій въ одномъ изъ предписаній Лисаневичу [2]), *не знаю какъ счесть*, *въ русской ли вы службѣ или въ Ибраимъ-хановой*, ибо вы мнѣ сообщаете вѣдомости базарныя въ угодность его мерзкаго высокостепенства, а о дѣлѣ не рапортуете...»

«Письмо вашего высостепенства, писалъ онъ въ то же время хану карабагскому [3]), съ приложеннымъ къ вамъ таковымъ же отъ Абдулъ-Фетъ-аги, я вчера получилъ и вамъ его возвращая, вопрошаю: зачѣмъ вы его ко мнѣ прислали? ибо отъ этого мерзавца и измѣнника мнѣ переписки не нужны. Оно имъ прислано и не для васъ, а для того, что онъ знаетъ, что всякія письма, вами полученныя, будутъ на базарѣ публикованы и тѣмъ возмутятъ невѣрныхъ вашихъ подданныхъ. И для того въ послѣдній разъ требую отъ васъ, чтобы всякое письмо, съ непріятельской

---

[1]) Предписаніе маіору Лисаневичу отъ 17-го іюля, № 502.

[2]) Отъ 18-го іюля, № 508.

[3]) Письмо отъ 20-го іюля, № 509.

стороны вами полученное, не распечатывая, отдавали бы, для доставленія ко мнѣ, маіору Лисаневичу, а посланнаго, не давая ему по базару ходить, тотчасъ же ему подъ стражу отдавали. Мудрено-ли то, что непріятель разсѣеваетъ въ пользу свою непріятные для насъ слухи, которыхъ вѣрность прилична только легковѣрнымъ азіятцамъ... При первомъ началѣ вашего подданства вы твердили во всякомъ письмѣ, чтобы я требовалъ вашихъ услугъ, а провіантъ отказываете. Неужели вы думаете, что услуги состоятъ въ извѣстіяхъ пустыхъ, лживыхъ и вздорныхъ, такъ какъ третьяго дня вы писали, что Шахъ-Зада соединился съ Бабаханомъ, а теперь, что Шахъ-Зада пошелъ въ Елисаветполь. Я бы могъ имѣть извѣстія вѣрныя отъ армянина или татарина за 600 руб. въ годъ, а вамъ бы слѣдовало, если вы не желаете и Россіи и Баба-хану служить вмѣстѣ, получа извѣстіе отъ мерзкаго вашего сына, послать одного тотчасъ въ самый Баба-хановъ лагерь, узнать Шахъ-Зада съ нимъ-ли, а другаго въ Елисаветполь, вѣрно-ли то, что онъ туда прошелъ; тогда бы вы показали прямое усердіе къ Россіи.»

Не обращая вниманія на всѣ разсказы и слухи, главнокомандующій съ двумя тысячами пѣхоты и кавалеріи, смѣло шелъ остановить сорокатысячную армію Баба-хана. Молва о приближеніи князя Циціанова такъ устрашила владѣтеля Персіи, что онъ, не допустивъ его къ себѣ за 15 часовъ, поспѣшно отступилъ за Араксъ. Іюля 20-го отрядъ остановился лагеремъ въ Аскарани, на мѣстѣ, гдѣ предъ тѣмъ стоялъ Аббасъ-Мирза, но непріятеля нигдѣ уже не было видно. Іюля 24-го Циціановъ слѣдовалъ далѣе къ Араксу, но здѣсь, получивъ извѣстіе, что Баба-ханъ ушелъ въ Мишкинъ, въ 24-хъ миляхъ отъ Аракса отстоящій, возвратился въ Аскарань и оттуда поѣхалъ осматривать Шушинскую крѣпость. Здѣсь главнокомандующій получилъ свѣдѣніе, что двоюродный братъ Ибраимъ-хана, Мирза-Али-бекъ, и зять его, Фасимъ-бекъ, приглашали Аббасъ-Мирзу въ Шушинскую крѣпость, обѣщая отворить ему ворота. Взявъ сыновей этихъ лицъ въ аманаты, князь Циціановъ обѣщалъ, въ случаѣ какихъ либо волненій, вывесть весь гарнизонъ и предоставить собственной своей защитѣ Шушинскую крѣпость.

Между тѣмъ какъ персіяне бѣжали предъ Цыціановымъ, а Карягинъ шелъ по направленію къ прежней Ганжѣ, Аббасъ-Мирза съ 25,000 арміею, воспользовавшись отсутствіемъ князя Циціанова и движеніемъ его въ Карабагъ, обложилъ 17-го іюля крѣпость Елисаветпольскую, отвелъ отъ нея воду и бомбардированіемъ города сталъ тревожить осажденныхъ. Взбунтовавшіеся шамшадыльцы, предварительно выкравшіе изъ Тифлиса своихъ аманатовъ, присоединились тутъ къ персіянамъ. Шамшадыльскій моуравъ князь Луарсабъ Орбеліани просилъ прислать ему баталіонъ пѣхоты для усмиренія бунтующихся. «Требуете баталіона по грузинскимъ обычаямъ, отвѣчалъ на это князь Циціановъ, *какъ будто баталіоновъ много для тѣхъ, кои порятъ то, что я шью.*» Главнокомандующій обратился къ шамшадыльцамъ съ прокламаціею, въ которой просилъ опомниться, и возвратившись въ свои домы, взяться за хозяйство. «Если же не хотите, то кто не хочетъ, пускай переселится къ персіянамъ за Араксъ, а по сю сторону Аракса мѣста не будетъ, и я не дамъ жить [1]).»

«Думалъ ли я, когда нибудь, писалъ князь Циціановъ шамшадыльскому старшинѣ Насибъ-беку [2]), чтобы и ты за всѣ мои милости къ тебѣ, за медаль, за уваженіе тебя и за мое справедливое, но кроткое обхожденіе съ тобою, и ты, говорю я, измѣнилъ?... Опомнитесь, особливо ты и кинь все дурачество; пребудь вѣренъ, какъ было доселѣ, и въ доказательство твоей вѣрности пріѣзжай ко мнѣ скорѣй, чтобъ положить съ тобою на мѣрѣ, какъ удержать зло при его началѣ, а я все еще не вѣрю, чтобы ты невѣренъ могъ быть.» Не смотря, однако же, на то, Насибъ-бекъ съ нѣкоторыми агаларами остались на сторонѣ персіянъ.

Аббасъ-Мирза и царевичъ Александръ три раза писали къ казахцамъ, хвастая побѣдами надъ Карягинымъ, уничтоженіемъ Циціанова и взятіемъ Елисаветполя; говорили, что идутъ въ Тифлисъ и требовали, чтобы казахцы къ нимъ присоединились. Но этотъ всегда непостоянный, измѣнчивый народъ остался на этотъ разъ вѣрнымъ своему долгу, представилъ генералу Портнягину письма и фирманы Аббасъ-Мирзы и просилъ помощи русскихъ.

---

[1]) Объявленіе 19-го августа 1805 г.

[2]) Отъ 1-го іюля 1805 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1133.

Маіоръ Кочневъ, комендантъ Елисаветпольской крѣпости, видя, что персіяне пришли для захвата жителей въ плѣнъ, сдѣлалъ вылазку и, выгнавъ непріятелей изъ предмѣстій, отбилъ у него нѣсколько десятковъ семей; остальныя увлечены были отступившими хищниками, но большею частію впослѣдствіи отъ нихъ бѣжали.

Іюля 22-го полковникъ Карягинъ привелъ свой отрядъ въ Елисаветполь, и хотя храбрый ветеранъ изнемогалъ отъ претерпѣнныхъ имъ бѣдствій, раны, полученной подъ Шахъ-Булахомъ, и ушиба лошадью въ ногу, такъ что она у него была нѣсколько дней совершенно безъ движенія, но, узнавъ, что Пиръ-Кули-ханъ въ соединеніи съ Аббасъ-Мирзою и грузинскими царевичами Александромъ и Теймуразомъ, находятся у Шамхорскаго минарета, съ цѣлью идти на Тифлисъ, забывъ свои страданія, поспѣшилъ съ отрядомъ изъ 570 человѣкъ къ Шамхору для воспрепятствованія ихъ намѣренію. Тѣмъ временемъ слѣдовалъ изъ Тифлиса въ Елисаветполь провіантскій транспортъ съ 1,100 четвертями муки подъ прикрытіемъ двухъ орудій и 300 человѣкъ пѣхоты. Не доходя 5-ти верстъ до рѣчки Загамы и 47-ми верстъ до Елисаветполя, транспортъ былъ атакованъ (23-го іюля) тридцатитысячною арміею Аббасъ-Мирзы. Командовавшій прикрытіемъ транспорта подпоручикъ Донцовъ былъ убитъ, заступившій его мѣсто прапорщикъ Платковскій послалъ въ Елисаветполь двухъ драгунъ съ извѣщеніемъ о своемъ положеніи. Непріятель на полружейнаго выстрѣла отъ фаса вагенбурга устроилъ батареи и громилъ осажденныхъ; прикрытіе транспорта четверо сутокъ защищалось съ отчаяніемъ, умирало отъ жажды, почти не имѣло уже патроновъ, но на предложеніе персіянъ сдаться, отвѣчало, что будетъ защищаться до послѣдней капли крови [1]).

Не получая отвѣта и помощи, а потому предполагая, что драгуны попались въ плѣнъ, Платковскій, не найдя никого, кто бы отважился пробраться чрезъ непріятеля въ Елисаветполь, рѣшился отправиться лично и былъ захваченъ непріятелемъ. Драгуны, между тѣмъ, достигли крѣпости. Карягинъ, получивъ увѣдомленіе Платковскаго, 25-го іюля выступилъ изъ Шамхора на выручку транс-

---

[1]) Дневная записка князя Циціанова и рапорты полковника Карягина отъ 1-го августа 1805 г.

порта и ночью 27-го былъ встрѣченъ у рѣки Загамы непріятелемъ, препятствовавшимъ его переправѣ, «но сильно отраженнымъ и преслѣдованнымъ болѣе трехъ верстъ.» Съ разсвѣтомъ, по приближеніи отряда къ транспорту, персіяне вторично атаковали Карягина, но онъ отбросилъ ихъ до укрѣпленій, облегавшихъ русскій вагенбургъ, штыками вытѣснилъ непріятеля изъ окоповъ и стремительно погналъ всѣ силы Аббасъ-Мирзы. Тридцатитысячная армія персидская отступила, оставивъ намъ въ добычу лагерь, разнаго рода экипажи, множество хлѣба и награбленныхъ вещей.

Въ числѣ раненыхъ былъ грузинскій царевичъ Теймуразъ [1]). Персіяне направили бѣгство къ Эривани, чрезъ Делижанское ущелье, но казахцы засѣли въ его излучинахъ и сильнымъ огнемъ поражали бѣгущихъ [2]). Карягинъ съ спасеннымъ имъ транспортомъ, 30-го іюля, возвратился въ Елисаветполь, а 3-го августа прибылъ туда и князь Циціановъ.

6-го августа главнокомандующій выступилъ съ своимъ отрядомъ изъ Елисаветполя и остановился въ Шамхорѣ, съ тѣмъ, что если извѣстіе объ уходѣ Шахъ-Зады невѣрно, то, узнавъ о мѣстѣ его пребыванія, идти его преслѣдовать и выгнать изъ Елисаветпольскаго округа [3]). Персіянъ, однако же, тамъ не было: они ушли въ свои владѣнія. Въ Эривани остался только одинъ царевичъ Александръ, брошенный на произволъ судьбы своими союзниками, безъ всякаго призрѣнія и надежды. Человѣкъ вѣтреный, измѣнчиваго характера и образа мыслей, Александръ готовъ былъ покориться, если бы только главнокомандующій обѣщалъ его принять, и хотѣлъ даже пріѣхать съ слѣпымъ Келбъ-Али-ханомъ нахичеванскимъ къ генералъ-маіору Несвѣтаеву [4]). Это искательство не помѣшало Александру отправить въ то же время посланнаго къ Бабахану съ просьбою о помощи и вести переговоры съ карскимъ пашою, относительно возможности пріютить свою особу въ Турціи. Ре-

---

[1]) Рапортъ полковника Карягина 1-го августа 1805 г.
[2]) Рапортъ кн. Циціанова Государю Императору 7-го августа 1805 г.
[3]) Увѣдомленіе кн. Циціанова г.-м. Портнягину 6-го августа 1805 г.
[4]) Рап. Несвѣтаева кн. Циціанову 14-го августа 1805 г., № 815. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 316.

зультатомъ такихъ тройныхъ переговоровъ было удаленіе царевича Александра въ глубь Персіи [1]), гдѣ впослѣдствіи Баба-ханъ сдѣлалъ его начальникомъ надъ бѣглыми грузинами [2]).

Такъ кончилась персидская кампанія 1805 года, ознаменованная примѣрами рѣдкаго мужества и геройскаго самоотверженія нашихъ войскъ. Удачное отраженіе непріятеля и поверхность, одержанная всюду русскими войсками, принесла значительную пользу тамошнему краю. Увѣренные въ силѣ и могуществѣ Россіи, многіе туземцы искали ея покровительства, а армяне Эриванской области просили князя Циціанова избавить ихъ отъ власти персидскаго правительства и дозволить переселиться въ Памбаки. Князь Циціановъ призывалъ ихъ на переселеніе въ Елисаветполь, обѣщая дать каждой семьѣ готовый домъ, садъ и пашню, но съ тѣмъ только, чтобы переселенцы «были не монастырскіе, ни меликовы, ни юзбашей, а свободные деревенскіе жители [3])». Такимъ переселенцамъ обѣщано освобожденіе отъ податей въ теченіе трехъ лѣтъ, но съ условіемъ, чтобы они непремѣнно занялись хлѣбопашествомъ и вообще обработкою земли.

Болѣе 200 семействъ (230) воспользовались этимъ приглашеніемъ и подъ начальствомъ юзбаши Габріеля и мелика Апріама переселились въ Кара-Килисъ. Они просили о выводѣ остальныхъ ихъ соотечественниковъ и говорили, что тѣ не могутъ переселиться безъ помощи русскихъ войскъ. Князь Циціановъ, видя, что и переселившіеся не занимаются хлѣбопашествомъ, требовалъ отъ нихъ немедленнаго обрабатыванія полей.

«Непостоянные армяне съ персидскими душами, писалъ онъ имъ [4]), теперь вы перешли на нашъ хлѣбъ въ надеждѣ, можетъ быть, покупать оный, но я предупреждаю васъ, что ежели выведенныя вами семьи на нынѣшней же осени не запашутъ земли столько, чтобы на будущій годъ и съ избыткомъ продать хлѣба, то знайте, что будущею же весною прогоню ихъ отсель не только

---

[1]) См. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 170 и 171.

[2]) Изъ письма епископовъ Григорія и Парсеха къ Минею Лазареву отъ 16-го августа 1805 г.

[3]) Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, №№ 1255 и 1256.

[4]) Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1259.

въ Эривань, но и въ самую Персію, ибо Грузія не обязана кормить тунеядцевъ. А что вы просите моей защиты оставшимся въ Эривани армянамъ, погибающимъ отъ невѣрныхъ, то вопрошаю: заслуживаютъ ли измѣнники покровительства? Пусть ихъ гибнутъ, какъ собаки; они достойны сей участи, ибо въ прошломъ году, когда я съ непобѣдимыми русскими войсками окружилъ Эриванскую крѣпость, сіи, недостойные ни малѣйшаго сожалѣнія, занимали Нарынъ-Кале, и могши мнѣ оный сдать не сдѣлали того. А ты юзбаши Габріель, съ ними же находившійся, и будучи первымъ совѣтникомъ коварнаго эриванскаго Мамедъ-хана, поддерживалъ его въ обманахъ и вѣроломствахъ ко мнѣ. Теперь видишь ли, колико Богъ наказалъ васъ за измѣну милосерднѣйшему Государю Императору. Неужто думаете я генералъ такой, какъ другіе, и не знаю, что армянинъ и татаринъ готовъ пожертовать тысячами людей для пользы своей, готовъ лгать и предоставлять всѣ удобности ко взятію Эривани, какъ вы увѣряете васъ незнающаго генералъ-маіора Несвѣтаева. И такъ, послѣ всего того могу ли я послать войска на защиту ихъ и притомъ туда, гдѣ нѣтъ хлѣба, могу-ли словамъ твоимъ, юзбаша, дать хотя малѣйшую вѣру, а еще больше положиться на персидскія увѣренія, что жители эриванскіе съ приближеніемъ россійскихъ войскъ всѣ покорятся, что увѣренія сіи не такія же, какъ были въ прошломъ году; или не думаете-ли вы, что 300 семействъ вашихъ трусливыхъ армянъ могутъ что либо сдѣлать противу 3,000 персидской пѣхоты, или, можетъ быть, мнитесь столь ложными доводами убѣдить меня дать вѣру новому эриванскому хану и наиковарнѣйшему Келбъ-Али-хану, будто они секретно съ вами поговаривали о покорности своей къ Россіи, чтобы съ войсками туда выступилъ. Но не ждите сего; хитрости персидскія мнѣ извѣстны, и я самъ знаю, какъ и когда взять Эриванскую крѣпость, а вы живите покойно, заводите домы и пашите поля.»

XXV.

Дѣйствія каспійской флотиліи у Гиляни.—Цѣль ея дѣйствій.—Появленіе флотиліи у энзелинскихъ береговъ. — Неудачныя дѣйствія у Решта и Баку. — Возвращеніе ея къ берегамъ острова Соры, для переселенія Джеханъ-Гиръ-хана шагахскаго въ Грузію.—Движеніе генералъ-маіора Несвѣтаева, для переселенія въ Грузію хана хойскаго со всѣмъ его народомъ.

Въ одно время съ дѣйствіями русскихъ войскъ на сушѣ, каспійская флотилія и десантныя войска дѣйствовали у Гиляни. Флотилія, явившаяся въ Энзели слишкомъ поздно, не только не отвлекла силъ Баба-хана отъ Аракса, какъ предполагалось, но своими дѣйствіями далеко не оправдала ожиданій князя Циціанова.

Для начальствованія надъ экспедиціею былъ избранъ главнокомандующимъ шефъ астраханскаго гарнизоннаго полка генералъ-маіоръ Завалишинъ, «сколько по отмѣнной его дѣятельности и заботливости, столько и по осмотрительности, мною въ немъ открытыхъ». Въ помощь Завалишину князь Циціановъ назначилъ 16-го егерскаго полка подполковника Асѣева, «посѣдѣвшаго въ службѣ, опытнаго въ военномъ ремеслѣ и не разъ оказавшаго храбрость и мужество въ военныхъ дѣйствіяхъ [1])».

Въ составъ десантнаго отряда было назначено шесть ротъ Казанскаго мушкетерскаго полка и двѣ роты 16-го егерскаго, въ числѣ 1,345 человѣкъ, при четырехъ полевыхъ орудіяхъ [2]). Собравшись у Сладкоеричной пристани, они должны были сѣсть на суда съ обозомъ, но безъ лошадей, и только на каждое орудіе приказано было, если окажется возможнымъ, взять по двѣ лошади [3]).

Генералу Завалишину предписывалось остановиться при Пери-Базарѣ, завладѣть имъ, достать лошадей или воловъ подъ тяже-

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Циціанова 7-го апрѣля 1805 г. Воен. Учен. Арх., д. № 2418.

[2]) По строевому рапорту въ войскахъ этихъ находилось: 35 штабъ и оберъ-офицеровъ, 86 унтеръ-офицеровъ, 23 барабанщика, 1,046 рядовыхъ, 115 нестроевыхъ и 40 человѣкъ артиллерійской прислуги.

[3]) Планъ операцій для каспійской флотиліи и десантныхъ войскъ на лѣтнюю и осеннюю кампанію 1805 г. Воен. Учен. Арх., д. № 2418.

сти и пушки; взять съ жителей контрибуцію и защитить ихъ отъ грабежа нашихъ войскъ, «ибо необходимо нужно, писалъ князь Циціановъ въ наставленіи Завалишину, новыхъ чужеземцевъ и иновѣрныхъ привязать къ себѣ, а не озлобить, и сдѣлать имъ россійское правленіе пріятнымъ.» Овладѣвши Пери-Базаромъ, Завалишинъ долженъ былъ послать въ Рештъ, находившійся въ восьми верстахъ, требованіе о сдачѣ города, объ уплатѣ контрибуціи и доставкѣ лошадей подъ орудія.

Занятіе городовъ Решта и Баку предполагалось сдѣлать для двухъ различныхъ цѣлей. Рештъ занимался только для устрашенія Баба-хана, тогда какъ Баку должна была поступить во всегдашнее подданство Россіи, гдѣ предполагалось устроить портъ, могущій «служить убѣжищемъ нашимъ купцамъ, доколѣ устроится при устьѣ рѣки Куры, на удобнѣйшемъ мѣстѣ, укрѣпленіе для покровительства торговли.»

По занятіи Решта силою или добровольною сдачею, Завалишинъ долженъ былъ отправить письмо главнокомандующаго къ персидскому владѣтелю Баба-хану съ требованіемъ: выдать намъ царевичей Александра и Теймураза съ племянникомъ ихъ Леваномъ; возвратить всѣхъ плѣнныхъ и пушки, взятыя Агою-Магометъ-ханомъ при разореніи Тифлиса, и, наконецъ, за убытки прошлой кампаніи заплатить милліонъ рублей, считая его русскою монетою.

«Тогда, писалъ князь Циціановъ Баба-хану [1]), персидскіе берега останутся въ спокойствіи и тишинѣ, а ваше высокостепенство, не касаясь до владѣній по сю сторону рѣкъ Аракса и Куры лежащихъ, останетесь въ покоѣ, и Тегеранъ не будетъ обращенъ въ пепелъ. Если же захотите сверхъ сего своего счастія и вящшаго благоденствія, то будете искать во мнѣ покровительства моего у престола великаго всесильнаго всемилостивѣйшаго моего Государя, государей Императора, который какъ солнце согрѣваетъ всѣхъ, кто отъ него не скрывается, а войска его *какъ буйный вихрь, выворачивающій столѣтніе дубы, нехотѣвшіе преклониться передъ нимъ, оставляютъ безвредно камышъ, нагибающійся до*

[1]) Въ письмѣ отъ 29 марта 1805 г.

лица земли при его приходѣ. Таковъ мой всемилостивѣйшій Государь Императоръ, таковы и его войска, моему начальству ввѣренныя, съ коими не останавливаясь пройду и въ Индію, буде единое слово изрещи соизволитъ. Вотъ мои требованія и вотъ совѣты добраго сосѣда, каковымъ я вамъ быть хочу; впрочемъ, воля ваша.»

Въ случаѣ, если на предложенія эти послѣдуетъ отказъ Бабахана, то Завалишину приказано было склонить Рештъ отложиться отъ него, поставить намѣстника, обложить данью, взять въ аманаты сына новопоставленнаго намѣстника и оставить одно судно для покровительства нашей торговли. Если же успѣхъ увѣнчаетъ предпріятіе, и Баба-ханъ исполнитъ требованія, то условиться о всегдашнемъ пребываніи въ Рештѣ русскаго консула съ командою и военнаго судна у береговъ, для покровительства торговлѣ. Оттуда флотиліи идти подъ Баку, блокировать крѣпость и требовать безусловной сдачи, въ наказаніе бакинскаго Хусейнъ-хана за отреченіе его отъ подданства Россіи, котораго онъ самъ искалъ. По взятіи города силою или по добровольной сдачѣ, занять крѣпкія мѣста десантнымъ войскомъ, а флотиліи возвратиться въ Астрахань, за исключеніемъ одного судна, долженствующаго остаться въ Бакинской бухтѣ.

Собравшись у Сладкоеричной пристани, десантный отрядъ 10-го іюня сѣлъ на суда. По невозможности грузить весь обозъ, были взяты только патронные и палаточные ящики; провіантскія же фуры и лазаретныя кареты оставлены въ Кизлярѣ [1]).

23-го іюня флотилія явилась въ виду Энзелинскаго порта. Въ тотъ же день прибыли къ Завалишину посланные отъ правителей Гилянской области и Энзелей съ привѣтствіемъ о прибытіи русскихъ войскъ къ ихъ владѣніямъ. Завалишинъ объявилъ, что имѣетъ повелѣніе занять Энзели, къ чему и будетъ приступлено на слѣдующій день, если жители не согласятся сдать городъ добровольно [2]).

Энзели расположены на южномъ берегу Каспійскаго моря, ближе къ западному углу и на совершенно низменной мѣстности. Около

---

[1]) Изъ донесенія Завалишина князю Циціанову.

[2]) Журналъ экспедиціи.

самаго города протекаетъ рѣка Пери-Базаръ довольно глубокая для того, чтобы пароходы могли останавливаться у самаго берега.

Энзели приморскій портъ Решта, главнаго города Гилянской провинціи. Черезъ Энзели пролегаетъ прямой путь отъ береговъ Каспійскаго моря къ Тегерану. Гилянская провинція отличается «необыкновенною трусостью своихъ жителей, такъ что оттуда не берутъ вовсе рекрутъ для храброй персидской арміи» [1]).

Персіяне были предувѣдомлены объ угрожавшей имъ, съ этой стороны, опасности, и русскіе нашли берегъ покрытымъ вооруженнымъ народомъ и батареями, устроенными въ узкомъ проливѣ при входѣ въ гавань.

Не смотря на то, командиръ эскадры, капитанъ-лейтенантъ Веселаго, отрядилъ три галіота для овладѣнія портомъ. Первый изъ нихъ, подъ начальствомъ лейтенанта Пѣвцова, прошелъ узкій проливъ подъ огнемъ непріятеля, другой подъ начальствомъ лейтенанта Чиляева неожиданно перемѣнившимся вѣтромъ и теченіемъ прижатъ былъ къ отмели, въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, противъ непріятельскихъ батарей; третій же галіотъ, бывшій позади втораго, видя неудачу Чиляева, возвратился къ эскадрѣ.

При входѣ лейтенанта Пѣвцова въ портъ, устрашенные персіяне, безъ сопротивленія бросивъ батареи, устроенныя по сторонамъ пролива, бѣжали на мелкихъ судахъ (киржимахъ), оставя ему въ добычу двухмачтовый шкоутъ, два палубныя судна и восемь фальконетовъ [2]).

Пріѣхавшіе на фрегатъ энзелинскіе армяне объявили, что Энзели пусты, и всѣ персіяне изъ него удалились, и тогда 16-го егерскаго полка подполковникъ Асѣевъ съ нѣсколькими егерями былъ отправленъ на берегъ, на которомъ занялъ замокъ и селеніе.

Окружныя деревни были пусты, а жители, захвативъ лучшее свое имущество, скрылись въ горы, оставивъ свои жилища и скотъ во власти русскихъ.

Командующій экспедиціею генералъ-маіоръ Завалишинъ вытребовалъ отъ правителя Гилянской области надежнаго чиновника,

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1866 г., августъ, стр. 467.

[2]) Изъ рапорта капит.-лейтенанта Веселаго кн. Циціанову 12-го августа 1805 г. Воен. Учен. Арх., д. № 2416.

съ которымъ хотя и отослалъ къ Баба-хану письмо князя Циціанова, но военныхъ дѣйствій не прекращалъ.

Іюля 1-го дня, 450 егерей, подъ командою подполковника Асѣева, войдя въ устье рѣки Пери-Базаръ на лодкахъ и миновавъ камыши, высадились на оба берега и подкрѣпляемые 4-мя вооруженными гребными судами, въ продолженіе трехъ часовъ, мужественно выбивали штыками засѣвшаго непріятеля за укрѣпленіями и засѣками, на пространствѣ трехъ верстъ, до города Пери-Базара, которымъ и овладѣли. Здѣсь генералъ-маіоръ Завалишинъ узналъ, что непріятель собирается у Решта и что дорога, идущая отъ Пери-Базара къ Решту, была укрѣплена засѣками и испорчена поперечными рвами съ уничтоженіемъ мостовъ. По свѣдѣніямъ, персіяне собирались у Решта съ цѣлію одновременнаго нападенія на Пери-Базаръ и Энзели, чтобы атаковать Завалишина и въ то же время отрѣзать его отрядъ отъ судовъ.

Многочисленность непріятеля, густота лѣса и знакомство туземцевъ со всѣми его проходами представляли полную возможность персіянамъ выполнить свои предположенія.

Не смотря на то, что дорога въ Рештъ была почти непроходима и пролегала по густому лѣсу, на военномъ совѣтѣ, собранномъ генералъ-маіоромъ Завалишинымъ, положено было атаковать персидскія войска, собранныя у Решта въ числѣ 7,000 человѣкъ, и если будетъ возможно, то дойти до самаго города, оставивъ въ Пери-Базарѣ, для прикрытія себя, 150 человѣкъ въ построенномъ для сего редутѣ. Прогнавши непріятеля, совѣтъ полагалъ въ тотъ же день возвратиться въ Пери-Базаръ, а оттуда въ Энзели, гдѣ, укрѣпившись, дѣлать поиски и ожидать отвѣта Баба-хана на письмо къ нему князя Циціанова.

Устроивъ въ Пери-Базарѣ небольшой редутъ, вооруживъ его снятыми съ судовъ морскими пушками и оставивъ въ немъ гарнизонъ, Завалишинъ, 5-го іюля, съ отрядомъ изъ 800 человѣкъ при трехъ орудіяхъ, двумя каре двинулся къ Решту. Семь тысячъ персіянъ засѣло на этой дорогѣ, узкой, непроходимой, за огородами, засѣками и на деревьяхъ. Русскіе шли неустрашимо; градъ пуль непріятельскихъ осыпалъ ихъ безпрестанно; лошади подъ орудіями были частію перебиты, а остальныя пристали и не могли

везти орудій; солдаты потащили пушки на себѣ, по кочкамъ и рвамъ; но вскорѣ ось подъ однимъ изъ орудій сломалась. Сопротивленіе персіянъ дѣлалось съ каждымъ шагомъ упорнѣе, отрядъ дошелъ до широкой канавы, на которой каменный мостъ былъ разрушенъ. Люди изнемогли, а съ восьми часовъ утра до третьяго пополудни отрядъ прошелъ только семь верстъ; до Решта же оставалось такое же разстояніе. Войска остановились для отдыха у мечети. Передъ ними лежала большая поляна, пересѣченная глубокимъ и широкимъ каналомъ. Лѣтній зной, утомлявшій непривычныя къ нему войска, заставили генералъ-маіора Завалишина подумать о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Отрядъ растянулся и разстроился такъ, что къ мечети пришло при знаменахъ не болѣе 20 человѣкъ. Остальные люди были въ разбродѣ: кто тащилъ орудія, кто шанцевый инструментъ, кто сухари, взятые съ собою на четыре дня. Все это пробиралось поодиночкѣ по весьма трудной и пересѣченной мѣстности. Въ отрядѣ было до 40 человѣкъ убитыми и ранеными; подъ артиллеріею не оставалось ни одной лошади; на людяхъ было не болѣе 25 патроновъ (изъ 60). Персіяне не выходили на открытую поляну. Ожидая дальнѣйшаго движенія отряда, они скрывались по опушкѣ лѣса и за каналомъ [1]).

Идти далѣе не было возможности. Завалишинъ, давши солдатамъ съ полчаса отдыха, велѣлъ отступать, а непріятель, ободренный нашимъ движеніемъ назадъ, произвелъ стремительную атаку. Картечь остановила стремленіе персіянъ, и три раза разсѣевала ихъ толпы. Отрядъ возвратился въ Пери-Базаръ, но какъ этотъ пунктъ не представлялъ никакихъ выгодъ, а скорѣе затрудненіе отъ негодной для употребленія въ пищу воды, то на другой день лагерь перенесенъ былъ въ Энзели, и тутъ положено ожидать отвѣта Баба-хана.

Съ 14-го числа начались несносные жары, люди истомились въ безпрерывныхъ стычкахъ съ непріятелемъ; въ отрядѣ оказались болѣзни, и по 18-е іюня заболѣвшихъ было 300 человѣкъ, а къ 21-му числу болѣе 500 человѣкъ. Оставаться долѣе на бе-

[1]) Жур. дѣйствій. Тифлисскій Арх. Штаба Отд. Кавк. Корпуса. Дѣло 1806 г., № 33.

регу значило подвергнуть весь отрядъ уничтоженію, и потому начальникъ экспедиціи перевелъ его на суда. Отвѣта отъ Баба-хана все еще не было, и генералъ-маіоръ Завалишинъ скоро узналъ, что властитель Персіи, отдѣливъ отъ себя шесть тысячъ войскъ въ Гиллянь, самъ намѣренъ былъ отступить отъ Карабага къ Тегерану. Это извѣстіе уничтожало надежду на возможность заставить Баба-хана выполнить хотя одно изъ требованій князя Циціанова, а между тѣмъ болѣзни значительно ослабляли отрядъ. При такихъ обстоятельствахъ Завалишинъ рѣшился оставить Энзели, и 26-го іюля эскадра снялась съ якоря и направила путь свой прежде къ Ленкорани, а потомъ къ Баку, куда и прибыли 12-го августа [1]).

«Баку также меня занимаетъ, писалъ князь Циціановъ [2]), и весьма нужно, чтобы она наша была безъ хана, *ибо это твари вѣроломныя вообще.*»

Еще за три недѣли до прибытія эскадры на рейдъ, бакинцы вывезли въ горы имущество и семейства; начали вооружать крѣпость, ставить пушки, готовить заряды и запасаться всѣмъ для отчаянной защиты. Оставшись въ стѣнахъ опустѣвшаго города, бакинскій ханъ приготовлялся къ оборонѣ съ твердою рѣшимостью не прежде оставить городъ, какъ тогда, когда невозможно будетъ болѣе въ немъ защищаться, и въ такомъ случаѣ бѣжать въ горы. Заваливъ всѣ городскія ворота каменьями, онъ оставилъ свободными только тѣ, въ которыя предполагалъ скрыться.

На другой день по занятіи русскими бакинскаго порта, Хусейнъ-Кули-ханъ послалъ своего чиновника къ начальнику экспедиціи спросить о причинѣ прихода эскадры. Завалишинъ отвѣчалъ, что пришелъ по высочайшему повелѣнію взять крѣпость, въ наказаніе за отступничество хана отъ договора, заключеннаго Ала-Верды-бекомъ, и въ то же время послалъ офицера къ хану съ письмомъ, въ которомъ требовалъ, чтобы онъ немедленно сдалъ городъ и крѣпость, а оружіе выслалъ на суда. Въ отвѣтъ на это требованіе прибывшіе два ханскіе чиновники объявили, что ихъ

---

[1]) Рап. Завалишина кн. Циціанову 7-го августа 1805 г. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416.

[2]) Предписаніе Завалишину 5-го августа 1805 г., № 526.

повелитель и народъ бакинскій признаютъ себя вѣрноподданными Государя и готовы сдать городъ, но просятъ прежде защитить ихъ стада, находящіяся на границахъ Кубинскаго и Ширванскаго ханствъ, которыя будутъ захвачены, какъ только сосѣди узнаютъ о сдачѣ ими крѣпости. Изъ этого ясно видна была хитрость Хуссейна выиграть только время, а потому для рѣшительнаго отвѣта ему данъ срокъ по 15-е августа [1]).

Въ тотъ день, когда срокъ кончился, Хуссейнъ просилъ отсрочки еще на два мѣсяца, обѣщая послѣ того сдать крѣпость безпрекословно. Завалишинъ отказалъ въ просьбѣ хана и требовалъ сдачи города до захожденія солнца, а иначе обѣщалъ приступить къ его бомбардированію. Солнце давно погрузилось въ морскія волны, а отвѣта не было, и блокирующіе видѣли приготовленіе бакинцевъ къ оборонѣ. Въ половинѣ 7-го часа 15-го августа началось бомбардированіе крѣпости; непріятель отвѣчалъ тѣмъ же. На слѣдующіе дни бомбардированіе продолжалось, но вскорѣ двѣ только бывшія на эскадрѣ мортиры разорвало [2]), а оставшіяся четыре 12-ти-фунтовыя пушки были малы и недостаточны для пролома трех-аршинной городской стѣны. Убѣдившись въ недостаточности своихъ артиллерійскихъ снарядовъ, Завалишинъ рѣшился сдѣлать дессантъ и блокировать крѣпость съ цѣлью заставить ее сдаться. 22-го августа онъ сдѣлалъ высадку на берегъ двумя отрядами, изъ коихъ однимъ командовалъ самъ, а другой поручилъ подполковнику Асѣеву. Атаковавши непріятеля, наши войска вогнали бакинцевъ въ крѣпость, захватили у нихъ два орудія, три знамени и заняли прибрежныя высоты, необходимыя для снабженія эскадры водою [3]). Желая прервать сообщеніе съ городомъ, Завалишинъ, 29-го августа двинулся двумя отрядами по окружающимъ Баку горамъ, съ намѣреніемъ занять болѣе важные пункты. Оба отряда состояли изъ 700 человѣкъ съ тремя орудіями. За неимѣніемъ лошадей, орудія везли на людяхъ, для чего

---

[1]) Рап. Завалишина кн. Циціанову 22-го августа 1805 г., № 900. Воен. Учен. Арх., д. № 2416.

[2]) Рап. Завалишина кн. Циціанову 22-го августа 1805 г.

[3]) Рап. капитанъ-лейтенанта Веселаго кн. Циціанову 23-го августа. Рап. Завалишина 28-го августа 1805 г. Воен. Учен. Арх., д. № 2416.

и было употреблено до 200 человѣкъ нижнихъ чиновъ [1]). Едва отряды поравнялись съ крѣпостью, какъ непріятель, вышедшій изъ города, началъ кучами подъѣзжать къ нашимъ фланкерамъ, но повсюду былъ прогоняемъ съ урономъ. Подвигаясь далѣе, наши войска вездѣ сбили упорно защищавшихся бакинцевъ и завладѣли важнѣйшими высотами, командовавшими крѣпостью. Стойкость бакинцевъ поддерживалась надеждою близкаго пособія, и, дѣйствительно, вскорѣ узнали, что кубинскій Шейхъ-Али-ханъ идетъ въ Баку на помощь.

Не имѣя возможности въ одно время отражать сильнаго непріятеля съ поля и успѣшно блокировать крѣпость, Завалишинъ, 3-го сентября, снявъ блокаду, возвратился на суда. Вслѣдъ затѣмъ ханы кубинскій и казыкумухскій съ многочисленнымъ войскомъ явились подъ Баку и 5-го сентября вошли въ городъ.

Потерявъ надежду принудить Хуссейнъ-Кули-хана къ сдачѣ крѣпости и не рѣшаясь штурмовать ее, по малолюдности десанта и силѣ укрѣпленій, Завалишинъ созвалъ, 8-го сентября, военный совѣтъ, который, принявъ въ соображеніе всѣ причины невозможности овладѣть Баку, опредѣлилъ оставить бакинскій рейдъ и слѣдовать къ острову Саро. Движеніе это имѣло цѣлью покровительствовать вооруженною рукою шекакійскому Джеханъ-Гиръ-хану, къ выводу имъ 4,000 татарскихъ семействъ, по условію, заключенному имъ въ Елисаветполѣ, при поступленіи его въ подданство Россіи. «Если сія эмиграція, писалъ князь Цаціановъ Завалишину [2]), возъимѣетъ свой успѣхъ и будетъ благополучное выпровожденіе къ Елисаветполю, то оная будетъ полезнѣе всѣхъ военныхъ дѣйствій, въ семъ краѣ происходящихъ, подвозами толико жителей изнуряющихъ.»

Съ отходомъ эскадры къ острову Саро, неудачи продолжали сопровождать генерала Завалишина. Болѣе мѣсяца напрасно ждалъ онъ въ Ленкорани вѣсти о движеніи шекакійцевъ: ни они, ни Джеханъ-Гиръ-ханъ не показывались. Причиною тому было недоброжелательство къ Россіи Миръ-Мустафы-хана талышинскаго, который на увѣдомленіе Джеханъ-Гиръ-хана, что онъ придетъ съ на-

[1]) Рап. Завалишина 13-го сентября 1805 г., № 919. Воен. Уч. Арх., д. № 2416.
[2]) Журналъ экспедиціи генерала Завалишина.

родомъ своимъ въ Талышинское владѣніе, гдѣ будетъ ожидать русскихъ, послалъ ему сказать, что если ханъ явится, то онъ связаннаго его отправитъ къ персидскому шаху [1]).

Получивши извѣстіе о неудачныхъ дѣйствіяхъ генералъ-маіора Завалишина, князь簡Циціановъ приказалъ ему, оправившись на островѣ Саро, идти снова къ Баку, занять выгодное мѣсто и «осѣдлавъ какую либо хорошей воды рѣчку, окопаться и сдѣлать землянки», наблюдая, чтобы сохранено было вѣрнѣйшее сообщеніе съ островомъ Наргеномъ, гдѣ находился магазинъ дессантнаго отряда [2]). Здѣсь Завалишинъ долженъ былъ дожидаться прибытія князя Циціанова съ главнымъ отрядомъ. Подъ предлогомъ осмотра Орѣшской крѣпости, находившейся во владѣніи шекинскаго хана и назначенной подъ постой баталіона, главнокомандующій хотѣлъ идти къ Баку, какъ только позволятъ ему средства.

Не смотря на неудачныя дѣйствія каспійской флотиліи, война персидскаго владѣтеля съ русскими, обнаруживая совершенное его безсиліе, казалось способствовала Циціанову къ скорѣйшему выполненію предположеннаго плана. Послѣ каждой неудачи Баба-хана кто нибудь изъ хановъ спѣшилъ отдаться въ подданство Имперіи. Такъ, послѣ кампаніи 1804 года ханы карабагскій и шекинскій поступили въ зависимость Россіи, а послѣ кампаніи 1805 года армяне искали покровительства Россіи и цѣлыми толпами переселялись въ наши границы. Ханъ хойскій просилъ также о выводѣ преданныхъ изъ прежде подвластнаго ему ханства. Генералъ-маіоръ Несвѣтаевъ отправленъ былъ для этой цѣли, съ отрядомъ изъ 500 человѣкъ пѣхоты и 180 казаковъ при пяти орудіяхъ. Выступивъ 7-го ноября изъ Артика, чрезъ Талынь къ Араксу, и безпрерывно сражаясь съ толпами куртинцевъ и эриванцевъ, онъ переправился чрезъ Араксъ и достигъ до селенія Керъ-Оглу. Послѣ множества затрудненій, причиненныхъ самимъ ханомъ хойскимъ, Несвѣтаевъ, 18-го ноября, вывелъ изъ этой крѣпостцы боязливаго хана съ 400 семействъ хойскихъ армянъ и татаръ. Переселенцы не имѣли ни скота, ни хлѣба; время стояло холод-

---

[1]) Изъ предписанія князя Циціанова Завалишину 8-го октября 1805 г.

[2]) Всеподд. рапортъ князя Циціанова 19-го октября 1805 года. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416.

ное и выпалъ глубокій снѣгъ. Спасая несчастныхъ, Несвѣтаевъ приказалъ уступить лошадей полунагимъ женщинамъ, а дѣтей ихъ, окоченѣвшихъ отъ холода, солдаты отогрѣвали на своихъ рукахъ. Такъ дотащились они до селенія Талыни, гдѣ и были оставлены на зимовку въ совершенной безопасности [1]).

Среди столь быстрыхъ успѣховъ нашего оружія на Кавказѣ, успѣховъ, сдѣланныхъ съ самыми ограниченными средствами и незначительными силами, князь Циціановъ былъ парализованъ въ дальнѣйшей дѣятельности, клонившейся къ исполненію предначертаннаго плана распространить наши владѣнія до береговъ обоихъ морей и поставить Куру и Араксъ границею нашею съ Персіею.

Политическія дѣла Европы приходили все въ бо́льшую и бо́льшую запутанность. Необходимость сосредоточенія войскъ на другихъ пунктахъ границы лишала наше правительство возможности не только усиливать войска, находившіяся на Кавказѣ новыми полками, но и пополнять тѣ, которые тамъ были. Главнокомандующій былъ предупрежденъ, чтобы онъ не разсчитывалъ на пополненіе и потому велъ бы оборонительную войну, вынуждаемую необходимостью обстоятельствъ. Ему вмѣнено въ обязанность утвердиться прочнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ водворилась уже власть Россіи, постараться привлечь Баба-хана къ миру и особенно склонять его къ тому, чтобы онъ отправилъ своего посла въ Петербургъ съ искательствомъ признанія его въ шахскомъ достоинствѣ, и обратить особенное вниманіе на внутреннее устройство пріобрѣтеннаго края.

«Сохраненіе завоеваній, вами пріобрѣтенныхъ, писалъ князь Чарторижскій [2]), устроеніе дорогъ, привлеченіе хановъ персидскихъ къ россійскому начальству и обезпеченіе предѣловъ Грузіи могутъ быть достаточными занятіями на сей разъ, для неутомимой вашей дѣятельности...»

Князь Циціановъ отвѣчалъ на все это, что въ обѣ кампаніи не онъ начиналъ войну. Въ первый разъ, спасая Грузію отъ

---

[1]) Рапортъ Несвѣтаева князю Циціанову 30-го ноября 1805 года. Воен. Учен. Арх., дѣло № 2416.

[2]) Князю Циціанову 8-го сентября 1805 года.

театра разорительной войны, встрѣтилъ нашествіе персіянъ въ Эриванскомъ владѣніи; въ другой разъ защищалъ Карабагское ханство, какъ провинцію России; слѣдовательно, въ оба раза заботился только объ обезпеченіи границъ отъ покушеній Баба-хана, и если, говорилъ онъ, продолжать исполненіе этихъ непремѣнныхъ обязанностей, то значитъ по-прежнему вести съ нимъ войну. Князь Цицiановъ спрашивалъ: неужели ему для веденія оборонительной войны запереться съ гарнизономъ въ Шушѣ, когда персіяне будутъ уничтожать карабагскія долины? Неужели оставаться спокойнымъ и не препятствовать персіянамъ, когда они потянутся въ Дербентъ, потому что сопротивленіе сему намѣренію будетъ выходить изъ системы оборонительной? Или когда Баба-ханъ войдетъ въ Эриванское владѣніе, съ намѣреніемъ вторгнуться въ Грузію, то, вслѣдствіе предписываемаго образа дѣйствій, ждать его у четырехъ входовъ въ предѣлы Грузіи и тѣмъ защиту ихъ сдѣлать слабою и ненадежною? Вотъ причины, по которымъ оборонительную войну главнокомандующій считалъ невозможною. Что же касается до внушенія Баба-хану мысли объ искательствѣ имъ мира у России, то полагалъ, что, когда онъ теряетъ область за областью, когда владычество наше распространяется до Куры и Аракса и можетъ распространиться и на адербейджанскія ханства, по ту сторону этихъ рѣкъ, то въ это время невозможно внушеніями склонить его къ искательству мира; онъ, конечно, будетъ стараться силою возвратить потерянное и удержать свое владычество въ Адербейджанѣ. Когда же осенью покорена будетъ Баку, когда ширванскій владѣтель вступитъ въ подданство, когда зимою Эривань падетъ предъ оружіемъ русскихъ, тогда-то можно будетъ объявить Баба-хану, что Россія даруетъ ему миръ, поставляя рубежомъ своихъ завоеваній Куру и Араксъ [1]).

Руководимый такою идеею, князь Цицiановъ намѣренъ былъ продолжать военныя дѣйствія и въ предстоящую осень овладѣть Бакинскимъ ханствомъ.

---

[1]) Князь Цицiановъ князю Чарторижскому 19-го октября 1805 года.

XXVI.

Движеніе къ Баку генералъ-маіора Завалишина.—Движеніе туда же самого главнокомандующаго.—Принятіе въ подданство Мустафы-хана ширванскаго.—Переписка князя Циціанова съ бакинскимъ ханомъ.—Хуссейнъ-Кули-ханъ соглашается сдать крѣпость на дискрецію.—Условія сдачи.—Измѣнническое убійство князя Циціанова.

Генералъ-маіоръ Завалишинъ, какъ мы видѣли, отступилъ отъ Баку, не взявши крѣпости.

«Скажу вашему превосходительству, писалъ ему князь Циціановъ [1]), что если бы я не ходилъ по горницѣ на костыляхъ, отъ изнурившей меня болѣзни, и еслибъ четыреста верстъ меня не раздѣляли съ вами,—хотя сія и невелика остановка, а самая важная та, что я не имѣю отъ васъ курьера и не могу знать послѣдней вашей резолюціи объ отступленіи,—то я бы полетѣлъ на выручку славы русской, и скорѣй бы легъ подъ стѣнами Баку, нежели далъ кичиться Хуссейнъ-Кули-хану тѣмъ, что онъ отбилъ русскія войска, и что они ничего ему не сдѣлали.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій приказалъ Завалишину вновь идти съ эскадрою отъ острова Сары къ Баку и, высадя тамъ свой отрядъ, принудить бакинскаго хана сдаться на условіяхъ.

Завалишинъ сдѣлалъ снова высадку въ Апшеронѣ, въ 40 верстахъ отъ Баку [2]), и послалъ къ Хуссейнъ-Кули-хану предложеніе о вступленіи его въ подданство Россіи, и условія трактата, на которыхъ онъ можетъ сдаться. Ханъ отвѣчалъ, что онъ съ полученія присланныхъ генераломъ бумагъ уже считаетъ себя вѣрноподданнымъ Россійскаго Императора, но удивляется, отчего Завалишинъ, если имѣлъ эти бумаги прежде, не присылалъ ихъ къ нему до начатія бомбардированія города? тогда бы не встрѣтилъ никакого сопротивленія, «а теперь, писалъ онъ, мы уже не вѣримъ, что онѣ присланы отъ его императорскаго величества, а полагаемъ, что онѣ составлены вами.»

---

[1]) Предписаніе князя Циціанова Завалишину 24-го сентября 1805 года, № 681. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1511.

[2]) Изъ донесенія кн. Циціанова Государю Императору 27-го ноября 1805 г.

Бакинскій ханъ ссылался на то, что онъ и въ первый приходъ Завалишина не хотѣлъ противиться русскому оружію и просилъ два мѣсяца сроку собственно только потому, что многіе изъ купцовъ бакинскихъ находились въ разныхъ персидскихъ городахъ, и если бы персіяне узнали, что бакинскій ханъ сдалъ городъ русскимъ, то разграбили бы товары и истребили бы всѣхъ купцовъ [1]).

Завалишинъ доносилъ, что по всѣмъ свѣдѣніямъ Хуссейнъ не думаетъ о сдачѣ города; что бакинцы крайне недовольны поведеніемъ хана, который собралъ съ народа 150,000 руб. подати для уплаты Шейхъ-Али-хану дербентскому; что вывозъ соли и нефти, которыми Баку снабжала всѣ персидскія владѣнія, съ приходомъ русскихъ также прекратился, и это прекращеніе вывоза еще болѣе разоряло народъ. Всѣ эти соображенія заставили Завалишина предполагать, что съ приходомъ самого князя Циціанова подъ Баку кичливость хана уничтожится и онъ сдастъ городъ [2]).

Изнеможенный тяжкими болѣзнями, но желая загладить неудачныя дѣйствія Завалишина, главнокомандующій, съ отрядомъ изъ 1,663 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи при 10-ти орудіяхъ, въ концѣ ноября выступилъ изъ Елисаветполя въ Баку [3]). Ненастное зимнее время и пароксизмы изнурительной лихорадки, повторявшіеся нѣсколько разъ въ день, ослабляли здоровье князя Циціанова. Во время похода его снимали съ лошади, клали на землю, и часто подъ снѣгомъ и дождемъ выдерживалъ онъ сильные припадки болѣзни и потомъ догонялъ отрядъ на привалахъ.

Въ необходимости движенія къ Баку главнокомандующаго убѣждали слѣдующія обстоятельства.

1) Походъ весною былъ неудобенъ по разлитію малыхъ рѣкъ и «худобѣ скота», какъ перевозочнаго средства. 2) Выпавшій въ ноябрѣ 1805 года снѣгъ, доходившій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глу-

---

[1]) Переводъ письма хана къ Завалишину.

[2]) Рап. Завалишина кн. Циціанову 23-го октября 1805 года.

[3]) Отрядъ его составляли: два баталіона Севастопольскаго мушкетерскаго полка, въ коихъ было 779 человѣкъ, шесть ротъ 9-го егерскаго полка въ 290 человѣкъ, 128 человѣкъ Тифлисскаго мушкетерскаго полка, 113 человѣкъ донскихъ казаковъ, 74 челов. линейныхъ казаковъ, 151 челов. кизихскихъ татаръ и 10 орудій съ прислугою. Донесеніе кн. Циціанова Государю Императору 27-го ноября 1805 года.

биною до сажени, на пространствѣ отъ Тавриза до Карадага, отнималъ возможность у персіянъ дать помощь бакинскому хану, и наконецъ, 3) завладѣвъ Баку, и приведя въ подданство ширванскаго хана, можно было гораздо успѣшнѣе склонять Баба-хана къ миру. «Если же бы удалось, писалъ князь Цыціановъ, зимнею кампаніею взять и Эривань, тогда бы можно было послать прямо къ нему (Баба-хану) съ объявленіемъ, что Россія даетъ ему миръ. Сіи то причины, сопряженныя, по мнѣнію моему, съ достоинствомъ Имперіи, заставили меня предпринять сей походъ.»

Движеніе свое къ Баку князь Цыціановъ предпринялъ черезъ владѣнія Мустафы-хана ширванскаго, съ цѣлью заставить и этого владѣтеля вступить въ подданство Россіи.

Еще въ 1804 году, воспользовавшись паденіемъ Ганжи и найдя въ числѣ плѣнныхъ двухъ человѣкъ хана ширванскаго, присланныхъ имъ къ Джевадъ-хану, князь Цыціановъ отпустилъ ихъ въ Ширвань, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они своими разсказами о силѣ русскихъ и паденіи Ганжи облегчатъ и подготовятъ путь къ переговорамъ съ Мустафою-ханомъ относительно вступленія его въ подданство Россіи.

Переговоры эти дѣйствительно скоро начались и тянулись въ теченіе всего 1804 года. Мустафа не отказывался отъ вступленія въ подданство, но требовалъ, чтобы ему подчинены были всѣ ханства, надъ которыми онъ признавалъ свою власть, а именно: шекинское, ширванское, муганское, рудбарское, сальянское и бакинское. Безъ этого ширванскій ханъ не вступалъ въ дальнѣйшіе переговоры. Такъ прошелъ годъ. Въ началѣ 1805 года, при вступленіи въ подданство Селимъ-хана шекинскаго, князь Цыціановъ отправилъ въ Ширвань маіора Тарасова, которому поручено указать хану на тѣ выгоды, которыя онъ можетъ пріобрѣсти, сдѣлавшись русскимъ подданнымъ; показать письмо шамхала тарковскаго, изъ котораго Мустафа долженъ былъ видѣть, сколько противъ него враждующихъ въ Дагестанѣ, и обѣщать утвержденія власти его на Сальяны.

Послѣ переговоровъ съ Тарасовымъ, ханъ соглашался вступить въ подданство, но отказался отъ платежа дани и принятія русскихъ войскъ въ свое ханство. Переговоры эти не мѣшали,

однако же, Мустафѣ, при вторженіи персіянъ въ Карабагъ, отправить къ Баба-хану 500 человѣкъ конно-вооруженныхъ, которые, по окончаніи военныхъ дѣйствій, были обобраны персіянами до послѣдней нитки и отпущены въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Видя пораженіе персіянъ и ихъ безсиліе противъ русскихъ войскъ, Мустафа, узнавъ, что князь Цицiановъ будетъ въ Шушѣ, отправилъ къ нему туда своего посланнаго съ письмомъ. Главнокомандующій, не распечатавъ, бросилъ его прибывшему въ лицо и объявилъ, что Мустафа можетъ вступить въ подданство Россіи не иначе, какъ на слѣдующихъ непремѣнныхъ условіяхъ: 1) отказаться отъ всякой зависимости Персіи; 2) не имѣть никакого сношенія съ окрестными владѣльцами и не принимать отъ нихъ пословъ безъ предварительнаго сношенія о томъ съ главнокомандующимъ; 3) отпустить въ Карабагъ всѣ семейства, захваченныя въ плѣнъ ширванскимъ ханомъ; 4) возвратить карабагскому хану мѣстечко Джаватъ; 5) дать въ аманаты брата своего Измаилъ-бека и дѣтей четырехъ знатнѣйшихъ бековъ; 6) вносить ежегодно по 10,000 червонцевъ дани и 7) отвѣчать за безопасность карафвановъ, слѣдующихъ черезъ Ширванское ханство, давая для препровожденія ихъ чиновника и конвой.

Взамѣнъ того, Мустафѣ обѣщано оставленіе его по-прежнему ханомъ, охраненіе цѣлости его владѣнія, высочайшая грамота объ утвержденіи его въ ханскомъ достоинствѣ, пожалованіе знамени съ русскимъ гербомъ и оставленіе Сальянъ въ его владѣніи [1]).

Мустафа, соглашаясь на бо́льшую часть условій, не соглашался на уступку Джавата, говоря, что мѣстечко это никогда не принадлежало карабагскому хану; онъ соглашался платить дань, но не болѣе того, сколько платилъ Селимъ-ханъ шекинскій (7,000 червонц.), и, наконецъ, просилъ оставить у него карабагцевъ, такъ какъ они, переселившись въ его владѣнія, обзавелись уже домами, садами и вообще всѣмъ хозяйствомъ [2]).

---

[1]) Кн. Цицiановъ Мустафѣ-хану 15-го августа 1805 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1348.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 667.

Точно также ханъ не соглашался пріѣхать, по примѣру карабагскаго и шекинскаго хановъ, на рѣчку Куракъ-чай, для свиданія съ княземъ Циціановымъ и подписки трактата. Какъ азіятецъ, Мустафа, вступая въ русское подданство и продолжая переговоры объ этомъ, не считалъ предосудительнымъ принять въ подарокъ отъ Баба-хана лошадь, «слѣдовательно, писалъ ему князь Циціановъ, двумъ господамъ разомъ и по-персидски служить намѣрены — Россіи зимою, а зайцу Баба-хану — лѣтомъ.» Главнокомандующій звалъ его на Куракъ-чай и ручался за его безопасность. «Я три года здѣсь, писалъ онъ, всѣ знаютъ, умѣю ли я держать свое слово безъ присяги; вѣрьте мнѣ, буде бы вы осмѣлились отъ азіятскаго вѣроломства, вамъ по опытамъ извѣстнаго, пріѣхать ко мнѣ на Куракъ-чай, съ двумя человѣками служителей, то вы бы были и тогда въ такой же безопасности, какъ въ своемъ гаремѣ. Кого я обманулъ? скажите мнѣ, и на что тому обманъ, у кого сила въ рукахъ? Итакъ буде, ваше высокостепенство, не согласитесь на Куракъ-чай пріѣхать, обще со мною подписать трактатъ, тогда дѣло объ ономъ должно прерваться.»

Настойчивое требованіе князь Циціанова вызывалось необходимостью. Онъ не хотѣлъ оказать Мустафѣ преимущества передъ ханами карабагскимъ и шекинскимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желалъ уступить его прихотливымъ требованіямъ, что могло бы имѣть вліяніе на будущія съ нимъ сношенія.

— Для достоинста Россійской Имперіи, говорилъ князь Циціановъ, необходимо, чтобы трактатъ о подданствѣ былъ подписанъ на ея землѣ.

Мустафа отказывался и предлагалъ устроить свиданіе на рѣкѣ Тертерѣ.

«Письмо вашего высокостепенства, отвѣчалъ на это князь Циціановъ, о свиданіи нашемъ на Тертерѣ я получилъ, съ присовокупленіемъ, чтобъ я кромѣ какъ о свиданіи ничего инаго не приказывалъ. Мнѣ же приказывать и нечего, а долженъ вамъ и въ послѣдній разъ сказать, что съ миромъ на Гарничаѣ, а съ войною на Фитдагѣ [1]), я съ вами видѣться могу и буду; по чу-

[1]) Гора—мѣсто резиденціи хана.

жой дудкѣ я никогда не плясалъ, а по вашей еще менѣе плясать буду.»

Не надѣясь мирными переговорами достигнуть конца, князь Цыціановъ рѣшился силою заставить Мустафу-хана подписать трактатъ. Главнокомандующій приказалъ карабагскому хану приготовить 1,000 человѣкъ конницы, для присоединенія къ отряду, имѣющему дѣйствовать противъ ширванскаго хана. Нѣсколько баталіоновъ подвинуто ближе къ его владѣніямъ и приказано при Менгечаурѣ приготовить переправу для отряда. Селимъ-хану шекинскому также послано приказаніе приготовиться къ содѣйствію экспедиціи противъ Мустафы. Шекинскій ханъ явился тогда къ князю Цыціанову съ предложеніемъ взять на себя посредничество въ переговорахъ главнокомандующаго съ ширванскимъ ханомъ. Прежде заклятый врагъ ширванскаго хана и просившій у насъ противъ него защиты, Селимъ счелъ теперь болѣе выгоднымъ для себя помириться и даже породниться съ Мустафою. Онъ посваталъ за своего сына племянницу Мустафы, и свадьба связала узами дружбы прежнихъ враговъ. Селимъ сталъ уговаривать своего новаго родственника принять условія и выѣхать на свиданіе съ княземъ Цыціановымъ. Онъ обѣщалъ выдать Мустафѣ въ залогъ своего сына на то время, пока Мустафа пробудетъ въ русскомъ лагерѣ для окончанія переговоровъ и подписанія трактата. Селимъ просилъ князя Цыціанова подождать начатіемъ непріязненныхъ дѣйствій. Главнокомандующій согласился, но прошло двѣ недѣли, а успѣха въ посредничествѣ Селима не было видно. Отрядъ двинулся на переправу; Селимъ снова просилъ подождать. Князь Цыціановъ далъ сроку четыре дня, но прошли и назначенные дни, а отвѣта не было никакого. Тогда, 28-го ноября, князь Цыціановъ самъ прибылъ къ Менгечаурской переправѣ. Мустафа собралъ всѣхъ своихъ людей изъ деревень и ушелъ съ ними въ горы. Князь Цыціановъ приказалъ Селиму выставить 500 человѣкъ шекинской конницы на Гокчай, границу шекинскаго владѣнія, и объявилъ, что Мустафа-ханъ съ этихъ поръ непріятель Россіи [1]).

30-го ноября отрядъ переправился чрезъ Куру въ Мингечаурѣ,

[1]) Письма кн. Цыціанова Селимъ-хану 22-го, 26-го и 28-го ноября 1805 года. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, №№ 1327—1329.

мѣстечкѣ Шекинскаго ханства, и оттуда семью переходами пришелъ 11-го декабря къ водопроводу Барумъ-архъ, въ пяти верстахъ отъ города Новой Шемахи. На одномъ изъ ближайшихъ возвышеній показалась толпа ширванцевъ, но казаки послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ заставили ихъ удалиться. Циціановъ просилъ Мустафу «не губить напрасно свой народъ», но ширванскій владѣтель, хотя и уступалъ всѣмъ требованіямъ главнокомандующаго, но, по недовѣрчивости, не хотѣлъ послѣдовать примѣру своихъ сосѣдей и пріѣхать на границу Елисаветпольскаго округа для совершенія акта подданства. Какъ тогда, такъ и теперь онъ боялся явиться къ главнокомандующему, предполагая, что будетъ схваченъ и лишенъ сана.

Изъ-подъ Новой Шемахи отрядъ перешелъ на гору Чартму, а выше ея, на Фитдагѣ [1]), Мустафа-ханъ со всѣми своими войсками заперся въ укрѣпленіяхъ. Увѣренія главнокомандующаго въ безопасности Мустафы, а болѣе близость русскихъ войскъ заставили, наконецъ, трусливаго хана рѣшиться прибыть въ станъ русскій, для принятія присяги на вѣрноподданство, но только съ тѣмъ, чтобы свиданіе его съ главнокомандующимъ было въ отдаленіи отъ лагеря, съ извѣстнымъ числомъ конвоя съ обѣихъ сторонъ и не въ палаткѣ, а въ открытомъ полѣ.

Все было исполнено по желанію хана, и 25-го декабря, «въ день свѣтлый Рождества Христова», князь Циціановъ присоединилъ къ Россіи обширную и богатую провинцію, пріобрѣтенную безъ пролитія крови. Мустафа-ханъ ширванскій съ своимъ народомъ вступилъ въ подданство Россіи и присягою утвердилъ свою вѣрность. Условія заключеннаго трактата разнились отъ условій, принятыхъ сосѣдними владѣтелями только тѣмъ, что Мустафа обязался возвратить Ибрагимъ-хану всѣхъ природныхъ карабагскихъ жителей; уступить ему же мѣстечко Джаватъ; отвѣчать въ своемъ владѣніи за безопасность купеческихъ каравановъ; давать рабочихъ для возведенія укрѣпленій при устьѣ Куры, и въ знакъ подданства платить Россіи ежегодно по 8,000 червонцевъ [2]). Въ Ширвани считалось въ то время до 25,000 домовъ населенія, о бо-

[1]) Одной изъ высокихъ горъ Кавказскаго хребта.
[2]) Подлинный трактатъ см. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 676.

гатствѣ котораго, по словамъ князя Циціанова [1]), можно было судить по тому, «что въ самыхъ пустыхъ деревняхъ наши фуражиры находили въ простыхъ мужичьихъ домахъ англійскую фаянсовую посуду и другія вещи, доказывающія о ихъ изобиліи и даже роскоши.»

Съ такимъ успѣхомъ совершались тѣ предпріятія Циціанова, въ которыхъ исполнителемъ былъ онъ самъ, и планъ военныхъ дѣйствій на 1805 годъ, не смотря на неудачу каспійской флотиліи, не смотря на всѣ усилія Персіи уничтожить замыслы Циціанова, созрѣвалъ въ полномъ своемъ объемѣ и давалъ именно тѣ результаты, на которые разсчитывалъ главнокомандующій. Со стороны Каспійскаго моря оставалось покорить только Баку. Циціановъ писалъ къ бакинскому хану изъ Ширвани: «иду подъ Баку съ тѣмъ, что буде ваше высокостепенство не сдадите мнѣ крѣпости Бакинской на тѣ условія, которыя прислалъ вамъ генералъ-маіоръ Завалишинъ съ острова Сары, то или умереть подъ стѣнами оной крѣпости, или взять такимъ образомъ, какъ и Елисаветпольскую, что называлась Ганжою [2]).

«Принявъ твердое намѣреніе оное исполнить, я не скрываю его отъ вашего высокостепенства, а открываю его во всей наготѣ, прибавя къ тому, что буде допустите вы меня до Баку, тогда уже условіе, генералъ-маіоромъ Завалишинымъ вамъ присланное, не можетъ быть въ дѣйствіи, и тогда иной сдачи крѣпости быть не можетъ, какъ на волѣ побѣдителей и сильныхъ или взятіе штурмомъ. Не подумайте, однако жъ, что я говорю сіе, стращая только по персидскому обычаю; напротивъ, я надѣюсь, что въ три года моего здѣсь пребыванія ваше высокостепенство наслышались, что я всегда слово свое исполнялъ. Такъ я предсказывалъ Джевадъ-хану, что возьму Ганжу и сдѣлалъ то; послѣдуйте моему совѣту, заключите контрактъ съ генералъ-маіоромъ Завалишинымъ, впустите русскій гарнизонъ въ Баку и вышлите ко мнѣ съ извѣстіемъ на встрѣчу, тогда я васъ увѣряю, что счастіе ваше совершенно будетъ. Вы узрите, что я знакомыхъ своихъ не забываю,

[1]) Донесеніе кн. Циціанова Государю Императору 27-го декабря 1805 г.

[2]) Письмо кн. Циціанова Хуссейнъ-Кули-хану 23-го ноября 1805 г., Акты Кавк. Археог. Комм., т. II, № 1516.

въ противномъ же случаѣ, увѣряю, что Шейхъ-Али-ханъ мерзкій васъ и ваше семейство вводитъ въ вѣчную пагубу. Наконецъ, прошу Бога, чтобы онъ васъ наставилъ на путь истинный.»

«И такъ знакомство мое съ вами налагаетъ на меня обязанность предупредить васъ въ пагубѣ, въ которую вы вовлекаете себя, дѣлаясь преслушнымъ священной волѣ его императорскаго величества, всемилостивѣйшаго моего и великаго Государя государей Императора; пощадите себя и свое семейство, прошу васъ по прежнему знакомству, избѣгайте жребія Джевадъ-хана, а послѣ все дѣло исправиться можетъ, и вы усердіемъ, доказаннымъ на дѣлѣ, пріобрѣтете новыя выгоды отъ милосердаго и всемилостивѣйшаго монарха, лишь допустя меня до Баку.»

Неисполненіе Мустафою-ханомъ ширванскимъ условія о немедленномъ возвращеніи карабагскихъ семей и позднее доставленіе имъ по обязательству провіанта для отряда задержало на нѣкоторое время движеніе къ Баку отряда князя Циціанова. Мустафа, не исполняя трактата, давалъ совѣты главнокомандующему какъ поступить съ бакинскимъ ханомъ. «Не Мустафѣ-хану меня учить, писалъ князь Циціановъ хану ширванскому [1]), что мнѣ нужно дѣлать и чего не нужно; я знаю самъ, что я дѣлаю, и то, что вамъ кажется ненужнымъ, я считаю за необходимое. Учить вы можете своихъ бековъ, а не меня.»

Чрезвычайно трудный перевалъ черезъ Шемахинскія горы при безкормицѣ, безпрестанныхъ снѣгахъ, смѣняющихся дождемъ, замедляли движеніе, и отрядъ пришелъ подъ Баку 30-го января 1806 года, расположившись лагеремъ при урочищѣ Нахаръ-Булахъ. Оттуда Циціановъ послалъ 300 человѣкъ на помощь генералу Завалишину, предписавъ ему укрѣпиться противъ Баку [2]).

2-го февраля Завалишинъ соединился съ отрядомъ князя Циціанова, имѣя подъ ружьемъ только 486 человѣкъ и 4 полевыя орудія. Отрядъ Завалишина сталъ на лѣвомъ флангѣ расположенія князя Циціанова и занялъ высоту, лежащую противъ Кубинскихъ

---

[1]) Письмо хану ширванскому отъ 2-го января 1806 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1369.

[2]) Предписаніе Завалишину 31-го января 1806 г.

воротъ города. Вьюга и мятель встрѣтили русскія войска подъ Баку [1]).

Явившись подъ стѣнами крѣпости, главнокомандующій снова призывалъ Хуссейнъ-Кули-хана къ раскаянію и требовалъ отъ него безусловной сдачи. «Письмо вашего высокостепенства я получилъ, и, къ сожалѣнію моему, вижу, что переписка наша ни къ чему окончательному насъ не ведетъ, для того, что ваше высокостепенство на главнѣйшее содержаніе моего письма, то есть, сдаете ли вы на мою совѣсть крѣпость или нѣтъ? не отвѣчаете ни слова; а я призванъ за тѣмъ, чтобы взять городъ. Ничего же незаключающія въ себѣ ваши извиненія въ письмѣ для меня не нужны; и я въ послѣдній разъ требую отъ вашего высокостепенства дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ на главное мое требованіе: сдаете ли вы городъ на совѣсть мою или нѣтъ?»

Хотя главнокомандующій и предоставлялъ хану предложить свои условія, но предупреждалъ его, что Баку, какъ портовый городъ, не можетъ быть безъ россійскаго гарнизона; что потому же самому невозможно оставить въ рукахъ хана тамошній доходъ, и наконецъ, что Россія не можетъ терпѣть притѣсненія купечества, и для большей вѣрности хана требуетъ старшаго сына въ аманаты.

«Вотъ четыре главнѣйшіе пункта, на кои буде вы согласиться не можете, то лучше всего прекратить переписку и положиться на вашу храбрость и вашихъ подданныхъ при оборонѣ города, а я буду дѣлать что мнѣ должно, и тогда увидимъ, какъ Богу распоряжать угодно будетъ. Впрочемъ, воля ваша; съ симъ письмомъ отправляю къ вашему высокостепенству Нарвскаго драгунскаго полка подполковника и перваго грузинскаго князя Элизбара Эристова-Ксанскаго и жду отвѣта завтрашній день поутру.»

Въ отвѣтъ на это послѣднее требованіе Хуссейнъ-Кули-ханъ написалъ, что сдаетъ Бакинскую крѣпость на дискрецію (т. е. на совѣсть или волю главнокомандующаго) и повергаетъ себя со всѣмъ своимъ владѣніемъ и народомъ въ вѣчное подданство Всероссійской Имперіи. При этомъ Хуссейнъ изъявлялъ надежду, что Госу-

[1]) Жур. экспед. Завалишина. Т. А. Главн. Штаба Кавказской арміи, дѣло 1806 г., № 33.

дарь, принявъ во вниманіе заслуги, оказанныя имъ въ бытность русскихъ войскъ въ Баку 1796 года, не лишитъ его ханства и оставитъ при прежнихъ его выгодахъ [1]). Циціановъ отвѣчалъ, что Государь даруетъ ему управленіе Бакинскимъ ханствомъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Отправленіе вѣры во всемъ ханствѣ и для всѣхъ остается совершенно свободнымъ. 2) Управленіе ханствомъ навсегда предоставляется Хуссейну и его роду, съ тѣмъ, чтобы кротость, милосердіе и человѣколюбіе были основаніями онаго. 3) Судъ и расправа предоставляются владѣтелю, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій, въ сужденіи которыхъ будетъ участвовать комендантъ бакинскаго гарнизона. 4) Доходы съ ханства, за исключеніемъ томоженныхъ сборовъ, предоставляются въ пользу хана. 5) Отпускъ соли и нефти, въ количествѣ, необходимомъ собственно только для употребленія войскъ въ Закавказскомъ краѣ, производить безденежно по билетамъ за подписью главнокомандующихъ Грузіею. 6) Для бакинскаго гарнизона отвести въ окружныхъ деревняхъ удобныя квартиры. 7) По обычаю азіятскому, сверхъ присяги въ залогъ вѣрности, ханъ обязанъ выдать сына своего въ аманаты. 8) Какъ ханъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго краемъ, то безмолвное повиновеніе приказаніямъ его, или кому отъ него поручено будетъ на письмѣ, «есть безотговорочная должность хана» и, наконецъ, 9) Измѣна присяги подвергаетъ его неизбѣжному отрѣшенію отъ ханства [2]).

Къ этому кн. Циціановъ присоединилъ письмо слѣдующаго содержанія: «Любезный Хуссейнъ-Кули-ханъ! Написавъ къ вамъ письмо въ лицѣ русскаго генерала, долгомъ считаю, по старому знакомству, писать сіе какъ брату и другу. Поелику вы мнѣ предаетесь въ мою волю, то увѣряю васъ Всемогущимъ Богомъ, въ котораго вѣрую, что не токмо не оставлю васъ, какъ вы въ письмѣ своемъ изъяснили, но выгоды собственныя ваши и вашихъ подданныхъ буду наблюдать точно какъ мои, зная, что милосердіе всемилостивѣйшаго Государя и ангелоподобнаго Императора безпредѣльно. Все старое забудемъ и останемся на вѣчныя времена

---

[1]) Письмо бакинскаго хана 4-го февраля 1806 года.

[2]) Сообщеніе кн. Циціанова бакинскому хану 4-го февраля 1806 г.

друзьями, съ каковымъ расположеніемъ остаюсь душою и сердцемъ вамъ доброжелательнымъ [1].»

Хуссейнъ-Кули-ханъ отвѣчалъ: «Письмо вашего сіятельства, въ которомъ изволили предложить мнѣ для исполненія нѣкоторые пункты, я получилъ чрезъ почтеннаго князя Элизбара Эристова, и отправляю къ вашему сіятельству почтеннаго чиновника моего Абдулъ-Хуссейнъ-бека, который на письмо ваше доложитъ вашему сіятельству мой отвѣтъ и котораго слова будутъ точныя мои слова.»

Абдулъ-Хуссейнъ-бекъ объявилъ Циціанову, что ханъ его съ покорностію пріемлетъ всѣ милости Государя и на другой день передастъ ключи крѣпости чрезъ почтенныхъ обывателей бакинскихъ.

Князь Циціановъ, поутру 8-го февраля, въ сопровожденіи караула изъ 200 человѣкъ 16-го егерскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Асѣева, назначеннаго для занятія Баку, приблизился къ колодцу, отстоящему въ полуверстѣ отъ крѣпостныхъ стѣнъ. Утро было холодное, но ясное. Въ 10 часовъ утра главноуправляющій, въ сопровожденіи генераловъ Завалишина и Гурьева, пошелъ къ колодцу. Бакинскіе старшины подали ему хлѣбъ-соль и ключи, извиняясь, что ключи не серебряные, которыхъ не успѣли сдѣлать. Ссылаясь на то, что ханъ не приготовился къ пріему, старшины просили отложить свиданіе до другаго дня. Князь Циціановъ отклонилъ эту просьбу.

— Я вышелъ не для того, чтобы возвращаться, проговорилъ онъ, а если и сдѣлаю это, то въ другой разъ приду уже съ лѣстницами.

Для объявленія хану послѣднихъ словъ, главнокомандующій отправилъ въ городъ князя Эристова [2]), который возвратился вмѣстѣ съ старшинами, просившими главнокомандующаго лично успокоить ихъ хана въ томъ, что онъ будетъ прощенъ за оказанное имъ сопротивленіе. Князь Циціановъ согласился видѣться съ Хус-

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1527. Кавказъ 1846 года, № 8.

[2]) Журналъ экспедиц. Завалишина. Т. А. Главн. Шт. Кавк. Арміи, 1806 года, № 33.

сейнъ-Кули-ханомъ и возвратилъ старшинамъ ключи отъ крѣпости съ тѣмъ, чтобы самъ владѣлецъ вручилъ ихъ ему.

Въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ своей свиты ханъ выѣхалъ изъ крѣпости, встрѣтился съ княземъ Циціановымъ какъ старый знакомый и передалъ ему ключи города. Послѣ взаимныхъ объятій Хуссейнъ-Кули-ханъ предложилъ главнокомандующему сѣсть на *намедъ* или войлокъ. Передъ ними стояли два персіянина, а позади Ибраимъ-бекъ, приближенный хана. Въ знакъ почета, по азіятскому обычаю, Хуссейнъ передалъ князю Циціанову кальянъ, и когда тотъ взялъ въ ротъ *ней-пичъ* (конецъ кальяна), то, по заранѣе сдѣланному словію, Ибраимъ-бекъ выстрѣлилъ ему въ затылокъ, а вслѣдъ затѣмъ другимъ выстрѣломъ былъ убитъ и князь Эристовъ, сопровождавшій главнокомандующаго. Отрѣзавши голову князю Цицiанову, Ибраимъ-бекъ ускакалъ въ городъ, а оттуда отправился къ Аббасъ-Мирзѣ въ Тавризъ, за что и получилъ отъ наслѣдника персидскаго престола званіе хана. Въ день пріѣзда Ибраимъ-бека Тавризъ былъ иллюминованъ.

Вслѣдъ за убійствомъ князя Цицiанова съ крѣпостныхъ стѣнъ былъ открытъ огонь по нашему отряду, стоявшему у колодца. Войска отступили, не успѣвши выручить тѣло своего главнокомандующаго. Оно было зарыто у воротъ крѣпости, гдѣ долгое время виднѣлась могила грознаго русскаго *инспектора* [1]).

Впослѣдствіи армяне скрыли тѣло въ засмоленномъ гробѣ, и оно оставалось до 1808 года непогребеннымъ въ церкви Аствадцъ-Задзна.

Только черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти князя Павла Дмитріевича, главнокомандующій на Кавказѣ маркизъ Паулуччи перенесъ тѣло его въ Тифлисъ и положилъ въ Сіонскомъ соборѣ, гдѣ и былъ воздвигнутъ памятникъ съ надписью на русскомъ и грузинскомъ языкахъ:

«Здѣсь покоится князь Павелъ Дмитріевичъ Цицiановъ, главнокомандовавшій Россійскою арміею въ Грузіи, котораго непріятели,

---

[1]) Такъ называли князя Цицiанова всѣ жители Закавказья. Отношеніе полковника Карягина Лисаневичу отъ 16-го февраля. Показаніе бакинца Амиръ-Гамирзы 25-го ноября 1806 года. Всеподд. рапортъ Завалишина 15-го февраля 1806 года.

бывъ слабы побѣдить, измѣннически умертвили въ ту самую минуту, когда онъ, принудивъ къ сдачѣ Бакинскую крѣпость, приближался къ стѣнамъ оной, для принятія ключей, и коего тѣло доселѣ хранилось въ Бакѣ непогребеннымъ.

«Исполнитель же священной воли его величества Императора Александра I, маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи, главнокомандующій въ Грузіи, подъ симъ монументомъ сокрылъ тлѣнные останки сего генерала, коего слава переживетъ прахъ его. Декабря 1811 года» [1]).

XXVII.

Дѣятельность князя Циціанова по внутреннему управленію краемъ. — Народное образованіе грузинъ. — Предположеніе объ учрежденіи въ Тифлисѣ гимназіи и о сформированіи коннаго грузинскаго полка. — Грузинская типографія, устроенная царемъ Иракліемъ II. — Устройство быта духовенства и сельскаго населенія. — Карантинныя и таможенныя заставы. — Уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ. — Предположеніе князя Циціанова о заведеніи въ Грузіи суконныхъ и кожевенныхъ фабрикъ.—Замѣна подати сырыми произведеніями денежною и хлѣбною.—Устройство сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній въ Закавказьѣ. — Предположеніе о колонизаціи въ Мингреліи. — Привозъ соли изъ Россіи. — Запрещеніе вывоза хлѣба за границу.—Заботы князя Циціанова о развитіи промышлености и хлѣбопашества.— Проектъ аптеки и ботаническаго сада въ Тифлисѣ. — Предположеніе объ устройствѣ подвижнаго магазина. — Перемѣна въ составѣ грузинскаго правительства.— Виды князя Циціанова и его мнѣніе о способахъ управленія страною.

Преждевременная кончина князя Циціанова возбудила сожалѣніе всѣхъ тѣхъ, кто желалъ блага своему отечеству. Говорить-ли о томъ, какую утрату понесло съ его кончиною русское владычество въ Закавказьѣ? Описаніе дѣятельности князя Павла Дмитріевича краснорѣчивѣе всѣхъ словъ свидѣтельствуетъ о томъ, что край потерялъ въ немъ дѣятельнаго и полезнаго администратора.

---

[1]) Впослѣдствіи, въ 1836 году, по представленію главнокомандующаго въ Грузіи высочайше повелѣно было поставить князю Циціанову новый памятникъ съ слѣдующею надписью: «Генералу князю Циціанову, главнокомандовавшему съ 1802 года россійскими войсками въ Грузіи, умерщвленному измѣннически по приказанію владѣтельнаго Хуссейнъ-Кули-хана 6-го февраля 1806 года, когда, принудивъ къ сдачѣ Бакинскую крѣпость, знаменитый вождь приблизился къ воротамъ для принятія отъ него ключей.» См. Арх. Канцеляріи Воен. Минис., по описи 1835 г., д. № 157.

Генералъ Кноррингъ передалъ князю Ціціанову Грузію въ бѣдственномъ положеніи, колеблющуюся въ зависимости къ Россіи; передалъ народъ, недовольный русскимъ правительствомъ. Хищные сосѣди, пользуясь волненіями въ этомъ царствѣ, отовсюду грозили вторженіемъ и расхищеніемъ достоянія Грузіи. Князь Ціціановъ, при весьма ограниченныхъ боевыхъ средствахъ, уничтожилъ мятежи и волненія въ странѣ, примирилъ недовольныхъ правительствомъ и пріобрѣлъ довѣріе своихъ соотечественниковъ. Онъ, можно сказать, началъ перевоспитывать народъ, пріученный къ обманамъ и пронырству коварною системою правленія азіятскихъ властителей. Во время управленія князя Ціціанова краемъ, Персія слѣпо вѣрила въ могущество Россіи, непобѣдимость ея войскъ и съ изумленіемъ смотрѣла на прямоту всѣхъ дѣйствій главнокомандующаго и твердое исполненіе даннаго имъ слова.

Въ три года своей дѣятельности князь Ціціановъ устроилъ и успокоилъ Грузію, покорилъ Джаро-Бѣлоканскую область и Ганжинское ханство, переговорами присоединилъ къ Россіи Имеретію, Мингрелію, султанство Шурагельское, ханства: Карабагское, Шекинское, Ширванское и, наконецъ, подъ Баку своею смертью закончилъ длинную цѣпь начатыхъ пріобрѣтеній Россіи. Въ три года онъ создалъ великое тѣло отъ Чернаго до Каспійскаго моря, отъ хребта Кавказскихъ горъ до рѣкъ Куры и Аракса, и конечно, далъ бы ему единую душу. Недоставало матеріальныхъ средствъ и способовъ къ осуществленію всѣхъ плановъ князя Ціціанова, а не предпріимчивости ума, соображеній и энергіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы смерть не пресѣкла его кипучей дѣятельности, то съ тѣмъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на туземцевъ, съ тою неограниченною и сильною волею, которая была въ его характерѣ, можно было надѣяться, что князь Ціціановъ устроилъ бы край окончательно и тѣмъ избавилъ бы Россію отъ многихъ кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ впослѣдствіи для утвержденія благосостоянія въ Закавказскомъ краѣ.

Всматриваясь въ характеръ дѣятельности князя Павла Дмитріевича, не трудно отличить три главныя цѣли, которыя были

имъ преслѣдуемы во все время управленія краемъ: 1) создать закавказскія владѣнія Россіи въ томъ объемѣ, въ которомъ они находятся почти въ настоящее время; 2) сколько возможно болѣе населить край хотя бы и выходцами изъ Персіи и Турціи, но христіанскаго исповѣданія, и 3) развить промышленность, торговлю, а главное просвѣщеніе въ краѣ.

При самомъ поступленіи Грузіи въ подданство Россіи страна эта находилась на весьма низкой степени умственнаго развитія. Просвѣщеніе грузинъ въ то время не простиралось далѣе знанія чтенія и письма на своемъ природномъ языкѣ. Впрочемъ, и этого рода знанія были достояніемъ лишь немногихъ. Именныя печати, скрѣпляя всѣ акты, вмѣсто подписи, способствовали, если можно такъ выразиться, всеобщему невѣжеству. Словесное судопроизводство, почти безъ письменности, въ большей части случаевъ дѣлало то, что грамотность не была необходимостію и для первѣйшихъ сановниковъ государства. Большая часть князей не умѣла даже читать на своемъ природномъ грузинскомъ языкѣ [1]). Въ Имеретіи и Мингреліи было еще того хуже. Царь Соломонъ извинялся невозможностію отвѣчать на письмо Циціанова потому, что его писарь отправился въ Тифлисъ, для свиданія съ родственниками, а изъ приближенныхъ его никого не было грамотнаго.

Во время царствованія въ Грузіи Ираклія и Георгія, хотя многіе изъ тамошнихъ дворянъ, князей и царевичей служили въ русской службѣ, пріобрѣтали просвѣщеніе, но, возвратясь въ отечество, рѣдко передавали пріобрѣтенныя познанія своимъ дѣтямъ. Генералъ Кноррингъ, за неимѣніемъ никого другаго, принужденъ былъ взять къ себѣ въ переводчики полковаго священника Алексѣя Петріева, который впослѣдствіи, по необходимости, удержанъ былъ въ этой должности и княземъ Циціановымъ.

Послѣдній, понимая всю важность народнаго образованія и сознавая, что оно скорѣе всего можетъ связать Грузію съ Россіею, принялъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы вывести своихъ соотече-

---

[1]) Князь Циціановъ графу Кочубею 10-го марта 1804 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 373.

ственниковъ изъ того невѣжественнаго состоянія, въ которомъ они находились.

Зная недостатокъ въ Грузіи медицинскихъ чиновъ и недовѣріе мѣстныхъ жителей къ русскимъ медикамъ, князь Циціановъ просилъ позволенія выбрать изъ армянъ, а также, если найдется, изъ бѣдныхъ грузинскихъ дворянъ нѣсколько лицъ (12 челов.) и, съ ихъ согласія, отправить въ Московскій университетъ, для занятій въ медицинскомъ факультетѣ на казенный счетъ [1]).

Получивъ на это разрѣшеніе [2]), главнокомандующій сталъ думать о приведеніи въ исполненіе плана, касающагося до распространенія общаго образованія въ занятой странѣ и объ устройствѣ училищъ въ самой Грузіи.

По донесенію бывшаго правителя Грузіи Коваленскаго [3]), въ Тифлисѣ было открыто училище еще 22-го сентября 1802 года, и въ немъ оказалось желающихъ учиться 45 мальчиковъ. Коваленскій написалъ «правила для учащихъ и учащихся» и раздѣлилъ ихъ на 26 пунктовъ. Широкая русская натура высказалась въ этихъ правилахъ. Грубыхъ и необразованныхъ мальчиковъ хотѣли сразу сдѣлать не только грамотными, но и знающими геометрію, географію, исторію и другіе предметы. Вмѣстѣ съ азбукой и параллельно съ нею читались и эти предметы; отъ этого на бумагѣ выходило громко и гладко, а на дѣлѣ ничего.

Всѣ ученики были приходящими, а учителями назначены канцелярскіе служители. Коваленскій думалъ, что однимъ почеркомъ пера можно всю Грузію сдѣлать образованною. Въ правилахъ своихъ онъ росписалъ, какъ каждый учитель долженъ слѣдить за учениками и преподавать, а ученикамъ, жившимъ въ своихъ домахъ у родителей и родственниковъ, въ тѣхъ же правилахъ, назначилъ когда вставать, какъ мыться, чесаться и Богу молиться и какъ идти въ классъ; доказывалъ, что ученику, идущему въ

---

[1]) Рапортъ князя Циціанова Государю Императору 19-го февраля 1803 года. Тифлис. Арх. Канц. Намѣст.

[2]) Высочайшій указъ 14-го апрѣля 1803 года.

[3]) Рапортъ Коваленскаго Кноррингу 26-го сентября 1802 года, № 1338. При этомъ рапортѣ приложено было и самое положеніе объ училищѣ, вмѣстѣ съ правилами для учениковъ.

классъ, необходима книга и перо, и доказательство свое очень неудачно подкрѣплялъ тѣмъ, что ученикъ безъ книги и пера все равно что солдатъ безъ ружья [1]).

Не довольствуясь малымъ, но основательнымъ, хотѣли одновременно достигнуть весьма многаго; не довольствуясь на первый случай одною грамотностію, стали головы мальчиковъ набивать геометрическими фигурами и теоремами. Они перестали ходить; перестали ходить и ихъ учителя, канцелярскіе служители, силою призванные къ педагогической дѣятельности. Училище само собою уничтожилось, и домъ, въ которомъ оно помѣщалось, отданъ былъ подъ военный постой. Князь Циціановъ, основываясь на донесеніи Коваленскаго Кноррингу объ открытіи училища, полагалъ, что оно существуетъ, но когда пріѣхалъ въ Тифлисъ, то не нашелъ ни учителей, ни учениковъ, ни самаго помѣщенія.

Признавая, однако же, необходимымъ положить начало дѣйствительному просвѣщенію грузинскаго народа, князь Циціановъ находилъ необходимымъ начать образованіе съ дворянства, и съ этою цѣлью просилъ министра народнаго просвѣщенія прислать ему двухъ учителей русскаго языка, доставить книги, издаваемыя министерствомъ и разрѣшить отправлять въ Московскій университетскій пансіонъ по восьми человѣкъ грузинъ.

«Необходимая нужда въ россійскомъ языкѣ, доносилъ онъ [2]), въ той землѣ, гдѣ на ономъ отправляется судопроизводство; недостатокъ въ переводчикахъ и крайнее невѣжество здѣшняго дворянства, даже до того, что большая часть онаго не знаетъ природнаго своего языка по правиламъ, побудили меня приступить дѣятельнымъ образомъ къ преподанію способовъ относительно введенія въ Грузію первыхъ лучей просвѣщенія, буде не вообще народнаго, то хотя здѣшняго дворянства, дабы, по крайней мѣрѣ, поколѣніе, въ отроческихъ лѣтахъ нынѣ пребывающее, вкусило блаженство россійскимъ правительствомъ для онаго уготовляемое.»

Не ожидая разрѣшенія изъ Петербурга, князь Циціановъ приступилъ къ осуществленію своей мысли и назначилъ на расходы по устройству училища часть той суммы, которую предполагалось

[1]) См. Правила для учениковъ. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. I, № 612.
[2]) Всеподд. донесеніе отъ 27-го іюня 1803 года.

выручить отъ продажи шелка, наложеннаго въ видѣ дани на жителей Джаро-Бѣлоканскаго округа.

Указомъ 8-го августа 1803 года предположеніе объ открытіи училища было одобрено [1]), и 21-го мая 1804 г. оно было открыто.

Вновь устроенному училищу отдана была, по распоряженію главноуправляющаго, находившаяся въ Тифлисѣ типографія, заведенная попеченіемъ царя Ираклія II.

Царь Ираклій, желая имѣть въ Тифлисѣ типографію, выписалъ изъ Константинополя мастера, который привезъ съ собою нѣкоторыя необходимые для типографіи инструменты. Въ Тифлисѣ, па царскій счетъ, построенъ былъ для типографіи домъ, и куплены доски, свинецъ и бумага. Сверхъ того, отданы были въ типографію нѣкоторые инструменты, оставшіеся еще со временъ царей: Вахтанга, Теймураза, а также сдѣланные при Иракліѣ. Въ типографіи этой напечатано было нѣсколько книгъ. Мастеръ, устроивавшій типографію, вскорѣ послѣ открытія ея былъ отпущенъ, и типографія осталась въ вѣдѣніи священника Христофора, который началъ печатать въ ней разныя книги. Но какъ царь Ираклій не находилъ прибыли отъ типографіи, стоившей ему до 20,000 рублей, то остановилъ ея работы и отправилъ одинъ станокъ въ Эчміадзинъ въ подарокъ армянскому патріарху. При разореніи Тифлиса Агою-Магометъ-ханомъ, типографія была сожжена и большая часть формъ увезена въ Ганжу. Впослѣдствіи, по возвращеніи своемъ въ Тифлисъ, царь Ираклій приказалъ нанять работниковъ и, разрывъ мѣсто, гдѣ была типографія, привезти ему всѣ вещи, которыя будутъ найдены. Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ кончина царя Ираклія была причиною того, что типографія была окончательно устроена при преемникѣ и сынѣ его Георгіѣ XII, когда священникъ Христофоръ, собравъ большую часть вещей, принадлежавшихъ типографіи, взялся возстановить ее, на что и получилъ необходимыя деньги какъ отъ царя, такъ и отъ царевича Давыда. Устроенная такимъ образомъ типографія и была передана княземъ Циціановымъ въ вѣдѣніе училища [2]).

[1]) См. П. С. З. т. XXVII. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 198.

[2]) Изъ письма участвовавшаго въ работахъ по типографіи Давыда Карганова кн. Циціанову 12-го апрѣля 1803 г.

Въ то время при мингрельскомъ владѣтелѣ находился венгерскій уроженецъ профессоръ Самуилъ Мартини. Миціановъ пригласилъ его въ учрежденное въ Тифлисѣ училище на должность учителя латинскаго и нѣмецкаго языковъ, и Мартини 31-го мая 1805 г. занялъ свою каѳедру, имѣя 18 учениковъ. Ноября 28-го дня 1805 г. князь Циціановъ представлялъ графу Завадовскому [1]) объ открытіи при Тифлисскомъ училищѣ классовъ для изученія полнаго гимназическаго курса, потому что родители воспитанниковъ ни подъ какимъ видомъ не соглашались на отправленіе дѣтей своихъ въ Россію въ университеты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главноуправляющій обратилъ вниманіе на приготовленіе грузинскаго дворянства къ поступленію въ военную службу. Эта мѣра признана была нашимъ правительствомъ необходимою еще раньше назначенія князя Циціанова главнокомандующимъ въ Грузію.

При самомъ вступленіи въ Тифлисъ полка генерала Лазарева, Императоръ Павелъ I для той же цѣли приказалъ принять въ полкъ портупей-юнкерами и портупей-прапорщиками 10 юношей изъ дворянскихъ грузинскихъ фамилій и одного подпоручикомъ. Распоряженіе это не принесло, однако же, тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидали; грузины неохотно шли въ ряды нашей арміи и быть можетъ оттого, что Лазаревъ взялъ тогда молодыхъ людей не изъ первыхъ фамилій. Князь Циціановъ снова просилъ позволенія принимать въ полки молодыхъ людей первѣйшихъ фамилій и, въ случаѣ несогласія родителей, дѣйствовать на нихъ принудительнымъ образомъ.

«Подобный наборъ юношей, писалъ онъ, обратитъ все здѣшнее дворянство въ военную службу, по склонности ихъ къ оной, отвлечетъ ихъ отъ праздности, источника пороковъ, и не чувствительно введетъ въ просвѣщеніе и научитъ предпочитать славу добычѣ» [2]). Вслѣдъ за этимъ представленіемъ, главнокомандующій исполнилъ эту мѣру, принудивъ князей Амилахварова и Циціанова опредѣлить своихъ дѣтей въ военную службу [3]).

[1]) Бывшему министромъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Изъ рапорта кн. Циціанова Государю Императору 28-го февраля 1804 г.

[3]) «По праву яко бы свойства моего съ ними, поелику оба они мои внучатные племянники.» Рап. кн. Циціанова Государю Императору 25-го апрѣля 1804 г.

Марта 21-го дня 1805 года высочайше даровано грузинскому дворянству право помѣщать дѣтей своихъ въ кадетскіе корпуса, а высочайшимъ рескриптомъ отъ 26-го сентября 1802 года поставлялось князю Цицiанову въ обязанность позаботиться о сформированіи народнаго ополченія въ родѣ милиціи. Главнокомандующій, вступивъ въ управленіе краемъ и вникнувъ въ бѣдственное положеніе разореннаго народа, доносилъ Государю, что милиціи собрать незозможно, по бѣдности обывателей Грузіи и «неблагопріятному расположенію духа, озлобленныхъ безчинствами предшествовавшаго тому правленія». Онъ находилъ, впрочемъ, возможнымъ, по окончаніи народной переписи, набрать съ каждыхъ двадцати домовъ по одному человѣку, снарядить ихъ всѣмъ казеннымъ и такимъ образомъ составить одинъ конный полкъ.

До окончанія той же народной переписи былъ оставленъ и вопросъ о преобразованіи грузинскаго духовенства. Бѣдность церквей въ Грузіи побудила наше правительство сдѣлать распоряженіе, чтобы продажа свѣчъ, бывшая до того въ рукахъ купцовъ, была передана въ распоряженіе церквей, съ тѣмъ, однако же, чтобы доходы поступали не исключительно въ пользу духовенства, но шли также на улучшеніе и украшеніе храмовъ. Такой раздѣлъ былъ необходимъ и въ виду того, что въ Грузіи было множество епархій и притомъ такихъ, въ которыхъ число священниковъ превышало число прихожанъ. Отъ этого духовенство нуждалось въ необходимомъ пропитаніи и жило чуть не подаяніемъ. Такъ Никозская епархія имѣла всего 120 руб. ежегоднаго дохода, изъ котораго получало содержаніе значительное число духовенства, но сколько состояло духовныхъ лицъ при каждой епархіи въ Грузіи никто не зналъ. На требованіе князя Цицiанова католикосъ не могъ доставить ему свѣдѣнія ни о числѣ духовенства и церквей, ни о числѣ церковныхъ имѣній, такъ что главнокомандующій принужденъ былъ поручить капитанъ-исправникамъ заняться переписью духовенства. Едва только грузины узнали объ этомъ распоряженіи, какъ число духовныхъ стало быстро возрастать, такъ что князь Цицiановъ принужденъ былъ запретить постриженіе новыхъ лицъ въ духовное званіе впредь до составленія особыхъ правилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять мѣры къ умень-

шенію числа епархій. Соединеніемъ нѣсколькихъ епархій въ одну князь Иціановъ успѣлъ упразднить три епархіи въ Карталиніи, а оставшіяся затѣмъ три онъ предполагалъ современемъ также упразднить и образовать во всей Карталиніи одну епархію [1]).

Попеченіемъ князя Цицiанова былъ передѣланъ Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ и построено нѣсколько храмовъ иновѣрческихъ исповѣданій. Такъ въ Тифлисѣ и Гори были отведены мѣста для католическаго духовенства и отпущена заимообразно сумма для постройки церквей и домовъ.

Въ 1630 году, двое изъ католическихъ монаховъ представили царю Теймуразу I мощи матери его царицы Кетеваны, мученически скончавшейся за вѣру въ персидскомъ городѣ Техасѣ и за это приношеніе получили отъ него мѣста въ Тифлисѣ и Гори для постройки церквей и домовъ, которыми и владѣли до 1755 года. Въ это время, по подозрѣнію, что грузинскій патріархъ Антоній принялъ католическую вѣру, монахи лишены были своихъ имуществъ, церквей, домовъ и принуждены были отправлять богослуженіе въ наемныхъ домахъ. При посредствѣ князя Цицiанова храмы католиковъ снова воздвигались. Возстановленіе католическихъ церквей и поддержаніе католическаго духовенства князь Цицiановъ находилъ даже необходимымъ, въ виду того, что ксендзы съ бо́льшимъ успѣхомъ будутъ проповѣдовать христіанскую религію между магометанами и идолопоклонниками, нежели русскіе и грузинскіе проповѣдники, «къ подвигу сему неприлежные и у горскихъ народовъ доселѣ немного успѣвшіе [2]).»

Къ тому же многіе изъ армянъ были уже католическаго исповѣданія и въ войскахъ кавказскаго корпуса было до 1,000 человѣкъ католиковъ. По этому и предполагалось католическое духовенство въ Грузіи сдѣлать независимымъ отъ Рима, и подчинить его управляющему римско-католическою церковью въ Россіи. На постройку католическаго храма отпущено княземъ Цицiановымъ 6,000 рублей.

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Цицiанова 23-го марта и 29-го мая 1804 г. Письмо его къ католикосу Грузіи отъ 23-го марта 1804 г.

[2]) Всеподд. рап. кн. Цицiанова 12-го іюня 1803 г., № 54. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 549.

Магометанское духовенство также подверглось преобразованію.

Съ присоединеніемъ Ганжинскаго ханства, переименованнаго въ Елисаветпольскій округъ, управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ судъ и расправа поручены были окружному начальнику. Магометанское духовенство, имѣвшее до сихъ поръ судопроизводство въ своихъ рукахъ и отъ того важныя выгоды, лишалось способовъ существованія. По представленію Циціанова, высочайше утверждены были: штатъ и правила для магометанскаго духовенства; первый обезпечивалъ ихъ существованіе выдачею ежегоднаго жалованья, а второй указывалъ имъ новыя ихъ обязанности, которыя заключались въ наблюденіи за исполненіемъ догматовъ вѣры, во внушеніи народу вѣрности къ Государю и повиновенія властямъ. Во главѣ поставленъ ахунъ, какъ первенствующее лицо, которому подчинено было все магометанское духовенство. Послѣднему предоставлено право разбирать дѣла семейныя и завѣдывать раздѣломъ имѣній между наслѣдниками по существующимъ обычаямъ. Въ случаѣ добровольнаго обращенія тяжущихся, духовенству разрѣшено посредничество во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ уголовныхъ, но безъ всякаго за то возмездія, которое не допускалось и при совершеніи духовныхъ требъ. На поддержаніе мечетей назначено взимать съ каждаго дома по 50 коп. [1]). Въ Георгіевскѣ и Константиногорскѣ устроены мечети, на заведеніе которыхъ отпущено 15,000 рублей.

Заботясь объ улучшеніи быта духовенства, князь Циціановъ не забывалъ и сельскаго населенія. Находя невыгоднымъ для казны и крайне затруднительнымъ для казенныхъ крестьянъ сборъ съ нихъ подати натурою, главноуправляющій предписалъ исправникамъ пригласить къ себѣ всѣхъ поступившихъ въ казенное вѣдомство старшинъ и объявить имъ, что для собственной ихъ выгоды и облегченія подать, собираемая съ нихъ: виномъ, баранами, медомъ и проч., кромѣ хлѣба, по высочайшей волѣ отмѣняется, обращаясь въ подать денежную или хлѣбную, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ и именно по тѣмъ, коими они сами себя обложить пожелаютъ. Предписано было при этомъ наблюдать, чтобы рас-

---

[1]) Предписан. кн. Циціанова елисаветпольскому (ганжинскому) ахуну отъ 14-го мая 1805 г.

кладку сбора дѣлали по селеніямъ, а не по дворамъ и чтобы каждое селеніе знало какую подать будетъ платить деньгами или хлѣбомъ и сколько именно [1]).

Въ то же время всѣ исправники получили приказаніе оказывать содѣйствіе князьямъ грузинскимъ при сборѣ ими повинностей съ подвластныхъ имъ крестьянъ и, въ случаѣ упорства сихъ послѣднихъ, назначать военныя экзекуціи [2]).

Руководствуясь мѣстнымъ положеніемъ, съ цѣлью обезпечить тѣ стороны грузинскихъ предѣловъ, которые были наиболѣе подвержены прилипчивымъ и заноснымъ болѣзнямъ, а притомъ не желая упустить интересовъ казны, князь Циціановъ пришелъ къ убѣжденію о необходимости учрежденія таможенныхъ и карантинныхъ заставъ на дорогахъ, имѣющихъ торговыя сообщенія съ побережьями Чернаго моря или внутренними персидскими городами. Предлагаемыя имъ мѣры къ улучшенію промышленности Грузіи были столь очевидны, что правительство спѣшило привести ихъ въ скорѣйшее исполненіе. Указомъ сенату отъ 23-го октября 1803 года повелѣно было на первое время учредить таможни въ четырехъ мѣстахъ. Первую въ Сурамѣ, на границѣ съ Имеретіею; вторую—въ Цалкѣ, старой, разоренной крѣпости, со стороны Ахалцыха и Джевахетіи; третью—въ Памбакской провинціи, въ селеніи Кара-Килисъ, противъ предѣловъ Карской и Эриванской областей, и, наконецъ, четвертую—въ Шамшадыльской провинціи со стороны Ганжинскаго ханства [3]). Моздокскія же таможенныя и карантинныя заставы упразднены, во-первыхъ, какъ внутреннія и потому безполезныя, а во-вторыхъ и съ тою цѣлью, чтобы предоставить горцамъ безпошлинную внутреннюю торговлю. Торговля эта, развивая въ туземцахъ охоту къ промышленности, съ теченіемъ времени могла сдѣлаться лучшимъ средствомъ къ обузданію ихъ дикости и смягченію нравовъ. Для прекращенія же тайнаго провоза товаровъ изъ Анапы на Кавказскую линію учреждена

[1]) Отношеніе кн. Цицiанова ко всѣмъ исправникамъ отъ 7-го марта 1803 года.

[2]) Предписаніе исправникамъ 21-го марта.

[3]) Впослѣдствіи, съ покореніемъ Ганжинскаго ханства, кн. Цицiановъ полагалъ болѣе выгоднымъ учредить таможенную заставу въ самой Елисаветпольской крѣпости.

карантинная и таможенная заставы въ Прочно-Окопской крѣпости.

Съ учрежденіемъ пограничныхъ таможенныхъ заставъ являлась необходимость уничтожить внутреннія пошлины, до того времени существовавшія въ Грузіи. Эта главнѣйшая отрасль грузинскихъ доходовъ, заключавшая въ себѣ 15 различнаго рода откупныхъ статей, давала ежегодную цифру дохода около 45,019 руб. Откупныя монополіи не могли быть полезны для страны. Препятствуя расширенію торговли и составляя единственный источникъ доходовъ, они были слишкомъ отяготительны для народа. Такъ какъ многія изъ этихъ статей отданы были уже на откупъ по 1-е января 1804 года, то открытіе таможенныхъ пограничныхъ заставъ и уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ не могло имѣть мѣста прежде окончанія 1803 года.

На этомъ основаніи рескриптомъ Императора Александра I отъ 4-го марта 1804 года повелѣно было князю Циціанову уничтожить внутреннія пошлины, а взамѣнъ ихъ таможенный сборъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ предоставленъ въ пользу грузинскихъ доходовъ.

Судя по производившейся въ то время въ Тифлисѣ торговлѣ, а тѣмъ болѣе при предполагаемыхъ улучшеніяхъ въ пользу внутренней промышленности, улучшеніяхъ, долженствовавшихъ неминуемо привлекать въ Грузію азіятское купечество и увеличивать число переселенцевъ, можно было ожидать, что количество теряемаго казною внутренняго пошлиннаго дохода вознаградится съ лихвою пошлинами, собираемыми на пограничныхъ таможняхъ, и другими источниками, открывающимися вмѣстѣ съ вольною торговлею.

Не имѣя ни фабрикъ, ни заводовъ, Грузія получала извнѣ всѣ продукты и матеріалы, такъ что наше правительство принуждено было все необходимое для войскъ отправлять изъ Россіи. Расходы на доставку съ Кавказской линіи предметовъ довольствія для войскъ, перевозка которыхъ въ Грузію, по отсутствію удобной дороги черезъ Кавказскія горы, была чрезвычайно затруднительна, заставили князя Циціанова искать средствъ къ устраненію этихъ неудобствъ. Считая устройство хорошей дороги предпріятіемъ, тре-

бующимъ слишкомъ продолжительнаго времени, онъ пришелъ къ заключенію о необходимости устроить въ Тифлисѣ фабрики: суконную и кожевенную на счетъ суммъ коммиссаріатскаго вѣдомства.

Фабрики предполагалось устроить всего на три стана мастеровыхъ; станки сдѣлать въ Грузіи, кромѣ бердъ и другихъ частей, которыя должны быть присланы изъ Россіи, откуда предполагалось доставить прядильныя машины и мастеровъ для начала работъ. Князь Цицiановъ надѣялся, что къ этимъ мастерамъ дворянство грузинское дастъ учениковъ, которые современемъ могли бы замѣнить ихъ.

Съ усовершенствованіемъ фабрикъ и съ размноженіемъ ихъ, при дешевизнѣ шерсти въ Грузіи, цѣнность которой доходила до 8 коп. за фунтъ, представлялась бы возможность снабжать сукнами этихъ фабрикъ войска, расположенныя не только въ Грузіи, но и на Кавказской линіи, что значительно сохранило бы расходы на перевозку сукопъ, доставляемыхъ изъ Москвы.

Кожевенныя фабрики главноуправляющій полагалъ возможнымъ устроить еще удобнѣе и легче, чѣмъ суконныя, такъ какъ скотоводство составляло одно изъ главнѣйшихъ производствъ и богатствъ страны. Что же касается рубашечнаго холста, то хотя на пробу и приказано было раздать всѣмъ нижнимъ чинамъ по одной рубашкѣ изъ тамошней, такъ называемой, бязи (бумажнаго холста), но князь Цицiановъ сомнѣвался въ томъ, чтобы этотъ холстъ могъ быть введенъ въ употребленіе, потому что солдатъ, непривычный къ бумажному холсту, долженъ былъ чувствовать въ немъ большую разницу съ льнянымъ, и особенно потому, что при употребленіи этого холста испареніе тѣла бываетъ гораздо сильнѣе. Притомъ же, получивъ свѣдѣніе, будто въ Грузіи есть самородный ленъ, князь Цицiановъ, полагая поощрять жителей къ его обработыванію, разсчитывалъ, въ случаѣ успѣха этого производства, получать изъ Россіи одно только фламское полотно [1]).

Предположеніе главноуправляющаго объ устройствѣ фабрикъ не было приведено въ исполненіе, вслѣдствіе высочайшаго пове-

[1]) Рапортъ кн. Цицiанова военному министру 9-го февраля 1803 г. Тиф. Арх. Корп. Деж. Главн. Шт. Кавк. арміи.

лѣнія, чтобы операцію эту отложить до времени. Тогда князь Циціановъ принужденъ былъ заняться изысканіемъ средствъ для улучшенія сообщенія Грузіи съ Кавказскою линіею.

Устройство дороги было необходимо не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Путь, обезпеченный войсками, пресѣкалъ плѣннопродавство, уничтожая возможность чеченцамъ, кумыкамъ и другимъ горскимъ народамъ водить своихъ плѣнныхъ на продажу въ городъ Анапу, бывшую въ то время главнымъ торговымъ рынкомъ во всемъ сѣверо-восточномъ углу Чернаго моря. Съ другой стороны, съ улучшеніемъ пути уменьшались расходы казны по различнаго рода перевозкамъ и обезпечивались транспорты отъ расхищенія и грабежа. Не смотря на столь очевидную необходимость въ проведеніи дороги черезъ Кавказскія горы, правительство, за недостаткомъ средствъ, принуждено было на этотъ разъ отказать князю Циціанову. Запутанныя дѣла наши съ Швеціею заставляли сохранять суммы на чрезвычайныя издержки въ случаѣ военныхъ дѣйствій, и потому проведеніе дороги черезъ горы было отложено до 1805 года.

Если правительство не могло тотчасъ же придти на помощь для осуществленія благихъ намѣреній главнокомандующаго, то самъ князь Циціановъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы мѣстными средствами улучшить существовавшіе пути сообщенія. Мѣра эта была необходима какъ для удешевленія платы за перевозку товаровъ, такъ и для безопасности каравановъ. Послѣдніе не могли иначе проходить съ линіи въ Закавказье, какъ въ извѣстные сроки и подъ прикрытіемъ значительнаго конвоя, снабженнаго артиллеріею. Для слѣдованія такихъ каравановъ было назначено два срока, весною 1-го и 15-го мая и осенью 15-го сентября и 1-го октября.

Такое стѣсненіе въ сообщеніи, конечно, представляло многія неудобства, объ устраненіи которыхъ и заботился князь Циціановъ, но при помощи однихъ мѣстныхъ средствъ, трудами войскъ и мѣстнаго населенія онъ могъ только нѣсколько улучшить старые пути и не мечтать о проложеніи новыхъ.

Онъ успѣлъ настоять, что селеніе Ларсъ, лежащее въ самомъ узкомъ мѣстѣ Дарьяльскаго ущелья и притомъ въ самомъ важ-

номъ его пунктѣ, было уступлено нашему правительству его владѣльцемъ тагаурскимъ старшиною Мамедомъ Дударовымъ. Послѣдній просилъ, взамѣнъ этого селенія, дать ему на Кавказской линіи столько земли, сколько необходимо будетъ для переселяемыхъ изъ Ларса его подданныхъ, и чтобы производить ему ежегодный пенсіонъ по 350 руб. Императоръ Александръ, за эту важную уступку, сверхъ испрашиваемаго наградилъ Дударова чиномъ капитана [1]) и въ то же время поручилъ князю Циціанову составить общій планъ дорогъ въ Закавказьѣ, какъ тѣхъ, которыя слѣдовало исправить, такъ и тѣхъ, которыя необходимо было проложить вновь. Такой планъ необходимъ былъ для правильнаго развитія и направленія торговли.

Получивши такое разрѣшеніе, князь Циціановъ немедленно приступилъ къ разработкѣ дороги съ Кавказской линіи въ Грузію и изъ Тифлиса въ Елисаветполь. Онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе отпускать ему на устройство путей сообщенія, изъ суммъ государственнаго казначейства, въ продолженіе пяти лѣтъ по 6,000 руб., съ тѣмъ, чтобы сумма эта была возвращена въ казначейство съ увеличеніемъ грузинскихъ доходовъ.

Послѣ присоединенія къ Имперіи княжества Мингрельскаго и царства Имеретинскаго, предположено было провести военную дорогу, черезъ лѣса и болота этихъ областей, отъ Сурама до Кутаиса. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство желало устроить водяное сообщеніе отъ укрѣпленія Хорги (впослѣдствіи Редутъ-Кале), гдѣ была складочная пристань, по рѣкѣ Ріону, судоходной до самаго Кутаиса. Но какъ устье Ріона при крѣпости Поти было еще во власти турокъ, то предполагалось эту рѣку соединить каналомъ съ рѣкою Циви, впадающею въ Хопи, при устье которой находилось укрѣпленіе Хорги. По осмотрѣ инженерами мѣстности, хотя и признано исполненіе этого плана удобовозможнымъ, но каналъ приходилось вести на большое пространство, что потребовало бы огромныхъ издержекъ; почему проектъ соединенія Хопи съ Ріономъ оставленъ безъ исполненія.

Съ улучшеніемъ путей сообщенія и съ развитіемъ торговли,

---

[1]) Рап. кн. Циціанова Государю Императору 20-го января 1804 года. Высоч. рескриптъ князю Циціанову 14-го декабря 1804 г.

для успѣшнаго ея хода необходимо было устроить между торговыми пунктами правильное почтовое сообщеніе, чего не было въ Грузіи. Доходы Грузіи не дозволяли отдѣлить денегъ на устройство и содержаніе почтъ, поэтому рѣшено устроить на счетъ русскаго казначейства пока одну тифлисскую почтовую контору, на что и отпущено 16,100 руб. [1]).

Рѣки Имеретіи и Мингреліи изобиловали рыбою, но жители не занимались рыбнымъ промысломъ. Цицiановъ писалъ къ Астраханскому губернатору и просилъ его предложить тамошнимъ промышленникамъ взять на откупъ рыбные промыслы на черноморскихъ водахъ этихъ владѣній. Отвѣта на предложеніе при жизни Цицiанова не послѣдовало. Точно также не состоялся проектъ о поселеніи на мингрельскихъ берегахъ черноморскихъ казаковъ для разныхъ промысловъ.

«Черноморскіе казаки, писалъ кн. Чарторижскій [2]), живущіе на берегахъ одного моря, искусные въ рыбномъ промыслѣ, къ войнѣ способные и пріобыкшіе уже къ полуденному климату, при первомъ взглядѣ обращаютъ на себя вниманіе. Утвердительно сказать можно, что одинъ полкъ черноморскихъ казаковъ, прежде командированный сюда на службу и потомъ оставленный для поселенія, доставилъ бы тому краю двоякую пользу: воинское обезпеченіе и нужное движеніе первымъ земледѣльческимъ трудамъ, которые современемъ могутъ оставить важную для Россіи отрасль полуденной торговли.»

По обзору мѣстности оказалось, что въ мѣстахъ, обильныхъ рыбою, и тамъ, гдѣ должна была производиться рыбная ловля, не было земли удобной для хлѣбопашества и поселенія. Однако же, хотя и не съ этою цѣлію, но признавалось все-таки весьма полезнымъ водворить колонію казаковъ на берегахъ Ингура, на абхазской границѣ, гдѣ было изобиліе въ плодородной землѣ, остававшейся пустопорожнею отъ постоянныхъ набѣговъ и разореній жителей абхазцами. Воинская колонія служила бы оплотомъ отъ вторженія горскихъ хищниковъ [3]). Проектъ этотъ не

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 230—237.
[2]) Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ къ князю Цицiанову.
[3]) Изъ рапорта Литвинова князю Цицiанову 7-го мая 1805 года.

былъ приведенъ въ исполненіе единственно по возникшему сомнѣнію, не будутъ ли новые поселенцы, по своей наклонности, сами способствовать торговлѣ плѣнными, и тогда зло увеличилось бы еще болѣе [1]).

Имеретинцы и мингрельцы вымѣнивали туркамъ хлѣбъ на соль, соленую рыбу и желѣзо. Это побуждало послѣднихъ дорожить крѣпостями, находящимися въ ихъ власти по берегу Чернаго моря. Чтобы отнять у Порты эту выгоду, пресѣчь торговлю плѣнными, сдѣлать безполезными ея пристани и побудить оставить ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить продовольствіемъ расположенныя въ сихъ владѣніяхъ русскія войска, князьЦиціановъ запретилъ въ Мингреліи и Имеретіи продажу за границу всякаго хлѣба. Но чтобы не лишить жителей необходимыхъ для нихъ продуктовъ, получаемыхъ прежде отъ турокъ, испросилъ у Императора Александра повелѣніе на отпускъ изъ Крымскихъ озеръ безплатно 50,000 пудовъ соли и распоряженіе о привозѣ русскими промышленниками желѣза [2]). Относительно послѣдняго предполагалось: «склонить торгующихъ въ Таганрогѣ извѣдать сію отрасль торговли на мингрельскихъ берегахъ, гдѣ чаятельно могутъ открыться и другіе источники промышленности доселѣ неизвѣстные» [3]).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1805 года въ Редутъ-Кале прибылъ первый транспортъ съ солью. По распоряженію князя Циціанова, въ Имеретіи и Менгреліи принимали хлѣбъ, въ мѣстахъ расположенія ротъ, по квитанціямъ ротныхъ командировъ; взамѣнъ его, отпускалась соль изъ магазиновъ, устроенныхъ въ Редутъ-Кале. Запрещеніе продажи хлѣба за границу распространялось и на всю Грузію, и кромѣ того объявлено было всѣмъ жителямъ татарскихъ дистанцій, чтобы они сколько возможно усилили посѣвы пшеницы для продажи избытковъ на продовольствіе войскъ.

Князь Циціановъ старался дать сбыту мѣстныхъ произведеній сколько можно лучшее направленіе, могущее способствовать

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Донесеніе князя Циціанова Государю Императору 19-го октября 1805 года.

[3]) Изъ отношенія Товар. Мин. Иностр. Дѣлъ къ Мин. Комерціи графу Румянцову.

къ расширенію промышленности туземцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить выгоды Россіи. Онъ думалъ устроить въ Грузіи фабрику бумажныхъ издѣлій или, по крайней мѣрѣ, бумагопрядильную машину, и приготовленныя на ней нитки высылать по Черному морю, чрезъ Мингрелію и Таганрогъ, въ Москву. Для этой цѣли онъ послалъ образчики хлопчатой бумаги къ директору императорскихъ фабрикъ тайному совѣтнику Тейльсу (1-го февраля 1804 года), прося его совѣтовъ и содѣйствія къ осуществленію этого предпріятія. Дальнѣйшихъ результатовъ по этому предмету въ бумагахъ того времени не видно.

Заботливость главнокомандующаго къ доставленію обитателямъ Грузіи выгодъ отъ употребленія съ пользою тѣхъ продуктовъ, которые даетъ имъ богатая природа, простиралась до того, что онъ, наканунѣ выступленія изъ Елисаветполя въ походъ противъ персіянъ, писалъ къ правителю Грузіи о возбужденіи одной изъ важныхъ отраслей промышлености края, могущей принести важныя выгоды.

«Жители Грузіи, засѣвая ленъ, писалъ князь Цицiановъ [1]), срываютъ только верхушки онаго для выдѣлки масла, а стебли оставляютъ безъ употребленія, одѣваясь сами полотномъ изъ хлопчатой бумаги и чужеземной, то дабы оные напрасно не терялись и казна современемъ, посредствомъ попеченія и заботы здѣшняго правительства, при размноженіи сей промышленности, могла покупать холстъ для войскъ, въ Грузіи находящихся, не теряя на провозъ онаго большихъ суммъ, предписываю вашему высокородію отъ моего имени опубликовать чрезъ комендантовъ и капитанъ-исправниковъ, чтобы обыватели, имѣющіе въ семъ году на корню ленъ, объявили каждый изъ нихъ о количествѣ посѣяннаго ими льна, городскіе жители комендантамъ, а сельскіе капитанъ-исправникамъ; сіи же требовали бы отъ полковъ, въ уѣздахъ ихъ расположенныхъ, людей, знающихъ обработываніе льна.» Въ подтвержденіе этого, онъ, 12-го августа, предписалъ: «съ полученія сего, чтобы капитанъ-исправники взяли казаковъ или солдатъ, умѣющихъ обработывать ленъ, поѣхали съ ними въ тѣ

[1]) Къ правителю Грузіи, статскому совѣтнику Тарасову, отъ 11-го іюня 1805 года, № 666.

казенныя селенія, гдѣ онъ поспѣлъ, и заставили бы ихъ въ присутствіи поселянъ обработывать оный, принудя грузинъ и армянъ учиться оному.»

Замѣтивъ, что земледѣліе въ Грузіи производится самымъ неудовлетворительнымъ образомъ, князь Циціановъ приказалъ купить на свой счетъ въ Георгіевскомъ уѣздѣ плугъ и отправить съ нимъ въ Грузію одного крестьянина, хорошо знающаго его употребленіе. Посланному крестьянину, со дня его отправленія, назначена плата и черезъ два мѣсяца, при возвращеніи домой, обѣщана награда [1]).

Смерть кн. Циціанова пресѣкла многія благія его начинанія и въ томъ числѣ проектъ объ устройствѣ на рѣчкѣ Пушкарѣ, при разоренномъ заводѣ Дашкѣ-санѣ, чугуннаго завода для отливанія артиллерійскихъ снарядовъ, съ большимъ затрудненіемъ и огромными издержками привозимыхъ изъ Россіи [2]). Циціановъ послалъ адмиралу де-Траверзе 10 мѣдныхъ листовъ, приготовленныхъ на грузинскихъ заводахъ, для испытанія годности ихъ къ обшивкѣ кораблей черноморскаго флота. По отзыву де-Траверзе, мѣдь оказалась годною и по цѣнѣ выгодною для казны, но увѣдомленіе это получено 6-го апрѣля, два мѣсяца спустя послѣ смерти князя Циціанова.

По представленію Циціанова о неудобствѣ перевозить изъ Россіи лекарства и о возможности завести въ Тифлисѣ ботаническій садъ, въ которомъ по климату могутъ быть разведены лекарственныя растенія южныхъ странъ, Императоръ Александръ повелѣлъ отпустить 10,000 руб. сер. на устройство въ Тифлисѣ казенной аптеки и ботаническаго сада, употребивъ для этой цѣли садъ, принадлежавшій прежде царицѣ Маріи и находившійся въ Тифлисѣ за Цавкисскими воротами.

Стараніями главнокомандующаго и мѣстнаго начальника между многими кочующими народами введено оспопрививаніе. По предложенію кн. Циціанова, открыта грузинская врачебная управа и въ 30 верстахъ отъ Константиногорской крѣпости, подлѣ источника

---

[1]) См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 250, № 473.

[2]) Предписаніе кн. Циціанова оберъ-штернъ-фервальтеру Борсунову 16-го мая 1805 г. Т. А. К. Н.

кислыхъ водъ, устроено укрѣпленіе, для защиты пріѣзжавшихъ больныхъ отъ набѣговъ кабардинцевъ [1]).

Съ пріобрѣтеніемъ ханствъ Карабагскаго и Ширванскаго, главнокомандующій предполагалъ устроить укрѣпленіе на Сальянскомъ полуостровѣ, при устьѣ Куры, которое, владѣя входомъ въ эту рѣку, защищало бы русскія суда, слѣдующія изъ Астрахани въ Джаватъ. Этимъ путемъ предполагалось перевозить всѣ тяжести для войскъ, находящихся въ Грузіи, и доставить взаимный сбытъ товаровъ и продуктовъ Россіи и Закавказья.

Россія давно пользовалась исключительнымъ правомъ плаванія по Каспійскому морю, и когда въ 1803 году появились три большія судна: хановъ бакинскаго и талышинскаго, то князь Циціановъ настоятельно потребовалъ ихъ уничтоженія. По существующимъ трактатамъ, на Каспійскомъ морѣ могъ господствовать только одинъ русскій флагъ. Окружные ханы не имѣли никакого права держать свои суда на Каспійскомъ морѣ. По снисхожденію, русское правительство допускало плаваніе киржимовъ (мелкихъ судовъ) исключительно для береговой перевозки хлѣба, но когда появились три судна, имѣвшія конструкцію морскихъ судовъ, то Императоръ Александръ приказалъ кн. Циціанову настоять на томъ, чтобы суда эти не плавали по морю, и изыскать способы не можетъ-ли перевозка хлѣба по пристанямъ производиться при помощи однихъ только русскихъ судовъ [2]).

Князь Циціановъ находилъ полезнымъ оставить до времени свободное плаваніе киржимовъ и именно до тѣхъ поръ, пока не будетъ занята нами Баку и пока собственныя наши купеческія суда не умножатся до такого числа, при которомъ въ персидскихъ киржимахъ не будетъ болѣе потребности. Объ уничтоженіи же трехъ большихъ судовъ онъ сообщилъ ихъ владѣльцамъ и требовалъ прекращенія ихъ плаванія по Каспійскому морю [3]).

Уничтоженія плаванія персидскихъ судовъ легко было достигнуть мирнымъ путемъ: персіяне покупали якоря только на на-

---

[1]) См. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 251—254.

[2]) Рескриптъ князю Циціанову 19-го декабря 1802 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, № 1622.

[3]) Всепод. рапортъ кн. Циціанова 11-го января 1803 г., № 6.

шихъ судахъ, по этому воспретивъ нашимъ судовщикамъ продавать съ своихъ судовъ малые якоря, мы лишали персіянъ возможности плавать по Каспійскому морю [1]).

Къ этой мѣрѣ и прибѣгнулъ князь Циціановъ, предполагая давать позволеніе на покупку якорей тѣмъ изъ хановъ, которые окажутся наиболѣе преданными Россіи [2]).

То же самое господство на морѣ было причиною того, что русское правительство согласилось на принятіе подъ свое покровительство туркменскаго народа абдальскаго поколѣнія, обитавшаго на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Поколѣніе это занимало пространство мѣстъ Огри, Менгли-Хиджа, Курбанъ и Дали. Народъ этотъ занимался преимущественно торговлею и хлѣбопашествомъ, обиталъ около берега моря, былъ добродушенъ, вѣренъ и потому надеженъ въ сношеніяхъ. Въ 1803 году посланные отъ туркменъ прибыли въ С.-Петербургъ съ просьбою: 1) принять ихъ въ подданство Россіи, 2) построить для защиты ихъ отъ киргизъ-кайсаковъ крѣпость при Мангишлякѣ, въ обезпеченіе ихъ карavановъ, и 3) предоставить имъ нѣкоторыя льготы въ ловлѣ тюленей. Петербургскій кабинетъ съ большимъ участіемъ принялъ желаніе туркменъ, надѣясь при посредствѣ ихъ расширить торговлю съ Бухарою и Хивою. Просьба ихъ была передана на усмотрѣніе кн. Циціанова съ порученіемъ удовлетворить, по возможности, желаніе туркменскаго народа. Впослѣдствіи оказалось, что главнѣйшіе представители этого народа вовсе не желали такого тѣснаго сближенія съ Россіею, что послы, бывшіе въ Петербургѣ, были въ неуваженіи у своего народа и что туркмены не оказывали имъ ни малѣйшихъ знаковъ почтенія. Отправленный княземъ Циціановымъ поручикъ Лошкаревъ, для обзора восточнаго берега Каспійскаго моря и пріисканія мѣста для постройки укрѣпленія, встрѣчалъ повсюду затрудненія. Несогласіе туркменъ допустить его до осмотра береговъ было причиною того, что онъ рѣшился приступить къ этому не прежде, какъ въ его рукахъ было четыре человѣка аманатовъ. Осмотрѣвъ берегъ, Лошкаревъ нашелъ, что мѣстомъ, удобнымъ для

---

[1]) Скибиневскій кн. Циціанову 15-го февраля 1803 г. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, № 1629.

[2]) Всеподд. рапортъ кн. Циціанова 28-го мая 1803 г.

построенія крѣпости, былъ не Мангишлякъ, а урочище Гедикъ, выдавшееся версты на двѣ въ море и положеніемъ своимъ образовавшее заливъ, называемый Тюкъ-Караганскимъ.

Идея на построеніи здѣсь крѣпости была отложена до времени, пока туркмены сами не будутъ ходатайствовать объ этомъ, а до того времени правительство рѣшилось поддерживать только сношенія съ народомъ, могущимъ быть намъ полезнымъ при непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ персіянъ, которыхъ туркмены ненавидѣли [1]).

Астраханская торговля съ ханствами, лежащими по берегамъ Каспійскаго моря, подвергалась большимъ опасностямъ отъ множества отмелей, подводныхъ камней и неискусства штурмановъ. Суда, брошенныя на мель, были всегда ограбляемы прибрежными жителями. Для отвращенія этого зла, по представленію князя Ціціанова, высочайше утверждено было въ Астрахани штурманское училище, имѣвшее цѣлью выпускать штурмановъ на купеческія суда.

Такъ, среди безпрерывныхъ войнъ, князь Павелъ Дмитріевичъ старался употребить всѣ средства къ тому, чтобы развить въ ввѣренномъ ему краѣ промышленность, обезпечить и дать новое направленіе торговли.

Пріискивая способы къ развитію народной промышленности и благосостоянія, онъ старался увеличить классъ производителей и облегчить ихъ въ повинностяхъ. Кромѣ поселенія въ Грузіи нѣсколькихъ тысячъ выходцевъ изъ сосѣднихъ владѣній, онъ обратилъ вниманіе на городскія сословія, увеличившіяся безмѣрно отъ накопленія въ городахъ множества поселянъ и землевладѣльцевъ.

До вступленія въ Грузію русскихъ, земледѣльцы укрывались отъ лезгинъ въ города и, будучи удалены отъ земледѣлія, не имѣя у себя никакой собственности, принимались за мелочную торговлю, до такой степени незначительную, что у большей части изъ нихъ не было товара и на пять рублей [2]). Чтобы обратить

---

[1]) Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 998—1009

[2]) Предписаніе кн. Ціціанова исполнительной экспедиціи 1-го апрѣля 1804 г., № 285.

этихъ тунеядцевъ къ хлѣбопашеству, усиленіе котораго необходимо было для продовольствія безпрерывно прибывавшихъ въ Грузію войскъ, чтобы обезпечить продовольствіе городовъ и, наконецъ, привести ихъ въ устройство, князь Циціановъ приказалъ комендантамъ объявить жившимъ въ городахъ крестьянамъ, чтобы они въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ непремѣнно переселились въ тѣ деревни, изъ которыхъ вышли. Капитанъ-исправники должны были переписать всѣхъ торгующихъ въ городахъ, за исключеніемъ крестьянъ, съ показаніемъ, кто на какую сумму торгуетъ, и объявить помѣщикамъ, чтобы они взяли изъ городовъ своихъ крестьянъ въ продолженіе того же срока. Во всѣхъ городахъ назначить два раза въ недѣлю торговые дни для привоза съѣстныхъ припасовъ и товаровъ. Наблюдать, чтобъ не было перекупщиковъ, и комендантамъ безъ личнаго осмотра не позволять исправлять ветхія и возводить новыя строенія, «а стараться прямить и расширять улицы».

Заботясь объ усиленіи и развитіи въ народѣ хлѣбопашества, какъ единственнаго средства продовольствовать войска, потому что привозъ изъ другихъ мѣстъ былъ крайне затруднителенъ, князь Циціановъ недостатокъ въ провіантѣ считалъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. До его вступленія въ званіе главноуправляющаго, опасались ввести въ Грузію болѣе трехъ полковъ, собственно по затруднительности продовольствія войскъ. Князь Циціановъ, вступивъ въ управленіе краемъ, различными мѣрами успѣлъ обезпечить мѣстнымъ хлѣбомъ продовольствіе восьми полковъ, что̀ составляло ежегоднаго расхода 66,000 четвертей разнаго хлѣба. Не смотря, однако же, на то, все-таки необходимо было перевозить муку изъ Карталиніи въ Елисаветполь, Тифлисъ и Памбаки. Для этого приходилось ежегодно употреблять значительное количество арбъ, которымъ хотя и платились прогоны по 4 коп. за версту, но поселяне съ ропотомъ исполняли эту повинность. Притомъ отъ этого происходило то важное зло, что тысячи рукъ и рабочій скотъ отрывались отъ земледѣлія, когда оно составляло такую важность и было особымъ попеченіемъ главнокомандующаго. Князь Циціановъ, изыскивая способы и средства къ избавленію поселянъ отъ столь тягостной для нихъ подводной повинности и казну отъ боль-

шихъ расходовъ, представилъ проектъ объ устройствѣ подвижнаго магазина на слѣдующемъ основаніи.

Казахскіе татары обязаны были ставить для перевозки по 1,000 воловъ, а прочихъ дистанцій: Борчалинской, Демурчасальской и Памбакской по 600, что составляло 400 арбъ для подъема 2,000 четвертей муки. Полагали предложить этимъ же татарамъ (на что они уже и были согласны), разъ навсегда, отдать въ казну означенное число скота съ прибавкою ежегодно въ ремонтъ одной десятой части. Затѣмъ построить 400 арбъ, и такимъ образомъ могъ составиться подвижной магазинъ безъ чувствительныхъ издержекъ для казны. При этомъ встрѣчалось только затрудненіе въ отысканіи 400 погонщиковъ, которыхъ ни подъ какимъ видомъ нельзя было набрать изъ туземцевъ, во-первыхъ, потому, что при такомъ наборѣ слишкомъ много людей отрывалось отъ сохи и сельскихъ занятій, а во-вторыхъ и потому, что татары не умѣли управлять волами, перевозили все на вьюкахъ, доставляли медленно, безпорядочно и, наконецъ, будучи неспособны къ точному исполненію приказаній, весьма часто ослушивались [1].

Князь Циціановъ полагалъ выслать погонщиковъ изъ Малороссіи, и даже находилъ весьма полезнымъ переселить ихъ въ Грузію вмѣстѣ съ семействами, чтобы они хозяйствомъ своимъ и гораздо искуснѣйшимъ хлѣбопашествомъ подали грузинамъ благой примѣръ и могли служить основателями сельскаго благосостоянія края.

«Къ симъ пользамъ надо прибавить и ту, писалъ главнокомандующій, что вьючный быкъ менѣе четверти муки везетъ, и то не во всякое время года, слѣдовательно, четыре быка или вола и 4-хъ четвертей не могутъ везти. Тѣ же четыре вола въ арбу запряженные и пріученные, могутъ везти пять четвертей муки во всякое время года, слѣдовательно, подвозъ провіанта выигрываетъ болѣе 400 четвертей во всякую поѣздку.» Такимъ образомъ, съ принятіемъ этой мѣры, выигрывала казна, обыватели и обезпечивалось продовольствіе войскъ. Предположеніе это, однако же, не

---

[1] Изъ рапорта кн. Циціанова Государю Императору отъ 28-го ноября 1805 г.

осуществилось, и доставка провіанта была оставлена на прежнемъ основаніи.

Съ присоединеніемъ Мингреліи князь Циціановъ принялъ рѣшительныя мѣры къ уничтоженію тамъ постыднаго измѣнничества вѣрѣ, для удовлетворенія гнуснаго корыстолюбія. Онъ предписалъ тотчасъ отобрать въ пользу Левана всѣ имѣнія тѣхъ мингрельскихъ дворянъ, которые, отпавъ отъ христіанства, переселились въ Поти, дабы удобнѣе красть людей, и, пользуясь тѣмъ, что оставались владѣльцами имѣній, подъ видомъ сбора доходовъ, пріѣзжали въ Мингрелію съ цѣлью заниматься не имѣніями, а покупкою людей. Главноуправляющій приказалъ ихъ задерживать и отсылать въ Бѣлевскій полкъ для сужденія, какъ измѣнниковъ противу вѣры и законнаго своего владѣтеля, «ибо, писалъ онъ, пользуясь имѣніемъ въ Мингреліи, они суть и подданные сей земли, а не Турціи.»

Вообще же, для прекращенія плѣннопродавства, зла, существовавшаго повсемѣстно въ томъ краѣ, было объявлено, что изобличенный въ торговлѣ людьми, не смотря на его званіе, родъ и достоинство, по жестокомъ тѣлесномъ наказаніи, будетъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу.

Бѣдственное положеніе царевенъ, жившихъ въ Тифлисѣ и оставленныхъ своими мужьями, заставило князя Циціанова просить Императора Александра [1]) о назначеніи имъ ежегодно опредѣленнаго содержанія, безъ котораго, по словамъ главнокомандующаго, «онѣ должны или съ голода умереть, или подаяніемъ жить, влача постыдную для сана ихъ жизнь, закидывая меня письмами своими и отдавая все то моему якобы къ ихъ фамиліи недоброжелательству» [2]).

Въ сентябрѣ (23-го) 1804 года послѣдовало высочайшее по-

---

[1]) Всеподд. рапортъ кн. Циціанова 13-го февраля 1804 г.

[2]) Царевны эти были: 1) Марія Давидовна, супруга царевича Вахтанга. 2) Елена Семеновна супруга царевича Давида. 3) Кетевана Зурабовна, супруга царевича Іоанна, всѣхъ трехъ находившихся въ Россіи, и 4) Елена Отаровна супруга царевича Теймураза, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ скитавшагося въ Персіи. Первыя двѣ царевны были въ ссорѣ съ мужьями и потому не могли ожидать отъ нихъ помощи; третья не хотѣла оставить Грузію, а послѣдняя имѣла слишкомъ незначительные доходы для того, чтобы безбѣдно существовать ими.

велѣніе, по которому всѣ удѣлы грузинскаго царскаго дома причислены навсегда къ казеннымъ имѣніямъ, и получаемые съ нихъ доходы обращены въ общій составъ грузинскихъ доходовъ. Мѣра эта распространена и на всѣ имѣнія царевичей, бѣжавшихъ изъ Грузіи; царевнамъ же, оставленнымъ мужьями, повелѣно производить каждой по 1,200 р. Государственный совѣтъ, основываясь на такомъ повелѣніи и признавая существенно неудобнымъ, чтобы кто либо изъ царскаго дома оставался въ Грузіи, находилъ необходимымъ устроить такимъ образомъ ихъ участь, чтобы царевичи и царевны уничтожили разъ навсегда свои замыслы и знали, что они не возвратятся въ Грузію никогда. Для этого необходимо было укоренить, или, такъ сказать, привязать и сроднить ихъ съ интересами Россіи, что, по мнѣнію совѣта, достигалось пріобрѣтеніемъ имъ недвижимыхъ имѣній внутри государства. Сравнивая доходы съ удѣловъ царской фамиліи въ Грузіи съ тѣмъ содержаніемъ и пенсіонами, которые царицы, царевичи и царевны получали въ Россіи, оказалось, что Россія переплачиваетъ ежегодно собственныхъ денегъ 59,692 руб. Государственный совѣтъ полагалъ, что каждому изъ членовъ царскаго дома необходимо назначить имѣніе, «соразмѣрно не только количеству доходовъ, кои въ Грузіи они съ удѣловъ получали, но и настоящему положенію ихъ издержекъ, достоинству державы, коей они покорились, и, наконецъ, будущимъ ихъ выгодамъ и возможности основывать домы ихъ въ Россіи» [1]).

---

[1]) Протоколъ госуд. совѣта 22-го августа 1804 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. V, 239. Въ подробностяхъ совѣтъ полагалъ устроить судьбу царевичей слѣдующимъ образомъ: «1) Царевичу Давиду, яко ближнему къ праву бывшаго грузинскаго наслѣдства, купить и пожаловать въ собственность имѣніе въ 2,000 душъ. 2) Царевичамъ Вахтангу, Миріану, Іоанну и Баграту по 1,000 душъ каждому. 3) Пяти царевичамъ, дѣтямъ царицы Маріи, старшему Михаилу 1,000 душъ, а прочимъ по 600 душъ каждому. 4) Царицамъ: Дарьѣ, коей нынѣ производится на содержаніе 27,375 руб., опредѣлить вмѣсто того пенсіона до 30,000 руб.; Маріи оставить получаемое ею нынѣ содержаніе 13,790 руб. 5) Пребывающимъ въ Грузіи супругамъ царевичей Вахтанга, Давида, Іоанна и Теймураза производить изъ казны, независимо отъ доходовъ ихъ мужей, по 1,200 руб. на годъ. 6) Что принадлежитъ до царевичей, удалившихся за границу, то участь ихъ опредѣлится по возвращеніи ихъ. 7) Затѣмъ всѣ удѣлы царскаго дома въ Грузіи причислить въ казенное вѣдомство и доходы ихъ обращать на продовольствіе войска и прочіе предметы наравнѣ съ другими частями казенныхъ доходовъ.»

Въ виду послѣдняго предположенія, государственный совѣтъ положилъ объявить царевичамъ о невозможности имъ возвратиться въ Грузію, пожаловать имъ имѣнія въ Россіи и положить правиломъ, чтобы они устроили ихъ «прочнымъ образомъ», для чего и продолжить на пять лѣтъ получаемые царевичами пенсіоны, оставляемые имъ собственно для устройства вновь пожалованныхъ имѣній [1]). Императоръ Александръ утвердилъ мнѣніе государственнаго совѣта, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы царевичи сами себѣ купили имѣнія, какъ частныя лица, «поелику Государь не намѣренъ отъ своего имени жаловать ихъ деревнями» [2]).

Манифестомъ 12-го сентября 1801 года грузинское дворянство сравнено въ преимуществахъ съ русскимъ. Тогда же были составлены и высочайше утверждены правила для дворянскихъ выборовъ и обязанностей предводителей, на основаніи существовавшихъ русскихъ постановленій, съ весьма малыми измѣненіями, сообразными съ обычаями и духомъ народа [3]). Князь Циціановъ, долго вникая въ склонность народа и степень воспріимчивости имъ образа русскаго законодательства, убѣдился, что грузины, привыкшіе къ деспотической власти, нескоро оставятъ тѣ свойства, которыя раждаетъ въ характерѣ народа воля единоначальная и безграничная, необузданная ни справедливостью, ни добродѣтелями.

«Вникая въ нравы грузинскаго народа, писалъ князь Циціановъ [4]), усматриваю я изъ частныхъ опытовъ, что всякое образованное правленіе до времени останется въ Грузіи безъ дѣйствія. Природа, опредѣлившая азіятскіе народы къ неограниченной единоначальной власти, оставила здѣсь неизгладимую печать свою. Противъ необузданности и упорства, нужны способы сильные и

---

[1]) Положеніе госуд. совѣта 8-го октября 1804 г. Госуд. Арх. Указъ князю Циціанову 23-го сентября 1804 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. V, 241.

[2]) Изъ письма Трощинскаго гр. Кочубею 16-го сентября 1804 г. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. V, 231.

[3]) Подробныя правила эти см. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 187—190. Они утверждены указомъ кн. Циціанову 31-го марта 1803 г. Тамъ же, стр. 41. Тамъ же, на стр. 43, помѣщенъ и списокъ лицъ, первый разъ выбранныхъ на службу по выборамъ.

[4]) Императору Александру отъ 13-го февраля 1804 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II. № 65.

рѣшительные. Кротость россійскаго правленія почитаютъ они слабостью и разными пронырствами укрываясь отъ гоненія законовъ, хвастаютъ ненаказанностью порока. Колико препонъ въ судопроизводствѣ гражданскомъ! колико странныхъ распрей между князьями грузинскими и капитанъ-исправниками единственно отъ того, что они привыкли размѣрять важность начальства по важности лица, ими повелѣвающаго; что слово законъ не имѣетъ для нихъ никакого смысла и что они стыдятся повиноваться капитанъ-исправнику, родомъ и чиномъ незнатному.

«Для нихъ все ново, для насъ все странно; недостатокъ переводчиковъ усугубляетъ затрудненіе; судья и проситель не понимаютъ другъ друга и оба остаются недовольными.»

Главнокомандующій убѣдился, что къ обузданію народа грубаго мгновенный переходъ власти отъ мѣръ рѣшительныхъ и жестокихъ къ кроткимъ законамъ производилъ противное дѣйствіе, какое бы онъ имѣлъ на образованное государство. Судопроизводство со всею формальностью русскаго законоположенія и его медленностью было дико для грузинскаго народа, не вселяло къ себѣ никакой его довѣренности, и всѣ обитатели искали суда и расправы у одного только главноуправляющаго, т. е. у верховнаго лица, сообразно прежнему обычаю. Закоренѣлые предразсудки заставляли жителей со всѣхъ мѣстъ Грузіи стекаться въ Тифлисъ, и хотя главноуправляющій, резолюціею на прошеніи, отсылалъ просителя въ судъ, но тотъ, вовсе не являясь туда, вторично обращался къ главноуправляющему съ тою же просьбою и довольствовался его рѣшеніемъ, даже и тогда, если бы оно заключалось въ двухъ словахъ: правъ онъ или виновенъ?

Циціановъ, принявъ все это въ соображеніе, представилъ на утвержденіе Императора краткую записку о перемѣнахъ въ составѣ грузинскаго правительства, «за необходимо нужными мною почитаемыхъ, для доставленія жителямъ скорѣйшаго производства дѣлъ, отъемля отъ нихъ тѣ благотворныя препоны, которыя въ европейскомъ законоположеніи составляютъ цѣлость державъ и охраненіе собственности, а для нихъ представляются загадками, коихъ медленное разрѣшеніе выводитъ ихъ изъ терпѣнія и вмѣсто

благодарности производитъ единый ропотъ. Сколь ни справедливо и то уваженіе, что нужно когда либо сблизить нравы съ россійскими узаконеніями, но дабы совершенно успѣть въ семъ предположеніи, я думаю, что законы долженствуютъ изгибаться по нравамъ, ибо сіи послѣдніе едиными вѣками, а не насильственными способами преломляются.» Для возвышенія и приведенія въ уваженіе уѣзднаго начальства, князь Циціановъ предложилъ надъ властями уѣзда, остающимися при прежнихъ правахъ и обязанностяхъ, поставить главнаго начальника подъ названіемъ окружнаго, въ чинѣ 6-го или 7-го класса. Власть окружныхъ начальниковъ въ уѣздѣ должна была простираться на земскую и городскую полиціи, какъ равно и на судопроизводство уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ быть предсѣдателемъ. Уѣздныя мѣста должны выполнять безотлагательно всѣ предложенія окружнаго начальника, но имѣютъ право, въ случаѣ его противозаконныхъ дѣйствій, входить съ представленіями въ верховное правительство, къ правителю Грузіи или главноуправляющему. Также и коменданты городовъ, въ случаяхъ, требующихъ скораго разрѣшенія и особой важности, могутъ относиться прямо къ правителю Грузіи или главноуправляющему. Апелляціи на рѣшенія окружнаго правленія, по части уголовной и судной, поступаютъ въ экспедицію суда и расправы, по земской и городской полиціи, въ исполнительную, а по сборамъ доходовъ—въ казенную экспедиціи. Экспедиціи уголовная и гражданская, по представленію князя Циціанова, соединены въ одну, подъ названіемъ суда и расправы. Къ моуравамъ при иноплеменныхъ народахъ, вмѣсто помощниковъ, опредѣлено по одному переводчику. Вмѣсто полиціймейстеровъ или нацваловъ въ городахъ, назначаемыхъ по выбору дворянства, на основаніи штата о Грузіи, предоставлено главноуправляющему избирать ихъ по его благоусмотрѣнію. Для облегченія просителей, незнающихъ русскаго судопроизводства и часто ошибками и невѣдѣніемъ формъ теряющихъ свое право, дозволено подавать прошенія во всѣ присутственныя мѣста не по формѣ, а на своемъ природномъ языкѣ. Сборъ за гербовую или, вмѣсто ея, за простую бумагу отмѣненъ; наконецъ, судъ по формѣ, какъ слишкомъ затруднительный для обывателей

Грузіи, незнающихъ ни языка, ни законовъ русскихъ, подающій поводы къ злоупотребленіямъ, до времени также оставленъ [1]).

Далѣе князь Циціановъ во всеподданнѣйшемъ представленіи изъясняетъ: «предметъ предлагаемой мною перемѣны состоитъ въ томъ, чтобы стѣснить всѣ члены правленія и приблизить ихъ къ средоточію власти такимъ образомъ, что по наружности правленіе останется въ томъ же видѣ, а въ самомъ существѣ получитъ болѣе дѣятельности. Окружные начальники, имѣя надъ уѣздами своими, такъ сказать, власть полномощную, постепенно станутъ внушать дворянству и обывателямъ къ себѣ уваженіе, и когда дѣла потекутъ обыкновеннымъ порядкомъ, тогда удобно будетъ положить имъ извѣстные предѣлы, или вовсе ихъ уничтожить. А между тѣмъ, расширеніе власти, основанной на правосудіи, должно произвесть самыя благотворныя для грузинскаго народа дѣйствія, пріучая оный къ порядку и повиновенію и чтобъ невинный и преступникъ не укрывались отъ гнѣва сильныхъ чрезъ постыдныя коварства и подаянія. Хотя сіи частныя перемѣны отвратятъ нѣкоторые недостатки по правительству грузинскому, придавъ теченію дѣлъ надлежащую дѣятельность, толико съ нравами азіятскими сообразную, но утвержденіе оныхъ не достаточно будетъ удовлетворять въ полной мѣрѣ желаемой цѣли, доколѣ не распространится также и власть главноуправляющаго Грузіею, который, будучи обремененъ управленіемъ трехъ пограничныхъ губерній и нерѣдко воинскими движеніями, можетъ и долженъ дѣлать нужныя по всѣмъ частямъ распоряженія. Онъ никогда не успѣетъ въ отправленіи требуемаго обыкновеннымъ порядкомъ письмоводства; а тѣмъ паче въ Грузіи, гдѣ случай, обстоятельства и дѣла представляются въ новомъ видѣ и требуютъ неотлагательнаго рѣшенія.

«Вслѣдствіе чего, я полагаю мнѣніемъ моимъ увеличить власть главноуправляющаго Грузіею, на такомъ основаніи, чтобы, въ соотношеніи съ нимъ, всѣ присутственныя мѣста были на тѣхъ же правилахъ, на каковыхъ поставлена, высочайшимъ утвержденіемъ

---

[1]) Рескриптъ отъ 28-го января 1805 г. Акты Кавк. Арх. Комм., т. II, стр. 52, № 79.

о губерніяхъ, власть губернаторовъ относительно губернскаго правленія, т. е., всякое повелѣніе выполнять немедленно, а буде оное противно законамъ, то присутственное мѣсто о мнѣніи своемъ доноситъ министру внутреннихъ дѣлъ.»

Въ заключеніе князь Цицiановъ просилъ Государя о назначеніи въ окружные начальники людей, службою своею и безкорыстіемъ извѣстныхъ, «дабы расширеніе власти, въ пользу поспѣшнѣйшаго теченія дѣлъ, могло тѣмъ дѣйствительнѣе достигнуть предначертанной цѣли.»

Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 13-го мая 1805 года представленіе князя Цицiанова о реформѣ правительства грузинскаго утверждено, съ прибавленіемъ въ казенную экспедицію еще одного члена по экономической части [1]), и того, что сроки по судопроизводству остаются сообразно установленному порядку въ русскихъ законоположеніяхъ [2]).

По представленію же князя Цицiанова высочайше повелѣно: преступниковъ, приговоренныхъ сентенціями верховнаго грузинскаго правительства къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь, наказывать шпицрутенами и отсылать на грузинскіе рудные заводы [3]).

Еще въ началѣ 1803 года сдѣлано было высочайшее распоряженіе, чтобы чиновники, поступающіе на службу въ Грузію, были избираемы сколь можно лучшіе, съ поручительствомъ ихъ главныхъ начальниковъ въ хорошихъ способностяхъ и добромъ поведеніи. Въ случаѣ же, если они впослѣдствіи не оправдывали данныхъ имъ аттестатовъ, то высылались на прежнее мѣсто на счетъ аттестовавшихъ ихъ лицъ.

Для привлеченія хорошихъ чиновниковъ на службу въ Грузію и вознагражденія за жизнь, лишенную всѣхъ удобствъ, по ходатайству князя Цицiанова были дарованы служащимъ въ Грузіи слѣдующія преимущества: 1) при вступленіи въ службу награждать слѣдующимъ чиномъ; 2) получившіе чины должны по крайней

---

[1]) Чиновникъ этотъ предназначался собственно для личнаго обзора казенныхъ имѣній, надзора за ними и другихъ хозяйственныхъ распоряженій.

[2]) См. Полн. Собран. Законовъ.

[3]) Высоч. указъ князю Цицiанову 31-го марта 1803 года.

мѣрѣ прослужить одинъ годъ съ прибытія на мѣсто; 3) въ противномъ случаѣ остаются въ прежнемъ чинѣ; 4) кто прослужитъ четыре года и пожелаетъ выдти въ отставку, то, сверхъ узаконеннаго производства въ теченіе сего времени за отличіе и по выслугѣ, давать слѣдующій чинъ; 5) кто, прослужа четыре года остается на мѣстѣ, то считать время его будущей службы въ половину положеннаго къ производству; 6) указъ 1801 года о неопредѣленіи лицъ къ должностямъ выше или ниже одного чина на Грузію не распространялся. Всѣ сіи преимущества простирались только до чина статскаго совѣтника. Еще болѣе важное преобразованіе въ правительствѣ Грузіи произвелъ князь Циціановъ представленіемъ своимъ Государю отъ 28-го февраля 1805 года, которымъ всеподданнѣйше изъяснилъ, что до пріѣзда своего въ Грузію самъ ходатайствовалъ о соединеніи въ особѣ правителя Грузіи гражданской и военной власти, но теперь, временемъ и опытомъ убѣдившись, что устройство царства, введеніе новыхъ постановленій и судопроизводства, вмѣстѣ съ затруднительнымъ изученіемъ обычаевъ народа, привыкшаго повиноваться не закону, а власти одной особы, требуютъ неусыпнаго занятія гражданскими дѣлами безъ отвлеченія къ другимъ, онъ находилъ необходимымъ имѣть въ Грузіи особаго правителя по гражданской части.

Такимъ образомъ, князь Циціановъ старался постепенно исправлять управленіе краемъ, болѣе приноравливая его къ обстоятельствамъ, характеру и духу народа. Къ сожалѣнію, онъ, такъ хорошо знавшій духъ и характеръ азіятцевъ, не оставилъ мнѣнія о полной системѣ управленія, какое бы должно ввести между сими народами, подобно тому, какое изложилъ для управленія Кабардою. Кажется, основная мысль его въ этомъ случаѣ была та, чтобы оставлять владѣтелей при мнимомъ ихъ владѣніи, въ совершенномъ подданствѣ Россіи и на выгодныхъ для нея условіяхъ, избавляя тѣмъ Имперію отъ издержекъ, потребныхъ для введенія русскаго управленія. Этой системѣ онъ слѣдовалъ при всѣхъ присоединеніяхъ ханствъ и княжествъ, трактатами поступившихъ въ подданство Россіи [1]).

[1]) Эта система подала нашему правительству мысль спросить князя Циціанова, не признается ли возможнымъ устроить въ такомъ же родѣ правленіе и въ Гру-

Разсмотримъ основанія этой системы съ той точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ князь Циціановъ, глубоко изучившій свойства прежняго правленія, нравы и понятія туземцевъ. Онъ оставлялъ владѣтелей въ прежнемъ ихъ отношеніи къ подданнымъ, но самихъ подчинялъ присмотру начальниковъ русскихъ гарнизоновъ, находившихся въ каждомъ владѣніи, будто бы для защиты земли отъ сосѣдей.

Онъ старался внушить владѣтелямъ, что несоблюденіе условій трактатовъ неминуемо повлечетъ отрѣшеніе ихъ отъ управленія ханствами, и для того, чтобы они не могли отговариваться незнаніемъ русскихъ законовъ, сдѣлалъ изъ нихъ выписку о наказаніяхъ измѣнниковъ. Въ Грузіи же съ этою цѣлію было сдѣлано распоряженіе, чтобы священники въ своихъ церквахъ каждое воскресенье и праздникъ, а въ мечетяхъ ахуны и муллы при молитвахъ читали своимъ прихожанамъ уголовные законы, съ тѣмъ, чтобы никто изъ жителей невѣдѣніемъ ихъ не могъ отговариваться. Для лучшаго же ознакомленія народа съ русскими законами приказано было читать ихъ: моуравамъ—въ своихъ моуравствахъ, капитанъ-исправникамъ—въ деревняхъ и комендантамъ—въ городахъ. Отъ дворянъ и грамотныхъ отбирались подписки въ знаніи ими законовъ [1]).

Сдѣлавъ подобныя же выписки и для мусульманскихъ провинцій и приспособивъ ихъ слогъ къ понятію азіятцевъ, князь Циціановъ препроводилъ эти выписки къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, что если признаются въ цѣли своей полезными, то чтобы управляющій министерствомъ послалъ каждому изъ владѣтелей по одному экземпляру такихъ выписокъ.

Впослѣдствіи, по кончинѣ князя Циціанова, извлеченія эти были препровождены къ преемнику его графу Гудовичу, но оставлены имъ безъ употребленія.

Оставляя владѣтелямъ право производить судъ и расправу по обычаямъ страны, князь Циціановъ сдѣлалъ это потому, что русское правленіе не могло быть тотчасъ привито къ народу ди-

зіи. Что отвѣчалъ и отвѣчалъ ли что нибудь на это князь Циціановъ, намъ неизвѣстно.

[1]) Предпис. кн. Циціанова исполнительной экспедиціи 7-го января 1806 г.

кому, но должно быть вводимо съ благоразумiемъ постепенно, въ продолженiе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

«Сближенiе новопокоряющихся народовъ съ нравами россiйскими, писалъ онъ князю Чарторижскому [1]), не можетъ совершиться отъ позволенiя ежегодно возить дань въ С.-Петербургъ [2]), потому что нравы и обычаи такъ легко не прiобрѣтаются и не перемѣняются, и шестимѣсячное пребыванiе персiянина въ С.-Петербургѣ недостаточно перемѣнить въ немъ склонность къ неправильному стяжанiю имѣнiя; не можетъ поселить въ него любви къ ближнему и истребить въ немъ самолюбiя, коему онъ приноситъ въ жертву не токмо пользу общественную, или пользу ближняго, по нерѣдко и самую жизнь сего послѣдняго, буде онъ его слабѣе, ни о чемъ такъ не заботясь, какъ о собственной своей пользѣ и прибыткѣ. Разность вѣры много препятствуетъ магометанину подражать нашему обычаю и нраву; и будучи воспитанъ въ правилахъ своей вѣры, онъ прiучается отъ мягкихъ ногтей презирать все то, что идетъ отъ христiанъ, почитая насъ врагами своей религiи, а у врага непросвѣщенный человѣкъ никогда перенимать не станетъ. Если же татары края сего влекомы больше собственными побужденiями къ намъ, нежели къ персидскимъ владѣльцамъ, то не отъ чего инаго, какъ отъ того, что собственность ихъ и личность обезпечена, глаза его, носъ и уши могутъ оставаться до смерти его при немъ.

«Къ тому же и силу россiйскихъ войскъ видѣли, и сiе послѣднее есть та единственная пружина, которою можно какъ содержать ихъ въ должныхъ границахъ благопристойности и благоустройства, такъ и быть увѣрену, что здѣшнiй житель ищетъ и искать всегда будетъ сильнаго себѣ въ покровители. Доказательствомъ сему послужитъ слѣдующее: когда предмѣстникъ мой, прiѣхавъ въ городъ Сигнахъ, послалъ къ бѣлоканцамъ съ предложенiемъ, чтобы они намъ покорились, тогда они отвѣчали: по-

---

[1]) Отъ 26-го сентября 1805 г.

[2]) Петербургскiй кабинетъ полагалъ необходимымъ для бо́льшаго къ себѣ расположенiя и сближенiя съ ханами дозволить посланнымъ ихъ привозить дань въ С.-Петербургъ. Отношенiе Чарторижскаго князю Цицiанову 11-го iюля 1805 г.

кажи намъ свою силу, тогда и покоримся. Отвѣтъ извѣстный во всей Грузіи.

«Въ азіятцѣ ничто такъ не дѣйствуетъ, какъ страхъ, яко естественное послѣдствіе силы. Итакъ, по мнѣнію моему, ожидая при помощи Божіей перемѣны нравовъ и обычаевъ азіятскихъ, съ перемѣною цѣлыхъ и нѣсколькихъ поколѣній, хоть на 30 лѣтъ, страхъ, строгость, справедливость и безкорыстіе должны быть свойствами или правилами здѣшняго народоправленія. Въ теченіе сего времени стараться вводить кротчайшіе нравы и любовь къ ближнему, а потому и къ общему благу, но не иными какими способами, какъ щедрыми наградами тѣхъ, кои что нибудь сдѣлаютъ къ общей пользѣ. Чиновники магометанской религіи, какъ ни жадны къ деньгамъ, но и честолюбивы, а потому ихъ можно награждать серебрянымъ или золотымъ перомъ въ шапку съ надписью по приличію: важныя же ихъ услуги награждать можно освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, но первоначально надлежитъ обвѣстить съ позволенія хана и черезъ него тѣ статьи, кои правленіе желаетъ ввести въ большое употребленіе; напримѣръ, кто сколько сдѣлаетъ шелку или сниметъ пшеницы, тому назначить оное награжденіе.»

Оставляя владѣнія, вступавшія въ зависимость Россіи, въ положеніи, мало различествовавшемъ отъ прежнихъ ихъ учрежденій, князь Иниціановъ дѣйствительно устранялъ отъ Имперіи не только огромныя издержки на содержаніе своего правленія, но и отклонялъ тѣ важныя неудобства, которыя должны были родиться отъ недостатка чиновниковъ, обоюднаго незнанія языковъ, неимѣнія переводчиковъ, а всего болѣе отъ примѣненія образованной администраціи къ духу и характеру дикаго азіятскаго народа.

Дани, наложенныя на владѣнія, не могли бы покрыть издержекъ, сопряженныхъ съ учрежденіемъ въ нихъ русскаго правленія. Онѣ и налагались не съ цѣлію имѣть изъ того выгоды, но для выраженія тѣмъ, по азіятскому обычаю, знака зависимости. Выгоды пріобрѣтались изъ другихъ послѣдствій подданства. Кромѣ цѣлей военной и политической, расширять предѣлы, опирая ихъ на безопасныя естественныя границы: Кавказскій хребетъ, моря Черное и Каспійское и рѣки Куру и Араксъ, еще представля-

лись виды торговые, съ учрежденіемъ между портами двухъ морей, совершенно безопаснаго сообщенія караванами.

Относительно даней Императоръ Александръ выразилъ свое желаніе, чтобы онѣ налагались единственно въ залогъ подданства и убѣдили край, что Россія не нуждается въ нихъ, какъ источникахъ своего обогащенія, а налагаетъ ихъ единственно для того, чтобы употребить на пользу самихъ жителей. Петербургскій кабинетъ находилъ необходимымъ, за удовлетвореніемъ хановъ и владѣльцевъ жалованьемъ, остальные доходы употреблять на нужды тѣхъ жителей, съ которыхъ они собирались. Преслѣдуя ту единственную цѣль, по которой всѣ вновь пріобрѣтенныя, разнохарактерныя владѣнія должны составить одно неразрывное цѣлое съ Русскою Имперіею, министерство желало, чтобы доходы были обращены на устройство такихъ заведеній, польза отъ которыхъ могла бы распространяться не только въ одномъ мѣстѣ, но и на окрестности; чтобы она могла быть ощутительна для всего края, какъ, напримѣръ, устройство дорогъ, дающихъ средство къ свободному сообщенію между разными ханствами и владѣніями [1]).

Имѣя въ виду разнообразіе промышленности и источниковъ доходовъ и не желая обременять покореннаго населенія, наше правительство предполагало собирать съ жителей подать деньгами, издѣліями или естественными произведеніями, сообразно тому, чѣмъ богата каждая провинція и какими произведеніями она наиболѣе славилась [2]). Съ Карабага, напримѣръ, брали дань лошадьми, а съ Шеки шелкомъ. «Нѣтъ въ Азіи владѣльца, писалъ князь Циціановъ, который бы мыслилъ, что Россійская Имперія имѣетъ при взиманіи дани въ виду столь малые способы для приращенія своихъ доходовъ и тѣмъ паче, что вообще и единогласно всѣ обитатели края сего, не переставая дивиться богатству Россіи, говорятъ, что русскіе въ Грузію золото возятъ арбами и вьюками, а

---

[1]) Рескриптъ князю Циціанову 13-го февраля 1806 года. Отношеніе князя Чарторижскаго князю Циціанову 14-го февраля 1806 года. Акты Кавк. Археогр. Комм., т. II, стр. 63, № 108.

[2]) Отношеніе кн. Чарторижскаго кн. Циціанову 11-го іюля 1805 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

потому на счетъ сего съ ихъ стороны заключенія, они, видя повсюду изобиліе и щедрость, никогда и помыслить того не могутъ.»

Въ отношеніи количества взиманія дани издѣліями или естественными произведеніями, главноуправляющій сдѣлалъ замѣчаніе: что по быстрой измѣнчивости благосостоянія персидскихъ ханствъ, невозможно принимать положенія ихъ въ прежніе года за основаніе къ опредѣленію богатства настоящаго времени. Послѣ смерти шаха Надира, преемники его воцарились на самое короткое время, потому что богатство каждаго хана, давая ему возможность содержать болѣе или менѣе войска, давало тѣмъ поверхность надъ другими, и шахское достоинство переходило изъ рукъ въ руки, всегда къ сильнѣйшему.

Россія не могла отдѣлять большаго числа войскъ для постояннаго огражденія Кавказской линіи, и потому выгоды ея требовали поддерживать безпрестанныя домогательства хановъ шахскаго достоинства и такимъ образомъ не давать усиливаться одному лицу, могущему сдѣлаться опаснымъ для русскихъ границъ, слабо защищенныхъ съ той стороны. Этой системой Россія руководствовалась въ дѣлахъ Персіи до императрицы Екатерины Великой. По причинѣ безпрерывныхъ смутъ и войнъ, ханства не остаются въ одинаковомъ положеніи относительно своего богатства, издѣлій и естественныхъ произведеній, уменьшающихся часто отъ угона непріятелемъ большей части народонаселенія, часто отъ опустошенія цѣлаго края. Такъ, напримѣръ, богатство Карабага составляла нѣкогда отличная порода лошадей, славившихся во всемъ свѣтѣ, и исчезнувшая вмѣстѣ съ губительнымъ нашествіемъ на Карабагъ Аги-Магометъ-хана. Шекинское ханство хотя и тогда обильно было шелкомъ и можно бы, вмѣсто денегъ, обложить его этимъ продуктомъ, но въ исполненіи этого возникло другое затрудненіе: «Кто можетъ исчислить, говоритъ князь Циціановъ, персидскіе обманы, безстыдство, коварство и самую измѣну, съ груднымъ молокомъ въ хановъ здѣшнихъ вливаемые! Требуя шелкомъ приношеніе отъ Селимъ-хана, можно навѣрное ежегодно ожидать и слышать отъ него предлогами невзноса онаго неурожай, дождливое лѣто, вредное для червей, стужу, повредившую тутовыя де-

ревья и прочее. Какое же изъ сего обмана истекаетъ затруднительное послѣдствіе? Съ одной стороны, изслѣдованіе и изобличеніе хана, несовмѣстное съ достоинствомъ Имперіи; наказаніе же хотя выговоромъ еще меньше прилично; съ другой, онъ въ обманѣ укореняется и кичится персидскою хитростію; они симъ называютъ обманъ, почитая, что могутъ всегда обмануть европейца этою неизученною хитростью персидской. Почему я мнѣніемъ полагаю, что устраненіе всякаго повода, къ обману служить могущаго, есть самое полезнѣйшее дѣло и съ правилами проницательности нашего министерства согласное. Джарская провинція обложена естественнымъ той земли произведеніемъ и издѣліемъ, т. е. шелкомъ; не смотря на сіе, по году въ недоимкѣ бываетъ и не платитъ иначе, какъ посредствомъ понужденія штыками. Я же, потерявъ генерала Гулякова, смѣю сказать, что не имѣю на кого бы могъ съ такою увѣренностію положиться въ дѣлѣ понужденія. Симъ же лѣтомъ я отвлеченъ Баба-ханомъ, а зимою необходимымъ образованіемъ Грузіи, бѣденъ будучи въ гражданскихъ помощникахъ. Относительно же количества налога, всѣмъ извѣстно здѣсь, что и они сами (джарцы) ту дань не иначе считаютъ, какъ залогомъ только подданства, хотя всегда отговариваются невозможностію платить ее по бѣдности. Убавить же налога не можно потому, что я, зная умоначертаніе сего народа, могу удостовѣрить въ томъ, что они отъ убавки никогда единаго фунта платить не будутъ и выйдутъ совсѣмъ изъ повиновенія и послушанія.»

Таковы были мысли князя Циціанова о русскомъ правленіи закавказскими владѣніями; таково было его мнѣніе о духѣ и характерѣ народовъ, ихъ населяющихъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМЯНУТЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.